

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

СБОРНИКЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. П. БЕЗОБРАЗОВА

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ СОДѢЙСТВІИ

ПРОФЕССОРОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: И. Е. АНДРЕЕВСКАГО (по полицейской наукѣ), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА (по международному праву), Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА Г. А. ЛЕЕРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ѳ. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

Томъ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1877.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 лин., № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Критика и библіографія.

Русская литература.

Иностранная литература.

Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за 1875 г.).

Послѣ нѣкотораго перерыва (въ теченіи всего 1876 г.) изданіе наше снова продолжается, согласно программѣ, положенной въ основаніе двухъ первыхъ томовъ (вышедшихъ въ 1874 г. и въ 1875 г.) и на основаніяхъ, болѣе упроченныхъ. Опытъ двухъ первыхъ томовъ Сборника Государственныхъ Знаній убѣдилъ, что при сохраненіи за нимъ того строго научнаго характера, который составляетъ сущность его задачи и уже успѣлъ пріобрѣсти къ нему сочувствіе въ просвѣщенныхъ кругахъ нашего общества, онъ не можетъ быть подчиненъ обыкновеннымъ промышленнымъ условіямъ литературныхъ и книгопродавческихъ предпріятій, которыя разсчитаны на удовлетвореніе потребностей и вкусовъ многочисленной публики и потому на обширный сбытъ. Изданіе Сборника неизбѣжно требуетъ матерьяльныхъ жертвъ, какъ со стороны своихъ издателей, такъ и сотрудниковъ. Такія жертвы, по своей значительности, недоступны для средствъ одного лица, по крайней мѣрѣ въ той нашей общественной средѣ, которая преимущественно призвана къ дѣятельному участію въ этомъ изданіи и сознательно сочувствуетъ его задачѣ; сверхъ того, эта задача, чуждая не только вліянію личныхъ интересовъ, но и всякимъ предвзятымъ политическимъ тенденціямъ, требуетъ для подобнаго изданія безусловно независимаго положенія въ обществѣ, — такого поло-

женія, которое было бы свободно отъ всякаго личнаго покровительства съ какой бы то ни было стороны. Поэтому необходимы были соединенныя усилія и жертвы многихъ образованныхъ людей, желающихъ, внѣ всякихъ политическихъ партій и всякихъ временныхъ настроеній публики, содѣйствовать успѣхамъ государственной науки и зрѣлаго политическаго воспитанія въ нашемъ отечествѣ. Съ этими мыслями составилась частная издательская компанія, обезпечивающая Сборникъ противъ связанныхъ съ нимъ рисковъ и убытковъ, на нѣсколько лѣтъ впередъ, до тѣхъ поръ, пока, съ расширеніемъ круга его читателей, онъ будетъ покрывать всѣ денежные расходы изданія одною выручкою отъ распродажи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти расходы могли быть сокращены, сравнительно съ нашими періодическими изданіями, вслѣдствіе самоотверженной готовности, заявившей себя во всѣхъ нашихъ ученыхъ кругахъ, и столичныхъ и провинціальныхъ, преимущественно университетскихъ, участвовать въ Сборникѣ при весьма умѣренномъ вознагражденіи за литературный трудъ. Объ этой помощи, со стороны нашихъ лучшихъ умственныхъ силъ, достиженію общеполезной цѣли, мы обязаны здѣсь свидѣтельствовать и выразить за нее нашу глубокую благодарность.

Послѣ того, какъ изданіе Сборника правильно организовалось, онъ будетъ выходить ежегодно въ двухъ томахъ, какъ первоначально было предположено. Нынѣшній III томъ долженъ былъ выйти въ декабрѣ 1876 г. и былъ отложенъ до января вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ. Поэтому и IV томъ, предполагавшійся къ изданію въ январѣ, выйдетъ только въ мартѣ 1877 г. Затѣмъ

изданіе Сборника войдетъ въ свою норму: V томъ будетъ выпущенъ въ концѣ этого года, а VI—въ началѣ 1878 г.

По множеству причинъ, внѣшнія политическія обстоятельства не могли не отозваться своимъ общимъ гнетомъ и на нашемъ изданіи. Сборникъ Государственныхъ Знаній не долженъ оставаться чуждъ современнымъ событіямъ, которыя затрогиваютъ самыя священныя историческія преданія и вѣрованія нашего народа, но онъ также и не можетъ обсуждать эти событія, подъ дѣйствіемъ тѣхъ политическихъ страстей, чувствъ и предубѣжденій всякаго рода, какими наполняется жизнь самаго образованнаго общества въ тревожныя политическія эпохи. Необходимо было выждать болѣе спокойнаго времени для безпристрастнаго изслѣдованія вопросовъ, поставленныхъ событіями 1876 г. Поэтому нѣкоторые труды, приготовленные для настоящаго тома, отложены до слѣдующаго, а другіе не могутъ быть изданы до тѣхъ поръ, пока международная политическая атмосфера не придетъ въ совершенно нормальное, мирное состояніе. Самые простые и общеизвѣстные факты государственной жизни и самыя здравомысленныя объ нихъ сужденія получаютъ, посреди бурныхъ теченій этой атмосферы, ложное освѣщеніе и даютъ поводъ къ политическимъ недоразумѣніямъ, которыхъ и безъ того слишкомъ достаточно накопилось около насъ, въ настоящую минуту.

Тѣмъ не менѣе всѣ труды, входящіе въ составъ этого тома, близко соприкасаются съ насущными государственными интересами Россіи, и внутренними и внѣшними. Нѣкоторые изъ нихъ (какъ напр. статьи А. Д. Градовскаго и М. И. Венюкова) весьма даже близко подходятъ

къ политическимъ международнымъ отношеніямъ, занимающимъ теперь собою общественное мнѣніе и Россіи и всего свѣта. Другіе труды (какъ статья Ѳ. Г. Тернера) посвящены такимъ настоятельнымъ нуждамъ нашего государственнаго быта, которыя не умолкаютъ ни въ какое время, — ни даже въ самый разгаръ войны. Наконецъ въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ (какъ В. И. Герье и Б. Н. Чичерина), не имѣющихъ прямаго отношенія къ современнымъ практическимъ интересамъ Россіи, разсматриваются общія начала исторіи и теоріи государственнаго права, которыя не могутъ оставаться въ сторонѣ отъ исторической жизни и политическаго самосознанія никакой европейской націи, а потому и нашей. Вообще великое европейское государство не можетъ ни въ какую историческую эпоху, хотя бы даже и несравненно болѣе критическую, чѣмъ нынѣшняя, пріостановить движенія своей внутренней жизни, и покинуть, хотя бы на одну минуту, своей непрерывной дѣятельности къ улучшенію своего государственнаго и народнаго быта; а для успѣховъ этой дѣятельности необходима неутомимая работа науки, трудящейся надъ развитіемъ не только патріотическихъ, но также и *сознательныхъ* умственныхъ отношеній какъ государственныхъ дѣятелей, такъ и всего общества къ государственному дѣлу. Для этихъ сознательныхъ отношеній къ практическимъ интересамъ текущаго дня нужна выработка общихъ государственныхъ *понятій*, которыя не должны казаться отвлеченными и далекими отъ этихъ интересовъ просвѣщеннымъ людямъ нашего отечества.

С.-Петербургъ. 1 февраля 1877 г.

СВОБОДА СОВѢСТИ

И

ОТНОШЕНІЯ ГОСУДАРСТВА КЪ ЦЕРКВИ.

Ѳ. Г. ТЕРНЕРА.

> Единственный мечъ, которымъ церковь можетъ пользоваться, который и врагами ея можетъ быть съ нѣкоторымъ успѣхомъ противъ нея обращаемъ, есть слово.
>
> *А. С. Хомяковъ.*

Необходимость уваженія къ свободѣ религіозныхъ убѣжденій — считается обыкновенно положеніемъ не требующимъ доказательствъ; развивать эту мысль, приводить доводы въ пользу вѣротерпимости, представляется какъ бы совершенно излишнимъ повтореніемъ общихъ мѣстъ и всѣмъ извѣстныхъ понятій. Какъ скоро, однако, вопросъ переходитъ съ чисто отвлеченной на практическую почву, какъ скоро рѣчь заходитъ о формальномъ признаніи этого начала и объ исключеніи изъ уголовнаго свода, наказаній, являющихся несовмѣстимыми съ признаніемъ этого начала, такъ положеніе вопроса совершенно измѣняется и рѣшеніе его склоняется къ невозможности или несвоевременности осуществленія въ нашей жизни логически общепринятаго начала.

Обращаясь къ коренному источнику всякаго христіанскаго ученія, къ подлиннымъ словамъ Спасителя, въ томъ видѣ, какъ они переданы намъ евангеліемъ, мы находимъ въ нихъ столь полное, столь безусловное разрѣшеніе вопроса о вѣротерпимости, въ смыслѣ

порицанія всякаго рода вторженія внѣшней карательной власти въ духовную сферу и въ смыслѣ невозможности сліянія гражданской и духовной властей въ однѣхъ рукахъ, что казалось бы даже немыслимо возбуждать какое либо сомнѣніе въ этомъ отношеніи. „Царство Мое не отъ міра сего.... отдайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу... Кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?...“ Цѣлый рядъ этихъ и другихъ изреченій казалось бы окончательно разрѣшаютъ весь вопросъ. „Евангеліе“, говоритъ протоіерей А. Ключаревъ [1]), „которому собственно и принадлежитъ ученіе о вѣротерпимости, предписываетъ христіанамъ одинъ способъ дѣйствованія по отношенію къ людямъ, принадлежащимъ къ ложнымъ религіямъ или неправымъ христіанскимъ исповѣданіямъ: долготерпѣніе, любовное обращеніе, убѣжденіе, просвѣщеніе....“

Съ другой, чисто логической точки зрѣнія не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что внутреннія, духовныя, религіозныя убѣжденія не могутъ быть вызваны или измѣнены въ людяхъ мѣрами внѣшняго насилія и что всякое внѣшнее исполненіе религіозныхъ обрядовъ, противныхъ внутреннимъ, духовнымъ убѣжденіямъ человѣка, является лицемѣрною ложью и поэтому нравственнымъ зломъ.

Намъ говорятъ, однако, что лице, уклоняющееся отъ истиннаго ученія, является не только въ качествѣ индивидуальнаго представителя ошибочнаго мнѣнія, оно является кромѣ того въ качествѣ заражающаго элемента въ обществѣ, могущаго соблазнить другихъ слабыхъ членовъ общества; поэтому, допуская даже, что ошибающагося, еретика, сердце котораго огрубѣло (или, другими словами, убѣжденія котораго твердо укоренились) — невозможно обратить на путь истины никакими внѣшними понудительными и карательными мѣрами, необходимо, въ видахъ общаго интереса, сдѣлать такое лице безвреднымъ и, если нужно, даже уничтожить его—прибѣгая для этой цѣли къ внѣшнимъ мѣрамъ преслѣдованія. Нельзя не сознаться, что этотъ методъ аргументаціи, принятый со всѣми своими послѣдствіями католическою церковію, — представляется логически послѣдовательнымъ. Недостатки латинскаго ученія никакъ не заключаются въ недостаткѣ послѣдовательной аргументаціи, а скорѣе въ одностороннемъ преобладаніи логики. Но нужно ли доказывать, что подобный образъ воззрѣнія при своей

---

[1]) Слово, сказанное 22-го февраля 1876 года въ Моск. Успенск. соборѣ.

внѣшней, формальной логичности не согласенъ ни съ духомъ евангелія, ни съ внутренними убѣжденіями человѣческаго разумѣнія?

Книжники и фарисеи не только пребывали лично въ заблужденіи, но и заражали вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ нравственнымъ невѣжествомъ народъ, противудѣйствуя распространенію въ средѣ его живительнаго ученія христіанской истины; между тѣмъ въ евангеліи нигдѣ не видно, чтобы Іисусъ Христосъ принималъ или разрѣшалъ другимъ принимать мѣры понужденія противъ этихъ закоренѣлыхъ представителей іудейскаго формализма, хотя бы только въ видахъ уничтоженія ихъ вреднаго противудѣйствія распространенію христіанскаго ученія. Очевидно, что начало, допускающее внѣшнее насильственное уничтоженіе духовныхъ препятствій, возникающихъ на пути человѣческаго прогресса, привело бы неизбѣжно къ уничтоженію главнаго условія этого прогресса, а именно свободы и самодѣятельности человѣческаго духа. Слѣдуетъ ли тушить огонь на землѣ и гасить живительный лучь свѣта — для предупрежденія могущихъ быть мѣстныхъ пожаровъ? Если люди созданы Богомъ не въ видѣ безъотвѣтственныхъ нравственныхъ механизмовъ, а въ видѣ самоопредѣляющихся существъ — то возможно предположить, что нравственное совершенство недостижимо внѣ области свободнаго самоопредѣленія.

Необходимо тутъ же указать, для устраненія недоразумѣній, на частое смѣшеніе понятія свободы совѣсти съ понятіемъ необязательности, для членовъ церкви, ученія, преподаваемаго ею.

Очевидно невозможно ставить объективную непреложность основныхъ догматическихъ истинъ, вложенныхъ въ церковь, въ зависимость отъ признанія ихъ со стороны ума и совѣсти отдѣльныхъ личностей. Эти истины, какъ результатъ откровенія, [1]) не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ дѣла умственной аргументаціи и отъ побужденій совѣсти отдѣльныхъ людей; допускать послѣднее значило бы не только уничтожать церковь, но уничтожать христіанство, низводить христіанское ученіе на степень философіи, лишать

---

[1]) Авторъ очевидно относитъ все это разсужденіе къ религіи *откровенной*, не касаясь иныхъ вѣроисповѣданій и вѣроученій, изъ которыхъ многія также служатъ основаніемъ для церковныхъ и имъ подобныхъ общественныхъ союзовъ. Само собою разумѣется, что *безусловная* личная свобода вѣроученія, предоставленная каждому члену такого союза, исключала бы самое существо (и юридическое и нравственное) такого союза; но большая или меньшая *степень* личной свободы въ пониманіи и толкованіи догматовъ совмѣстима со многими изъ этихъ вѣроисповѣданій и союзовъ (какъ мы это и видимъ во многихъ протестантскихъ церквахъ). *Ред.*

это ученіе характера вѣчной, непреложной, божественной истины. Вся дѣятельность вѣрующаго ума, въ этой области, можетъ быть направлена только къ разъясненію этихъ истинъ и къ согласованію съ ними человѣческихъ воззрѣній.

Но если даже истина вѣры непреложна съ объективной точки зрѣнія, то съ субъективной точки каждаго отдѣльнаго человѣка свобода совѣсти и убѣжденія вступаетъ и тутъ въ свои права. Для того чтобы вѣровать, человѣкъ долженъ ознакомиться прежде всего съ предметомъ вѣры, т. е. постичь умомъ и сердцемъ какъ содержаніе ученія вѣры, такъ и превосходство его надъ всѣми другими ученіями. Затѣмъ, если говорятъ о подчиненіи ума и сердца человѣка ученію церкви, какъ объ отрицаніи личной свободы убѣжденій, то и это едва-ли справедливо. Если человѣкъ по убѣжденію и совѣсти не согласенъ съ общимъ ученіемъ церкви, то онъ не можетъ въ него вѣровать и выдѣлится изъ церкви; если же при личномъ разномысліи относительно какихъ либо отдѣльныхъ пунктовъ онъ согласится подчинить результаты собственной аргументаціи авторитету церкви изъ любви-ли и уваженія къ церкви или подъ вліяніемъ соображенія, что то, чему учило христіанство всѣхъ временъ, вѣроятно правильнѣе и ближе къ истинѣ, чѣмъ то, что одному человѣку лично представляется болѣе вѣроятною истиною въ данномъ вопросѣ, то такое вольное подчиненіе не только не будетъ жертвою совѣсти, но напротивъ того именно дѣломъ свободы совѣсти.

И такъ если христіанская истина объективно и не обусловливается совѣстію и убѣжденіемъ каждаго отдѣльнаго человѣка, то субъективно актъ принятія ея на вѣру каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ всегда будетъ обусловленъ свободою убѣжденія и совѣсти, при вліяніи на нихъ божественной благодати. „Никто не можетъ придти ко Мнѣ, если не дано будетъ ему отъ Отца Моего“.

Изъ всего предшествующаго оказывается несомнѣнно, что начало внѣшняго насилія осуждается какъ евангеліемъ, такъ и человѣческой логикой; тѣмъ не менѣе, это начало постоянно проявлялось въ жизни христіанскихъ обществъ, и не только продолжаетъ проявляться до настоящаго времени, но возведено даже значительною частію христіанскаго міра, т. е. римскимъ католицизмомъ, на степень догматической истины!

Прежде чѣмъ приступить къ опредѣленію внутреннихъ, психическихъ причинъ, обусловливающихъ столь анормальное явленіе, постараемся указать въ краткомъ очеркѣ: какимъ образомъ на-

чало вмѣшательства гражданской власти въ дѣла церковныя и соединеннаго съ нимъ насилія въ духовныхъ вопросахъ проникло въ христіанскую жизнь и постепенно укоренялось и развивалось въ ней.

I.

Государственное вмѣшательство и внѣшнее понужденіе начинаютъ вторгаться въ христіанское общество вскорѣ послѣ признанія христіанской религіи римскимъ государствомъ.

Въ началѣ это признаніе произошло на основаніи полной вѣротерпимости. Въ 312 году императоръ Константинъ вмѣстѣ съ соправителемъ Ликиніемъ издали „едиктъ", въ которомъ постановлялось, „что каждый свободенъ исповѣдовать начала той религіи, которую онъ признаетъ за истинную".— Высказываясь открыто въ пользу христіанства и называя въ публичныхъ документахъ язычество—суевѣріемъ, императоръ Константинъ никогда однако не прибѣгалъ къ понудительнымъ мѣрамъ для обращенія язычниковъ въ христіанство, хотя и принималъ нѣкоторыя мѣры стѣсненія относительно обрядовъ языческаго культа; такъ напр. онъ воспретилъ публичныя жертвоприношенія языческимъ богамъ. Но, соблюдая вѣротерпимость относительно отдѣльныхъ религій, онъ прямо отступаетъ уже отъ этого начала по отношенію къ христіанскимъ сектаторамъ. Увлеченный своею ревностію къ сохраненію единенія въ церкви, онъ рѣшился на принятіе разныхъ карательныхъ мѣръ, противъ лицъ нарушавшихъ это единеніе, т. е. противъ послѣдователей ереси Арія. [1]) При преемникѣ его Констанціи начало вѣротерпимости впадаетъ въ совершенное забвеніе. Точно также, какъ прежде христіанство подвергалось гоненіямъ, теперь воздвигаются гоненія на язычество. Констанцій предписалъ закрытіе всѣхъ языческихъ храмовъ, съ запрещеніемъ кому либо входить въ нихъ; виновные въ нарушеніи закона, воспрещавшаго жертвоприношенія, должны были подвергаться смертной казни и конфискаціи имущества. Далѣе, подъ угрозой смертной казни,

---

[1]) Какъ велика была опасность, которая угрожала въ будущемъ церкви отъ подобнаго вмѣшательства государства въ духовныя дѣла и догматическіе вопросы, оказалось нѣсколько времени спустя, когда то-же императорское правительство высказалось въ пользу Арія и обратило преслѣдованіе на истинную церковь.

было воспрещено почитаніе языческихъ изображеній. Кромѣ того, множество языческихъ храмовъ было разрушено, накопленныя въ нихъ сокровища были переданы частію въ христіанскія церкви, а частію розданы приближеннымъ и придворнымъ императора. Всѣ эти мѣры насилія встрѣчали полное одобреніе въ значительной части тогдашняго христіанскаго общества. Пока принадлежность къ христіанской вѣрѣ, не предоставляя никакихъ вещественныхъ преимуществъ, вызывала только гоненія и обѣщала одни страданія, присоединеніе къ христіанству могло происходить только на основаніи внутренняго, духовнаго убѣжденія людей; но съ тѣхъ поръ, какъ христіанство сдѣлалось господствующею религіей въ имперіи и когда переходъ въ христіанство сдѣлался путемъ къ почестямъ и достиженію богатства, [1]) съ тѣхъ поръ къ христіанству многія стали присоединяться изъ-за менѣе чистыхъ побужденій и тѣмъ самымъ какъ бы переносить заразу языческихъ понятій въ среду христіанства. Понятіе о тѣсной связи государства съ національною религіей и съ національными богами и о необходимости огражденія государственной религіи внѣшними карательными мѣрами было господствующимъ понятіемъ во всѣхъ языческихъ государствахъ. Можно ли послѣ того удивляться, что когда настало время перехода язычниковъ въ христіанство массами, вмѣстѣ съ ними должно было проникнуть въ христіанскую среду сѣмя этого языческаго понятія (о правѣ гоненія на иновѣрныхъ).

Въ средѣ христіанства возвышались однако отдѣльные голоса, которые смѣло и открыто порицали подобный образъ дѣйствія правительства, объясняя, что стремленіе содѣйствовать развитію христіанства внѣшними мѣрами приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы христіанству, и отстаивая тѣ чистыя начала свободы совѣсти и свободы вѣроисповѣданій, которыя во времена прежнихъ языческихъ императоровъ были высказаны представителями христіанства. Такъ напр. Иларій обращался къ императору Констанцію съ слѣдующими словами: „златомъ государства обременяете вы Святыню Божію и то, что извлечено изъ языческихъ храмовъ или добыто посредствомъ конфискаціи и собрано путемъ

---

[1]) Августинъ замѣчаетъ по поводу 26 ст. VI гл. Ев. отъ Іоанна: «сколько такихъ, которые ищутъ Іисуса только для того, чтобы получить отъ Него мірскія блага. У одного процесъ и онъ ищетъ заступничества священника, другой притѣсняется сильнымъ и ищетъ защиты у церкви.... Какъ рѣдко ищутъ Іисуса изъ-за самаго Іисуса.»

наказаній, вы навязываете Богу" (c. Constant. imperator. lib. c. 10). Тотъ-же Иларій писалъ: „миръ въ церкви нельзя возстановить иначе, какъ дарованіемъ всѣмъ возможности жить по своему убѣжденію безъ всякаго рабскаго понужденія. Еслибы понужденіе было производимо даже въ пользу истинной вѣры, то епископы возразили бы вамъ: Богъ Владыко міра, Онъ не нуждается въ вынужденномъ послушаніи; Онъ не требуетъ вынужденнаго исповѣданія; Онъ хочетъ не лицемѣрія, а истиннаго почитанія." [1]) Св. Аѳанасій по поводу гоненій, воздвигаемыхъ противъ послѣдователей истиннаго христіанскаго ученія, пишетъ: „Это служитъ доказательствомъ, что они сами не увѣрены въ своей вѣрѣ, — когда они употребляютъ насиліе и понуждаютъ людей противъ ихъ воли. Такимъ образомъ сатана, потому что въ немъ нѣтъ истины, вторгается съ сѣкирой и мечемъ туда, куда его впускаютъ. Спаситель же кротокъ; Онъ спрашиваетъ въ своемъ ученіи: „кто хочетъ послѣдовать за Мною, кто хочетъ быть Моимъ ученикомъ?", но Онъ не понуждаетъ никого изъ тѣхъ, къ которымъ Онъ обращается. Онъ ударяетъ только во дверь, глаголя душѣ: „отверзи ми, ближняя моя," (Пѣснь Пѣсней 5, 2) и если Ему отворятъ, то Онъ входитъ. Гдѣ же Его не впускаютъ, отъ тѣхъ Онъ отвращается, ибо истина превозглашается не мечомъ, не копьемъ, не силою войска, но путемъ убѣжденія и назиданія, а можетъ ли быть рѣчь объ убѣжденіи тамъ, гдѣ дѣйствуетъ страхъ предъ Кесаремъ? Можетъ ли быть рѣчь о назиданіи тамъ, гдѣ возражающій долженъ ожидать изгнанія и смерти?... Истинное благочестіе не понуждаетъ, а убѣждаетъ, ибо Господь никого не понуждалъ, но предоставлялъ выборъ свободной волѣ каждаго, говоря ко всѣмъ: „кто хочетъ послѣдовать за Мною," — и вопрошая Своихъ учениковъ: „не хотите ли и вы отойти?" (Hist. Arian. § 3 и § 67). [2]) Хотя вышеприведенныя слова и были написаны по поводу притѣсненій, которымъ подвергались въ то время христіане, отвергавшіе ученіе Арія, и такимъ образомъ имѣли нѣкоторымъ образомъ характеръ самозащиты со стороны Аѳанасія и Иларія, но все же открытое провозглашеніе этого начала истины не могло не имѣть своего значенія.

Затѣмъ когда, послѣ смерти Іуліана Отступника, христіанская

---

[1]) Allg. Geschichte der christlichen Religion und Kirche, von Dr. A. Neander. II Band I Abth.

[2]) D. A. Neander, II Band, I Abth.

церковь вновь восторжествовала, предостереженіе противъ употребленія насилія было высказываемо и со стороны членовъ торжествующей церкви. Такъ Григорій Назіанскій совѣтовалъ христіанамъ не пользоваться властію, которая перешла теперь въ ихъ руки для воздаянія язычникамъ равнаго равнымъ, т. е. для преслѣдованія ихъ подобно тому, какъ они прежде преслѣдовали христіанъ. „Покажемъ, говорилъ онъ, чему ихъ учатъ демоны и чему научаетъ насъ Христосъ, который страданіями пріобрѣлъ славу и восторжествовалъ не менѣе тѣмъ, что не сдѣлалъ того, что могъ сдѣлать. Воздадимъ Богу одно благодареніе, распространимъ таинство (т. е. христіанскую вѣру) благостію и на сей конецъ воспользуемся обстоятельствами. Побѣдимъ мучителей правдолюбіемъ.“ (Слово 2 прот. Юліана св. Григорія. Т. 1 русс. перев.) [1])

При императорахъ Іовіанѣ и Валентиніанѣ продолжала господствовать полная вѣротерпимость. Но послѣ нихъ опять начинаются преслѣдованія язычниковъ. Въ началѣ царствованія императора Ѳеодосія, Св. Іоаннъ Златоустъ написалъ въ Антіохіи прекрасное сочиненіе о мученикѣ Вавилѣ; онъ указывалъ на божественную силу, съ которою христіанство проникло въ жизнь людей и побѣдило язычество, не смотря на то, что оно отвергаетъ всякое внѣшнее оружіе въ этой борьбѣ, и предсказывалъ совершенное распаденіе язычества вслѣдствіе его собственной безсодержательности и внутренней несостоятельности. Въ этомъ сочиненіи онъ прямо высказываетъ, что „христіанину не дозволено уничтожать заблужденій насиліемъ или понужденіемъ, они могутъ содѣйствовать спасенію людей только путемъ убѣжденія, разумнаго увѣщанія и оказанія услугъ любви.“ [2])

Не смотря на эти краснорѣчивыя слова, при Ѳеодосіи возобновились преслѣдованія, разрушенія языческихъ храмовъ и т. п. Точно также какъ въ восточной, и въ западной части римской имперіи происходили постоянныя колебанія между вѣротерпимостію и системою преслѣдованія язычниковъ и еретиковъ; съ теченіемъ времени послѣдняя система получала все большее преобладаніе и все болѣе укоренялась въ обѣихъ частяхъ имперіи.

---

[1]) См. статью о свободѣ совѣсти въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1864 годъ.

[2]) Neander, Allg. Gesch. Въ бесѣд. на Ев. Матѳ. 47 св. Златоустъ допускаетъ однако возможность лишенія еретиковъ свободы: «Христосъ воспрещаетъ исторгать плевелы, чтобы исторгая ихъ, не истребить вмѣстѣ съ тѣмъ и пшеницы..... Не возбраняетъ Христосъ разгонять скопища еретиковъ, заграждать имъ уста, отнимать у нихъ свободу, но убивать не дозволяетъ.» Христ. Чт. 1865, 435 стр. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ тѣ времена и еретики дѣйствовали насиліемъ.

Пагубная система насилія была возведена наконецъ въ положительную теорію бл. Августиномъ во время споровъ съ донатистами. Хотя онъ и не отрицалъ, что внѣшняя, вынужденная страхомъ или наказаніями, принадлежность къ церкви еще не превращаетъ человѣка въ истиннаго христіанина, онъ однако утверждалъ, что человѣкъ можетъ быть и внѣшними мѣрами, страданіемъ, подготовленъ къ вѣрѣ и къ спасенію. Онъ указывалъ въ видѣ примѣра на то, что Богъ воспитываетъ людей страданіями и такимъ образомъ приводитъ ихъ къ сознанію истины и къ вѣрѣ, и на родителей, наказывающихъ своихъ сыновей для ихъ же блага,—смѣшивая такимъ образомъ понятія правительственной власти съ понятіемъ власти родительской и даже божественной. Соглашаясь далѣе съ тѣмъ, что все добро проистекаетъ изъ свободной воли и что государственныя наказанія не въ состояніи вызвать ни истинно нравственнаго настроенія, ни истиннаго благочестія, онъ однако приходилъ къ заключенію, что подобно тому какъ государство караетъ внѣшнее проявленіе физическаго зла, преступленія, оно должно карать и проявленіе нравственнаго зла, т. е. схизму.

Еслибы допустить начало, что государство не должно заботиться о благочестіи своихъ подданныхъ, которое можетъ быть только результатомъ свободнаго убѣжденія и что это дѣло должно быть предоставлено внутреннему стремленію каждаго, то изъ этого начала слѣдовало бы заключить, замѣчалъ Августинъ, что государство должно предоставить и всѣмъ порокамъ своихъ подданныхъ полную свободу, чего никто утверждать не станетъ; если же необходимо преслѣдовать убійство, прелюбодѣяніе и всѣ другіе пороки, то почему же не преслѣдовать и дѣйствій противныхъ вѣры? Вся эта аргументація была очевидно основана на смѣшеніи юридико-государственной области съ нравственно-духовною. Сравнивая значенія страданій, возлагаемыхъ Богомъ на людей, съ дѣйствіемъ государственныхъ карательныхъ мѣръ, Августинъ забывалъ, что нравственно-очистительное вліяніе страданій на жизнь людей происходитъ отъ того, что страданія приводятъ человѣка къ убѣжденію въ своей собственной несостоятельности, уничтожаютъ въ немъ ложное самодовольствіе и самонадѣянность и побуждаютъ его вслѣдствіе того обратиться духовно къ высшему, стоящему внѣ его, началу, т. е. къ Богу; между тѣмъ какъ страхъ предъ карательными мѣрами государства, не затрогивая духовной жизни людей, можетъ только побудить ихъ или къ воздержанію отъ какого

либо внѣшняго дѣйствія, воспрещаемаго государствомъ, или къ исполненію какого либо внѣшняго дѣйствія или обряда, предписываемаго государствомъ и находящагося въ противурѣчіи съ ихъ внутреннимъ убѣжденіемъ. Такимъ образомъ страхъ гражданскаго наказанія (безъ нравственныхъ мѣръ исправленія) не только не перерождаетъ человѣка внутренно, не только не вызываетъ въ немъ истиннаго благочестія, какъ въ этомъ сознавался и самъ Августинъ, но часто побуждаетъ его прямо къ лицемѣрію, т. е. ведетъ еще къ усиленію нравственнаго зла.

Теорія Августина, какъ мы видимъ, явилась послѣ факта. Преслѣдованія и карательныя понужденія происходили и до него; теорія Августина послужила только, такъ сказать, для успокоенія совѣсти христіанъ, не могшихъ не сознавать разлада между основными идеями христіанскаго ученія и понятіемъ внѣшняго насилія въ духовныхъ дѣлахъ. И безъ этой теоріи начало насилія продолжало бы вѣроятно развиваться въ христіанствѣ подъ вліяніемъ разныхъ благопріятныхъ ему условій того времени. Но несмотря на то, нельзя не признать, что теорія Августина, прикрывая зло, нанесла христіанской жизни существенный вредъ, такъ какъ она послужила исходною точкою той пагубной системы, которая выразилась въ безграничномъ духовномъ деспотизмѣ, въ крайней нетерпимости и наконецъ въ учрежденіи инквизиціи.

По мѣрѣ усиленія прилива къ церкви новыхъ полудикихъ народныхъ элементовъ, вслѣдствіе обращенія въ христіанство цѣлыхъ массъ разныхъ варварскихъ племенъ, система насильственной охраны единовѣрія все болѣе и болѣе усиливается и распространяется; вмѣстѣ съ тѣмъ протесты противъ нея въ средѣ церкви все болѣе становятся рѣдкими исключеніями и наконецъ совершенно замолкаютъ. Теорія насилія получаетъ на многіе вѣка уже никѣмъ ни оспариваемое господство въ жизни всего христіанскаго общества.

Насильственное огражденіе не спасло однако единства церкви [1]).

---

[1]) Еще до окончательнаго отдѣленія Западной Церкви отъ Восточной единство христіанской вѣры жестоко страдало отъ безчисленныхъ ересей и расколовъ. Въ вышеприведенной исторической статьѣ о свободѣ совѣсти, принадлежащей кажется покойному Іоанну Смоленскому и помѣщенной въ Христ. Чтеніи 1864 и 1865 годовъ, послѣ характеристики положенія церкви IV столѣтія, авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ главную причину того жалкаго положенія, въ которое пришла церковь, которая по словамъ Василія Великаго походила уже «на старую одежду, которая при всякомъ случаѣ легко рвется и не можетъ опять придти

Въ восточной церкви система гражданскаго вмѣшательства и внѣшняго огражденія, хотя и продолжала дѣйствовать, но Провидѣнію угодно было предохранить православную церковь отъ полнаго логическаго развитія этой пагубной системы и отъ возведенія ея въ силу догмата; начало внѣшней охраны оставалось и остается до настоящаго времени въ православной церкви, какъ примѣсь человѣческаго несовершенства, не искажая по крайней мѣрѣ основныхъ истинъ ея вѣры.

Напротивъ того, на западѣ, въ средѣ римскаго католицизма это печальное начало, ничѣмъ не стѣсняемое, получило полное логическое развитіе, дошедши до послѣднихъ предѣловъ, какъ въ самомъ примѣненіи его на практикѣ, такъ и въ признаніи его на догматической почвѣ (почти въ качествѣ основнаго начала церкви).

Когда въ XVI столѣтіи въ Европѣ проявилось религіозное движеніе, получившее характеръ протеста противъ злоупотребленій папизма, римская церковь вступила съ нимъ въ безпощадную борьбу, обращая противъ послѣдователей реформы, которая распространилась въ средней и южной Европѣ, огонь и мечь, не столько въ качествѣ духовнаго, сколько въ видѣ вещественнаго оружія. Гоненія достигли ужасающихъ размѣровъ; люди гибли сотнями и тысячами. Костры инквизиціи въ Испаніи, Италіи и Нидерландахъ, варѳоломеевская ночь во Франціи, ужасныя казни въ Прагѣ послѣ роковой битвы на Бѣлой-Горѣ, возстановили нарушенное господство католицизма въ значительной части Европы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всякое уваженіе къ свободѣ совѣсти и мысли окончательно искоренилось въ сознаніи людей.

Такъ напр. болѣе вѣка спустя, когда мѣстная церковь во Фран-

въ первоначальную твердость»—«не столько ереси, не столько ослабленіе христіанскихъ нравовъ, сколько то, что было причиною и усиленія ересей и ослабленія правилъ: вліяніе на церковь гражданской власти. Вліяніе этой власти было неправильно и неограниченно. Она-то внесла въ церковь свой духъ, т. е. духъ міра, со всѣми его слабостями, страстями, цѣлями; она не только слила церковь съ гражданскимъ обществомъ, во вредъ ея чистому духу, но и поработила ее обществу; въ высшей власти церкви явились раболѣпство и трусливость предъ чиноначаліемъ гражданскимъ; въ іерархіи внѣдрился злобный и всегубительный духъ интригъ ко взаимному вреду ея членовъ...... Мало по малу право государственное, вопреки всякой справедливости, возвысилось и воспреобладало надъ церковнымъ; дѣла вѣры и совѣсти перестали быть исключительно духовными, а перепутавшись съ гражданскими, сдѣлались государственными; а что всего ужаснѣе, личный характеръ предержащей власти пріобрѣлъ вліяніе на самую догматическую сторону церкви.... То, чего не могла сдѣлать языческая власть всевозможными насиліями, т. е. ослабить, унизить христіанство, то христіанская власть безъ особеннаго труда сдѣлала — своими услугами ему.»

ціи находилась въ борьбѣ съ папствомъ за галликанскія права, она даже не пыталась поддерживать послѣднія на началахъ общей вѣротерпимости, напротивъ того она не переставала поощрять правительство къ преслѣдованію протестантизма (de la réligion prétendue réformée). Боссюэ, одинъ изъ главныхъ защитниковъ галликанизма, пишетъ въ своемъ сочиненіи: „Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture Sainte“ (сочиненіе это было предназначено въ руководство при обученіи наслѣдника престола) слѣдующее: „ceux qui ne veulent pas souffrir que le prince use de rigueur en matière de religion, parceque la religion doit être libre, sont dans une erreur impie“ („тѣ, которые не допускаютъ, чтобъ государственная власть дѣйствовала въ области религіи, пребываютъ въ нечестивомъ заблужденіи“).

Наконецъ, что поразительнѣе всего, сама реформа Лютера и Кальвина, возникшая на почвѣ свободы убѣжденія и раціонально объяснимая только на основаніи началъ свободы совѣсти, даже и она была пропитана духомъ нетерпимости и преслѣдованія.

Раньше всего и самымъ крайнимъ образомъ право преслѣдованія и понужденія въ дѣлахъ совѣсти было признано въ церковномъ управленіи Кальвина. Въ изданныхъ имъ: „Ordonnances ecclésiastiques de l'église de Genève“, хотя за церковью и не признавалось права примѣнять внѣшнія мѣры понужденія и каранія, но за то эта обязанность возлагалась по порученію церкви на государство, „которое не должно терпѣть появленія ложныхъ ученій, заражающихъ христіанское общество“. Въ силу этого начала католики подвергались изгнанію, а реформаты, непринимавшіе безусловно вѣроисповѣданія (Confession de Foy), провозглашеннаго для жителей женевской республики, подвергались, наравнѣ съ преступниками, пыткѣ, наказаніямъ и даже смертной казни; извѣстно, что Серве былъ сожженъ на кострѣ.

Система внѣшнихъ понудительныхъ мѣръ вскорѣ проникла и въ лютеранскую церковь, выставившую первоначально знамя свободы совѣсти, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣшательство государства въ дѣла духовнаго убѣжденія было допущено не въ видѣ исполненія порученія церкви, а въ качествѣ самостоятельнаго акта главы государства, признававшагося главою мѣстной церкви и блюстителемъ единства въ вѣроученіи.

Въ началѣ своей реформаторской дѣятельности, Лютеръ прямо порицалъ всякое насиліе въ дѣлахъ вѣры. „Богъ одинъ, писалъ онъ, властвуетъ надъ душою и никому этой власти не

передаетъ. Дѣло вѣры—свободное дѣло, и никто къ нему понудить не можетъ. Вотъ почему, когда свѣтская власть дерзаетъ предписывать законы душѣ, она вмѣшивается въ дѣло божескаго правленія и тѣмъ соблазняетъ и портитъ души. Богъ одинъ сердцевѣдецъ, вотъ почему и невозможно и тщетно предписывать кому либо или насильственно понуждать кого либо вѣровать такъ или иначе."

Въ другомъ мѣстѣ Лютеръ пишетъ: „Еретиковъ слѣдуетъ побѣждать не огнемъ, а писаніями, подобно тому какъ дѣйствовали Отцы церкви. Еслибы все искусство состояло въ побѣжденіи еретиковъ огнемъ, то палачи были бы ученѣйшіе доктора на землѣ и намъ излишне было бы учиться (studieren), и слѣдовало бы просто тому, кто побѣдитъ другаго силою, сжигать противника. Ересь дѣло духовное (Ketzerei ist ein geistlich Ding); ее нельзя ни желѣзомъ изрубить, ни огнемъ сжечь, ни въ водѣ потопить. Увѣщевайте еретиковъ, не пускайте ихъ на кафедры, чтобы каждый могъ видѣть въ нихъ вредныя плевела и могъ бы, по словамъ Апостола Павла, избѣгать еретика; но Апостолъ не говоритъ, чтобы слѣдовало убивать еретиковъ."

Но самъ Лютеръ не долго оставался на этой почвѣ. Уже нѣсколько лѣтъ спустя въ письмѣ, написанномъ по поводу такъ называемой *Кур-саксонской-визитацiи*, онъ признаетъ за свѣтскою властію право противудѣйствовать розни въ ученіи (in der Lehre), для предупрежденія разлада въ церкви, подобно тому, „какъ императоръ Константинъ не хотѣлъ и не могъ терпѣть разлада, вызваннаго Аріемъ въ средѣ христіанства, и призвавъ епископовъ въ Никею, побудилъ ихъ къ пребыванію въ единеніи ученія и вѣры."

Еще далѣе пошелъ Меланхтонъ, утверждая, что правительство, носящее мечь, должно воспрещать ереси, т. е. безбожныя ученія, а виновниковъ ересей наказывать. Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо утверждаетъ, что окончательная цѣль государства заключается въ установленіи (Herstellung) истиннаго богопознанія въ человѣческомъ обществѣ. На этомъ основаніи онъ признавалъ гражданскую власть „стражемъ обѣихъ скрижалей закона".

Замѣчательно, что оба реформатора имѣли (какъ бы) предчувствіе той опасности, къ которой должно было привести подобное смѣшеніе властей въ рукахъ государства. „Я уже предвижу", пишетъ Меланхтонъ, жалуясь на то, что не удалось сохранить епископальной власти — „какую церковь мы обретемъ послѣ

уничтоженія церковнаго учрежденія (Verfassung). Я предвижу въ будущемъ гораздо худшую тиранію, чѣмъ когда либо существовавшую.“ Съ своей стороны Лютеръ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „сатана всегда останется сатаной, подъ властію папы онъ вдвинулъ церковь въ государство, а въ наше время онъ силится вдвинуть государство въ церковь.“

Съ теченіемъ времени начало внѣшней насильственной охраны, возлагаемой на обязанность государства, все болѣе и болѣе укоренялось въ протестантствѣ. Въ прусскихъ церковныхъ постановленіяхъ XVI-го столѣтія, въ которыхъ глава государства признается охранителемъ чистоты ученія (Schirmherr der Reinheit der Lehre), прямо высказано, что, точно также какъ нельзя допускать отравленія колодцевъ, нельзя допускать и отравленія душъ. Мало по малу глава государства изъ охранителя чистоты ученія превращается какъ бы въ собственника религіи, на основаніи возникшей въ то время теоріи: cujus regio ejus religio (чье царство, того и религія), — такимъ образомъ религіозныя убѣжденія подданныхъ должны были обусловливаться вѣрою, исповѣдываемою главою государства. Трудно вообразить, къ чему должно было привести на практикѣ примѣненіе подобнаго начала, особенно въ странѣ разбитой на мелкія владѣнія, постоянно переходившія, вслѣдствіе нескончаемыхъ войнъ, изъ рукъ въ руки, отъ католическихъ государей къ лютеранскимъ, отъ лютеранскихъ къ кальвинистскимъ, и т. д. Гефкенъ, у котораго мы заимствовали вышеприведенныя свѣдѣнія, описываетъ въ своемъ сочиненіи [1]) положеніе дѣлъ въ протестантской Германіи въ концѣ XVI вѣка слѣдующими словами: „между тѣмъ какъ богословы считали своимъ правомъ громить съ кафедры не только кальвинистовъ, но даже тѣхъ единовѣрцевъ, которые отстаивали какое либо самостоятельное мнѣніе, до того что они упрекали даже въ синкретизмѣ и въ опустошеніи Христова стада извѣстнаго лютеранина Іоганна Арндта, только потому, что онъ настаивалъ въ своемъ сочиненіи „Истинное христіанство“ (Wahres Christenthum) на необходимости святаго образа жизни (heiliger Wandel), въ средѣ народа распространялись грубость, суевѣріе и порча нравовъ. Проповѣдники не стыдились возбуждать народъ противъ такъ называемыхъ лжеучителей, по поводу такихъ тонкостей въ различіяхъ мнѣній, которыя для насъ становятся почти

---

[1]) Staat und Kirche. Berlin. 1875.

непонятными. Господствующая партія, не ограничиваясь бранью, екскомуникаціями, смѣщеніями противниковъ, изгоняла ихъ изъ государства, заточала въ темницы, подвергала казнямъ; такъ былъ обезглавленъ въ Кенигсбергѣ придворный пасторъ Іоаннъ Функъ."

Мы видимъ такимъ образомъ, что начало внѣшняго насилія, господствовавшее въ западной Европѣ около пятнадцати вѣковъ, привело къ результату прямо противуположному тому, котораго желали достигнуть. Прежде всего отъ церкви отдѣлился западно-римскій католицизмъ, за тѣмъ отъ римской церкви отдѣлился протестантизмъ, отъ протестантизма реформатство или кальвинизмъ, наконецъ какъ протестантство, такъ и реформатство подраздѣлились на безчисленное количество сектъ и толковъ; католики преслѣдовали лютеранъ, лютеране кальвинистовъ, протестанты протестантовъ другихъ оттѣнковъ. Однимъ словомъ, появилось положеніе вещей рѣзко противуположное всякому духу единенія и христіанской любви. Въ дальнѣйшемъ же развитіи постоянное подавленіе свободы совѣсти, убѣжденія и мнѣнія вызвало, въ видѣ печальной реакціи, совершенное отрицаніе христіанской идеи, высказавшееся въ литературѣ XVIII вѣка и въ раціонализмѣ XIX вѣка.

Къ опыту Западной Европы мы можемъ присоединить опытъ нашей собственной исторіи. Начало внѣшней охраны, укрѣпившееся у насъ, несмотря на протестъ многихъ представителей нашего духовенства [1]), и господствующее до сихъ поръ, не сохранило единства и въ нашей средѣ. Оно не могло помѣшать отдѣленію отъ православной церкви милліоновъ сектантовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно надѣлило нашу религіозную жизнь формализмомъ, подавляющимъ всякую искренность и глубину религіозной мысли.

Чѣмъ же объяснить, что столь вредное и опасное начало, осужденное евангельскимъ ученіемъ, человѣческой логикой и опытомъ исторіи, продолжаетъ держаться и господствовать до сихъ поръ?

II.

Основное стремленіе христіанскаго ученія направлено къ освобожденію людей отъ рабства плоти, т. е. къ установленію власти духа надъ матеріею. Цѣль эта можетъ быть достигнута только на началѣ свободнаго самоопредѣленія. Вотъ почему естественное несовершенство (грѣховность) человѣчества должно было выска-

---

[1]) См. рѣчь Кояловича въ засѣданіи петерб. отдѣла общ. люб. дух. просвѣщ. 25 апрѣля 1876 г.

зать свое противудѣйствіе христіанской идеи именно въ борьбѣ матерьяльной стихійности надъ духомъ, которая (между прочимъ) выразилась и въ примѣненіи понужденія къ духовной жизни вѣры.

Дѣло спасенія человѣчества, совершенное Іисусомъ Христомъ, было преимущественно дѣломъ побѣды духа надъ плотію, надъ стихійностію („Я побѣдилъ міръ“). Ученіе Спасителя, Его жизнь, Его смерть, Его воскресеніе представляютъ полное, совершенное, ничѣмъ не помраченное торжество духа. Сосредоточивая въ своей божественной личности все человѣчество, Іисусъ Христосъ преподалъ намъ вѣчный примѣръ, которому мы должны стремиться подражать, и сообщилъ вѣрующему человѣчеству силу Благодати, подкрѣпляющую людей въ этой борьбѣ.

Моментъ этой борьбы, проходящей чрезъ жизнь всего человѣчества, борьбы между стихійностію плоти и духомъ, или по крайней мѣрѣ, въ высшемъ смыслѣ, между плотскими и духовными воззрѣніями, долженъ былъ высказаться и въ жизни самаго Спасителя; побѣда предполагаетъ борьбу. Она дѣйствительно высказалась въ самомъ началѣ Его божественнаго служенія за спасеніе человѣчества. Евангеліе повѣствуетъ намъ, что духъ искушенія, показавъ Христу *вся царства міра и славу ихъ*, рекъ: „все это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ“. При безграничномъ смиреніи и неподражаемой духовной чистотѣ и духовномъ величіи Христа, это искушеніе очевидно не могло состоять въ простомъ, грубомъ искушеніи честолюбія или властолюбія. Не естественнѣе-ли предположить, что Іисусу Христу, сознававшему, что Онъ предназначенъ властвовать надъ міромъ для блага и спасенія человѣчества, представилась возможность основать царство Мессіи на началѣ внѣшней силы, учредить царство „отъ міра сего“, котораго въ сущности чаяли евреи, и ставъ во главѣ этого царства, надѣлить родъ человѣческій законами и управленіемъ, которые должны бы были обезпечить человѣческое благо... Но, если подобное искушеніе и могло возникнуть предъ Его чистою душою, то Онъ отвергъ его не колеблясь, признавъ осуществленіе подобной мысли равнозначущимъ съ поклоненіемъ Духу Зла; Онъ рѣшился основать „царство не отъ міра сего“, сооруженное одними духовными средствами и обусловленное свободнымъ согласіемъ вступающихъ въ оное [1]).

---

[1]) Мы заимствуемъ вышеприведенный взглядъ на искушенія Спасителя изъ замѣчательнаго анонимнаго англійскаго сочиненія «Ecce Homo», которое мы надѣемся представить вскорѣ, въ русскомъ переводѣ, нашимъ читателямъ.

Этому искушенію, отъ котораго торжественно отрекся божественный Основатель церкви, — суждено было восторжествовать впослѣдствіи въ ея органахъ.

Отклоненіе церковной жизни отъ первоначальной чистоты христіанской идеи явилось естественнымъ послѣдствіемъ оскудѣніи или по крайней мѣрѣ ослабленія вѣры. По естественному ходу вещей, съ развитіемъ въ ширину (т. е. съ распространеніемъ на большія массы людей) глубина христіанскаго чувства должна была уменьшиться въ обществѣ, а для того, чтобы разсчитывать на могущественное дѣйствіе духовнаго начала, необходима глубокая вѣра въ это духовное начало; съ другой стороны, только при истинной живой вѣрѣ въ идею — возможно сильное воздѣйствіе послѣдней на жизнь. Всѣ великія дѣла творились подъ вліяніемъ воодушевленія. Эти два понятія совершенно солидарны. Нельзя поэтому оспаривать, что слабая вѣра не можетъ имѣть сильнаго вліянія на общество, но ошибка человѣческаго *раціонализма* заключается въ томъ, что вмѣсто того, чтобы заботиться объ усиленіи вѣры духовными средствами, онъ стремится достигнуть тѣхъ же результатовъ путемъ внѣшнихъ мѣръ насилія, путемъ понужденія, основаннаго на гражданскихъ карательныхъ мѣрахъ. Недовѣріе къ дѣйствующей силѣ духовной истины, разсчетъ на человѣческія средства такъ сильно вкоренились въ людяхъ, что даже очевидные результаты исторіи, неопровержимо доказывающіе, что подобное стремленіе приводитъ только къ результатамъ прямо противоположнымъ той цѣли, которой желали достигнуть, не въ состояніи побороть странное убѣжденіе, что насиліемъ можно дѣйствовать на духъ, или что безъ дѣйствія на духовную сторону человѣка, можно улучшать людей.

Господство духовной свободы сопровождается кромѣ того всегда борьбою, требующею усиленнаго противудѣйствія со стороны защитниковъ христіанской идеи; подъ началомъ внѣшняго гнета, напротивъ того, установляются кажущійся миръ и покой, порядокъ и спокойствіе, но подъ этою мирною оболочкою происходитъ духовное усыпленіе, затѣмъ начинается нравственное разложеніе, и вдругъ предъ блюстителями духовнаго порядка проявляются результаты, поражающіе своимъ печальнымъ характеромъ, но поражающіе только тѣхъ, которые забыли слова Спасителя: „думаете ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ! Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе“, и мечтавшихъ во внѣшнихъ на-

сильственныхъ мѣрахъ найти условія нравственнаго и духовнаго развитія общества.

Вселенское общество, установленное на началахъ любви, т. е. церковь, осуществляетъ въ себѣ идею *единства человѣчества* — также какъ осуществленію этой же идеи въ болѣе реальной сферѣ служитъ государственно-гражданское общество. Но, между тѣмъ какъ потребность жизни въ этомъ обществѣ (разумѣемъ подъ этимъ названіемъ всѣ формы такого общества, отъ послѣдней политической организаціи европейскихъ государствъ до родоваго быта кочующихъ племенъ) является въ человѣкѣ инстинктивно, т. е. какъ прирожденная потребность, — участіе въ жизни духовнаго общества, церкви, можетъ быть только послѣдствіемъ свободнаго самоопредѣленія, т. е. дѣломъ духовнаго убѣжденія. Человѣкъ можетъ отказаться отъ этой послѣдней жизни, уничтожить въ себѣ всѣ нравственныя стремленія, въ своемъ паденіи онъ можетъ наконецъ дойти до почти животнаго состоянія; но отъ государственно-общественной жизни онъ отказаться не можетъ, потому что онъ не можетъ существовать внѣ всякаго общества и даруемой имъ охраны, точно также какъ муравей или пчела не могутъ существовать внѣ того общественнаго организма, къ которому ихъ влечетъ инстинктъ. Если въ послѣдующіе періоды развитія, общество и его послѣдующія формы гражданственности и государственности обезпечиваютъ людямъ возможность осуществленія высшихъ задачъ человѣческой жизни, то въ началѣ они являются преимущественно охранителями членовъ общества отъ всякаго физическаго зла и внѣшняго насилія. Вотъ почему государственно-гражданское общество, по самому существу своему, можетъ и должно употреблять противъ непокорныхъ своихъ членовъ разныя внѣшнія, понудительныя, полицейскія мѣры, для поддержанія порядка, обезпеченія потребности существованія общества или государства, охраны его и т. д. Церковь же не можетъ приступить къ такимъ мѣрамъ, не уничтожая самаго кореннаго отличія своего отъ всякаго государственнаго общества; это отличіе заключается въ духовной свободѣ самоопредѣленія.

Только съ постепеннымъ развитіемъ государственно-гражданскаго общества, начало свободнаго самоопредѣленія начинаетъ проникать въ жизнь этого общества, какъ послѣдствіе прогреса. Вотъ почему въ глубокой древности оно высказывается весьма слабо. Чѣмъ дальше мы восходимъ въ исторіи гражданскихъ обществъ,

тѣмъ замѣтнѣе проявляется дѣйствіе начала внѣшней силы. „Мы не можемъ, замѣчаетъ женевскій философъ Секретапъ, [1]) добраться до первыхъ родниковъ исторіи, но самое древнее состояніе человѣчества, о которомъ до насъ дошли свѣдѣнія, характеризовалось повидимому совершеннымъ отсутствіемъ или отрицаніемъ нравственной индивидуальности. Первыя цивилизаціи имѣютъ деспотическій характеръ, первыя религіи — фаталистическія. Человѣчество представляется однообразною массою, инстинктивно подчиняющеюся непреодолимымъ влеченіямъ. Оно представляетъ какъ бы картину тяготѣющаго надъ нимъ проклятія грѣхопаденія. Вмѣсто того чтобы превратить свое естество въ свободу, путемъ послушанія (воли Божіей), человѣчество захотѣло освободиться отъ внутренняго правила, и, результатомъ этого является, какъ мы видимъ, изнеможеніе подъ тяжестію внѣшняго давленія. Въ этомъ періодѣ человѣчество представляется намъ безъ исторіи, потому что оно еще не сознаетъ само себя, а не сознаетъ оно себя потому, что оно безъ свободы“. Начиная съ понужденія своихъ членовъ къ исполненію всѣхъ необходимыхъ для существованія общества повинностей, общество стремится однако въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи къ побужденію проявленія тѣхъ же услугъ въ видѣ самодѣятельности его членовъ, развивая въ нихъ наконецъ, какъ высшее начало, начало самопожертвованія. Такимъ образомъ общее историческое стремленіе общества направлено къ замѣнѣ начала внѣшняго побужденія началомъ внутренняго самоопредѣленія, и можно сказать, что чѣмъ болѣе развито общество, тѣмъ сильнѣе преобладаніе въ средѣ его членовъ послѣдняго начала надъ первымъ.

Но то, что въ государственно-гражданскомъ обществѣ является *результатомъ высшаго развитія*, то, въ духовномъ обществѣ, въ церкви, по самой идеѣ послѣдней, является *исходною точкою*, необходимымъ условіемъ жизни; потому что безъ духовной свободы нѣтъ здоровой, духовной жизни, нѣтъ истинной, высшей нравственности и не можетъ быть дѣйствительнаго, жизненнаго единенія въ церкви. Единство церкви воспроизводитъ и освящаетъ понятіе единства, человѣчества, но осуществленіе этого единства можетъ проявиться только путемъ свободнаго самоопредѣленія индивидумовъ.

---

[1]) Philosophie de la liberté par Charles Secretan (L'Histoire). Paris-Neuchatel. 1872.

Забывая коренную разницу, существующую между этими двумя общественными организмами (государственно-гражданскимъ и духовнымъ обществами), при всей ихъ аналогіи, люди не могли не подпасть искушенію перенести прямо порядки гражданской жизни въ церковную область, когда, послѣ признанія церкви государствомъ, насталъ моментъ ихъ взаимнаго разграниченія. Церковная жизнь во многомъ соприкасается и отчасти сливается съ государственною жизнію, такъ какъ члены церкви суть вмѣстѣ съ тѣмъ и члены государства; поэтому съ самаго начала явилась необходимость опредѣлить отношенія области церковной къ области государственной и разграничить ихъ, на сколько возможно, по всѣмъ частностямъ примѣненія, а это оказывается дѣломъ чрезвычайно сложнымъ и труднымъ. Самая затруднительность вопроса должна была, при его разрѣшеніи на практикѣ, вызывать неизбѣжно захваты то въ ту, то въ другую сторону; т. е. со стороны церкви въ области государства и со стороны государства въ области церкви; каждый подобный захватъ, въ какую бы сторону таковой ни происходилъ, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшеніемъ духовнаго начала съ началомъ внѣшней силы.

Изъ всего вышеприведеннаго оказывается, что главная причина того энергическаго сопротивленія допущенію вѣротерпимости, которое проявлялось и продолжаетъ проявляться въ человѣческомъ обществѣ, заключается въ естественномъ антагонизмѣ между духомъ и плотію, т. е. между вѣрою въ силу духовнаго начала и маловѣріемъ, стремящимся восполнить эту немощь духа внѣшнею силою, или правильнѣе насиліемъ, въ надеждѣ обезпечить миръ религіозной жизни карательными мѣрами.

Пока церковь была гонима, подобное искушеніе не могло представлять для нея существенной опасности, но съ момента признанія христіанства римскою имперіей сила искушенія воспользоваться готовыми средствами для распространенія своей власти даже на неподчиняющихся ей добровольно, — средствами радушно предложенными ей со стороны государства, — должна была возрасти до чрезмѣрности, тѣмъ болѣе, что распространеніе въ ширину не могло не произойти на счетъ глубины христіанскаго чувства въ обществѣ; ко всему этому присоединяется еще одно весьма существенное обстоятельство, хотя и въ качествѣ второстепенной причины, а именно значительная трудность удовлетворительнаго разграниченія области церкви съ областью государства.

Такимъ образомъ вопросъ о свободѣ совѣсти прямымъ путемъ приводитъ насъ къ вопросу объ отношеніяхъ государства къ церкви.

III.

Разсматривая упомянутый вопросъ со всѣхъ сторонъ, необходимо прежде всего коснуться двухъ самыхъ крайнихъ его рѣшеній, т. е. полнаго сліянія государства съ церковію и полнаго разлученія этихъ двухъ организмовъ.

Первое предположеніе осуществимо только однимъ изъ двухъ способовъ: посредствомъ поглощенія государства церковью — къ чему стремится латинскій католицизмъ — или посредствомъ поглощенія церкви государствомъ — къ чему весьма приближается офиціальный протестантизмъ Англіи и отчасти Германіи. Доказательство несостоятельности какъ того, такъ и другаго направленія въ отношеніяхъ государства къ церкви не требуетъ большой аргументаціи, дѣло говоритъ за себя.

Поглощеніе государства церковью, т. е. теократія, осуждается прямо словами Спасителя: „царство Мое не отъ міра сего", а предъ глазами недовольствующихся этими словами открывается вся сцена исторіи, отчасти нами описанная выше и служащая непрестаннымъ и непреложнымъ доказательствомъ глубокой, божественной истины, заключающейся въ этихъ словахъ. Съ другой стороны, поглощеніе церкви государствомъ равнялось бы совершенному уничтоженію церкви, т. е. опять отрицанію основной христіанской идеи. Однимъ словомъ, оба эти предположенія, возможныя только при подчиненіи внутренней духовной жизни, которая должна выражаться въ церкви, внѣшнему понужденію — находятъ уже въ одномъ этомъ свое полное осужденіе [1]).

---

[1]) По поводу невозможности сліянія церкви съ государствомъ, свящ. В. Кутузовъ замѣчаетъ весьма справедливо слѣдующее въ своей статьѣ: ‹Различіе между церковью и государствомъ›, помѣщенной въ № 24 Церковн. Вѣстника 1876 г.

‹И такъ какъ природа у всѣхъ людей одинакова, такъ какъ, съ другой стороны, каждый человѣкъ долженъ стремиться къ достиженію послѣдней цѣли бытія своего — къ уподобленію Богу и возсоединенію съ Нимъ, и руководить къ тому людей, есть дѣло и задача церкви, то очевидно, что въ ней могутъ соединяться безъ исключенія всѣ люди для этой общей и великой цѣли. Оттого пространство и составъ церкви всеобщи, не ограничены; она обнимаетъ собою людей всѣхъ мѣстъ, временъ и всѣхъ народовъ, соединяемыхъ однимъ духомъ вѣры. Въ этомъ

Затѣмъ остается другая крайность, а именно совершенное отдѣленіе государства отъ церкви. Теорія Кавура „l'Eglise libre dans l'Etat libre", если ее понимать въ этомъ смыслѣ — сталкивается съ однимъ весьма существеннымъ возраженіемъ, а именно съ тѣмъ, что полное отдѣленіе церкви отъ государства, со временъ признанія церкви государствомъ, никогда, нигдѣ не существовало, потому что оно просто невозможно. Страждущая, подавленная, мученическая церковь могла не знать никакой офиціальной связи съ государствомъ, хотя и тутъ можно сказать, что самый актъ гоненія проявляетъ въ себѣ извѣстное отношеніе государства къ церкви, но какъ скоро государство признаетъ церковь или даже только допускаетъ существованіе ея, являются немедленно такія взаимныя отношенія, которыя невозможно не регулировать такъ или иначе. Даже въ такихъ странахъ, которыя отличаются наибольшею религіозною свободою (въ Америкѣ, въ Бельгіи, въ Италіи), мы не видимъ полнаго отдѣленія государства отъ церкви; безусловнаго примѣненія начала государственнаго невмѣшательства не существуетъ. Раздѣльность церкви и государства высказывается болѣе всего въ диссидентскихъ сектахъ Англіи и Америки, но и въ этомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы эта раздѣльность была полная. Въ охранѣ, которою онѣ пользуются, и въ разныхъ частностяхъ ихъ жизни выражается извѣстная связь съ государствомъ, даже извѣстная зависимость отъ него. Весь вопросъ приводится такимъ образомъ къ *болѣе или менѣе* тѣсной связи, но самая связь, въ своемъ существѣ, остается внѣ вопроса.

Итакъ, если по самому существу дѣла отстраняются уже апріористически и полное *сліяніе* и совершенная *рознь*, и если

отношеніи церковь также очевидно отличается отъ государства. Въ составъ послѣдняго могутъ входить люди различныхъ религіозныхъ убѣжденій, только управляющіеся однимъ закономъ, сообразнымъ съ мѣстными условіями, дѣйствующими въ предѣлахъ одной извѣстной страны. Въ церкви наоборотъ. Изъ членовъ государства къ ней могутъ принадлежать только исповѣдающіе одну истинную вѣру; но за то она беретъ ихъ въ свой составъ изъ всѣхъ государствъ и гражданскихъ человѣческихъ обществъ. Устройство и формы этихъ обществъ могутъ быть весьма различны, смотря по мѣстнымъ условіямъ страны и потребностямъ времени, съ измѣненіемъ коихъ измѣняются и самые законы, дѣйствующіе въ сихъ обществахъ. Не такъ въ церкви. Обязанная своимъ началомъ неизмѣнному Богу, имѣя свою особенную, неизмѣняемую цѣль, она имѣетъ и свое особое, неизмѣнное устройство; она имѣетъ свой божественный неизмѣняемый законъ, ведущій людей путемъ правымъ къ жизни вѣчной; имѣетъ свои спасительныя средства, дѣйствующія на освященіе людей; имѣетъ, наконецъ, своихъ правителей духовныхъ, Богомъ поставленныхъ руководствовать вѣрующихъ закономъ и спасительными средствами къ указанной имъ высокой цѣли. Все это вмѣстѣ и составляетъ существенное различіе между церковію и государствомъ».

остается возможнымъ только *сочетаніе* двухъ организмовъ государства и церкви, то затѣмъ вопросъ уже прямо ставится на слѣдующую ясно опредѣленную почву: какого рода должно быть это сочетаніе между государственною и церковною организаціей, между государственною и церковною жизнію въ странѣ?

На поставленный такимъ образомъ вопросъ, мы находимъ въ общемъ смыслѣ отвѣтъ въ словахъ Спасителя: „воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богови"; все то, что составляетъ предметъ внутренней духовной жизни, входитъ въ область церкви, а всѣ внѣшнія проявленія общественной и политической жизни, въ томъ числѣ и внѣшнія проявленія духовной жизни, находящіяся въ непосредственной связи съ послѣдней — область государства. Но этими словами дается только общая характеристика границъ естественной области каждаго изъ этихъ двухъ организмовъ, а не дается еще практическаго разрѣшенія всѣхъ частностей примѣненія высказаннаго начала. Можетъ ли однако существовать по этому предмету одинъ общій отвѣтъ? Во многихъ, даже въ большинствѣ случаевъ, эти области переходятъ одна въ другую; духовная, внутренняя жизнь отчасти проявляется во внѣшнихъ актахъ, отчасти связывается въ своемъ проявленіи съ разными гражданскими дѣйствіями; когда двѣ области не разграничены между собою, по самому существу жизни каждой, а переходятъ одна въ другую, очевидно невозможно положить навсегда и вездѣ твердой, неизмѣнной границы между ними. Изъ невозможности же твердаго опредѣленія подобной границы логически вытекаетъ, что вопросъ объ отношеніяхъ государства къ церкви не можетъ получить одного общаго отвѣта, а долженъ быть различно разрѣшаемъ сообразно съ временемъ, со средою, въ которой вопросъ поставленъ, и съ прочими сопровождающими условіями. Очевидно, напримѣръ, что онъ долженъ разрѣшиться различно, смотря потому, находится ли мѣстная христіанская церковь въ христіанской или нехристіанской странѣ; затѣмъ правительство и законодательство могутъ имѣть дѣло съ одною или съ нѣсколькими церквами; съ другой стороны, отношенія государства къ церкви будутъ неизбѣжно нѣсколько видоизмѣнены смотря по тому, съ какою церковію государство имѣетъ дѣло: его отношенія къ католицизму будутъ иныя, чѣмъ его отношенія къ протестантизму или къ православію.

Такимъ образомъ этому вопросу въ разныхъ условіяхъ мо-

гутъ соотвѣтствовать различные отвѣты; при всей ясности основнаго начала, онъ въ дѣйствительной жизни весь разрѣшается въ частностяхъ. Можно только требовать, чтобы въ основаніи каждаго частнаго рѣшенія лежала руководящая общая мысль: отдайте Кесарево Кесарю и Божіе Богу. Христіанство тѣмъ и отличается отъ іудаизма, что оно не даетъ человѣчеству запаса готовыхъ формулъ для практической жизни, формулъ, которыя или не соотвѣтствовали бы развитію и жизни даннаго народа, или, строго примѣняемыя, стѣсняли и ограничивали бы это развитіе, эту жизнь. Христіанство, преподавая общее духовное основаніе и предоставляя людямъ каждой эпохи и каждой страны согласовать *практическую жизнь* съ этимъ общимъ началомъ, по *ихъ собственному разумѣнію*, никогда не можетъ прійдти въ антагонизмъ съ извѣстнымъ временемъ или извѣстнымъ народнымъ развитіемъ; оно вѣчно юно, вѣчно всесильно, вѣчно возраждаетъ и обновляетъ всякую жизнь.

На вопросъ, поставленный въ такой формѣ, Западная Европа еще не дала намъ удовлетворительнаго отвѣта. Продолжительная, вѣковая борьба между гражданскою и церковною властями были до сихъ поръ безсильны выработать тамъ какія либо вполнѣ разумныя, логически послѣдовательныя отношенія между государствомъ и церковію. Если же принять въ соображеніе разнообразіе политическаго устройства и національныхъ условій, проявляющееся въ различныхъ странахъ Европы, то вышеуказанное неудовлетворительное положеніе дѣла приводитъ насъ къ предположенію, не по винѣ ли самой церкви (или лучше церквей) этотъ важный вопросъ оказывается до сихъ поръ неразрѣшеннымъ и неразрѣшимымъ въ Западной Европѣ? Невозможность установленія правильныхъ отношеній между государствомъ и церковію, несмотря на разнообразіе тѣхъ мѣстныхъ условій, въ которыя церковь поставлена въ различныхъ странахъ Европы — не является ли послѣдствіемъ искаженія самой идеи церкви (какъ въ католичествѣ, такъ и въ протестантствѣ) и не объясняется ли эта невозможность весьма просто отсутствіемъ въ Западной Европѣ истинной церкви? Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что вопросъ объ отношеніяхъ государства къ церкви можетъ быть правильно и удовлетворительно разрѣшенъ только тамъ, гдѣ существуетъ истинная церковь, т. е. въ отношеніяхъ государства къ православной церкви.

Въ виду невозможности считать у насъ этотъ вопросъ

удовлетворительно и окончательно разрѣшеннымъ на практической почвѣ, мы не можемъ подкрѣпить вышеприведенное мнѣніе историческими или дѣйствительными фактами, но можемъ привести слѣдующія, весьма существенныя, хотя и имѣющія нѣсколько апріористическій характеръ, соображенія.

Все то, что составляетъ сущность различія православія съ католицизмомъ и протестантизмомъ (здѣсь разумѣется духъ православія, а не то или другое реальное проявленіе его въ жизни, которое неизбѣжно должно быть обусловлено степенью историческаго развитія того народа, въ средѣ котораго эта жизнь проявляется), — всю сущность этого различія можно считать условіемъ, не только не затрудняющимъ, а положительно облегчающимъ и содѣйствующимъ къ разрѣшенію вопроса о церкви и государствѣ.

Христіанство соединяетъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ правильныя и истинныя понятія, содержащіяся, въ видѣ одностороннихъ положеній, въ разныхъ другихъ религіозныхъ и философскихъ системахъ, приводя къ гармоническому сочетанію начала, кажущіяся противоположными другъ другу только вслѣдствіе исключительности односторонняго развитія ихъ въ другихъ ученіяхъ; точно такъ же и ученіе истинной церкви должно и можетъ служить правильнымъ сочетаніемъ правильной римской идеи единства церкви съ правильнымъ протестантскимъ понятіемъ о свободѣ.

Латинская церковь пожертвовала свободой человѣческаго духа для охраненія единства церкви. Охраняя такимъ образомъ это единство мѣрами внѣшняго понужденія и насилія, т. е. реально человѣческими средствами, она пришла, силою роковой, логической послѣдовательности, къ олицетворенію этого единства въ одномъ человѣкѣ, т. е. въ папѣ, — въ лицѣ котораго естественному человѣку приписываются, если и не божескія, то по крайней мѣрѣ сверхъестественныя, духовныя качества. Уже папа Иннокентій III прямо и открыто заявлялъ, что, какъ намѣстникъ Христа, онъ стоитъ на рединѣ между Богомъ и людьми, онъ менѣе Бога, но онъ болѣе людей.... Измѣнивъ духовному началу и преклонившись предъ чисто человѣческимъ началомъ властолюбія и внѣшняго насилія, папство не могло не внести въ христіанское ученіе языческаго элемента, который выразился именно въ оказаніи почти божескихъ почестей *человѣку*. Трудно указать на различіе по существу между значеніемъ личности

папы согласно воззрѣнію Иннокентія III и титуломъ „Augustus“, соединявшимся съ именемъ римскихъ императоровъ, которымъ какъ лицамъ священнымъ (сверхъестественнымъ) оказывались божескія почести.

Стремясь вырваться изъ роковаго круга католической логики, протестантизмъ впалъ въ другую, противуположную крайность, — онъ пожертвовалъ идеею единства церкви, свободѣ человѣческой мысли и человѣческаго развитія. Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы видимъ единство соединенное съ духомъ деспотизма, а съ другой, свободу и индивидуализмъ, доходящій до духовной анархіи.

Протестантизмъ не могъ однако отказаться совершенно отъ идеи объ единствѣ церкви и потому перенесъ это единство на невидимую церковь въ видѣ протеста противъ излишней человѣческой реальности видимой церкви въ римскомъ ученіи; вмѣстѣ съ тѣмъ въ противность космополитизму въ римской церкви онъ выставилъ впередъ начало мѣстныхъ церквей, въ понятіи которыхъ высказывается уваженіе къ національному элементу. Однимъ словомъ, въ виду полнаго смѣшенія идеальнаго и реальнаго понятій церкви въ католичествѣ, протестантизмъ пришелъ къ совершенному разъединенію этихъ двухъ понятій, признавъ идеальную церковь только въ отвлеченномъ понятіи невидимой церкви, а въ мѣстныхъ національныхъ церквахъ реальное (т. е. конкретное) проявленіе несовершенныхъ ея органовъ.

Православное догматическое ученіе сохранилось, во всей своей чистотѣ, на срединѣ между этими двумя противуположными крайностями. Сочетая единство церкви со свободою человѣческаго духа, оно освобождаетъ отъ искажающей примѣси деспотизма и анархіи истинныя начала, содержащіяся въ католицизмѣ и протестантизмѣ, но получившія въ каждомъ изъ нихъ исключительное и одностороннее развитіе. Истинная церковь сохраняетъ уваженіе къ національному элементу, — въ идеѣ *мѣстныхъ церквей,* — и сохраняетъ также общечеловѣческое начало, проявляющееся въ космополитизмѣ католичества, въ идеѣ *вселенской церкви;* наконецъ воздерживаясь какъ отъ смѣшенія, такъ и отъ полнаго разъединенія идеальной и реальной идей церкви въ томъ видѣ, какъ онѣ проявляются въ католицизмѣ и протестантизмѣ, православіе осуществляетъ правильное сочетаніе этихъ двухъ понятій.

По своему несовершенству люди не могутъ не вносить своихъ недостатковъ въ реальное проявленіе всякой идеи; ничего

абсолютно-совершеннаго въ дѣйствительной человѣческой жизни существовать не можетъ. Вотъ почему, и при реальномъ осуществленіи *идеи церкви* въ человѣческомъ обществѣ, неизбѣжно проявленіе разныхъ несовершенствъ и недостатковъ; но въ православіи всѣ эти несовершенства и недостатки высказываются и могутъ высказываться только въ мѣстныхъ церквахъ, которыя суть несовершенные человѣческіе органы вселенской церкви. Идея же вселенской церкви, хотя и *осуществляется въ дѣйствительности, но болѣе внутреннимъ духовнымъ, чѣмъ внѣшнимъ образомъ, — въ томъ духѣ взаимной любви и уваженія, который, соединяя воедино, существуетъ между мѣстными церквами,* и на основаніи котораго никакое общее распоряженіе, касающееся вселенской церкви, не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ съ согласія всѣхъ мѣстныхъ церквей.

Такимъ образомъ всѣ потребности мѣстной національной жизни находятъ въ православіи полное удовлетвореніе и полный просторъ для своего развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ идея вселенской общности и непоколебимая твердость догмата находятъ дѣйствительное выраженіе и охрану въ духовной связи, существующей между отдѣльными церквами. Достигая такимъ образомъ духовнымъ путемъ того единенія церкви, къ которому стремится католицизмъ, связь, соединяющая мѣстныя православныя церкви, неолицетворяясь постоянно въ реальномъ органѣ, имѣетъ нѣкоторое подобіе съ понятіемъ *невидимой* церкви протестантизма — потому что эта связь духовная, идеальная; но вмѣстѣ съ тѣмъ она коренньмъ образомъ отличается отъ протестантской идеи тѣмъ, что эта духовная связь, эта идеальная вселенская церковь *дѣйствительно существуетъ*, хотя и безъ видимаго формальнаго органа; она *дѣйствительно проявляется въ жизни* и дѣйствуетъ охранительно на истину ученія, а не остается отвлеченнымъ понятіемъ.

Можно возразить противъ вышеизложеннаго мнѣнія, что видимымъ органомъ единства православной церкви признаются вселенскіе соборы, но во первыхъ это не постоянный органъ, а только случайно (т. е. исторически случайно) - реальное проявленіе духовной связи въ данный моментъ и въ виду извѣстной потребности. Послѣдній вселенскій соборъ былъ въ 787 году; съ тѣхъ поръ единство православной (вселенской) церкви поддерживалось въ теченіи болѣе тысячи лѣтъ только тою чисто духовною, реально невидимою, но все же дѣйствительно существующею связью, о кото-

рой мы говоримъ. Съ тѣхъ поръ, какъ основной православный догматъ вполнѣ высказался, задача вселенской церкви можетъ только заключаться въ охранѣ его отъ всякихъ примѣсей, какъ эта мысль и выражена на Константинопольскомъ Вселенскомъ соборѣ, а противъ всякихъ искаженій чистоты ученія, существующая духовная связь между мѣстными церквами оказалась до сихъ поръ совершенно достаточною охраной. Будетъ ли этой духовной связи достаточно и въ будущемъ или потребуется когда либо по какому либо случаю новое созваніе вселенскаго собора? Это такой вопросъ, который никто предрѣшить не можетъ. Не менѣе трудно предрѣшить вопросъ о томъ, когда опять явится *возможность* созванія вселенскаго собора. Въ томъ, какъ слѣдуетъ понимать идею вселенскаго собора, православная церковь представляетъ опять разительную противуположность съ католицизмомъ. Православная церковь, хотя и заключаетъ въ себѣ понятіе вселенской церкви, не можетъ однако не принять въ соображеніе факта отдѣленія отъ нея всего запада. Въ виду этого факта, она со времени отдѣленія западной церкви не имѣла вселенскаго собора. Римъ, напротивъ, гордо опираясь на свое summum jus, лишенное христіанской любви, и выведенное изъ чисто формальной логики, не остановился передъ этимъ затрудненіемъ, и продолжаетъ созывать псевдо-вселенскіе соборы. Дерево узнается по плодамъ его: постановленія послѣдняго изъ этихъ соборовъ служатъ самымъ рельефнымъ и самымъ положительнымъ осужденіемъ ватиканскаго образа дѣйствія. На основаніи историческаго воззрѣнія православія на вселенскіе соборы, созваніе собора сдѣлалось бы возможнымъ только послѣ присоединенія къ нему западныхъ церквей... Такимъ образомъ верховнымъ авторитетомъ православной церкви фактически является одна духовная связь, которая соединяетъ мѣстныя церкви и которая, безъ всякаго даже временнаго реальнаго органа, руководитъ судьбами православія болѣе тысячи лѣтъ. Исключительное господство этого авторитета продлится вѣроятно еще долго!

Итакъ положеніе православной церкви представляетъ чрезвычайно благопріятныя условія для установленія нормальныхъ отношеній между государствомъ и церковью; этихъ условій мы не находимъ ни въ католической, ни въ протестантскихъ церквахъ. Въ католицизмѣ высшій авторитетъ церкви представляется личностію, пользующеюся правами самостоятельнаго государя и живущею внѣ предѣловъ католическихъ государствъ, ибо даже въ Италіи папа пользуется правомъ экстерриторіаль-

ности. Такимъ образомъ правительства, входящія въ сношенія съ главою католической церкви, входятъ въ сношенія съ иноземнымъ государемъ; всякій договоръ, всякое соглашеніе, заключенное съ нимъ, получаетъ характеръ международнаго обязательства, съ тою только разницею, что папа признаетъ таковой безусловно обязательнымъ для государства, заключившаго договоръ, и только условно обязательнымъ для самого себя. Понятно, какія должны возникать затрудненія изъ одного того обстоятельства, что главное вліяніе и главныя распоряженія по мѣстной церкви принадлежатъ лицу пребывающему внѣ государства, и не связанному никакими интересами съ государствомъ, кромѣ общихъ интересовъ церкви; при этомъ относительно пониманія этихъ интересовъ легко можетъ возникнуть различное воззрѣніе, особенно при тѣхъ тенденціяхъ, которыхъ держится ватиканъ. Въ протестантскихъ государствахъ насъ поражаетъ противоположное явленіе; между церковью и государствомъ устранены всѣ внѣшніе поводы къ какимъ либо столкновеніямъ, но они устранены подчиненіемъ церкви государству, т. е. посредствомъ полной жертвы всякою самостоятельностью церкви. Въ протестантскихъ государствахъ Германіи государямъ присвоено качество сумъэпископа (Summus Episcopus); въ Англіи еще болѣе отношенія государства къ церкви имѣютъ полный характеръ цесаропапизма, если только на мѣсто *Кесаря* поставить слово *парламентъ*. Въ духовномъ отношеніи оба эти понятія (Кесарь и парламентъ) одно и то-же; доказательствомъ этому служитъ то, что безъ разрѣшенія свѣтской государственной власти англиканская церковь не въ правѣ допустить какихъ либо измѣненій не только въ своемъ догматическомъ ученіи, но даже въ мелкихъ подробностяхъ своего ритуала (обрядности). Верховная свѣтская власть страны, т. е. парламентъ и королева являются безусловными владыками англиканской церкви [1].

Истинная церковь, какою она должна быть по православному ученію, не заключая въ себѣ ни одного изъ этихъ двухъ крайнихъ

---

[1]) Все, что мы сказали объ отношеніяхъ протестантскихъ церквей къ государству, не примѣняется къ различнымъ сектамъ диссидентовъ, число коихъ очень велико въ Англіи. Въ нихъ обособленіе отъ всякаго непосредственнаго вліянія государства проводится до послѣднихъ границъ. Но это возможно только потому, что всѣ эти протестантскія секты являются отдѣльными религіозными обществами, а не церковію, даже въ національно-протестантскомъ ея значеніи; а также и потому, что духовная жизнь многихъ изъ нихъ почти не проявляется во внѣшнихъ обрядностяхъ.

недостатковъ, тѣмъ самымъ дѣлаетъ возможнымъ установленіе нормальныхъ, правильныхъ и нестѣсняющихъ обѣ стороны, отношеній между церковію и государствомъ. Обладая полною самостоятельностію вслѣдствіе экстериторіальности, внѣземельности, верховнаго авторитета церкви (т. е. вселенскаго собора) относительно каждаго отдѣльнаго государства, церковь не въ состояніи однако нарушить какихъ либо естественныхъ правъ государства, ибо эта внѣземельность такого рода, что она не представляетъ никакой опасности для развитія національной и обрядовой церковной жизни каждой страны и потому не можетъ вызвать столкновеній со свѣтскимъ правительствомъ, остающимся въ своей законной сферѣ дѣятельности, или не можетъ нарушить права послѣдняго по управленію страны, такъ какъ этотъ *верховный авторитетъ* покоится не въ извѣстномъ лицѣ или видимомъ офиціальномъ органѣ, а въ духовной связи, въ духовномъ единеніи церквей — которое, какъ показала исторія, оказывается всемогущимъ для охраны чистоты основнаго христіанскаго догмата, но безсильнымъ въ смыслѣ нарушенія какихъ либо естественныхъ и справедливыхъ правъ данной страны.

Во всѣхъ этихъ условіяхъ дано такимъ образомъ твердое и разумное основаніе для установленія и для развитія нормальныхъ отношеній между государствомъ и церковію, основанія котораго мы не находимъ ни въ католицизмѣ, ни въ протестантизмѣ.

Послѣ всѣхъ вышеизложенныхъ общихъ соображеній мы можемъ перейти къ обсужденію существующаго у насъ порядка вещей.

IV.

Въ какой же мѣрѣ православная Россія воспользовалась всѣми этими благопріятными условіями для практическаго разрѣшенія у себя вопроса объ отношеніяхъ церкви къ государству?

Это вопросъ, на который и въ Европѣ, мало знакомой съ нашею жизнію, и въ самой Россіи, высказываются довольно противуположныя воззрѣнія.

Западная Европа, мало знакомая, какъ мы уже замѣтили, съ существомъ православнаго ученія и съ духомъ христіанской жизни, судитъ какъ о самомъ ученіи православія, такъ и объ обусло-

вливаемыхъ послѣднимъ отношеніяхъ между государствомъ и церковію почти исключительно по тѣмъ явленіямъ, которыя выступаютъ на поверхности жизни въ православныхъ государствахъ и преимущественно въ Россіи. Положеніе православной церкви въ странахъ, находящихся подъ мусульманскимъ правленіемъ, совершенно исключительное и, конечно, не можетъ служить нормою при обсужденіи отношеній христіанскаго государства къ христіанской церкви. Положеніе дѣлъ въ Греціи и въ Придунайскихъ княжествахъ еще менѣе извѣстно Европѣ; за тѣмъ остается Россія, — одна Россія. На начало, осуществляющееся въ церковной жизни Россіи, западная Европа привыкла смотрѣть какъ на начало цесаропапизма. Судя по внѣшней жизни церкви и останавливаясь на существующемъ у насъ въ этомъ отношеніи Statu quo, Европа приходитъ къ заключенію, что то, что̀ существуетъ въ Россіи, т. е. въ главной православной странѣ, должно считаться нормой церковной жизни въ православныхъ государствахъ и что потому цесаропапизмъ, который она у насъ предполагаетъ, служитъ естественнымъ выраженіемъ правильныхъ отношеній церкви къ государству.

Совершенно съ другой точки зрѣнія, столь же неосновательной, смотрятъ на положеніе дѣла многіе изъ нашихъ соотечественниковъ. Вѣруя, что въ идеальномъ православномъ догматѣ христіанская идея высказывается въ полной чистотѣ и неповрежденности, они вмѣстѣ съ тѣмъ повидимому полагаютъ, что любовь и уваженіе къ отечественной церкви налагаютъ на нихъ нравственную обязанность закрывать глаза предъ тѣми несовершенствами и недостатками, которые проявляются при осуществленіи идеальнаго догмата въ реальной жизни нашей мѣстной церкви и такимъ образомъ приходятъ къ слѣдующему опасному заключенію: если православный догматъ представляетъ совершенство по чистотѣ и возвышенности христіанскаго ученія и если общество, государство и церковь исповѣдуютъ у насъ этотъ догматъ, то изъ этого слѣдуетъ, что то, что̀ въ дѣйствительности существуетъ у насъ въ жизни мѣстной церкви, и въ ея отношеніяхъ къ государству тоже совершенно. Можетъ быть, для большей ясности, мы выставили здѣсь эту аргументацію слишкомъ рельефно, слишкомъ абсолютно, но во всякомъ случаѣ она представляетъ много аналогіи съ результатами той аргументаціи, которая высказывается у нѣкоторыхъ свѣтскихъ защитниковъ положенія, занимаемаго мѣстною церковью въ государствѣ. Подобное

направленіе мыслей мы считаемъ однако весьма вреднымъ по многимъ отношеніямъ. Оно, во-первыхъ, содѣйствуетъ подрыву уваженія къ православному ученію внѣ православнаго общества и тѣмъ самымъ служитъ естественнымъ препятствіемъ къ распространенію православія. Очевидно, что если извѣстныя, дѣйствительно существующія несовершенства церковной жизни нашего православнаго общества не замѣчаются подобными ревнителями православія, то люди, стоящіе внѣ послѣдняго, должны приходить къ убѣжденію, что всѣ эти несовершенства составляютъ неотъемлемую часть православнаго ученія и православной жизни. Во-вторыхъ, закрывая глаза предъ существующими недостатками, люди, разсуждающіе такимъ образомъ, не только не могутъ споспѣшествовать, но даже непосредственно мѣшаютъ устраненію этихъ недостатковъ и улучшенію существующаго порядка вещей. Можно ли сомнѣваться, что, отождествляя идеальное ученіе съ реальнымъ проявленіемъ его въ жизни, они служатъ плохую службу церкви и обществу, которымъ они преданы. Уваженіе, съ которымъ человѣкъ преданъ извѣстной идеѣ и извѣстному учрежденію, въ которомъ эта идея выражается, должно прежде всего высказываться въ отношеніи къ нимъ съ полною истиною. При томъ успѣшное стремленіе къ извѣстной возвышенной цѣли возможно только при ясномъ сознаніи не только величія самой цѣли, но и несовершенствъ исходной точки даннаго момента.

Печальная практика нашей жизни наложила однако неотрадный отпечатокъ на весь нашъ духовный бытъ, и потому опредѣленіе правильной средины между указанными двумя противуположными воззрѣніями является дѣломъ не легкимъ.

Сужденіе Европы несправедливо въ томъ смыслѣ, что государство ни въ лицѣ своего верховнаго представителя, ни въ лицѣ своей администраціи не можетъ регулировать и не регулируетъ дѣйствительно *догматическихъ вопросовъ вѣры*, а въ этомъ главная сущность дѣла.

Но, съ другой стороны, нельзя не сознаться въ томъ, что какъ самая редакція нашего закона, такъ и недостаточность свободной независимой отъ государственной регламентаціи жизни нашей церкви, можетъ давать поводъ къ подобному ошибочному воззрѣнію.

Какъ извѣстно, въ 42 ст. I т. Св. Зак. сказано:

„Императоръ, яко Христіанскій Государь, есть верховный за-

щитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры и блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія".

Примѣчаніе. „Въ семъ смыслѣ Императоръ, въ актѣ о наслѣдіи престола 1797 г. Апр. 5, именуется „*Главою Церкви*".

Не касаемся собственно словъ: „*Глава Церкви*" (хотя и могущихъ дать поводъ къ весьма существеннымъ недоразумѣніямъ); эти слова, по самой редакціи примѣчанія, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ *Охранителя Церкви*. Нельзя однако не замѣтить, что было бы весьма желательно, чтобы въ текстѣ закона было сдѣлано болѣе точное изложеніе этого начала, и чтобы болѣе правильное и ясное понятіе *охраны церкви* замѣнило собою неопредѣленное и невѣрное понятіе: *защиты* и *охраны догматовъ*. Дѣло слѣдуетъ кажется понимать такимъ образомъ: *хранителемъ* христіанскаго догмата является *вселенская церковь*, а *охранителемъ* мѣстной церкви *глава государства;* если же подобное опредѣленіе признать правильнымъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что редакція ст. 42-й не совсѣмъ правильно выражаетъ эту мысль, и не соотвѣтствуетъ даже тому, что проявляется въ нашей дѣйствительной жизни. Какъ уже весьма справедливо замѣтилъ о. Горчаковъ, въ своей критической статьѣ на „письмо профессора Трейчке" (во II т. Сб. Г. З.), въ формѣ редакціи 42 статьи нельзя не видѣть отблеска протестантскихъ воззрѣній, выраженныхъ въ ученіи о *сум-эпископатѣ*. Въ словахъ: *блюститель правовѣрія* такъ и слышится отраженіе понятія „*Schirmherr der Reinheit der Lehre*", выработаннаго отношеніями протестантской церкви къ государству.

Отсутствіе свободной, независимой отъ государственной регламентаціи, жизни нашей церкви не подлежитъ сомнѣнію. Можно ли отрицать, что всѣ внѣшнія проявленія религіозной жизни общества поставлены у насъ въ тѣсную зависимость отъ административныхъ властей, что вся внѣшняя организація церкви носитъ болѣе характеръ административнаго учрежденія, вѣдомства въ ряду другихъ вѣдомствъ, чѣмъ самостоятельной мѣстной церкви, находящейся въ живой органической связи со всѣми своими членами какъ духовными, такъ и мірскими.

Если отношенія церкви къ государству нельзя назвать нормальными, то точно также нельзя признать удовлетворительными отношенія церкви къ ея членамъ какъ къ духовенству, такъ и къ мірянамъ.

Относительно духовенства, мы не можемъ не повторить здѣсь общепринятаго мнѣнія, что наша мѣстная церковь нуждается въ

бо́льшей самостоятельности пастырей пасущихъ паствы, самостоятельности болѣе соотвѣтствующей ихъ достоинству и ихъ призванію. Если въ отношеніяхъ государства къ церкви у насъ проявляется нѣкоторое отраженіе протестантскихъ воззрѣній, то съ другой стороны въ отношеніяхъ церкви къ духовенству высказывается несомнѣнно вліяніе римско-католическихъ тенденцій, которое укоренилось и развилось у насъ, какъ естественное послѣдствіе исключительнаго права монашества на занятіе высшихъ церковныхъ должностей, права, имѣющаго за собою только мѣстную традицію церкви и не согласное по существу ни съ духомъ вселенскаго православнаго ученія, ни съ истинными пользами мѣстной церкви. При исключительномъ господствѣ монашескаго начальства въ церкви, какъ бы возвышено ни было достоинство отдѣльныхъ личностей, исключительно монашеское начало *безусловнаго повиновенія* и преклоненія предъ *личнымъ авторитетомъ духовнаго начальства* сдѣлалось почти общимъ достояніемъ церкви, такъ что пассивное послушаніе признается едва-ли не высшею христіанскою добродѣтелью.....

Можно ли послѣ того удивляться, что отношенія нашей церкви къ мірскимъ ея членамъ выражаются одобреніемъ начала внѣшняго насильственнаго понужденія въ дѣлахъ вѣры; скорѣе слѣдуетъ удивляться тому и благодарить Бога за то, что въ средѣ нашего духовенства еще являются, при такомъ порядкѣ вещей, личности, дерзающія высказывать противуположныя мысли.

Реализмъ конца XVIII в. и второй половины XIX в. не могъ не отозваться у насъ какъ на отношеніяхъ государства къ церкви, такъ и на всей внутренней и духовной жизни нашей церкви и нашего общества. Все реальное и все формальное получило несоразмѣрно обширное развитіе, подавляя все болѣе и болѣе искренность и правду духовной жизни. Можно сказать, не ошибаясь, что въ теченіе почти цѣлаго столѣтія духовная жизнь нашей мѣстной церкви и нашего общества шла назадъ, а не впередъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и вслѣдствіе того сила христіанской идеи и ея воздѣйствіе на общество должны были идти отрицательнымъ путемъ, все болѣе уступая мѣсто ветхозавѣтному формализму. Можно ли послѣ того удивляться, что параллельно съ этимъ должны были расти невѣріе и отрицаніе. Если же это несомнѣнно, то пора наконецъ поставить духъ выше формы.

Не слѣдуетъ, однако, терять изъ виду, что всѣ части этого общаго вопроса: какъ относительно отношеній государства къ

церкви, такъ и относительно отношенiй церкви къ ея членамъ, вполнѣ солидарны между собою. Ошибочно было бы полагать, что мѣстная церковь можетъ, съ пользою для христiанскаго дѣла, получить освобожденiе отъ регламентативнаго вмѣшательства государства, сохраняя свои iерократическiя воззрѣнiя и право внѣшнихъ понудительныхъ мѣръ въ дѣлахъ вѣры надъ своими членами. Духъ и вѣра могутъ восторжествовать надъ реализмомъ только одновременно въ обѣихъ областяхъ, т. е. въ отношенiяхъ государства къ церкви и церкви къ ея членамъ; въ противномъ случаѣ сущность дѣла останется прежнею, какъ бы ни измѣнялись внѣшнiе порядки.

Если вѣрить въ силу христiанскаго начала, то не слѣдуетъ не довѣрять свободѣ самостоятельнаго, естественнаго развитiя христiанской жизни; не слѣдуетъ подавлять этой свободы ни административнымъ вмѣшательствомъ, ни гражданско-карательнымъ насилiемъ. Религiозная духовная жизнь можетъ свободно возноситься къ Богу и возносить съ собою духъ народа только тогда, когда она не стѣсняется упряжкой реализма гражданской регламентацiи и внѣшняго насилiя.

Всѣ отношенiя государства къ церкви могутъ быть приведены къ слѣдующимъ тремъ главнымъ вопросамъ:

1) объ условiяхъ внутренней организацiи и управленiя мѣстной церкви и ея отношенiяхъ къ государственному управленiю,

2) о религiозномъ воспитанiи, и

3) спецiально о свободѣ совѣсти или о вѣротерпимости.

Мы должны ограничиться, по вопросу объ условiяхъ организацiи и управленiи мѣстной церкви, вышеизложенными общими соображенiями. Болѣе подробное опредѣленiе этихъ условiй повело бы насъ слишкомъ далеко, такъ какъ всякiя дальнѣйшiя подробности не внесли бы ничего новаго, а могли бы только служить дальнѣйшимъ развитiемъ тѣхъ общихъ началъ, которыя выставлены нами, при чемъ нашъ трудъ вдался бы въ монографическое изслѣдованiе церковнаго управленiя въ Россiи, выходящее изъ границъ нашей задачи.

Второй вопросъ, о *воспитанiи*, представляется вопросомъ о той общей почвѣ, на которой сочетанiе государственной и церковной дѣятельности является наиболѣе естественнымъ и на которой взаимнодѣйствiе этихъ двухъ, взаимно зависящихъ другъ отъ друга при всей самостоятельности каждаго, организмовъ должно принести наиболѣе пользы. Въ дѣлѣ воспитанiя и госу-

дарство и церковь дѣйствуютъ однообразнымъ духовнымъ орудіемъ. Вопросъ объ обязательности воспитанія дѣтей нисколько не затрогиваетъ ни духовнаго характера этой дѣятельности, ни началъ вѣротерпимости. Мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь всѣмъ давно извѣстные доводы, на которыхъ опирается начало обязательности первоначальнаго образованія. Важнаго рода соображенія оставляютъ за государствомъ неоспоримое право заботиться о христіанскомъ религіозномъ образованіи своихъ подданныхъ и примѣнять обязательность къ религіозному обученію юношества. Такъ какъ вся цивилизація и все благосостояніе государства находятся въ зависимости отъ господства въ немъ христіанскихъ началъ, то государство не можетъ не признавать большимъ благомъ для общества развитія истинныхъ религіозныхъ убѣжденій. Это величайшее сокровище жизни достижимо только на пути свободнаго убѣжденія; но для того, чтобы убѣжденіе дѣйствительно было свободнымъ, необходимо, чтобы люди были ознакомлены съ тѣми религіозными началами, которыя впослѣдствіи имъ придется или усвоить себѣ окончательно, или покинуть. Вотъ почему государство вправѣ требовать обязательнаго христіанско-религіознаго обученія юношества, при чемъ подобное обученіе неизбѣжно должно имѣть нѣсколько конфессіональный характеръ, по крайней мѣрѣ на столько, чтобъ обучающійся, наравнѣ съ общими христіанскими началами, ознакомился-бы и съ главными началами, составляющими отличительную черту его церкви.

Если на западѣ возникъ въ послѣднее время вопросъ объ отдѣленіи школы отъ церкви, то онъ имѣетъ тамъ мѣстный историческій характеръ; онъ являлся естественной реакціей противъ стремленій католическаго духовенства, обучавшаго въ школахъ,— стремленій, направленныхъ къ тому, чтобъ вселять духъ недовѣрія къ правительству и нетерпимости къ личностямъ другихъ вѣроисповѣданій, развивая въ дѣтяхъ такимъ образомъ съ самаго ранняго возраста духъ самаго слѣпаго фанатизма.

У насъ подобный вопросъ не имѣетъ никакого практическаго значенія, ибо у насъ подобное положеніе дѣла немыслимо. Частные вопросы о томъ, слѣдуетъ ли поручать духовнымъ или свѣтскимъ лицамъ обученіе Закону Божію въ школахъ, будутъ разрѣшаться въ каждомъ данномъ случаѣ на основаніи того, на сколько данное лице подготовлено къ таковому обученію, на сколько оно пользуется необходимою для педагогическихъ занятій свободой времени. Нельзя по этому случаю не высказать, что

весьма желательно, чтобы всякіе подобные вопросы рѣшались у насъ внѣ всякой тенденціозности.

Обращаясь теперь къ вопросу о *вѣротерпимости*, мы должны прежде всего замѣтить, что, какъ оказывается изъ всего вышеизложеннаго, начало вѣротерпимости не исключаетъ понятія о томъ, что христіанское государство можетъ и должно заботиться объ укорененіи и развитіи христіанскаго сознанія (а въ православныхъ государствахъ спеціально православнаго) и христіанскаго чувства въ странѣ. При господствѣ полной вѣротерпимости въ странѣ, законы государства могутъ быть проникнуты истиннымъ христіанскимъ духомъ; даже болѣе, слѣдуетъ считать несомнѣннымъ зломъ для страны, когда направленіе ея законодательства отстраняется отъ христіанскаго духа.

Вопросъ о степени вѣротерпимости, признаваемой законами данной страны, можетъ быть разсматриваемъ по отношенію къ обществамъ и по отношенію къ отдѣльнымъ индивидумамъ. Подъ именемъ религіозныхъ обществъ, мы разумѣемъ какъ вообще иновѣрческія церкви, такъ и спеціально общины: монастырскія и монашествующія.

Вѣротерпимость по отношенію къ индивидумамъ опять распадаетъ на два вопроса: на вопросъ объ отношеніяхъ государства къ прозелитизму, т. е. къ такъ называемымъ подстрекателямъ, и на вопросъ о правѣ отдѣльныхъ лицъ къ переходу изъ одного вѣроисповѣданія въ другое.

Наконецъ, въ нѣкоторой связи съ вѣротерпимостію стоятъ и постановленія закона, охраняющія внѣшнее проявленіе религіозныхъ дѣйствій, т. е. полицейская охрана.

Разсмотримъ каждый изъ этихъ пяти вопросовъ отдѣльно.

V.

Отношенія государства къ различнымъ *вѣроисповѣданіямъ* опредѣляются у насъ статьями 40, 44 и 45 I-го т. Св. Зак. Первая изъ этихъ статей постановляетъ, что „первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть Христіанская Православная Каѳолическая Восточнаго исповѣданія.“ Содержаніе же остальныхъ двухъ статей слѣдующее: „Всѣ непринадлежащіе къ господствующей церкви подданные россійскаго государства, природные и въ

подданство принятые, также иностранцы, состоящіе въ русской службѣ, или временно въ Россіи пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной. Свобода вѣры присвояется не только христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и Евреямъ, Магометанамъ и язычникамъ, да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго, разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы Имперіи."

Къ этимъ статьямъ Свода Зак. слѣдуетъ присовокупить, что въ ст. 60 Св. Уставовъ о пред. о пресѣч. преступл. сказано: „Раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ" и далѣе въ ст. 90 того же Св. Уставовъ: „Раскольниковъ, которые принадлежатъ къ ересямъ, соединеннымъ съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, отсылать къ суду для поступленія съ нимъ на основаніи ст. 203 Улож. о Наказ.".

Такимъ образомъ можно сказать, что всѣ вѣроисповѣданія, даже расколъ, за исключеніемъ крайнихъ сектъ его, сопряженныхъ съ посягательствомъ на жизнь и личность людей, — пользуются полною вѣротерпимостію.

Но эта вѣротерпимость относится только до лицъ, *рожденныхъ* въ извѣстномъ вѣроисповѣданіи; всѣмъ разрѣшается, какъ сказано въ ст. 45, „славить Бога Всемогущаго, по закону и исповѣданію *праотцевъ своихъ*". Такимъ образомъ всѣ вѣроисповѣданія поставлены въ извѣстныя рамки, причемъ перемѣщеніе изъ одной въ другую не допускается, а съ тѣмъ вмѣстѣ не допускается и личная самостоятельность религіознаго убѣжденія; каждый долженъ „славить Бога по закону праотцевъ." Исключеніе въ этомъ отношеніи, хотя и обставленное разными ограниченіями, допускается только въ пользу православія.

Статья 97 Уст. о прес. и предупр. преступленій гласитъ: „Одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать принадлежащихъ къ ней подданныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ. Но сія вѣра порождается благодатію Господнею, поученіемъ, кротостію и болѣе всего добрыми примѣрами. Почему господствующая церковь не дозволяетъ себѣ ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ при обращеніи послѣдователей иныхъ исповѣданій и вѣръ къ православію, и тѣмъ изъ

нихъ, кои приступить къ нему не желаютъ, отнюдь ничѣмъ не угрожаетъ, поступая по образу проповѣди евангельской.“

Золотыя мысли, изложенныя во второй половинѣ статьи, такъ и просятся на обобщеніе; „если не принуждаете приступать,“ готовъ сказать всякій просвѣщенный читатель приведенныхъ словъ, „то зачѣмъ принуждаете не выходить.“ Не было ли бы послѣдовательнѣе провести это начало до конца; спросилъ же Господь учениковъ своихъ: „не хотите ли и вы отойти?“

Но первая половина приведенной статьи гласитъ прямо противуположное второй половинѣ, и за тѣмъ она дополняется и поясняется еще цѣлымъ рядомъ другихъ статей. Запрещается заводить или распространять между православными какія либо ереси (ст. 72 Уст.), запрещается раскольникамъ совращать и склонять кого либо въ расколъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было (ст. 60). Римско-католическому духовенству запрещается дѣлать православнымъ внушенія, до религіи касающіяся (ст. 107). Евангелическо-лютеранскіе проповѣдники должны отклонять исканіе тѣхъ, кои, принадлежа къ другому, равно покровительствуемому въ государствѣ исповѣданію, будутъ просить о наставленіи ихъ въ догматахъ вѣры ев.-лютеранской, а тѣмъ болѣе о принятіи ихъ въ нѣдра ев.-лютеранской церкви (ст. 109) и т. д.

Послѣдняя статья прямо указываетъ, что иновѣрческія исповѣданія не только не могутъ принимать въ свою среду православныхъ, но даже и лицъ всякаго другаго вѣроисповѣданія; такимъ образомъ воспрещается вообще переходъ изъ одной вѣры въ другую, кромѣ православія, какъ это прямо и высказано въ ст. 97. То же начало подтверждается статьею 195 Улож. о Наказ., на основаніи которой духовные иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, за принятіе, безъ особаго на каждый случай разрѣшенія, кого либо изъ иновѣрныхъ россійскихъ подданныхъ въ свое вѣроисповѣданіе, подвергаются выговору, а въ случаѣ повторенія — временному удаленію отъ должности и даже лишенію сана. Нерасположеніе нашего законодательства ко всякаго рода прозелитизму такъ велико, что даже дѣйствія, клонящіяся къ обращенію въ православіе, обставлены, какъ мы уже замѣтили, разными ограниченіями. Такъ ст. 98 Устава о пред. и прес. преступл. гласитъ: „никто безъ вѣдома и благословенія епархіальнаго архіерея проповѣдывать иновѣрнымъ православія да не дерзаетъ.“ Можно предположить, что эта статья объусловлена тѣмъ соображеніемъ, что миссіонерская дѣятельность требуетъ нѣкоторой под-

готовки и нѣкоторыхъ для себя условій и что поэтому эпархіальному начальству предоставляется судить о томъ: способно ли лице желающее обречь себя на миссіонерскую дѣятельность. Но выраженная въ столь абсолютной формѣ, эта статья лишаетъ члена православной церкви возможности воспользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ, который ему можетъ представиться, для того чтобы путемъ разъясненія иновѣрнымъ ученія своей церкви предрасположить ихъ ко вступленію въ нее; между тѣмъ распространеніе ученія христіанскаго, хотя и безъ притязанія на пастырство и учительство, всегда въ церкви считалось долгомъ вѣры и любви каждаго ея члена.

Въ дополненіе къ вышеприведеннымъ законамъ, касающимся отношеній государства къ существующимъ въ государствѣ вѣроисповѣданіямъ, намъ остается указать еще на одно новѣйшее законодательное распоряженіе правительства о раскольникахъ.

Мы видѣли, что ст. 60 Уст. о пред. и прес. преступл., постановляя, что раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ, тѣмъ самымъ какъ бы выражала вѣротерпимость относительно раскола. Но съ этимъ находился въ прямой противуположности цѣлый рядъ статей, лишавшихъ раскольниковъ всякой возможности удовлетворять своимъ религіознымъ потребностямъ по обрядамъ ихъ вѣры. Такъ ст. 62 запрещаетъ строить или возобновлять что либо похожее на церкви, ст. 65 запрещаетъ печатать и продавать раскольничьи богослужебныя книги, ст. 68 воспрещаетъ остающимся у раскольниковъ попамъ переходить для исправленія требъ изъ уѣзда въ уѣздъ; наконецъ ст. 77 строжайше запрещаетъ всякое внѣшнее оказательство ереси со стороны послѣдователей ея, значитъ всѣ внѣшнія проявленія вѣры, которыя даже не противны ни нравственности, ни гражданскому порядку; а по истолкованіи указомъ 29 Іюля 1825 г. *внѣшнимъ оказательствомъ* ереси уразумѣются даже собранія изъ разныхъ домовъ въ одинъ для моленій (см. примѣч. къ ст. 77). Такимъ образомъ даже общая молитва въ частныхъ домахъ воспрещается. Изо всего этого слѣдуетъ, что тѣ-же самые послѣдователи вѣроученія, которые по одному закону не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ, рядомъ другихъ законовъ ставятся въ совершенно безвыходное положеніе, ибо они или должны отказаться отъ всякихъ удовлетвореній своимъ религіознымъ потребностямъ, даже отъ общей молитвы въ частныхъ домахъ, или нарушить законъ; другаго выхода имъ не остается.

Въ такомъ положеніи Высочайше утвержденное мнѣніе Госуд. Совѣта отъ 19 Апрѣля 1874 г. о метрической записи браковъ, рожденій и смерти раскольниковъ является весьма важнымъ событіемъ и весьма рѣшительнымъ шагомъ къ совершенно новому въ нашемъ законодательствѣ воззрѣнію на отношенія государства къ расколу.

Признавая раскольничій бракъ и давая удовлетвореніе потребностямъ гражданской жизни раскольниковъ, законъ очевидно не можетъ уже лишать ихъ возможности удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ и поэтому неизбѣжно долженъ повлечь за собою отмѣну или видоизмѣненія вышеприведенныхъ статей 62, 65, 68, 77 и нѣк. др.

Затѣмъ вышеуказанное мнѣніе Госуд. Сов. вводитъ въ наше законодательство совершенно новую терминологію „непризнанныхъ, но терпимыхъ вѣроисповѣданій"; эта система отношеній государства къ неправославнымъ исповѣданіямъ, хотя и примѣнялась уже отчасти въ административномъ порядкѣ, но никогда до сихъ поръ закономъ признаваема не была. Заключеніе это вытекаетъ изъ слѣдующаго дальнѣйшаго правительственнаго распоряженія. Въ 1876 г. постановленіемъ Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о раскольникахъ, по случаю просьбы послѣднихъ, признано возможнымъ въ вышеприведенныхъ правилахъ о метрической записи 19 Августа 1874 г. слово *„раскольники"* замѣнить словами: „не принадлежащіе ни къ православію, ни къ другимъ признаннымъ въ имперіи вѣроисповѣданіямъ".

Такимъ образомъ въ нашей офиціально законодательной терминологіи въ настоящее время оказываются три категоріи вѣроисповѣданій: 1) признанныя, 2) непризнанныя, но терпимыя и 3) преслѣдуемыя (по причинѣ безнравственнаго своего характера) [1]).

Подобная комбинація, выработавшаяся у насъ самою жизнію, имѣетъ полное право на дальнѣйшее систематическое развитіе, если допустить, что законодательство должно слѣдить за жизнію, примѣняясь благоразумно къ ея естественнымъ историческимъ потребностямъ.

Въ государствахъ, въ коихъ образованіе всякихъ обществъ обусловлено правительственнымъ разрѣшеніемъ, и *религіозныя*

---

[1]) Сверхъ этого (или же въ числѣ первой изъ этихъ категорій) есть еще одна категорія, — *покровительствуемыхъ* вѣроисповѣданій (таковы римско-католическое, лютеранское и отчасти мусульманское), получающія денежныя пособія изъ казны. *Ред.*

общины не могутъ быть изъяты отъ соблюденія этого условія, по той простой причинѣ, что иначе подъ именемъ религіозныхъ общинъ могли бы учреждаться общества, преслѣдующія совершенно другія цѣли,—такія, которыя по характеру дѣйствительнаго предмета своей дѣятельности не могутъ надѣяться на полученіе правительственнаго разрѣшенія.

По характеру своей организаціи и по цѣли, преслѣдуемой ими, религіозныя общины могутъ быть подраздѣлены на двѣ различныя категоріи. Во-первыхъ, отдѣльныя религіозныя общины и во-вторыхъ болѣе или менѣе обширныя организаціи, включающія въ свой составъ нѣкоторое число мѣстныхъ ихъ органовъ (ордена).

Относительно первыхъ интересы государства могутъ быть непосредственно затрогиваемы только вопросомъ о способѣ пріобрѣтенія и способѣ употребленія имущества, пріобрѣтеннаго подобными общинами. Средствомъ полученія вещественныхъ средствъ служатъ для нихъ государственныя вспомоществованія и пожертвованія частныхъ лицъ. Такія пожертвованія дѣлаются, разумѣется, въ надеждѣ, что пожертвованное общинѣ имущество будетъ употреблено съ пользою для дѣла религіи. Но жертвователи большею частію не въ состояніи слѣдить лично за тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли въ дѣйствительности употребленіе пожертвованнаго имущества предположенной цѣли, тѣмъ болѣе, что часто подобныя пожертвованія происходятъ въ предсмертный моментъ и по духовному завѣщанію; наконецъ нельзя не принять въ соображеніе, что даже если бы жертвовали и замѣтили впослѣдствіи какое либо уклоненіе отъ цѣли, имѣвшейся въ виду при пожертвованіи, они сами бываютъ не въ состояніи принимать какія либо мѣры для возстановленія порядка въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго государство является какъ бы естественнымъ представителемъ всѣхъ жертвователей и пріобрѣтаетъ не только права, но и прямую обязанность слѣдить за способомъ употребленія религіозными общинами пожертвованныхъ имъ имуществъ (разумѣется только съ гражданской или свѣтской точки зрѣнія).

Совершенно другаго рода вопросы выдвигаются впередъ по отношенію къ монашескимъ орденамъ, имѣющимъ не только вполнѣ самостоятельную, но часто даже совершенно независимую отъ церкви организацію (напр. іезуиты). Подобные ордена, существующіе почти исключительно въ католической церкви, являются та-

кимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ status in statu. Практическая цѣль дѣятельности орденовъ большею частію заключается не столько въ содѣйствіи развитію христіанскаго духа и христіанскихъ началъ въ мірѣ, сколько преимущественно въ стремленіи споспѣшествовать усиленію авторитета папы, съ той совершенно послѣдовательной точки зрѣнія, что католичество видитъ въ авторитетѣ Намѣстника Христова главное основаніе и краеугольный камень всей христіанской жизни. Въ такихъ условіяхъ государство принуждено дѣйствовать чрезвычайно осмотрительно при разрѣшеніи подобныхъ орденскихъ учрежденій; вопросъ же о вѣротерпимости при этомъ большею частію совершенно не затрогивается, такъ какъ государство въ своихъ отношеніяхъ къ монашествующимъ орденамъ и общинамъ ведетъ дѣло съ реальной организаціей, имѣющей конкретную задачу; между тѣмъ какъ церкви и религіозныя общества имѣютъ преимущественно духовную цѣль, и хотя послѣдняя и должна имѣть результаты для практической жизни, самая организація, которою обладаютъ церкви, бываетъ направлена преимущественно на внутреннюю духовную жизнь общества и не обусловливается какими либо спеціальными цѣлями.

Наше общее законодательство не касается ни одного изъ этихъ двухъ вопросовъ; и это пробѣлъ, который при тѣхъ или другихъ явленіяхъ жизни можетъ сдѣлаться очень чувствительнымъ.

Условія существованія монашествующихъ общинъ регулируются спеціальными уставами, а католическіе монашествующіе ордена воспрещены въ Россіи.

Вопросъ о *совратителяхъ* чрезвычайно трудно укладывается въ рамку логической аргументаціи. Въ религіозной сферѣ логически возможно преслѣдованіе совратителей только при постановкѣ вопроса на абсолютно теократическую точку зрѣнія. Совратителей въ ереси или иновѣріе могли преслѣдовать ветхозавѣтные іудеи; совратителей можетъ преслѣдовать и католическая церковь, потому что она вообще не допускаетъ мысли, чтобы государство могло разрѣшить въ католической странѣ существованіе какихъ либо некатолическихъ вѣроисповѣданій. Но въ государствѣ и въ церкви, не признающихъ теократическаго начала въ государственномъ устройствѣ и управленіи, и допускающихъ хотя нѣкоторую степень вѣротерпимости, всякая мѣра, направленная противъ совратителей въ дѣлахъ религіи, является непослѣдовательною

и логически несостоятельною. Естественное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ мѣры противъ совратителей, дѣйствующихъ посредствомъ насилія, понужденія, преслѣдованія, обмана или какими либо другими безнравственными мѣрами.

При допущеніи въ странѣ вообще публичнаго культа другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ господствующей религіи (тамъ, гдѣ таковая существуетъ), каждый представитель послѣднихъ невольно можетъ обратиться въ совратителя.

Каждый воодушевленный католическій и протестантскій проповѣдникъ можетъ, даже вопреки прямому своему намѣренію, подать поводъ къ совращенію. Его слова, при публичности проповѣди, доступны и православнымъ слушателямъ и потому могутъ возбудить въ послѣднихъ мысли, которыя могутъ привести ихъ къ переходу въ католичество или протестантство. Какъ долженъ поступить напримѣръ представитель иновѣрнаго духовенства, если къ нему обратится православный съ просьбой о разъясненіи спорныхъ вопросовъ, касающихся вѣроисповѣданія. На это 109 ст. Устава о предупр. и пресѣч. преступл. отвѣчаетъ слѣдующее: „Проповѣдники должны отклонять исканіе тѣхъ, кои, принадлежа къ другому, равно покровительствуемому въ государствѣ исповѣданію, будутъ просить о наставленіи ихъ въ догматахъ вѣры евангелическо-лютеранской“. Само собою, что тѣмъ паче это правило должно быть примѣняемо относительно „искателей“, принадлежащихъ къ православію. Но, естественно ли, нравственно ли со стороны закона ставить лице, а тѣмъ болѣе духовное, въ такое положеніе, которое не можетъ не быть прямо противуположно его духовнымъ обязанностямъ? Должно-ли иновѣрное духовное лице, съ нравственной точки зрѣнія, преклоняясь предъ закономъ государства, отказать вопрошающему въ разъясненіи того, что оно само не можетъ не признавать за непреложную истину, или не должно ли оно напротивъ того, поставляя внутренній законъ своей совѣсти въ такомъ случаѣ выше приказанія закона государства, и слѣдуя словамъ апостоловъ Петра и Іоанна: „судите, справедливо-ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога?“ не подчиняясь статьѣ 109-й Устава о пред. и прес. преступл., стараться вразумить вопрошающаго въ томъ, что̀ проповѣдникъ по глубокому своему убѣжденію не можетъ не признавать за истину въ христіанскомъ ученіи?

Такимъ образомъ логически послѣдовательно только: или совершенное воспрещеніе въ странѣ всѣхъ непринадлежащихъ къ

государственной церкви вѣроисповѣданій, или непреслѣдованіе совратителей (за исключеніемъ случаевъ насилія, обмана и т. п.). Пропаганда, т. е. стремленіе, обусловливаемое исключительно чистымъ желаніемъ просвѣтить своихъ ближнихъ въ томъ, что человѣкъ считаетъ за истину (хотя бы и ложно понимаемую), не можетъ, пока оно не смѣшано съ посторонними (напр. политическими) цѣлями, быть признано дѣйствіемъ *противунравственнымъ;* если же оно становится дѣйствіемъ *противузаконнымъ,* то только потому, что законъ находится въ такомъ своемъ видѣ въ противурѣчіи съ высшими нравственными требованіями человѣческаго духа.

Къ сожалѣнію наше законодательство еще не стало на эту точку зрѣнія.

Въ нашемъ Уложеніи о наказаніяхъ и Уставѣ о пред. и пресѣч. преступленій до сорока статей направлены преимущественно противъ совратителей, угрожая имъ различными гражданскими и уголовными карами за всякое дѣйствіе пропаганды.

Кары эти различнаго рода, смотря по тому, произошли ли совращенія изъ христіанской вѣры въ нехристіанскую, или изъ православія въ иновѣрческую христіанскую, или изъ православія въ ересь, или даже изъ иновѣрческой въ иновѣрческую.

Такъ ст. 184 Улож. о наказ. опредѣляетъ за отвлеченіе изъ всякой христіанской вѣры въ магометанскую, еврейскую или другую нехристіанскую, лишеніе виновнаго всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжную работу. За совращеніе изъ православія въ иную христіанскую вѣру, совратитель (на основ. ст. 187) подвергается также лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на житье въ Сибирь. Тому же наказанію подвергаются совратители въ ересь, расколы и секты и заводящіе новыя секты (ст. 196), съ тою только разницею, что ссылкѣ не на житье, а на поселеніе въ Закавказскій край, а совратители въ секты и расколы, признаваемые особенно вредными, — тому же наказанію, но только съ водвореніемъ ихъ на мѣстѣ ссылки отдѣльно отъ другихъ поселенцевъ (197 ст.); за оскопленіе же другихъ — ссылкѣ въ каторжныя работы (ст. 201). Во всѣхъ случаяхъ, когда совращеніе соединено съ насиліемъ, наказаніе усиливается. За тѣмъ въ Уставѣ о пред. и прес. прест. содержатся общія статьи, гласящія: кто откроетъ споры, противные православію, на того безъ суда наложить молчаніе, ст. 70 — законъ не опредѣляетъ, какія могутъ быть употреблены средства для наложенія

молчанія; ст. 71 опредѣляетъ: кто православныхъ тайно или явно совратитъ въ расколы, того предавать суду. Относительно совращенія не изъ православія ст. 114 постановляетъ, что иновѣрецъ, совратившій кого либо изъ другихъ россійскихъ подданныхъ въ свою вѣру, къ какой бы вѣрѣ онъ самъ и совращенный имъ ни принадлежали, взимается подъ стражу и отсылается вмѣстѣ съ совращеннымъ къ суду. За тѣмъ ст. 115 содержитъ цѣлый рядъ исключеній, опредѣляющихъ: изъ какихъ нехристіанскихъ въ какія христіанскія и подъ какими условіями могутъ происходить обращенія.

Такъ напр. вообще лютеранину и католику воспрещено обращать махометанъ въ христіанскую религію (нужны ли комментаріи на подобный псевдо-утилитарный реализмъ?).

Но зато, съ разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, можно обращать евреевъ въ христіанство, но на основаніи особыхъ правилъ, и только въ случаѣ опасной болѣзни можно принимать обращающагося *безъ разрѣшенія* Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; при этомъ однако не сказано можно-ли или нѣтъ принимать умирающаго еврея въ христіанство и не *по правиламъ особо на сіи случаи постановленнымъ!*

Магометане заграничные могутъ быть приводимы въ христіанскую вѣру всякаго терпимаго исповѣданія.

Въ Кавказскомъ краѣ дозволяется всякому кабардинцу, черкесу и другому магометанину или язычнику принимать вѣроисповѣданія тамошнихъ колонистовъ шотландскихъ и базельскихъ, и т. д. и т. д.

Подобныя статьи служатъ лучшимъ доказательствомъ тому, что внѣшняя охрана церкви государствомъ еще далеко не служитъ ручательствомъ, что всѣ законы государства дѣйствительно проникнуты христіанскимъ духомъ.

За тѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ статей предупредительныхъ и карательныхъ противъ совращенія дѣтей, служителей, крѣпостныхъ и противъ совращенія мужами женъ; другія статьи стремятся предупредить совращеніе путемъ проповѣди, путемъ печатанія религіозныхъ книгъ и т. д. (см. ст. 186, 189, 190, 194, 199, 205, 206 Улож. о наказ. и 49, 50, 65, 89, 105, 106 — 109, 111, 112, 116 и нѣк. др., Уст. о пред. и прес. преступленій).

Подвергаются впрочемъ взысканію не только совратители, но и въ обратномъ смыслѣ лица не воспрепятствовавшія даже

совращенію. Такъ ст. 192 гласитъ: „кто, зная, что жена его или дѣти, или другіе лица, за коими ему предоставлено закономъ наблюденіе и попеченіе, намѣрены отступить отъ православнаго вѣроисповѣданія, не будетъ стараться отклонить ихъ отъ сего намѣренія и не приметъ никакихъ зависящихъ отъ него по закону мѣръ для воспрепятствованія исполненія онаго, тотъ за сіе приговаривается: къ аресту отъ трехъ дней до трехъ мѣсяцевъ и сверхъ того, если онъ православный, предается церковному покаянію".

Окончательно слѣдуетъ еще упомянуть о статьяхъ, которыя дѣлаютъ обязательнымъ, даже для посторонихъ свидѣтелей, донесеніе начальству о совратителяхъ. Такъ ст. 73 Уст. постановляетъ: кто свѣдаетъ о начальникахъ, учредителяхъ или распространителяхъ какой либо ереси, тотъ обязанъ доносить о томъ мѣстному начальству. Ст. 56 Уст. предписываетъ: рожденнымъ и воспитаннымъ въ православной вѣрѣ русскимъ людямъ, живущимъ съ новокрещенными въ однихъ деревняхъ, *наблюдать за поступками новокрещенныхъ*, и если будетъ замѣчено, что кто либо изъ нихъ поступаетъ не такъ, какъ правовѣрному надлежитъ и въ церковь не ходитъ, и иновѣрческихъ обычаевъ держится: то таковыхъ въ началѣ увѣщевать, а буде не послушаютъ, тогда объявлять приходскимъ священникамъ, которые поступаютъ съ ними по правиламъ..... и т. д.

„Ученіе вѣротерпимости принадлежитъ евангелію" — „православная церковь не знаетъ принужденія"... Эти слова можно найти въ рѣчахъ, проповѣдяхъ и сочиненіяхъ всѣхъ лучшихъ представителей нашей церкви.

Между тѣмъ ст. 47 Улож. о пр. и пр. преступл. объявляетъ прямо, что „какъ рожденнымъ въ православной вѣрѣ, такъ и обратившимся къ ней изъ другихъ вѣръ, запрещается отступить отъ нея и принять иную вѣру, хотя бы то и христіанскую".

Неисполненіе сего закона влечетъ за собою болѣе или менѣе непріятныя послѣдствія для виновныхъ, если только послѣднихъ можно такъ называть.

Какъ же сочетать упомянутое начало вѣротерпимости съ такимъ его примѣненіемъ?—На этотъ вопросъ отвѣчаютъ обыкновенно повтореніемъ аргумента, употребленнаго уже Кальвиномъ.

Преслѣдуетъ, говорятъ, не церковь, а государство за дѣло вѣры; церковь употребляетъ только духовное орудіе, а если государство считаетъ для своего порядка необходимымъ употреблять въ та-

кихъ дѣлахъ понудительныя и карательныя мѣры, то это его дѣло. Нужно-ли доказывать полную несостоятельность подобной аргументаціи? Какъ будто вопросъ, въ единствѣ своемъ, измѣняется отъ того, съ которой стороны нарушается вѣротерпимость?

Очевидно, что одного протеста, одного заявленія со стороны органовъ церкви было бы достаточно, чтобы побудить государство отказаться въ своихъ законахъ отъ нарушенія вѣротерпимости. Но этого слова до сихъ поръ высказано еще не было.

Въ западной Европѣ вѣротерпимость почти повсюду была такъ сказать отвоевана невѣріемъ; почти вездѣ государства пришли къ признанію вѣротерпимости противъ настоянія мѣстныхъ церквей или по крайней мѣрѣ не по инициативѣ послѣднихъ. Неужели православная церковь не сдѣлаетъ въ этомъ отношеніи доблестнаго исключенія, неужели ея признанные органы не поднимутъ своего голоса противъ нарушеній вѣротерпимости, неужели она предоставитъ разрѣшеніе этого вопроса одному государству не только безъ всякаго содѣйствія съ своей стороны, но почти противупоставляя ему инертную оппозицію?

Возвратимся однако къ нашему законодательству. Ст. 49 Устава о пред. и прес. преступл. опредѣляется, что „кто уклонится въ иную вѣру отъ православія... того отсылать къ суду“.

Какъ же долженъ поступать судъ съ подобнымъ лицемъ? На основаніи Улож. о наказ., судьба отпавшаго отъ православія измѣняется смотря потому, перешелъ-ли онъ въ нехристіанскую вѣру, въ христіанскую иновѣрческую, въ ересь,—а также принадлежалъ-ли онъ или нѣтъ отъ рожденія къ православію.

Въ первомъ случаѣ ст. 185 Улож. о наказ. постановляетъ: „отступившіе отъ христіанской вѣры православнаго или другаго исповѣданія въ вѣру нехристіанскую: отправляются къ духовному начальству прежняго ихъ исповѣданія для увѣщеванія и вразумленія. До возвращенія въ христіанство *они не пользуются правами своего состоянія и на все сіе время имѣніе ихъ берется въ опеку*“.

Въ случаѣ перехода въ иновѣріе ст. 188 Улож. опредѣляетъ: „Отступившіе отъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе: отсылаются къ духовному начальству для увѣщеванія, вразумленія ихъ и поступленія съ ними по правиламъ церковнымъ. До возвращенія ихъ въ православіе, принимаются правительствомъ для *охраненія ихъ малолѣтнихъ дѣтей отъ совращенія указанныя въ законахъ мѣры* (см. Уст. о пред. и

пр. преступл.). *Въ имѣніяхъ ихъ, населенныхъ православными, на все сіе время назначается опека и имъ воспрещается имѣть въ оныхъ жительство*".

А статья 54-я Уст. о пр. и пр. прест. поясняетъ: „Министерство Внутреннихъ Дѣлъ сообщаетъ свѣдѣнія о семействѣ лица, отступившаго отъ православія, и если окажутся малолѣтнія дѣти, то о мѣрахъ къ охраненію ихъ православія представляетъ на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества установленнымъ порядкомъ".

Относительно совратившихся въ расколъ, мы находимъ спеціальное постановленіе не въ Улож. о наказ., но въ Уставѣ о пред. и прес. прест. ст. 75-я, которая гласитъ:

„Если бы кто изъ православныхъ паче чаянія совратился въ расколъ или ересь, то наблюдать слѣдующее: 1) мѣстные приходскіе священники немедленно приступаютъ къ мѣрамъ наставленія и увѣщаніямъ, которыя, если бы не достигли своей цѣли, повторяются со стороны епархіальнаго начальства *чрезъ тѣхъ же священниковъ* или другихъ духовныхъ лицъ. При безуспѣшности такихъ лицъ, совратившійся вызывается, *по сношенію съ гражданскимъ начальствомъ*, и увѣщевается въ присутствіи духовнаго правленія или консисторіи, и смотря по надобности, лично архіереемъ; 2) убѣдившійся обращается въ общеніе церкви и не подвергается *никакой дальнѣйшей отвѣтственности;* 3) о преслушавшемъ церковь... и если при всѣхъ убѣжденіяхъ со стороны духовенства не придетъ въ раскаяніе съ обращеніемъ къ церкви, *сообщается гражданскому начальству...*"

Разумѣется все это касается только совратившихся въ ереси, признаваемыя не особенно вредными, обратившіеся же въ ереси, *признаваемыя особенно вредными*, подлежатъ наравнѣ съ другими пребывающими въ подобныхъ ересяхъ на основ. ст. 97 Уст. о пр. и пр. пр. и ст. 203 и 197 Улож. о наказ. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ.

Наконецъ о возвратившихся въ расколъ упоминаетъ ст. 204 Улож. о наказ.: „если послѣдователь ереси или раскола, обратившійся въ православную вѣру и, вслѣдствіе того, возвращенный изъ мѣста ссылки, снова возвращается въ ересь или расколъ, то онъ подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе безвозвратно за Кавказъ или въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, на основаніи постановленій ст. 186 и 197 сего Улож." (ст. 207). Вся эта статья грѣшитъ даже въ

формальномъ отношеніи большою неясностію и неопредѣленностію, она ссылается на ст. 197 и 198, т. е. о совратителяхъ и о послѣдователяхъ сектъ наиболѣе вредныхъ, между тѣмъ она не разъясняетъ, слѣдуетъ-ли прилагать назначаемую ею кару только въ случаѣ вторичнаго совращенія въ подобную, т. е. признаваемую особенно вредною, ересь, или и всякую другую — въ этомъ послѣднемъ случаѣ она находилась бы въ противоположности съ ст. 60 Уст. о пр. и прес. прест., опредѣляющею, что раскольники не преслѣдуются за мнѣніе ихъ о вѣрѣ; затѣмъ она ссылается на ст. 207 Улож. о наказ., въ которой просто сказано: „новообращенные въ православную вѣру, которые, не исполняя уставовъ церкви, будутъ придерживаться какихъ либо иновѣрческихъ обычаевъ: отсылаются къ духовному начальству, для вразумленія ихъ и поступленія съ ними по правиламъ церковнымъ“.

Сопоставляя всѣ вышеприведенныя статьи, мы видимъ, такимъ образомъ, что прямо карательныя мѣры предписаны только относительно отпавшихъ изъ христіанства въ нехристіанскую вѣру (лишеніе правъ состоянія) и относительно рецидивистовъ. Относительно всѣхъ остальныхъ предписаны только мѣры такъ называемыя охранительныя и предупредительныя, какъ-то: отобраніе имѣнія въ опеку, лишеніе права заботиться о собственныхъ дѣтяхъ и др. Всѣ эти, хотя бы и не прямо карательныя мѣры, получаютъ однако въ дѣйствительности въ высшей степени карающее или притѣснительное значеніе.

Не входя здѣсь въ дальнѣйшее обсужденіе значенія всѣхъ подобныхъ карательныхъ мѣръ и мѣръ понужденія, о которыхъ мы достаточно ясно высказались въ общей части нашей статьи, мы остановимся здѣсь только на обсужденіи одного момента разсматриваемаго законодательства, о которомъ мы еще не говорили.

Во всѣхъ статьяхъ, относящихся до совращенныхъ, на первомъ планѣ выставлена мѣра увѣщеванія и наставленія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что церковь, заботящаяся о духовномъ благѣ своихъ дѣтей, должна стараться путемъ увещеванія и назиданія предохранять ихъ отъ совращенія въ ересь или всякое иновѣріе. Это естественная область дѣйствія, это естественная обязанность церкви. Чѣмъ меньше въ данной странѣ развито образованіе и знакомство съ ученіемъ господствующей церкви, чѣмъ слабѣе средства церкви, необходимыя для дарованія всѣмъ

жителямъ страны удовлетворительнаго религіознаго обученія,— тѣмъ важнѣе становится значеніе вышеозначенной стороны дѣятельности церкви. Какой процентъ изъ всѣхъ тѣхъ сыновъ народа и православной церкви, которые переходятъ въ ереси и расколы, можетъ считаться посвященнымъ въ ученіе этой церкви? Многимъ-ли изъ нихъ приходилось въ жизни видѣть все истинное проявленіе православно-духовной жизни? Непонимая содержанія православнаго ученія, отталкиваемые отъ него часто внѣшнимъ формализмомъ и между прочимъ требоисправительнымъ характеромъ священнодѣйствія, въ томъ видѣ, какъ оно, по самой силѣ вещей, въ настоящее время къ несчастію слишкомъ часто проявляется, они оставляютъ большею частію православіе только потому, что оно, въ мѣстномъ и временномъ своемъ проявленіи, несоотвѣтствуетъ потребностямъ ихъ духовной жизни, такъ какъ съ дѣйствительнымъ содержаніемъ ученія церкви, которую они покидаютъ, они совершенно незнакомы. При неимѣніи еще средствъ для удовлетворительнаго религіознаго воспитанія всего народа, нужно преимущественно заботиться о снабженіи духовною пищею наиболѣе алчущихъ таковой; но какъ ихъ найти? На этотъ вопросъ сама жизнь даетъ отвѣтъ, указывая прямо церкви, куда ей слѣдуетъ обратить самыя глубокія, самыя интелигентныя и самыя живыя свои силы. Каждый самостоятельный переходъ въ другое вѣроисповѣданіе (т. е. не обусловленный ни страхомъ, ни корыстолюбіемъ) указываетъ на горячую духовную жизнь, на ищущій умъ, часто искаженный, ложно направленный, но на умъ преданный исканію истины, и вмѣстѣ съ тѣмъ на сердце, жаждущее теплоты духовной, однимъ словомъ, въ расколъ часто совращаются лучшіе сыны церкви. [1]) Если же въ такихъ лицахъ

[1]) Здѣсь, разумѣется, не можетъ быть рѣчи объ отпаденіи новообращенныхъ, которое происходитъ обыкновенно вслѣдствіе совершенно внѣшняго, формальнаго пріобщенія ихъ къ православію, — безъ достаточнаго предварительнаго просвѣщенія въ ученіи православія, однимъ словомъ, вслѣдствіе обращенія не повлекшаго за собою никакого внутренняго перерожденія новообращенныхъ. По поводу этого мы считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о прискорбномъ фактѣ, обращающемъ въ настоящее время на себя всеобщее вниманіе духовной литературы, а именно о значительномъ распространеніи возвращенія въ мухаммеданство крещеныхъ инородцевъ особенно въ Приволжьѣ и Казанской губерніи. По сообщаемымъ свѣдѣніямъ это движеніе сопровождается чрезвычайнымъ фанатизмомъ и даже насиліями; отступники грозятъ въ одномъ мѣстѣ сжечь дома церковные и самый приходскій храмъ, забираютъ дѣтей изъ христіанскихъ школъ и т. д. Какъ ни печально подобное движеніе и какъ оно въ дѣйствительности ни заслуживаетъ особеннаго вниманія, но въ немъ нельзя не видѣть заслуженной кары за наши же грѣхи, т. е. за формальный, внѣшній характеръ са-

и въ такой средѣ горитъ наиболѣе живая духовная жизнь и проявляется наибольшая жажда истины, то не обязана ли церковь обратить преимущественно въ эту сторону свои духовно-воспитательныя средства, чтобы посильно содѣйствовать съ своей стороны осуществленію въ жизни изреченія: „ищите и „обрящете“. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что всякое благое сѣмя, брошенное на подобную, хотя и колеблющуюся, но живую, духовную почву, принесетъ плодъ сторицею. Каждое подобное лице, которому удастся мудрымъ и вдохновеннымъ поученіемъ и увѣщеваніемъ, разъясненіемъ превосходства православнаго догмата и указаніемъ, что все то, что смущало его въ обыденной жизни церкви, есть только послѣдствіе человѣческаго несовершенства, суевѣрія, холоднаго формализма, примѣшивающагося

маго присоединенія, большею частію недостаточно подготовленнаго, и недостаточной заботливости какъ о послѣдующемъ просвѣщеніи, такъ и объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ новообращенныхъ. Это печальное событіе не только не ослабляетъ, но усиливаетъ доводы въ пользу вѣротерпимости. Очевидно насильственно понудительныя и карательныя мѣры могутъ быть употреблены въ настоящемъ случаѣ только для отвращенія насилія съ ихъ стороны, дома и школы должны быть защищаемы, угрожающіе и дѣйствующіе насиліемъ должны быть наказаны. Но за тѣмъ единственно цѣлесообразныя мѣры могутъ быть только духовнаго рода, государство должно позаботиться о лучшемъ устройствѣ школъ и о дѣйствительности ихъ посѣщенія, на основаніи начала обязательности обученія дѣтей, духовенство должно заботиться объ удовлетвореніи наставленія ихъ въ ученіи вѣры и т. д. Печальнымъ примѣромъ того, до какой степени господствующія у насъ понятія насилія и формализма могутъ извратить воззрѣнія даже лицъ живо преданныхъ интересамъ православной церкви и государства, можетъ служить сочиненіе «Матеріалы для изученія и обличенія мухаммеданства» выпускъ 3-й. Орелъ, 1876 (см. Церк. Вѣст. № 23). Авторъ этого сочиненія, въ числѣ средствъ противудѣйствія такому обратному движенію, обращаетъ особенное вниманіе на необходимость усиленія карательныхъ мѣръ понужденія, и посвящаетъ пространную казуистическую аргументацію разрѣшенію возбужденнаго имъ же самимъ вопроса, не слѣдуетъ ли подвести мухаммеданъ подъ ст. 197 и 203 улож. о наказ., трактующихъ о ересяхъ наиболѣе опасныхъ и постановляющихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку.

Слѣдуетъ желать, чтобы образовавшійся особый комитетъ (см. вышеук. № Церк. Вѣстн.) изъ министра внутреннихъ дѣлъ, оберъ-прокурора Св. Сунода и главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи, при участіи представителя отъ м. иностр. д., для разсмотрѣнія внесенныхъ Оренбургскимъ ген.-губернаторомъ предположеній о мѣрахъ къ ослабленію мухаммеданскаго фанатизма въ Оренбургскомъ краѣ, обратилъ свое вниманіе прежде всего на выясненіе тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ отпаденіе, и тѣхъ условій жизни, въ которыя въ настоящее время поставлены обращенные въ православіе инородцы.—При этомъ особеннаго вниманія заслуживаютъ вопросы о томъ: какимъ образомъ послѣдовало обращеніе въ христіанство тѣхъ или другихъ инородцевъ, что сдѣлано впослѣдствіи для ихъ духовной жизни, въ какомъ положеніи находится преподаваніе въ школахъ и какъ велико число этихъ школъ, какіе объемы приходовъ и какое разстояніе отдѣльныхъ поселеній отъ мѣста жительства приходскихъ священниковъ, на сколько священники знакомы съ инородческимъ языкомъ, на сколько русско-славянское богослуженіе доступно крещеннымъ инородцамъ и т. д. и т. д.

къ жизни *мѣстной* православной церкви [1]), каждое подобное лице сдѣлалось бы самымъ живымъ и могучимъ проводникомъ христіанской православной идеи въ той средѣ, изъ которой оно вышло. Правильность подобнаго предположенія доказывается примѣромъ нашей собственной жизни; наша церковь знаетъ, что лица, обращенныя изъ іудейства и изъ раскола въ православіе, становятся самыми живыми ея сынами, наиболѣе содѣйствующими ея дѣлу, т. е. лучшими ея работниками въ виноградникѣ Господнемъ.

Понятно, почему до сихъ поръ всѣ эти увѣщеванія оставались пустою безполезною формальностію. Когда за увѣщевателемъ стоитъ карающій законъ, будь это инквизиція или ссылка на поселеніе или въ каторжную работу, то очевидно увѣщеванія не могутъ имѣть никакого вліянія; но не слѣдовало-ли бы сохранять эту мѣру, лишивъ ее карательной подкладки? Весьма естественно, что христіанское государство должно желать сохраненія христіанскихъ началъ въ странѣ, а православное государство — православныхъ началъ. Поэтому, не отклоняясь отъ началъ вѣротерпимости, государство можетъ желать, чтобы лица, оставляющіе православіе, по крайней мѣрѣ знали, что̀ они оставляютъ, изъ какой церкви они выходятъ, отъ какого ученія они отказываются. Не слѣдовало-ли бы потому, для предупрежденія легкомысленныхъ и необдуманныхъ переходовъ, постановить, что каждое лице, желающее оставить православіе, должно предварительно выслушать увѣщаніе, пройти нѣкотораго рода катехизацію съ православнымъ учителемъ, и что только послѣ исполненія такого требованія закона, если онъ все же остается при прежнемъ своемъ убѣжденіи, ему предоставляется полная свобода перейти въ другое вѣроисповѣданіе?

Подобная мѣра дѣйствительно не имѣла бы въ себѣ ничего противнаго началамъ полной вѣротерпимости, но несмотря на то, въ интересахъ самой православной церкви, мы рѣшаемся высказаться отрицательно относительно ея пользы.

Весьма желательно, чтобы наше духовенство дѣлало все отъ него зависящее для лучшаго ознакомленія съ православнымъ ученіемъ лицъ, стремящихся, по непониманію его, покинуть православную церковь; но подобныя увѣщеванія и поученія могутъ

---

[1]) Нужно обратить вниманіе на различіе, дѣлаемое во всемъ изложеніи автора, между *мѣстною* православною церковью и *вселенскою*, которая непогрѣшима и неотвѣтственна за историческіе и человѣческіе пороки своихъ мѣстныхъ органовъ (мѣстныхъ церквей). *Ред.*

быть полезны только при отсутствіи всякой стѣснительной обстановки. Обязательность, придаваемая имъ закономъ, обращаетъ ихъ въ пустую обрядность, въ одну формальность, и потому служитъ только къ лишенію ихъ всякой внутренней силы. Обязанное къ тому закономъ, увѣщевающее лице дѣйствуетъ большею частію не по убѣжденію и не ожидая никакого успѣха отъ своихъ словъ, и смотря на все это дѣло только какъ на непріятную обязанность, возложенную на него закономъ. При такихъ условіяхъ увѣщеваніе должно приносить болѣе вреда, чѣмъ пользы, и не можетъ не имѣть отталкивающаго вліянія на вразумляемаго. При нашей врожденной склонности къ формальностямъ, это можетъ дѣйствовать особенно вредно. До какихъ чудовищно-невозможныхъ результатовъ можетъ доходить у насъ бездушное, формальное отношеніе къ духовнымъ дѣламъ, доказываетъ положеніе Альменевой и Карамышевой деревень Чебоксарскаго уѣзда (см. Церк. Вѣстн. № 23). Въ пятидесятыхъ годахъ послѣдовало донесеніе, что населеніе этихъ деревень, принявшее православіе, совратилось опять въ мухаммеданство. Началось уголовное дѣло, хотя татары и не признавали, чтобы они когда либо обращались въ православіе, казанская уголовная палата въ 1868 г. постановила, на основаніи 185 ст. Улож., отослать татаръ для увѣщеванія къ кому слѣдуетъ, а до возвращенія ихъ въ христіанство воспретить имъ пользоваться правами своего состоянія и на все время имѣнія ихъ взять въ опеку. Во исполненіе этого приговора, татары были лишены правъ состоянія, имѣнія ихъ были взяты полиціею въ опеку, имъ воспрещены всякія отлучки изъ деревни на заработки; но духовное начальство въ теченіи семи лѣтъ не приступило къ увѣщеванію. Въ оправданіе приводится, что виновата полиція, отославшая татаръ къ духовному начальству, какъ того требуетъ законъ!

Итакъ всѣ формальности исполнены, а о сущности дѣла, увещеваніи никто не заботился въ теченіи семи лѣтъ... Мы приводимъ этотъ фактъ не въ видѣ обвиненія полиціи или духовенства; тѣмъ порядкомъ, какимъ идутъ у насъ подобнаго рода дѣла, это могло очень легко случиться, безъ особенной личной вины съ той или другой стороны, но мы привели этотъ фактъ какъ печальную характеристику тѣхъ условій, въ которыя поставлена у насъ жизнь. Отрѣшившись отъ обычно-формальной точки зрѣнія, развѣ возможно не видѣть въ подобномъ фактѣ самаго наглаго поруганія духа зла надъ истиною христіанства. Не дол-

женъ ли подобный случай дѣйствовать самымъ отрицательнымъ образомъ на окружающую среду. Въ виду возможности подобнаго факта можно ли предлагать облеченіе въ какую либо обязательную, узаконенную, форму дѣла увѣщеванія, которое всегда останется одною изъ главныхъ и существенныхъ задачъ нашего духовенства, но оно должно оставаться дѣломъ свободы, чтобы принести пользу. Пусть церковь шлетъ куда нужно лучшихъ и наиболѣе развитыхъ своихъ учителей, пусть государство вмѣстѣ съ церковію будетъ заботиться объ учрежденіи, въ мѣстностяхъ, гдѣ происходитъ духовное броженіе, хорошихъ школъ для юношества, въ которыхъ они бы получали удовлетворительное религіозное обученіе; но на этомъ слѣдуетъ остановиться, особенно при нашей склонности къ подавляющему духъ формализму всякаго дѣла.

Религіозныя проявленія жизни, наравнѣ со всякими другими проявленіями общественно-государственной жизни, имѣютъ право на внѣшнюю, административно-полицейскую охрану противъ всякаго насилія и противъ всякихъ оскорбленій и поруганій словомъ и дѣломъ. Постановленія нашего законодательства по этой части весьма обильны и при томъ находятся по своему содержанію въ связи съ вопросомъ о вѣротерпимости, потому что административно-полицейская охрана не ограничивается у насъ охраною внѣшняго порядка, но и вторгается во внутреннюю жизнь, стремясь подвергнуть ее несоотвѣтствующей своей цѣли регламентаціи.

Охрана внѣшняго порядка религіозной жизни установляется статьями Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, заключающимися во второмъ отдѣленіи Главы I-й перваго раздѣла онаго „о предупрежденіи и пресѣченіи нарушенія благочинія внѣ Православной Церкви во время Богослуженія“, въ отдѣленіи второмъ Главы II-й „о предупрежденіи и пресѣченіи нарушенія святости дней воскресныхъ и др.“, въ отдѣленіи третьемъ Главы II-й „о предупрежденіи и пресѣченіи суевѣрія“ и наконецъ въ Главѣ V-й „о предупрежденіи и пресѣченіи кощунства, богохульства, святотатства и ограбленія могилъ“. — Имъ соотвѣтствуютъ въ Уложеніи о наказаніяхъ Главы I-я, III-я и IV-я раздѣла втораго.

Затѣмъ къ административно-полицейскимъ распоряженіямъ, относящимся до внутренней духовной жизни людей, можно отнести:

Отдѣленіе 1-е Главы I-й Раздѣла 1-го Устава о пред. и пресѣч. прест. Такъ ст. 3 постановляетъ, что всѣ должны въ

церкви Божіей быть почтительными и входить въ храмъ Божій съ благоговѣніемъ безъ усилія. *Ст. 6* — что предъ иконами слѣдуетъ стоять такъ, какъ благопристойность и святость мѣста требуютъ. *Ст. 7* — что во время совершенія службы никакихъ разговоровъ не чинить, съ мѣста на мѣсто не переходить и вообще не отвращать вниманія православныхъ отъ службы ни словомъ, ни дѣяніемъ или движеніемъ, но пребывать *со страхомъ*, въ молчаніи, тишинѣ и во всякомъ почтеніи. *Ст. 8* — что во время совершенія божественной службы запрещается прикладываться къ чудотворнымъ мѣстамъ и иконамъ, но исполнять сіе предъ началомъ или по окончаніи службы. *Ст. 10* — что миръ и тишину *въ церкви* обязана строго сохранять *мѣстная полиція* (?).

За несоблюденіе всѣхъ этихъ предписаній Уложеніемъ о наказаніяхъ назначаются карательныя мѣры, изложенныя въ статьяхъ Главы III Разд. 2.

О всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, нетолько затрогивающихъ внѣшнее проявленіе извѣстнаго религіознаго чувства, но и предписывающихъ самое настроеніе чувства, можно только сказать, что они были бы умѣстнѣе въ церковныхъ правилахъ, чѣмъ въ гражданскомъ законѣ, получающемъ такимъ образомъ нѣсколько ветхозавѣтный теократическій характеръ, послѣдній даже отчасти выражается въ самомъ образѣ настроенія, требуемаго закономъ. Такъ напр. требованіе ст. 7: что во время совершенія службы слѣдуетъ *пребывать со страхомъ*, не вполнѣ согласуется съ требованіями новозавѣтными христіанскаго ученія, поясняющаго, что „въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви; будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ“ (1 Посл. Іоанна гл. IV ст. 18, 19).

Если такимъ образомъ, за исключеніемъ послѣдняго обстоятельства, о всѣхъ вышеприведенныхъ статьяхъ можно только сказать, что онѣ не вполнѣ умѣстны въ гражданскомъ законѣ, то постановленій отдѣла 1-го Главы II-й Уст. о пред. и прес. прест. „о предупрежденіи и пресѣченіи уклоненія отъ исповѣди и св. причастія“ — нельзя не признать безусловно вредными и прямо противными духу христіанства, — какъ превращающими во внѣшній понудительный обрядъ то, что должно составлять высшее и священнѣйшее проявленіе духа вѣры, надежды и любви христіанской.

Такъ ст. 27 постановляетъ, что всякій православный долженъ

хотя однажды въ годъ исповѣдаться и пріобщаться Св. Таинъ *по обряду христіанскому*, въ постъ или въ иное время.

Ст. 20. Дѣтей обоего пола приводить на исповѣдь, начиная съ 7-ми-лѣтняго ихъ возраста ежегодно.

Ст. 21. Внушеніе объ исполненіи сего священнаго долга хотя болѣе принадлежитъ приходскимъ священникамъ, *но и гражданское и военное начальство наблюдаетъ*, чтобы лица, имъ подчиненныя, *непремѣнно* сей долгъ исполняли.

Ст. 26 и 27 установляютъ образъ доноса и контроля, а именно: приходскіе священники о всѣхъ прихожанахъ, бывшихъ и небывшихъ у исповѣди, обязаны доставлять въ консисторію или духовное правленіе достовѣрныя именныя вѣдомости.

Ст. 27. Кто, не смотря на убѣжденія священника, два или три года окажется небывшимъ на исповѣди и у св. причастія, о томъ доносится епархіальному архіерею особенно. Преосвященный, чрезъ приходскаго же священника, или чрезъ другихъ довѣренныхъ духовныхъ лицъ, или наконецъ самъ, смотря по обстоятельствамъ и по мѣстной удобности, вразумляетъ его и мѣрами убѣжденія старается возвратить къ долгу христіанскому, съ возложеніемъ эпитиміи по своему усмотрѣнію, на основаніи церковныхъ правилъ. — Такимъ-же образомъ поступается и съ тѣми, о которыхъ по дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ открывается небытность ихъ у исповѣди и св. причастія, но съ тою разницею, что въ семъ послѣднемъ случаѣ эпитимія должна быть публичная въ приходской церкви, или въ монастырѣ. Публичная эпитимія налагается безъ отлученія должностныхъ и поселянъ отъ домовъ. — Кто не вразумится увѣщаніями, не придетъ въ раскаяніе и не исполнитъ долга христіанскаго, *о томъ сообщается гражданскому начальству, на его усмотрѣніе.*

Подобныя же распоряженія повторяются въ отдѣленіи третьемъ Главы II-й „о уклоненіи отъ исполненія постановленій церкви“ Уложенія о наказаніяхъ.

Содержаніе всѣхъ этихъ постановленій не требуетъ никакихъ комментарій; тотъ фактъ, что они въ дѣйствительной жизни остаются большею частію мертвою буквою, не устраняетъ кореннаго нравственнаго вреда, происходящаго отъ допущенія подобнаго начала въ наше законодательство.

ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ РОССІИ

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

М. И. ВЕНЮКОВА.

Во всемірной исторіи, особенно же въ лѣтописяхъ востока, немного найдется событій такого глубокаго значенія, какъ поступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи, совершившееся въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій и, конечно, еще не вполнѣ заключенное. Съ точки зрѣнія естественной исторіи человѣка, это движеніе можно назвать возстановленіемъ или распространеніемъ господства арійской расы въ странахъ, которыя долгое время были подъ владычествомъ народовъ тюркскаго и монгольскаго корня. Въ смыслѣ экономическомъ, оно представляетъ собою послѣдовательное водвореніе общечеловѣческихъ бытовыхъ потребностей и европейскихъ способовъ къ ихъ удовлетворенію въ странахъ, гдѣ тысячелѣтія прошли безъ перемѣнъ въ совершенно азіатской бытовой обстановкѣ людей, ихъ вкусахъ и пріемахъ промышленности. По отношенію къ нравственности, законодательству и религіи, это есть новый шагъ къ расширенію области христіанства, къ замѣнѣ гуманными его началами началъ мусульманскаго изувѣрства, и слѣдовательно къ освобожденію человѣческой личности отъ поглощенія ея узкими требованіями ислама. Для науки и людскаго образованія, русское движеніе не только открыло новый, не изслѣдованный край, но и положило прочное начало къ развитію общечеловѣческихъ знаній въ средѣ насе-

ленія его, дотолѣ совершенно невѣжественнаго. Въ смыслѣ гражданскаго благоустройства, народы Средней Азіи отнынѣ могутъ считать себя въ періодѣ такого же сближенія съ передовыми націями, какъ съ начала нашего вѣка кавказскія племена и съ конца прошлаго индусы. Наконецъ въ политическомъ смыслѣ успѣхи наши въ Средней Азіи также важны: для самой Россіи, — какъ постепенное сближеніе съ естественными предѣлами, наиболѣе для нея выгодными, для Азіи — какъ завершеніе подчиненія почти половины ея власти одной націи, и для человѣчества вообще — какъ движеніе одного могущественнаго европейскаго народа на встрѣчу другому, уже захватившему богатѣйшія страны востока и опасающагося за потерю въ нихъ своей власти. Попробуемъ изложить здѣсь наиболѣе выдающіеся факты, которыми сопровождается это русское движеніе во всѣхъ исчисленныхъ отношеніяхъ.

Извѣстно, что современныя антропологія и сравнительная филологія признаютъ родиною арійскихъ, или индо-европейскихъ народовъ горныя страны по верховьямъ Инда и Окса. Отсюда арійскіе предки наши распространились, съ одной стороны, на югъ, въ Индостанъ, гдѣ оттѣснили тамульцевъ, а съ другой, на сѣверо-западъ, въ Иранъ, на Кавказъ и въ Европу, гдѣ, благодаря исключительно-благопріятнымъ условіямъ этой части свѣта, получили особенно высокое промышленное и умственное развитіе. Если мы нынѣ станемъ слѣдить за разселеніемъ людей въ названныхъ странахъ, то увидимъ, что, начиная отъ предѣловъ Кашмира, можно черезъ Дардистанъ, Читралъ, Бадакшанъ, Балхъ, Гератъ, Персію, Кавказъ, южную Россію, Австрію, Италію, южную Францію и Испанію, пройдти до самыхъ западныхъ предѣловъ стараго свѣта, не выступая изъ полосы арійскаго населенія. Но нѣчто другое представится нашему взору, если, въ нашемъ движеніи къ западу, мы изберемъ путь не южнѣе, а сѣвернѣе Каспійскаго моря. Тутъ послѣ дардовъ, ваханцевъ, гальчей и таджиковъ, занимающихъ сравнительно небольшое пространство въ горахъ Верхней Азіи, мы вступимъ надолго въ земли, занятыя народами монголо-турецкими, каковы узбеки и киргизы, и только на берегахъ Урала снова встрѣтимъ индо-европейское населеніе, да и то смѣшанное. Между тѣмъ путь сѣвернѣе Каспія, совершенно открытый, т. е. не прегражденный ни горами, въ родѣ Кавказа, ни водоемами, въ родѣ Чернаго моря и Архипелага, былъ вѣроятно главнымъ путемъ при движеніи арійцевъ на западъ, въ Европу, и если нынѣ мы находимъ тутъ

перерывъ, то онъ обусловленъ исторіею. Народы монголо-тюркскіе, въ нѣсколько пріемовъ спускавшіеся съ большаго нагорья восточной Азіи въ среднеазіятскія страны, вытѣснили оттуда первоначальныхъ обитателей, совсѣмъ или отчасти, и стали обладателями почвы отъ береговъ Оби и Иртыша до Хорасана, Гиндукуша и Гималая. Здѣсь не мѣсто слѣдить, какъ совершалось это движеніе. Довольно будетъ напомнить, что оно тянулось много вѣковъ, начиная съ эпохи великаго переселенія народовъ до завоеваній Чингизъ-хана и движеній кочевниковъ въ прошломъ и даже въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Но для насъ важенъ тотъ фактъ, что, въ настоящее время, между арійскими горцами Гиндукуша и Памира, съ одной стороны, и жителями береговъ Урала и Иртыша, съ другой стороны, т. е. тамъ, гдѣ до начала девятнадцатаго вѣка вовсе не было связующихъ членовъ арійской семьи, явился такой связующій этнографическій членъ. Мало того, эта роль цемента досталась русскимъ, т. е. націи господствующей въ политическомъ и интеллектуальномъ смыслѣ. И хотя рознь между русскимъ народомъ и таджиками, гальчами, ваханцами, кафиръ-сіягпушами, дардами и пр. велика; но уже одинъ взглядъ на словари, собранные у послѣднихъ народцевъ англійскими путешественниками (Борнсомъ, Кенингэмомъ, Дрью и Лейтнеромъ), показываетъ, что мы идемъ тутъ на встрѣчу народамъ родственнымъ, съ которыми сближаютъ насъ (сверхъ общности расы) сходство облика и даже нѣкоторыя историческія преданія. Греческая цивилизація, какъ извѣстно, коснулась верховьевъ Окса еще за 1200 лѣтъ до начала русскаго государства, и современные государи Дарваза, Шигнана и Вахана гордятся своимъ происхожденіемъ отъ Александра Великаго; отъ грековъ же, хотя другой эпохи, приняли многіе зачатки гражданственности и мы.

Какой реальный этнографическій смыслъ будетъ имѣть это „возвращеніе“ части славянъ въ сосѣдство къ ихъ доисторической родинѣ—трудно теперь сказать. Очень можетъ быть, что религіозная рознь помѣшаетъ образованію въ Туркестанѣ многочисленной смѣшанной породы арійско-русской. Но уже то важно, что отнынѣ туземные арійцы Средней Азіи выходятъ изъ-подъ зависимости монгольскихъ узбековъ, что передъ ними открывается лучшая будущность. Если раса ихъ не утратила благороднѣйшихъ качествъ бѣлаго племени, то она можетъ еще играть въ исторіи немаловажную роль. Не забудемъ притомъ, что племенная рознь даже между долго жившими вмѣстѣ таджиками и уз-

беками доселѣ не стерлась, что первые ненавидятъ послѣднихъ и рѣдко съ ними вступаютъ въ браки. Они, кромѣ того, воспріимчивѣе къ образованности и болѣе развиты умственно, чѣмъ узбеки, какъ это хорошо выяснилъ одинъ изъ лучшихъ практическихъ знатоковъ Средней Азіи, Гребенкинъ. Умѣнье поставить себя такъ, чтобы эта рознь служила нашимъ національнымъ интересамъ и вообще интересамъ цивилизаціи, много можетъ облегчить сложную задачу, возложенную на Россію въ Средней Азіи. Но не безъ сожалѣнія должно признаться, что пока въ этомъ направленіи у насъ ничего не сдѣлано. Нѣтъ даже словарей таджикскаго и гальчинскаго нарѣчій, и никто изъ русскихъ ученыхъ, посѣщавшихъ Туркестанъ, не далъ себѣ труда выслѣдить степень родства арійской части его обитателей, хотя бы съ славянами и литовцами, не говоря уже про германцевъ и кельтовъ. Никто также не поднялъ вопроса о томъ, чтобы русскому населенію, мало-по-малу проникающему въ Среднюю Азію, разрѣшено было, нисколько не возбраняемое каноническими правилами и здравымъ смысломъ, вступленіе въ браки съ туземцами, что дало бы возможность множеству мужской молодежи, привлекаемой въ Туркестанъ военною службою, по окончаніи ея обзаводиться тамъ же семействами и мало-по-малу создать, быть можетъ, такую же превосходную породу людей, какую мы встрѣчаемъ на берегахъ Терека, гдѣ, въ теченіи долгаго времени, русскіе казаки женились на дочеряхъ кавказскихъ горцевъ. Мы не англичане, которые стараются въ Индіи отнюдь не смѣшиваться съ туземною расою и которые за то, рано или поздно, могутъ заплатить потерею этой страны, гдѣ у нихъ не будетъ *родственныхъ* связей; наша сила, напротивъ, въ томъ и состояла доселѣ, что мы ассимилировали покоренные народы, дружелюбно сливаясь съ ними. Желательно, чтобы этотъ историческій выводъ не былъ забытъ и въ будущемъ, особенно же съ приходомъ нашимъ на верховья Аму-дарьи, гдѣ намъ нужно будетъ создать вполнѣ русскую украйну, какъ единственную гарантію прочности нашего положенія въ Туркестанѣ.

Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ соображенія о будущей этнографической физіономіи Средней Азіи и посмотримъ, что уже сдѣлано нами для упроченія нашего собственнаго племеннаго господства въ этой обширной странѣ. До двадцатыхъ годовъ нашего вѣка русскіе вовсе не поселялись за Ураломъ и Иртышемъ, и отъ того тогда зависимость отъ насъ киргизовъ, номинально

подвластныхъ съ 1732 года, была почти мнимою. Мало-по малу однако же колонизаціонное движеніе въ степь началось и нынѣ достигло уже значительныхъ результатовъ. Цѣлый рядъ русскихъ поселеній основался въ степяхъ и даже въ недавно покоренныхъ осѣдлыхъ частяхъ Туркестана. Эти русскія поселенія могутъ быть подведены подъ три главные типа: степныя укрѣпленія, казачьи и крестьянскія земледѣльческія колоніи и торговыя слободы при нѣкоторыхъ городахъ, населенныхъ туземцами. О значеніи первыхъ сказать почти нечего. Въ лучшихъ случаяхъ значеніе укрѣпленій поддерживалось въ теченіе лишь немногихъ лѣтъ, пока какое-нибудь изъ нихъ служило опорнымъ пунктомъ для дѣйствій нашихъ отрядовъ; обыкновенно же степныя укрѣпленія были просто этапами или передовыми постами, которыхъ основаніе обусловливалось временными военными потребностями, а поддержка больше всего интересовала ихъ строителей и подрядчиковъ по продовольствію гарнизоновъ. Въ наше время, т. е. послѣ подпаденія власти или вліянію Россіи Кокана, Хивы и самой Бухары, многія изъ этихъ укрѣпленій, напр. Масше, Уильское, Карабутакъ и пр., утратили всякое значеніе и зачѣмъ существуютъ — намъ неизвѣстно. Вѣроятно, они будутъ мало-по-малу упразднены во избѣжаніе напрасныхъ издержекъ казны и отчасти даже вреднаго вліянія на судьбу ихъ обитателей, солдатъ, и окрестныхъ туземцевъ, киргизовъ, систематически отъ нихъ удаляющихся, чтобы не быть жертвами произвола мелкихъ военныхъ начальниковъ.

Другой разрядъ русскихъ осѣдлостей — казачьи и крестьянскія деревни — есть, безъ сомнѣнія, самый полезный для упроченія русскаго могущества въ Средней Азіи и для пріобщенія ея народовъ къ интересамъ мирной, цивилизованной жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда выборъ мѣстъ для этихъ селеній былъ правильно соображенъ со свойствами страны и экономическими потребностями ея кореннаго населенія, образовались истинные центры для цивилизаціи номадовъ, какъ Вѣрный, Акмоллы и Каркаралы. Но бывали конечно случаи—и нерѣдкіе,— что русское населеніе водвореніемъ своимъ не только не оживляло мѣстной промышленности и торговли, а напротивъ стѣсняло ихъ. Такъ напр. основаніе Аягуза заставило торговцевъ, ходившихъ съ караванами изъ Чугучака въ Каркаралы, измѣнить свою дорогу въ обходъ этой русской осѣдлости. И когда мѣстныя власти, для устраненія этого неудобства, перенесли колонію на новую дорогу,

то купцы вернулись на старый путь. Еще болѣе неудачный примѣръ русской колонизаціи въ степяхъ представляетъ заселеніе въ 1840 годахъ восточной, зауральской части нынѣшней Оренбургской губерніи. Здѣсь колонисты-казаки лишили киргизъ множества лучшихъ кочевокъ, и сами обѣднѣли на столько, что теперь наилучшимъ исходомъ для нихъ было бы новое переселеніе куда-нибудь на югъ, въ плодородныя части Туркестанскаго края. Общее число земледѣльцевъ-казаковъ въ пяти степныхъ областяхъ, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской нынѣ достигаетъ до 505,000 душъ, но собственно въ степяхъ за Ураломъ и Иртышемъ, на пространствѣ 40,000 кв. миль, живетъ не свыше 60,000 д., распредѣленныхъ притомъ очень неравномѣрно. Наиболѣе густое казачье населеніе встрѣчается на сѣверѣ этихъ степей, около Ишима и Тобола, и лишь въ одномъ мѣстѣ на югѣ, именно въ Заилійскомъ краѣ, встрѣчается снова подобная сосредоточенность, впрочемъ очень небольшаго числа казаковъ. На остальномъ протяженіи степныхъ равнинъ, особенно оренбургскаго вѣдомства, осѣдлыхъ казаковъ почти нѣтъ. Такимъ образомъ это военно-земледѣльческое сословіе, историческимъ призваніемъ котораго всегда было охранять границы государства, нынѣ живетъ очень далеко отъ этихъ границъ, продолжая впрочемъ ходить туда на службу изъ-за многихъ сотенъ и даже тысячъ верстъ [1]). Это показываетъ, что вопросъ о средне-азіатскомъ казачествѣ рано или поздно долженъ будетъ подлежать разсмотрѣнію въ правительственныхъ сферахъ, и очень возможно, что часть казаковъ, наиболѣе удаленная отъ границъ, вернется въ гражданское состояніе, а другая подвинется къ югу. По крайней мѣрѣ это было бы раціонально и съ военно-политической точки зрѣнія, и съ государственно-хозяйственной.

Свободная земледѣльческая колонизація, т. е. крестьянская, на всемъ протяженіи русскихъ владѣній въ Средней Азіи еще весьма незначительна. Больше всего она развилась въ Семирѣчьѣ, и, быть можетъ, въ состояніи будетъ утвердиться въ бассейнѣ Сыра, если удастся оросить Мурзарабатскую степь, а также въ Кульджинскомъ округѣ, если онъ будетъ наконецъ объявленъ русскимъ владѣніемъ. Что касается торгово-промышленныхъ

---

[1]) Отъ Омска до Ташкента 2.400 в., до Кокана 2.600, отъ Верхнеуральска до Самарканда 2.300 в., до Петро-Александровска 1.800 верстъ.

слободъ или русскихъ кварталовъ въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, то, какъ ни быстро развернулись эти колоніи, онѣ пока не представляютъ чего-либо прочнаго, постояннаго. Въ случаѣ какой-либо политической неудачи Россіи въ Средней Азіи, онѣ столь же быстро изчезнутъ, потому что населеніе ихъ чисто наплывное, случайное и перемѣняющееся въ своемъ составѣ. Въ Ташкентѣ была сдѣлана недешево стоившая попытка упрочить тамъ пришлый русскій элементъ предоставленіемъ разныхъ льготъ и субсидій русскимъ домовладѣльцамъ; но результаты оказываются невполнѣ удовлетворительными, потому что выстроенные напр. чиновниками дома продавались нерѣдко, при отъѣздѣ строителей изъ Ташкента, мѣстнымъ сартамъ. Да и вообще водвореніе въ городахъ вновь завоеванной страны однихъ чиновниковъ и купцовъ не можетъ служить прочнымъ залогомъ присоединенія этой страны: иначе бы Англія нисколько не боялась за свое преобладаніе въ Индіи.

Такимъ образомъ, обозрѣвъ вкратцѣ русскія поселенія въ Средней Азіи, мы видимъ, что число ихъ очень ограниченно и что, слѣдовательно, до племеннаго преобладанія надъ туземцами русскимъ еще далеко. Можно даже думать, что это преобладаніе никогда не достигнется, потому что свободныхъ, годныхъ для культуры, земель уже почти нѣтъ [1]. Остается еще разъ пожелать, чтобы это преобладаніе было достигнуто инымъ путемъ, чѣмъ переселеніемъ издалека русскихъ семейныхъ колонистовъ, а именно мирною замѣною части туземнаго населенія смѣшанно-русскимъ, что, какъ мы замѣтили, могло бы совершиться чрезъ водвореніе тѣхъ молодыхъ мужчинъ, которые, будучи разъ привлечены въ Среднюю Азію службою, пожелали бы жениться на мусульманкахъ и остаться въ странѣ навсегда. Этимъ путемъ мало-по-малу измѣнился бы скудный процентъ русскаго населенія, который теперь едва простирается въ Семирѣченской области до 5%, а въ Сыръ-дарьинской области, Ферганской, отдѣлахъ Самаркандскомъ и Аму-дарьинскомъ до 2% и даже менѣе, до 0,5%.

Признавая невполнѣ удовлетворительною современную русскую колонизацію въ Средней Азіи по числу колонистовъ и порядку ихъ разселенія, мы не должны однако забывать, что и это малое число, благодаря своей высшей культурѣ, можетъ оказы-

---

[1]) Ихъ, впрочемъ, можно до нѣкоторой степени создать вдоль Сыръ-дарьи, распустивъ часть ея воды въ оросительныя канавы.

вать и дѣйствительно уже оказываетъ сильное вліяніе на преобразованіе физіономіи всей страны, если не въ этнографическомъ, то въ экономическомъ и политическомъ смыслѣ. Начнемъ наши замѣчанія съ фактовъ перваго рода. До водворенія русскихъ въ киргизскихъ степяхъ, населеніе послѣднихъ въ экономическомъ смыслѣ тяготѣло гораздо болѣе къ Бухарѣ, Кокану и Хивѣ, чѣмъ къ сосѣднимъ частямъ Россіи. Почти вся торговля внутри степей находилась въ рукахъ сартовъ изъ Бухары и Ташкента. Имъ киргизы сбывали свой скотъ, шерсть и кожи, отъ нихъ получали предметы одежды, посуду, сѣдла, ковры и все остальное, что нужно въ ихъ скудномъ быту. Даже русскіе товары изъ Оренбурга, Троицка и Петропавловска шли въ степи и далѣе въ Туркестанъ постоянно черезъ посредство среднеазіятскихъ купцовъ, которые такимъ образомъ были почти монополистами на томъ рынкѣ, гдѣ Россія, по положенію своему, должна преобладать. Основаніе нѣсколькихъ передовыхъ русскихъ осѣдлостей, какъ Баянъ-аулъ, Акмоллы, Копалъ, Вѣрный, положило конецъ этому порядку въ степной полосѣ Средней Азіи. Русскіе торговцы проникли въ глубь степей и вошли въ непосредственныя сношенія съ киргизами, которыхъ экономическая зависимость отъ Россіи чрезъ то усилилась въ ущербъ связей съ среднеазіятскими ханствами. — Другимъ важнымъ экономическимъ послѣдствіемъ водворенія русскихъ колоній среди киргизовъ было пріученіе ихъ къ хлѣбу и распространеніе среди ихъ земледѣлія, насколько оно возможно въ сухихъ, маловодныхъ пустыняхъ. Справедливо замѣчаютъ всѣ знакомые съ жизнью номадовъ, что какъ только они привыкаютъ къ хлѣбу, такъ зависимость ихъ отъ сосѣднихъ осѣдлыхъ народовъ становится безвозвратною. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ наше время уже весь киргизскій народъ считаетъ хлѣбъ предметомъ первой необходимости; однакоже значительное число передовыхъ, т. е. зажиточныхъ и сколько-нибудь образованныхъ киргизовъ уже питается хлѣбомъ и даже сѣетъ его (главнымъ образомъ просо, пшеницу, ячмень). Въ Кокчетавскомъ округѣ султанъ Валихановъ, въ Сэмипалатинскомъ Букашъ, и многіе другіе, представляютъ убѣдительные примѣры тому, какъ жизнь исключительно кочевая уступаетъ, гдѣ только можетъ, осѣдлой или полуосѣдлой, даже у природныхъ номадовъ, искони презиравшихъ земледѣльческій трудъ. Эти два важныя послѣдствія водворенія русскихъ въ степяхъ Средней Азіи кажутся намъ важнѣйшимъ залогомъ мирной исторической будущности ко-

чевниковъ, которой столь противоположно ихъ тревожное прошлое. Если бы тѣснота рамокъ этой статьи не препятствовала намъ входить въ мелкія подробности, мы могли бы привести много статистическихъ данныхъ объ успѣхахъ земледѣлія во всей Средней Азіи, куда только проникла русская власть; но ограничимся указаніемъ на „Туркестанскій Ежегодникъ“, гдѣ приведено немало любопытныхъ свѣдѣній о хлѣбопашествѣ около Перовска и въ Семирѣчьѣ, возникшемъ и развившемся только съ прихода въ эти мѣста русскихъ. Довольно сказать, что въ этихъ двухъ мѣстностяхъ не только сами киргизы питаются мѣстнымъ хлѣбомъ, но часть его идетъ на продовольствіе войскъ и городскихъ жителей. Въ Акмоллинской области распространеніе земледѣлія привело къ тому, что многіе киргизы запасаютъ на зиму сѣно и уже не ограничиваются вьючною перевозкою предметовъ своего хозяйства, а завели телѣги, на подобіе русскихъ.

Въ нагорной части Туркестана, имѣющей довольно густое осѣдлое населеніе, утвержденіе владычества русскихъ естественно не могло произвести кореннаго переворота въ земледѣльческой промышленности, которая изстари тамъ утвердилась, приспособлена къ мѣстной почвѣ и климату и ограничена одними подгорными оазисами, имѣющими орошеніе изъ рѣчекъ. Но если общіе размѣры производства мѣстныхъ земледѣльческихъ продуктовъ мало измѣнились, то въ частностяхъ произошло немало перемѣнъ къ лучшему. Такъ напр. случилось съ производствомъ хлопка и пшеницы, изъ которыхъ первый нуженъ для вывоза въ Россію [1]), а вторая на продовольствіе войскъ. Шелководство, о которомъ любопытныя свѣдѣнія собраны г. Петровскимъ, сдѣлало также нѣкоторые успѣхи вслѣдствіе введенія лучшихъ противу прежняго способовъ шелкомотанія; при этомъ главное участіе въ дѣлѣ принимали русскіе люди,—Хлудовъ, Первушинъ, Долгорукій, Раевскій. Мѣстный виноградъ въ Сыръ-дарьинской области сталъ давать, кромѣ изюма (кишмиша), вино, конечно, пока посредственное, но все-таки замѣняющее, хотя отчасти, дорогія привозныя вины изъ Европы. Скотоводство, важнѣйшая отрасль хозяйства у кочевыхъ обитателей всей Средней Азіи, измѣнилось отъ прихода русскихъ въ эту страну немного; однако не осталось неподвижнымъ. Нѣкото-

---

[1]) Хотя можно бы желать, чтобы среднеазіятскій хлопокъ перерабатывался весь на мѣстныхъ фабрикахъ, къ основанію которыхъ, послѣ открытія каменнаго угля въ разныхъ частяхъ Туркестана, нѣтъ особыхъ препятствій, кромѣ развѣ недостатка свѣдущихъ въ механикѣ людей съ капиталомъ.

рые киргизы стали устроивать крытые загоны для сохраненія скота во время зимнихъ мятелей, чего прежде не было, такъ какъ степной скотъ безпріютно проводитъ зиму на тебеневкахъ, выкапывая изъ-подъ снѣга сухую траву. Въ недавнее время сдѣлана даже попытка основать, вблизи Ташкента, конскій заводъ для улучшенія туземнаго коневодства; но пока эта попытка не особенно удачна, потому что стоитъ дорого, а результатовъ дала мало, безъ сомнѣнія потому, что дѣло находится въ рукахъ не хозяина-заводчика, а цѣлаго комитета чиновниковъ, ведущихъ хозяйство на счетъ казны. Гораздо болѣе, чѣмъ этимъ и ему подобными примѣрами „образцоваго" казеннаго хозяйства, сдѣлано въ пользу среднеазіятскаго скотоводства простымъ умиротвореніемъ степи, потому что оно уничтожило баранту или отгонъ скота непріязненными сосѣдями-хищниками, такъ что баранта нынѣ сохранилась только въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ государственной границѣ и лишь какъ рѣдкое исключеніе внутри степей.

Въ дѣлѣ открытія и разработки минеральныхъ богатствъ средней Азіи русское движеніе въ этой странѣ привело къ результатамъ довольно значительнымъ. Въ Семипалатинской области возникли мѣдные заводы, найдены мѣсторожденія графита, угля, свинца, даже золота. Въ Сыръ-дарьинской области нѣкоторыя залежи каменнаго угля уже разработываются, доставляя топливо на пароходы и въ частныя жилища, въ замѣнъ дровъ изъ саксаула и изъ плодовыхъ деревьевъ. Въ Кульджинскомъ округѣ каменный уголь, добывавшійся, впрочемъ, уже китайцами, разработывается по мѣрѣ потребности. Въ Ферганской области, прежде даже присоединенія ея къ Россіи, русскими промышленными людьми найдена нефть. Въ прикаспійскомъ краѣ, около Красноводска, именно на островѣ Челекени, нефть также разработывается и притомъ съ большою пользою для самаго Красноводска, который получаетъ такимъ образомъ дешевый матеріалъ для освѣщенія и отопленія, тѣмъ болѣе для него важный, что прѣсная вода получается тамъ только изъ морской помощью перегонки. Каменный уголь найденъ русскими и на Мангышлакѣ, гдѣ его уже брали для опыта отопленія пароходовъ; этотъ опытъ былъ впрочемъ не вполнѣ благопріятенъ, хотя онъ и не исключаетъ надежды, что рано или поздно этотъ уголь пойдетъ въ дѣло. Свинецъ, котораго добываніе такъ ограниченно въ Россіи, разработывается въ Каратаускихъ горахъ. Желѣзныя руды, извѣстныя во многихъ мѣстахъ,

остаются пока нетронутыми только потому, что выработка ихъ требуетъ большаго количества топлива, рукъ, затраты капиталовъ на заводы и дешевыхъ путей для сбыта выработаннаго металла, а всего этого пока не достаетъ Средней Азіи. Притомъ сосѣдство богатаго желѣзомъ Урала естественно мѣшаетъ возникновенію выдѣлки того же металла въ степяхъ.

Основныя причины неуспѣха желѣзодѣлательной промышленности отражаются и вообще на заводскомъ дѣлѣ, которое очень слабо развито во всѣхъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ Россіи, не смотря на то, что русскіе не держутся такой узкой системы, какъ англичане, которые долго препятствовали заведенію фабрикъ въ Индіи, чтобы расширить рынокъ манчестерскихъ и другихъ метропольныхъ англійскихъ издѣлій. Большихъ мануфактуръ, въ европейскомъ смыслѣ слова, нѣтъ совсѣмъ въ Средней Азіи, и только заводы салотопенные, кожевенные и винокуренные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи, особенно же на линіи оренбургско-сибирской, служатъ къ переработкѣ немногихъ мѣстныхъ сырыхъ продуктовъ въ заводскія издѣлія. Винокуренные заводы въ Вѣрномъ и Лепсѣ даже развились до степени, превышающей разумную потребность въ ихъ продуктѣ; но, конечно, пока около трети дохода русской казны будетъ получаться изъ акциза со спирта, ожидать стѣсненія ихъ вредной производительности нельзя. Въ Туркестанскомъ краѣ, туземное осѣдлое населеніе изстари знакомо съ разными ремеслами и особенно съ приготовленіемъ тканей, шелковыхъ и бумажныхъ; но эта промышленная дѣятельность не прогрессивна и даетъ издѣлія средняго и нисшаго сорта, пригодныя только для азіятцевъ и очень мало для вывоза въ европейскую Россію, гдѣ мы потому и видимъ среднеазіатскіе ковры и шелковыя ткани лишь изрѣдка, а другихъ издѣлій не видимъ совсѣмъ. Этого мало: усиливающійся вывозъ хлопка и шелка изъ Ташкента въ среднерусскія фабричныя губерніи прямо показываетъ, что на мѣстную заводскую обработку важнѣйшихъ произведеній Средней Азіи никто и не расчитываетъ, предпочитая отправлять сырье за 2500 верстъ, лишь бы оно было обработано лучше, чѣмъ на ручныхъ станкахъ сартовъ. Замѣтимъ, что такой порядокъ обработки хлопка представляется экономически довольно страннымъ, потому что всѣ русскіе солдаты въ Туркестанѣ (а ихъ есть до 37.000), по закону, носятъ бѣлье изъ хлопчатобумажныхъ тканей мѣстнаго производства, такъ что большая миткальная фабрика въ Таш-

кентѣ могла бы имѣть вѣрный сбытъ для своего продукта. Между тѣмъ такой фабрики нѣтъ.

Что касается торговли въ средней Азіи, то мы не можемъ выразить какими-либо численными данными успѣховъ, сдѣланныхъ ею со времени утвержденія русскаго господства въ этой странѣ. Послѣ уничтоженія въ 1866 году оренбургско-сибирской таможенной линіи изчезли изъ статистики даже тѣ малонадежныя цифры привоза и вывоза по среднеазіатской торговлѣ, которыя въ прежнее время публиковались министерствомъ финансовъ. Обнародуемыя же „Туркестанскими Вѣдомостями“ данныя о торговлѣ въ Ташкентѣ не обнимаютъ даже всѣхъ оборотовъ одного этого города, не говоря уже про остальной Туркестанъ и киргизскія степи. Но что торговля Россіи съ Среднею Азіею и разныхъ частей послѣдней между собою возросла, особенно въ послѣдніе 10—15 лѣтъ, —въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Одно развитіе такихъ городовъ, какъ Вѣрный и русскій Ташкентъ, свидѣтельствуетъ объ этомъ столь же краснорѣчиво, какъ могли бы это сдѣлать самыя подробныя статистическія таблицы. Особенно утѣшительно, что торговля эта начала было становиться для насъ активною, т. е. переходить по немногу въ руки русскихъ купцовъ, поселившихся въ Туркестанѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи. Къ сожалѣнію, самыя послѣднія извѣстія изъ Сыръ-дарьинской области не оставляютъ сомнѣнія, что въ этой обширной и многолюдной провинціи такая активная торговля снова упадаетъ, или переходитъ въ руки сартовъ; при этомъ русскія фирмы уменьшаютъ свои обороты или даже вовсе сходятъ со сцены. Также и въ Вѣрномъ важнѣйшая коммерческая роль нынѣ принадлежитъ не русскимъ, а сартамъ и китайцамъ, изъ которыхъ послѣдніе едва нѣсколько лѣтъ назадъ переселились туда изъ Кульджи. На восточной границѣ Семипалатинской области, гдѣ двадцать лѣтъ назадъ торговля развилась было до довольно значительныхъ размѣровъ, [1]) нынѣ она въ сильномъ упадкѣ вслѣдствіе потери китайцами власти въ значительной части Джунгаріи и по дорогѣ оттуда въ собственный Китай. Сомнительно, чтобы эта торговля когда либо стала обширною, потому что между собственнымъ Китаемъ и европейскою Россіею уже установился для товаровъ скорый и дешевый мор-

---

[1]) Черезъ Чугучакъ шло въ Россію чаю на милліонъ рублей; въ этомъ же городѣ находили сбытъ нѣкоторые русскіе продукты.

ской путь на пароходахъ, а среднеазіятскія владѣнія обѣихъ державъ, особенно Китая, слишкомъ бѣдны по природѣ, чтобы изъ нихъ могло идти много предметовъ въ международные торговые обороты. Отправленная въ 1874—75 году учено-торговая экспедиція для изслѣдованія коммерческаго пути изъ Ханькоу въ Семипалатинскъ, несмотря на желаніе нѣкоторыхъ изъ ея членовъ представить этотъ путь въ привлекательномъ свѣтѣ, на самомъ дѣлѣ больше всего доказала истину, давно впрочемъ извѣстную, что пора большихъ степныхъ каравановъ прошла и что если не существуетъ болѣе монопольныхъ торговыхъ факторій въ родѣ кяхтинской (до 1861 года), то не можетъ быть и надежды на замѣну морскаго пути изъ Шанхая въ Одессу сухопутнымъ изъ Ханькоу въ Пермь, т. е. на протяженіи 5 — 6 тысячъ верстъ, изъ которыхъ еще 2400 должны совершиться на вьюкахъ. Самая посылка каравановъ изъ Зайсанскаго поста въ Чжунгарію была дѣлаема не безъ натяжекъ и покровительства мѣстныхъ властей, въ родѣ напр. назначенія дорогостоющихъ вооруженныхъ прикрытій каравановъ; это показываетъ, что коммерческое движеніе совершается тутъ на весьма зыбкихъ основаніяхъ.

О торговлѣ въ закаспійскомъ краѣ, развитіе которой было оффиціальнымъ поводомъ къ основанію Красноводска, намъ нечего больше сказать, какъ то, что въ дѣйствительности ея почти нѣтъ и, конечно, никогда не будетъ, потому что туркменамъ продавать почти нечего, а для торговли Хивы, Бухары и верховьевъ Аму-дарьи есть много другихъ путей, болѣе удобныхъ, чѣмъ бугристо-песчаныя, безлюдныя и безводныя степи на протяженіи 600, 1,000 и 1,500 верстъ отъ Красноводска. Въ нашемъ обществѣ нерѣдко слышатся толки, что перемѣна въ теченіи водъ Аму-дарьи, т. е. направленіе ихъ вмѣсто Аральскаго моря въ Каспійское, можетъ существенно измѣнить промышленную судьбу Туркменіи и восточнаго берега Каспія. Но это есть чистое заблужденіе. Отводъ воды изъ Окса въ Узбой въ количествѣ достаточномъ, чтобы рѣка доходила до Каспія и еще давала орошеніе своей долинѣ, можетъ, конечно, оживить эту долину, но неиначе, какъ въ ущербъ плодородію теперешней дельты Аму-дарьи, гдѣ производительной почвы и безъ того есть не болѣе 100 кв. миль. Кромѣ того, съ прекращеніемъ притока аму-дарьинской воды, сократится по крайней мѣрѣ на половину Аральское море и слѣдовательно утратится пароходная связь

между бассейнами Яксарта и Окса. Попытки торговыхъ сношеній между Красноводскомъ и Хивою (объ успѣхахъ этихъ сношеній нерѣдко возвѣщаютъ какъ о чемъ-то экономически-важномъ) въ дѣйствительности такъ скромны, что по нимъ можно заключить только о современномъ ничтожествѣ этой торговли, а никакъ не о будущемъ ея величіи. Одна печальная картина Красноводска, какъ она вѣрно нарисована въ 1875 году г. Гриммомъ, должна подѣйствовать на самые предубѣжденные умы. Если, несмотря на такой взглядъ, мы все-таки не можемъ иначе, какъ съ признательностью, упомянуть здѣсь о настойчивой дѣятельности г. Глуховскаго по открытію караваннаго движенія между Хивою и Красноводскомъ, то въ этомъ случаѣ мы цѣнимъ не размѣръ обнаружившагося торговаго движенія, а его политическій результатъ: водвореніе дружественныхъ сношеній русскихъ съ туркменами.

Чтобы заключить нашъ бѣглый взглядъ на развитіе средне-азіятской торговли, которую, конечно, должно считать однимъ изъ лучшихъ проводниковъ русскаго вліянія и русской цивилизаціи въ Туранѣ и сосѣднихъ ему странахъ, намъ слѣдуетъ еще сказать о сношеніяхъ съ Кашгаромъ, Хорасаномъ и пр., и затѣмъ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ изъ современнаго развитія русско-азіятскаго торговаго движенія и тѣхъ договоровъ съ средне-азіятскими ханствами, которые какъ бы предначертывали, при своемъ заключеніи, характеръ и размѣры этого движенія въ будущемъ. Но торговля съ Кашгаромъ весьма незначительна и почти совершенно случайна, хотя иногда не безвыгодна, благодаря тому, что соперничествующіе тамъ съ нами англичане ведутъ свои дѣла неумѣло [1]). Въ Хорасанѣ же вовсе нѣтъ представителей русскаго торговаго міра, хотя русскіе товары проникаютъ туда и даже въ Афганистанъ черезъ Астрабадъ. Впрочемъ, такое отсутствіе русскихъ купцовъ замѣтно не въ одномъ Хорасанѣ, а на верхнемъ Оксѣ, въ Хивѣ и даже въ самой Бухарѣ, гдѣ постоянныхъ русскихъ фирмъ всего одна или двѣ. Вѣроятно, чтобы перемѣнить къ лучшему такой невполнѣ удовлетворительный ходъ русскихъ коммерческихъ дѣлъ, т. е. непремѣнно утвердить за русскою торговлею ея первенствующее значеніе въ средней Азіи, заключены наши торговые

---

[1]) Объ этомъ есть отчетъ агента Средне-азіятской компаніи, основанной въ Индіи.

договоры съ Кашгаромъ (1872), Бухарою (1868 и 1873) и Хивою (1873), которыми русскіе купцы въ этихъ ханствахъ совершенно приравнены въ своихъ правахъ къ туземнымъ. Безъ сомнѣнія, этимъ же желаніемъ расширить русскій рынокъ въ средней Азіи мотивировано и запрещеніе привоза въ русскій Туркестанъ англійскихъ товаровъ изъ Индіи. Но ни трактаты, ни запретительная система пока не привели къ особенно значительнымъ послѣдствіямъ. Конечно, одною изъ важнѣйшихъ тому причинъ служитъ недостатокъ русскихъ капиталовъ; но кромѣ того немаловажную роль играютъ: конкурренція сартовъ, давно и хорошо знакомыхъ съ потребностями средне-азіятцевъ и имѣющихъ всюду старинныя связи, также неспокойное состояніе нѣкоторыхъ степныхъ мѣстностей, гдѣ проходятъ торговыя дороги, и главное — длина этихъ дорогъ и необходимость возить все на вьюкахъ, что чрезвычайно поднимаетъ цѣну товаровъ и нерѣдко дѣлаетъ ее недоступною для небогатыхъ (вообще) жителей средней Азіи.

Эти неудобства среднеазіятскихъ путей сообщенія, ощутительныя еще и въ стратегическомъ отношеніи, давно уже привели къ мысли соединить Россію съ Туркестаномъ посредствомъ желѣзной дороги. Цѣлый рядъ статей въ журналахъ и отдѣльныхъ брошюрахъ у насъ и даже за границею посвященъ вопросу объ этой дорогѣ, которымъ занимались и ученыя общества [1]), и наконецъ само правительство, рѣшившееся произвести подробныя изысканія для устройства рельсоваго пути до Ташкента. Было бы преждевременно въ настоящую минуту высказывать какое-нибудь опредѣленное, непреложное заключеніе объ этой будущей средне-азіятской торговой артеріи, но вотъ что представляется уму само собою при разсмотрѣніи вопроса во всей его ширинѣ, какъ то подобаетъ въ сферѣ науки. Сама природа ограничила число направленій, по которымъ могутъ проходить рельсовые пути въ Средней Азіи, такъ какъ большая часть этой обширной страны занята безплодными и безводными степями, а желѣзныя дороги могутъ проходить только по оазисамъ, гдѣ есть населеніе и культура, или же, по крайней мѣрѣ, связывать такіе оазисы по кратчайшимъ направленіямъ. Такимъ образомъ выборъ въ настоящемъ, какъ и въ будущемъ, возможенъ только между слѣдующими линіями: 1) отъ юго-восточнаго угла Каспія къ Герату

---

[1]) Общества: Русск. географическое, содѣйствія промышленности, парижскій географическій конгресъ.

и оттуда къ верховьямъ Окса; отъ Герата можно еще впослѣдствіи провести дорогу къ нижнему Инду; 2) отъ Красноводска въ Хиву, гдѣ начинаются водные пути съ одной стороны вверхъ по Оксу, до предѣловъ Гиссара и Балха, а съ другой—внизъ по этой рѣкѣ и далѣе чрезъ Аральское море въ устья Сыра, который судоходенъ почти до Ходжента; 3) отъ давнишняго центра среднеазіятской торговли и отчасти администраціи, Оренбурга, въ Ташкентъ, черезъ степь; при этомъ выгоднѣйшее направленіе линіи представляется пока спорнымъ; 4) отъ Екатеринбурга черезъ Троицкъ въ Ташкентъ же, и 5) изъ Семипалатинска (до котораго есть водный путь изъ Тюмени) въ Вѣрный, а оттуда уже въ Ташкентъ и далѣе. Сдѣлаемъ, въ немногихъ словахъ, характеристику всѣхъ этихъ путей. Первый путь представляется единственнымъ изъ русскихъ путей, по которому когда-либо будетъ привязана нетолько къ Россіи, но и къ западной Европѣ, Индія, такъ что изъ всѣхъ пяти направленій средне-азіятской желѣзной дороги это одно можетъ получить значеніе международное и всемірное. Кромѣ того на одномъ этомъ пути желѣзная дорога не выйдетъ нигдѣ изъ земель съ осѣдлымъ населеніемъ, даже отчасти богатыхъ отъ природы, каковы Закавказье, Гиланъ, Мазандеранъ, Гератъ и пр. Все протяженіе рельсоваго пути отъ Тифлиса до Кундуза тутъ выйдетъ около 3,400 верстъ, и почти тоже разстояніе раздѣляетъ Тифлисъ отъ Шикарпура на Индѣ. Въ сооруженіи этой дороги могутъ быть заинтересованы не только русскіе, для которыхъ она свяжетъ ихъ естественные южные предѣлы въ средней Азіи съ европейскою Россіей, но и персіяне, афганцы, индусы, даже англичане, если вѣковое предубѣжденіе послѣднихъ противъ Россіи на столько ослабнетъ, что они рѣшатся ѣздить въ Индію черезъ русскія земли. Но очевидно, что въ настоящее время и въ близкомъ будущемъ, эта дорога, которую мы назовемъ хорасанскою, не имѣетъ никакой вѣроятности исполненія. Для самой Россіи (т. е., для ея внутреннихъ сообщеній) она впрочемъ имѣла бы значеніе второстепенное, по своей отдаленности отъ средоточій государства. Второе направленіе, Красноводско-хивинское, соблазнительно по своей краткости, 650 верстъ, и также потому, что, построивъ тутъ дорогу, можно, повидимому, на долгое время ограничиться судоходствомъ по Аму- и Сыръ-дарьямъ, не дѣлая огромныхъ издержекъ на дальнѣйшее проложеніе рельсовъ. Кромѣ того, на этомъ пространствѣ зима короче и зимніе бураны менѣе опасны, чѣмъ на всѣхъ путяхъ, ведущихъ съ Урала и Иртыша. Но на-

селенія по этому направленію нѣтъ вовсе, и водворить его можно будетъ лишь въ небольшомъ числѣ, около Сары-Камыша, куда можно пустить нѣсколько воды изъ Окса, не ослабляя впрочемъ судоходныхъ качествъ послѣдняго къ сторонѣ Арала. Наконецъ, эта дорога не привязываетъ непосредственно къ Россіи ни Ташкента, ни Кокана, ни Самарканда съ ихъ окрестностями, такъ что для нихъ всегда останутся болѣе естественными, хотя и дорогими, вьючные пути къ Оренбургу и Троицку. Направленіе третьей дороги, изъ Оренбурга въ Ташкентъ, еще не уяснилось окончательно, и весьма возможно, что будетъ избрана линія на Орскъ, Уркачъ и Джулекъ, оставляя въ сторонѣ кратчайшее направленіе по берегамъ Сыра у Казалинска. Но какъ Россія ни кажется богатою (?) деньгами, едва ли не будетъ практичнѣе вести дорогу по послѣднему направленію, такъ-какъ при этомъ вмѣсто 2020 верстъ придется выстроить всего 980, особенно если отъ Оренбурга пойдти вверхъ по Илеку, на Акъ-тюбе. Въ крайнемъ случаѣ, можно даже остановиться, до времени, у этого послѣдняго пункта, отъ котораго до Казалы 650 верстъ. Но необходимымъ условіемъ приведенія этой дешевѣйшей (послѣ красноводско-хивинской) желѣзной дороги въ Среднюю Азію служитъ поддержаніе и развитіе правильнаго пароходства по Сыру, что̀, какъ извѣстно, до сихъ поръ удавалося не вполнѣ. Поэтому мы замѣтимъ, что если уже нельзя будетъ, по причинѣ неудобствъ сыръ-дарьинскаго пароходства и вслѣдствіе трудности перехода черезъ Каракумскіе пески, вести дорогу изъ Оренбурга на Казалинскъ, то лучше избрать исходнымъ пунктомъ восточнаго направленія не Оренбургъ, а Екатеринбургъ и Троицкъ, откуда въ Среднюю Азію всегда будутъ значительные грузы металловъ и куда уже нынѣ идутъ соль, кожи и сало изъ степи и хлопокъ изъ Ташкента. Можно, наконецъ, соединить обѣ линіи, оренбургскую и троицкую, гдѣ-нибудь около Уркача, гдѣ есть значительная добыча соли; но это увеличитъ размѣръ степной сѣти до 2600 верстъ, которыя потребуютъ для своего осуществленія огромнаго капитала, примѣрно въ 250 милліоновъ рублей: ибо полагать стоимость сооруженія одной версты дороги по безлѣснымъ, безводнымъ, нерѣдко лишеннымъ камня и всегда металловъ, степямъ менѣе чѣмъ въ 95,000 рублей было бы легкомысленно и могло бы повести къ дурному устройству станцій, колодцевъ и самаго полотна. Наконецъ о пятомъ пути, изъ Семипалатинска въ Вѣрный и оттуда въ Ташкентъ, можно сказать, что, хотя въ

техническомъ и даже хозяйственномъ отношеніи онъ самый легкій и выгодный, но онъ не имѣетъ никакой вѣроятности быть осуществленнымъ въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ. Когда же населеніе Западной Сибири увеличится и Иртышъ станетъ важнымъ пароходнымъ путемъ, тогда соединеніе Семипалатинска съ Вѣрнымъ можетъ оказаться небезвыгоднымъ и притомъ нетруднымъ. Эта линія будетъ уже среднеазіятскою въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, ибо не только охватитъ значительную часть тамошнихъ нашихъ владѣній, но и привлечетъ экономически къ Россіи Чжунгарію и Восточный Туркестанъ, которые не всегда же будутъ находиться въ состояніи революціи.

Этими краткими замѣтками о среднеазіятскихъ желѣзныхъ дорогахъ, т. е. о явленіи еще будущемъ, мы заключимъ нашъ взглядъ на экономическую сторону поступательнаго движенія Россіи въ Туранѣ, чтобы вернуться къ современной дѣйствительности и притомъ перейдти отъ интересовъ вещественныхъ къ духовно-нравственнымъ, именно къ религіи, законодательству и умственному образованію. Не безъ прискорбія должно признаться, что сто сорокъ лѣтъ нашего владычества надъ киргизами не только не стерли религіозной розни ихъ съ нами, но еще усилили ее, хотя по своей природѣ номады вовсе не горячіе поклонники исламизма. Мало того; мы сами ввели организацію въ церковное дѣло магометанскихъ ордынцевъ, строили для нихъ мечети, заводили указныхъ, т. е. ученыхъ, болѣе фанатическихъ, муллъ, и въ результатѣ имѣемъ два милліона кочевыхъ послѣдователей корана, живущихъ еще въ сосѣдствѣ нѣсколькихъ милліоновъ осѣдлыхъ. Мы не хотимъ, конечно, этимъ сказать, что слѣдовало въ теченіе ста сорока лѣтъ строить въ степяхъ христіанскія церкви и залучать въ нихъ, силою или коварствомъ, киргизовъ: это было бы противно и совѣсти, и традиціонной вѣротерпимости русскихъ. Но что наша христіанская пропаганда *ничего* не сдѣлала среди младенчествовавшихъ душою ордынцевъ и даже не касалася ихъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. А между тѣмъ это вопросъ важный, и между прочимъ именно въ политическомъ смыслѣ. Китайцы, покровительствуя распространенію кроткаго ламаизма въ Монголіи, передѣлали неугомонныхъ и воинственныхъ потомковъ Чингизъ-хана въ мирныхъ пастуховъ; напротивъ, мусульманскіе ихъ подданные, сосѣди нашихъ среднеазіятскихъ магометанъ, навсегда остались безпокойнѣйшимъ этнографическимъ элементомъ въ составѣ Небесной имперіи. Тѣхъ

же послѣдствій можемъ, до нѣкоторой степени, опасаться и мы, въ особенности когда Бухара, этотъ центръ среднеазіятскаго исламизма, войдетъ въ составъ нашихъ владѣній, подобно внутреннему раку въ организмъ, съ затаенною ненавистью противъ гяуровъ, или же когда, наоборотъ, усилится въ нашемъ сосѣдствѣ довольно большое мусульманское государство Якубъ-бека кашгарскаго.

Мусульманство и теперь уже даетъ намъ чувствовать себя съ неблагопріятной стороны, ибо поддерживаетъ племенную и политическую рознь киргизовъ, узбековъ и таджиковъ съ русскими, вслѣдствіе чего на сліяніе этихъ расъ мало надежды; кромѣ того оно же препятствуетъ даже передовымъ азіятцамъ вполнѣ объевропеиться, т. е. войдти въ интересы общечеловѣческой цивилизаціи. Результатомъ этого, по необходимости, является то, что мы не можемъ напр. ввѣрять всѣмъ этимъ инородцамъ многихъ должностей, которыя бы всего удобнѣе замѣщать туземцами. Приходится назначать на эти должности людей пришлыхъ, мало знакомыхъ съ народною жизнію. Подобное же назначеніе иногда можетъ вести къ очень вреднымъ послѣдствіямъ, вводя въ администрацію элементъ неумѣлости, раздражающей своими пріемами все туземное населеніе. До чего же эта самоувѣренная неумѣлость можетъ доходить, примѣровъ можно бы собрать не мало въ исторіи русскаго управленія хотя бы въ одномъ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ молодые и холостые армейскіе офицеры, будучи сдѣланы какими нибудь мелкими членами уѣздной администраціи, позволяли себѣ разбирать бракоразводныя дѣла мусульманъ, т. е. вторгаться въ самую заповѣдную и самую близкую сердцу каждаго человѣка область. Привлечь мусульманъ на нашу сторону можно однимъ только способомъ, — обращеніемъ ихъ съ юности въ сферу европейской науки и жизни, и тогда, разумѣется, наиболѣе даровитыя личности, какъ братья Валихановы, Бабаджановы, Джегангировы и др., могутъ дать прекрасные образцы просвѣщенныхъ азіятцевъ. Но до сихъ поръ число подобныхъ личностей весьма незначительно. Въ большей же части случаевъ самые передовые среднеазіятскіе мусульмане, при сближеніи съ русскими, ограничиваются тѣмъ, что начинаютъ носить вмѣсто халата казакинъ, пить вино и водку и отличать себя отъ невѣжественныхъ массъ нѣкоторымъ скептическимъ шикомъ.

Впрочемъ, медленному или слишкомъ поверхностному привитію среднеазіатскимъ нашимъ подданнымъ началъ европейскаго обра-

зованія удивляться нельзя. Мы сами въ этомъ случаѣ ушли не такъ далеко, какъ бы можно желать. И въ то время, какъ англичане въ Индіи создали четыре университета, шестьдесятъ коллегій и многія тысячи начальныхъ школъ для туземцевъ, у насъ во всей Азіятской Россіи нѣтъ ни одного университета, гимназіи находятся далеко не во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ, а въ степяхъ и Туркестанѣ русскія училища едва начинаютъ возникать. Не безъ основанія, хотя конечно съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, было замѣчаемо, что, въ то время, какъ англо-германская колонизація вездѣ начинаетъ, при устройствѣ новыхъ осѣдлостей, съ отвода участка земли подъ школу, у насъ аванпостами гражданственности являются укрѣпленія и казармы, за которыми слѣдуютъ зданія полицейскихъ управленій, остроги и, наконецъ, посредственные дома частныхъ лицъ, построенные еще иногда на субсидію отъ казны; объ училищахъ же думаютъ меньше всего. Это низкое мѣсто, занимаемое школою въ нашей собственной жизни, разумѣется, не могло не парализировать распространеніе науки среди покоренныхъ нами азіятскихъ народовъ. Мы проглядѣли, что изъ всѣхъ завоевательныхъ силъ самая прочная есть общеніе побѣжденныхъ съ побѣдителями на поприщѣ умственнаго развитія, какъ было въ Римской имперіи, какъ отчасти есть теперь во владѣніяхъ Англіи. Если нѣкоторые изъ нашихъ читателей найдутъ настоящій упрекъ нашъ слишкомъ рѣзкимъ, то просимъ ихъ принять въ соображеніе, что онъ истекаетъ изъ самой чистой любви къ Россіи и въ данномъ случаѣ не можетъ быть уменьшенъ въ силѣ, потому что послѣдствія пренебреженія школою слишкомъ очевидны. Въ данную минуту, въ предѣлахъ среднеазіятскихъ владѣній мы имѣемъ всего двѣ военныя гимназіи, въ Оренбургѣ и Омскѣ, служащія высшими разсадниками европейскаго знанія на 50,000 кв. миляхъ, нѣсколько прогимназій, къ которымъ относятся и двѣ едва возникающія въ Ташкентѣ и Вѣрномъ, да очень небольшое число низшихъ училищъ въ казачьихъ станицахъ. Нѣтъ даже порядочнаго учрежденія для приготовленія переводчиковъ, безъ которыхъ однакоже наша администрація въ степяхъ и въ Туркестанѣ не можетъ дѣйствовать... Конечно, не такими малочисленными и притомъ еще невсегда образцовыми орудіями мы можемъ бороться съ среднеазіятскимъ невѣжествомъ и соотвѣтствующимъ ему фанатизмомъ мусульманъ и стирать ту рознь съ побѣжденными, которая всегда служитъ источникомъ

бѣдствій для побѣдителей, какъ удостовѣряетъ исторія испанскихъ колоній, Турціи, Китая и разныхъ другихъ странъ, которыя иной разъ и не подозрѣвали своей внутренней слабости и близости къ разрушенію, особенно если имѣли большое число солдатъ.

Впрочемъ, наше замѣчаніе о слабости русскаго умственнаго движенія въ средней Азіи значительно смягчается тѣми успѣхами научнаго изслѣдованія этой страны, которыми мы обязаны во многихъ направленіяхъ образованнымъ русскимъ дѣятелямъ. Особенно естествознаніе, географія и отчасти статистика сдѣлали огромные успѣхи, благодаря трудамъ Бларамберга, Богданова, Борщова, Бутакова, Валиханова, Григорьева, Каульбарса, Костенко, Куна, Левшина, Маева, Макшеева, Муравьева, Небольсина, Соболева, Стебницкаго, Струве, Сѣверцева, Терентьева, Тилло, Шарнгорста, Ханыкова и многихъ другихъ, которыхъ, къ чести Россіи, мы можемъ считать даже не единицами, а десятками. Зданіе, ими заложенное и отчасти выведенное, будетъ самымъ прочнымъ изъ всѣхъ, которыя нами созданы на среднеазіятской почвѣ, и изъ подъ его-то сѣни мало-по-малу выйдутъ тѣ новые *туземные* дѣятели науки, отъ которыхъ можно ожидать, что они наконецъ припаяютъ среднеязіятскія русскія владѣнія къ самой Россіи. Къ сожалѣнію, и тутъ нельзя не замѣтить, что донынѣ у насъ мало поощряется это образованіе мѣстныхъ, туземныхъ дѣятелей науки, такъ что примѣръ Чокана Валиханова, который былъ выдвинутъ генералъ-губернаторомъ Гасфордомъ, есть едва ли не единственный. А между тѣмъ, повторимъ: нѣсколько подобныхъ ученыхъ среднеазіятцевъ, русскихъ по образованію и симпатіямъ, могли бы дать нашему политическому положенію въ Средней Азіи болѣе прочности, чѣмъ десятки дорого-стоющихъ укрѣпленій, подобныхъ Уильскому, Масше, Кармакчамъ, Аягузу, чѣмъ цѣлыя сотни мелкихъ, полуобразованныхъ чиновниковъ и цѣлыя тысячи солдатъ и казаковъ.

Но „наука есть прихотливое растеніе; она созрѣваетъ не на всякой почвѣ“, или—говоря безъ метафоры, употребленной знаменитымъ учителемъ современнаго трудящагося русскаго поколѣнія, Грановскимъ—не при всякихъ условіяхъ. На сколько теперешнія нравственныя условія русской Азіи могутъ способствовать или препятствовать зарожденію умственнаго движенія въ ея обитателяхъ, видно отчасти изъ сказаннаго. Къ этому можно прибавить, что, по словамъ великаго обновителя самой Россіи,

Петра I, „науки принужденія и насилія терпѣть не могутъ, свободу любяще“, а между тѣмъ значительная часть русскихъ владѣній въ средней Азіи находится, ежели не *de jure*, то *de facto* на военномъ положеніи. Конечно, это военное положеніе можетъ быть во многомъ смягчено успѣхами гражданскаго управленія, и на самомъ дѣлѣ въ этомъ смыслѣ русскими сдѣлано въ средней Азіи очень немало, но далеко не все. По важности вопроса разсмотримъ его здѣсь съ нѣкоторою подробностію. Въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго вѣка киргизскія степи, намъ подвластныя, управлялись безъ опредѣленныхъ законоположеній, мѣстными ханами, подъ надзоромъ нашихъ губернаторовъ въ Оренбургѣ и Тобольскѣ; потомъ званіе хановъ было уничтожено, и Малая Орда стала управляться тремя султанами, по частямъ, но на прежнихъ безконтрольныхъ началахъ. Для средней же орды, т. е. для киргизовъ Сибирскаго вѣдомства, Сперанскій далъ, въ 1822 г., иное, лучшее устройство. Не отнимая у родовыхъ киргизскихъ начальниковъ ихъ власти вполнѣ, онъ обставилъ употребленіе послѣдней совѣщательною коллегіею, или приказомъ, который находился въ каждомъ округѣ и въ которомъ старшій султанъ былъ только предсѣдателемъ, имѣвшимъ о-бокъ себя членовъ не только изъ киргизъ, находившихся подъ его вліяніемъ, но и изъ русскихъ. Съ тѣхъ поръ Средняя Орда во многомъ обогнала по своему развитію Малую, не смотря на свою отдаленность и на то, что въ дѣла ея вмѣшивались то коканцы, то китайцы. Киргизы акуратно вносили подати, которыя раскладывались въ приказахъ по степени богатства каждаго изъ ордынцевъ скотомъ, и хотя составленіе этой раскладки подавало поводы къ злоупстребленіямъ, но на нихъ были возможны жалобы къ русскимъ властямъ въ Омскѣ. Султаны, ставъ въ близкую и постоянную зависимость отъ контролирующихъ начальствъ, вводили въ управленіе менѣе произвола. Между тѣмъ въ Оренбургской степи никакого надзора не было, и напр. въ кочевья адаевцевъ никогда не появлялся ни одинъ русскій чиновникъ, а султаны отчасти считали себя союзниками Россіи, но не безусловными ея подданными. Сдѣлавъ что-либо противузаконное, они нерѣдко уходили въ предѣлы Хивы и Кокана, уводя туда съ собою и многихъ родовичей. Эта двойственность въ управленіи степей, населенныхъ однимъ и тѣмъ же народомъ, продолжалась до 1868—69 г., когда введено было общее для обѣихъ положеніе, нынѣ дѣйствующее. Положеніе это, составленное съ знаніемъ дѣла, при участіи такихъ

знатоковъ киргизскаго быта, какимъ былъ Гутковскій, и послѣ трехлѣтняго объѣзда всѣхъ степей коммиссіею (составленною изъ людей съ европейскимъ образованіемъ), было огромнымъ шагомъ къ улучшенію управленія киргизами. Выборное начало проведено въ немъ очень широко. Не только аульные старосты и біи или судьи, но и волостные старшины, бывшіе прежде почти исключительно изъ султановъ, стали выбираться свободно изъ всего народа. Общее управленіе уѣздами отнято у необразованныхъ ордынцевъ и поручено русскимъ уѣзднымъ начальникамъ; но въ помощники имъ поступило немало природныхъ киргизъ, только уже не одной „бѣлой кости", а всякихъ, смотря по дарованіямъ, заслугамъ и вліянію среди населенія. Понятно, что эта реформа не понравилась, на первое время, многимъ членамъ киргизской знати, и они не замедлили даже произвести волненія, но только въ Оренбургской степи; Сибирская же оставалась спокойною, какъ это и было естественно, ибо новый порядокъ дѣлъ былъ въ ней только развитіемъ прежняго и былъ очевидно выгоденъ для массъ. Теперь степи вообще можно считать устроенными и управляемыми довольно удовлетворительно, и только въ Малой Ордѣ нужно желать скорѣйшаго водворенія областныхъ и уѣздныхъ управленій въ своихъ районахъ, вмѣсто того, чтобы они находились отъ нихъ за многія сотни верстъ. Можно также думать, что устройство въ этой ордѣ двухъ областей излишне, и что, если бы выдѣлить изъ состава Уральской области казачьи земли, лежащія въ Европѣ, а не въ Азіи, то для остальной степи совершенно достаточно одного областнаго управленія въ Оренбургѣ, особенно съ передачею богоналинцевъ въ сибирское вѣдомство, а адаевцевъ въ закаспійское.

Относительно устройства и управленія Туркестанскаго края всякая критика, естественно, должна быть снисходительна, потому что присоединеніе этой страны сдѣлано слишкомъ недавно и даже еще продолжается. Но правдивость науки не позволяетъ обойдти нѣкоторыхъ важныхъ явленій, далеко не желательныхъ съ точки зрѣнія политики и правъ государственнаго, уголовнаго и гражданскаго. Мы, конечно, не станемъ повторять фактовъ и — нѣсколько поспѣшныхъ — выводовъ изъ нихъ, которые изложены были три года тому назадъ г-мъ Скайлеромъ въ его извѣстномъ донесеніи правительству Соединенныхъ Штатовъ. Многіе изъ этихъ фактовъ вѣрны, и мы могли бы привести много другихъ подобныхъ, рекомендующихъ административный произволъ и безотвѣтственность чиновниковъ, злоупотреблявшихъ властью; но все

это мелочи, которыя могутъ сегодня быть, а завтра пройдти. Гораздо важнѣе то, что *у насъ не выработался вообще взглядъ на систему управленія Туркестаномъ.* Два проекта, представленные изъ Ташкента въ 1871 и 1873 годахъ, оба признанные неудовлетворительными въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, исходили изъ весьма различныхъ началъ и имѣли въ себѣ общаго только заботливость о хорошей обстановкѣ мѣстнаго русскаго чиновничества и крайне мелочное вмѣшательство администраціи во всѣ подробности общественной и даже семейной жизни. Такъ напр. по первому проекту [1]) совѣтъ генералъ-губернатора долженъ былъ заниматься правилами о томъ, какъ обсаживать деревьями оросительныя канавы. По второму полицейскіе чиновники уѣздныхъ управленій должны были рѣшать бракоразводныя дѣла мусульманъ, предварительно побывавшія въ двухъ мѣстныхъ судебныхъ инстанціяхъ. Мы не говоримъ уже о почти невѣроятныхъ требованіяхъ, чтобы всѣ жители края, осѣдлые и кочевые, получали, за 20 копѣекъ, особые билеты, отсутствіе которыхъ лишало бы ихъ всѣхъ гражданскихъ и личныхъ правъ; о томъ, чтобы всякая община, желающая быть законною, заключала не менѣе десяти членовъ, и пр. Все это показываетъ незрѣлость мысли у редакторовъ отдѣльныхъ главъ проектовъ. Но что сказать о выраженіяхъ въ родѣ тѣхъ, которыми мотивировалась *вся совокупность* проекта, *всѣ* предлагавшіяся нововведенія, а именно, что въ теченіи пяти лѣтъ подчиненія Россіи, Туркестанскій край утратилъ всѣ особенности своей исторической національной жизни и представляетъ чистую страницу (tabula rasa), на которой законодатель можетъ писать что угодно?! Подобная незрѣлость основанія проекта выходитъ уже изъ ряда самыхъ причудливыхъ доводовъ, которыми когда-либо мелкіе, полуобразованные чиновники обставляли свои кабинетныя предположенія.

Не касаясь далѣе подробностей проекта и дѣйствительнаго хода управленія Туркестанскимъ краемъ, остановимся однако еще на двухъ вопросахъ, до него относящихся и входящихъ въ сферу внутренней политики. Въ то время, какъ бѣдныя отъ природы степи, безъ отягощенія своихъ жителей, содержатъ мѣстныя администрацію и войска и даже даютъ остатки въ государственное каз-

---

[1]) Подробное извлеченіе изъ него было напечатано въ газетѣ «Голосъ» 1871 года. Въ той же газетѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ были обнародованы извлеченія изъ втораго проекта 1873 г.

начейство, Туркестанскій край, о богатствахъ котораго нерѣдко говорится, представляетъ постоянные дефициты, которыхъ сумма къ 1876 году должна была возрасти до 20½ милліоновъ рублей, если не болѣе. Такое превышеніе расходовъ передъ доходами внушаетъ не безосновательныя опасенія всѣмъ, кому дороги интересы Россіи; противникамъ же ея подаетъ поводъ, съ одной стороны, радоваться ея истощенію, — какъ это недавно сдѣлалъ публично одинъ изъ англійскихъ государственныхъ людей, — а съ другой, прямо объяснять нашу снисходительность къ нынѣшнимъ дефицитамъ предположеніемъ въ насъ надежды покрыть ихъ въ будущемъ завоеваніемъ Индіи, что̀, разумѣется, вселяетъ къ намъ непримиримую ненависть Англіи. На существованіе этихъ дефицитовъ и ихъ опасное значеніе было не разъ указываемо (хотя большею частью только вскользь) во многихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ и даже въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ. Но къ удивленію, въ одномъ частномъ журналѣ за 1875 г. напечатано было, что такія указанія невѣрны и что не только нѣтъ превышенія расходовъ надъ доходами, но есть остатки. Чтобы достигнуть такого неожиданнаго вывода, въ журнальной статьѣ были высчитаны расходы туркестанской администраціи по всѣмъ вѣдомствамъ, *кромѣ военнаго,* и представлено, какъ выводъ, что доходы дѣйствительно превышаютъ расходы. Военный же бюджетъ, простирающійся нынѣ до 4 милліоновъ рублей и почти сполна составляющій дефицитъ, авторы статьи признали не касающимся Туркестана, на томъ основаніи, что Россія, все-равно, содержала бы въ степяхъ тѣ же войска, которыя теперь находятся въ Туркестанѣ, а слѣдовательно производила бы тѣ же самые расходы, образующіе теперь кажущійся туркестанскій дефицитъ. Но это мало добросовѣстное изложеніе фактовъ не можетъ скрыть истины. Россія, замѣтимъ мы, далеко не содержала такого числа войскъ въ средней Азіи до 1867 г., какое содержитъ теперь. Вся совокупность солдатъ и казаковъ за Иртышемъ и Ураломъ десять лѣтъ назадъ не превосходила 7,500 человѣкъ, а теперь ихъ въ одномъ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ 38,000, да въ степяхъ сибирскихъ и оренбургскихъ 5,000. Весь избытокъ, 35,500 чел., сполна вызванъ военными и политическими потребностями Туркестана, которыя людямъ, знакомымъ съ характеромъ среднеазіятскихъ народовъ, кажутся нѣсколько преувеличенными противъ дѣйствительной надобности. Не будемъ однако касаться здѣсь этого труднаго вопроса, для правильнаго разбора котораго нужно было

бы теперь же войдти въ политическія и стратегическія соображенія, которыхъ мы не желаемъ касаться, а скажемъ еще нѣсколько словъ о гражданскомъ бюджетѣ.

Занявъ сѣверо-западныя части Коканскаго ханства въ 1865 году, мы ничѣмъ такъ не обрадовали вновь покоренныхъ жителей его, какъ уничтоженіемъ массы налоговъ, которые были введены жаднымъ Худояръ-ханомъ и его беками. Это уничтоженіе излишнихъ и многихъ безсмысленныхъ поборовъ сразу пріобрѣло намъ расположеніе ташкентцевъ и вообще обитателей нынѣшней Сыръ-дарьинской области. Остались только такіе налоги, которые признаются коренными мусульманскими законами, именно танапъ, хераджъ и зякетъ, которые не отяготительны и распредѣляются правильно безъ большаго труда [1]). Жителямъ было обѣщано, что уничтоженные налоги не будутъ возстановлены никогда. И дѣйствительно, *de jure* новыхъ налоговъ нѣтъ, но *de facto* они введены, подъ неопредѣленнымъ титуломъ мѣстныхъ сборовъ на разныя надобности. А какъ эти надобности измѣняются изъ года въ годъ, то и возникаетъ трудность установить нормальный ежегодный бюджетъ, цифры же дѣйствительнаго бюджета колеблются изъ года въ годъ съ поражающею неправильностью. Среднимъ числомъ, однако, Туркестанское генералъ-губернаторство до присоединенія Ферганы [2]) доставляло около 2.000,000 рублей, при населеніи 1.700,000 душъ; это очень немного, особенно если принять въ соображеніе, что есть мѣстности, напр. Міанкалъ, гдѣ одна десятина земли стоитъ 1,000 руб. и приноситъ чистаго дохода 60—70 рублей. Взявъ для сравненія какую-нибудь русскую губернію съ тѣмъ же числомъ населенія, даже въ сѣверной полосѣ, мы увидимъ, что Туркестанскій край по отношенію къ налогамъ есть самая счастливая часть Русской имперіи. Между тѣмъ о новыхъ источникахъ для обложенія ничего неизвѣстно, и цифры доходовъ иногда не только не возрастаютъ, а даже падаютъ къ слѣдующему году. Это показываетъ, что платежныя податныя средства края не довольно изучены или неточно оцѣнены и что самые сборы взимаются недостаточно правильно, на что̀ впрочемъ есть прямыя указанія въ печатныхъ источникахъ. Расходная часть туркестанскаго бюджета едва ли не еще болѣе безпорядочна и

---

[1]) Зякетъ, или таможенная пошлина, равенъ $2^1/_2$% цѣны товаровъ· танапъ — поземельный налогъ, пропорціональный урожаю и также невысокій.

[2]) Могущей давать до 700,000 въ годъ.

поражаетъ особенно огромными суммами на содержаніе чиновниковъ, изъ которыхъ многіе не занимаютъ никакихъ должностей, а состоятъ въ распоряженіи мѣстной центральной власти, для употребленія по ея усмотрѣнію [1]). Кромѣ того, многіе значительные расходы, занесенные въ смету и правильно утвержденные, иногда оказываются мало производительными, какъ напр. это было съ почтовыми станціями по оренбургскому тракту, которыя черезъ три года послѣ постройки пришли въ разрушеніе, хотя и стоили дорого. Иные расходы дѣлались и дѣлаются безъ внесенія въ смету, и министерству финансовъ стоило въ 1871 — 72 году не мало труда привести въ ясность израсходованіе слишкомъ милліона рублей изъ бывшихъ доходовъ съ Заравшанскаго округа. Бывали такіе случаи, что суммы, получившія уже опредѣленное назначеніе, употреблялись на совершенно другіе предметы, какъ напр. вмѣсто основанія общественныхъ банковъ по селеніямъ ушли на основаніе конскаго завода. Все это показываетъ, что финансовая администрація Туркестанскаго края оставляетъ еще желать многаго и что будущимъ преобразователямъ ея будетъ предстоять немаловажная задача не только сократить много лишнихъ издержекъ, но и привести въ ясность всѣ источники доходовъ и установить правильную систему ихъ взиманія и израсходованія. Мы полагаемъ, что прежде всего можетъ удасться, безъ вреда краю и Россіи, уменьшить составъ мѣстной бюрократіи, увеличивъ въ то же время содержаніе тѣхъ чиновниковъ, которые останутся и которые должны быть хорошо обставлены, чтобы достойно представлять русское могущество въ средней Азіи. При этомъ условіи и сама бюрократія нѣсколько переродится, ибо у нея не будетъ времени заниматься слишкомъ ничтожными мелочами, которыя всѣ перейдутъ къ выборнымъ туземнымъ чинамъ низшей администраціи.

Другое общее замѣчаніе, которое мы должны сдѣлать о характерѣ управленія Туркестанскимъ краемъ, заключается въ томъ, что край этотъ состоитъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго министерства, какъ будто оно военное поселеніе. Почему именно принятъ такой порядокъ, мы не знаемъ; но порядокъ этотъ есть очевидно исключительный и даже едва ли не безпри-

---

[1]) Это служитъ источникомъ немалаго нравственнаго зла, возбуждая интриги при отысканіи занятій и уничтожая всякую увѣренность въ служащихъ, что они служатъ государству, а не лицамъ, и что судьба ихъ зависитъ только отъ исполненія «законныхъ» обязанностей.

мѣрный. Кавказъ въ теченіе 60 лѣтъ былъ театромъ непрерывной войны и однако никогда не считался исключительною территоріею военнаго министерства, и намѣстникъ его имѣлъ правильныя спошенія со всѣми министрами, на основаніи общихъ законовъ. Амуръ и Киргизскія степи, во время ихъ завоеванія, тоже не подлежали исключительному вѣдѣнію военнаго вѣдомства. Такая рѣзкая особенность въ управленіи Туркестаномъ несомнѣнно имѣетъ серьезное вліяніе на его судьбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на положеніе въ немъ русской власти. Огромное число военныхъ офицеровъ, очень мало знакомое съ законами не только мусульманскими, но и русскими, и не смотря на то занимающее нынѣ гражданскія должности въ краѣ, было бы невозможно, если бы замѣщеніе вакансій не производилось почти исключительно военнымъ вѣдомствомъ. Установленіе юридическихъ обычаевъ и административныхъ пріемовъ, которые для народа вновь покореннаго имѣютъ такую важность, пріобрѣло бы совершенно иной характеръ, если бы каждое вѣдомство имперіи имѣло тамъ своихъ непосредственныхъ представителей, усвоившихъ его понятія и пріемы. Наконецъ, сами офицеры, отъѣзжающіе на службу въ Туркестанъ, не мечтали бы, какъ теперь, при первой возможности бросить фронтъ и идти куда-нибудь участковымъ начальникомъ, письмоводителемъ или полиціймейстеромъ, оставляя въ рядахъ войскъ лишь такихъ товарищей, у которыхъ нѣтъ покровителей. Весь этотъ ненормальный строй администраціи очевидно нуждается въ передѣлкѣ, и мы думаемъ сверхъ того, что съ выходомъ Туркестанскаго края изъ исключительной зависимости отъ военнаго вѣдомства, много облегчится дѣло составленія „положенія“ о его управленіи, болѣе широкаго въ своихъ теоретическихъ началахъ и болѣе годнаго для практики, чѣмъ доселѣ предлагавшіеся проекты. Военное министерство, какъ и всякое другое специальное вѣдомство, сколько бы оно ни было просвѣщено и дѣятельно, не въ силахъ *одно,* безъ совокупнаго дѣйствія со всѣми другими вѣдомствами, дать упомянутому положенію должную полноту, многосторонность и основательность.

Изложенныя здѣсь замѣчанія о характерѣ русскаго управленія Туркестаномъ были бы односторонни, если бы на ряду съ ними мы не выставили несомнѣнно важныхъ заслугъ, оказанныхъ этимъ управленіемъ самому краю и русскому дѣлу въ немъ. Важнѣйшею и наиболѣе прочною изъ этихъ заслугъ нельзя не признать научнаго изслѣдованія страны, предпринятаго сознательно,

по почину генерала Кауфмана, который еще въ 1868 году заявилъ, что его администрація не можетъ съ пользою дѣйствовать въ новой странѣ, пока не будутъ изучены ея естественныя и промышленныя богатства и этнографическія особенности ея населенія. Изданіе такихъ трудовъ, какъ „Путешествіе“ Федченко, какъ нѣсколько томовъ „Туркестанскаго Ежегодника“ и „Русскаго Туркестана“, въ высшей степени облегчаетъ задачи „разумной эксплоатаціи края“, и той же цѣли служатъ издаваемыя при управленіи генералъ-губернатора въ Ташкентѣ „Туркестанскія Вѣдомости“, которыя можно считать лучшею изъ русскихъ провинціальныхъ газетъ. Другое важное дѣло русской администраціи въ Туркестанѣ есть основаніе русскихъ училищъ, гдѣ, какъ нужно надѣяться, туземное молодое поколѣніе будетъ понемногу усвоивать европейскія знанія наравнѣ съ русскимъ юношествомъ. Поощреніе разныхъ отраслей мѣстной промышленности, напр. шелководства, приготовленія хлопка и тканей изъ него (черезъ введеніе послѣднихъ въ войска), выдѣлки замши (тоже), добыванія каменнаго угля и другихъ минераловъ, попытки расширенія орошенія въ степяхъ — все это труды важные для настоящаго времени и еще болѣе для будущаго. Въ высшей степени полезно также устройство экипажныхъ дорогъ, переправъ, мостовъ въ родѣ чирчикскаго и ходжентскаго, правильныхъ почтовыхъ сообщеній и наконецъ телеграфа. Все это такіе могущественные залоги экономическаго и духовнаго вліянія Россіи на среднеазіятцевъ, что скорое и энергическое осуществленіе ихъ, принадлежащее туркестанской администраціи, превосходитъ по результатамъ много дешевыхъ побѣдъ надъ тѣми же среднеазіятцами.

Но самою важною изъ историческихъ заслугъ туркестанской администраціи, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать поддержаніе и даже возвышеніе того ореола всемогущества, которымъ Россія издавна пользуется въ средней Азіи, такъ что воля русскаго государя представляется нынѣ среднеазіатцу неотразимою, какъ воля судьбы. „У Бѣлаго-царя, говоритъ простодушный киргизъ, укрючина [1]) длинна: достанетъ вездѣ“, и онъ тутъ же признаетъ туркестанскаго генералъ-губернатора „ярымъ-падишахомъ“, т. е. половиной царя. Распространеніе этого-то убѣжденія не только въ номадахъ, но и въ осѣдлыхъ жителяхъ Турана, даже

[1]) Длинная палка съ веревкою на концѣ, для поимки лошадей въ степи.

въ ихъ повелителяхъ, въ родѣ бухарскаго эмира и хивинскаго хана, есть прочнѣйшій залогъ будущихъ успѣховъ Россіи, которая не можетъ еще остановиться въ своемъ поступательномъ движеніи, пока не замкнетъ съ юга степей, простирающихся до Хорасана и Гиндукуша. Краткимъ разсмотрѣніемъ сдѣланнаго русскими на этомъ, чисто-политическомъ поприщѣ, мы и заключимъ нашу статью, чтобы читатель „Сборника государственныхъ знаній" могъ ознакомиться съ самыми выдающимися явленіями не только внутренней, но и внѣшней политики Россіи въ среднеазіятскихъ странахъ.

Россія начала имѣть сношенія съ среднею Азіею еще въ XVI вѣкѣ. И не только это были отправленія посольствъ, но и цѣлыя военныя экспедиціи, какъ набѣгъ атамана Нечая на Хиву. Впрочемъ, послѣднее дѣло не было дѣйствіемъ правительственнымъ, а просто предпріятіемъ шайки удальцовъ, въ родѣ тѣхъ, которыя были обычны въ то время всему южно-русскому казачеству по отношенію къ татарамъ, ногайцамъ и пр. Систематическія правительственныя дѣйствія начались съ Петра Великаго, который въ 1716—17 г. отправлялъ двѣ экспедиціи внутрь среднеазіятскихъ пустынь: Бековича въ Хиву и Лихарева на Черный Иртышъ. Обѣ имѣли цѣлію открыть путь въ золотоносныя страны, которыя предполагались внутри Средней Азіи, и обѣ кончились неудачно, особенно Бековича, котораго отрядъ, достигнувъ Хивы, былъ тамъ истребленъ поголовно. Съ тѣхъ поръ Петръ не думалъ уже о повтореніи завоевательныхъ экспедицій внутрь степей, хотя и считалъ послѣднія „воротами въ Азію". Но желая завязать связи съ богатой Индіею, онъ рѣшился прочно утвердиться на южномъ берегу Каспійскаго моря и для того въ 1722 году завоевалъ у Персіи Гиланъ и Мазандеранъ. Эти богатыя отъ природы области не принесли однакоже Россіи той пользы, которую надѣялся отъ нихъ получить великій императоръ. Болѣзни истребляли наши гарнизоны, поставленные тамъ, и содержаніе войскъ было очень убыточно, а потому правительство Бирона, не умѣвшее ни понять широкіе виды Петра, ни энергически слѣдовать по его стопамъ, возвратило Персіи южно-каспійскія земли. Въ то же время, именно въ 1732 году, Россія получила добровольный вызовъ на подданство ей со стороны хана Малой киргизской орды, Абульхаира, и приняла его. Это событіе есть эпоха, отъ которой приходится вести лѣтопись всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій нашихъ въ средней

Азіи, которыя мало-по-малу перешли въ непрерывное движеніе къ югу, не смотря на убыточность свою для Россіи. Двадцать пять лѣтъ послѣ заявленія подданства Абульхаиромъ, мы завладѣли еще небольшимъ осколкомъ распавшагося подъ ударами китайцевъ Чжунгарскаго царства, на Иртышѣ, и такимъ образомъ къ началу царствованія Екатерины II были владѣтелями обширнаго пространства отъ Алтая до Каспійскаго моря, куда впрочемъ сами не вступали, ограничиваясь только основаніемъ ряда форпостовъ вдоль Урала, Иртыша и на пространствѣ между ними, по такъ-называемой Горькой линіи. Императрица Екатерина хорошо видѣла ничтожность нашихъ среднеазіятскихъ владѣній, и потому, заботливо охраняя миръ среди своихъ почти номинальныхъ подданныхъ, киргизовъ, чтобы они не безпокоили собственно русскихъ предѣловъ, она вовсе не предпринимала движеній въ глубину степей. Мало того, при ней безпокойные пригpаничные номады значительно уменьшились въ числѣ, вслѣдствіе удаленія изъ степи между Ураломъ и Волгою калмыковъ, бѣжавшихъ въ Чжунгарію и на дорогѣ почти истребленныхъ киргизами. Связь Россіи съ среднею Азіею въ это время получила другой характеръ, совершенно мирный, вслѣдствіе развитія торговли черезъ Оренбургъ и отчасти черезъ Троицкъ и Петропавловскъ. Линіи по Уралу и Иртышу мало-по-малу окрѣпли на столько, что уже не пропускали кочевыхъ хищниковъ на почву Европейской Россіи и Западной Сибири. Зависимость киргизовъ Малой и Средней Орды выражалась тѣмъ, что ханы ихъ избирались всегда подъ вліяніемъ Россіи и что отъ времени до времени въ Петербургъ являлись на поклонъ депутаціи отъ орды. Съ среднеазіятскими ханствами никакихъ связей, кромѣ торговыхъ, не было, а относительно туркменовъ, уже со времени Петра Великаго не разъ просившихся въ русское подданство, было принято рѣшеніе отрицательное, во вниманіи къ тому, что народъ этотъ, хищный и дикій, подъ видомъ подданства искалъ только средствъ къ пропитанію и къ ограбленію купеческихъ каравановъ, относительно которыхъ дѣйствовалъ безъ малѣйшей совѣсти. Основаніе города, укрѣпленія или факторіи на туркестанскомъ берегу Каспія также признано было безполезнымъ, хотя еще при Петрѣ I, передъ походомъ Бековича въ Хиву, тутъ существовали русскія укрѣпленія.

Императоръ Павелъ взглянулъ на степи своеобразно. Онъ полагалъ, что онѣ представляютъ не только открытую, но и

удобную дорогу въ южную Азію, а потому, будучи недоволенъ Англіею и желая изгнать англичанъ изъ Индіи, онъ направилъ черезъ земли Малой Орды значительную часть донскихъ казаковъ подъ начальствомъ Орлова. Въ то же время, т. е. въ 1800, году былъ заключенъ съ первымъ консуломъ французской республики, Бонапартомъ, договоръ, по которому соединенная русско-французская армія должна была высадиться въ Астрабадѣ и идти оттуда въ Индію черезъ Хорасанъ и Афганистанъ. Смерть императора положила предѣлъ осуществленію этихъ болѣе чѣмъ смѣлыхъ плановъ, и казаки, вытерпѣвшіе уже въ степи много лишеній, были возвращены.

Въ царствованіе императора Александра I, когда Россія была поглощена западо-европейскими интересами, средняя Азія была почти забыта, и даже въ собственныхъ нашихъ владѣніяхъ иногда распоряжались китайцы, которые напр. приходили въ Среднюю Орду съ войсками, чтобы возвести въ ханское достоинство своего приверженца, султана Габайдулу. Но въ 1820-хъ годахъ о киргизскихъ степяхъ снова вспомнили, и, по плану Сперанскаго, совершилось новое знаменательное событіе въ ихъ судьбѣ. Именно, въ замѣнъ посылки прежнихъ летучихъ отрядовъ для наблюденія за кочевниками, основано было нѣсколько передовыхъ укрѣпленій, около которыхъ водворены казачьи станицы. Эта военная колонизація умиротворила сѣверную часть Сибирской степи и, слѣдовательно, оказалась очень выгодною для самой Сибири; но она же заставила потомъ выдвинуть къ югу новый рядъ укрѣпленій для защиты самихъ степныхъ поселеній. Такъ обозначился самъ собою пріемъ, который мы потомъ употребляли постоянно въ степяхъ и который неизбѣжно приведетъ насъ къ Гиндукушу и Альбурсу, потому что всякая новая линія будетъ вызывать собою основаніе передовой, сначала изъ укрѣпленій, а потомъ изъ станицъ, селеній и городовъ, пока крайняя изъ нихъ не примкнетъ къ какой нибудь естественной, труднопроходимой преградѣ, на окраинѣ степи.

Въ Оренбургскомъ краѣ однако же не сразу послѣдовали сибирскому примѣру. Тамъ до 1840-хъ годовъ продолжала господствовать теорія, что степь нужно держать въ покорности одними летучими отрядами, и эта теорія, очень выгодная для казаковъ, безконтрольно распоряжавшихся въ аулахъ, поддерживалась еще убѣжденіемъ нѣкоторыхъ начальствовавшихъ лицъ, что селить русскихъ среди киргизовъ значитъ отнимать у послѣднихъ лучшія ихъ

кочевки, т. е. раздражать противу Россіи. Свести счетъ, какъ великъ будетъ убытокъ кочевниковъ отъ водворенія нѣсколькихъ русскихъ колоній и какая прибыль получится отъ этихъ колоній для всего государства, въ Оренбургѣ какъ бы не желали. Но какъ между тѣмъ степь нерѣдко волновалась, отъ вліянія Хивы и по другимъ причинамъ, то стоимость снаряженія летучихъ отрядовъ возрасла до огромныхъ суммъ. Наконецъ, главному защитнику отрядной системы, Перовскому, на себѣ пришлось испытать, что такое отсутствіе въ Оренбургской степи передовыхъ русскихъ осѣдлостей. Постоянно коварнымъ поведеніемъ, покровительствомъ степнымъ хищникамъ и содержаніемъ въ тяжкомъ плѣну множества русскихъ, Хива вызвала насъ къ отправленію противу нея большаго военнаго отряда въ 1839 году. Отрядъ этотъ, предводительствуемый лично Перовскимъ, не прошелъ однакоже и половины дороги, какъ потерялъ множество скота, продовольствія и другихъ запасовъ, которыхъ обновить было не откуда. Пришлось со стыдомъ возвратиться назадъ. Тогда-то, но уже при преемникѣ Перовскаго, Обручевѣ, признана была и въ Оренбургѣ необходимость передовыхъ линій, и въ 1845—46 гг. основаны были укрѣпленія Оренбургское и Уральское, или Тургай и Иргизъ.

Два эти укрѣпленія и находившіяся въ Сибирской степи Улу-тау, Акъ тау, Каркаралы, Аягузъ и Копалъ, составили въ 1846 году такую линію, которая имѣла немаловажный экономическій и стратегическій смыслъ. Именно, она ограничивала съ юга почти всѣ лѣтнія кочевки киргизовъ Малой и Средней Орды и, кромѣ того, прилегала съ сѣвера къ той полосѣ безплодныхъ пустынь, которая, подъ именемъ Барсуковъ, Каракумовъ и Бетпакъ-дала, тянется на сѣверѣ отъ Аральскаго моря, Сыра и Чу до самаго Балхаша и отчасти даже восточнѣе его. Генералъ Обручевъ, какъ воинъ наполеоновской школы, считавшій голодныя степи наилучшею защитою государства отъ нашествія враговъ, предлагалъ тогда остановиться въ нашемъ поступательномъ движеніи къ югу, не принимая въ расчетъ того, что киргизы, уходившіе для зимовокъ на Сыръ-дарью и за Чу, стали бы двоеданцами. Судьба однако рѣшила иначе. Въ томъ же 1846 году присягнула намъ на подданство Большая киргизская Орда, по ту сторону Балхаша, а въ Оренбургской степи императоръ Николай нашелъ, что вмѣсто предполагавшагося третьяго укрѣпленія на Эмбѣ лучше основать таковое на нижнемъ Сырѣ...

Основаніе Раимскаго укрѣпленія, близъ устьевъ Сыръ-дарьи, привело насъ, въ 1847 году, въ непосредственное соприкосновеніе съ двумя изъ среднеазіятскихъ ханствъ: съ Хивою, которой владѣнія простирались на югъ оттуда, и Кокановъ, который считалъ своими придарьинскія земли, лежавшія на востокѣ. Рано или поздно столкновеніе съ этими ханствами стало, съ того времени, неизбѣжнымъ, хотя бы уже потому, что мы отняли у нихъ часть земель, подати съ придарьинскихъ киргизовъ и пошлины съ переправы черезъ нижній Яксартъ, а, главное, потому, что пріобрѣли точку, которая могла служить опорною для военныхъ предпріятій противу обоихъ ханствъ. Эта неизбѣжность сказалась черезъ самое короткое время. Въ 1852 году мы должны были отправить отрядъ къ сторонѣ коканской крѣпостцы Акъ-мечети, служившей гнѣздомъ безпорядковъ, дѣланныхъ киргизами по наущенію коканцевъ. Отрядъ этотъ оказался слишкомъ слабымъ для овладѣнія крѣпостцею, и потому въ слѣдующемъ году двинутъ былъ въ степь болѣе значительный, который, подъ руководствомъ храбраго и рѣшительнаго генерала Хрулева, взялъ Акъ-мечеть, переименованную вслѣдъ затѣмъ въ фортъ Перовскій. Возникъ цѣлый рядъ укрѣпленій на низовьяхъ Сыра, а въ 1854 году далеко на востокъ оттуда основано было, среди земель Большой орды, укрѣпленіе Вѣрное, черезъ что получились зачатки новой передовой линіи, болѣе или менѣе примыкавшей къ естественнымъ рубежамъ — горамъ и рѣкамъ, — но далеко несомкнутой, потому что отъ Перовска до Вѣрнаго было слишкомъ 700 верстъ пустынь, открытыхъ для вторженія хищниковъ, да кромѣ того между Аральскимъ и Каспійскимъ морями оставались ворота въ 300 верстъ шириною, которыя удобны для набѣговъ въ Оренбургскую степь со стороны Хивы. Послѣднія ворота мы пробовали было наблюдать чрезъ основаніе небольшаго укрѣпленія на восточномъ берегу залива Мертваго Култука; но укрѣпленіе это, по нездоровости мѣста и трудному сообщенію съ нимъ, перенесено было въ 1846 г. на Тюпъ-Караганъ, и ворота для хивинцевъ остались снова вполнѣ открытыми. Стремленіе устроить замкнутую линію къ сторонѣ среднеазіятскихъ ханствъ было совершенно естественно, но его осуществленіе, на этотъ разъ, не могло уже быть такъ просто, какъ прежде въ киргизскихъ степяхъ. Нужно было начать борьбу, прежде всего съ Кокановъ, и она дѣйствительно началась. Уже въ 1859 г. мы ознакомились съ тою частью этого ханства, которая прилежитъ къ землямъ Боль-

шой орды и откуда къ намъ безпрестанно вторгалися дикокаменные киргизы, коканскіе подданные; въ слѣдующемъ году были взяты и разрушены коканскія крѣпосцы за Чу, Токмакъ и Пишпекъ. Вслѣдъ затѣмъ раздвинута къ востоку и сыръ-дарьинская линія, занятіемъ Джулека и Яны-кургана, и вообще началось то движеніе сибирскихъ и оренбургскихъ силъ на встрѣчу, которое, подъ руководствомъ Черняева, привело насъ въ 1864 г. ко взятію Аулье-ата и Чемкента, а въ 1865 — Ташкента.

Всѣмъ памятны событія, послѣдовавшія затѣмъ. Правительство думало остановиться въ ходѣ завоеваній и, ограничась учрежденіемъ сомкнутой линіи на югѣ киргизскихъ степей, предоставило осѣдлымъ жителямъ Ташкента и окрестностей образовать особое ханство, независимое отъ враждебнаго намъ Кокана. Но это оказалось невозможнымъ. Среднеазіятскіе правители, видя русскія войска на своей исторической почвѣ, старались ихъ удалить оттуда, а ташкентцы, хорошо понимая, что лучше добровольно отдаться во власть русскимъ, которые сразу уменьшили налоги, чѣмъ дожидаться новаго завоеванія, которое могло кончиться хуже, избрали ханомъ умѣвшаго пріобрѣсти среди ихъ большую популярность генерала Черняева. Среднеазіятская война продолжалась, и съ 1866 въ число враговъ нашихъ сталъ бухарскій эмиръ, искони бывшій въ дружественныхъ къ намъ отношеніяхъ, такъ что еще въ 1840-хъ годахъ самъ [1]) призывалъ нашихъ ученыхъ къ изслѣдованію его страны. Скоро, именно въ 1866 же году, были взяты нами Ходжентъ и Джизакъ и такимъ образомъ отрѣзаны одно отъ другаго два главныя среднеазіятскія ханства, Бухара и Коканъ. Въ слѣдующемъ году необходимость дать прочное устройство вновь завоеваннымъ странамъ и установить тамъ сильную мѣстную власть съ политическимъ характеромъ, независимую и отъ Оренбурга, и отъ Омска, привела къ учрежденію особаго генералъ-губернаторства, Туркестанскаго, и дѣло поступательнаго движенія въ средней Азіи вступило въ тотъ фазисъ, который продолжается доселѣ и который не можетъ кончиться ничѣмъ инымъ, какъ присоединеніемъ къ Россіи всего Турана до подножія Гиндукуша, Паропамиза и горъ Хорасанскихъ.

Исторія этого новѣйшаго періода русскаго движенія въ Туркестанѣ вѣроятно будетъ обстоятельно изложена въ имѣющемъ

[1]) Точнѣе, отецъ современнаго эмира Музаффара, умный Насръ-ула-Эддинъ.

скоро выйдти обширномъ сочиненіи о хивинскомъ походѣ 1873 года. Не мало относящихся сюда любопытныхъ данныхъ русскіе читатели могутъ найти въ трудахъ гг. Костенко и Терентьева о средней Азіи, а знакомые съ англійскимъ языкомъ въ сочиненіи Скайлера, недавно вышедшемъ въ Лондонѣ. Въ нашемъ очеркѣ мы постараемся быть краткими и коснемся лишь такихъ событій, которыя характеризуютъ русское движеніе въ разныхъ частяхъ Турана и ставятъ вопросы для будущаго. Начнемъ это разсмотрѣніе съ запада. Когда власть наша утвердилась въ бассейнѣ Сыра и въ пріаральскихъ степяхъ, тогда стало ясно, что мы не можемъ уже нынѣ отстранять отъ себя, какъ было не только въ XVIII вѣкѣ, но и въ 1859 г., вопроса о Туркменіи, которая составляетъ простое продолженіе этихъ степей. Дѣйствовать на туркменъ съ сѣвера, изъ Оренбурга, или съ сѣверо-запада, отъ Тюпъ-Карагана, гдѣ у насъ существуетъ небольшое укрѣпленіе съ 1846 года, было однако же неудобно, потому что мѣстности эти отдалены отъ кочевьевъ массы туркменъ. Вслѣдствіе этого въ 1869 году былъ основанъ Красноводскъ на той точкѣ восточнаго берега Каспійскаго моря, которая представляетъ наиболѣе удобствъ для приставанія судовъ и которая вполнѣ безопасна отъ нападеній туркменъ, хотя лежитъ невдалекѣ отъ ихъ кочевокъ. Нельзя, конечно, сказать, что Красноводскъ вполнѣ удобный пунктъ для русской колоніи; для послѣдней цѣли гораздо лучше было бы устроиться на устьѣ Гюргени, у Серебрянаго-бугра, гдѣ и предлагали это сдѣлать еще въ 1859 году сами туркмены; но во всякомъ случаѣ этотъ фортъ послужилъ намъ точкою опоры для многихъ важныхъ военно-полическихъ предпріятій, потому что ежегодно изъ него выходили отряды войскъ, то къ сторонѣ Хивы, то къ подножію Кепетъ-дага и къ берегамъ Атрека, изучая страну и ея обитателей, съ которыми мало-по-малу удалось войти въ мирныя сношенія, хотя еще въ 1870 году они пробовали дѣлать открытыя нападенія на наши военные посты. Что успѣхъ увѣнчалъ наши мѣры, видно изъ того, что уже въ 1875 году туркмены сами возили черезъ степь русскую почту въ Хиву, а караваны, приходящіе въ Красноводскъ, всѣ имѣютъ туркменскихъ верблюдовъ и вожаковъ. Это успокоеніе туркменъ, ближайшихъ къ нашей осѣдлости, принесло свою пользу и въ другихъ отношеніяхъ. Оно положило предѣлъ ихъ хищничествамъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ для парализированія его мы уже съ 1842 года содержали морскую станцію въ Астрабадскомъ заливѣ. Оно по-

вело къ признанію недавними врагами нашими прямаго подданства Россіи, потому что часть іомудовъ уже платитъ намъ подати. Оно дозволило намъ въ 1876 г. начать устройство удобной дороги изъ Красноводска въ Хиву. Оно, наконецъ, избавило до нѣкоторой степени отъ постояннаго раззоренія сосѣднюю Астрабадскую провинцію Персіи, которую дотолѣ туркмены постоянно и безпощадно опустошали. Видя выгоду отъ мирныхъ сношеній съ русскими, стали проситься подъ покровительство Бѣлаго царя и тѣ туркмены, которые живутъ вдали отъ Каспійскаго моря (часть текинцевъ по сѣверной сторонѣ Кепетъ-дага). Все, стало-быть, пришло въ тотъ порядокъ, какого только можетъ желать цивилизованная нація, приходя въ прикосновеніе съ полудикими и хищными варварами. Къ сожалѣнію, этотъ благопріятный выводъ относительно судьбы закаспійскаго края значительно ослабляется однимъ обстоятельствомъ, которое создано самими же нами. Когда въ 1869 году мы задумали основать Красноводскъ, въ Тегеранъ дано было знать изъ Петербурга, чтобы персидское правительство не безпокоилось этимъ движеніемъ, что мы признаемъ южнымъ предѣломъ нашей дѣятельности Атрекъ. Это заявленіе, вовсе не вызванное какими-либо домогательствами Персіи, значительно усложнило положеніе наше на восточномъ берегу Каспія. Теперь одни и тѣ же пріатрекскіе туркмены восемь мѣсяцевъ въ году проводятъ на нашихъ земляхъ, а четыре мѣсяца — на такъ-называемыхъ персидскихъ земляхъ, хотя, собственно, персидскія власти къ нимъ почти не показываются. Такое двоеданство, разумѣется, имѣетъ крайнія неудобства, которыя, неизвѣстно, какъ будутъ устранены. Ошибка произошла, повидимому, оттого, что мы не знали географическія и этнографическія подробности югозападной Туркменіи; это подтверждается напр. тѣмъ фактомъ, что даже въ 1875 г. изъ Тегерана спрашивали у начальника ашурадинской станціи, какая рѣка сѣвернѣе: Атрекъ или Гюргень. Но избѣжать подобныхъ ошибокъ было легко, потому что еще въ 1836 г. все восточное прибрежье Каспійскаго моря подробно описано Бларамбергомъ, а въ 1859 г. эти свѣдѣнія подновлены Галкинымъ и др. Невыгода теперешней границы по Атреку состоитъ еще въ томъ, что если буквально слѣдовать программѣ 1869 г., то должно будетъ съ нашей стороны, не ограничиваясь туркменами, признать русскими подданными и часть курдовъ, давнихъ персидскихъ подданныхъ, живущихъ по правую сторону Атрека около Кабушана. Наконецъ при теперешнемъ

положеніи границы, всѣ движенія въ восточную часть туркменской степи, особенно противу враждебныхъ намъ мервскихъ текинцевъ, очень затруднены, не говоря уже про то, что, въ случаѣ необходимости движенія къ Герату, мы должны будемъ имѣть дѣло съ Персіею и даже съ Англіею, которая усердно заботится закрыть для насъ навсегда эту дорогу и въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ выслала не менѣе восьми военныхъ агентовъ для ея изученія.

Переходя на востокъ, къ Хивѣ, мы можемъ быть кратки. Ханство это долго служило источникомъ неурядицъ во всѣхъ нашихъ пріаральскихъ степяхъ и содержало всегда множество русскихъ плѣнниковъ, которыхъ продавали хивинцамъ степные разбойники. Недоступность страны, доказанная неудачею экспедиціи Перовскаго, поощряла Хиву къ упорству въ удовлетвореніи самыхъ законныхъ нашихъ требованій относительно дружески-сосѣдскаго поведенія. Кромѣ того хивинцы знали, что уже въ 1839 г. лордъ Пальмерстонъ обѣщалъ ихъ хану, что за Хиву всегда вступится Англія. Отъ того ханъ позволялъ себѣ небрежно относиться къ заявленіямъ туркестанскаго генералъ-губернатора. Этимъ порядкамъ положенъ конецъ въ 1873 г., послѣ достопамятной экспедиціи генераловъ Кауфмана, Веревкина и Ломакина, поведшей къ занятію Хивы, которая съ того времени сдѣлалась почти вассальнымъ владѣніемъ Россіи, состоящимъ подъ строгимъ надзоромъ нашихъ военныхъ начальствъ на правомъ берегу Аму-дарьи, который присоединенъ къ Россіи. Завоевавъ Хиву, мы не присоединили ея только потому, что предварительно нами было обѣщано Англіи не уничтожать самостоятельности этого ханства, которое еще въ 1871 году искало защиты у англичанъ. Впрочемъ полунезависимость Хивы, вмѣсто полнаго подчиненія, не только не представляетъ для насъ неудобствъ, а имѣетъ еще пока и выгодную сторону, потому что отстраняетъ отъ непосредственныхъ нашихъ владѣній на Оксѣ удары туркменовъ, которые, если совершаются, падаютъ на заслоняющую насъ Хиву. Кромѣ того, Хива, продолжая считаться самостоятельною, платитъ намъ довольно значительную контрибуцію, которой сборъ лежитъ на мѣстныхъ, а не на нашихъ властяхъ. Сверхъ того замѣтимъ, что сосѣдство русскихъ значительно измѣнило къ лучшему бытъ самихъ хивинцевъ. Обязанные въ 1870 году отпустить на свободу всѣхъ плѣнныхъ рабовъ, къ какой бы націи тѣ ни принадлежали, они нынѣ уже не торгуютъ людьми, какъ скотомъ. Въ сознаніи пользы отъ мирныхъ торговыхъ сношеній съ Россіею,

Хива даже сама помогаетъ намъ устроить сообщеніе низовьевъ Окса съ Каспійскимъ моремъ у Красноводска. Ханъ во внутреннихъ своихъ дѣлахъ намъ многимъ обязанъ; наши войска помогли ему упрочить власть надъ туркменами, живущими по окраинамъ ханства.

Бухара съ 1868 года низведена нами съ той, сравнительно высокой степени могущества, на которой она стояла въ средней Азіи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Важнѣйшій ударъ нанесенъ ей въ 1868 году отнятіемъ Самарканда; послѣ этого намъ стало нетрудно лишить бухарцевъ самой возможности ихъ существованія въ долинѣ Заравшана, черезъ распущеніе воды его въ арыки, недоходящіе до бухарскихъ предѣловъ. Самая программа политическаго существованія Бухары, какъ отдѣльнаго владѣнія, дана нами ей въ видѣ двухъ договоровъ, 1868 и 1873 годовъ, которые опредѣлили ея подчиненное отношеніе къ Россіи, не лишая впрочемъ внутренней самостоятельности эмирова правительства. Объ этихъ договорахъ и о всѣхъ вообще, заключенныхъ нами съ среднеазіятскими ханствами, слышатся иногда скептическіе отзывы, доказывающіе ихъ безполезность, потому будто, что среднеазіятцы не понимаютъ европейскаго международнаго права, а покоряются только силѣ. Но никто и не смотритъ на эти акты, какъ на договоры равнаго съ равнымъ. Это суть инструкціи въ вѣжливой формѣ, или программы, которыя даются цивилизованнымъ побѣдителемъ побѣжденнымъ варварамъ и исполненіе которыхъ непремѣнно обезпечивается близкимъ присутствіемъ военной силы. Если же не всѣ пункты этихъ договоровъ всегда строго исполняются, какъ доказалъ напр. г. Скайлеръ, купивъ въ Бухарѣ невольника; то это доказываетъ не безполезность договоровъ, а только трудность наблюденія за ихъ исполненіемъ. Эта трудность съ теченіемъ времени, напр. съ увеличеніемъ числа русскихъ въ Бухарѣ, можетъ уменьшиться. Наши дѣйствія по отношенію къ Бухарскому ханству преслѣдуютъ, въ послѣдніе годы, три важнѣйшія цѣли: усиленіе торговыхъ связей съ нимъ, успокоеніе пограничныхъ земель отъ волненій кочевниковъ и устраненіе вредныхъ намъ вліяній на эмира съ юга, изъ-за Гиндукуша. Цѣли эти достигаются болѣе или менѣе, хотя конечно мы не можемъ препятствовать эмиру сноситься съ Афганистаномъ или водворять насильно русскихъ купцовъ въ Бухарѣ или Шехрисябсѣ, если они сами не находятъ этого выгоднымъ. Мы не стѣснили бухарскаго правительства относительно числа войскъ, которое оно можетъ

держать, какъ то нерѣдко дѣлается англичанами въ Индіи; но это лишь потому, что бухарскія войска совершенно ничтожны, и можно сказать, что чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ ханство станетъ слабѣе, потому что казна эмира будетъ нести непосильные расходы въ мирное время, а въ военное одного пораженія будетъ достаточно, чтобы положить конецъ существованію истощеннаго государства. Что бухарское правительство хорошо понимаетъ силу наложенныхъ на него обязательствъ, это доказывается множествомъ примѣровъ, и мы приведемъ здѣсь лишь одинъ, но очень вѣскій. Получивъ отъ насъ, въ благодарность за содѣйствіе хивинскому походу, участокъ мало годной земли на правомъ берегу Аму-дарьи и обязавшись при этомъ выстроить на Оксѣ укрѣпленіе для присмотра за туркменами, оно исполняетъ это обязательство, не смотря на его убыточность. Бухарское правительство даже на столько искренно дорожитъ благорасположеніемъ къ нему Россіи, на столько старается сблизиться съ нею, что эмиръ недавно отдалъ своего сына на воспитаніе въ Петербургъ. До времени, намъ можно только желать продолженія подобныхъ отношеній, потому что самостоятельность Бухары предохраняетъ насъ отъ непосредственнаго сосѣдства съ Афганистаномъ, отношенія къ которому еще не опредѣлились, котораго населеніе воинственно и который находится подъ вліяніемъ Англіи.

На юго-востокѣ отъ Бухары, въ гористой странѣ, орошаемой притоками верхняго Окса, находится группа мелкихъ государствъ, съ которыми мы до послѣдняго времени не имѣли никакихъ сношеній, хотя всѣ они лежатъ въ предѣлахъ Турана. Государства эти, начиная съ сѣвера, суть: Каратегинъ, Дарвазъ, Шигнанъ, Ваханъ и Бадакшанъ. На ряду съ ними еще недавно можно было поставить бывшія вассальныя владѣнія бухарскаго эмира: Андху, Шибарханъ, Сирипуль и Майменэ, которыя занимаютъ оазисы у подножія Паропамиза и мало-по-малу перешли въ зависимость отъ афгановъ. Въ томъ, что̀ мы можемъ сказать о нихъ, мы вынуждены руководствоваться, къ сожалѣнію, большею частью, за исключеніемъ Каратегина, одними англійскими источниками, такъ-какъ русскихъ почти нѣтъ совсѣмъ. Владѣніе Каратегинъ, лежащее по рѣкѣ Сурхабу, самому сѣверному изъ большихъ истоковъ Окса, какъ говорятъ, имѣетъ до 100.000 населенія, окружено и перерѣзано горами и въ послѣдніе годы служило предметомъ интригъ Бухары и Кокана, которые искали утвердить тутъ свое вліяніе. Съ присоединеніемъ Кокана къ русскимъ вла-

дѣніямъ, каратегинскій ша (государь) понялъ, что ему нужно искать покровительства русскихъ, и это заискиваніе уже началось, такъ-какъ каратегинцы не допустили къ себѣ одного изъ враждебныхъ вождей коканской инсуррекціи 1875 года. Съ Дарвазомъ и Шигнаномъ, мы не имѣли доселѣ никакихъ связей и, слѣдовательно, свободны отъ всякихъ, относильно ихъ, обязательствъ; но недавнее движеніе наше на Алай и Памиръ, гдѣ киргизы, хозяева страны, признали себя нашими подданными, приводитъ насъ уже въ соприкосновеніе съ этими мелкими государствами, которыхъ властители ведутъ свой родъ отъ Александра Македонскаго. Кулябъ, подобное же мелкое владѣніе, долго существовавшее на западѣ отъ Дарваза, нынѣ составляетъ бухарскую провинцію; но бывшій владѣтель его, Сары-бекъ, находится въ Кабулѣ и добивается отъ Ширъ-Али-хана содѣйствія афганскихъ войскъ для возвращенія на родину, что̀ можетъ подать поводъ къ довольно труднымъ политическимъ комбинаціямъ, тѣмъ болѣе, что съ другой стороны бухарцы могутъ добиваться отъ афгановъ возвращенія имъ Андхоя и пр. Едва ли можно сомнѣваться, что этими компликаціями воспользуется Англія, чтобы вновь вмѣшаться въ среднеазіятскія дѣла, къ нашей невыгодѣ, какъ было въ 1869—73 годахъ. Ваханъ есть маленькое государство по самымъ верховьямъ Окса, или по Сарьхяду и Пянджу. На его земляхъ находятся важнѣйшіе проходы изъ Аральскаго водоема въ бассейнъ Лобъ-нора, черезъ Памиръ; поэтому землица эта имѣетъ важное значеніе, и бывшій нашъ посолъ въ Лондонѣ, гр. Бруновъ, настойчиво добивался, чтобы она не подпала подъ вліяніе Афганистана, хотя бы только номинально, ибо это обстоятельство привело бы въ непосредственное прикосновеніе два большія мусульманскія государства, Афганистанъ и Джитышаръ, которыхъ дружественное расположеніе къ намъ сомнительно. Мы однако же уступили настояніямъ Англіи, хотя чисто фиктивно, потому что въ дѣйствительности памирскіе проходы не находятся еще въ зависимости ни отъ Якубъ-бека, ни отъ Ширъ-Али, успѣвшаго занять только Бадакшанъ. Послѣднее государство, еще въ 1874 году имѣвшее своего природнаго владѣтеля, въ лицѣ скитающагося нынѣ по Азіи Джегандаръ-шаха, есть, безъ сомнѣнія, самое важное изъ всѣхъ среднеазіатскихъ въ политическомъ отношеніи. Безъ овладѣнія имъ и устройства тамъ русской колонизаціи, мы никогда не въ состояніи будемъ ручаться за миръ въ Туркестанѣ и даже за прочность нашего тамъ господства. Оно

занимаетъ наиболѣе цвѣтущую мѣстность въ бассейнѣ Окса и способно кормить многочисленное населеніе. Только владѣя имъ, мы можемъ повелѣвать сѣверными предгорьями Гиндукуша и проходами черезъ этотъ хребетъ въ долину Кунара, гдѣ лежатъ Читралъ и Мастучъ, донынѣ упорно сохраняющіе независимость отъ афгановъ, а слѣдовательно и отъ англичанъ. Къ сожалѣнію, съ 1874 года Бадакшанъ находится подъ властію эмира кабульскаго, хотя жители его, персіяне или таджики, ненавидятъ афганцевъ. И какъ завоеваніе это сдѣлано по наущенію Англіи и отчасти на ея средства, то въ будущемъ мы должны предвидѣть много хлопотъ. А между тѣмъ, повторимъ, безъ Бадакшана русскіе должны считать себя въ средней Азіи какъ бы временными гостями, не имѣющими прочной осѣдлости и не могущими даже устроить таковую. Бадакшанъ, Кундузъ и Балхъ въ рукахъ эмира афганскаго, находящагося въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Англіи,— это тѣ передовые посты англичанъ, изъ которыхъ они выражаютъ твердое желаніе „защищать Индію помощью туркменскихъ шаекъ, хорошо вооруженныхъ и руководимыхъ искусными офицерами“, то-есть не давать Россіи покоя въ ея среднеазіатскихъ владѣніяхъ и истощать ея средства на подавленіе мятежей.... Какъ исторія рѣшитъ бадакшанскій вопросъ, мы, конечно, предсказывать не можемъ; но нельзя, по поводу его, не выразить удивленія къ дальновидности британской политики.

Почти то же значеніе, какъ Бадакшанъ и Ваханъ, имѣютъ Андхой, Сирапуль, Шибарханъ и Майменэ, лежащіе вдоль дороги изъ Балха къ Герату. Эти мелкія узбекскія землицы составляютъ послѣдніе оазисы на южныхъ предѣлахъ степной туранской низменности, у самаго подножія Паропамиза. Замѣнить ихъ какими-либо другими годными для осѣдлаго населенія мѣстностями, при будущемъ основаніи единственно-прочной государственной границы нашей на югѣ, невозможно. А между тѣмъ и съ ними случилось то же, что съ Бадакшаномъ. Не принимая въ соображеніе того, что еще въ половинѣ нашего вѣка на нихъ распространялась власть Бухары, и что Майменэ еще въ 1863 году была независима отъ афганцевъ, и, по свидѣтельству Вамбери, гордилась этимъ, мы признали, при переговорахъ въ 1873 г. графа Шувалова съ лордомъ Грэнвилемъ, права на нихъ Афганистана, который однакоже озаботился покореніемъ Майменэ не ранѣе 1875 года. Если этому факту, неблагопріятному для нашего будущаго утвержденія въ Туранѣ, можно придавать меньше значенія, чѣмъ уступкѣ

Бадакшана, то это лишь потому, что едва ли когда афганцамъ удастся прочно утвердиться въ этихъ оазисахъ, имѣющихъ населеніе изъ узбековъ и таджиковъ, нерасположенныхъ къ афганскому господству. Кромѣ того, между Андхоемъ, Майменэ и пр., съ одной стороны, и собственно Афганистаномъ съ другой, лежатъ гористыя земли, занятыя хезарейцами, джемшидами, кипчаками, монголами, фирузкухами и др., которые всѣ не любятъ афгановъ. Наконецъ и туркменское населеніе степи къ сѣверу отъ подгорныхъ оазисовъ нерасположено къ послѣднимъ, такъ что еще въ 1874 г. помогало противнику Ширъ-Али-хана кабульскаго, мятежному сыну его Якубу.

Исторія завоеванія Кокана, остававшагося независимымъ послѣ отнятія у него въ 1853 — 65 годахъ большей части его земель, очень проста. Жестокій и корыстолюбивый властитель его, Худояръ-ханъ, чтобы спасти хотя на время свой шаткій тронъ, не только подчинился вполнѣ, съ 1867 года, вліянію Россіи, но и усердно служилъ ея интересамъ, такъ что былъ награжденъ русскимъ орденомъ и представленъ даже, со стороны туркестанскаго генералъ-губернатора, къ титулу высочества, въ замѣнъ титула высокостепенства, принятаго у насъ для среднеазіятскихъ властителей. Онъ не препятствовалъ изученію русскими Кокана ни въ естественно-историческомъ, ни въ промышленномъ отношеніяхъ; для того, чтобы лучше угождать русскимъ властямъ, онъ держалъ въ Ташкентѣ особаго агента, въ лицѣ ловкаго мирзы Хакима, во многомъ освоившагося съ европейскими формами жизни. Какъ бы чувствуя, что дни его господства сочтены, Худояръ все свое вниманіе обратилъ на обогащеніе своей личной казны всѣми правдами и неправдами. Эта жадность и крайняя жестокость хана возбудили противъ него все населеніе, особенно кипчаковъ, съ которыми у него были давніе счеты. Возставшіе кочевники, подъ предводительствомъ одного изъ бывшихъ любимцевъ хана, Абдеррахмана-автобачи, низвергли Худояра, и онъ долженъ былъ бѣжать въ русскіе предѣлы. Затѣмъ, хотя подъ нашимъ вліяніемъ и провозглашенъ былъ ханомъ законный наслѣдникъ Худояра, Сеидъ, но онъ долго удержаться не могъ. Многіе коканскіе и киргизскіе патріоты, приписывая зло безпорядковъ въ ихъ странѣ русскимъ, не разъ вторгались въ наши предѣлы и этимъ вызвали строгое возмездіе, концомъ котораго было присоединеніе Коканскаго ханства къ Россіи, подъ именемъ Ферганской области. Въ настоящее время, совершается послѣдній актъ этого присоединенія

чрезъ усмиреніе непокорныхъ горныхъ киргизовъ, которые особенно многочисленны въ восточныхъ частяхъ области, и это новое поступательное наше движеніе уже привело насъ къ Памиру, къ озеру Каракулю. Худояръ же ханъ и его преемникъ вывезены въ Европейскую Россію, такъ что теперь въ средней Азіи остался лишь одинъ замѣтный представитель бывшей независимости Кокана, Абдулъ-Гафаръ, который успѣлъ убѣжать въ Афганистанъ и оттуда проникнуть въ Индію.

На юго-востокѣ отъ Кокана, за Небесными горами, лежитъ послѣднее государство Средней Азіи, о которомъ умѣстно упомянуть въ нашемъ очеркѣ. Это государство—Джитышаръ или Восточный Туркестанъ, который созданъ коканскимъ уроженцемъ Якубъ-бекомъ на развалинахъ власти китайцевъ. Государство это образовалось недалѣе 10—12 лѣтъ назадъ, вслѣдствіе возстанія мѣстнаго мусульманскаго населенія противу власти китайцевъ-язычниковъ,—одного изъ тѣхъ возстаній, которыя уже нѣсколько разъ повторялись со времени завоеванія Малой Бухаріи войсками Фудэ и другихъ китайскихъ генераловъ въ 1757 году. Въ первое время инсуррекціи, т. е. въ 1863—68 г., мы почти совсѣмъ не обращали вниманія на ходъ дѣлъ въ бассейнѣ Тарима и считали, что *de jure* все же это китайская земля, относительно которой у насъ даже есть трактатъ съ пекинскимъ правительствомъ, допускающій свободную русскую торговлю въ Кашгарѣ. Въ 1868 г. явился къ туркестанскому генералъ-губернатору довѣреннымъ агентомъ счастливаго основателя новой мусульманской монархіи племянникъ его Шади-мирза, чтобы увѣрить русскихъ въ дружбѣ и снискать расположеніе Россіи. Находясь въ вѣковыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Китаю, мы не придали этому посольству большаго значенія, и Шади-мирза, хотя побывалъ въ Петербургѣ, но вернулся домой ни съ чѣмъ. Въ 1872 году однако заключенъ былъ съ нимъ договоръ о торговлѣ, естественно доставившій ему большое удовольствіе, потому, что этимъ самымъ уже признавался онъ со стороны Россіи самостоятельнымъ государемъ, а не бунтовщикомъ противу китайцевъ, стоявшимъ внѣ области международнаго права. Договоръ принесъ пользу и намъ, потому что съ того времени русскіе купцы могли спокойно отправляться въ Кашгаръ и даже въ Яркентъ; это нѣкоторые изъ нихъ и дѣлали, хотя собственно правильной, постоянной торговли у насъ въ Джитышарѣ нѣтъ. Что Якубъ-бекъ серьезно понялъ обязательства, наложенныя на него договоромъ, видно

напр. изъ случая уплаты имъ безпрекословно 15,000 рублей за убытки, нанесенные нашимъ купцамъ въ Кашгарѣ дѣйствіями его чиновниковъ. Для пріобрѣтенія возможно прочнаго расположенія къ себѣ русскаго правительства, повелитель Джитышара отправлялъ въ 1874 году особое посольство въ Петербургъ, гдѣ оно было ласково принято и одарено, а самому Якубу отправлены подарки отъ двора съ особымъ офицеромъ. Но не смотря на эти пріязненныя сношенія, кашгарскій эмиръ въ душѣ не любитъ Россіи, потому что боится ея. И въ самомъ дѣлѣ, Россія есть единственное государство, которое можетъ разрушить созданную имъ монархію или держать ее постоянно на уровнѣ ничтожества. Китайцы такъ ослабѣли въ притяньшаньскихъ странахъ, что Якубъ-бекъ можетъ не считать ихъ опасными врагами; англичане далеко, за Гималаями, да и относятся они къ повелителю Джитышара весьма дружелюбно: они заключили съ нимъ договоръ, снабдили его хорошимъ оружіемъ, военными техниками и инструкторами и наконецъ торжественно признали за нимъ титулъ эмира, тогда какъ прежде онъ скромно назывался бадаулетомъ (счастливцемъ) или аталыкомъ-гази (поборникомъ вѣры), да и то лишь въ силу письма эмира бухарскаго. О сосѣдяхъ на западѣ, мелкихъ горныхъ владѣтеляхъ Памирскаго нагорья, и говорить нечего: они сами боятся Якубъ-бека, и одинъ изъ нихъ, Алифъ-бекъ сирикольскій, заплатилъ потерею престола за попытку не слушаться кашгарскаго бадаулета еще въ 1868 году. Только Россія является препоною честолюбивому эмиру въ его стремленіи основать большое мусульманское государство въ средней Азіи, и онъ безпрестанно оглядывается на нее. Съ нашей стороны, конечно, нѣтъ никакого основанія содѣйствовать осуществленію его видовъ и, напротивъ, должно желать, чтобы растиренію его могущества былъ наконецъ положенъ предѣлъ. Всего бы лучше, повидимому, было содѣйствовать китайцамъ въ нанесеніи ему хорошаго удара съ востока, для чего достаточно упрочить ихъ положеніе въ Чжунгаріи и Хами и снабдить ихъ оружіемъ и другими военными запасами. Китайцы — сосѣди испытаннаго миролюбія и притомъ имѣютъ одинаковый съ нами интересъ въ средней Азіи: сдерживать волненія номадовъ, столь вредныя для ихъ осѣдлыхъ сосѣдей. Ихъ сосѣдство въ Кашгарѣ было бы для насъ выгодно уже потому, что заслонило бы насъ отъ сѣверной Индіи, откуда идутъ не только многія непріязненныя намъ внушенія Якубъ-беку, но и оружіе, далеко превосходящее луки со стрѣлами

и фитильныя ружья среднеазіятцевъ, благодаря которымъ они не могли намъ пока оказывать серьезнаго сопротивленія. Г. Скайлеръ предвидитъ, рано или поздно, борьбу Кашгаріи съ Россіею и полагаетъ, что послѣдняя покоритъ весь Джитышаръ, чтобы провести свою границу у сѣверной подошвы Кунь-Луня; но намъ кажется, что это было бы совершенно противно ея интересамъ. Наша теперешняя граница, по Тянь-Шаню, лучше уже потому, что совершенно опредѣлительна и недоступна, тогда какъ Джитышаръ не имѣетъ естественныхъ предѣловъ съ востока. Кромѣ того, Россія уже сдѣлала столько завоеваній въ мусульманской Азіи, что можетъ желать только одного: не увеличивать безъ необходимости числа своихъ магометанскихъ подданныхъ, да еще такихъ безпокойныхъ людей, какими всегда оказывались обитатели восточнаго Туркестана.

Чтобы заключить нашъ очеркъ поступательнаго движенія Россіи въ средней Азіи и въ частности политическій отдѣлъ его, намъ остается сказать нѣсколько словъ объ одномъ, уже не азіятскомъ, а европейскомъ государствѣ, имя котораго не разъ было произнесено и котораго вліяніе не разъ оказывалось на самомъ нашемъ движеніи. Государство это — Англія. Что англичане опасаются за потерю своихъ владѣній въ Индіи, что они ожидаютъ толчка къ паденію этого могущества со стороны Россіи, это такія общеизвѣстныя истины, что здѣсь незачѣмъ ихъ повторять. Но напомнимъ нѣсколько фактовъ, показывающихъ, какъ далеко простирается непріязнь Англіи [1]) къ Россіи и какъ неутомима первая въ своихъ проискахъ противу послѣдней. Въ концѣ 1830 годовъ мы вынуждены были предпринять хивинскій походъ. Лордъ Пальмерстонъ немедленно увѣдомилъ хивинскаго хана, что завоеваніе его владѣній русскими послужитъ поводомъ

[1]) Едва ли совершенно правильно говорить вообще объ непріязни Англіи, (т. е., всего англійскаго общества) къ Россіи, — въ особенности въ настоящее время, когда мы слышимъ сочувственные намъ голоса такихъ людей, какъ гг. Гладстонъ, Форстеръ, Фриманъ, Брайтъ и мног. др., и по такому жгучему англійскому вопросу, какъ восточный. Относительно среднеазіятскихъ дѣлъ также высказывались въ Англіи, въ самыхъ просвѣщенныхъ ея сферахъ, мнѣнія, весьма дружественныя Россіи. Не только нельзя не надѣяться, но можно быть увѣреннымъ, что невѣжественныя и рутинныя предубѣжденія англичанъ противъ такъ называемой завоевательной русской политики рано или поздно рушатся. Надъ ними непремѣнно возъимѣютъ верхъ просвѣщенныя и прогрессивныя понятія людей, подобныхъ тѣмъ, которыхъ мы выше назвали. Эта увѣренность наша, конечно, не исключаетъ возможности въ ближайшемъ будущемъ политическихъ недоразумѣній, распложаемыхъ отсталыми политическими воззрѣніями лорда Биконсфильда.

Ред.

къ объявленію Англіею войны Россіи. Въ другой странѣ, именно въ Персіи, около того же времени англичане прямо противодѣйствовали союзному Россіи персидскому шаху въ завоеваніи Герата, который былъ защищаемъ англійскимъ офицеромъ Поттинджеромъ и спасенъ, отъ завоеванія персидскою арміею, англійскимъ посланникомъ Макъ-Нейлемъ. Въ 1857 году англичане, занятые въ то время усмиреніемъ сипайскаго бунта и войною съ Китаемъ, не затруднились объявить войну и Персіи, какъ только она снова покусилась на Гератъ, и заставили ее разъ навсегда отказаться отъ домогательствъ на эту землю, потому что отъ персіянъ она, по ихъ мнѣнію, непремѣнно перейдетъ къ русскимъ. Въ 1869—73 годахъ британское правительство вело долгіе переговоры съ нашимъ правительствомъ о созданіи нейтральной полосы между нашими среднеазіятскими владѣніями и Индіею; но подъ именемъ этой *нейтральной* полосы оно разумѣло владѣнія вассальнаго ему эмира кабульскаго, который, за субсидію въ 120,000 ф. стерлинговъ въ годъ, обязанъ содержать войска, способныя отразить нашествіе русскихъ. Къ этой нейтральной полосѣ англичане всѣми мѣрами старались причислить не только собственно-афганскія земли, но и мелкія узбекскія и таджикскія владѣнія къ сѣверу отъ Гиндукуша и по верховьямъ Окса. Въ 1874 г. они снабдили Якубъ-бека кашгарскаго цѣлою массою инструкторовъ, военныхъ техниковъ, запасомъ оружія и пр. Въ 1874—75 годахъ подобнымъ же запасомъ снабжена была часть туркменъ, враждебныхъ Россіи, а еще задолго до того по вліянію Англіи на персидское правительство послѣднее вздумало было потребовать, чтобы русскіе билеты туркменамъ на право свободнаго плаванія по Каспійскому морю выдавались лишь съ согласія астрабадскаго губернатора. Наконецъ, англійская печать въ Индіи прямо высказалась въ послѣдніе годы, что „охранять эту страну отъ нашествія русскихъ слѣдуетъ помощію туркменскихъ шаекъ, хорошо вооруженныхъ и руководимыхъ искусными офицерами“, то-есть что должно не обороняться отъ Россіи, а нападать на нее, только чужими руками. Самыя, повидимому, дружелюбныя заявленія англійской печати, — не говоря уже про такіе горячіе памфлеты, какъ „England and Russia in the East“ Роулинсона, — наполнены оскорбительными или коварными замѣчаніями о Россіи. Times, самый могущественный органъ британскаго общественнаго мнѣнія, нерѣдко поощряетъ русское движеніе въ Азіи, находя его благодѣтельнымъ для тамошнихъ на-

родовъ. Эта газета „съ точки зрѣнія цивилизаціи“ была бы рада, если бы Россія овладѣла всѣми среднеазіятскими пустынями до Великой Стѣны и Гималая; англійская политика въ Китаѣ къ тому и направлена, чтобы Срединное царство, ослабѣвъ, лишилось своихъ застѣнныхъ владѣній, которыя бы такимъ образомъ пришлось взять Россіи. Цѣль тутъ одна: ослабить русское государство возложеніемъ на него истощающаго, непосильнаго бремени владѣть ничего непроизводящими степями и безпокойнымъ ихъ населеніемъ, что̀, по мнѣнію англичанъ, будетъ прочнѣйшею гарантіею ихъ могущества въ Индіи и вообще въ южной Азіи.

На сколько предубѣжденіе англичанъ и истекающая изъ нихъ политика долговѣчны, предвидѣть, разумѣется, невозможно, но что эта политика не вызвана никакими замыслами относительно Индіи со стороны Россіи, въ этомъ едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе. Примѣръ казачьяго похода 1801 года никакъ не можетъ служить доказательствомъ видовъ современной Россіи уже потому только, что эта Россія въ 75 лѣтъ ушла далеко впередъ по своему политическому развитію и предусмотрительности. Доказательствъ этому можно привести много. Напомнимъ одно. Въ 1857 году, послѣ крымской войны, нѣкоторыми лицами въ Тифлисѣ и Петербургѣ были составлены два проекта возмездія англичанамъ въ Индіи, что̀ было въ то время очень возможно, потому что Англія вела одновременно войну съ Персіею, съ Китаемъ и съ собственными взбунтовавшимися солдатами; между тѣмъ оба эти проекта остались безъ малѣйшихъ послѣдствій. И въ наше время, не смотря на необходимость и нетрудность для насъ занять южную окраину Туркменіи, это движеніе не исполняется, чтобы не возбудить напрасныхъ волненій въ англійской Индіи. Быть можетъ, время принесетъ коренное измѣненіе въ убѣжденіяхъ англичанъ, и тогда обѣ великія европейскія націи пойдутъ навстрѣчу одна другой въ Азіи не съ горькими подозрѣніями и укоризнами, а съ довѣріемъ и пріязнію, какъ исполнители *одной* исторической задачи — цивилизовать далекій Востокъ. Но скоро ли наступитъ это время? Россія, во всякомъ случаѣ, не ожидая его, должна исполнить *свое* призваніе: занять Туркестанъ сполна. Это, безъ сомнѣнія, окажется не безполезнымъ и въ томъ отношеніи, что заставитъ Англію быть сдержаннѣе на другихъ поприщахъ всемірной политики, на которыхъ она постоянно противодѣйствуетъ видамъ Россіи.

Закончимъ нашъ очеркъ краткимъ обращеніемъ къ читателю. Задача нашей работы заключалась не въ томъ, чтобы представить полную картину положенія Россіи въ средней Азіи или дать какія-нибудь *новыя* подробности о немъ. Это было невозможно по самому объему статьи, заранѣе опредѣленному. Но изложить вкратцѣ самые выдающіеся факты изъ исторіи нашего поступательнаго движенія въ западной половинѣ среднеазіятскихъ пустынь, коснуться наиболѣе важныхъ вопросовъ современности, изъ области международнаго, государственнаго, полицейскаго и частію даже гражданскаго права, указать на нѣсколько успѣховъ и промаховъ нашей экономической и политической дѣятельности въ степяхъ и въ Туркестанѣ — все это было цѣлью, которой мы старались по возможности достигнуть.

Парижъ, октябрь 1876.

РЕСПУБЛИКА ИЛИ МОНАРХІЯ

УСТАНОВИТСЯ ВО ФРАНЦІИ?

В. И. ГЕРЬЕ,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Вопросъ, поставленный въ заглавіи нашей статьи, есть безъ сомнѣнія самый важный и самый любопытный, современный вопросъ для всѣхъ интересующихся государственными учрежденіями и политическою жизнію европейскихъ народовъ. Разрѣшить этотъ вопросъ обыкновенно стараются путемъ практическимъ; отвѣтъ на него отыскиваютъ посредствомъ изученія современнаго состоянія Франціи, общественнаго мнѣнія въ ней, характера и относительной силы ея политическихъ партій и т. д. Но попытки найти искомый отвѣтъ этимъ путемъ не могутъ быть удовлетворительны; нужно имѣть въ виду, что современное состояніе Франціи есть результатъ предшествовавшихъ ему причинъ, что политическія партіи бываютъ не столько виновницами государственнаго порядка, сколько симптомами тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ созидается этотъ порядокъ; однимъ словомъ, нужно искать объясненія настоящаго и будущаго въ прошедшемъ, и въ данномъ случаѣ необходимо прежде всего знать, къ чему подготовила и къ чему привела Францію ея исторія?

Попытку отвѣта на этотъ вопросъ представляетъ предлагаемый очеркъ.

Исторія Франціи почти тождественна съ исторіей ея королевской власти; Французское государство обязано существованіемъ своимъ королямъ; Франція, можно сказать, возникаетъ вмѣстѣ съ своей королевской династіей. Въ Россіи исторія государства почти совпадаетъ съ исторіей страны; почти первый актъ ея исторіи есть зарожденіе государства. Во Франціи, исторіи государства предшествуетъ продолжительная исторія страны. Страна эта становится извѣстною въ исторіи подъ именемъ Галліи. Со словъ: „Галлія распадается на три части“ начинается первое историческое сочиненіе объ этой странѣ. Дѣйствительно Галлія не представляла въ то время ни этнографическаго, ни политическаго единства. Это единство навязывается ей извнѣ — римскимъ завоеваніемъ. Подъ римскимъ владычествомъ, Галлія получаетъ общую культуру, общій языкъ, наконецъ общую религію. Но въ ней нѣтъ центра, который могъ бы превратить страну въ политическій организмъ. Галлія составляетъ часть великаго политическаго тѣла, изъ чужаго центра получаетъ жизнь и руководящія начала. Это политическое тѣло разбивается, но Галліи не удается обезпечить себѣ независимую жизнь, политическую особность. Для нея начинается новый періодъ иностраннаго владычества, періодъ германскій. Снова Галлія разбивается, раздробляется на три части. Правда, одни изъ побѣдителей — Франки скоро одолѣваютъ другихъ, и подъ властію Меровинговъ собираются различныя части Галліи. Старинное названіе Галліи замѣняется новымъ — Франціи. Но эта Франція не есть государство, ей по прежнему недостаетъ политическаго центра. Это только вотчина рода Меровинговъ, вотчина, въ которой живутъ безъ всякаго слiянія различныя племена, въ которой дѣйствуютъ различныя права, въ которую вводятся враждебные другъ другу элементы культуры. Въ эту вотчину входятъ кромѣ различныхъ частей Галліи такія области, которыя были присоединены къ ней посредствомъ завоеванія: Рейнскій бассейнъ, верховья Дуная, Альпы. Политическая связь съ этими областями содѣйствуетъ постоянному вторженію германскаго элемента, который задерживаетъ смѣшеніе племенъ и объединеніе частей. Наконецъ этотъ сосѣдній, но чуждый элементъ, получаетъ верхъ и старая Галлія снова становится провинціей космополитической имперіи, имперіи не Римско-греческой, а Римско-германской. Эта новая имперія по прежнему считаетъ Римъ своимъ центромъ, но дѣйствительный центръ ея лежитъ на сѣверо-востокѣ, близь Рейна — въ Ахенѣ; ея силу со-

ставляютъ не римскіе легіоны, а германскія дружины, свѣтскіе и духовные вассалы Карла Великаго.

Эта новая имперія представляетъ еще менѣе прочности, чѣмъ прежняя. Ей грозятъ не только внѣшніе враги, — Норманны, Славяне, Авары и проч.; для нея еще болѣе грозны внутренніе враги — стремленіе къ племенному и къ мѣстному обособленію, національная рознь и феодализмъ. Подъ давленіемъ этихъ враждебныхъ силъ разлагается имперія, отъ нея отторгается западная Франція, которая въ свою очередь скоро дробится на множество мелкихъ частей.

Но это разложеніе имперіи Карловинговъ создаетъ условія, необходимыя для возникновенія государственнаго организма. Среди политическаго хаоса X-го вѣка, зараждается политическій центръ національнаго французскаго государства. Этотъ центръ едва замѣтенъ, это маленькое парижское графство, которое служитъ основаніемъ могущества предпріимчивой династіи Капетинговъ. Никакая иная династія въ исторіи не можетъ помѣряться съ Капетингами въ продолжительности существованія, и никакой иной династіи не выпала на долю такая трудная и продолжительная роль. Въ теченіе почти тысячелѣтія, графы парижскіе трудились надъ великой задачей созданія Франціи; оттого исторія ихъ рода отождествилась съ исторіей ихъ дѣла. Къ концу прошлаго вѣка ихъ дѣло окончилось; изъ графства парижскаго сложился могущественный организмъ нынѣшней Франціи.

Этотъ могущественный организмъ складывался въ теченіе вѣковъ посредствомъ двойной работы. Стороннему наблюдателю прежде всего бросается въ глаза болѣе внѣшняя механическая работа — территоріальное объединеніе Франціи, собираніе ея удѣловъ и ея расширеніе до естественныхъ границъ. Маленькое графство парижское было въ этомъ отношеніи чрезвычайно удобно расположено. Оно собственно состояло изъ двухъ замковъ, но эти замки — Парижъ и Орлеанъ — лежали на двухъ главныхъ рѣкахъ сѣверной Франціи и давали своему владѣльцу возможность подчинить своей власти весь бассейнъ этихъ рѣкъ. Парижъ былъ кромѣ того естественною столицей герцогства Иль-де-Франсъ, центральной области, достаточно отдаленной отъ моря, чтобъ избѣгнуть завоеванія Норманновъ, достаточно отдаленной отъ воинственной Германіи, но въ то же время составлявшей ключъ Франціи, куда было легко вверхъ и внизъ по рѣкамъ собрать силы страны противъ внѣшняго врага. Уже въ началѣ XII вѣка,

при Филиппѣ Августѣ, кончилась въ пользу герцоговъ Франціи ихъ борьба съ опасными соперниками — герцогами Норманскими и графами Анжуйскими, которые вздумали, опираясь на могущество Англіи, создать независимыя государства на нижней Сенѣ и на нижней Луарѣ; такимъ образомъ Капетинги расширили свою власть до береговъ Ламаншскаго канала и Атлантическаго океана. Но уже сынъ счастливаго Филиппа Августа подчинилъ власти своего рода многочисленныя области на лѣвомъ берегу Луары и дошелъ до предѣловъ Гаронскаго бассейна. Въ то-же время, воспользовавшись альбигойскими смутами, онъ сталъ твердой ногой въ верховьяхъ Гаронны и на Средиземномъ морѣ, захвативши области Бокèръ и Каркасонъ. Къ концу XIII вѣка Капетингамъ удалось утвердить вѣтвь своего рода на устьяхъ Роны и на границахъ Италіи. Въ концѣ этого же вѣка Франція распространила свою власть вверхъ по Марнѣ и дошла до тогдашнихъ границъ Германіи. Въ половинѣ XIV вѣка Франція утвердилась на верховьяхъ притоковъ, которые питаютъ Рону съ лѣвой стороны, и дошла до Альпъ. Въ это же время происходила тяжелая и продолжительная борьба съ Англіей за владычество въ бассейнѣ Гаронны, т. е. старой Аквитаніи, борьба, кончившаяся въ XV вѣкѣ въ пользу Франціи. Только что вышедши побѣдительницей изъ этой борьбы, Франція поспѣшила поставить преграды развитію опаснаго государства на своей восточной границѣ. Счастье благопріятствовало ей, и изъ наслѣдства Карла Смѣлаго ей удалось присвоить себѣ область Бургундію, т. е. область Соны и верхней Марны, а на сѣверо-востокѣ обезпечить за собой владычество надъ бассейномъ Соммы. Въ то-же время, вслѣдствіе прекращенія младшей вѣтви своего королевскаго рода, Франція пріобрѣла окончательно богатый Провансъ. Скоро затѣмъ была пріобрѣтена та область, которая наиболѣе сохраняла свою провинціальную особенность, и съ пріобрѣтеніемъ Бретани Капетинги завладѣли всей береговой линіей, которая приходится на долю Франціи. Въ XVI вѣкѣ началась продолжительная борьба между Французской династіей и династіей Габсбурговъ; побѣды надъ Габсбургами дали Франціи возможность довести свои границы до Пиринеевъ и округлить свои предѣлы на сѣверо-востокѣ. Во время этой борьбы Франція завладѣла областью Ду (Doubs), верховьями Мозеля и Мааса и старалась завладѣть всѣмъ теченіемъ Мааса и Шельды. Эта борьба довела Францію до Рейнскаго бассейна и дала ей возможность на время завла-

дѣть частью этого бассейна въ томъ мѣстѣ, гдѣ Рейнъ подходитъ всего ближе къ французскимъ горамъ и образуетъ узкую полосу земли, подъ склономъ горнаго хребта.

Но эти территоріальные успѣхи Франціи, этотъ ростъ ея не имѣли бы прочности, если бы рядомъ съ наружнымъ объединеніемъ не происходило другое, менѣе замѣтное, которое замѣнило механическую связь областей болѣе крѣпкою духовною связью, и которое изъ захваченныхъ разнымъ способомъ провинцій создало цѣльный государственный организмъ.

Характеръ этой внутренней работы политическаго объединенія обусловливался общественной средой, въ которой пришлось дѣйствовать французскимъ королямъ. Феодальный бытъ создалъ три рода политическихъ организмовъ: *сеньёріи* (помѣстья), въ которыхъ землевладѣніе сдѣлалось основаніемъ государственной власти, *духовныя сеньёріи*, въ которыхъ къ феодальному началу присоединилась церковная власть, и наконецъ *коммуны*, т. е. общины, которымъ удалось отстоять свою политическую независимость или исторгнуть ее вновь изъ рукъ сеньёровъ. Развитіе государственной власти должно было клониться къ тому, чтобъ постепенно отнять у этихъ различныхъ политическихъ организмовъ государственныя функціи, ими себѣ присвоенныя, или по крайней мѣрѣ ограничить ихъ въ пользованіи этими функціями. Такимъ образомъ французскіе короли должны были подчинить себѣ все болѣе и болѣе своихъ свѣтскихъ и духовныхъ вассаловъ и коммуны, въ военномъ, юридическомъ и финансовомъ отношеніяхъ. Въ первомъ отношеніи, надо было лишить вассаловъ права германской фейды, т. е. права рѣшать свои споры междоусобною войной и обязать ихъ вынимать свой мечъ только для интересовъ французскаго короля. Во второмъ отношеніи, надо было подчинить суды сеньёровъ верховному королевскому суду и увеличить число случаевъ, которые должны были рѣшаться не феодальными или церковными судами, а королевскими чиновниками. Надо было замѣнить германское право, роскошно развившееся въ мѣстныхъ обычаяхъ (кутюмахъ) и благопріятствовавшее феодальной самостоятельности—римскимъ правомъ, проводникомъ государственнаго начала. Въ третьихъ, надо было распутать то, что было запутано феодализмомъ, отдѣлить частное право отъ государственнаго,—поземельный оброкъ отъ государственной подати, предоставляя первый землевладѣльцамъ и присвоивая вторую исключительно государственной власти; а пока надо было по-

крайней мѣрѣ заставить сеньёровъ подѣлиться съ королемъ въ правѣ облагать своихъ подданныхъ таліей (оброкомъ и барщиной). То же самое приходилось привести въ исполненіе съ нѣкоторымъ измѣненіемъ и относительно коммунъ. Если политика королей заключалась въ томъ, чтобъ уменьшать число синьёрій, то относительно городовъ ихъ интересъ былъ иной: они стремились къ тому, чтобъ задерживать развитіе вольныхъ городовъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, но содѣйствовали ему тамъ, гдѣ города могли служить союзниками королей противъ сеньёровъ и князей.

Эта внутренняя работа, подчиненіе сеньёровъ, прелатовъ и коммунъ королевской власти происходила одновременно во всѣхъ областяхъ Франціи, которыя вслѣдствіе этого все плотнѣе укладывались въ общемъ политическомъ строѣ и въ общемъ подчиненіи королевской власти. Такимъ образомъ сеньёры и коммуны разныхъ областей стали сближаться между собой и понимать свою солидарность. Богатый и могущественный графъ Фландрскій, встрѣчаясь при королевскомъ дворѣ съ сиромъ де Кусси, сталъ смотрѣть на него, не смотря на разстояніе, раздѣлявшее ихъ по феодальной лѣстницѣ, какъ на товарища и союзника противъ королевской власти. Депутаты амьенской коммуны, встрѣчаясь передъ королевской куріей съ депутатами Тулузы, переговаривались съ ними объ общихъ интересахъ французскихъ городовъ. Такимъ образомъ возвышеніе королевской власти не только стягивало провинціи и подчиняло ихъ общему цѣлому, но въ то-же время соединяло въ этихъ областяхъ сеньёровъ, прелатовъ и коммуны, сливая ихъ въ однородныя массы, живущія общими интересами. Этотъ важный результатъ былъ достигнутъ къ концу XIII вѣка; съ созванія *Генеральныхъ Штатовъ* Франціи при Филиппѣ IV, въ самомъ началѣ XIV вѣка, начинается новый періодъ въ исторіи этого государства.

Генеральные Штаты, т. е. собраніе всѣхъ политически независимыхъ вассаловъ, прелатовъ и представителей городовъ (des bonnes villes) Франціи, созваны были королемъ для того, чтобъ заручиться ихъ поддержкой въ борьбѣ съ притязаніями папы и потомъ часто созывались, чтобъ обсудить съ королемъ различныя государственныя мѣры, а главнымъ образомъ для того, чтобъ предоставить ему право обложить подчиненное имъ сельское и городское населеніе государственною податью. Эти Генеральные Штаты служили выраженіемъ политическаго единства, достигну-

таго Франціей, но въ то-же время они напоминали королямъ, сколько еще оставалось сдѣлать на пути дальнѣйшаго объединенія. Король говорилъ съ Генеральными Штатами въ первое время ихъ существованія не какъ государь съ подданными, а какъ глава политической федераціи съ подчиненными ему правителями. Герцоги, графы, прелаты и перы, составлявшіе Генеральные Штаты, являлись не депутатами отъ населенія своихъ округовъ, а представителями государственной власти, принадлежавшей имъ наслѣдственно или вслѣдствіе избранія въ ихъ территоріяхъ.

Эти первые Генеральные Штаты не имѣли характера современнаго парламента (т. е., народнаго представительства), а скорѣе конгресса соединенныхъ штатовъ. Съ каждымъ изъ болѣе могущественныхъ сеньёровъ королевское правительство должно было отдѣльно уговариваться относительно количества подати государственной, налагаемой на его территорію, и предоставлять ему, смотря по его могуществу, четверть или половину оброка (taille,— повинности подвластнаго народонаселенія), собираемаго въ его областяхъ. Съ такимъ положеніемъ дѣла королевская власть не могла примириться и, сохраняя форму Генеральныхъ Штатовъ, она постепенно измѣняла ихъ значеніе; она стремилась къ тому, чтобы лишить членовъ Генеральныхъ Штатовъ прежняго характера мѣстной верховной власти и превратить ихъ въ представителей сословій или мѣстнаго населенія. Королевское правительство достигало этого столько же стѣсненіемъ мѣстной верховной власти, сколько *расширеніемъ* представительнаго права въ видѣ раздачи привиллегій. Такимъ образомъ, съ половины XIV вѣка, оно стало жаловать этими привиллегіями дворянство; феодальные титулы постепенно переставали означать обладаніе верховной властью, а только указывали на принадлежность къ извѣстному привилегированному сословію. Точно также короли стали давать или продавать разнымъ лицамъ титулъ королевскаго буржуа, въ видѣ привилегіи, независимо отъ того селилось ли это лицо въ коммунѣ или въ простомъ городѣ или даже въ деревнѣ, подвластной сеньёру. Въ то же время короли стали призывать на Генеральные Штаты кромѣ депутатовъ старыхъ привилегированныхъ городовъ представителей всѣхъ городовъ безразлично и наконецъ даже сельскихъ округовъ. Почти незамѣтно происходило это превращеніе Генеральныхъ Штатовъ въ представительство трехъ сословій, на которыя распадалось населеніе французскаго государства — дворянства, духовенства и *третьяго*

сословія или ротюры (Tiers Etat, называвшагося въ противоположность лицамъ привилегированныхъ сословій roturiers).

Соединяя такимъ образомъ въ одно дворянское сословіе крупныхъ и мелкихъ сеньёровъ (Hauts et Bas Justiciers), непосредственныхъ вассаловъ и подъ-вассаловъ, родовыхъ и жалованныхъ дворянъ; соединяя прелатовъ, имѣвшихъ верховную власть, и прелатовъ, обладавшихъ простыми бенефиціями, въ одно духовное сословіе; приравнивая къ вольнымъ общинамъ (коммунамъ) королевскіе города и простыя сельскія общины — королевская власть лишала Генеральные Штаты главнаго основанія ихъ прежняго авторитета — присущей имъ верховной власти, и превращала ихъ въ сословія съ совѣщательнымъ голосомъ въ государственномъ управленіи.

Единственной представительницей верховной власти осталась королевская династія. Но королямъ казалась стѣснительной и та доля политическаго вліянія, которую сохранили за собой сословія въ своихъ представителяхъ. Короли начали постепенно уничтожать это политическое вліяніе и стали стремиться къ тому, чтобы поставить сословія въ совершенно зависимое отъ себя положеніе. Они подкапывались подъ независимость каждаго сословія и привязывали ихъ къ своимъ интересамъ различными средствами. Главнымъ орудіемъ противъ дворянства послужила королямъ постоянная армія, которая возникла во время продолжительной борьбы съ Англіей и окончательно сформировалась въ теченіи XV вѣка. Замѣняя феодальное ополченіе постояннымъ войскомъ, французскіе короли освободили себя отъ необходимости заискивать у дворянства и подчиняться его вліянію въ своей политикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ короли прибѣгали къ другому средству, которое должно было поставить дворянство въ совершенную зависимость отъ престола. Это средство заключалось въ привлеченіи дворянъ къ придворной и государственной службѣ, которая щедро вознаграждалась королями. Занимая офицерскія мѣста въ новой арміи, высшія должности въ провинціальной администраціи, новые дипломатическіе посты и многочисленныя придворныя синекуры, — дворянство привыкло жить королевскими окладами и пенсіями, привыкло смотрѣть на королевскую власть, какъ на источникъ милости и всякихъ благъ, и смотрѣть на себя, какъ на украшеніе и исключительную опору престола.

Могущественное и независимое феодальное духовенство было приниженo передъ королевской властью другимъ средствомъ. Въ

концѣ XIII вѣка французскіе короли, опираясь на національный инстинктъ духовенства, вступили въ борьбу съ притязаніями Бонифація VIII, которыя мѣшали правильному развитію общей государственной власти.

Но французскіе короли измѣнили политику, какъ скоро имъ удалось перевести папство въ Авиньонъ и сдѣлать изъ него послушное орудіе французскихъ интересовъ. Послѣ авиньонскаго періода папства, французское правительство увлеклось одно время общимъ стремленіемъ Европы къ церковной реформѣ, къ ограниченію власти папъ и къ возстановленію въ церкви соборнаго правленія. Но при этихъ стремленіяхъ французскіе короли имѣли главнымъ образомъ въ виду не столько церковныя реформы, сколько обезпеченіе государственной власти и ея интересовъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ Болоньскій конкордатъ, заключенный королемъ Франциском I съ папою Львомъ X въ 1516 г., т. е. за годъ передъ тѣмъ, какъ германскій міръ приступилъ къ реформаціи и свергнулъ съ себя вѣковое римское иго. Болоньскій конкордатъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ подчиненіе французской церкви королевской власти. Этотъ конкордатъ былъ собственно дѣлежемъ церкви между двумя главами, которые спорили за владычество надъ ней, — между свѣтскимъ главою ея и духовнымъ, между королемъ и папой; при этомъ однакожъ королю досталась львиная часть. Болоньскій конкордатъ, предоставившій королю право замѣщать по своему усмотрѣнію почти всѣ высшія духовныя должности и вознаградившій папу за эту уступчивость извѣстною отступною суммой, которая ему платилась ежегодно французскою церковью — поставилъ высшее французское духовенство въ такое же положеніе, въ какомъ уже находилось дворянство, т. е. сдѣлалъ изъ него придворную аристократію. Реформація, проникшая во Францію, дала королямъ возможность поставить духовенство еще въ бо̀льшую зависимость отъ себя и привязать его еще ближе къ своимъ интересамъ.

Что касается до третьяго сословія, то королевская власть, опираясь на расположеніе къ себѣ двухъ привилегированныхъ сословій, не нуждалась въ особенныхъ ухищреніяхъ, чтобы побѣдить всякое сопротивленіе съ этой стороны. Собраніе Генеральныхъ Штатовъ, на которыхъ два первыхъ сословія обыкновенно подавали голосъ противъ третьяго, не только не стѣсняло королевской власти, но иногда служило ей даже средствомъ доказать немощь третьяго сословія и лишать его политическаго

вліянія. Правда, въ общественной и экономической жизни третье сословіе, накопляя богатство и просвѣщаясь, пріобрѣтало все болѣе и болѣе вѣса. Но въ рукахъ королей былъ такъ сказать хорошій громоотводъ, который давалъ имъ возможность обезопасить себя противъ серьезной оппозиціи со стороны третьяго сословія. Съ одной стороны, короли постепенно уничтожали выборное правленіе въ привилегированныхъ городахъ и замѣняли выборныхъ людей королевскими чиновниками, съ другой стороны, — а это средство было еще дѣйствительнѣе, — короли предоставляли выдававшимся по своему положенію буржуа возможность выйдти въ привилегированное сословіе покупкою одной изъ многочисленныхъ должностей, дававшихъ дворянство. Мало того, превращая значительную часть должностей по юридической и государственной службѣ въ наслѣдственныя должности, короли сдѣлали изъ верхняго слоя буржуазіи или мѣщанства привилегированное сословіе, заинтересовывали самыхъ честолюбивыхъ и дѣятельныхъ буржуа въ сохраненіи существовавшаго порядка и привязывали ихъ, подобно дворянству, къ подножію престола.

Такимъ образомъ Генеральные Штаты, въ теченіи вѣковъ, все болѣе и болѣе утрачивали всякое политическое значеніе. Но самое существованіе ихъ было стѣснительно для королей, такъ какъ напоминало имъ о прежнемъ раздробленіи верховной власти. Поэтому, когда Генеральные Штаты окончательно превратились въ сословное представительство, а самыя сословія посредствомъ привилегій были тѣсно связаны съ интересами королевской династіи, короли рѣшились совершенно отказаться отъ этого прежняго орудія своей власти и болѣе не созывать Генеральныхъ Штатовъ.

Съ этого времени, начинается третій крупный періодъ въ исторіи французскаго государства — періодъ неограниченной королевской власти, слѣдовавшей за періодомъ феодальнымъ и за періодомъ Генеральныхъ Штатовъ. Этотъ третій періодъ наступилъ въ исходѣ XVI вѣка, по окончаніи религіозныхъ войнъ, и ознаменовался восшествіемъ на престолъ новой вѣтви Капетингской династіи — Бурбоновъ. Правда, по смерти Генриха IV, были созваны еще разъ Генеральные Штаты, но это случилось вслѣдствіе малолѣтства наслѣдника престола и оплошности его опекуновъ.

Привилегированныя сословія не съ разу примирились съ новымъ положеніемъ. Они воспользовались малолѣтствомъ наслѣдника престола и возстали противъ всемогущественнаго любимца

вдовствовавшей королевы, противъ итальянскаго кардинала, деспотически управлявшаго ихъ отечествомъ. Но эти смуты, прозванныя фрондой, не могли имѣть успѣха, не потому только, что привилегированныя сословія не находили поддержки въ народныхъ массахъ и не потому только, что дворянство расходилось въ своихъ интересахъ съ привилегированною буржуазіей (парламентомъ), но главнымъ образомъ потому, что, стремясь къ расширенію и упроченію своихъ привилегій, фрондеры не могли дѣлать серьезной оппозиціи той власти, которая была источникомъ ихъ привилегій. Они возставали болѣе противъ лица, чѣмъ противъ системы, они считали невыносимыми послѣдствія историческаго порядка, сложившагося во Франціи, но они не думали измѣнять условій и принциповъ, создавшихъ этотъ порядокъ, они стремились къ реставраціи, а не къ реформѣ, они желали раздѣлить верховную власть съ королемъ, но они не имѣли въ виду подѣлиться съ той массой народа, которая стояла внѣ привилегій.

Фронда была послѣднею вспышкой феодальной самостоятельности, и молодой король, выросшій среди ея смутъ, могъ безпрекословно отождествить государственную власть съ своею личною властью. Знаменитыя слова Людовика XIV — „L'état c'est moi" („государство — это я") — не были выраженіемъ одного только деспотическаго тщеславія и безпредѣльнаго самоупоенія властью; въ этихъ словахъ заключается ясное сознаніе той ступени, которой достигла Франція въ своемъ историческомъ развитіи, и вѣрная оцѣнка свойствъ и характера тогдашней королевской власти. Изъ четырехъ элементовъ верховной власти въ феодальномъ періодѣ остался на лицо только одинъ — королевская власть, которая поглотила въ себѣ остальные; изъ нѣсколькихъ Штатовъ сложилось одно государство, выраженіемъ котораго была королевская власть. Притязанія старыхъ Штатовъ на участіе въ верховной власти такъ обветшали, что одна мысль объ ограниченіи правительственной власти казалась для короля оскорбительной, и въ мемуарѣ, написанномъ Людовикомъ XIV, для поученія своего сына, король говоритъ, что зависимость, которая ставитъ „государя въ необходимость подчиняться волѣ своего народа, есть послѣднее бѣдствіе, въ которое можетъ впасть человѣкъ въ нашемъ положеніи". Восторжествовавши надъ своими соперниками, королевская власть возвела свою побѣду въ догматъ; историческое право было возведено на степень боже-

ственнаго права. Въ сознанiи этого божественнаго права король могъ думать, что проявленiя его воли опираются на сверхестественный авторитетъ. „Нѣтъ сомнѣнiя, пишетъ Людовикъ XIV въ поученiи дофину, что государи въ извѣстныхъ дѣйствiяхъ своихъ являются такъ сказать намѣстниками Бога и потому какъ бы причастны Его всевѣдѣнiю и Его всемогуществу; такъ напримѣръ въ оцѣнкѣ способности людей, въ распредѣленiи должностей и въ дарованiи милости“. Съ точки зрѣнiя такой теорiи короли не могли довольствоваться тѣмъ, что исторгли верховную власть изъ рукъ частныхъ лицъ, смотрѣвшихъ на эту власть, какъ на свою частную собственность. Французскiе короли заявили въ лицѣ Людовика XIV, что верховная власть, которою они были облечены, давала имъ безграничное право на частную собственность ихъ подданныхъ. „Вы должны знать, пишетъ Людовикъ въ поученiи сыну, что король полновластный господинъ и что ему принадлежитъ естественное право свободно распоряжаться всѣмъ имуществомъ своихъ подданныхъ, какъ мiрянъ, такъ и духовныхъ, для общихъ нуждъ государства“.

Но эта безграничная власть, которую присвоивали себѣ французскiе короли въ интересахъ государства, не могла отрѣшиться отъ тѣхъ свойствъ, которыя были слѣдствiемъ ея историческаго происхожденiя. Въ среднiе вѣка, всякая верховная власть имѣла характеръ частной собственности, потому что главнымъ основанiемъ ея была поземельная собственность. Частный характеръ имѣла верховная власть въ феодальныхъ сузеренахъ, а изъ феодальныхъ элементовъ сложилась власть французскаго короля. Расширенiемъ своей власти, которая была ихъ частною собственностiю, французскiе короли создали французское государство, и потому естественно, что государственная власть представлялась имъ въ видѣ частной собственности ихъ рода, что король могъ отождествлять свою личную волю съ государственною властью. Этотъ-то взглядъ и выразился въ типическихъ словахъ Людовика XIV: государство — это я.

Но историку, который захочетъ составить себѣ понятiе о силѣ и предѣлахъ королевской власти во Францiи въ перiодъ развитiя абсолютизма, чрезвычайно легко впасть въ ошибку, если онъ будетъ основывать свои выводы на различныхъ проявленiяхъ деспотическаго произвола или на теоретическихъ формулахъ, извлеченныхъ изъ сочиненiй Людовика XIV и льстивыхъ увѣренiй придворныхъ писателей. Историкъ впадетъ въ такую же ошибку,

въ которую впадали Людовикъ XIV и его преемники. Онъ не замѣтитъ противорѣчія между теоріей и дѣйствительностью, между правительственной системой и учрежденіями страны. Подъ блескомъ королевской власти онъ не замѣтитъ ея предѣловъ, ея слабой стороны. За величественнымъ фасадомъ французскаго государственнаго зданія, историкъ не замѣтитъ развалинъ средневѣковыхъ учрежденій, которыя мѣшали довершенію новаго зданія и нарушали его единство. Создавая французское государство изъ феодальнаго хаоса, французскіе короли крѣпко сплотили въ одно цѣлое различныя провинціи, разъединенныя племенными, географическими и историческими особенностями; но это объединеніе было болѣе механическимъ спаиваньемъ, чѣмъ духовнымъ сліяніемъ ихъ. Французскіе короли одинаково пріучили Гасконца и Пикарда, Провансала и Бретонца почитать въ потомкѣ св. Людовика своего природнаго короля; но они не пріучили ихъ поступиться своими провинціальными особенностями въ виду общей принадлежности къ единой французской націи. Французскіе короли успѣли сосредоточить въ своей столицѣ управленіе всей обширной своей территоріи, но они не съумѣли устранить тѣ разнообразные органы провинціальной самостоятельности, которые мѣшали правильному и органическому воздѣйствію центральной власти. Вся Франція была покрыта сѣтью искусной администраціи, вездѣ были королевскіе чиновники, облеченные чрезвычайными полномочіями и готовые дѣйствовать по малѣйшему знаку центральнаго правительства; но власть этихъ чиновниковъ имѣла характеръ произвола, вся эта административная система могла поддерживать себя только чрезвычайными, незаконными средствами.

Чтобы убѣдиться въ противорѣчіи между правительственной системой и учрежденіями страны, познакомимся ближе съ административными органами королевской власти въ эпоху ея такъ называемаго абсолютизма. Въ этой администраціи мы замѣчаемъ нѣсколько историческихъ *наслоеній*, которыя продолжали существовать и дѣйствовать одновременно, хотя въ послѣднемъ слоѣ было конечно больше силы и жизни, чѣмъ въ предшествовавшихъ.

Собрать въ одно цѣлое многочисленные феодальные организмы, на которые раздробилась Франція въ началѣ среднихъ вѣковъ, и создать изъ нихъ единое національное государство было задачею чрезвычайно трудною; она могла быть достигнута только постепенно. Каждая новая ступень въ дѣлѣ созданія

французскаго государства изъ феодальныхъ помѣстій или сеньёрій ознаменовывалась новымъ распредѣленіемъ французской территоріи на извѣстныя области и новыми административными органами, поставленными во главѣ этихъ областей. Каждое изъ этихъ распредѣленій доказывало, что королевская власть присвоивала себѣ новое право надъ страной, налагала на провинціи новую повинность, въ которой всѣ должны были одинаково участвовать. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ верховную власть, французскіе короли должны были постепенно отнимать у мѣстныхъ властей всѣ функціи государственной дѣятельности. Главныя функціи государственной власти, присвоенныя себѣ сеньёрами, были: судъ, право распоряжаться военной силой и право налагать подати. Возвращенію этихъ трехъ правъ къ верховной власти соотвѣтствуютъ три слоя административныхъ органовъ, созданныхъ королевскою властью для того, чтобы пользоваться упомянутыми правами, и три распредѣленія территоріи, которымъ подверглась Франція до революціи. Легче всего, необходимѣе всего было для королей подчинить себѣ феодальныхъ сюзереновъ въ отношеніи суда. Достиженію этого результата соотвѣтствуетъ старинное раздѣленіе Франціи на бальяжи и сенешальства. Когда король успѣвалъ присвоить себѣ княжескую власть въ какой-нибудь феодальной территоріи, онъ ставилъ туда своего балльи или сенешаля (на югѣ). Это были намѣстники короля, представители его сюзеренной и княжеской власти. Король, какъ сюзеренъ извѣстной территоріи, долженъ былъ лично предсѣдательствовать въ куріи своихъ вассаловъ. Эту обязанность свою онъ поручалъ своему балливу, или бальи, который такимъ образомъ становился высшимъ судебнымъ и административнымъ лицомъ въ своей территоріи. По мѣрѣ того, какъ одно феодальное княжество за другимъ отходило къ королямъ, вся Франція покрылась сѣтью бальяжей и сенешальствъ, среди которыхъ какъ острова выдавались полунезависимыя территоріи.

Къ концу среднихъ вѣковъ былъ сдѣланъ новый шагъ централизаціи государственной власти. Феодальное ополченіе совершенно уступило мѣсто новой регулярной арміи, которая стала уже такъ многочисленна, что ее нужно было расположить по всему государству. И вотъ Францискъ I приступаетъ къ новому дѣленію Франціи, онъ раздѣляетъ ее на двѣнадцать губернаторствъ, которыя соотвѣтствовали старымъ историческимъ провинціямъ. Губернаторъ былъ начальникомъ военной силы въ своей области

и въ то-же время главнымъ администраторомъ въ провинціи. Губернаторства распадались на нѣсколько областей, во главѣ которыхъ стояли намѣстники губернатора – генералъ-лейтенанты. Передъ этимъ раздѣленіемъ на военныя губернаторства, прежнее раздѣленіе на юридическіе округи отступило на второй планъ, хотя и продолжало существовать, особенно потому, что избраніе депутатовъ въ Генеральные Штаты происходило по бальяжамъ и сенешальствамъ.

Но какъ ни важно было для французскихъ королей устройство арміи, съ теченіемъ времени на первый планъ выступаетъ новый интересъ — финансы. Финансовое управленіе поглощаетъ главное вниманіе французскаго правительства, особенно съ того времени, какъ начинаютъ исчезать Генеральные Штаты и Провинціальные Штаты, которые прежде завѣдывали взиманіемъ одной части сборовъ или покрайней мѣрѣ контролировали ихъ. Представителями новой государственной власти въ періодѣ ея абсолютизма являются новые чиновники гражданскаго вѣдомства, но облеченные чрезвычайнымъ полномочіемъ; это — знаменитые интенданты. Начало этого учрежденія относится, какъ извѣстно, еще къ эпохѣ Генриха III, послѣдняго короля, который созывалъ Генеральные Штаты и долженъ былъ бороться съ ними. Генрихъ III въ виду фискальныхъ потребностей раздѣлилъ свое королевство на нѣсколько округовъ, и въ каждомъ помѣстилъ двухъ генеральныхъ казначеевъ для управленія доменами и двухъ генеральныхъ сборщиковъ податей. Устройствомъ этихъ финансовыхъ округовъ воспользовался кардиналъ Ришелье, основатель административной централизаціи и системы абсолютизма во Франціи. Въ каждомъ изъ этихъ округовъ или такъ называемыхъ генеральствъ (généralité) онъ назначилъ представителя новой административной системы, носившаго сначала скромный титулъ „commissaire déparți pour l'exècution des ordres du roi“ (коммиссаръ, назначенный для исполненія королевскихъ повелѣній), а потомъ также не громкое названіе „intendant de justice et de police“ (интендантъ юстиціи и полиціи). Нововведеніе это чрезвычайно не понравилось и фронда уничтожила интендантовъ. Но послѣ того они были снова назначены и въ 1689 году Бретань, послѣдняя провинція, которая еще не имѣла интендантовъ, должна была покориться общей участи. Постепенно интенданты подчинили своему контролю всѣ функціи государственной власти и всѣ проявленія мѣстной жизни. Они завѣды-

вали податною системой, городской и сельской администраціей, общественными работами, казенными фабриками, торговлей и цѣхами, школами, литературными обществами, полиціей и казенной благотворительностью. Имъ былъ порученъ наборъ рекрутъ, надзоръ надъ арсеналами, крѣпостями, госпиталями и войсковыми этапами, а иногда имъ поручалось даже начальство надъ войсками. При всемъ томъ они были предсѣдателями особыхъ королевскихъ судовъ и въ качествѣ чрезвычайныхъ коммисаровъ, завѣдуя административнымъ судомъ, они были органами правительственнаго произвола и королевской мести.

Но за этою могущественной организаціей, за этимъ наружнымъ однообразіемъ скрывалась чрезвычайная пестрота мѣстныхъ привилегій и особенностей, скрывалась большая слабость правительства. Несмотря на общее управленіе интендантовъ и на централизацію управленія, провинціи были очень мало похожи другъ на друга. Большинство изъ нихъ давно утратило провинціальные штаты, но въ четырехъ крупныхъ и въ тринадцати мелкихъ провинціяхъ провинціальные штаты сохранились до конца XVIII вѣка. Эти такъ называемыя „Pays d'Etats Généraux“ (области генеральныхъ штатовъ) находились въ выгодномъ положеніи сравнительно съ другими, сохраняя возможность помимо центральной власти содѣйствовать развитію мѣстнаго благосостоянія и защищать населеніе отъ излишняго произвола интендантовъ. Нѣкоторыя изъ провинцій даже не признавали себя безусловно присоединенными къ французской территоріи и постоянно ссылались на договоры, заключенные съ французскими королями при ихъ присоединеніи. Такъ напримѣръ, Франшъ Конте ссылался на капитуляцію, подписанную Людовикомъ XIV при заключеніи съ Испаніей Нимвегенскаго мира, а Бретань — на брачный договоръ между Карломъ VIII и Анной Бретанской. Многія изъ провинцій имѣли свой парламентъ, который былъ не только блюстителемъ мѣстной независимости, но также мѣстныхъ привилегій и мѣстнаго права (кутюмовъ). Благодаря этому провинціи раздѣлялись относительно права на территоріи обычнаго (германскаго) права и на территоріи писаннаго (римскаго) права. Относительно государственныхъ повинностей судьба отдѣльныхъ провинцій была еще болѣе различна или по крайней мѣрѣ могла подавать поводъ къ еще бо́льшей зависимости. Въ однихъ провинціяхъ главная государственная подать — *талья* распредѣлялась по количеству населенія, была личной повин-

ностью, въ другихъ она распредѣлялась по количеству и качеству земли, т. е. была имущественной податью, нѣкоторыя же области вовсе не платили тальи (Руссильонъ, присоединенный въ XVI в.). Самой тяжелой, вредной и потому ненавистной повинностью древней Франціи была соляная регалія (Gabelle). Правительство отдавало продажу соли на откупъ, даже заставляло населеніе покупать извѣстное годовое количество соли. Но эта повинность ложилась очень неровно на различныя области. Всѣ провинціи были въ этомъ отношеніи раздѣлены на pays de grande gabelle et petite gabelle (области большой и малой соляной регаліи). Различіе доходило до того, что въ Бретани за квинталъ соли платили отъ 2 до 3 ливровъ, а въ Берри 62 ливра за квинталъ. Нѣкоторыя же области были совершенно освобождены отъ соляной регаліи вслѣдствіе того, что съумѣли воспользоваться обстоятельствами и откупиться. Вслѣдствіе такого неравномѣрнаго распредѣленія повинности, средняя податная плата была чрезвычайно различна; такъ напримѣръ въ интендантствѣ Нанси, присоединенномъ къ Франціи только во второй половинѣ XVIII вѣка, средняя плата на человѣка составляла 13 ливровъ; въ сосѣднемъ же Мецскомъ интендантствѣ, которое было менѣе богато, но зато было присоединено уже въ XVI вѣкѣ, средняя плата составляла 19 ливровъ. Гористая область Берри платила среднимъ числомъ 5 ливровъ съ человѣка. Шампань же, которая была не богаче Берри, платила 26 ливровъ 16 су. Хуже всѣхъ было положеніе старинной вотчины Капетингской династіи—Орлеанской области. Эта провинція, вслѣдствіе различныхъ причинъ, была бѣднѣе, чѣмъ гористая область Берри, а между тѣмъ ей приходилось платить съ человѣка 28 ливровъ 4 су.

Уже различное распредѣленіе соляной повинности дѣлало необходимымъ установленіе внутреннихъ таможенъ, столь вредныхъ для развитія промышленности и торговли; но правительство дорожило ими, какъ источникомъ доходовъ. Эти внутреннія таможни еще болѣе обособляли каждую провинцію, не только разобщая провинціи между собой, но заставляя ихъ враждебно и съ завистью относиться другъ къ другу, такъ какъ съ различіемъ тарифа были нерѣдко связаны значительныя мѣстныя выгоды. Такъ напримѣръ, восточныя провинціи, Лотарингія и Эльзасъ, имѣли право безпошлинно торговать съ Германіей и Швейцаріей; отъ Франціи же онѣ были отдѣлены таможеннымъ барье-

ромъ. Онѣ даже назывались поэтому „иностранными провинціями“. Когда въ концѣ XVIII вѣка зашла рѣчь объ уничтоженіи внутреннихъ таможенъ и установленіи общаго тарифа для всей Франціи, фабриканты Эльзаса и Лотарингіи громко возроптали противъ этого, указывая на то, что введеніе тарифа въ областяхъ, присоединенныхъ къ Франціи, въ таможенномъ отношеніи, напримѣръ въ Бургундіи и Франшъ-Конте, подорвало тамъ промышленность. Они даже рѣшились привести въ свою пользу, что рѣки, которыя протекаютъ по Эльзасу и Лотарингіи, не касаются французской территоріи, что онѣ текутъ въ Германію и что такимъ образомъ сама природа связала ихъ въ торговомъ отношеніи съ Германіей. Если подобный партикуляризмъ въ восточныхъ провинціяхъ можно было объяснить недавнимъ присоединеніемъ ихъ, то что сказать о мелкомъ соперничествѣ коренныхъ французскихъ провинцій, которыя постоянно ссылались на различныя средневѣковыя привилегіи, чтобъ извлечь изъ нихъ денежныя выгоды. Такъ напримѣръ, еще въ прошломъ вѣкѣ, городъ Бордо требовалъ подъ страхомъ денежной преміи и конфискаціи, чтобы бочки вина, привозимаго изъ Кагорской области, были мѣньшаго объема, чѣмъ бордосскія бочки. Такъ какъ вывозная пошлина на вино взималась съ бочки независимо отъ ея емкости, то иностранные купцы платили дороже за вино въ бочкахъ большаго размѣра и бордосскіе винодѣльцы хотѣли пользоваться этой монополіей передъ своими сосѣдями.

Подобно тому, какъ однообразіе административной системы въ эпоху королевскаго абсолютизма не могло уничтожить феодальной пестроты провинціальныхъ и сословныхъ привилегій, такъ, съ другой стороны, всемогущая централизація не была въ состояніи устранить старинныя учрежденія, которыя все еще конкурировали съ новой правительственной системой. Ло былъ совершенно правъ, когда утверждалъ, что „Франція управляется тридцатью интендантами, что отъ тридцати прокуроровъ (maîtres de requêtes), посланныхъ въ провинціи, зависитъ счастье и несчастье послѣднихъ, ихъ благосостояніе и ихъ бѣдность“. Но власть этихъ интендантовъ, эта новая бюрократія, такъ сильно поразившая непривыкшаго къ ней Шотландца, была похожа на военную администрацію, которой подчиняется страна во время осаднаго или военнаго положенія, при чемъ прежнія власти хотя и не перестаютъ существовать, но принуждены смолкнуть. Еще въ концѣ XVIII вѣка не были уничтожены губернаторства, которыя по

прежнему поручались любимымъ вельможамъ или принцамъ крови. Хотя эти губернаторы, окруженные блестящимъ штатомъ, были безсильны передъ скромнымъ интендантомъ, но они платили ему за это гордымъ презрѣніемъ, считали его должность недостойною потомка феодальныхъ сувереновъ; они смотрѣли на власть интенданта, какъ на незаконную, захваченную и притомъ установленную въ пользу однихъ лишь мѣщанъ и крестьянъ. [1])

Гораздо серьезнѣе былъ отпоръ, который встрѣчала власть интендантовъ со стороны парламентовъ. Независимость и сопротивленіе парламентовъ нерѣдко составляли предметъ заботъ даже для самой центральной власти. Парламенты, образовавшіеся изъ старинныхъ феодальныхъ курій, были въ средніе вѣка главнымъ орудіемъ княжеской или королевской власти при введеніи новаго государственнаго строя. Поэтому французскіе короли чрезвычайно дорожили этими учрежденіями и при подчиненіи своей власти различныхъ провинцій вездѣ сохраняли образовавшіеся у нихъ провинціальные парламенты, но именно поэтому парламенты сростались съ партикуляризмомъ своихъ областей и смотрѣли на себя, какъ на естественныхъ блюстителей провинціальныхъ особенностей и привилегій. Покупка и наслѣдственность должностей, установившаяся для членовъ парламента, еще болѣе связали ихъ съ мѣстными интересами и старымъ порядкомъ, основаннымъ на личныхъ и мѣстныхъ привилегіяхъ. Этимъ объясняется двойственный характеръ парижскаго и провинціальныхъ парламентовъ въ эпоху королевскаго абсолютизма; они продолжаютъ быть органами государственной власти, но дѣйствуя на основаніи мѣстныхъ кутюмовъ и историческаго обычая, они становятся главнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія государственной власти и административной централизаціи; они смотрятъ съ недовѣріемъ и враждебностью на новыя (по ихъ мнѣнію, незаконныя) орудія правительства, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе становятся поборниками стараго порядка. По мѣрѣ того, какъ мѣстныя представительства (Провинціальные Штаты) теряютъ свое значеніе, парламенты изъ судебнаго учрежденія становятся политическимъ, противятся не только юридическимъ и административнымъ реформамъ, но и финансовымъ мѣрамъ правительства и являются главными органами провинціальной оппозиціи. Когда въ 1761 году Людовикъ XV издалъ указъ о взиманіи новаго налога, представитель мѣстнаго само-

---

[1]) Tocqueville. L'ancien régime, p. 79.

управленія въ Бургундіи — главный секретарь Провинціальныхъ Штатовъ Бургундіи, который завѣдывалъ дѣлами Штатовъ въ промежутокъ отъ одной ежегодной сессіи до другой — обнародовалъ этотъ указъ, не заручившись согласіемъ Дижонскаго парламента. Парламентъ протестовалъ противъ такой угодливости и самоуправства секретаря. Губернаторъ Бургундіи, принцъ Конде, принялъ сторону чиновника, дѣйствовавшаго въ интересахъ правительства, но сопротивленіе парламента было такъ упорно, что, не смотря на все могущество неограниченной королевской власти, парламентъ одержалъ побѣду послѣ двухлѣтней борьбы. [1])

Въ своей борьбѣ съ мѣстными органами королевскаго абсолютизма парламенты могли всегда разсчитывать на горячую поддержку со стороны населенія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они сопротивлялись мѣрамъ, полезнымъ для страны. Когда въ 1788 году королевскимъ указомъ были уничтожены парламенты и вмѣсто нихъ учрежденъ верховный судъ (Cour Plenière), тогда Наварскій парламентъ обнаружилъ особенно энергическое сопротивленіе королевской власти. Королевскіе комиссары должны были силою принудить парламентъ узаконить (enregistrer, занести въ свои реестры, или протоколы, т. е., обнародывать) королевскій эдиктъ. Противъ такого проявленія королевскаго абсолютизма парламентъ предъявилъ формальный протестъ, въ которомъ между прочимъ упрекалъ правительство, что оно уничтожило мѣстную конституцію Наварры и Беарны, двухъ независимыхъ (суверенныхъ) областей, связанныхъ съ французской короной „только подъ ясно и точно выраженнымъ условіемъ сохраненія всѣхъ привилегій, правъ и обычаевъ, подтвержденныхъ самымъ священнымъ образомъ торжественною присягой его величества передъ депутатами Беарна при его восшествіи на престолъ“. Начальникъ военной силы закрылъ парламентъ, но крестьяне сошли съ своихъ горъ и силою отворили двери Палаты. Король отправилъ тогда въ По съ чрезвычайнымъ полномочіемъ герцога де Гишь, сына герцога де Грамона, наслѣдственнаго губернатора Наварры и Беарна, чтобы возстановить тамъ порядокъ. Все населеніе вышло на встрѣчу герцогу, неся передъ собой колыбель Генриха IV, основателя Бурбонской вѣтви, эмблему своихъ историческихъ преданій и провинціальныхъ правъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Наварскій парламентъ былъ возстановленъ [2]).

---

[1]) Léonce de Lavergne. Les Assemblées Provinciales sous Louis XVI, p. 440.
[2]) Lavergne, p. 461.

До какой степени парламенты ненавидѣли новую администрацію и интендантовъ, объ этомъ между прочимъ можетъ свидѣтельствовать заявленіе (Remontrance) Безансонскаго парламента, поданное королю въ 1787 году по случаю введенія Провинціальныхъ Собраній (Assemblées Provinciales): „Государь, подъ вліяніемъ горя, которымъ прониклось Ваше Величество при видѣ бѣдствій народа и истощенія казны, Вы не считали возможнымъ оказать Вашимъ подданнымъ бо̀льшаго благодѣянія и пріобрѣсти лучшее право на ихъ признательность—какъ уничтоживъ администрацію, которая всегда была ненавистна и заслужила всеобщее презрѣніе. Вы убѣдились въ злоупотребленіяхъ этой безобразной и гнетущей администраціи. Злоупотребленія такъ громко заявляли о себѣ со всѣхъ сторонъ, что наконецъ ихъ услышали... Ваше Величество полагали, что вашъ народъ получитъ полное удовлетвореніе; интенданты и ихъ клевреты, кажется, лишились всякой власти“.

Развитіе королевскаго абсолютизма среди феодальной Франціи представляетъ въ исторіи не первый примѣръ тому, что новая власть, возникшая среди устарѣлыхъ учрежденій и призванная замѣнить ихъ, старается какъ бы ужиться съ ними, облечься въ старыя формы, сохранить прежніе обряды, съ которыми связано столько воспоминаній, и только исподоволь подкапывается подъ нихъ и притягиваетъ къ себѣ всѣ жизненныя силы. Такова была политика императоровъ, положившихъ конецъ римской республикѣ, но сохранявшихъ въ управленіи имперіей республиканскія формы. Какъ въ Римѣ, такъ и во Франціи старинныя аристократическія учрежденія продолжали существовать и пользоваться наружнымъ почетомъ, устарѣвшія историческія понятія по прежнему господствовали въ обществѣ и языкѣ, а между тѣмъ административные органы монархической власти все болѣе и болѣе охватывали общество и объединяли его разнородныя части посредствомъ одинаковаго подчиненія всѣхъ государственной власти. Подобно тому какъ императоры сохранили сенатъ, трибунатъ и другія республиканскія учрежденія, французскіе короли утверждали свою абсолютную власть среди учрежденій, тѣсно связанныхъ съ отживавшимъ феодальнымъ порядкомъ, а не перестроили общества согласно съ новою системой управленія. Отъ того эта новая система централизаціи и бюрократическаго управленія находилась въ рѣзкомъ противорѣчіи съ историческими

учрежденіями, отъ того мы можемъ назвать ее, выражаясь современнымъ языкомъ, „не конституціонной“. Общество сохранило старинныя юридическія и политическія формы, оно не было приложено къ новому началу государственной жизни, и потому проявленія этого новаго начала, хотя и болѣе совершеннаго, казались ненормальными, незаконными. Изъ этого противорѣчія между новой системой управленія и старинной конституціей (государственнымъ устройствомъ) вытекала для королевской власти роковая необходимость дѣйствовать *незаконными*, произвольными средствами. Желая проводить въ жизнь новыя государственныя начала, королевская власть должна была опираться на фактическую силу и имѣла противъ себя историческое право. Она должна была постоянно бороться противъ этого историческаго права и нарушать его, но этимъ она оскорбляла чувство справедливости и законности въ своихъ подданныхъ, навлекала на себя упреки въ насиліи и произволѣ. И эти упреки были вполнѣ заслужены, всякая власть носитъ на себѣ печать своего историческаго происхожденія даже въ малѣйшихъ своихъ проявленіяхъ. Насильственность и произволъ правительственной власти въ эпоху королевскаго абсолютизма проявлялись не только въ крупныхъ дѣлахъ,—въ вопросахъ государственной жизни, въ борьбѣ съ учрежденіями, но такъ какъ эта власть поручалась отдѣльнымъ лицамъ, агентамъ, которые естественно проникались духомъ господствовавшей системы, то насильственность и произволъ проявлялись въ мелкихъ дѣлахъ, подъ вліяніемъ личныхъ разсчетовъ и страстей,—въ борьбѣ правительства съ лицами. Эта мелочность и мстительность стараго порядка, этотъ произволъ въ дѣлахъ личнаго разсчета и въ преслѣдованіи личностей всего болѣе раздражали современное общество и бросали самую темную тѣнь на эпоху королевскаго абсолютизма.

Противоположность между старой феодальной Франціей, въ которой королевская власть стѣснялась конституціонными гарантіями, и новыми началами государственной жизни въ эпоху королевскаго абсолютизма очень ясно сознавалась съ обѣихъ сторонъ и это сознаніе выразилось въ мѣткомъ названіи новой системы—„le bon plaisir du Roi“ („произволъ короля“). Произвольной казалась новая власть не только обществу, привыкшему къ гарантіямъ, выработаннымъ въ феодальную эпоху; но сама правительственная власть, сознавая противорѣчіе между своей

системой и установленнымъ историческимъ порядкомъ, откровенно приняла произволъ (le bon plaisir) за свой девизъ. [1]) Какія же средства имѣла новая система для борьбы со старымъ порядкомъ? Эти средства приводятся къ двумъ началамъ, повидимому противоположнымъ, но имѣвшимъ одинаковый результатъ, ибо они одинаково подрывали законный порядокъ, одинаково нарушали право и чувство справедливости, одинаково деморализировали общество— начало милости, но милости въ видѣ привилегіи, и начало застращиванія въ видѣ королевской мести. Трудно сказать, которое изъ этихъ началъ имѣло болѣе вредное вліяніе; королевская милость портила привилегированные классы, королевская месть падала одинаково на всѣхъ.

Королевская милость можетъ быть всего болѣе содѣйствовала паденію и безсилію французской аристократіи. Это та система произвольной и высокомѣрной милости, одинаково вредная для награжденныхъ, какъ и для обойденныхъ, которую такъ мѣтко заклеймилъ замаскированный Персіанинъ (Монтескьё) въ своей знаменитой характеристикѣ Людовика XIV: „Онъ любилъ награждать тѣхъ, которые ему служатъ, но онъ награждаетъ такъ же щедро услуги, даже лучше сказать, праздность своихъ придворныхъ, какъ и трудные походы своихъ генераловъ; онъ часто предпочитаетъ человѣка, который его раздѣваетъ или подаетъ ему салфетку, когда онъ садится за столъ, иному, который беретъ для него города и выигрываетъ сраженія; онъ полагаетъ, что верховное величіе не должно быть стѣснено въ распредѣленіи милости и не разбираетъ заслугъ человѣка, котораго онъ осыпаетъ благодѣяніями; онъ полагаетъ, что одинъ выборъ его дѣлаетъ этого человѣка достойнымъ. Такимъ образомъ случалось, что онъ награждалъ небольшою пенсіей человѣка, бѣжавшаго двѣ версты съ поля сраженія, и губернаторскимъ мѣстомъ другаго, который бѣжалъ четыре версты.“ [2])

Эту же систематическую порчу французскаго дворянства имѣлъ въ виду Монтескьё, когда писалъ главу объ извращеніи монархическаго принципа: „Этотъ принципъ извращается, когда высшія должности становятся признаками величайшаго рабства; когда вельможи лишаются уваженія народа и дѣлаются презрѣнными

---

[1]) Знаменитыя Lettres de Cachet, о которыхъ ниже будетъ рѣчь, обыкновенно заканчивались формулой: Car tel est notre plaisir.

[2]) Montesquieu. Lettres Persanes XXXVII.

орудіями произвольной власти.... Принципъ монархіи извращается еще болѣе, когда почести ставятся въ противорѣчіе съ честью и когда можно въ одно и то-же время пріобрѣсти извѣстность своими чинами и подлостью.“ [1])

Не только аристократія, но и духовенство было деморализовано этой системой королевской милости. Самыя церковныя богатства, накопленныя вѣками благочестія, сдѣлались средствомъ для поддержанія этой системы и орудіемъ развращающаго произвола. Давно уже установился обычай давать доходныя мѣста аббатовъ въ награду людямъ, которые подвергались тонзурѣ (пострижeнію) только въ видѣ этихъ доходныхъ мѣстъ и добивались ихъ въ парижскихъ салонахъ и въ пріемныхъ версальскихъ министровъ. Въ началѣ царствованія Людовика XVI изъ 726 мужскихъ монастырей 598 стояли подъ началомъ *назначенныхъ* аббатовъ (Abbés Commanditaires), не носившихъ священническаго креста и проживавшихъ свои доходы гдѣ угодно, не заботясь о судьбѣ своего монастыря, и только въ 128 монастыряхъ монахамъ было предоставлено право избирать себѣ настоящаго аббата [2]). Такимъ образомъ Мирабо былъ совершенно правъ, когда писалъ въ первомъ посланіи къ своимъ избирателямъ: „Развѣ есть хоть одинъ человѣкъ, кто бы не зналъ и не говорилъ, что вѣдомство духовныхъ дѣлъ есть одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ подкупа.“

Что же касается до противоположнаго начала застращиванія и незаконнаго вмѣшательства власти, то оно проявлялось главнымъ образомъ въ трехъ видахъ, сообразно съ тремя отраслями государственной власти, законодательной, судебной и исполнительной. Въ области законодательной, система королевскаго абсолютизма проявилась въ томъ, что было найдено средство обойти сопротивленіе парламентовъ, т. е., старинныхъ могущественныхъ корпорацій, которыя нѣкогда были единственными органами законодательной власти королей и безъ участія которыхъ ни одинъ королевскій законъ не получалъ обязательной силы. Это средство заключалось въ устройствѣ торжественныхъ засѣданій парламентовъ подъ предсѣдательствомъ короля (или въ провинціи его комисара), въ присутствіи котораго этикетъ не дозволялъ ни преній, ни протестовъ. Если и это средство оказывалось безсиль-

---

[1]) Esprit des Lois. L. VIII, ch. VII.
[2]) Boiteau. Etat de la France, p. 176.

нымъ, тогда правительство приступало къ преслѣдованію отдѣльныхъ членовъ парламента.

Что касается до области суда, то нарушеніе законнаго порядка или произвольное вмѣшательство власти происходило самыми различными способами: устраненіемъ извѣстныхъ лицъ изъ-подъ власти (подсудности) законнаго суда, вмѣшательствомъ въ судопроизводство, перенесеніемъ извѣстныхъ дѣлъ изъ-подъ вѣдѣнія компетентнаго суда въ другое судебное учрежденіе и наконецъ учрежденіемъ новаго королевскаго суда и чрезвычайныхъ судебныхъ коммиссій.

Еще въ феодальную эпоху, короли считали себя вынужденными освобождать своихъ чиновниковъ и агентовъ изъ-подъ вѣдѣнія законныхъ судебныхъ учрежденій и особыми указами (Committimus) переносили судебныя дѣла, въ которыхъ эти лица были замѣшаны, въ Парижъ и отдавали ихъ на разсмотрѣніе особыхъ трибуналовъ. Этотъ обычай, вызванный необходимостью ограждать органы королевской власти отъ ненависти мѣстныхъ судовъ, постепенно обратился въ средство, къ которому охотно прибѣгали привилегированныя лица для того, чтобы измѣнить въ свою пользу ходъ правосудія. Принцы крови и аристократы, сановники и придворные чины, ихъ друзья и служители постоянно добивались подобныхъ указовъ. Еще болѣе вредное вліяніе на ходъ правосудія имѣло право, которое присвоило себѣ королевское правительство — непосредственно вмѣшиваться въ судопроизводство и въ силу королевскихъ писемъ (носившихъ разныя наименованія) [1]) останавливать слѣдствія, прекращать производство дѣла, отсрочивать исполненіе приговора или совершенно отмѣнять его.

Не довольствуясь этими частными нарушеніями законнаго судопроизводства, правительственная власть, исходя изъ вотчиннаго начала, по которому вотчинникъ былъ естественнымъ судьей своихъ подданныхъ (крѣпостныхъ), еще въ XIV вѣкѣ, т. е. вскорѣ послѣ окончательнаго установленія Парижскаго парламента, присвоила себѣ право привлекать, по своему усмотрѣнію, всякаго рода дѣла къ особому королевскому суду, который дѣйствовалъ какъ бы непосредственно отъ лица или отъ имени короля. Отсюда съ теченіемъ времени образовалось особое судебное учрежденіе (le Conseil Privé или des Parties) подъ предсѣдательствомъ канцлера, состоявшее въ концѣ XVIII вѣка изъ 42 совѣтниковъ (Conseil-

[1]) Chassin. Le Génie de la Révolution. T. II p. 78 sq.

lers d'Etat) и 80 докладчиковъ (Maîtres de Requêtes) съ огромнымъ количествомъ секретарей и писцовъ. Этотъ совѣтъ представлялъ въ извѣстномъ смыслѣ верховный кассаціонный судъ, но пересмотръ дѣлъ совершался въ немъ не въ опредѣленной инстанціи, а большею частію въ видѣ милости и привилегіи [1]).

Но самое страшное орудіе королевскаго абсолютизма въ области суда были чрезвычайныя коммиссіи, которыя составлялись съ спеціальною цѣлью и по мѣрѣ надобности и которымъ было предоставлено право вести дѣло не стѣсняясь никакими законами, никакими формальностями и никакой процедурой. Таковы были пресловутыя „огненныя палаты" (Chambres Ardentes), установленныя Франциском I для истребленія еретиковъ и впослѣдствіи такъ часто учреждавшіяся для того, чтобы выместить гнѣвъ правительства на откупщикахъ и финансовыхъ чиновникахъ и ихъ награбленнымъ богатствомъ пополнить истощенную казну.

Но это вмѣшательство въ область установленныхъ судовъ, это нарушеніе правительствомъ правильнаго хода судопроизводства не могли удовлетворить государственную власть XVII и XVIII вѣковъ. Этимъ способомъ можно было дѣйствовать только въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ, случаяхъ, судебное преслѣдованіе могло быть направлено не противъ всякаго опаснаго и ненавистнаго человѣка, чрезвычайные суды, не смотря на весь свой произволъ, могли подвергать наказанію только за извѣстныя дѣйствія. Правительство же нуждалось въ орудіи, которое могло бы дѣйствовать мгновенно и всегда было бы наготовѣ, въ дамокловомъ мечѣ, который бы висѣлъ надъ головою каждаго. Этотъ дамокловъ мечъ заключался въ правѣ, присвоенномъ себѣ королевскою властью, удалять изъ общества или по крайней мѣрѣ изъ его обыкновеннаго круга дѣятельности всякое лицо, которое навлекло на себя почему либо неудовольствіе или подозрѣніе правительственныхъ чиновниковъ. Администрація пользовалась предоставленной ей властью безконтрольно и внѣ всякой регламентаціи; единственное основаніе, которымъ она должна была руководствоваться, было общее благо. Подобно тому, какъ остракизмъ въ свое время считался необходимымъ условіемъ аѳинской демократіи, такъ французская монархія не могла существовать безъ административнаго остракизма пресловутыхъ *запечатанныхъ королевскихъ посланій* (Lettres Closes или Lettres de Cachet). Эти письма, адресованныя за малою пе-

---

[1]) Boiteau. Etat de la France. 117.

чатью короля на имя извѣстнаго лица, вмѣняли послѣднему въ обязанность немедленно удалиться въ указанное мѣсто или же заключали въ себѣ приказаніе принять такое-то лицо на свою отвѣтственность и держать его подъ арестомъ до дальнѣйшаго распоряженія. Такимъ образомъ непріятности, сопряженныя съ полученіемъ письма за королевской печатью, были весьма различны. Иногда послѣдствіемъ его была административная ссылка въ провинціи или въ какое нибудь пограничное мѣстечко, гдѣ сосланный жилъ подъ надзоромъ мѣстныхъ властей, пользуясь однако полной свободой. Иногда же королевское письмо влекло за собой тяжелое заключеніе въ крѣпости, гдѣ несчастный, совершенно отрѣшенный отъ общества и отъ семьи, не получая часто никакихъ извѣстій изъ дому, проводилъ свое время на плохомъ содержаніи въ полномъ одиночествѣ, безъ занятій и нерѣдко безъ надеждъ на освобожденіе; ибо самое мѣсто заключенія иногда сохранялось въ глубокой тайнѣ и родственникамъ тогда не удавалось узнать, живъ ли еще заключенный или уже похороненъ на какомъ нибудь крѣпостномъ кладбищѣ, подъ крестомъ съ арестантскимъ нумеромъ, а администрація, при громадномъ количествѣ заключенныхъ, нерѣдко сама забывала о своихъ жертвахъ.

Какъ въ Аѳинахъ остракизмъ исходилъ непосредственно отъ „государя", т. е. отъ самодержавнаго народнаго собранія, такъ и во Франціи каждое *запечатанное письмо*, кто бы ни былъ его виновникомъ, считалось именнымъ приказаніемъ короля, непосредственнымъ проявленіемъ верховной власти, и это обстоятельство имѣло важное юридическое послѣдствіе. Подобно тому какъ аѳинскій остракизмъ, сколько бы онъ ни былъ тяжелъ для пострадавшаго лица, не налагалъ по общественному убѣжденію никакого позора на изгнанника или на его семью, а напротивъ выдвигалъ его изъ рядовъ современниковъ, такъ точно и королевскій французскій остракизмъ, съ точки зрѣнія даже самой власти, не заключалъ въ себѣ ничего позорнаго. Когда, въ царствованіе Людовика XVI, зашла рѣчь о томъ, чтобы подчинить эту административную кару извѣстнымъ правиламъ, разсмотрѣніе этого вопроса было поручено одному изъ самыхъ ловкихъ администраторовъ, Валансьенскому интенданту, Сенакъ де Мельяну. Въ своемъ мемуарѣ интендантъ высказался самымъ рѣзкимъ образомъ противъ намѣренія облечь административную ссылку въ законныя формы или подвергнуть всякое *запечатанное письмо короля* (какъ предполагалось) одобренію особой постоянной коммиссіи.

Между прочимъ Сенакъ де Мельянъ привелъ въ подтвержденіе своего взгляда слѣдующее соображеніе: „Тѣ, которые стали жертвами подобнаго дѣйствія власти, вынужденнаго (или выхваченнаго) у правосудія государя [1]), и тѣ, которые заслужили временнаго лишенія свободы, возвращаются въ общество незапятнанными; они испытали такъ сказать отеческое исправленіе и не подверглись судебному приговору. Если же наказаніе будетъ исходить отъ какого либо судебнаго трибунала или коммиссіи, то это послужитъ въ ущербъ чести.“

Но если демократическій остракизмъ былъ рѣдкою мѣрой и падалъ только на самыхъ видныхъ гражданъ, то королевскій французскій остракизмъ никѣмъ не пренебрегалъ. „Великіе и малые, богатые и бѣдные, всѣ подвержены опасности;.... даже самъ гордый Діогенъ могъ бы лишиться солнечнаго свѣта“, писалъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ противъ запечатанныхъ писемъ Венсенскій узникъ наканунѣ революціи. Королевская администрація такъ привыкла къ этому удобному средству устранять происшествія и непріятныхъ ей людей, что число запечатанныхъ писемъ, разсылавшихся каждымъ министерствомъ, увеличивалось съ необыкновенной быстротой. Благодушный кардиналъ Флёри хвастался, что въ его управленіе было разослано только 40,000 lettres de Cachet. Изъ этого громаднаго числа административныхъ взысканій только небольшая часть бывала вызвана дѣйствительными интересами правительственной власти и государственнаго порядка. Въ этомъ-то и заключалось обоюдоострое свойство этого дамоклова меча, что онъ сдѣлался орудіемъ частныхъ интересовъ и личныхъ страстей. Абсолютная власть французскихъ королей могла держаться и дѣйствовать среди стараго порядка только благодаря тому, что такъ сказать возпроизводила себя ежеминутно въ полномъ своемъ абсолютизмѣ на каждомъ пунктѣ своей территоріи, другими словами, что король долженъ былъ ввѣрять всю свою безграничную власть каждому министру, каждому интенданту, каждому административному чиновнику. Новая система государственной власти могла отстоять себя среди враждебно расположеннаго общества только подъ условіемъ, чтобы право короля адресовать отъ своего имени lettres de Cachet было обращено въ пустую формальность и собственно перенесено на всякаго представителя администраціи. При такомъ положеніи дѣла были

[1]) D'un acte d'autorité, surpris à la justice du souverain.

неизбѣжны самыя поразительныя злоупотребленія. Письма за королевскою печатью стали служить не только для охраненія семейныхъ нравовъ и для поддержанія супружескаго счастья, но и для личной мести и для сокрытія преступленія. Къ нимъ не только прибѣгали отцы, недовольные расточительностью своихъ дѣтей, оскорбленные мужья, опасавшіеся за свою честь, но и должники, опасавшіеся кредиторовъ, преступники, желавшіе уйти отъ слѣдствія и суда. Достаточно было заручиться не только расположеніемъ министра или интенданта, но ихъ чиновниковъ и даже камердинеровъ и любовницъ, чтобъ выхлопотать желанное письмо. При нѣкоторыхъ министрахъ доходило до того, что установилась опредѣленная такса для королевскихъ писемъ, и любовница министра де Ла Врильера, графиня де Ланжакъ, почти открыто продавала ихъ по 500 ливровъ.

Подобныя злоупотребленія подрывали довѣріе къ власти и вселяли въ обществѣ не только ненависть къ королевскимъ письмамъ, но и полнѣйшее презрѣніе къ нимъ. Сами представители власти хорошо понимали, что вслѣдствіе слишкомъ частаго и безсмысленнаго употребленія этого меча, онъ притупился въ ихъ рукахъ. Но въ томъ-то и заключалось трагическое положеніе абсолютной власти среди феодальнаго порядка, что она не могла отказаться отъ орудія, ею же самой презираемаго. Ничто не выставляетъ такъ ясно на видъ слабости французскаго абсолютизма въ прошломъ вѣкѣ и недостатковъ тогдашней бюрократіи, какъ это неумѣнье французскихъ министровъ управлять государствомъ безъ помощи административныхъ ссылокъ и произвольныхъ заключеній. Когда, при вступленіи на престолъ Людовика XVI, была сдѣлана попытка, не измѣняя существенно стараго порядка, преобразовать его, т. е., освободить отъ злоупотребленій и Мальзербъ предложилъ въ государственномъ совѣтѣ уничтожить всѣ произвольныя дѣйствія административной власти, не обезпеченныя формами правильнаго суда, одинъ изъ членовъ совѣта воскликнулъ: „еслибы Lettres de Cachet были отмѣнены, я не захотѣлъ бы быть министромъ!“ Это чистосердечное сознаніе всего лучше характеризуетъ тотъ глубокій разладъ между правительственной системой, установившейся съ XVII вѣка, и государственнымъ устройствомъ, сохранившимся отъ феодальныхъ вѣковъ.

Но почему же французскіе короли, облеченные столь безграничною властью и снабженные всѣми орудіями бюрократической администраціи, не уничтожили этого разлада, почему они

не измѣнили государственнаго и общественнаго строя согласно съ новымъ началомъ государственной жизни, почему они не довершили вѣковаго дѣла, не объединили Францію въ государственномъ отношеніи, не уничтожили розни провинцій, не объединили ее въ общественномъ отношеніи, не уничтожили розни сословій? Эти вопросы рѣдко ставятся, а между тѣмъ отъ извѣстнаго разрѣшенія ихъ зависитъ основной взглядъ на всю исторію Франціи, а также на значеніе и характеръ великой революціи.

Легче всего, конечно, объяснить временной застой въ государственной жизни Франціи и отсутствіе коренныхъ реформъ въ эпоху королевскаго абсолютизма личными недостатками ея королей, безнравственнымъ эгоизмомъ, развратомъ и равнодушіемъ Людовика XV и нравственнымъ безсиліемъ Людовика XVI. Но вѣдь въ Людовикѣ XIV не было недостатка въ энергіи, въ властолюбіи, въ организаторскомъ талантѣ, а между тѣмъ и онъ не уничтожилъ указаннаго выше разлада. Съ другой стороны, на французскомъ престолѣ можетъ быть не было короля, котораго по отсутствію энергіи можно было бы сравнить съ Людовикомъ XIII; а между тѣмъ именно при этомъ королѣ была побѣждена окончательно феодальная Франція и развился королевскій абсолютизмъ. Наконецъ мы не должны забывать также, что и при Людовикѣ XV и XVI были сдѣланы нѣкоторыя серьезныя попытки къ переустройству Франціи и что эти попытки потерпѣли неудачу не вслѣдствіе равнодушія правительства, а вслѣдствіе сопротивленія со стороны самаго общества.

Болѣе серьезнаго вниманія заслуживало бы объясненіе, которое попыталось бы возвести личные недостатки французскихъ королей въ періодѣ абсолютизма къ общей причинѣ. Мы встрѣчаемся въ исторіи не разъ съ такимъ явленіемъ, что жизненная энергія, творческая дѣятельность извѣстной семьи, извѣстной династіи, необходимая для ея исторической роли, слабѣютъ, что династія такъ сказать вырождается, когда ея историческая роль отыграна. По мѣрѣ того, какъ салическіе завоеватели сливались съ туземнымъ романскимъ населеніемъ Галліи, по мѣрѣ того, какъ въ политическомъ бытѣ послѣдней совершалась ассимиляція римскаго и германскаго элементовъ, слабѣетъ энергія Франкскаго королевскаго рода и дряхлѣютъ Меровинги. Историческая роль Каролинговъ была связана съ преобладаніемъ германскаго населенія Австразіи надъ западной Европой. Когда окончательно установился во Франціи феодальный порядокъ, французскіе Каро-

линги, представители отживающей политической идеи о соединеніи романскаго запада съ германскимъ въ одной христіанской имперіи, теряютъ почву подъ ногами. Они физически не выродились, не утратили личной энергіи, но они не могутъ примириться съ новымъ общественнымъ порядкомъ, не умѣютъ найтись среди новыхъ условій, заставить новыя общественныя силы служить своимъ интересамъ. Они сходятъ со сцены, когда установляется новый порядокъ и уносятъ съ собою преданія отжившей эпохи.

Подобно этому судьба Капетинговъ отождествилась съ ихъ исторической ролью. Призваніе ихъ состояло въ томъ, чтобы создать изъ феодальнаго хаоса французское государство подъ эгидой королевской власти. Это дѣло было окончено въ исходѣ XVII вѣка. Государство достигло своихъ естественныхъ границъ, феодальный порядокъ долженъ былъ преклониться передъ королевской властью, нація созрѣла. Дальнѣйшее движеніе могло совершиться только подъ знаменемъ другаго начала, но Капетинги, въ лицѣ своей послѣдней вѣтви — Бурбонской, не были въ состояніи водрузить это новое знамя, ихъ взоръ былъ постоянно обращенъ назадъ; они судорожно держались за существующій порядокъ, который постоянно уходилъ изъ-подъ ихъ ногъ.

Но и подобное объясненіе, основанное на предположеніи, что не только физическія свойства, черты физіономіи и характера переходятъ по наслѣдству въ извѣстномъ родѣ, но что въ немъ вкореняются также, если онъ достаточно изолированъ отъ внѣшнихъ вліяній, извѣстныя идеи, извѣстный образъ мысли, извѣстный способъ относиться къ вещамъ — и это объясненіе въ данномъ случаѣ недостаточно, ибо заключаетъ въ себѣ много случайнаго и мистическаго. Дѣятельность извѣстной династіи не только зависитъ отъ наслѣдственныхъ свойствъ ея, но главнымъ образомъ отъ историческаго характера ея власти и отъ условій, среди которыхъ она вращается.

Историческій характеръ власти французскихъ королей обусловливался тѣмъ, что эта власть возникла на феодальной почвѣ. Феодализмъ же, какъ извѣстно, былъ основанъ на пріурочиваніи государственныхъ функцій, а потомъ и самой государственной власти къ поземельной собственности. Отъ такого смѣшенія публичнаго права съ частнымъ государственная власть низошла на степень частной собственности. Хотя королевская власть во Франціи впослѣдствіи впитала въ себя и другіе элементы изъ римскаго права и изъ церковнаго (латинскаго), напр. идею о

божественномъ своемъ правѣ, но эти элементы послужили только къ еще бо̀льшему упроченію стариннаго взгляда, по которому государственная власть во Франціи считалась частнымъ достояніемъ королевскаго рода, была такъ сказать личною *привилегіей* династіи.

На совершенно такое же основаніе опирались привилегіи другихъ сословій (status, états) въ королевствѣ, — сеньёріальныя права дворянскихъ родовъ, имунитетъ прелатовъ, наслѣдственность должностей въ извѣстныхъ чиновничьихъ родахъ (городскихъ). Всѣ эти привилегіи вытекали изъ феодальнаго права, дозволявшаго превращеніе государственныхъ функцій въ частное достояніе, въ наслѣдственную собственность. Такимъ образомъ королевская династія была солидарна съ привилегированными сословіями, государственная власть была привилегіей, собственностью династіи, и династія понятно щадила собственность, т. е. привилегіи другихъ государственныхъ элементовъ. Она не могла и не хотѣла лишить ихъ привилегій, такъ какъ это противорѣчило бы жизненному принципу, на которомъ династія основывала собственныя притязанія.

Сознаніе этой солидарности особенно живо проявлялось въ отношеніяхъ династіи къ дворянству. Представленіе о томъ, что королевскій родъ и дворянскіе роды (les gentilshommes, т. е., gentiles homines) коренятся въ одной почвѣ и что если подрѣзать корни дворянства, то изсохнетъ жизненная сила династіи — это представленіе всегда было живо во всѣхъ членахъ королевской семьи и связывало ихъ съ послѣднимъ дворяниномъ. Конечно, много времени прошло съ тѣхъ поръ, когда феодальные сеньёры не признавали никакого различія между собой и королемъ, когда они полагали, что ихъ сеньёріальныя права опираются на томъ же основаніи, на какомъ и права королей, когда одинъ феодальный графъ на вопросъ французскаго короля: „кто сдѣлалъ тебя графомъ?“ отвѣчалъ не обинуясь: „а кто сдѣлалъ тебя королемъ?“ Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ и потомки независимыхъ сеньёровъ, считавшіе высшей для себя честью, если удостоивались присутствовать при одѣваніи и раздѣваніи короля, и нерѣдко поддерживавшіе блескъ своего рода только милостями королевской семьи, не могли высказывать своихъ гордыхъ притязаній въ такой наивной формѣ, но по прежнему продолжали считать короля „первымъ дворяниномъ“ (Primus inter pares). И этотъ взглядъ раздѣлялся всѣми членами королевскаго рода. Его высказалъ

первый изъ королей Бурбонской династіи, счастливый побѣдитель Лиги и мятежной аристократіи — Генрихъ IV: „Je ne suis que le premier gentilhomme de mon royaume“. Ту же мысль высказалъ и послѣдній изъ Бурбонскихъ королей наканунѣ революціи, тогда еще носившій титулъ графа Д'Артуа. Когда дворянство одного изъ южно-французскихъ сенешальствъ избрало его своимъ депутатомъ и онъ долженъ былъ, по приказанію короля, отказаться отъ предложеннаго порученія, графъ извѣстилъ о своемъ отказѣ дворянскую палату въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Соблаговолите“, писалъ онъ президенту, „обратиться еще разъ отъ моего имени къ палатѣ и передать ей полное и искреннее увѣреніе, что кровь моего предка течетъ во мнѣ въ совершенной чистотѣ и что пока останется одна капля ея въ моихъ жилахъ, я съумѣю доказать всему свѣту, что я достоинъ былъ родиться французскимъ дворяниномъ — que je suis digne d'être né gentilhomme français“ [1]).

Если такъ смотрѣли на дѣло члены королевскаго рода, то естественно было самому дворянству считать свое исключительное и привилегированное положеніе въ обществѣ условіемъ необходимымъ для блеска и силы монархической власти во Франціи. Эти чувства не имѣли поводовъ высказываться въ эпоху неоспоримой власти потомковъ св. Людовика, но при первыхъ признакахъ предстоящей революціи дворянство спѣшитъ указать на солидарность между дворянскими привилегіями и ненарушимостью стараго монархическаго принципа. Когда Людовикъ XVI, утомленный борьбой, приказалъ наконецъ дворянской палатѣ уступить требованіямъ палаты коммунъ и слиться съ ней въ одно общее національное собраніе, предсѣдатель дворянской палаты, герцогъ Люксембургскій, умоляя короля отказаться отъ своего рѣшенія, высказалъ между прочимъ слѣдующее: „Вашему Величеству не безъизвѣстно, какую степень могущества общественное мнѣніе и права народа вручили его представителямъ. Это могущество такъ велико, что самая верховная власть, которою Вы облечены, нѣмѣетъ подъ его вліяніемъ. Это безграничное могущество принадлежитъ во всемъ своемъ объемѣ Генеральнымъ Штатамъ, каковъ бы ни былъ ихъ составъ; но раздробленіе ихъ на 3 палаты сковываетъ ихъ дѣятельность и сохраняетъ за Вами свободу дѣй-

---

[1]) Moniteur Universel № 3, du 14 au 23 Mai 1789.

ствій. Соединившись, Штаты не будутъ знать господина. Раздѣленные, они остаются Вашими подданными.“ „Дефицитъ Вашихъ финансовъ, — продолжалъ герцогъ тѣмъ напыщеннымъ и сентиментальнымъ языкомъ, который былъ тогда въ модѣ и который употребляли всѣ отъ государственныхъ людей и первоклассныхъ журналистовъ до деревенскихъ священниковъ и меровъ изъ крестьянъ, — и духъ инсубординаціи, охватившій Вашу армію, пугаютъ, я это знаю, Вашихъ совѣтниковъ; но, Ваше Величество, Вамъ остается Ваше вѣрное дворянство. Ему предстоитъ теперь, по выбору, или, повинуясь приглашенію Вашего Величества, соединиться съ своими товарищами депутатами и раздѣлить съ ними законодательную власть, или умереть, защищая прерогативы престола. Въ его выборѣ не можетъ быть сомнѣнія — оно умретъ, не требуя за это никакой благодарности, ибо это его долгъ. Но умирая, дворянство спасетъ независимость короны и обратитъ въ ничтожество всѣ дѣйствія Національнаго Собранія, которое конечно нельзя будетъ считать полнымъ, послѣ того какъ треть его членовъ будетъ предана на жертву яростной черни и ножамъ убійцъ.“

Герцогъ Люксембургскій является здѣсь представителемъ того большинства французскаго дворянства, которое имѣло болѣе въ виду сохраненіе своихъ почетныхъ привилегій, чѣмъ государственныя реформы и политическую свободу. Но не слѣдуетъ забывать, что съ другой стороны, значительная часть либеральнаго дворянства считала сохраненіе этихъ почетныхъ привилегій необходимымъ условіемъ для того, чтобы монархія не обратилась въ деспотію. Эта мысль была высказана въ половинѣ XVIII вѣка въ видѣ политической аксіомы знаменитымъ публицистомъ, который имѣлъ такое сильное вліяніе на своихъ современниковъ и идеями котораго руководилась отчасти еще во время французской революціи конституціонная партія.

По опредѣленію Монтескьё, существенное условіе и въ то-же время главный признакъ монархіи въ отличіе отъ республики и деспотіи есть *привилегированное* дворянство.

„Посредствующія власти“, (les pouvoirs intermédiaires) говоритъ онъ, „подчиненныя и зависимыя, составляютъ сущность (la nature) монархическаго правленія. Самая естественная посредствующая власть — это дворянство. Оно входитъ, въ извѣстномъ смыслѣ, въ самую суть (essence) монархіи, и основной принципъ

послѣдней есть слѣдующій: безъ монарха нѣтъ дворянства, безъ дворянства нѣтъ монарха (point de monarque point de noblesse; point de noblesse point de monarque)“ [1]).

Но это дворянство, которое разумѣлъ Монтескьё, было современное ему французское дворянство съ феодальными привилегіями: „Такъ какъ честь (l'honneur) есть принципъ монархическаго правленія, то законы государства должны имѣть ее въ виду. Необходимо, чтобы законы содѣйствовали (qu'elles y travaillent) поддержанію этого дворянства, которое такъ сказать порождаетъ честь и само произошло отъ чести (dont l'honneur est pour ainsi dire l'enfant et le père).“ „Необходимо, чтобы законы дѣлали дворянство наслѣдственнымъ, не для того, чтобы оно было предѣломъ между властью государя и слабостью народа, но для того, чтобы оно было взаимной связью между ними.“ „Маіораты, которые сохраняютъ имущество въ родѣ, будутъ очень полезны въ монархіи, хотя они не годятся для другихъ формъ правленія“. Право родоваго выкупа возвратитъ дворянскимъ родамъ имѣнія, отчужденныя расточительностью какого-нибудь родственника.“ „Дворянскія земли (les terres nobles) должны имѣть привилегіи, подобно лицамъ. Невозможно отдѣлить достоинство монарха отъ достоинства государства; точно также невозможно отдѣлить достоинство дворянина (la dignité du noble) отъ достоинства его имѣнія (fief).“ „Всѣ эти привилегіи должны быть принадлежностью дворянства и не переходить къ народу, чтобы не нарушить (si l'on ne veut choquer) принципъ монархіи и чтобы не уменьшить силы дворянства и силы народа.“ [2])

Это историческое родство между потомками сеньёровъ и потомками Гуго Капета, это признаніе солидарности между дворянскими привилегіями и прерогативами королевской династіи нужно считать одною изъ главныхъ причинъ той нерѣшительной снисходительности, съ которой французское правительство XVIII вѣка щадило дворянскія привилегіи, даже самыя безполезныя для дворянства и наиболѣе стѣснительныя для народа. Королевская администрація постепенно вытѣснила дворянство изъ всѣхъ позицій, въ которыхъ оно могло соперничать съ ней. Правительство лишило дворянство политической власти, отняло у него управленіе

---

[1]) Esprit des Lois. Livre II. Ch. 4.
[2]) Esprit d. L. L. V. Ch. 9.

провинціями и участіе въ высшемъ судѣ; оно сохранило, правда, за нѣкоторыми аристократами право назначать низшихъ судей и ставить висѣлицы на своей землѣ, но совершенно подчинило этотъ сеньёріальный вотчинный судъ своимъ чиновникамъ; въ арміи правительство оставило за дворянствомъ офицерскія мѣста, но подчинило его произволу военнаго министра, разобщило дворянство съ крестьянами, отняло у него всякое вліяніе на тѣхъ, которыхъ дворянство продолжало называть своими „подданными (sujets и vassaux)“ и лишило его такимъ образомъ всякаго значенія даже въ мѣстной жизни. Но правительство не дотронулось ни до одной изъ привилегій, которыя поддерживали рознь между сословіями, и дворянство обольщалось иллюзіей, будто оно ничего не утратило изъ своего прежняго значенія. Хотя крестьяне на самомъ дѣлѣ стали свободными и даже независимыми отъ своихъ сеньёровъ, но они по прежнему были обязаны нести тѣ-же повинности, которыя въ средніе вѣка были признаками ихъ политическаго подданства. Нѣкоторыя изъ этихъ повинностей, имѣвшихъ въ феодальное время значеніе простыхъ формальностей, теперь при освобожденіи крестьянъ и вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ и общественныхъ условій сдѣлались чрезвычайно обременительны для земледѣльческаго сословія.

Дворянство сохранило монополію сеньёріальной мельницы, сеньёріальнаго точила для винограда (pressoir) и сеньёріальнаго быка. Оно сохранило исключительное право держать голубей и охотиться. Дворянство, правда, было подчинено тѣмъ подоходнымъ податямъ, которыя были установлены абсолютной монархіей, но оно было по прежнему избавлено отъ самой тяжелой изъ податей, отъ той средневѣковой подати, которая оставалась главнымъ и такъ сказать позорнымъ признакомъ *податнаго человѣка* (taillable), и даже относительно общихъ податей дворяне пользовались особымъ болѣе льготнымъ способомъ взиманія. Дворянство кромѣ придворной сферы не имѣло никакого реальнаго вліянія, но продолжало смотрѣть на себя какъ на властвующее сословіе, потому что его прикащики и лакеи избавлялись отъ общей подати и потому что иногда по требованію сеньёра услужливый интендантъ спѣшилъ проводить новую дорогу къ его усадьбѣ посредствомъ крестьянской барщины. Помѣщикъ былъ такъ стѣсненъ администраціей, что въ его собственной деревнѣ на него смотрѣли какъ на чужаго, но зато если онъ былъ въ хорошихъ

отношеніяхъ съ высшей администраціей, то по его просьбѣ заключали подъ арестъ безъ суда непріятныхъ ему сосѣдей [1]).

Такимъ образомъ королевская власть, продолжая вѣковую борьбу съ феодальными властями, лишила дворянство всякаго политическаго вліянія и всякаго значенія въ управленіи страной. Она постепенно, то сознательно, то инстинктивно подтачивала основы дворянства и привела его въ совершенную зависимость отъ королевскихъ милостей и отъ благосклонности правительственной администраціи. Но она тщательно сохранила за нимъ всѣ почетныя и денежныя привилегіи, поддерживая его какъ непреодолимый барьеръ между собой и народомъ. Точно также королевское правительство поступало и относительно прочихъ привилегированныхъ сословій.

Что касается духовенства, то французскіе короли привели его въ совершенную зависимость отъ себя, съ одной стороны, становясь сильнымъ его орудіемъ и безпощадно преслѣдуя въ угоду ему протестантовъ, съ другой, покровительствуя по временамъ движеніямъ, подрывавшимъ авторитетъ церкви. Правительство то подчинялось вліянію іезуитовъ, то дозволяло парламенту поддерживать Янсенистовъ, то давало просторъ антирелигіозной печати, то преслѣдовало сочиненія враждебныя католицизму и духовенству. Не только весь личный составъ высшаго духовенства зависѣлъ отъ благоусмотрѣнія короля и его министровъ, но королевская администрація съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подчиняла себѣ различныя церковныя учрежденія. Администрація закрывала по своему усмотрѣнію монастыри, заставляла госпитали и богадѣльни, которыя были тогда большею частію независимыми церковными учрежденіями, продавать свои поземельные участки и превращать вырученный капиталъ въ государственную ренту, наблюдала посредствомъ своихъ чиновниковъ за выгоднымъ помѣщеніемъ монастырскихъ суммъ и т. д. [2]). Но въ то же время правительство такъ тщательно охраняло всѣ феодальныя привилегіи, принадлежавшія духовенству, что единственные крѣпостные,

---

[1]) Подобный случай, заимствованный Токвилемъ изъ переписки интендантовъ, приведенъ имъ въ примѣчаніяхъ къ соч. L'ancien régime et la Révolution, p. 448.

[2]) Токвиль приводитъ приказаніе министра финансовъ (contrôleur général) на имя интенданта уплатить одному монастырю кармелитовъ 15,000 л. и удостовѣриться, чтобы этотъ капиталъ былъ производительно помѣщенъ. «Подобные факты встрѣчаются на каждомъ шагу» въ административной перепискѣ, прибавляетъ историкъ *старой монархіи*, стр. 407.

оказавшіеся во Франціи въ началѣ революціи, были собственностью духовныхъ лицъ.

Города все болѣе и болѣе теряютъ самостоятельность и мѣстное самоуправленіе, все болѣе и болѣе подпадаютъ подъ произволъ интенданта и его делегата. Въ XVIII вѣкѣ города совершенно утрачиваютъ право распоряжаться своимъ имуществомъ и облагать себя мѣстными подаятями. Они не могутъ ни продавать своихъ имуществъ, ни отдавать въ аренду, ни дѣлать займа подъ ихъ обезпеченіе, ни вести процесса, ни установить новую пошлину безъ разрѣшенія государственнаго совѣта, основаннаго на донесеніи интенданта. Ежеминутно хозяйственная и административная жизнь города нарушается неожиданными распоряженіями администраціи, которыя такъ часто слѣдовали другъ за другомъ, что объ нихъ постоянно забывали. А между тѣмъ короли постоянно слѣдовали старинной политикѣ Людовика XI, которая заключалась въ томъ, чтобы увеличивать въ городахъ число привилегированныхъ лицъ, стѣснять демократическое устройство средневѣковыхъ коммунъ и все болѣе и болѣе сосредоточивать городскія дѣла въ рукахъ олигархіи. Это была та-же политика, которая привела къ разоренію муниципіи Римской Имперіи. Но политика старой монархіи относительно привилегій особенно ярко отражается на положеніи 13 парламентовъ до-революціонной Франціи. Королевская администрація постоянно съуживала кругъ дѣятельности этихъ парламентовъ. Развивающаяся экономическая и государственная жизнь вызывали новыя потребности, новыя сферы административной и судебной дѣятельности, которыя были совершенно изъяты изъ-подъ вѣдѣнія парламента; постоянно появлялись новыя королевскія распоряженія, въ которыхъ повторялась формула, что дѣла, которыя могутъ возникнуть вслѣдствіе существованія новаго закона, не должны подлежать разсмотрѣнію парламентовъ и даже прежній кругъ дѣятельности парламентовъ постоянно нарушался произвольнымъ перенесеніемъ дѣлъ въ Государственный Совѣтъ и другія административныя мѣста. А между тѣмъ члены парламента сохранили свои наслѣдственныя привилегіи неприкосновенными до самой революціи. Парламенты по прежнему пререкаются съ административными органами правительства, кассируютъ ихъ распоряженія, грозятъ имъ судебнымъ преслѣдованіемъ; тонъ этихъ пререканій остается по прежнему не только рѣзокъ, но и становится иногда оскорбителенъ для правительства, ибо случается, что парламентъ необинуясь назы-

ваетъ министерскія распоряженія „произвольными и деспотическими дѣйствіями“.

Со времени смерти Людовика XIV значеніе, которое придаетъ себѣ Парижскій парламентъ, даже увеличивается, такъ какъ онъ начинаетъ играть политическую роль и дѣлаетъ постоянную оппозицію противъ финансовыхъ мѣръ правительства.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ слояхъ стариннаго французскаго общества феодальныя учрежденія, средневѣковые порядки и принципы. Королевская власть подкопалась подъ эти учрежденія, лишила ихъ реальнаго значенія, порвала ихъ связь съ народною жизнью, но не дотрогивалась до нихъ. Какъ средневѣковые готическіе монастыри и феодальные замки по прежнему возвышались надъ французскими деревнями и городами, также повидимому незыблемо воздымались надъ народной массой штаты сеньёровъ и прелатовъ, городскіе нотабли, провинціальные парламенты и прочія средневѣковыя учрежденія. Но подъ почвой, на которую они опирались своею громадною тяжестью, королевская власть посредствомъ неутомимой вѣковой работы своихъ административныхъ органовъ подвела обширную мину. Достаточно было, кажется, одной искры, чтобы всю эту тяжесть средневѣковыхъ сооруженій низвергнуть въ бездну; достаточно было по видимому нѣсколькихъ правительственныхъ указовъ съ извѣстной формулой— *de par le roi*, чтобы стереть съ лица Франціи всѣ привилегіи— и сословныя и провинціальныя и корпоративныя. Но правительство не издавало этихъ указовъ, оно щадило привилегіи и даже тѣ, которыя наиболѣе стѣсняли его дѣятельность.

Мы указывали на то, что главная причина этой снисходительности и слабости заключалась въ феодальномъ происхожденіи королевской власти, въ солидарности, которая въ глазахъ династіи связывала ее съ привилегированными классами.

Конечно, эта солидарность сознавалась преимущественно только относительно двухъ высшихъ сословій дворянства и духовенства. Потомки Св. Людовика, считая себя первыми дворянами Франціи и наслѣдственными защитниками французской церкви, продолжали заботиться о томъ, .чтобы не утратилась ни одна изъ привилегій дворянъ и прелатовъ. Но на отношенія къ привилегированнымъ лицамъ третьяго сословія и къ корпораціямъ, основаннымъ на наслѣдственности должностей, имѣли вліянія и финансовыя соображенія. Продажа и перепродажа государственныхъ должностей, всегда связанныя съ изъятіемъ лица изъ податнаго сословія, про-

должали до конца старой монархіи служить средствомъ, къ которому она прибѣгала въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Если правительство не было въ состояніи отказаться отъ учрежденія и продажи новыхъ, совершенно безполезныхъ и безмысленныхъ должностей, по сознанію самой администраціи чрезвычайно обременявшихъ податное сословіе, то уничтожить вдругъ или хоть по частямъ уже запроданныя должности было для него еще болѣе затруднительно. Это уничтоженіе могло быть произведено только двумя способами—посредствомъ возврата чиновникамъ и привилегированнымъ лицамъ затраченнаго капитала или произвольной, насильственною отмѣной должностей безъ выкупа. Для перваго способа понадобилась бы громадная финансовая операція, которая была не по средствамъ тогдашнему бюджету. Прибѣгнуть же ко второму способу, значило бы объявить банкротство казны, рѣшиться на захватъ частной собственности въ неслыханныхъ размѣрахъ, заклеймить себя вѣроломствомъ, а главное возстановить противъ себя весь средній классъ, всю финансовую и судебную администрацію. Конечно, королевское правительство съ среднихъ вѣковъ привыкло прибѣгать къ вышеприведеннымъ средствамъ, и къ банкротству, и къ произвольной конфискаціи частной собственности, и къ вѣроломному нарушенію своихъ обязательствъ; оно до конца слѣдовало такой политикѣ. Напримѣръ еще въ XVIII вѣкѣ французское правительство заставило потомковъ тѣхъ дворянъ, которые купили должности, сопряженныя съ дворянствомъ, снова уплатить покупную сумму подъ страхомъ лишенія дворянства. Но, въ подобныхъ случаяхъ, правительство только два или три раза заставляло платить за однѣ и тѣ-же привилегіи, не отнимая самыхъ привилегій. Притомъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, страдалъ извѣстный только классъ общества. Совершенно иной ропотъ бы поднялся, если бы правительство принялось систематически и окончательно отклонять запроданныя должности безъ всякаго вознагражденія.

Къ этой, какъ мы выразились, солидарности правительства и привилегированныхъ классовъ и къ финансовымъ соображеніямъ присоединилась еще одна очень важная причина — робость правительства въ виду сопротивленія со стороны привилегированныхъ сословій и уступчивость его общественному мнѣнію, которое долгое время слагалось исключительно подъ вліяніемъ привилегированныхъ классовъ.

Мы уже имѣли случай указать на аналогію между полити-

кой римскихъ императоровъ по отношенію къ республиканскимъ учрежденіямъ и политикой французскихъ королей въ періодъ абсолютизма по отношенію къ учрежденіямъ предшествовавшаго феодальнаго періода. Эта аналогія увеличивается еще тѣмъ, что какъ въ Римѣ, такъ и во Франціи одна изъ причинъ, породившихъ уступчивость абсолютизма передъ старыми формами и учрежденіями, заключалась въ необходимости щадить общественное мнѣніе, которое въ обоихъ случаяхъ исключительно почти опредѣлялось настроеніемъ высшихъ привилегированныхъ классовъ, побѣжденныхъ новымъ началомъ. Не касаясь подробности императорской политики, укажемъ на то, что уваженіе французскихъ королей къ общественному мнѣнію, т. е. въ данномъ случаѣ, къ понятіямъ привилегированныхъ классовъ, обусловливалось болѣе всего положеніемъ французской или католической церкви. Въ странахъ некатолическихъ и преимущественно въ протестантскихъ, монархъ могъ бы гораздо смѣлѣе идти въ разрѣзъ съ понятіями и интересами высшихъ и привилегированныхъ классовъ, такъ какъ между нимъ и этими классами не стояла бы привилегированная, вѣрная преданію церковь; преобразователь, раздражая эгоистическое общественное мнѣніе, своими политическими и административными реформами, не оскорблялъ бы при этомъ религіознаго чувства своихъ подданныхъ. Во Франціи же католическая церковь представляла самое крѣпкое, связующее звѣно между феодальною аристократіей и королемъ. Она была совершенно сплетена своими матеріяльными интересами съ этой феодальной аристократіей, такъ какъ съ одной стороны часть десятины перешла въ руки свѣтскихъ людей (dîmes inféodées) и получила чисто гражданское значеніе, съ другой стороны, значительная часть церковныхъ и монастырскихъ доходовъ заключалась въ чисто помѣщичьихъ повинностяхъ, основанныхъ на феодальномъ правѣ и только имъ объяснимыхъ. Такимъ образомъ всякая гражданская реформа въ области землевладѣнія, всякое измѣненіе прежнихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами пошатнули бы положеніе церкви и нанесли бы ей чрезвычайно чувствительный ущербъ. Кромѣ того, церковь тѣсно связывала правительство съ феодальной аристократіей посредствомъ личнаго состава высшей прелатуры. Почти всѣ прелаты были изъ дворянъ и потому вносили въ церковь настроеніе и духъ своей касты; правительство, коснувшись интересовъ дворянъ разныхъ категорій (дворянства со шпагой, noblesse d'épée, и дворянства въ судейскомъ

платьѣ, noblesse de robe), неминуемо бы вооружило противъ себя ихъ родственниковъ въ митрахъ и съ посохами. Но что еще важнѣе — начипая со временъ Каролинговъ, когда канцлеры королевскіе впервые стали избираться изъ духовныхъ, до самаго низверженія Капетингской династіи революціей, — мы почти всегда встрѣчаемъ въ совѣтѣ французскихъ королей епископовъ и кардиналовъ не только въ качествѣ духовниковъ, но въ положеніи и съ правами свѣтскихъ министровъ; хотя именно два кардинала наиболѣе содѣйствовали къ утвержденію во Франціи монархической власти и бюрократическаго начала, но ихъ-то дѣятельность и доказываетъ, какимъ образомъ такая политика мирилась съ снисходительностью къ гражданскимъ привилегіямъ двухъ высшихъ сословій. Наконецъ, что всего важнѣе, католическая церковь, съ тѣхъ поръ, какъ она окончательно организовалась, является въ исторіи самымъ величественнымъ воплощеніемъ искусственно-охранительнаго начала и вѣрности преданію, вселяя этотъ духъ во всѣ области, съ которыми она соприкасалась, и потому по роковой необходимости гражданскій прогрессъ, ломка феодальнаго порядка, отмѣна привилегій и коренныя реформы были мыслимы во Франціи только съ торжествомъ на престолѣ враждебныхъ католицизму идей.

Вслѣдствіе этихъ разнородныхъ вліяній — солидарности династіи съ феодальной аристократіей, невозможности для королевской администраціи при стѣсненіи финансовыхъ средствъ устранить наслѣдственности должностей и продажу привилегій третьему сословію, наконецъ вслѣдствіе вліянія тогдашняго общественнаго мнѣнія въ высшихъ слояхъ и косныхъ началъ католицизма — внутренняя политика французскихъ королей въ періодъ абсолютизма представляетъ странную двойственность и неестественную нерѣшительность, которыя нерѣдко придаютъ ей характеръ апатіи, эгоизма и непростительнаго равнодушія при произволѣ и деспотизмѣ. Но вглядѣвшись ближе, мы замѣчаемъ въ ней двѣ различныя струи, которыя восходятъ къ двумъ различнымъ источникамъ. Съ одной стороны, мы видимъ быстрое и сильное развитіе централизаціи, кипучую дѣятельность чиновничества, заботливость правительственныхъ органовъ о многихъ матеріяльныхъ интересахъ общества, увеличивающуюся страсть къ регламентаціи самыхъ мелкихъ потребностей общественной жизни. Съ другой — неподвижность, подчиненіе историческимъ предразсудкамъ, снисходительное равнодушіе къ привилегіямъ и послабленіе привилегированнымъ классамъ, доходящее до непростительнаго пристрастія.

Первая сторона объясняется жизненной силой центральной власти, объединившей государство и создавшей его національность, сознаніемъ со стороны правительства своихъ историческихъ заслугъ и инстинктивнымъ пониманіемъ своего историческаго призванія; вторая сторона объясняется исторической связью представительницы этой централизующей власти, т. е. династіи съ устарѣвшими вѣковыми учрежденіями, и зависимостью администраціи отъ общественнаго мнѣнія, которое находится еще исключительно подъ вліяніемъ привилегированныхъ классовъ. Такимъ образомъ, Франція XVIII вѣка представляетъ намъ странное явленіе государства, въ которомъ сильная монархическая власть, опирающаяся на чрезвычайно развитую административную централизацію, управляетъ страной въ угоду привилегированнаго меньшинства, отказываясь отъ дальнѣйшаго расширенія своей власти на счетъ привилегій.

Выходъ изъ подобнаго положенія могъ быть двоякій, смотря по условіямъ страны. Въ странѣ, не очень цивилизованной съ слабымъ общественнымъ мнѣніемъ центральная власть могла бы сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ, опираясь на собственную силу; она успѣла бы побѣдить привилегированные классы во имя одного монархическаго начала и водрузить на развалинахъ привилегированнаго строя чистый абсолютизмъ. Но въ странѣ съ высокой цивилизаціей, подобной Франціи, съ сильнымъ общественнымъ мнѣніемъ, такой исходъ былъ невозможенъ. Центральная власть могла побѣдить привилегіи только въ союзѣ съ убѣжденіями и желаніемъ общества. Такой благопріятный моментъ насталъ наконецъ для французскаго правительства.

Около второй четверти XVIII вѣка начался знаменательный поворотъ въ общественномъ мнѣніи французскаго общества. Поворотъ этотъ былъ слѣдствіемъ литературы, которая отчасти подъ вліяніемъ англійской философіи и англійской общественной жизни, отчасти, продолжая нѣкоторыя преданія отечественной мысли, стала вдругъ въ рѣшительную оппозицію ко всему прошедшему и настоящему Франціи. Несмотря на такое направленіе литературы, она была съ сочувствіемъ привѣтствована привилегированными классами и нашла у нихъ покровительство противъ нерасположенія и преслѣдованія со стороны правительства. Благодаря сочувствію нѣкоторой части высшей аристократіи, произведенія новой литературы находили себѣ даже доступъ ко двору, и на самыхъ

смѣлыхъ руководителей литературной оппозиціи падалъ иногда отблескъ королевской милости.

При отсутствіи политической жизни, литература скоро совершенно завладѣла общественнымъ мнѣніемъ и сдѣлалась исключительной руководительницей ея, а революціонный характеръ этой литературы былъ значительно сглаженъ и скрытъ отъ сознанія общества тѣмъ обстоятельствомъ, что новыя идеи усвоивались съ жадностью именно привилегированными классами, которые почти одни и составляли въ то время развитую и мыслящую часть французскаго общества. Къ привилегированнымъ классамъ конечно слѣдуетъ въ этомъ случаѣ причислить и лучшую часть такъ называемаго третьяго сословія.

Вліяніе литературы на общественное мнѣніе проявилось прежде всего въ равнодушіи и даже враждебности къ преданіямъ прошедшаго, къ средневѣковымъ учрежденіямъ, преимущественно къ католической церкви. Потомъ общество задалось новыми идеалами и создало себѣ близкіе, дорогіе ему интересы. Выработалось понятіе о человѣкѣ, отвлеченномъ отъ всякихъ историческихъ условій сословія, расы и времени, о человѣкѣ, какимъ онъ представлялся до начала своей земной исторіи, породившей всѣ различія между людьми, или по крайней мѣрѣ понятіе о человѣкѣ, какимъ онъ долженъ былъ бы быть по представленію тогдашней философіи. Это понятіе было возведено въ идеалъ и въ то-же время воплощено въ живое, дѣйствительное существо. Разсматривались права и требованія этого существа и все это опредѣлялось на основаніи чистаго разума. Этотъ созданный разумомъ человѣкъ былъ принятъ за единицу, съ помощью которой должны были разрѣшаться всѣ общественныя и политическія задачи. Это былъ оконченный въ самомъ себѣ, совершенный микрокозмъ; взаимодѣйствіе этихъ одинаковыхъ, совершенныхъ микрокозмовъ составляло общественную жизнь. Это былъ атомъ, а изъ суммы подобныхъ атомовъ слагалось государство. Такимъ образомъ всѣ отправленія и законы общества, все государственное устройство логически и послѣдовательно развивались изъ основнаго, теоретическаго понятія о человѣкѣ.

Но этотъ идеалъ человѣка былъ не только предметомъ анализа для разума — онъ былъ достоинъ любви и симпатіи. Отсюда явились — нѣжная заботливость къ его нуждамъ и къ его страданіямъ, снисходительность къ его заблужденіямъ и проступкамъ,

требованія терпимости для его мыслей и убѣжденій, требованія гуманности и справедливости въ его столкновеніяхъ съ другими и смягченія наказаній для виновныхъ.

Это умственное напряженіе общества, этотъ вѣчный анализъ отвлеченнаго человѣка и его правъ, эта горячая любовь къ человѣческому идеалу, это гуманное состраданіе къ лишеніямъ и нуждамъ человѣка не могло, конечно, не измѣнить постепенно отношеній общественнаго мнѣнія къ условіямъ и порядкамъ современной жизни, не могло не возбудить въ немъ сознаніе поразительнаго противорѣчія между его идеалами и тогдашнею дѣйствительностью.

Постепенно стало распространяться убѣжденіе въ несправедливости привилегій, въ необходимости уравнять повинности; явилось уваженіе къ труду и промысламъ; мнѣніе, что государственная власть призвана служить обществу и что интересы общества требуютъ благосостоянія массъ, стало господствующимъ; вмѣсто прежняго равнодушія и презрѣнія къ податнымъ и рабочимъ классамъ (vilains, roture) явился живой интересъ къ нимъ и филантропическое сочувствіе, которое дошло до того, что народной массѣ стали приписывать однѣ только добродѣтели и непогрѣшимые инстинкты, и что мысль о ней всегда сопровождалась глубокимъ, а нерѣдко и сентиментальнымъ умиленіемъ. Эта вѣра въ народную массу, эта горячая любовь къ ней, все болѣе и болѣе росли въ продолженіе вѣка, пока наконецъ сентябрскія убійства и картины террора не разрушили идиллическаго представленія о *народѣ* (выразившагося въ томъ что слово peuple совершенно вытѣснило прежнее выраженіе populace) и не замѣнили разочарованіемъ прежняго умиленія.

Новыя идеи, конечно, не одинаково проникали во всѣ слои французскаго общества и во многихъ умахъ страннымъ образомъ смѣшивались съ идеями противоположнаго порядка и съ отжившими предразсудками. Тѣмъ не менѣе ихъ успѣхъ становился съ каждымъ днемъ ощутительнѣе и онѣ покоряли своей власти самыхъ закорузлыхъ приверженцевъ феодальнаго порядка и самыхъ лучшихъ дѣятелей государственной администраціи. Какъ на самые интересные типы, можно съ одной стороны указать на маркиза Мирабо, съ другой на Тюрго и д'Аржансона.

Что касается до перваго, то этотъ оригинальный маркизъ, феодалъ и литераторъ, семейный деспотъ и „*другъ людей*“ (l'ami des hommes), приверженецъ самаго радикальнаго бюрократизма

и либералъ стараго закала — заслужилъ репутацію чудака и самодура не только своей частной жизнью, но и своей дѣятельностью, какъ писатель. Онъ смотритъ еще на массу рабочаго народа, какъ на *вьючную скотину* (bête de somme), но требуетъ, чтобы самая неусыпная дѣятельность государства была направлена на *улучшеніе быта этой скотины*, чтобы главное попеченіе государственныхъ людей имѣло въ виду соразмѣрность навьюченныхъ на народъ тяжестей. Онъ почти не уступаетъ соціалистамъ тамъ, гдѣ возлагаетъ на государство всѣ заботы о *бѣдныхъ* и всю отвѣтственность за нихъ, но онъ вступается за бѣдныхъ не только какъ филантропъ и другъ людей, но и потому, что считаетъ это выгоднымъ для государства. Онъ требуетъ *братскаго чувства* (fraternité) и взаимной любви между всѣми классами общества, но онъ хочетъ, чтобы это братское общество управлялось *старшими братьями* (дворянами) по праву первородства.

Тюрго въ свою бытность интендантомъ сдѣлался идеаломъ администратора. На немъ лучше всего можно прослѣдить разницу между новыми администраторами, проникнутыми любовью къ государству, какъ проводнику общаго блага, и старыми, исключительно служившими королевской власти. Онъ раздѣляетъ съ ними властолюбіе, страсть къ однообразію, къ сглаживанію всѣхъ шероховатостей, мѣшающихъ простору государственной власти, но онъ превосходитъ ихъ пренебреженіемъ къ преданію и ненавистью къ привилегіямъ [1]). Главное же отличіе его заключается въ его любви, въ его состраданіи къ управляемымъ, въ постоянныхъ попеченіяхъ о томъ, чтобы облегчить тяжесть ихъ повинностей и улучшить ихъ бытъ, въ стараніяхъ оказать неимущимъ *государственную помощь*, осуществить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ благотворительность государства (la charité de l'Etat).

Что же касается до знаменитаго государственнаго человѣка, который при другихъ обстоятельствахъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ политическихъ реформаторовъ, маркиза д'Аржансона, то его „Записки“ лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ, какой громадный переворотъ подготовлялся въ французскомъ обществѣ, а вслѣдствіе этого и въ государствѣ. Нужно при этомъ вспомнить, что эти „Записки“ относятся еще къ первой половинѣ XVIII вѣка (1740—1756), къ тому времени, когда

---

[1]) См. Токвиль: Oeuvres Complètes. T. VIII, p. 155. Замѣтки о Тюрго.

монархическая власть еще не утратила своего величія и блеска, когда Людовикъ XV еще назывался *Возлюбленнымъ* (le Bien-aimé), когда въ обществѣ еще господствовалъ Монтескьё, а не Руссо и Энциклопедисты. „Все нуждается въ реформахъ“, замѣчаетъ д'Аржансонъ въ одномъ мѣстѣ своего журнала, „иначе зданіе сокрушится“. А въ другомъ мѣстѣ: „этому государству несомнѣнно предстоитъ революція; оно потрясено въ своихъ основаніяхъ“ (il croule par ses fondements). Или: „Не Франція собственно подвергается опасности, а ея правительство. Дурной успѣхъ нашего монархическаго, абсолютнаго правительства окончательно убѣждаетъ Францію и всю Европу, что эта худшая изъ правительственныхъ системъ. Никогда не говорили такъ много о *народѣ* и о *государствѣ*, какъ теперь. Эти два слова никогда не произносились при Людовикѣ XIV. Тогда не существовало даже понятія о нихъ. Впервые въ это царствованіе было возбуждено общественное мнѣніе подъ вліяніемъ сосѣдней Англіи, а *мнѣнія управляютъ міромъ.*“

Всего замѣчательнѣе, что министръ Людовика XV не только понималъ, что предстоитъ глубокій общественный и государственный переворотъ, но онъ ясно сознавалъ сущность и характеръ этого переворота. Необыкновенно поучительны для исторіи Франціи слѣдующія поразительныя пророческія слова д'Аржансона, записанныя за 40 лѣтъ до революціи, въ самую глухую эпоху старой монархіи: „*Если когда нибудь народъ пріидетъ къ сознанію своей воли и своихъ правъ, онъ неминуемо установитъ всеобщее, національное собраніе*“ [1]).

Конечно, не всѣ министры Людовика XV были такъ дальновидны, какъ маркизъ д'Аржансонъ, и не всѣ его интенданты такъ заботливы объ общественномъ благѣ и такіе охотники до радикальныхъ реформъ какъ Тюрго, но новый духъ времени, проникая отовсюду въ администрацію, не могъ не вдохнуть въ нее новой жизни и дать ей новое направленіе. О силѣ этого новаго духа и о вліяніи общественнаго мнѣнія на ходъ государственной жизни можно судить лучше всего потому, что эта сила коснулась самого Людовика XV и этотъ повидимому наиболѣе равнодушный и невозмутимый изъ абсолютныхъ монарховъ произнесъ

[1]) См. Rémusat. Politique Libérale, p. 116. «Si jamais la nation allait rentrer dans sa volonté et dans ses droits, elle ne manquerait pas d'établir une *assemblée nationale universelle*».

однажды слова: „Назначаю я своихъ министровъ, но отставку имъ даетъ нація — mais c'est la nation qui les renvoit“ [1]. Какая противоположность между этимъ признаніемъ короля и словами его предшественника — „государство—это я“, и какая глубокая перемѣна произошла во Франціи въ промежутокъ между дѣдомъ и правнукомъ, несмотря на все однообразіе политическихъ формъ и на неподвижную гладь на поверхности государственной жизни!

При этихъ обстоятельствахъ слѣдовало ожидать, что королевское правительство наконецъ встрепенется, рѣшительно вступитъ на путь реформъ и начнетъ войну противъ привилегій. Но это не случилось потому, что правительство дѣйствовало не по собственному почину, а только уступало напору общественнаго мнѣнія. Оно походило на ладью, которую поднимаетъ, колыхаетъ и уноситъ бурное теченіе, но которая не можетъ уплыть съ теченіемъ, потому что крѣпко привязана къ неподвижной опорѣ. Кромѣ того, какъ мы уже замѣтили, самое общественное мнѣніе имѣетъ свою исторію; оно постепенно развивалось, росло, распространялось и укрѣплялось. Новыя идеи медленно пробивались въ привилегированные слои и въ административный механизмъ. Меньшинство проникалось ими, порывалось впередъ, иногда увлекало правительство, большинство же оставалось равнодушнымъ и останавливало движеніе. Этимъ объясняется весь характеръ правительственной дѣятельности: нерѣшительность центральной власти, при большой суетливости, многочисленные проекты преобразованій, которымъ не даютъ движенія, — то изъ страха оппозиціи, то вслѣдствіе разногласія между правительственными органами и придворными партіями, а иногда даже вслѣдствіе недовѣрія къ старому правительственному духу [2]), отсюда слабыя попытки къ реформамъ, которыя постоянно обрываются, несоотвѣтствіе между словами правительства и его дѣйствіями. Новыя понятія и выраженія проникаютъ изъ литера-

---

[1]) Tocqueville. Oeuvres, T. V, p. 49.

[2]) Въ этомъ отношеніи въ высшей степени знаменателенъ тотъ фактъ, что превращеніе барщины при проведеніи и исправленіи казенныхъ дорогъ въ денежную повинность, — реформа, составлявшая первую заботу благомыслившихъ интендантовъ, подобныхъ Тюрго, и проведенная тотчасъ провинціальными собраніями, созванными Людовикомъ XVI, — эта реформа была уже задумана министрами Орри и Трюденомъ, но не была приведена въ исполненіе изъ страха, что казна употребитъ вырученныя суммы не на пути сообщенія, а на другія потребности, и при томъ по прежнему станетъ исправлять дороги посредствомъ барщины. См. Токвиль, 180.

туры въ слогъ офиціальныхъ бумагъ, льстятъ общественному мнѣнію и возбуждаютъ его, такъ что если судить по его языку, то королевское правительство второй половины XVIII в. можно считать радикальнымъ и даже поборникомъ соціализма; но никакая другая эпоха не представляетъ такого контраста между революціоннымъ языкомъ канцелярскихъ писаній и правительственныхъ манифестовъ и неподвижной рутиною и немощью администраціи [1]).

Но наконецъ повидимому насталъ давно ожидаемый часъ. Королевское правительство объявляетъ войну средневѣковому порядку и привилегіямъ и рѣшается нанести имъ первый тяжелый ударъ. На кого же падетъ этотъ ударъ? На старинныхъ соперниковъ королевской династіи, — на феодальныхъ сеньёровъ, или на высшее духовенство, превратившее церковь въ майоратъ для аристократіи, или на именитыхъ людей (notables) третьяго сословія, внесшихъ своими купленными должностями господство и гнетъ привилегій въ самыя нѣдры народной жизни, или наконецъ на парламенты, которые изъ старинныхъ союзниковъ королевской власти сдѣлались главной преградой для центральной администраціи и поборниками старины? Какъ и можно было ожидать, королевская власть поразила не привилегіи, которыя всего тяжеле были для народа, и не привиллегированные классы, а захотѣла прежде всего устранить учрежденія, которыя были наиболѣе стѣснительны для администраціи, и при существованіи которыхъ нельзя было провести никакихъ серьёзныхъ реформъ. Въ 1771 году правительство Людовика XV, выведенное изъ терпѣнія оппозиціей и упрямствомъ Парижскаго парламента, разослало въ ссылку его членовъ, замѣнило его новымъ королевскимъ судомъ, а вслѣдъ затѣмъ упразднило и провинціальные парламенты.

Можно было ожидать, что общественное мнѣніе, давно уже

---

[1]) Токвиль посвятилъ цѣлую главу своего сочиненія «L'ancien régime et la révolution» указанію на революціонную пропаганду королевскихъ эдиктовъ и подкрѣпилъ это многочисленными выдержками изъ нихъ; всѣ почти приведенные имъ примѣры относятся ко времени Людовика XVI, кромѣ одной правительственной бумаги, написанной во время голода въ южной Франціи въ 1772 году. Тулузскій парламентъ обвинялъ тогда правительство въ томъ, что «оно своими ошибочными мѣрами подвергаетъ бѣдныхъ опасности голодной смерти», а правительство между прочимъ возразило на это, «что честолюбіе парламента и жадность богатыхъ были причиной этого общественнаго бѣдствія». Сочиненіе Лаверна о провинціальныхъ собраніяхъ также заключаетъ въ себѣ много интересныхъ примѣровъ крайней неумѣренности выраженій и революціонныхъ выходокъ со стороны офиціальныхъ лицъ и земскихъ собраній.

роптавшее противъ наслѣдственныхъ должностей и негодовавшее противъ парламентовъ за ихъ рутину во всѣхъ экономическихъ и финансовыхъ вопросахъ, за ихъ безпечность и жестокость въ уголовныхъ процессахъ, съ восторгомъ привѣтствуетъ королевское распоряженіе и увидитъ въ немъ залогъ къ дальнѣйшимъ реформамъ. Но случилось совершенно неожиданное. Общественное мнѣніе стало на сторону привилегій, взяло подъ свою защиту обветшалыя средневѣковыя учрежденія. Несмотря на королевскіе эдикты, упразднившіе продажность должностей, установившіе при замѣщеніи мѣстъ въ новомъ королевскомъ судѣ строгое испытаніе, устранившіе медленность судопроизводства и запрещавшіе подъ строгимъ наказаніемъ взяточничество, процвѣтавшее въ старомъ парламентѣ, министры Мопу и герцогъ Эгильонъ, главные виновники переворота, сдѣлались жертвами цѣлаго потока пасквилей и памфлетовъ; судебная реформа была встрѣчена оппозиціей не только со стороны всего судебнаго сословія, адвокатовъ, канцеляристовъ, но и высшаго чиновничества и даже членовъ двора.

Счетная и податная палаты дѣлали подъ вліяніемъ президента послѣдней, знаменитаго Мальзерба, самыя рѣзкія представленія, 2 губернатора подали въ отставку и принцы королевскаго дома, герцоги Бурбонскій и Орлеанскій съ ихъ сыновьями и принцъ Конти за свой протестъ были высланы на житье въ свои имѣнья.

Такое отношеніе общества, жившаго однимъ поколѣніемъ раньше революціи, къ совершившейся важной реформѣ чрезвычайно знаменательно. Дѣло въ томъ, что общество было раздвоено; различныя партіи его относились весьма различно къ уничтоженію парламента, но всѣ партіи совершенно согласно выказали одинаковое несочувствіе къ мѣрѣ правительства. Приверженцы старины и привилегій, конечно, должны были недовѣрчиво относиться къ уничтоженію парламента и опасаться за привилегіи своего сословія. Но враги средневѣковыхъ учрежденій, продажныхъ должностей и наслѣдственныхъ корпорацій, друзья народа и демократы, приверженцы государственныхъ реформъ—почему они не ликовали? Они не ликовали, потому что въ той части французскаго общества, которую можно обозначить общимъ именемъ либеральнаго, произошелъ глубокій переворотъ за послѣдніе 50 лѣтъ, — потому что общественное мнѣніе чрезвычайно измѣнилось, развилось съ тѣхъ поръ, какъ началось во Франціи пробужденіе народнаго сознанія.

Королевская власть создала въ извѣстномъ смыслѣ Францію и ея народъ и въ теченіи долгихъ вѣковъ составляла центральный фокусъ, въ которомъ объединялись и территоріи Франціи и ихъ жители. Поэтому долго французскій народъ отождествлялъ себя съ своими королями, не отдѣлялъ расширеніе ихъ власти отъ интересовъ народа. Но когда дѣло объединенія было завершено и вскорѣ по смерти Людовика XIV началось пробужденіе народнаго сознанія, нація уже не отождествляла себя съ своими королями, но видѣла въ ихъ власти орудіе для достиженія національныхъ интересовъ. Это было время, когда отъ правительства требовали реформъ, хотя бы цѣною самаго безграничнаго расширенія королевской власти и самаго безконтрольнаго примѣненія ея, но съ условіемъ, чтобы она служила интересамъ общества [1]). По мѣрѣ развитія этого сознанія, — а оно развивалось очень быстро, вспомнимъ, какъ уже въ 40-хъ годахъ д'Аржансонъ замѣчаетъ, что слова *нація* и *государство* у всѣхъ на устахъ, — измѣнилось однако это отношеніе либеральнаго общества къ королевской власти. Оно стало считать королевскую власть средневѣковымъ учрежденіемъ, связаннымъ съ феодальной аристократіей, съ церковью католическою и съ различными ненавистными воспоминаніями. Королевской власти стали приписывать только эгоистическія стремленія, нисколько не тождественныя съ народными интересами, и наконецъ въ этой власти стали видѣть главную преграду для осуществленія желательныхъ реформъ, для установленія *народной власти*, основанной на общей волѣ (volonté générale).

Съ этого времени, особенно усилились въ литературѣ, и въ ученой и въ беллетристической, тѣ вопли противъ деспотизма, воображаемаго совершенно отвлеченно, какъ всѣ идеи XVIII вѣка, которые насъ такъ поражаютъ своею необузданностью и страстностью и нерѣдко отталкиваютъ насъ своимъ риторическимъ паѳосомъ. Подъ вліяніемъ этаго настроенія совершился тотъ переворотъ, который сдѣлалъ французовъ, незамѣтно для нихъ самихъ, изъ самаго монархическаго народа, самымъ враждебнымъ къ своей многовѣковой исторической династіи; все это неожиданно обнаружилось въ концѣ столѣтія. Въ это время установилось то недовѣріе ко всякой единичной власти, даже исполнительной, которое вызвало столько замѣшательствъ во время революціи.

---

[1]) Самыми яркими представителями этого направленія были такъ называемые экономисты.

Вслѣдствіе такого побужденія прогрессивная часть французскаго общества начала встрѣчать враждебно всякую реформу, которая влекла за собой расширеніе королевской власти; она была готова принести въ жертву свои собственные интересы, лишь бы не усилить правительство и не придать ему популярности. Французское общество изъ за нерасположенія къ своему правительству стало на сторону ненавистныхъ ему привилегій и давно осужденныхъ имъ злоупотребленій, и оно держалось этой политики до конца своего монархическаго періода. Тогда оно усвоило себѣ привычку сочувствовать всякой опозиціи правительству, даже самой нелѣпой, — привычку, которая не совсѣмъ оставила его и до сихъ поръ.

Правда, не все просвѣщенное французское общество относилось такъ къ проводимымъ правительствомъ реформамъ. Были еще люди старыхъ убѣжденій, которые находили непослѣдовательнымъ это несочувствіе къ полезной реформѣ и покровительство привилегированнымъ парламентамъ. Особенно выдался между ними Вольтеръ. Этотъ другъ и поклонникъ Фридриха Великаго, видѣвшій вблизи благія послѣдствія просвѣщеннаго деспотизма, этотъ старый врагъ парламентовъ, которыхъ онъ не разъ клеймилъ позоромъ и побѣждалъ съ помощью общественнаго мнѣнія цѣлой Европы, писалъ въ негодованіи:

„Почти все королевство въ ожесточеніи и въ ужасѣ; возбужденіе въ провинціяхъ не менѣе сильно, чѣмъ въ Парижѣ. Между тѣмъ, по моему, королевскій эдиктъ исполненъ полезныхъ реформъ. Продажность должностей отмѣнена, судопроизводство сдѣлано даровымъ, тяжущіеся лишены необходимости съѣзжаться въ Парижъ съ окраинъ королсвства чтобы тамъ разорится, король взялъ на себя издержки вотчиннаго (сеньёріяльнаго) суда — развѣ все это не великія услуги, оказанныя націи? А кромѣ того, эти парламенты, развѣ они не были часто мстительны и жестоки? Правду сказать, я не надивлюсь тому, что французы приняли сторону этихъ нахальныхъ и упрямыхъ буржуа. Что касается до меня, я думаю, что король правъ, и такъ какъ нужно повиноваться, я полагаю, что лучше повиноваться породистому льву (un lion de bonne maison), который родился гораздо сильнѣе меня, чѣмъ двумъ стамъ крысамъ моего рода.“

Но семидесятисемилѣтній старикъ не понималъ уже своихъ современниковъ. Великій вождь XVIII столѣтія отсталъ отъ своего вѣка.

Если правительство Людовика XV разсчитывало въ своей борьбѣ съ парламентомъ на поддержку общества, оно глубоко ошиблось. Оно встрѣтило двойное сопротивленіе и со стороны привилегированныхъ корпорацій и со стороны ихъ враговъ.

До сихъ поръ королевское правительство побѣждало всѣ препятствія, потому что его интересы совпадали съ интересами народа. Теперь же эти интересы разошлись. Соціальное и политическое объединеніе Франціи могло быть довершено только при отрицаніи феодальнаго принципа, отождествлявшаго государственную власть съ собственностью (съ помѣстьемъ). Но короли не хотѣли отказаться отъ своей собственности, отъ своихъ привилегій и потому не были въ состояніи уничтожить прочихъ привилегій. Препятствіе могло быть побѣждено только во имя высшаго принципа, во имя всенародныхъ интересовъ, но въ пользу этого принципа пришлось бы и королевской власти сдѣлать уступки. Королямъ пришлось бы управлять не во имя своего права, а во имя народной воли. На это могла согласиться только новая власть, революціонная династія, возникшая изъ нѣдръ народной жизни, но этого не могла сдѣлать историческая династія, смотрѣвшая по преданіямъ своего историческаго права на государство, какъ на свое созданіе и достояніе, какъ на свою вотчину.

Оттого французское общество не захотѣло поддержать реформъ, исходившихъ по прежнему изъ доброй воли—le bon plaisir — короля, но пожелало быть обязаннымъ своимъ прогрессомъ только самому себѣ. Отсюда трагическое положеніе королевской власти въ послѣднемъ ея періодѣ: первымъ дѣломъ преемника Людовика XV, первой уступкой молодаго короля общественному мнѣнію была отмѣна всѣхъ полезныхъ реформъ, восхваленныхъ Вольтеромъ въ вышеприведенномъ письмѣ, —возстановленіе парламента со всѣми его привилегіями, со всѣми злоупотребленіями и несообразностями его процедуры, накопившимися съ среднихъ вѣковъ.

Эта уступка, вызванная желаніемъ примириться съ народомъ, была собственно отреченіемъ королевской власти и характеристическимъ предзнаменованіемъ послѣдняго царствованія старой монархіи. Такимъ же точно образомъ Людовику XVI пришлось отказаться отъ всѣхъ даже собственныхъ своихъ реформъ; и какъ первымъ дѣйствіемъ этого короля было возстановленіе феодальнаго парламента въ угоду общественному мнѣнію, — такъ подобное же возстановленіе этого парламента (въ 1788 году) было послѣднимъ

дѣйствіемъ Людовика XVI передъ созваніемъ Генеральныхъ Штатовъ и передачею власти въ руки народныхъ представителей.

Такимъ образомъ мы полагаемъ, что историческій характеръ королевской власти во Франціи, вліяніе католической церкви и особенныя условія историческаго развитія французскаго общества,—выросшаго въ ненависти къ привилегіямъ, созрѣвавшаго подъ вліяніемъ платонической любви къ демократіи, внезапно пробужденнаго литературой къ сознанію своихъ правъ и своей силы и съ того времени противившагося всякой реформѣ, исходившей отъ центральной власти — были главными причинами того, почему періодъ абсолютизма королевской власти не привелъ къ полному уничтоженію феодальнаго строя въ обществѣ и государствѣ, и почему послѣднія два царствованія отличались именно старческою немощью, нерѣшительностью и непослѣдовательностью во внутренней политикѣ.

Такія соображенія подтверждаются, по нашему мнѣнію, при сравненіи исторіи Франціи съ общей европейской исторіей XVIII вѣка. Въ исторіи Европы, обыкновенно указываютъ на благодѣянія такъ называемаго *просвѣщеннаго деспотизма* и на содѣйствіе, оказанное имъ цивилизаціи. Сравнивая реформы, проведенныя напр. Фридрихомъ Великимъ въ его странѣ, съ современнымъ ему эгоистическимъ и развратнымъ царствованіемъ Людовика XV или съ малодушнымъ и непослѣдовательнымъ правленіемъ его внука, историки поневолѣ сводили все различіе на личныя свойства государей и выражали сожалѣніе, что на французскомъ престолѣ не было вмѣсто Людовика XV просвѣщеннаго и энергическаго монарха, который бы воспользовался громадной силой центральной администраціи и освободилъ бы свое отечество отъ развалинъ и хлама феодальнаго строя. Тогда, говорятъ эти историки, полезныя реформы стали бы вводиться постепенно и умѣренно, радикальная революція была бы предупреждена, вся Европа была бы избавлена отъ 20-лѣтняго потрясенія и кровопролитія, и ужасы террора не повлекли бы за собой реакціи и недовѣрія къ политической свободѣ [1]).

---

[1]) Вспомнимъ краснорѣчивыя и полныя грусти слова Токвиля: «Un prince absolu eût été un novateur moins dangereux. Pour moi, quand je considère que cette même révolution, qui a détruit tant d'institutions, d'idées, d'habitudes contraires à la liberté, en a, d'autre part, aboli tant d'autres dont celle-ci peut à peine se passer, j'incline à croire qu'accomplie par un despote, elle nous eût peut-être laissés moins impropres à devenir un jour une nation libre que faite au nom de la souveraineté du peuple et par lui.»

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, какія преимущества представляла бы для Франціи монархическая революція въ началѣ XVIII вѣка передъ антимонархической, случившейся въ концѣ столѣтія, мы постараемся указать на причину, заставлявшую историковъ, а вслѣдъ за ними и общество, приписывать личнымъ свойствамъ двухъ или трехъ послѣднихъ королей старой монархіи такое вліяніе на судьбу Франціи и всей Европы.

Историческая наука подобна восходящему солнцу, которое, освѣщая сперва вершины и возвышенности, только впослѣдствіи и постепенно проливаетъ свой свѣтъ на равнины. По свойству своего матеріала и источниковъ, исторія всегда лучше знала судьбу вождей, чѣмъ судьбу ихъ народовъ, жизнь дворовъ, чѣмъ жизнь общества, идеи философовъ, чѣмъ убѣжденія массы. Въ нашъ вѣкъ историческая наука старается глубже проникнуть въ свой предметъ, но еще въ такомъ выдающемся произведеніи, какъ Исторія Шлоссера XVIII вѣка, описаніе маленькихъ нѣмецкихъ дворовъ и характеристика главныхъ литературныхъ произведеній составляютъ почти исключительное содержаніе главъ, посвященныхъ бытовой исторіи. И это происходило не только потому, что жизнь многочисленныхъ дворовъ составляла въ то время дѣйствительно очень выпуклую черту тогдашняго общественнаго быта, а потому, что большая часть общества была почти нѣма, и историку чрезвычайно было трудно прислушаться къ ея убѣжденіямъ. Такое невольное свойство исторической науки должно было вкоренить въ насъ привычку, при всякомъ зарождающемся вопросѣ о причинахъ явленій, прежде всего взглянуть на вождей и правителей и въ личномъ ихъ характерѣ искать разгадку событій. Эта привычка еще должна была усилиться вслѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго на насъ тремя колоссальными по силѣ и генію личностями, слѣдовавшими другъ за другомъ на разстояніи одного поколѣнія — Петромъ Великимъ, Фридрихомъ и Наполеономъ. Но изслѣдуя вліяніе подобныхъ личностей на окружавшій ихъ міръ, мы не должны ограничиваться разсмотрѣніемъ ихъ индивидуальныхъ чертъ и дарованій, а прежде всего познакомиться съ общественной почвой, которая была предметомъ ихъ дѣятельности и на которой они выросли. При такомъ пріемѣ, нашъ взглядъ на историческую роль просвѣщеннаго деспотизма можетъ значительно измѣниться. Остановимся для примѣра на Фридрихѣ Великомъ. Онъ сталъ до того высоко надъ своими предшественниками, что только благодаря ему Европа стала знать имена его предковъ, но все это лишь потому,

что историографія его невольно обособляетъ отъ его предшественниковъ и отъ окружавшаго его общества; при ближайшемъ разсмотрѣніи однако оказывается, что Фридрихъ во многихъ существенныхъ чертахъ своихъ реформъ былъ только продолжателемъ своихъ предковъ. Его прадѣдъ произвелъ финансовую реформу въ союзѣ съ городами, вопреки желанію дворянства, его отецъ освободилъ крестьянъ на государственныхъ доменахъ. Но что гораздо важнѣе, при сравненіи среды, въ которой жилъ Фридрихъ Великій, съ условіями, при которыхъ пришлось бы дѣйствовать подобной личности на французскомъ престолѣ, мы убѣждаемся, что эти условія почти противоположнаго свойства. Во Франціи, мы видимъ старинную династію, почти 1000 лѣтъ носившую французскую королевскую корону и помазанную елеемъ св. Елигія — представительницу легитизма, т. е. всѣхъ правъ, освященныхъ религіей, давностью и исторической жизнью. Въ Пруссіи мы имѣемъ дѣло съ молодой, революціонной династіей, которая сама, своими трудами, пробивала себѣ дорогу и каждымъ своимъ возвышеніемъ наносила удары старому историческому строю. Эта династія незнатнаго рода (parvenu) въ сравненіи съ Вительсбахами и Вельфами; ея корни не теряются во мракѣ исторіи, на памяти людей предки прусскаго короля были служилыми людьми германскаго императора. Гогенцоллерны съ начала XV вѣка владѣли Бранденбургомъ, съ XVI вѣка Пруссіей, съ начала XVII вѣка своими прирейнскими областями, они долго довольствовались званіемъ маркграфскимъ, потомъ получили титулъ курфиршескій, наконецъ за нѣсколько лѣтъ до рожденія Фридриха Великаго королевскую корону. Это былъ молодой стволъ, роскошно и быстро развившійся изъ великаго пня „Священной Римской Имперіи Германской націи“.

Обстановка двора, среди котораго воспитываются принцы этого дома, была совершенно иная, чѣмъ Версальская. Несмотря на всѣ подражанія Версалю, придворныя званія, французскія манеры, причудливые сады, во всей придворной прусской жизни было чрезвычайно много патріархальнаго. Пруссія до Фридриха Великаго еще не представляла *государства* въ теперешнемъ смыслѣ, а напоминала *хозяйство* въ старинномъ смыслѣ этого слова.

Вспомнимъ Фридриха Вильгельма I, просматривающаго счеты своихъ арендаторовъ, выдающаго королевѣ деньги на хозяйственные расходы, собственноручно расправляющагося на улицѣ съ горожанами Берлина, преступившими его распоряженіе о платьяхъ

и пр. Особенности воспитанія и духа Гогенцоллернскихъ принцевъ еще болѣе были обусловлены совершенно инымъ вліяніемъ и положеніемъ прусской церкви сравнительно съ французскою. Протестантская церковь не сковывала духовной и государственной жизни преданіемъ и не заставляла принимать политическую и умственную неподвижность за благочестіе. Насильственно оторвавшись отъ католичества или латинства, протестантизмъ, напротивъ, ставилъ государственную власть и общество въ враждебное отношеніе къ средневѣковымъ порядкамъ и воззрѣніямъ. Хотя, какъ извѣстно, протестантизмъ, въ эпоху своей борьбы за существованіе и полемики съ протестантскимъ расколомъ, не отличался терпимостью, но вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ прусскія владѣнія сдѣлались какъ бы нейтральною областью различныхъ религій, и Гогенцоллерны, принадлежавшіе по своему исповѣданію къ меньшинству своихъ подданныхъ, не только рано привыкли къ религіозной терпимости, но первые изъ государей стали слѣдовать политикѣ примиренія и соединенія церквей. Кромѣ того, такъ какъ реформація въ прусскихъ земляхъ была произведена государственной властью, то церковь въ Пруссіи не только стала въ подчиненное положеніе къ государству, но чрезвычайно усилила его своимъ авторитетомъ. И въ общественномъ положеніи вліяніе реформаціи было тѣмъ знаменательно, что уничтоживши прелатуры и бенефиціи (за исключеніемъ немногихъ каноникатовъ для вдовъ и незамужнихъ женщинъ), она лишила дворянство сильной матеріальной и духовной поддержки, демократизировала церковь и внесла этотъ же духъ въ администрацію.

Но и помимо всего этого, прусское дворянство далеко не могло сравниться въ силѣ и вліяніи съ французскимъ. Оно не образовалось, какъ почти вся высшая французская аристократія, изъ *феодальныхъ суверенова* (верховныхъ державцевъ въ своихъ владѣніяхъ), а большею частью изъ служилыхъ людей — министеріаловъ (служителей) династіи (въ собственной Пруссіи изъ рыцарей нѣмецкаго ордена). Во Франціи феодальные суверены и ихъ вассалы сплотились подъ давленіемъ королевской власти въ одну аристократическую касту съ *шляхетскимъ* характеромъ и сеньёріальными притязаніями на верховенство, т. е., на прерогативы государственной власти въ своихъ помѣстьяхъ; въ Германіи же эти два класса совершенно разобщились; почти всѣ феодальные суверены сдѣлались въ Германіи независимыми членами Имперской федераціи съ государственной властью (Reichs-

unmittelbar); ихъ вассалы же почти всѣ были обращены въ служилыхъ людей этихъ мелкихъ государей.

Но еще большаго вниманія, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ историческій характеръ страны и нравственное состояніе общества. Прусскія владѣнія XVIII вѣка представляютъ намъ земли съ чрезвычайно молодою историческою жизнью и очень отставшія въ цивилизаціи не только отъ Франціи и Англіи, но и отъ юго-западныхъ областей Германіи. Бранденбургъ былъ завоеванъ и колонизованъ нѣмцами только въ XII столѣтіи, а собственно Пруссія въ XIII с., т. е. въ такое время, когда Франція при Людовикѣ Святомъ переживала свою послѣднюю, чисто феодальную эпоху, а Нѣмецкая имперія уже доживала, при Гогенштауфенахъ, періодъ своего дѣйствительнаго могущества. Въ противоположность характеру старинныхъ нѣмецкихъ областей, въ Прусскихъ владѣніяхъ почти не было значительныхъ городовъ. Берлинъ, въ первый разъ, упоминается въ то время, когда Парижъ уже считался міровымъ городомъ и былъ умственнымъ центромъ Европейской науки и цивилизаціи [1]), и только въ XVIII вѣкѣ Берлинъ числомъ своего населенія перешелъ цифру 50,000 и украсился первыми замѣчательными зданіями и памятниками.

Въ прусскихъ городахъ жило небогатое, неразвитое и мирное населеніе безъ историческихъ воспоминаній, безъ соперничества съ дворянствомъ, безъ сознанія своей солидарности съ городскими жителями прочихъ областей Германіи. Насколько объединяющая исторія Франціи и централизація ея управленія сплотили въ одну однородную массу жителей ея областей, настолько политическое раздробленіе Германіи разобщило ея жителей и препятствовало развитію народнаго сознанія и демократическаго духа въ городскомъ сословіи. Литература, которая впослѣдствіи пробудила это сознаніе, во время молодости Фридриха Великаго, только содѣйствовала сонливости общества.

Въ то время, когда французы всѣхъ классовъ воспитывались на *персидскихъ письмахъ*, на *посланіи къ Ураніи* и на рукописныхъ стихахъ *Орлеанской дѣвы*, въ Германіи вниманіе нѣмецкой читающей публики было поглощено споромъ между Готшедомъ и швейцарскими литераторами о томъ, составляетъ ли разсудокъ или фантазія источникъ поэзіи и заключается ли цѣль ея въ дидактикѣ или въ подражаніи природѣ!

---

[1]) Въ Lendit rimé (XIII в.) поэтъ восхваляетъ Парижъ: «qui est du monde la meilleur». См. Springer: Paris im XIII Jahrh.

Еще болѣе, чѣмъ городскіе жители, отстало въ политическомъ развитіи сельское населеніе. Оно большею частью находилось еще въ крѣпостномъ состояніи и не видѣло, подобно французскимъ крестьянамъ, въ своихъ помѣщикахъ ненавистныхъ узурпаторовъ, ничтожныхъ предъ лицемъ администраціи, а видѣло въ нихъ Богомъ поставленныя власти, естественныхъ посредниковъ между собою и государствомъ, — непонятнымъ для этихъ крестьянъ, ощутительнымъ для нихъ только своимъ гнетомъ. Во многихъ мѣстностяхъ Пруссіи кромѣ того крестьяне даже не принадлежали къ нѣмецкой народности.

Тогда какъ во Франціи, при всѣхъ привилегіяхъ и при всей разобщенности сословій, съ каждымъ годомъ, усиливалось умственное ихъ объединеніе, —разбогатѣвшій крестьянинъ спасался въ городъ, разбогатѣвшій ремесленникъ покупалъ сыну казенную должность и всѣ зажиточныя семьи третьяго сословія спѣшили сравниться съ дворянствомъ образомъ жизни, способомъ воспитанія дѣтей, характеромъ литературнаго образованія, —въ это время, въ Пруссіи всѣ классы при отсутствіи взаимной вражды были разобщены и равнодушны другъ къ другу и негдѣ было развиться обширному и сильному общественному мнѣнію.

Такимъ образомъ отсутствіе могущественнаго общественнаго мнѣнія, которое могло бы задерживать или предупреждать правительство, отсутствіе церковныхъ и общественныхъ учрежденій со славнымъ прошедшимъ и исключительными (привиллегированными) интересами, сравнительная историческая моложавость націи и несложность государственнаго организма, и наконецъ отсутствіе народнаго самосознанія, которое выражалось въ богатой политической и философской литературѣ, — все это, повидимому, составляетъ главныя условія, при которыхъ единичная власть и индивидуальная воля способны произвести переворотъ въ народной жизни или по крайней мѣрѣ вдохнуть въ нее новую силу, направить ее и наложить на нее печать своего генія. Не даромъ, чѣмъ далѣе мы идемъ на востокъ, тѣмъ болѣе ощутительны и глубоки становятся реформы, произведенныя правительствомъ, и тѣмъ благотворнѣе историческое призваніе такъ называемаго просвѣщеннаго или геніальнаго абсолютизма. Необходимо также, конечно, чтобы для него былъ надлежащій просторъ, т. е. чтобы достаточно велико было разстояніе въ матеріальной и политической культурѣ между передовыми народами европейской

цивилизаціи и тѣмъ обществомъ, въ которомъ должна происходить реформа.

Такимъ образомъ если мы сравнимъ положеніе Франціи въ XVIII вѣкѣ съ положеніемъ Германіи, Россіи и вообще другихъ странъ, лежавшихъ отъ нея на востокѣ и уступавшихъ ей въ культурѣ, то мы убѣдимся, что еслибы королевское правительство во Франціи и оторвалось отъ своихъ преданій и перешло бы въ руки единой, энергической воли, то эта воля едва ли была бы въ состояніи дѣйствовать съ такимъ успѣхомъ и проводить въ жизнь такія глубокія реформы, какъ въ странахъ восточной Европы, гдѣ правительство не находило никакой или почти никакой оппозиціи со стороны общества, такъ какъ народная жизнь тамъ главнымъ образомъ сосредоточивалась въ правительствѣ и общество не простирало своихъ интересовъ далѣе самой тѣсной, насущной жизненной сферы.

Какую оппозицію могло бы встрѣтить со стороны общества французское правительство и какія оно могло бы вызвать замѣшательства, если бы задумало, вопреки желанію церкви и привилегированныхъ классовъ, водворить у себя программу „просвѣтительнаго деспотизма“, — объ этомъ даетъ наглядное понятіе столь поучительная бельгійская революція, вызванная въ 80 годахъ прошлаго вѣка либеральными реформами императора Іосифа II.

Но какими причинами мы бы ни объясняли узкую и рутинную политику королевскаго правительства во Франціи, его преданность преданію и привилегіямъ, его слабый, нерѣшительный и непослѣдовательный починъ, относительно самыхъ настоятельныхъ реформъ — весь этотъ фактъ имѣлъ самыя важныя, историческія послѣдствія. Королевская династія Франціи, исполнивши свою историческую роль, сплотивши государство и сосредоточивши политическую жизнь разнообразныхъ территорій въ одномъ центрѣ, создавши изъ различныхъ по языку, нраву и обычаямъ племенъ французскій народъ и объединивши его въ служеніи одному дому и въ сознаніи общаго отечества — *остановилась* въ своей исторической жизни. Королевская династія, основавшая французское государство среди феодальнаго хаоса, столь неутомимо боровшаяся съ феодализмомъ и безпощадно искоренявшая его въ области государственной жизни — *устала* въ этой борьбѣ и дозволила феодализму существовать въ худшемъ своемъ проявленіи,

въ общественной жизни, въ видѣ привилегій, разгоражавшихъ общество на чуждые и враждебные другъ другу слои.

А между тѣмъ процессъ объединенія французскаго государства и французской націи продолжался помимо воли королевскаго правительства. Изъ-за ветхихъ перегородокъ, которыя отдѣляли провинціи французской монархіи, пробивался духъ націи, сознававшей свое единство; изъ-за привилегій, которыя отдѣляли сословія, классы и индивидумы одного и того же сословія, все быстрѣе и быстрѣе созрѣвало сознаніе гражданской связи и симпатіи между лучшими представителями всѣхъ слоевъ общества. Старая Франція достигла въ концѣ XVIII вѣка того момента, когда подъ феодальнымъ покровомъ незамѣтно созрѣлъ совершенно новый организмъ. Ее можно сравнить съ колоколомъ, который уже совершенно отлитъ, но котораго еще не видно изъ-за глиняной формы. Нужно было разбить эту форму; нужно было совершить то, что описываетъ поэтъ въ своей пѣснѣ о колоколѣ:

Nun zerbrecht mir das Gebäude —
Seine Absicht hat's erfüllt,
Dass sich Herz und Auge weide
An dem wohlgelungnen Bild.
Schwingt den Hammer, schwingt,
Bis der Mörtel springt;
Wenn die Glock soll auferstehn,
Muss die Form in Stücke gehn [1]).

Глиняная форма была разбита въ ночь на 4 августа 1789 года: феодальный покровъ, отдѣлявшій новую Францію отъ старой, былъ сорванъ Національнымъ Собраніемъ. Но это окончательное объединеніе Французскаго государства и французской націи совершалось не во имя королевской власти, а во имя идеи верховной власти народа, во имя народовластія (Souveraineté nationale), т. е. *республиканскаго* принципа.

---

[1]) Мы привели этотъ отрывокъ изъ Шиллеровой «пѣсни о колоколѣ» въ оригиналѣ, потому что два изъ извѣстныхъ намъ перевода совершенно неудовлетворительны, а въ отличномъ переводѣ Мина въ данномъ мѣстѣ не переданъ тотъ оттѣнокъ смысла, который даетъ возможность сравнить скрытое отъ глазъ отливаніе колокола съ быстрымъ, незамѣтнымъ созиданіемъ государства и духовнымъ объединеніемъ націи, а разрушеніе глиняной формы — съ насильственнымъ устраненіемъ феодальныхъ формъ, подъ которыми сложился новый строй.

Если бы мы пожелали теперь точнѣе формулировать отвѣтъ на вопросъ, къ чему привела Францію ея исторія — къ республикѣ или монархіи, то мы въ состояніи это сдѣлать только съ помощью нѣсколькихъ оговорокъ. Предшествующая исторія страны не тяготѣетъ, какъ неизбѣжный фатумъ, надъ всей ея будущей судьбой. Исторія только подготовляетъ почву для будущаго; отъ почвы зависитъ весьма многое, но многое также зависитъ отъ рукъ ее обработывающихъ, отъ посѣянныхъ сѣмянъ и отъ наружныхъ, случайныхъ вліяній. Формы государственнаго устройства устанавливаются не всегда по потребностямъ или желаніямъ большинства народа или руководящаго класса, но зависятъ также отъ вліянія сосѣднихъ странъ, отъ степени успѣха, который онѣ могутъ обезпечить странѣ въ международныхъ отношеніяхъ, а главное отъ характера свойствъ, программы и политическаго такта различныхъ партій, представляющихъ собою ту или другую форму правленія, отъ способности и популярности вождей этихъ партій. Наконецъ, какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи, формы не смѣняются безъ переходовъ и колебаній.

Въ XVIII вѣкѣ во Франціи,—гдѣ до этого времени историческое развитіе государства было тождественно съ усиленіемъ королевской власти,—произошелъ разрывъ между принципомъ королевской власти и дальнѣйшимъ политическимъ развитіемъ государства. Но этотъ разрывъ, конечно, еще не сдѣлалъ монархію во Франціи невозможной, и поворотъ Франціи къ республикѣ, который она совершила въ 1789 году, принявши за свое политическое знамя принципъ народовластія, не обезпечилъ ей республиканскаго образа правленія. Напротивъ, отъ провозглашенія первой Имперіи послѣ революціи до паденія второй Имперіи въ теченіи 66 лѣтъ, почти безъ перерыва, Франція управлялась монархически. Если мы разсмотримъ характеръ этого послѣдняго монархическаго періода, постараемся распознать силы, поддерживавшія монархическій принципъ и причины, вызывавшія снова монархію, то мы убѣдимся, что таковыхъ причинъ довольно много, что онѣ глубоко коренятся въ государственномъ устройствѣ и положеніи вещей и потому въ состояніи и впредь обезпечить торжество монархіи надъ республикой. Главныя изъ этихъ причинъ слѣдующія: сила историческаго преданія, память о нѣкогда чистомъ союзѣ церкви и высшихъ классовъ съ монархіей — или *легитимизмъ;* далѣе, крайняя административная централизація Франціи, которая болѣе свойственна монархическому, чѣмъ рес-

публиканскому образу правленія, и потому легче уживается съ монархіей; военные инстинкты французскаго народа, большая постоянная армія, особенно же войны, которыя вела Франція или которыя она впредь будетъ вести — все это должно предрасполагать страну къ монархіи и въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ внезапно ее возродить; наконецъ католическая церковь, руководствуясь своими интересами, можетъ найти нужнымъ положить свою громадную тяжесть на вѣсы монархіи. Но въ то же время, мы замѣчаемъ, что та монархія, которая главнымъ образомъ основана на непрерывности историческаго преданія, на абсолютномъ, въ самомъ себѣ коренящемся принципѣ монархіи, легитимистическая, наименѣе популярна во Франціи и наименѣе имѣетъ будущности. Популярна была и осталась несмотря на военную неудачу, которая два раза прекратила ея существованіе, только та монархія (имперія), которая, хотя только формально, но признала надъ собою принципъ народовластія, т. е. приняла характеръ гражданской и военной диктатуры.

Такимъ образомъ самый характеръ и судьба французской монархіи въ XIX вѣкѣ свидѣтельствуютъ о торжествѣ, которое одержала республиканская идея съ провозглашеніемъ принципа народовластія, и подтверждаютъ сдѣланный нами выводъ, что ходомъ своей исторіи Франція предназначена быть *республикой*. Но съ другой стороны, принципа народовластія, конечно, недостаточно, чтобы обезпечить во Франціи *прочность* республиканской формы. Идея народовластія встрѣчается и въ другія историческія эпохи и уживалась съ различными формами правленія. Въ самой Франціи она была извѣстна уже съ XV вѣка; она свободно развивалась и пропагандировалась въ іезуитскихъ семинаріяхъ XVII и XVIII вѣковъ и однако не служила при этомъ отрицаніемъ власти французскихъ королей. Только когда эти короли отказались руководить Франціей на пути политическаго прогресса, принципъ народовластія принялъ во Франціи этотъ враждебный монархіи оттѣнокъ и сдѣлался боевымъ орудіемъ литературы и публицистики въ борьбѣ съ монархіей. Этимъ между прочимъ объясняется громадный успѣхъ, который имѣли политическія теоріи Руссо, изложенныя въ его Contrat Social. Его отвлеченныя выкладки, болѣе напоминающія математическую, чѣмъ политическую задачу, перестали быть утопическими мечтаніями политическаго отшельника, но получили какъ бы практическую почву, оказались выраженіемъ оппозиціи противъ монархіи и сдѣлались поли-

тической программой и символомъ вѣры цѣлой массы лицъ, которыя были однако неспособны понять или даже прочесть ихъ. Этотъ принципъ народовластія и теперь еще составляетъ для многихъ во Франціи главную приманку республики, а по понятіямъ многихъ даже исчерпываетъ собою все значеніе и назначеніе республики. Но, конечно, будущность республики во Франціи не зависитъ исключительно отъ силы вѣры въ этотъ принципъ и отъ степени его распространенія. Упрочится-ли во Франціи республика, т. е. исполнится ли завѣтъ исторіи, какъ будто данный ей XVIII вѣкомъ, — это зависитъ отъ того, насколько эта республика или партія и люди, являющіеся ея представителями, поймутъ свою историческую задачу. Республика во Франціи зародилась въ минуту борьбы со старымъ началомъ и насильственнаго разрушенія феодальныхъ остатковъ, съ которыми не хотѣла разстаться королевская власть. Съ тѣхъ поръ, съ идеей республики во Франціи связанъ оттѣнокъ насилія и разрушенія. Въ этомъ видятъ главную ея прелесть многіе фанатическіе ея приверженцы; въ то-же время, ряды ея недоброжелателей, опасаются главнѣйше этого духа насилія и разрушенія, который связываютъ, по историческимъ воспоминаніямъ, съ понятіемъ о республикѣ. Но разрушеніе стараго не можетъ исчерпывать исторической задачи никакой политической партіи. И потому будущность республики во Франціи зависитъ отъ того, съумѣетъ ли она свое разрушительное направленіе замѣнить созидающимъ, съумѣетъ ли она повести Францію по пути историческаго прогресса, или же въ этомъ отношеніи она окажется также безсильной, какъ безсильна была въ прошедшемъ вѣкѣ старая монархія.

Москва. 1873 г.

АНСИЛЬОНЪ И КРУГЪ[1]).

Б. Н. ЧИЧЕРИНА.

I.

Ансильонъ примыкаетъ къ исторической школѣ. Также какъ послѣдняя, онъ отрывается отъ данныхъ отношеній и держится теоріи органическаго развитія, поставляя цѣлью государства охраненіе свободы и права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, на него имѣло огромное вліяніе ученіе Монтескьё. Въ своихъ изслѣдованіяхъ, Ансильонъ имѣлъ въ виду не столько построеніе теоріи права, сколько опредѣленіе условій правильнаго устройства и развитія государствъ. Въ этомъ отношеніи, Монтескьё представляется ему высшимъ образцомъ. Можно сказать, что все его политическое воззрѣніе ничто иное, какъ теорія Монтескьё, видоизмѣненная началомъ органическаго развитія и приспособленная къ идеямъ и потребностямъ XIX вѣка.

Ансильонъ былъ однимъ изъ главныхъ представителей умѣ-

---

[1]) Предлагаемая статья есть отрывокъ изъ приготовляющейся къ печати IV-й части сочиненія автора «*Исторіи политическихъ ученій*». Эта статья содержитъ въ себѣ характеристику первоначальныхъ либеральныхъ и національныхъ стремленій Германіи въ нынѣшнемъ столѣтіи.

реннаго либерализма первой четверти нынѣшняго столѣтія, въ Германіи. Изъ многочисленныхъ его произведеній по части философіи, исторіи и политики, для насъ имѣютъ значеніе два: вышедшая въ 1815 году небольшая книжка *О верховенствѣ и государственныхъ учрежденіяхъ* (Ueber Souveränität und Staatsverfassungen), и болѣе обширное сочиненіе *О духѣ государственныхъ учрежденій* (Ueber den Geist der Staatsverfassungen), изданное въ 1825 году. Первое изъ этихъ сочиненій заключаетъ въ себѣ всю сущность его взглядовъ.

Ансильонъ начинаетъ съ опроверженія теоріи договора, на которой философы XVIII вѣка строили государство. Эта теорія, говоритъ онъ, предполагаетъ человѣка первоначально въ такъ называемомъ состояніи природы, то есть, чисто животной жизни. Но такое состояніе противорѣчитъ человѣческому естеству. Человѣкъ специфически отличается отъ животныхъ. Это не просто органическое существо, вѣчно остающееся на одной ступени, а разумъ, одаренный органами и имѣющій способность къ безконечному совершенствованію. Нѣтъ такого состоянія человѣка, которое бы преимущественно передъ другими можно было назвать естественнымъ. Всего естественнѣе для него то, что всего болѣе подходитъ къ его назначенію. Предполагать же его первоначально въ состояніи животномъ значитъ отрицать въ немъ человѣчность. Человѣка съ самаго начала, какъ и впослѣдствіи, можно представить только въ состояніи общежитія, ибо оно одно соотвѣтствуетъ его естеству [1]).

Отсюда слѣдуетъ, что нѣтъ и такъ называемаго естественнаго права. Есть только право, вытекающее изъ понятій, и право, вытекающее изъ фактовъ. Какъ скоро мы представляемъ себѣ человѣка, дѣйствующаго во внѣшнемъ мірѣ и находящагося въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, такъ изъ взаимнодѣйствія ихъ свободы вытекаютъ и взаимныя ограниченія свободы, слѣдовательно права и соотвѣтствующія имъ обязанности. Но для того, чтобы этотъ законъ былъ сознанъ и перешелъ въ дѣйствительность, необходимо, чтобы человѣкъ находился въ состояніи общежитія [2]).

Это состояніе, развиваясь, принимаетъ различныя формы Оно начинается съ семейной жизни и черезъ племя переходитъ въ государство. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что семейство соста-

---

[1]) Ueber Souveränität etc., стр. 1—4.
[2]) Тамъ же, стр. 5—6.

вляетъ естественную, а государство искуственную форму общежитія. Государство столь же необходимо вытекаетъ изъ человѣческой природы, какъ и семейство. Человѣкъ, для того чтобы сдѣлаться вполнѣ человѣкомъ, долженъ вступить въ государство. Это не простая необходимость природы, а необходимая цѣлесообразность разума, которая сознается человѣкомъ, какъ скоро онъ обдумываетъ свои отношенія къ другимъ. Поэтому нѣтъ нужды прибѣгать къ вымышленному договору, чтобы объяснить правомѣрность государства. Такой договоръ не только не можетъ быть указанъ въ исторіи, но онъ противорѣчитъ человѣческой природѣ, ибо онъ предполагаетъ, что государство есть дѣло произвола, тогда какъ оно составляетъ первое и необходимое условіе сохраненія и развитія разума и свободы. Какъ скоро мы умозрительно представляемъ себѣ дѣло человѣчества, — всестороннее развитіе человѣчности, — такъ изъ этого вытекаетъ необходимость гражданскаго порядка, какъ правомѣрнаго принужденія для охраненія внѣшней свободы, ибо это одно можетъ содѣйствовать развитію свободы внутренней. Гражданскій порядокъ можно также представить, какъ сопоставленіе многихъ силъ, которыя, съ одной стороны, противополагаясь другъ другу, съ другой стороны, дѣйствуя совокупно, вырабатываются во всемъ своемъ разнообразіи [1]).

Государство есть, слѣдовательно, приведеніе множества къ единству, совокупленіе отдѣльныхъ физическихъ лицъ въ единое нравственное лице или въ одно органическое цѣлое. Это единеніе совершается верховною властью, которая такимъ образомъ составляетъ жизненное начало и источникъ бытія всякаго гражданскаго союза. Пока ея нѣтъ, нѣтъ и государства, а существуютъ только разсѣянныя единицы; черезъ нее народъ изъ сборной толпы становится народомъ. Поэтому нельзя утверждать, что верховная власть принадлежитъ народу или отъ него исходитъ, ибо народъ именно ей обязанъ своимъ бытіемъ. Но съ другой стороны, она существуетъ только для народа; народъ есть цѣль, а верховная власть средство. Потому она не составляетъ собственности облеченнаго ею лица, а возлагается на него, какъ обязанность. Подданные имѣютъ неотчуждаемыя права, которымъ въ государѣ соотвѣтствуютъ ненарушимыя обязанности. Права князя основаны единственно на его обязанностяхъ [2]).

---

[1]) Ueber Souveränität etc., стр. 8—11.
[2]) Тамъ же, стр. 11—14.

Сущность верховной власти состоитъ въ томъ, что она даетъ обществу законы и тѣмъ подчиняетъ разсѣянныя единичныя воли единству общей воли. Законъ есть, слѣдовательно, выраженіе общей воли, какъ опредѣлялъ его Руссо. Съ другой стороны, законъ, по опредѣленію Монтескьё, есть человѣческій разумъ, обращенный на изслѣдованіе особенныхъ свойствъ и отношеній извѣстнаго народа. Оба эти опредѣленія вѣрны, если понять ихъ надлежащимъ образомъ. Общая воля, когда она не увлекается страстями и частными интересами, хочетъ того, чего требуетъ разумъ; разумъ же, съ своей стороны, рано или поздно непремѣнно переходитъ въ общую волю. Но гораздо лучше производить общую волю изъ разума, нежели разумъ изъ общей воли. Если мы общею волею будемъ считать не то, что требуется разумомъ, а то, чего хочетъ масса, мы придемъ къ ложному смѣшенію общей воли съ волею всѣхъ, или же, вмѣстѣ съ Руссо, мы должны будемъ прибѣгнуть къ совершенно несостоятельнымъ способамъ для извлеченія общей воли изъ безконечнаго разнообразія частныхъ мнѣній. Воля толпы рѣдко совпадаетъ съ требованіями разума [1]).

Разумъ указываетъ на общую цѣль государства, также какъ онъ указываетъ и на всѣ цѣли, опредѣляемыя общими, безусловными идеями. Эта цѣль есть гармоническое развитіе человѣка, посредствомъ свободы и правды. Средства же къ достиженію этой цѣли, въ приложеніи къ отдѣльному государству, опредѣляются умомъ, который изслѣдуетъ частныя отношенія и согласуетъ ихъ съ общими понятіями. Разумность положительныхъ законовъ состоитъ въ высшей ихъ относительности. Они вытекаютъ изъ состоянія даннаго народа и опредѣляются всѣми существующими въ немъ отношеніями. Они, въ нѣкоторомъ смыслѣ, должны вырабатываться сами собою; законодатель только высказываетъ ихъ, подмѣчая существующія отношенія и соображая послѣднія съ общею цѣлью государства [2]). Никто не понялъ этой истины такъ ясно, какъ Монтескьё; для него философія законодательства ничто иное, какъ наука отношеній [3]). Такъ какъ нѣкоторыя отношенія остаются постоянно, а другія измѣняются, то законодательство должно заключать въ себѣ оба элемента: постоянство и подвиж-

---

[1]) Ueber Souv. etc., стр. 14—15.
[2]) Тамъ же, стр. 16.
[3]) Тамъ же, стр. 48.

ность. Соображая настоящее, законодатель долженъ имѣть въ виду какъ прошедшее, такъ и будущее. Безъ постоянства, онъ ежеминутно разрываетъ связь съ прошедшимъ; безъ подвижности, онъ закрываетъ путь для будущаго. Законъ относительности долженъ прилагаться къ отношеніямъ обоего рода, какъ къ постояннымъ, такъ и къ измѣнчивымъ [1]).

Устройствомъ верховной, то есть, законодательной власти опредѣляется различіе образовъ правленія. Раздѣленіе властей по отраслямъ, — на законодательную, исполнительную и судебную, — составляетъ вопросъ второстепенный, хотя и оно имѣетъ свое значеніе. Верховная власть можетъ быть нераздѣльная или раздѣльная, простая или сложная. Первая форма, въ свою очередь, подраздѣляется на монархію, аристократію и демократію, смотря по тому, кому присвоивается власть. Хотя въ дѣйствительности каждый изъ этихъ элементовъ является съ примѣсью другихъ, однако раздѣленіе по основному началу власти имѣетъ достаточно опредѣленности. Деспотія же, также какъ и анархія, вовсе не могутъ быть причислены къ образамъ правленія, ибо въ обѣихъ нѣтъ верховной власти, то есть общей воли, выражающейся въ *законѣ*. Въ деспотіи рѣшаетъ произволъ одного лица, а въ анархіи — частная воля разсѣянныхъ единицъ. Въ обѣихъ, можно видѣть только болѣзни государства, а не органическое (здоровое) его состояніе. Различныя государственныя устройства имѣютъ именно въ виду предупредить проистекающее изъ нихъ зло. Всего скорѣе эта цѣль можетъ быть достигнута раздѣленіемъ власти или сложнымъ государственнымъ устройствомъ [2]).

Не всякое впрочемъ раздѣленіе власти способно дать надлежащія гарантіи, а потому, какъ общее правило, невозможно поставить сложныя формы выше простыхъ. Вообще, вопросъ о наилучшемъ государственномъ устройствѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которые нельзя отвѣчать безусловно. Разумъ полагаетъ непремѣнную цѣль, единую для всѣхъ временъ и народовъ; но средства для достиженія этой цѣли могутъ быть самыя разнообразныя. Все здѣсь зависитъ отъ существующихъ (въ данное время) отношеній. Наилучшее устройство то, которое вытекаетъ изъ всей исторіи и изъ особенностей народа, такъ что никакія другія учрежденія не могли бы быть къ нему примѣнимы. Нѣтъ единаго идеала

---

[1]) Ueber Souv. etc., стр. 16—19.
[2]) Тамъ же, стр. 18—25.

государственнаго устройства для всѣхъ странъ, также какъ нѣтъ единаго идеала плотинъ или моста для всѣхъ водъ. При всемъ томъ, руководствуясь опытомъ и исторіею, можно вообще сказать, что тамъ, гдѣ верховная власть раздѣлена сообразно съ истинными началами государственнаго устройства, народы получаютъ высшее понятіе о своемъ достоинствѣ и о своей свободѣ, а вслѣдствіе того развиваютъ въ себѣ высшую нравственную силу. Въ нихъ возбуждается общественный духъ черезъ то, что большее число лицъ привлекается къ общему дѣлу; взаимное ограниченіе властей предупреждаетъ многія заблужденія, противодѣйствуетъ эгоизму и устраняетъ извѣстнаго рода деспотизмъ; наконецъ, этимъ открывается почетное поприще политическимъ добродѣтелямъ и талантамъ, которые здѣсь скорѣе всего могутъ выказываться и дѣйствовать на пользу общества [1]).

Опытъ указываетъ намъ и на то устройство властей, которое въ сложныхъ государственныхъ формахъ способствуетъ возбужденію истинной политической жизни. Прежде всего, въ основаніи должны лежать представительныя учрежденія, которыя одни даютъ народу участіе въ правленіи, устраняя вмѣстѣ съ тѣмъ анархію и деспотизмъ толпы. Въ настоящее время никому уже не приходитъ въ голову искать свободы въ народныхъ собраніяхъ. Но всѣ ли граждане безъ различія должны быть призваны къ представительству и достигается ли государственная цѣль возможно большимъ политическимъ вліяніемъ массы? Вотъ вопросы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ доброкачественность государственнаго устройства. Если цѣль государства состоитъ въ гармоническомъ развитіи человѣчности въ народѣ, а первыя условія для этого — свобода и безопасность (разумѣя подъ именемъ послѣдней правомѣрное принужденіе, охраняющее свободу), — то представлять народъ могутъ только тѣ, которые, обладая наибольшею свободою, всего болѣе ею дорожатъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ наиболѣе интереса въ твердости общественнаго порядка. Таковы собственники. Собственность есть истинная связь политическаго тѣла. Поэтому политическія права гражданъ должны быть соразмѣрны съ ихъ состояніемъ, и значительное имущество составляетъ первое условіе, необходимое для представителя. Конечно, оно не обезпечиваетъ ни таланта и познаній, ни безкорыстія и общественнаго духа. Оно не исключаетъ даже продажности, но все таки оно представ-

---

[1]) Ueber Souv. etc., стр. 25—28.

вляетъ противъ нея нѣкоторое ручательство, и во всякомъ случаѣ оно даетъ наиболѣе средствъ для образованія. Этимъ не установляется аристократія богатства, худшая изъ всѣхъ, ибо собственность находится въ вѣчномъ движеніи и доступна всѣмъ. Если же иногда случится, что человѣку съ высшими дарованіями, по недостатку имущества, будетъ прегражденъ доступъ къ представительству, то это зло значительно перевѣшивается выгодами, проистекающими отъ исключенія тѣхъ, которые ни передъ чѣмъ не останавливаются, потому что имъ нечего терять [1]).

Съ представительными учрежденіями связано раздѣленіе властей, которыхъ взаимное ограниченіе обезпечиваетъ свободу и безопасность. Въ особенности, раздѣленіе законодательной власти ведетъ къ всестороннему обсужденію законовъ, устраняетъ исключительность и поспѣшность въ рѣшеніяхъ, наконецъ, дѣлаетъ безвредными своекорыстіе и страсти. Но спрашивается: какъ же слѣдуетъ раздѣлить законодательную власть, чтобы достигнуть этой цѣли? Природа государства, какъ и всякаго органическаго тѣла, заключаетъ въ себѣ элементы двоякаго рода: постоянные и измѣняющіеся. Безъ первыхъ, оно теряетъ свою личность, безъ вторыхъ, оно не можетъ совершенствоваться. Охранительное начало и прогрессивное должны, слѣдовательно, быть равно приняты во вниманіе законодательствомъ; оба должны быть представлены въ учрежденіяхъ соотвѣтствующими имъ элементами. Первому соотвѣтствуютъ наслѣдственные представители, второму— выборные; первому — недвижимая и неотчуждаемая собственность, второму — движимая и отчуждаемая. Отсюда ясно, что въ монархическомъ государствѣ нельзя лучше раздѣлить власть, какъ между королемъ и дворянствомъ съ одной стороны, и выборными отъ народа съ другой [2]).

Характеръ и положеніе дворянства дѣлаютъ его особенно способнымъ служить посредствующимъ звеномъ между королемъ и народомъ. Поземельная собственность ставитъ его въ постоянное соприкосновеніе съ народомъ. Интересы ихъ совпадаютъ. Дворянство, какъ таковое, не находитъ выгоды въ поддержаніи произвола; напротивъ, оно должно ему противодѣйствовать, въ особенности тамъ, гдѣ оно наравнѣ со всѣми несетъ государственныя тяжести и подчиняется равному для всѣхъ закону. Съ дру-

---

[1]) Ueber Souv. etc., стр. 28—31.
[2]) Тамъ же, стр. 31—34.

гой стороны, какъ наслѣдственное достоинство, оно сродно съ монархическою властью, которая стоитъ тверже, когда въ народѣ существуютъ еще и другіе наслѣдственные элементы. Такимъ образомъ, дворянство ближе къ народу, нежели король, и ближе къ королю, нежели народъ; поэтому оно и можетъ служить посредникомъ между ними. Такая посредствующая власть необходима. Гдѣ существуютъ только двѣ власти, цѣль раздѣленія не достигается. Если онѣ однородны, правленіе склоняется къ деспотизму, если онѣ разнородны, между ними возгорается борьба, которая опять кончается побѣдою одной стороны. Для того, чтобы противоположныя власти могли составить одно гармоническое цѣлое, надобно, чтобы ихъ связывала третья, которая не должна быть ни совершенно однородна съ двумя первыми, ибо въ такомъ случаѣ она съ ними совпадаетъ, — ни совершенно разнородна, ибо тогда не возможно гармоническое ихъ взаимнодѣйствіе. Такова именно роль дворянства. Но для этого дворяне непремѣнно должны быть крупными землевладѣльцами. Иначе они потеряютъ свою независимость и будутъ жить на счетъ государства, или же станутъ предаваться промысламъ и торговлѣ, и тогда смѣшаются съ народомъ. А для того, чтобы дворяне постоянно оставались крупными землевладѣльцами, необходимо, въ свою очередь, чтобы гражданскіе законы воспрещали отчужденіе ихъ помѣстій. Устройство леновъ и маіоратовъ тѣсно связано съ существованіемъ дворянства. Эти учрежденія могутъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вредны, особенно если они простираются на значительное количество земель; но они имѣютъ огромныя политическія выгоды, особенно когда они сдерживаются въ надлежащихъ предѣлахъ [1]).

Наконецъ, въ сложномъ политическомъ устройствѣ весьма важно то, что три существенныя части законодательства, — предложеніе (инициатива), обсужденіе и рѣшеніе, — могутъ быть раздѣлены. Окончательное рѣшеніе принадлежитъ здѣсь монарху, который изъявляетъ свое согласіе или несогласіе на законъ. Обсужденіе, требующее всесторонности взглядовъ, естественно присвоивается какъ аристократическому, такъ и демократическому элементамъ. Что касается до предложенія, то по правилу, оно должно принадлежать прогрессивному элементу, то есть, народному представительству; но такъ какъ правительству, прилагающему законы,

---

[1]) Ueber Souv. etc., стр. 35—38.

всего скорѣе могутъ быть извѣстны ихъ недостатки, то и ему нельзя отказать въ этомъ правѣ. Поэтому всего лучше предоставить инаціативу всѣмъ тремъ элементамъ. Чрезъ это всѣмъ имъ равно доставляется возможность показать свое попеченіе объ общемъ благѣ [1]).

Таковы указанныя опытомъ основанія правильнаго раздѣленія властей. Но, какъ сказано, эти начала не могутъ имѣть притязанія на безусловное значеніе. Они представляютъ лишь относительныя истины, и могутъ найти только частное приложеніе. Политика, въ этомъ отношеніи, существенно отличается отъ нравственности. Въ послѣдней, то, что, должно быть, служитъ мѣриломъ того, что есть. Чтобы построить теорію обязанностей, вовсе не нужно смотрѣть на то, что совершается въ мірѣ. Обязанность связывала бы совѣсть, еслибы даже въ дѣйствительности нельзя было указать ни одного нравственнаго поступка. Въ политикѣ, напротивъ, все зависитъ отъ фактическихъ условій и отношеній. Каждый народъ имѣетъ свой характеръ, свои особенности, свою исторію, съ которыми должны сообразоваться его учрежденія. Теорія все приводитъ къ общимъ точкамъ зрѣнія; въ дѣйствительности же нѣтъ ничего общаго, а есть только особи. Каждая отдѣльная жизнь не похожа на другую жизнь. Иногда въ теоріи извѣстное политическое устройство кажется превосходнымъ, а при соприкосновеніи съ дѣйствительностью, эти воздушные замки исчезаютъ, какъ тѣнь. И наоборотъ, учрежденія, которыя на бумагѣ имѣютъ безобразный видъ, приносятъ иногда прекрасные плоды. Время исправляетъ ихъ недостатки, и народъ, свыкаясь съ ними, чувствуетъ себя въ нихъ хорошо, какъ хозяинъ стараго дома,—неправильнаго, но приноровленнаго къ потребностямъ,—который онъ не промѣняетъ ни на какой другой. Поэтому въ политикѣ нѣтъ бо̀льшей ошибки, какъ стремленіе все подводить подъ одинъ масштабъ и налагать одинъ покрой на безконечное разнообразіе природы. Даже въ предѣлахъ одного государства не слѣдуетъ уничтожать особенностей областной жизни во имя однообразнаго законодательства. Еще менѣе позволительно навязывать народу чужія учрежденія или сочинять для него теоретическія конституціи. Эта эпидемическая болѣзнь временная; ей надобно противодѣйствовать всѣми силами. Политическое

---

[1]) Ueber Souv. etc., стр. 39—41.

устройство, чтобы быть прочнымъ, должно вырости на почвѣ народной жизни [1]).

Примѣромъ можетъ служить англійская конституція, которую всѣ принимаютъ за образецъ, но которую немногіе понимаютъ какъ слѣдуетъ. Самые страстные ея поклонники воображаютъ, что все дѣло заключается въ томъ, чтобы образовать двѣ палаты, верхнюю и нижнюю. Поэтому они считаютъ возможнымъ пересадить её куда угодно. Между тѣмъ, англійская конституція прежде всего — дитя времени. Надъ нею работали столѣтія. Никто не знаетъ, откуда и какъ она произошла. Она не только выросла на національной почвѣ, но она такъ тѣсно сливается со всею народною жизнью, что невозможно отнять отъ нея ни единой части, не нарушивъ связи цѣлаго. Въ Англіи, религія, воспитаніе, нравы, образъ жизни, находятся въ живомъ взаимнодѣйствіи съ политическими учрежденіями и служатъ имъ самою крѣпкою опорою. Все это вмѣстѣ налагаетъ на англичанъ ту особенную печать, которая отличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ народовъ. Поэтому, какъ въ органическомъ тѣлѣ нѣтъ возможности отнять извѣстный органъ и перенести его на другое, такъ и перенесеніе въ другія страны какой либо части англійской конституціи, напримѣръ, судебнаго устройства, свободы печати и т. д. могло бы быть только плодомъ самаго ограниченнаго политическаго пониманія [2]).

Многочисленныя французскія конституціи, порожденныя революціею, служатъ въ этомъ отношеніи поучительнымъ урокомъ. Лишенныя корней, онѣ падали такъ же скоро, какъ возникали. Совершенно противоположное этому видимъ мы въ Англіи [3]). Вообще французская революція представляетъ примѣръ тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которыя влекутъ за собою ложныя политическія теоріи. Съ разрушительнымъ началомъ народовластія связано и ученіе объ естественномъ состояніи государства и происхожденіи его изъ договора, который, будучи произведеніемъ личнаго произвола, всегда можетъ быть отмѣненъ, и презрѣніе къ историческимъ формамъ, и возвеличеніе демократіи, какъ идеала государственнаго устройства. Французскіе (революціонные) законодатели воображали, что они могутъ разомъ разрушить все старое

---

[1]) Ueber Souv. etc., стр. 41 — 46.
[2]) Тамъ же, стр. 57—62.
[3]) Тамъ же, стр. 55.

зданіе и воздвигнуть новое. Полновластному народу все считалось дозволеннымъ. Отсюда разнузданность всѣхъ страстей, которая и повела къ страшнымъ явленіямъ террора. Не страсти испортили дѣло революціи, какъ утверждаютъ нѣкоторые; но страсти были вызваны ученіями революціи. Вездѣ, гдѣ будетъ провозглашено начало народнаго полновластія, оно будетъ имѣть тѣ же послѣдствія; въ существѣ своемъ это начало есть отрицаніе государственнаго единства и уничтоженіе истинной верховной власти [1]).

Изо всего этого ясно, что введеніе извѣстнаго политическаго устройства можетъ быть только дѣломъ времени. Никому еще не приходило въ голову внезапно вдохнуть въ человѣка новое *я*, заставить его разомъ скинуть съ себя свою личность и воспринять новыя правила, понятія, наклонности и привычки. Личность человѣка противится такого рода предпріятіямъ. Какъ органическое существо постепенно растетъ и измѣняетъ свой составъ, такъ и государство въ своемъ ростѣ подвергается медленному процессу внутреннихъ измѣненій. Въ немъ охранительное начало и прогрессивное всегда должны находиться въ равновѣсіи. Внезапныя перемѣны грозятъ опасностью всему государственному строю. Въ политической жизни, также какъ и въ физической природѣ, господствуетъ законъ постепенности. Кто нарушаетъ этотъ законъ, тотъ разрушаетъ невидимую нить, связывающую прошедшее съ будущимъ, тотъ сѣетъ на вѣтеръ и пожнетъ одну пыль [2]). Время, съ своимъ часто незамѣтнымъ ходомъ,—это единственная сила, которая можетъ всякому нововведенію дать ростъ и успѣхъ. Кто хочетъ, забѣгая впередъ, предупредить его движеніе, и въ данный моментъ, искуственнымъ путемъ, замѣнить дѣло столѣтій, тотъ произведетъ одни недоноски, обреченные на раннюю смерть. Государству всего менѣе слѣдуетъ торопиться въ своихъ предпріятіяхъ. Государство вѣчно, а потому можетъ спокойно ожидать движенія временъ, довѣряя будущему и охраняя права прошедшаго [3]).

Отсюда слѣдуетъ, что дѣломъ истинной политики должно быть не введеніе новыхъ конституцій, а постепенное улучшеніе существующихъ учрежденій. Въ Германіи доселѣ сохраняются остатки сословнаго представительства, которое играло значитель-

---

[1]) Ueber Souv. etc., стр. 76 и слѣд.
[2]) Тамъ же, стр. 51—54.
[3]) Тамъ же, стр. 67—68.

ную роль въ исторіи и можетъ служить началомъ новой жизни. Оно все было основано на представительствѣ собственности. Сначала въ немъ принимали участіе только духовенство и дворянство; затѣмъ, когда поднялись города, и они были пріобщены къ собранію чиновъ. Въ настоящее время эти формы обветшали; движимая собственность разрослась, недвижимая перешла въ другія руки. Необходимы значительныя перемѣны для того, чтобы эти учрежденія могли дѣйствовать сообразно съ духомъ и потребностями новаго времени. Но надобно твердо держаться лежащаго въ основаніи ихъ начала. Ихъ слѣдуетъ улучшить, а не уничтожить. Новое должно выдти изъ стараго. Этимъ путемъ, безъ рабскаго подражанія, безъ внезапныхъ переворотовъ, безъ рискованныхъ нововведеній, держась чисто народнаго жизненнаго хода, Германія соединитъ единство власти съ многосторонностью въ обсужденіи вопросовъ и съ требованіями общественнаго духа; этимъ сохранится и полнѣйшее согласіе между владѣтельными князьями и народомъ [1]).

Таково содержаніе сочиненія Ансильона, которое, касаясь животрепещущихъ вопросовъ времени, имѣло въ Германіи значительный успѣхъ. Съ либеральнымъ направленіемъ соединялся здѣсь духъ умѣренности и вниманіе къ исторіи. Даже преувеличенныя нападенія на начала французской революціи совпадали съ тогдашнимъ настроеніемъ умовъ въ Германіи.

Съ бо̀льшею подробностью авторъ развилъ свои взгляды въ позднѣйшемъ сочиненіи *О духѣ государственныхъ учрежденій;* но оно заключаетъ въ себѣ мало новаго. Подражаніе Монтескьё доходитъ здѣсь до усвоенія самой его манеры писать, хотя, конечно, безъ той тонкости и блеска, которыми отличался знаменитый французскій публицистъ. Общая мысль теряется среди отрывочныхъ замѣчаній. Ансильонъ и здѣсь возстаетъ противъ демократическаго правленія, такъ какъ оно неспособно ограждать свободу и требуетъ невозможнаго равенства [2]). Онъ ищетъ обезпеченія свободы въ такомъ политическомъ устройствѣ, гдѣ власти раздѣляются безъ рѣзкаго разобщенія и связываются безъ совпаденія. Какъ органическое тѣло, государство не должно быть только аггрегатомъ различныхъ органовъ, но эти органы должны проникать другъ друга, для того чтобы возможна была общая

---

[1]) Ueber Souv. etc., стр. 63—67.
[2]) Ueber den Geist der Staatsverfassungen, стр. 28 и 40.

жизнь. И здѣсь онъ главное обезпеченіе свободы видитъ въ прохожденіи законодательной дѣятельности по различнымъ инстанціямъ [1]. Затѣмъ, въ отдѣльныхъ его замѣчаніяхъ на счетъ разныхъ частей государственнаго устройства есть много вѣрнаго, много также и односторонняго, но нѣтъ ничего такого, что бы могло имѣть существенное значеніе въ общемъ движеніи политической мысли. Поэтому мы считаемъ излишнимъ подробный разборъ этой книги.

II.

Ансильону отвѣчалъ Кругъ, философъ, вышедшій изъ школы Канта и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ ревностныхъ поборниковъ либерализма. Послѣ изгнанія французовъ и паденія Наполеона, въ Германіи обозначилось двоякое теченіе мысли: реакціонное и либеральное. Эти два направленія соотвѣтствуютъ въ политической области тому, что мы въ философіи называемъ нравственнымъ идеализмомъ и индивидуалистическимъ. Въ противуположность реакціонной политикѣ, центромъ которой была Австрія, въ германскомъ обществѣ, особенно въ мелкихъ государствахъ, появилось сильное стремленіе къ представительнымъ учрежденіямъ. Сочиненіе Ансильона было знаменемъ времени. Съ своей стороны, Кругъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ: „Князья и народы въ ихъ взаимныхъ требованіяхъ“ (Die Fürsten und die Völker in ihren gegenseitigen Forderungen). Къ этой брошюрѣ, вышедшей въ 1816 году, онъ приложилъ разборъ книги Ансильона.

Признавая вполнѣ достоинства автора и сходясь съ нимъ во многихъ существенныхъ пунктахъ, Кругъ находитъ однако, что онъ слишкомъ ярко освѣщаетъ требованія князей (монарховъ), оставляя въ тѣни требованія народовъ. Онъ не согласенъ съ самыми основаніями теоріи Ансильона. Послѣдній начинаетъ съ того, что отвергаетъ состояніе природы, утверждая, что человѣкъ никогда не можетъ стоять на степени животнаго. Но никто и не говоритъ, что человѣкъ, въ первоначальномъ своемъ состояніи, совершенно уподоблялся животному, такъ что въ немъ не было даже и зачатковъ разума и высшаго развитія. Говорятъ только, что человѣкъ первоначально находился въ состояніи подобномъ живот-

[1]) Ueber den Geist der Staatsverfassungen, стр. 29, 32—33.

ному, въ какомъ мы и понынѣ видимъ дикіе народы, и это мнѣніе имѣетъ за себя сильные доводы. Оно опирается на господствующій во всей органической природѣ законъ развитія. Вездѣ высшія формы вырабатываются изъ незамѣтныхъ зачатковъ. По аналогіи, мы можемъ думать, что тотъ же законъ управляетъ и человѣкомъ, что и послѣдній вышелъ изъ грубаго и несовершеннаго состоянія и что онъ постепенно, дѣйствіемъ разума, выработалъ въ себѣ высшія начала жизни. Поэтому и языкъ и общежитіе мы должны разсматривать не какъ формы, первоначально вложенныя въ человѣка, а какъ жизненныя явленія, постепенно развившіяся изъ прирожденныхъ ему способностей [1]).

Отвергнувъ состояніе природы (или естественное), Ансильонъ отрицаетъ и связанное съ нимъ естественное право, замѣняя его правомъ, вытекающимъ изъ понятій и правомъ вытекающимъ изъ фактовъ. Если подъ именемъ естества разумѣть матеріальную природу, то нѣтъ сомнѣнія, что она не можетъ быть источникомъ права; но если подъ этимъ словомъ разумѣть, какъ и слѣдуетъ, природу разумную, составляющую принадлежность человѣка, то мы должны сказать, что изъ нея именно и вытекаетъ идея права и неправды. Это и есть то, что Ансильонъ называетъ правомъ вытекающимъ изъ понятій, и самое право, исходящее изъ фактовъ, не имѣетъ другаго основанія, ибо что-же даетъ правомѣрность фактическимъ постановленіямъ, какъ не согласіе ихъ съ идеею права? [2])

Въ силу той же односторонности воззрѣній, Ансильонъ отвергаетъ происхожденіе государства изъ договора, какъ не имѣющее историческаго основанія и противорѣчащее человѣческой природѣ. Ансильонъ смѣшиваетъ тутъ двѣ разныя вещи, именно: историческое происхожденіе государствъ и раціональное. Какъ возникли первоначальныя государства, мы не знаемъ; вѣроятно различными способами. Но вопросъ не въ томъ, каково ихъ фактическое происхожденіе, а въ томъ, что этому факту даетъ правомѣрность? Голая, слѣпая сила не можетъ быть основаніемъ права. Слѣдовательно, фактическая власть можетъ сдѣлаться правомѣрною только въ силу согласія подчиняющихся ей лицъ. Это — единственное основаніе, почему какой бы то ни было человѣкъ можетъ пріобрѣсти право надъ другими людьми, которые отъ него не родились. Но добровольное подчиненіе власти совершается въ

---

[1]) Die Fürsten etc. Krug's gesammelte Schriften, 3 B., стр. 204 — 208.
[2]) Тамъ же, стр. 208 — 211.

томъ предположеніи, что эта власть будетъ полезна тому, кто ей подчиняется. Тутъ является взаимность правъ и обязанностей. Слѣдовательно, раціональное основаніе государства,—то, которое даетъ ему правомѣрность,—есть договоръ, тайный или явный. Не только такой договоръ не противорѣчитъ человѣческой природѣ, но это единственное, что соотвѣтствуетъ разумной природѣ человѣка. Еслибы даже въ исторіи нельзя было указать ни единаго примѣра подобныхъ договоровъ, то идея ихъ все-таки осталась бы вѣрна. Между тѣмъ, такіе примѣры есть; достаточно сослаться на капитуляцію германскихъ императоровъ, на возведеніе на престолъ Вильгельма Оранскаго или въ новѣйшее время—Бернадотта. Всѣ они пріобрѣтали власть на извѣстныхъ условіяхъ, въ силу договора съ народомъ. Если же верховная власть первоначально пріобрѣтается не иначе, какъ согласіемъ народа, то она въ источникѣ своемъ лежитъ въ народѣ. Ансильонъ правъ, когда онъ въ устроенныхъ уже государствахъ отрицаетъ народное полновластіе: здѣсь, очевидно, власть принадлежитъ закономъ установленному главѣ государства. Но онъ не правъ, когда онъ утверждаетъ, что народъ получаетъ свое бытіе единственно отъ верховной власти. Народъ есть соединенная общимъ происхожденіемъ толпа. Онъ существуетъ и помимо государства, и наоборотъ, государство можетъ заключать въ себѣ нѣсколько народовъ (т. е., племенъ). Когда же несвязанная прежде толпа соединяется подъ единою верховною властью, или когда, за прекращеніемъ законной власти, установляется новая, то возникаетъ вопросъ: откуда эта власть получаетъ свою силу? Иного отвѣта быть не можетъ, какъ то, что она переносится на извѣстное лице или лица волею народа; слѣдовательно, она первоначально лежала въ народѣ [1]).

Эти возраженія Круга очевидно ничто иное, какъ старая, подогрѣтая теорія договора, смягченная въ своихъ послѣдствіяхъ, но въ сущности страдающая тѣми же недостатками. Несправедливо, что человѣкъ можетъ пріобрѣсти власть надъ другими людьми, которые отъ него не родились, не иначе какъ въ силу свободнаго договора. Если государство, по вѣрному замѣчанію Ансильона, составляетъ необходимое требованіе человѣческаго духа, то подчиненіе государственной власти есть не только право, но и обязанность. Человѣкъ раждается членомъ государства, слѣдо-

---

[1]) Die Fürsten etc., стр. 214 — 220.

вательно подчиненнымъ власти, также какъ онъ раждается членомъ семьи. Въ теоріи договора вѣрно то, что по идеѣ государства, власть должна покоиться не на одной только фактической силѣ, но и на добровольномъ признаніи, по крайней мѣрѣ, большинства гражданъ. Государство, въ идеѣ, есть союзъ свободныхъ людей, а не рабовъ. Но между добровольнымъ признаніемъ фактически установившейся власти и договоромъ - огромная разница. Договоръ есть выраженіе свободной воли лицъ ничѣмъ (предъ тѣмъ) не связанныхъ, которыя сами опредѣляютъ условія своихъ взаимныхъ отношеній. Въ признаніи же власти господствуетъ идея обязанности; оно совершается во имя требованій общаго блага. Меньшинство должно подчиняться здѣсь большинству. Это признаніе можетъ даже вовсе не быть явно выраженнымъ; какъ признаетъ и самъ Кругъ, достаточно молчаливаго подчиненія. А потому невозможно видѣть въ этомъ согласіи актъ перенесенія власти и выводить отсюда, что первоначально эта власть лежала въ народѣ. Фактически установившаяся власть есть уже власть; признаніе подчиненныхъ даетъ ей новую силу, но не создаетъ ея, ибо она уже существовала раньше. Подчиненные не могутъ ея переносить, ибо ея у нихъ нѣтъ. Власть есть господство, а не свобода. Она принадлежитъ цѣлому надъ частями, а никакъ не разсѣяннымъ единицамъ, которыя, напротивъ, обязаны подчиняться цѣлому. Она можетъ принадлежать и народу, но для этого необходимо, чтобы народъ составлялъ уже одно цѣлое, то есть, чтобы въ немъ была установленная власть. Когда Ансильонъ говоритъ, что народъ создается верховною властью, то это справедливо въ томъ смыслѣ, что силою власти разсѣянныя единицы сплачиваются въ одно тѣло. Возраженія Круга противъ этого положенія основаны на смѣшеніи двухъ различныхъ значеній слова *народъ:* юридическаго и физіологическаго. Существованіе этого различія явствуетъ изъ того, что разныя народности (или племена) могутъ составлять одно государство, слѣдовательно одинъ народъ въ юридическомъ смыслѣ, и наоборотъ, одна и та-же народность можетъ входить въ составъ нѣсколькихъ государствъ. Физіологическое единство еще не влечетъ за собою единства юридическаго. Послѣднее установляется именно тѣмъ, что толпа подчиняется единой власти, которая связываетъ ее въ одно цѣлое. Какимъ образомъ установляется эта власть, свободною ли волею народа, насиліемъ однихъ надъ другими или, наконецъ, внѣшнимъ завоеваніемъ — это вопросъ фактическій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ,

власть можетъ быть правомѣрною, если она соединяетъ въ себѣ всѣ требованія государственной жизни, то есть, если она соотвѣтствуетъ идеѣ государства; тогда признаніе ея становится обязанностью. Дѣло въ томъ, что государство не есть чисто юридическое установленіе; оно слагается изъ разныхъ элементовъ. Свобода и вытекающее изъ нея личное право составляютъ одинъ изъ нихъ, но это не только не единственный элементъ, а даже и не главный; напротивъ, по существу своему, это элементъ подчиненный, ибо личная свобода подчиняется требованіямъ цѣлаго По этому свобода не есть источникъ власти, а можетъ только при случаѣ быть ея органомъ и представителемъ.

Дальнѣйшія возраженія Круга касаются главнымъ образомъ способовъ введенія конституцій. Съ ученіемъ Ансильона о смѣшанныхъ правленіяхъ онъ вполнѣ согласенъ. Только взглядъ на значеніе дворянства кажется ему преувеличеннымъ. Онъ отвергаетъ неотчуждаемость дворянскихъ имѣній и находитъ полезнымъ, рядомъ съ наслѣдственнымъ дворянствомъ, поставить и дворянство, пріобрѣтаемое заслугами [1]). Что же касается до теоріи постепеннаго развитія учрежденій, то объ этомъ, говоритъ Кругъ, можно сказать, что Ансильонъ даетъ слишкомъ обширное мѣсто охранительнымъ началамъ и привязанности къ старинѣ, когда онъ утверждаетъ, въ видѣ общаго правила, что въ старомъ домѣ, даже, неправильномъ, лучше жить, нежели въ новомъ. Если старый домъ совсѣмъ обветшалъ и грозитъ паденіемъ, неужели мы станемъ ожидать, чтобы онъ обрушился на голову жителей? Не лучше ли заранѣе приготовить себѣ новое жилище? При этомъ, конечно, придется составить планъ; придется прибѣгнуть къ тому, что̀ въ насмѣшку называютъ бумажными конституціями, хотя нерѣдко эти бумажныя конституціи могутъ быть гораздо лучше небумажныхъ. Придется руководствоваться и теоріею, что̀ опять гораздо лучше, нежели слѣдовать слѣпой практикѣ. Правильная теорія сама ни что иное, какъ возведенная въ сознаніе практика. Такая теорія говоритъ намъ, что въ государственной жизни иногда бываютъ необходимы глубокія преобразованія, равносильныя переворотамъ, ибо они установляютъ новый порядокъ вещей. Если же мы станемъ медлить съ этими преобразованіями, то вмѣсто сознательной дѣятельности явятся на сцену слѣпыя, инстинктивныя влеченія народа, и тогда могутъ произойти катастрофы, въ которыхъ

[1]) Die Fürsten etc., стр. 221—223.

погибнетъ многое хорошее, что̀ слѣдовало бы удержать. Поэтому Ансильонъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ, что въ каждомъ государствѣ должны дѣйствовать и охранительное начало и прогресивное; но онъ не правъ, когда онъ утверждаетъ, что эти начала всегда должны находиться въ равновѣсіи, ибо въ результатѣ вышелъ бы только нуль. Есть времена, когда охранительное начало должно перевѣшивать, напримѣръ, вслѣдъ за введеніемъ новаго порядка вещей; но есть другія, въ которыхъ требуется обновленіе, именно, когда старое уже отжило свой вѣкъ. Это не значитъ разомъ дать органическому существу новое тѣло или вдохнуть въ человѣка новое *я*, оторвавъ его отъ всего прошедшаго. И отдѣльный человѣкъ возрождается къ новой жизни, какъ свидѣтельствуетъ Писаніе; точно тоже можетъ быть и съ государствомъ. Этимъ не нарушается и законъ постепенности, ибо этотъ законъ не опредѣляетъ, какъ быстро или медленно должны совершаться преобразованія, и много или мало слѣдуетъ изъ стараго пожертвовать новому. Все здѣсь зависитъ отъ политической мудрости, которая не довольствуется общими соображеніями, а принимаетъ во вниманіе настоящее положеніе дѣла. Наконецъ, нѣтъ причины пренебрегать и опытомъ другихъ народовъ. То, что Ансильонъ говоритъ объ англійской конституціи, превосходно; но онъ идетъ слишкомъ далеко, когда онъ отрицаетъ возможность перенести на другой народъ какую либо часть англійской конституціи, на томъ основаніи, что цѣлое приспособлено только къ характеру и положенію Англичанъ. Исторія доказываетъ, что государства съ успѣхомъ заимствовали другъ у друга многія учрежденія. Народы, въ своемъ развитіи, проходятъ черезъ сходныя положенія и обстоятельства и чѣмъ болѣе они приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, тѣмъ болѣе они имѣютъ между собою общаго. Здравый смыслъ, конечно, не позволяетъ переносить чужія учрежденія совершенно въ томъ же видѣ, какъ они существуютъ на родинѣ; но ничто не мѣшаетъ принаравливать ихъ къ новымъ условіямъ. Такъ во Франціи есть двѣ палаты, но не такія, какъ въ Англіи. Если и въ Пруссіи учредятся двѣ палаты, то и онѣ будутъ имѣть свои особенности. [1])

Кругъ соглашается съ сужденіями Ансильона о французской революціи, но дѣлаетъ при этомъ ту существенную оговорку, что

---

[1]) Die Fürsten etc., стр. 229—233.

за всѣми ужасами революціи не слѣдуетъ забывать одушевлявшую ее идею, около которой все вертѣлось, именно, идею свободнаго политическаго устройства, обезпечивающаго права народа. Осуществленіе этой идеи не удалось главнымъ образомъ вслѣдствіе испорченности французскаго общества, развращеннаго матеріалистическою философіею XVIII вѣка; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы введеніе новой конституціи было вообще невозможно. Нѣтъ причины, почему бы народъ, достигшій до такой степени зрѣлости, что ему становится тѣсно и душно подъ неограниченнымъ правленіемъ, не могъ бы получить представительнаго устройства, наравнѣ съ сосѣдями, которые стоятъ на одинакой съ нимъ степени развитія, если при этомъ сдѣланы такія видоизмѣненія въ упомянутомъ устройствѣ, какія требуются положеніемъ этого народа. И когда сами монархи признаютъ эту потребность народа, и сами вводятъ новыя учрежденія, то это лучшее, чего можно желать. Юридическія требованія совпадаютъ тутъ съ общественными [1]).

Всѣ эти возраженія Круга нельзя не признать вполнѣ основательными. Они дѣлаютъ честь, какъ его уму, такъ и его таланту.

Въ брошюрѣ, къ которой была приложена эта критика, Кругъ излагаетъ тѣ требованія, которыя современные образованные европейскіе народы, въ особенности нѣмецкаго племени, въ правѣ предъявлять своимъ владѣтельнымъ князьямъ. Первое требованіе состоитъ во введеніи правомѣрныхъ учрежденій (rechtliche Verfassungen). Въ настоящее время, говоритъ Кругъ, всѣ образованные люди согласны въ томъ, что человѣкъ, по природѣ своей, разумное и свободное существо, что ему, какъ таковому, принадлежатъ извѣстныя права, которыя въ общественномъ союзѣ могутъ быть ограничены, но не уничтожены; что въ особенности государство призвано къ тому, чтобы опредѣлить эти права закономъ и крѣпко охранять ихъ, вслѣдствіе чего оно должно покоиться на твердомъ основаніи правомѣрнаго устройства. Но правомѣрнаго устройства нѣтъ, тамъ гдѣ верховная власть можетъ неограниченно распоряжаться жизнью, свободою и собственностью подданныхъ. Здѣсь граждане нисходятъ на степень безправныхъ существъ, какъ стадо животныхъ. Правомѣрное государственное устройство существуетъ только тамъ, гдѣ верховная власть ограничена въ

---

[1]) Die Fürsten etc., стр. 229—232.

своихъ дѣйствіяхъ; гдѣ народные представители совокупно съ княземъ рѣшаютъ все, что касается правъ и благосостоянія народа; гдѣ судъ отправляется во имя и подъ надзоромъ князя, но на основаніи признанныхъ народомъ законовъ и черезъ независимые органы; гдѣ, наконецъ, первые слуги короля отвѣтственны за данные ему совѣты. Низвергнувъ, совокупно съ законными князьями, того человѣка (Наполеона), который съ неограниченною властью господствовалъ надъ Европою, народы въ правѣ требовать политическаго устройства, которое открывало бы свободное поприще всѣмъ человѣческимъ силамъ и давало гражданамъ дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. И сами князья признали это требованіе законнымъ, обѣщавши введеніе повсюду земскихъ чиновъ (Landstände), какъ истинныхъ представителей народа [1]).

Второе требованіе заключается въ полной свободѣ вѣроисповѣданій. Изъ всѣхъ несправедливостей, которыя совершались на землѣ, стѣсненіе совѣсти величайшее и самое гнетущее, ибо оно поражаетъ человѣка въ его внутреннемъ существѣ, въ томъ чувствѣ, которое изъ всѣхъ самое благородное и возвышенное, ибо оно относится къ самому высшему и святому, что можетъ мыслить человѣческій духъ. Эта свобода требуется не только для христіанскихъ сектъ, но и для всѣхъ, въ особенности для угнетенныхъ нынѣ евреевъ. Она должна состоять не только въ свободномъ отправленіи богослуженія, но и въ полнотѣ гражданскихъ правъ, ибо умаленіе какого-либо гражданскаго права единственно за исповѣданіе или неисповѣданіе извѣстной религіи ничто иное, какъ наказаніе, наложенное на гражданина за то, что онъ поклоняется Божеству не такъ, какъ хочетъ властвующая религіозная партія. Ограниченіе можно сдѣлать въ этомъ отношеніи только для тѣхъ сектъ, которыя имѣютъ какой-либо интересъ, прямо противоположный общественному благу, или уклоняются отъ исполненія какихъ-либо гражданскихъ обязанностей [2]).

Со свободою вѣроисповѣданія тѣсно связана, въ третьихъ, свобода мыслей, или лучше свобода рѣчи и печати. Не требуется свобода неограниченная. Возмутительныя воззванія и клеветы должны подлежать отвѣтственности и наказанію. Но затѣмъ, всякій гражданинъ долженъ имѣть право свободно высказывать свои мысли

[1]) Die Fürsten etc., стр 178—181.
[2]) Тамъ же, стр. 182—185.

обо всѣхъ предметахъ науки, искуства, государства и церкви. При столкновенiи мнѣнiй, все, что здѣсь можетъ быть вреднаго, исчезнетъ само собою. Гораздо опаснѣе подчиненiе человѣческаго духа личному произволу. Только страхъ, возбуждаемый въ правительствахъ общественнымъ мнѣнiемъ, заставлялъ доселѣ подавлять свободное движенiе мыслей. Такой порядокъ приличенъ деспотизму. Въ правомѣрномъ же государственномъ устройствѣ свобода печати и общественное мнѣнiе составляютъ необходимые элементы. Они нужны не только для поддержанiя учрежденiй, но и для того, чтобъ раскрывать князьямъ истинныя нужды народа, устранять всякiя вредныя мѣры и вообще возвышать могущество и процвѣтанiе государства. Это доказывается примѣромъ Англiи [1].

Но и свобода мысли принесетъ мало пользы, если правительство не будетъ, въ четвертыхъ, заботиться объ улучшенiи и расширенiи существующихъ учебныхъ заведенiй. Въ нихъ необходимо вдохнуть новую жизнь, соединивъ классическое образованiе съ общечеловѣческимъ и гражданскимъ. Кромѣ развитiя души, надобно имѣть въ виду и развитiе тѣла, такъ чтобы юноши могли сдѣлаться полезными гражданами и крѣпкими защитниками отечества. Послѣднее достигается также, въ пятыхъ, преобразованiемъ военнаго устройства. Основанiемъ государственной безопасности должно быть не постоянное войско, а совокупность лежащихъ въ народѣ военныхъ силъ. Для этого необходима система защиты, основанная на всеобщемъ участiи народа въ воинской повинности. Всякiй гражданинъ долженъ быть воиномъ, приготовляясь къ этому съ малолѣтства, и по достиженiи извѣстнаго возраста вступая въ ополченiе. Только это можетъ обезпечить самостоятельность государства [2].

Затѣмъ, въ шестыхъ, народы могутъ требовать отъ князей содѣйствiя искреннему примиренiю различныхъ общественныхъ классовъ. Главные изъ нихъ два: дворянство и горожане.

Естественное основанiе различiя между общественными массами заключается въ томъ, что хотя природа и создала людей съ равными зачатками развитiя, но нѣкоторые изъ нихъ возвышаются надъ другими способностями, имуществомъ, дѣлами. Чрезъ это они прiобрѣтаютъ высшее общественное положенiе, которое передается потомкамъ. Уничтожить такой классъ, какъ сдѣлала французская

---

[1]) Die Fürsten etc., 185—188.
[2]) Тамъ же, стр. 188—192.

революція, значитъ отрѣзать существенный членъ отъ органическаго тѣла Это столь же нелѣпо, какъ и попытка создать новое дворянство по примѣру Наполеона, ибо легче залѣчить рану, нежели на мѣсто отнятаго члена приставить новый. Гдѣ дворянство есть, оно должно быть сохранено; но необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы оно измѣнялось сообразно съ движеніемъ народной жизни. Нынѣшнее дворянство не то, что средневѣковое; послѣднее подчинилось князьямъ, наравнѣ съ остальными подданными. Съ своей стороны, мѣщанство сдѣлалось богаче, образованнѣе и получило большій вѣсъ въ государствѣ. Для того, чтобы дворянство сохранило свое высокое положеніе, оно должно къ заслугамъ предковъ прибавить и свои. Кромѣ того, необходимо уничтожать тѣ сѣмена раздора, которыя съ теченіемъ времени закрались между этими двумя сословіями. Для этого представляются два средства: ограниченіе наслѣдственнаго достоинства одними старшими сыновьями знатныхъ родовъ и признаніе личнаго дворянскаго достоинства во всякомъ, кто оказываетъ отличныя заслуги государству. Черезъ это уменьшится разстояніе между сословіями и между ними образуется крѣпкая связь. Разумѣется, необходимое для этого условіе состоитъ въ томъ, чтобы поприще государственной службы было равно открыто для всѣхъ [1]).

Наконецъ, ко всѣмъ предъидущимъ требованіямъ нѣмецкій народъ можетъ прибавить то, которое ему всего нужнѣе, именно, требованіе единства въ разнообразіи. Нѣмецкій народъ издавна распался на множество отдѣльныхъ племенъ и государствъ, представляющихъ удивительное разнообразіе нравовъ, законовъ и учрежденій. Внести сюда нѣкоторое единство составляетъ, можетъ быть, одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ политическаго искусства. Многіе поэтому, отчаяваясь въ ея разрѣшеніи, думаютъ устранить зло подчиненіемъ всѣхъ единой власти. Но такая насильственная мѣра лишила бы Германію своего характера, своихъ особенностей, своего многосторонняго образованія, и могла бы держаться только мечемъ. Не государственное единство потребно нѣмецкому народу, а союзное единство, которое одно ему свойственно. Союзное же единство невозможно безъ главы союза. Поэтому необходимо возстановленіе императорской власти. Кругъ предлагаетъ вручить ее Австрійскому Дому, которому она издавна принадлежала; Прусскаго же короля сдѣлать эрцканцлеромъ, а

---

[1]) Die Fürsten etc., стр. 192—196.

возможныя между ними столкновенія разрѣшать Союзнымъ Судомъ. Къ этому надобно прибавить введеніе однородныхъ учрежденій въ различныхъ государствахъ союза, одинакихъ мѣръ, вѣсовъ и монеты, уничтоженіе всякихъ заставъ и преградъ, наконецъ, содѣйствіе правительства къ устраненію всего чужеземнаго, вкравшагося въ языкъ, въ нравы, въ одежду, въ воспитаніе. Тогда, говоритъ Кругъ, самое пламенное желаніе нѣмецкаго народа, желаніе достигнуть истиннаго національнаго единства, сохранивъ свое разнообразіе, перестанетъ принадлежать къ области филантропическихъ мечтаній и станетъ живою дѣйствительностію. Осуществленіе этой мысли, которая въ темныя времена нужды являлась зарею лучшаго будущаго, и которая, внезапно прорвавшись, поборола общаго врага, составляетъ священнѣйшее призваніе всѣхъ князей и государственныхъ людей Германіи, искренно желающихъ добра своему отечеству [1]).

Таковы требованія народовъ. Съ своей стороны, князья могутъ требовать прежде всего довѣрія къ ихъ доброй волѣ и мудрости, затѣмъ терпѣнія, такъ какъ нельзя всего сдѣлать разомъ, наконецъ привязанности къ ихъ лицу и семейству. Послѣднее требованіе можетъ съ полнымъ правомъ быть предъявлено тамъ, гдѣ княжескій домъ сросся со всею исторіею народа, такъ что народная жизнь въ своей совокупности составляетъ одно живое цѣлое съ жизнью этого дома. Народъ, который самого себя чтитъ въ своемъ прирожденномъ князѣ, не откажетъ и его семейству въ той привязанности, безъ которой общественная связь можетъ легко разорваться, уступая мѣсто полному состоянію безправія, — величайшему злу для государства [2]).

Въ этихъ, начертанныхъ Кругомъ, началахъ можно видѣть програму либеральной партіи въ Германіи, програму, полное осуществленіе которой предоставлено было нашему времени, разумѣется, съ тѣми видоизмѣненіями, которыя оказались необходимыми въ силу обстоятельствъ. Въ эпоху, слѣдовавшую за изгнаніемъ французовъ, не могло еще быть рѣчи о великонѣмецкой и малонѣмецкой партіяхъ. Вмѣсто междоусобной войны, въ виду имѣлось только дружное дѣйствіе державъ во имя блага единаго отечества. Это былъ періодъ идеализма, въ которомъ писались программы; практическія затрудненія наступили впослѣдствіи.

---

[1]) Die Fürsten etc., стр. 196—200.
[2]) Тамъ же, стр. 200—204.

Но источникъ движенія лежалъ все-таки въ идеальныхъ требованіяхъ того времени. Одинъ идеализмъ можетъ указывать цѣль; реализмъ даетъ только средства.

Въ другой брошюрѣ, изданной въ томъ же 1816 году подъ заглавіемъ „*Представительная система*“ (das Repräsentativsystem), Кругъ излагаетъ существенный характеръ и устройство представительныхъ учрежденій. Онъ раздѣляетъ образы правленія на автократическіе или самодержавные и синкратическіе или смѣшанные, а съ другой стороны на монархію и поліархію. Послѣдняя, въ свою очередь раздѣляется на аристократію и демократію. Какъ монархіи, такъ и поліархіи могутъ быть автократическія и синкратическія. Древніе знали только первую форму. Даже ихъ республики представляли неограниченное господство одного элемента, а тамъ, гдѣ власть дѣлилась между аристократіею и демократіею, мы видимъ только безконечную борьбу [1]).

Истинно синкратическія формы возникли изъ феодализма. Королевская власть была ограничена прежде всего дворянствомъ, которое, подчиняясь королю, сохраняло однако свою самостоятельность и участвовало въ важнѣйшихъ правительственныхъ рѣшеніяхъ. Скоро къ нему присоединилось духовенство, и наконецъ города. Такимъ образомъ, значительная часть народа получила участіе въ верховной власти черезъ *право содѣйствія* извѣстнымъ отраслямъ управленія. Земскіе чины сдѣлались представителями народа. Этому развитію синкратизма способствовало, съ одной стороны, христіанство, которое, проповѣдуя братство всѣхъ людей, возбудило въ своихъ послѣдователяхъ сознаніе высшаго человѣческаго достоинства; съ другой стороны, этому-же способствовала просвѣтленная христіанствомъ философія, которая разумными доводами доказала, что у гражданъ есть не только обязанности, но и неотчуждаемыя права, данныя имъ какъ бы самимъ Богомъ и столь же священныя, какъ и права князей въ отношеніи къ народу. Вслѣдствіе этого, автократическое начало потеряло свой вѣсъ въ общественномъ мнѣніи. Какъ скоро народы становятся совершоннолѣтними, ими нельзя уже управлять, какъ малолѣтними. Они не хотятъ подчиняться произволу лицъ, которыя, какъ бы они ни были высоко поставлены, все же остаются слабыми людьми. Горькій опытъ научилъ ихъ, что не только злая, но и добрая воля,

---

[1]) Das Repräsentativsystem (Krug's gesammelte Schriften), 3 Band, стр. 281—283.

при дурной обстановкѣ, можетъ заблуждаться и наносить страшный вредъ. Поэтому они для охраненія своихъ правъ требуютъ гарантій, не временныхъ только, а постоянныхъ. Такія гарантіи могутъ быть даны лишь представительными учрежденіями, которыя сдѣлались нынѣ насущною потребностью всѣхъ народовъ, проникнутыхъ новоевропейскимъ христіанско-философскимъ образованіемъ. Этихъ учрежденій не слѣдуетъ смѣшивать съ демократіею, которая ничто иное, какъ замаскированный автократизмъ, и при томъ самый страшный изъ всѣхъ. Французы впали въ эту ошибку; поэтому-то революція привела ихъ къ господству демагоговъ и наконецъ къ деспотизму. Нѣмцы же не предаются такого рода увлеченіямъ, но спокойно ожидаютъ отъ своихъ князей исполненія даннаго имъ обѣщанія [1]).

Каково же должно быть устройство представительства? Въ немъ можно различить двѣ формы: математическую и динамическую. Первая основана на статистическомъ началѣ чистаго количества: представительство опредѣляется по числу душъ. Невыгода этой системы состоитъ въ томъ, что всѣ голоса имѣютъ здѣсь равный вѣсъ; ничтожный и недостойный человѣкъ пользуется точно такимъ же вліяніемъ, какъ разумный и достойный. Здѣсь масса подавляетъ интеллигенцію. Вторая система, напротивъ, основана на политическомъ началѣ вѣскости: представительство распредѣляется между различными классами сообразно съ ихъ политическимъ значеніемъ и вѣсомъ. Невыгода этой системы состоитъ въ томъ, что разряды избирателей могутъ быть установлены произвольно: цѣлые классы гражданъ могутъ быть исключены изъ представительства. Даже при самомъ раціональномъ устройствѣ, общія схемы не могутъ вмѣщать въ себѣ всего разнообразія жизни. Всегда встрѣтятся лица, которыя не найдутъ себѣ надлежащаго мѣста. Но эти недостатки далеко перевѣшиваются тѣмъ, что при сколько нибудь разумной классификаціи, интеллигенція получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ массою. Притомъ, такое устройство всего ближе подходитъ къ существующей въ Германіи организаціи земскихъ чиновъ, а здравая политика всегда должна стремиться къ тому, чтобы сохранить по возможности существующее, преобразуя его только тамъ, гдѣ нужно, безъ всякаго революціоннаго насилія [2]).

---

[1]) Das Repräsentativsystem, стр. 286—294.
[2]) Тамъ же, стр. 296—298.

Средневѣковое представительство не можетъ однако остаться въ прежнемъ видѣ. Съ тѣхъ поръ въ судьбѣ сословій произошли существенныя перемѣны. Необходимо, прежде всего, дать нѣкоторое участіе въ представительствѣ и крестьянскому сословію, которое вышло изъ крѣпостной зависимости и заключаетъ въ средѣ своей многихъ людей, способныхъ обсуждать общественные вопросы. Затѣмъ, значительная часть дворянскихъ земель перешла въ другія руки. Право представлять дворянское сословіе должно быть распространено на всѣхъ владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, ибо иначе дворянство, какъ по имуществу, такъ и по количеству членовъ, будетъ имѣть значеніе далеко не соотвѣтствующее его положенію. Наконецъ, духовенство, которое въ средніе вѣка обладало обширными помѣстьями и было исключительнымъ представителемъ образованія, въ обоихъ отношеніяхъ потеряло свое прежнее значеніе. Къ нему необходимо присоединить всѣхъ ученыхъ. Изо всѣхъ сословій, только классъ горожанъ остался безъ существенныхъ измѣненій [1]).

Какого же рода устройство слѣдуетъ дать представительству земскихъ чиновъ? Должно ли оно образовать одну палату или двѣ? За двѣ палаты говоритъ примѣръ англійской конституціи. Но не все, что пригодно одному народу, можетъ приходиться и другому. Въ самой Англіи, польза, проистекающая отъ двухъ палатъ, не слишкомъ велика. Опытъ показываетъ, что почти всѣ вопросы рѣшаются нижнею палатою, которая имѣетъ значительный перевѣсъ надъ верхнею. Въ Германіи же нѣтъ аристократіи съ такимъ устройствомъ, какъ въ Англіи, а потому и не видно, какимъ образомъ возможно здѣсь учрежденіе двухъ палатъ. Соединеніе же всѣхъ представителей въ одной палатѣ доставляетъ ту выгоду, что сословія не разрозниваются, какъ касты, но привыкаютъ смотрѣть на себя, какъ на членовъ единой семьи. При всестороннемъ обсужденіи вопросовъ исчезаютъ исключительно сословныя точки зрѣнія, и общій интересъ естественно получаетъ перевѣсъ надъ частнымъ [2]).

Наконецъ, самый существенный вопросъ состоитъ въ томъ: какими правами должны пользоваться представители? Если ограничить ихъ однимъ совѣщаніемъ, то представительство превращается въ призракъ. Правительство можетъ дѣлать все, что ему

---

[1]) Das Repräsentativsyst., стр. 298—303.
[2]) Тамъ же, стр. 305—306.

угодно, и государство, въ сущности, остается автократическимъ. Но призрачныя учрежденія въ политикѣ всегда вредны. Кромѣ общаго неудовольствія и разочарованія, изъ этого ничего не можетъ выдти. Если народные представители не должны оставаться простыми фигурантами, они должны быть облечены правами. Какія же это права? Въ исполненіи законовъ и административныхъ распоряженій и въ судѣ они, конечно, не могутъ принимать участія. Тутъ имъ принадлежитъ только право жалобы и прошенія. Существенное ихъ право должно состоять въ участіи въ законодательствѣ. Законъ долженъ быть плодомъ свободнаго соглашенія монарха и представителей, при чемъ инціатива должна принадлежать обѣимъ сторонамъ. Къ законодательству относится и финансовая система. Народъ не можетъ быть облагаемъ податями безъ его согласія. А съ правомъ согласія на подати связано и право контроля надъ приходомъ и расходомъ государства. Что касается до войны и мира, то здѣсь участіе представительства можетъ быть только косвенное. Рѣшеніе этихъ вопросовъ должно быть предоставлено правительству [1]).

Таковы учрежденія, которыя Кругъ считалъ насущною потребностью своего отечества. Здѣсь общія либеральныя начала болѣе или менѣе удачно примѣняются къ условіямъ времени и мѣста.

Ратуя такимъ образомъ во имя либерализма, Кругъ естественно долженъ былъ вступить въ борьбу съ реакціоннымъ направленіемъ. Ученіе Галлера въ особенности сдѣлалось предметомъ его нападеній. Въ статьѣ, вышедшей въ 1817 году, подъ заглавіемъ: „*Политическая наука, разсмотрѣнная въ процессѣ реставраціи господъ Галлера, Адама Мюллера и компаніи*“ [2]), онъ подвергъ это ученіе обстоятельному разбору.

Революція, конституція, реставрація, говоритъ Кругъ, таковы три главныя направленія нашего времени. Одни хотятъ низвергнуть все старое, чтобы на развалинахъ его воздвигнуть новое; другіе, наоборотъ, пытаются совершившееся сдѣлать какъ бы несовершившимся и возвратить міръ на ту точку, на которой онъ стоялъ, Богъ знаетъ, сколько времени тому назадъ. Между тѣми и другими стоятъ конституціоналисты; послѣдніе требуютъ для

---

[1]) Das Repräsentativsyst., стр. 307—317.

[2]) Die Staatswissenschaft im Restaurationsprozesse der Herrn von Haller, Adam Müller und Konsorten betrachtet. См. Krug's gesammelte Schriften, 3 Band.

властителей, равно какъ и для подвластныхъ, законныхъ границъ, внутри которыхъ могли бы свободно двигаться силы, дабы права всѣхъ были равно обезпечены [1]).

Къ другому разряду принадлежитъ Галлеръ, одинъ изъ главныхъ корифеевъ реакціи. Корень всего зла онъ видитъ въ ложныхъ ученіяхъ, распространившихся въ послѣднія двѣсти лѣтъ въ политической наукѣ и приведшихъ наконецъ къ французской революціи. Какъ будто революціи производятся теоретическими ученіями; какъ будто нѣсколько ложныхъ выводовъ способны выбросить міръ изъ колеи, въ которой онъ движется! Наука сама есть только произведеніе жизни. Теорія приводитъ къ сознанію то, что совершается на практикѣ, и если теорія воздѣйствуетъ на жизнь, то она не можетъ ея создать, также какъ зеркало не создаетъ свѣта, который оно отражаетъ. Прежде нежели существовала политическая наука, были государства, была политическая жизнь. Не ученія произвели французскую революцію, а извѣстное состояніе общества. Первоначальная ея причина лежала въ полной испорченности французскаго общества и въ нестерпимомъ чувствѣ этой порчи. Отъ этого она получила такой страшный оборотъ. Нужна была гроза, чтобы очистить воздухъ отъ накопившихся испареній. И гроза дѣйствительно очистила воздухъ. Не смотря на всѣ ужасы революціи, нельзя не сознаться, что вышедшій изъ нея порядокъ лучше прежняго, ибо Высшая Мудрость умѣетъ извлекать добро изъ самаго зла, которое творится человѣкомъ. Французская революція была, слѣдовательно, плодомъ жизни, а не новѣйшихъ ученій. Самыя же ученія, противъ которыхъ ополчается Галлеръ, были плодомъ прежнихъ революцій. Если мы прослѣдимъ ихъ корни, то мы дойдемъ до реформаціи, какъ справедливо замѣчаетъ Адамъ Мюллеръ. Реформація потрясла слѣпую вѣру въ религіозный авторитетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ авторитетъ гражданскій. Испытывая основанія церковной власти, человѣческій разумъ естественно обратился и къ испытанію основъ государства. И тутъ онъ, отвергнувъ слѣпое подчиненіе, пришелъ къ болѣе либеральнымъ началамъ. Но откуда произошла сама реформація? Исторія отвѣчаетъ: изъ совершенной испорченности католической церкви и духовенства. Всеобщее сознаніе этой испорченности именно и дало реформаціи неотразимую силу. Начало, слѣдовательно, и здѣсь лежитъ въ самой жизни. Это про-

---

[1]) Die Staatswissenschaft etc., стр. 324.

изошло не случайно. Слѣпая вѣра пригодна дѣтскому возрасту, а потому должна исчезнуть съ наступленіемъ совершеннолѣтія. Давши человѣку разумъ, Богъ предназначилъ его къ зрѣлости. Какъ скоро человѣкъ, съ развитіемъ сознанія, задастъ себѣ вопросъ: почему? такъ онъ долженъ дать на него отвѣтъ, и нѣтъ власти въ мірѣ, которая была бы въ правѣ ему это воспретить, ибо такова воля Божія [1]).

Замѣтимъ, что Кругъ идетъ слишкомъ далеко, когда онъ вовсе отвергаетъ значеніе теоріи, какъ одной изъ причинъ французской революціи. Безъ сомнѣнія, жизнь накопила матеріалы для переворота, происшедшаго во Франціи въ концѣ прошедшаго столѣтія, но должно замѣтить: 1) самая испорченность французскаго общества, на которую указываетъ Кругъ, была въ значительной степени плодомъ матеріалистическихъ ученій XVIII вѣка, какъ онъ и самъ впрочемъ признаетъ; 2) никогда преобразованіе государства не могло бы принять такой оборотъ, если бы этотъ оборотъ не былъ данъ ему именно теоріями XVIII-го вѣка. Такимъ образомъ, не жизнь произвела ученія, а ученія двинули жизнь. Дѣйствительное состояніе общества дало только поводъ и матеріалъ для приложенія революціонныхъ теорій. То же можно сказать и о реформаціи. Конечно, не развратъ католическаго духовенства былъ причиною того, что человѣкъ, какъ говоритъ Кругъ, вступилъ въ совершеннолѣтіе и началъ испытывать основанія своей вѣры. И въ этомъ испытаніи, также какъ и въ политическихъ теоріяхъ, онъ, конечно, руководствовался не фактическимъ опытомъ, который онъ подвергалъ критикѣ, а требованіями отвлеченнаго разума. Поэтому Галлеръ былъ совершенно правъ, когда онъ въ революціонныхъ теоріяхъ видѣлъ источникъ переворотовъ. Опроверженіе этихъ теорій составляетъ существенную его заслугу въ наукѣ, и самъ Кругъ, возражая ему, отнюдь не выступаетъ защитникомъ революціонныхъ ученій, а напротивъ, значительно ихъ смягчаетъ.

Такъ Галлеръ прежде всего отвергаетъ состояніе природы, какъ оно принималось философами XVII-го и XVIII-го столѣтій. Кругъ возражаетъ, что это вовсе не состояніе полнаго разобщенія съ нынѣшнею исторической дѣйствительностью, а только состояніе внѣгражданское. Онъ соглашается съ Галлеромъ, что гражданское состояніе (какъ оно нынѣ понимается) можетъ быть

---

[1]) Die Staatswiss. etc., стр. 329—339.

также названо естественнымъ, ибо оно вытекаетъ изъ природы человѣка. Но вопросъ заключается въ томъ: какъ возникло гражданское состоянiе изъ негражданскаго? Галлеръ правъ, когда онъ говоритъ, что мы не имѣемъ на это никакихъ фактическихъ данныхъ; но за недостаткомъ историческихъ свѣдѣнiй, остается прибѣгнуть къ рацiональному объясненiю. Когда Галлеръ отвергаетъ всѣ такого рода ипотезы, какъ вымыслы, онъ противорѣчитъ самъ себѣ. ибо онъ самъ прибѣгаетъ къ подобному же предположенiю, выводя государство изъ отдѣльныхъ договоровъ, заключаемыхъ частными лицами [1]).

Точно также несостоятельны возраженiя Галлера противъ свободы и равенства. Онъ признаетъ эти начала опасными, потому что они подаютъ поводъ къ злоупотребленiямъ; но на этомъ основанiи можно считать все опаснымъ. Свобода составляетъ необходимую принадлежность человѣка, какъ разумно-нравственнаго существа. Безъ свободы воли нѣтъ нравственности, а безъ внѣшней свободы внутренняя ни къ чему не служитъ. Никто однако не считаетъ внѣшнюю свободу неограниченною и безусловною, ибо въ такомъ случаѣ она сама уничтожила бы себя. Необходимо взаимное ограниченiе свободы отдѣльныхъ лицъ, опредѣленiе области, предоставленной каждому; въ этомъ состоятъ права, присвоенныя человѣку. Какъ велики эти права? отвлеченно, всѣ эти области равны; но въ дѣйствительности онѣ по необходимости становятся неравными, ибо природа, внося разнообразiе въ единство, одарила людей различными способами и поставила ихъ въ разныя положенiя. Однако, это эмпирическое неравенство опять уравнивается въ государствѣ, которое всѣмъ даетъ равную защиту и не допускаетъ сильнаго уничтожить слабаго. Неравные въ дѣйствительности становятся равными передъ закономъ. Когда учители государственнаго права говорятъ о свободѣ и равенствѣ, они имѣютъ въ виду именно эту свободу, подлежащую взаимнымъ ограниченiямъ, и это равенство передъ закономъ, безъ котораго слабый лишается всякаго права. Что же есть опаснаго въ подобномъ ученiи? Отнимаетъ ли оно власть у отца надъ дѣтьми, у хозяина надъ слугою, у правительства надъ подданными? Беретъ ли оно имущество у богатаго, чтобы раздать его бѣднымъ? Самъ Галлеръ, въ концѣ концовъ, принужденъ сознаться, что у человѣка есть прирожденныя права, и что въ этомъ отношенiи

[1]) Die Staatswiss. etc., стр. 342—351.

всѣ равны, а потому всѣ свободны. Но онъ хочетъ хранить это ученіе въ тайнѣ отъ толпы, чтобы предупредить злоупотребленія [1]).

Наконецъ, послѣднее и опаснѣйшее заблужденіе, которое старается опровергнуть Галлеръ, это — ученіе о полновластіи народа и связанная съ нимъ теорія происхожденія государства изъ договора. Галлеръ утверждаетъ, что князья (монархи) существуютъ прежде народа, и потому властвуютъ не по перенесенному, а по собственному праву. Вмѣсто общаго гражданскаго договора, онъ выводитъ государство изъ множества отдѣльныхъ договоровъ между князьями и подданными. Но подобный взглядъ противорѣчитъ существу государства. Самъ Мюллеръ, усматривая въ государствѣ живой организмъ, сравниваетъ его съ человѣческимъ тѣломъ; это сравненіе во всякомъ случаѣ гораздо болѣе вѣрно, нежели сравненіе съ машиною. Что же бы мы сказали, еслибы какой нибудь физикъ сталъ утверждать, что сначала существовали отдѣльные члены, а затѣмъ, Богъ знаетъ откуда, пришла голова, собрала эти члены и сама сѣла на нихъ? Подобная политическая теорія нисколько не ограждаетъ самаго княжескаго (монархическаго) права, ибо кто намъ ручается, что не придетъ другая голова и точно также собственною властью не прогонитъ первую? А наконецъ и самъ народъ, который сильнѣе князя, можетъ собственною властью смѣнить его и посадить другаго. Теорія договора, напротивъ, нисколько не умаляетъ правъ князей, ибо договоры должны соблюдаться, а не нарушаться волею одной стороны. Если власть князя перенесена на него народомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что она можетъ быть произвольно у него отнята. Частные люди заключаютъ договоры и даютъ полномочія на время; государство же имѣетъ цѣль постоянную, а потому и полномочіе, данное власти, никогда не должно прекращаться. Конечно, въ этой теоріи, народу приписывается извѣстное полновластіе, но совсѣмъ не то, которое принадлежитъ главѣ государства. Первое — ничто иное какъ первоначальное полновластіе, принадлежащее той суммѣ силъ, которыя соединены въ государствѣ, какъ въ цѣломъ; второе же происходитъ отъ перваго и принадлежитъ извѣстному физическому или нравственному лицу. Первое есть идея, второе — выраженіе этой идеи въ дѣйствительности. Черезъ это князь не становится слугою народа, развѣ въ томъ смыслѣ, что онъ дѣйствуетъ на пользу народа; но въ этомъ смыслѣ и отецъ служитъ

---

[1]) Die Staatswiss. etc., стр. 351—356.

дѣтямъ. Всѣ въ мірѣ князья видятъ въ этомъ священнѣйшую свою обязанность и единственное свое призваніе, отнюдь не раздѣляя мнѣнія Галлера, который утверждаетъ, что они властвуютъ по собственному праву, а потому могутъ распоряжаться государствомъ, какъ своею частною собственностью [1]).

И такъ, Кругъ противополагаетъ теоріи Галлера ученіе о первоначальномъ полновластіи народа. Мы не можемъ назвать и эту критику основательною. Если бы она ограничивалась доказательствомъ, что князья властвуютъ не по собственному праву, а какъ представители государства и потому должны имѣть въ виду общее благо, а не частное, то противъ этого ничего нельзя было бы сказать. Но когда на мѣсто частной власти князя ставится первоначальное полновластіе народа, то здѣсь опять смѣшиваются два различныхъ значенія слова *„народъ“*. Какъ собраніе личныхъ единицъ, народъ не составляетъ единаго цѣлаго, а потому въ немъ не можетъ быть и полновластія; какъ же скоро онъ образуетъ одно цѣлое, онъ становится государствомъ и имѣетъ уже правительство. По идеѣ, власть принадлежитъ не народу, какъ собранію единицъ, а государству, какъ цѣлому надъ частями. Вопросъ состоитъ только въ томъ: какимъ образомъ происходитъ это цѣлое? Центральное ли ядро собираетъ вокругъ себя разсѣянныя частицы или, наоборотъ, частицы, собираясь, образуютъ изъ себя центральное ядро? Сравненіе, которымъ Кругъ думаетъ опровергнуть Галлера, можетъ быть обращено и противъ него самаго. Немыслимо, чтобы организмъ произошелъ изъ собранія разсѣянныхъ рукъ и ногъ, которые, сплотившись, наконецъ поставили бы надъ собою голову. Въ дѣйствительности могутъ встрѣтиться оба способа установленія государственной власти, а потому считать правомѣрнымъ исключительно тотъ или другой будетъ равно односторонне.

Кругъ возстаетъ далѣе противъ положенія Галлера, что сильнѣйшій всегда есть вмѣстѣ и благороднѣйшій. Онъ указываетъ, съ одной стороны, на римскихъ императоровъ, которыхъ власть не знала границъ, съ другой стороны, на Христа и апостоловъ, вышедшихъ изъ самыхъ низкихъ общественныхъ слоевъ [2]). Въ заключеніе, онъ признаетъ правильными отдѣльныя замѣчанія Галлера, напримѣръ то, что онъ говоритъ о страсти прави-

---

[1]) Die Staatswiss. etc., стр. 356—370.
[2]) Тамъ же, стр. 383 — 385.

тельствъ всѣмъ управлять и вмѣшиваться во всѣ частныя дѣла, о преувеличеніяхъ и непослѣдовательности многихъ изъ новѣйшихъ писателей, о пагубномъ стремленіи уничтожать все старое и замѣнять его новымъ, о недостаточности чисто юридическихъ началъ въ общественныхъ отношеніяхъ и о необходимости повсюду вводить нравственные и религіозные мотивы, и т. д. Но все это, говоритъ Кругъ, перлы, затерянные въ грязи; въ основаніи лежитъ ложная мысль и вредное направленіе [1]).

Самъ Кругъ, не смотря на то, что онъ признавалъ иногда необходимость введенія нравственныхъ и религіозныхъ началъ въ политическую жизнь, отнюдь не выходилъ изъ предѣловъ чисто юридической теоріи государства. Лучшимъ доказательствомъ служитъ его *„Дикеополитика“*, т. е. политика, основанная на правѣ; это сочиненіе содержитъ въ себѣ въ популярной формѣ полное изложеніе ученія Круга. Издавая это сочиненіе, онъ именно имѣлъ въ виду противопоставить его теоріи Галлера, почему и далъ ему еще другое заглавіе: *„Новое возстановленіе политической науки посредствомъ юридическаго закона“* [2]). Оно вышло въ 1824 году.

Кругъ прямо начинаетъ здѣсь съ отношенія политики къ нравственности. Одни говорятъ, что первая должна быть основана на послѣдней; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что между ними нѣтъ ничего общаго. Политику перваго рода можно бы назвать ангельскою, вторую — діавольскою. Но между обѣими есть нѣчто среднее, именно, политика правомѣрная, которая законъ права считаетъ высшимъ мѣриломъ своей дѣятельности. Наименьшее, чего можно требовать отъ разумно-нравственнаго существа, это то, чтобы оно соблюдало этотъ законъ въ отношеніи къ другимъ. Тоже требованіе можно предъявить и государству. Оно должно быть правомѣрно въ своей цѣли и въ средствахъ, въ своемъ устройствѣ и въ управленіи, въ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ. Политика на столько связана съ нравственностью, на сколько нравственность въ обширномъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ ученіе о правѣ. Ученіе же о добродѣтели или нравственность въ тѣсномъ смыслѣ прилагается только къ отдѣльному человѣку. Оно не можетъ составлять задачи полити-

---

[1]) Die Staatswiss. etc., стр. 390.
[2]) Dikäopolitik oder neue Restauration der Staatswissenschaft mittels des Rechtsgesetzes. См. Krug's gesammelte Schriften, 6 Band.

ческой науки, ибо иначе пришлось бы въ политику включать педагогику, аскетику, казуистику, катехетику и т. д. [1]).

Что же такое юридическій законъ? Откуда онъ вытекаетъ и чѣмъ онъ отличается отъ закона нравственнаго?

Источникъ его — разумно-свободная природа человѣка. Разумъ стремится къ полному согласію всѣхъ жизненныхъ проявленій человѣческой души, — съ одной стороны, представленій и знаній, съ другой стороны, стремленій и дѣйствій. Первое есть область разума теоретическаго, второе — разума практическаго. Послѣдній, въ свою очередь, даетъ законы двоякаго рода: для внутренней и для внѣшней дѣятельности человѣка. И тотъ и другой законъ имѣютъ предметомъ человѣческую свободу, которая, также какъ и дѣятельность, раздѣляется на внутреннюю и внѣшнюю. Первая состоитъ въ свободѣ воли или въ самоопредѣленіи, независимомъ отъ влеченій, вторая — въ независимости внѣшнихъ дѣйствій отъ чужой воли. Обѣ составляютъ необходимую принадлежность разумно-нравственнаго существа, ибо безъ нихъ оно не могло бы слѣдовать нравственному закону. Если бы человѣкъ не былъ внутренно свободенъ, онъ, какъ животное, необходимо подчинялся бы господству чувственныхъ влеченій. Если бы онъ не имѣлъ внѣшней свободы, онъ не могъ бы ни къ чему прилагать своей внутренней свободы, ибо какъ цѣли, такъ и средства были бы ему навязаны извнѣ. Законъ внутренней свободы есть законъ нравственный. Онъ относится къ помысламъ, а потому не сопровождается принужденіемъ. Законъ внѣшней свободы, напротивъ, требуетъ согласія внѣшнихъ дѣйствій различныхъ разумныхъ существъ, а такъ какъ эти дѣйствія сталкиваются въ физическомъ мірѣ, то приложеніе его влечетъ за собою физическое принужденіе. Если бы внѣшняя свобода каждаго была неограниченна, она становилась бы въ противорѣчіе съ внѣшнею свободою другихъ. Изъ этого произошла бы взаимная борьба и уничтоженіе людей другъ другомъ. Поэтому, для установленія согласія, разумъ требуетъ взаимнаго ограниченія свободы. Каждый воленъ выбирать цѣли и средства своей дѣятельности, но съ тѣмъ, чтобы онъ уважалъ личное достоинство всѣхъ другихъ, т. е. чтобы онъ ограничивалъ свою свободу условіемъ совмѣстнаго существованія съ другими. Въ популярной формѣ, этотъ законъ выражается извѣстными изреченіями: не обижай никого (neminem laede) и возда-

---

[1]) Dicäopol., 1 Absch., стр. 301 — 303.

вай каждому свое (Suum cuique tribue), изреченіями, выражающими въ сущности тождественную мысль; одно изъ нихъ выражаетъ это въ отрицательной, другое въ положительной формѣ, ибо обида состоитъ именно въ нарушеніи чужаго (т. е., чужой личности и ея правъ). Такимъ образомъ, каждому лицу присвояется извѣстная область свободы, въ предѣлахъ которой ему дозволяется дѣйствовать, какъ ему угодно. Эта область есть область права, и опредѣляющій ее законъ есть законъ юридическій [1]).

Отсюда ясно, что права неразрывно связаны съ обязанностями. Присвояя себѣ право, я тѣмъ самымъ налагаю на другихъ обязанность его уважать, и наоборотъ, приписывая права другимъ, я признаю за собою обязанность уважать эти права. Слѣдовательно, юридическій законъ не только дозволяетъ, а также и воспрещаетъ. Но право есть условіе, а обязанность—обусловленное; право есть основаніе, а обязанность—послѣдствіе. Чтобы юридически доказать чужую обязанность, я долженъ прежде доказать свое право. Тѣ, которые выводятъ права изъ обязанностей, извращаютъ истинное отношеніе этихъ двухъ началъ. Есть обязанности независимыя отъ права, но это обязанности нравственныя. Только послѣднія имѣютъ положительный характеръ; юридическія же обязанности — первоначально отрицательныя, и только впослѣдствіи, при извѣстныхъ условіяхъ, онѣ могутъ перейти въ положительныя [2]).

Изо всего этого слѣдуетъ: 1) что тотъ, кто въ отношеніи къ другимъ хочетъ имѣть права, долженъ признать за собою и обязанности, и наоборотъ, кто хочетъ на другихъ наложить обязанности, тотъ долженъ признать за ними и права; 2) отсюда слѣдуетъ далѣе, что между людьми нѣтъ такихъ общественныхъ отношеній, въ силу которыхъ одинъ членъ общества имѣлъ бы только права, а другой только обязанности; ибо человѣкъ, который не имѣлъ бы правъ или обязанностей, не былъ бы разумно-нравственнымъ существомъ. Поэтому мужъ имѣетъ какъ права, такъ и обязанности въ отношеніи къ женѣ, родители къ дѣтямъ, господа къ слугамъ, правители къ подданнымъ, и наоборотъ. Изъ этого видно 3) что между людьми, по юридическому закону, не можетъ существовать неограниченной власти. Деспотія и рабство одинаково противорѣчатъ праву. Поэтому 4) не

---

[1]) Dikäopol., 1 Absch., стр. 304 — 308.
[2]) Тамъ же, 2 Absch., стр. 309 — 312.

можетъ быть и безусловнаго (т. е., неограниченнаго) повиновенія, а есть только повиновеніе законное, обусловленное взаимными правами и обязанностями. Человѣкъ можетъ требовать повиновенія отъ другаго только во имя закона, а законъ, какъ проявленіе разума, не можетъ предписывать ничего, что бы противорѣчило праву и нравственности [1]).

Замѣтимъ, что въ этомъ послѣднемъ заключеніи Кругъ дѣлаетъ логическій скачекъ. Всѣ выведенныя имъ начала права, въ существѣ своемъ непоколебимыя, относятся единственно къ отношеніямъ отдѣльныхъ лицъ между собою. Какого рода видоизмѣненія они могутъ потерпѣть въ приложеніи къ отношеніямъ отдѣльнаго лица къ обществу, какъ цѣлому, остается пока неизвѣстнымъ; а что эти послѣднія отношенія не одинаковы съ первыми, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Право сопровождается принужденіемъ; но возможно ли принужденіе въ отношеніи къ высшему судьѣ (т. е., къ судьѣ, на котораго нѣтъ аппелляціи), которому въ обществѣ ввѣрено рѣшеніе юридическихъ вопросовъ? Очевидно нѣтъ. Въ обществѣ непремѣнно должна существовать какая нибудь верховная власть, которой рѣшенія не подлежатъ дальнѣйшему спору, и которая, уже по этому самому, юридически неограниченна. Чтобы доказать свое положеніе, Кругъ принужденъ снова смѣшать раздѣленныя имъ сперва области права и нравственности. „Хотя въ теоріи, говоритъ онъ, эти два рода обязательствъ справедливо различаются: однако человѣкъ въ жизни постоянно долженъ имѣть въ виду всѣ свои обязанности, когда вопросъ идетъ о томъ, долженъ ли онъ оказать повиновеніе данному извнѣ повелѣнію. Если предписывается что нибудь недоброе, то это явное доказательство, что повелѣніе дано не во имя закона, а потому оно не въ правѣ требовать для себя повиновенія“ [2]). Спрашивается: какого закона: юридическаго, нравственнаго, естественнаго, положительнаго? и которому изъ нихъ слѣдуетъ дать перевѣсъ въ случаѣ столкновенія? Ясно, что тутъ происходитъ полное смѣшеніе понятій. Какъ скоро вопросъ переносится на нравственную почву, такъ о правомѣрномъ повиновеніи не можетъ уже быть рѣчи. Личная совѣсть должна рѣшать, на сколько нравственныя обязанности должны быть поставлены выше юридическихъ; правительство же, съ своей стороны, не мо-

---

[1]) Dikäopol. 2 Absch.; стр. 312 — 316.
[2]) Тамъ же, стр. 314 — 315.

жетъ не требовать безусловнаго повиновенія, ибо въ общественномъ дѣлѣ личная совѣсть не можетъ быть всерѣшающимъ началомъ.

Этотъ вопросъ приводитъ Круга къ изслѣдованію основаній общежитія. И здѣсь, какъ и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, онъ отвергаетъ состояніе природы въ смыслѣ состоянія внѣ общественнаго. Такое состояніе не можетъ быть названо естественнымъ, ибо оно противорѣчитъ природѣ человѣка. Но можно и должно признать естественное состояніе въ противуположность гражданскому. Послѣднее есть сложное явленіе; оно предполагаетъ уже существованіе языка, семейства, домашнихъ учрежденій, племеннаго сродства, общихъ нравовъ и обычаевъ. Слѣдовательно, фактически, также какъ и умозрительно, мы должны предполагать гражданское состояніе вышедшимъ изъ другаго [1]).

Съ послѣднимъ можно бы согласиться, если бы Кругъ остановился на томъ, что гражданскому состоянію предшествуетъ семейный или родовой бытъ. Но вмѣсто того, придерживаясь старой фикціи, онъ признакомъ естественнаго состоянія считаетъ господство частной воли и частной силы, тогда какъ въ гражданскомъ водворяются общая воля и общая сила. Отсюда онъ выводитъ, что въ естественномъ состояніи охраненіе права предоставляется доброй волѣ каждаго, а потому, если это состояніе не можетъ быть названо неправомѣрнымъ, то оно во всякомъ случаѣ безправно. Миръ здѣсь случайность, и въ каждую минуту есть возможность нарушенія права и возникновенія войны. Въ такомъ положеніи человѣкъ оставаться не можетъ. Охраненіе права требуетъ отъ него вступленія въ гражданское состояніе. Какъ разумное существо, онъ не можетъ хотѣть жить иначе, какъ въ государствѣ. Какого рода эта обязанность: нравственная или юридическая, это въ сущности все равно, ибо гражданское состояніе возникаетъ не вдругъ, а постепенно и почти безсознательно, и какъ скоро оно утвердилось, оно не можетъ не считать преступникомъ всякаго, кто захотѣлъ бы его уничтожить и возвратиться къ естественному состоянію [2]).

Изъ этихъ началъ, Кругъ выводитъ существо и цѣль государственнаго союза. Существо всякаго общества опредѣляется его цѣлью, а если цѣлей нѣсколько, то главною изъ нихъ. Какая

---

[1]) Dikäopol. 3 Absch., стр. 316 — 324.
[2]) Тамъ же, стр. 324—326.

же цѣль государства? Публицисты, на этотъ счетъ, приходятъ къ совершенно различнымъ мнѣніямъ. Одни ставятъ цѣлью государства охрану права, другіе—общественное благо, третьи—вѣчное спасеніе. Опытъ, съ своей стороны, не представляетъ намъ никакого исхода изъ этой путаницы воззрѣній. Если мы взглянемъ на дѣйствительно существовавшія въ исторіи государства, то увидимъ такую смѣсь безправія, страданій, порочности и безбожія, что мы усомнимся, подходитъ ли которая нибудь изъ означенныхъ цѣлей къ дѣйствительному государству. Руководящую нить въ этомъ лабиринтѣ могутъ дать намъ только изложенныя выше начала. Разумъ требуетъ осуществленія юридическаго закона. Этотъ законъ долженъ быть какъ бы духомъ, управляющимъ всякимъ человѣческимъ обществомъ. Слѣдовательно, необходимо установленіе такого порядка, въ которомъ область свободы каждаго была бы опредѣлена общею волею и охраняема общею силою. Это и есть государство. Главная цѣль его, слѣдовательно, охрана права или господства юридическаго закона. Но это не мѣшаетъ ему преслѣдовать и другія сообразныя съ разумомъ цѣли. Человѣкъ естественно стремится къ благосостоянію и изыскиваетъ для этого средства. Государство тѣмъ болѣе должно этому содѣйствовать, что бѣдность и страданія ведутъ къ нарушенію права. То-же слѣдуетъ сказать и о духовныхъ благахъ. Государство не было бы истинно человѣческимъ учрежденіемъ, если бы оно исключало изъ себя эти высшія задачи разума. Содѣйствуя наукѣ, искусству, религіи, покровительствуя школамъ и церкви, государство тѣмъ вѣрнѣе достигаетъ собственной своей цѣли — охраны права. Но вводя всѣ эти предметы въ кругъ дѣятельности государства, не слѣдуетъ забывать, что все это цѣли побочныя и отдаленныя. Ставить ихъ, отдѣльно или въ совокупности, непосредственною цѣлью государства, не только неправильно, но и опасно. Это побуждаетъ государственныхъ людей преступать юридическій законъ во имя общественнаго блага, тогда какъ юридическій законъ долженъ быть коренною основою государственной дѣятельности, а все остальное должно съ нимъ соображаться. Еще менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые, вслѣдствіе ложной философіи или іерархическихъ притязаній, сливаютъ въ одно церковь и государство. По существу своему, это—два различные союза, которые могутъ быть или сопоставлены или подчинены одинъ другому. А такъ какъ сопоставленіе ведетъ къ постоянной борьбѣ, то необходимо подчи-

ненie. Который же изъ нихъ долженъ подчиниться другому? Такъ какъ непремѣнное требованiе разума составляетъ господство юридическаго закона, а осуществленiе этого закона предоставляется государству, то очевидно, что церковь должна подчиняться государству, а не наоборотъ. Хотя бы она идеально стояла выше, въ дѣйствительности она, какъ и всякое другое общество, не можетъ быть изъята отъ господства юридическаго закона, который составляетъ первое и необходимое условiе всякаго общежитiя [1]).

Нельзя не замѣтить, что главная и второстепенная цѣли государства весьма плохо связаны у Круга. Онъ вывелъ необходимость государства, какъ юридическаго союза; но почему же сюда должны присоединяться и другiя цѣли? Видѣть въ нихъ только средства для охраны права, значило бы унизить самыя высокiя стремленiя человѣческаго духа на степень орудiя для исполненiя практическихъ требованiй. Недостаточно также сказать, что государство, какъ истинно человѣческое учрежденiе, не можетъ исключить ихъ изъ себя. Если оно спецiальное учрежденiе для охраны права, то нѣтъ для него причины задаваться еще и другими задачами. Почему же церковь, которая тоже истинно человѣческое учрежденiе, не должна ставить себѣ цѣлью охрану права? Ясно, что только практическiя требованiя заставили Круга выдти изъ предѣловъ выработанной имъ теорiи. Очерченная имъ для государства область оказывалась слишкомъ тѣсною; жизнь ставила ему другiя задачи, которыя не могли быть устранены. Но такъ какъ въ предѣлахъ теорiи имъ не было мѣста, то оставалось прилѣпить ихъ съ боку, безъ всякой внутренней связи съ самымъ существомъ политическаго союза.

Изъ чисто юридической теорiи государства слѣдуетъ далѣе, что если оно основано на охраненiи права, то нѣтъ необходимости, чтобы оно было связано съ извѣстною народностью. Дѣйствительно, Кругъ признаетъ это только полезнымъ, но не необходимымъ. Опытъ показываетъ, что одинъ народъ (т. е., племя или народность) можетъ составлять нѣсколько разныхъ государствъ, и наоборотъ, одно государство можетъ заключать въ себѣ нѣсколько народностей. Оно можетъ даже просто возникнуть изъ всякаго сброда. Лишь бы господствовалъ юридическiй законъ, разуму все равно, изъ кого составляется союзъ [2]). Та-

---

[1]) Dikäopol. 4 Absch., стр. 330—339.
[2]) Тамъ же, 5 Absch., стр. 340—341.

кимъ образомъ, національныя требованія нѣмцевъ, которыя Кругъ такъ горячо защищалъ, теряютъ существенное свое значеніе вслѣдствіе односторонняго построенія государства.

Но если племенной составъ государства безразличенъ для юридическаго закона, то не безразличенъ способъ его происхожденія. Кругъ разсматриваетъ различныя мнѣнія писателей на этотъ счетъ. Одни видятъ въ политическомъ союзѣ созданіе Божіе; это – мнѣніе богослововъ. Но Богъ непосредственно не установлялъ ни одного государства Если въ религіозномъ смыслѣ все есть созданіе Божіе, то это не исключаетъ ближайшихъ причинъ, которыя и должны быть изслѣдованы наукою. Другіе, именно натуралистическіе политики, смотрятъ на государство какъ на созданіе природы. По ихъ мнѣнію, природа вложила въ человѣка общежительный инстинктъ, который дѣйствуетъ также, какъ силы физическія или химическія. соединяя сродные элементы и образуя изъ нихъ одно органическое цѣлое. Эта теорія, заманчивая съ перваго взгляда, грѣшитъ тѣмъ, что она человѣка и государство низводитъ на степень орудій слѣпыхъ силъ. Между тѣмъ, человѣкъ есть разумно-нравственное существо которое не руководствуется однимъ инстинктомъ, но полагаетъ себѣ разумныя цѣли и достигаетъ ихъ посредствомъ свободной воли. Ученіе, которое не принимаетъ въ разсчетъ этого, самаго существеннаго элемента человѣческой природы, не можетъ быть одобрено. Третьи ищутъ основаній государства въ превосходствѣ силы. Но въ такомъ случаѣ атаманъ разбойниковъ былъ бы правомѣрнымъ государемъ. Если сила даетъ право, то всякій, у кого сила въ рукахъ, имѣетъ право низвергнуть правителя и сѣсть на его мѣсто. Очевидно, что этимъ способомъ можно установить только временную власть. Если же государство должно быть постояннымъ учрежденіемъ, то къ силѣ необходимо присоединить и право. Вслѣдствіе этого, четвертое мнѣніе,—мнѣніе философствующихъ политиковъ,—выводитъ государство изъ договора. Если эта теорія хочетъ имѣть притязаніе на историческое значеніе. то она окажется несостоятельною, ибо исторія не представляетъ намъ примѣра подобныхъ договоровъ. Но несостоятельна ли она и сама по себѣ? Правомѣрное государство непремѣнно должно представляться основаннымъ на договорѣ, ибо таково требованіе юридическаго закона. Не слѣдуетъ только воображать себѣ этотъ договоръ явнымъ и формальнымъ. Большая часть договоровъ не имѣетъ этого характера. Когда мы видимъ союзъ людей, подчиненныхъ еди-

ной власти, мы должны въ основанiи предположить добровольное ихъ согласiе. Природа могла ихъ къ этому привлечь; превосходная сила могла ихъ понудить. Но все-таки ихъ воля должна была изъявить свое согласiе; ибо воля человѣка можетъ противустоять природному влеченiю, и нѣтъ человѣка столь сильнаго, что онъ могъ бы властвовать, не опираясь на согласiе подчиненныхъ.

Въ результатѣ можно сказать, что всѣ означенныя выше четыре мнѣнiя заключаютъ въ себѣ долю правды. Справедливо, что Богъ создалъ человѣка для государственной жизни и руководитъ его на этомъ пути; но исполненiе божественнаго закона предоставлено человѣческой свободѣ. Справедливо и то, что природа влечетъ человѣка къ гражданственности; но эти природные инстинкты прилагаются опять же не иначе, какъ при посредствѣ свободы. Справедливо и то, что нерѣдко превосходная сила соединяетъ людей и такимъ образомъ подаетъ поводъ къ образованiю государства; но безъ содѣйствiя свободы никакая сила не могла бы упрочить политическiй порядокъ и распространить его по всей землѣ. Наконецъ, понятно, что и свобода одна недостаточна чтобы дать бытiе государству; но она составляетъ, по крайней мѣрѣ, одно изъ главныхъ условiй его существованiя [1].

Въ этомъ послѣднемъ выводѣ, Кругъ, повидимому, отступаетъ отъ исключительной теорiи договора, или во всякомъ случаѣ значительно ее смягчаетъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, онъ все-таки на ней останавливается и доказываетъ даже, что она можетъ быть оправдана исторически, между тѣмъ какъ за нѣсколько страницъ онъ самъ же утверждалъ, что исторiя не представляетъ примѣровъ подобныхъ договоровъ [2]. Ясно, что у него происходитъ значительное колебанiе понятiй, которое указываетъ на недостаточность самаго ученiя.

При такомъ взглядѣ на цѣль и происхожденiе государства, основнымъ элементомъ послѣдняго является не власть, а личное право. Государство ничто иное, какъ средство для охраны права; поэтому личныя права ему предшествуютъ. Права гражданъ суть только видоизмѣненныя гражданскимъ порядкомъ права человѣка. Однако Кругъ весьма далекъ отъ теорiи неприкосновенныхъ и неотчужденныхъ правъ человѣка и гражданина, провозглашен-

---

[1] Dikäopol., 6 Absch., стр. 346—360.
[2] Тамъ же, стр. 360—364; ср. стр. 357.

ной французскимъ Учредительнымъ Собраніемъ. У него, это ученіе является опять въ весьма смягченномъ видѣ. Права человѣка заключаютъ въ себѣ право на жизнь и право на свободную дѣятельность. Первое сохраняется и въ государствѣ, которое беретъ его только подъ свою защиту, а потому воспрещаетъ самоуправство, иначе какъ въ случаяхъ необходимой обороны. Кругъ не упоминаетъ о томъ, что государство имѣетъ право требовать отъ гражданъ, чтобы они рисковали своею жизнью для защиты интересовъ отечества. Второе право человѣка, право на свободную дѣятельность, заключаетъ въ себѣ право на свободное движеніе тѣла и духа и на свободное употребленіе тѣлесныхъ предметовъ для цѣлей духовнаго міра. Здѣсь, по необходимости, въ государствѣ установляются ограниченія; но какія? Они не должны простираться до уничтоженія самаго права, ибо черезъ это государство уничтожило бы собственную свою сущность; жизнь въ немъ перестала бы быть человѣческою жизнью. Они не должны также казаться дѣломъ произвола, ибо это опять ведетъ къ уничтоженію свободы. Ограниченія, говоритъ Кругъ, должны быть такого рода, что всякій человѣкъ, если бы онъ поступалъ разумно, долженъ бы былъ самъ себя ограничить такимъ образомъ [1]). Но вопросъ состоитъ именно въ томъ, какого рода ограниченія требуются разумомъ: можно ли тутъ поставить ясныя и непреложныя границы, или эти границы должны измѣняться, смотря по обстоятельствамъ? и кто въ этомъ судья? Наконецъ, во имя чего требуются ограниченія: во имя чужаго права или также во имя общаго блага? Если мы примемъ послѣднее, то, по неопредѣленности этого начала, тутъ нельзя положить никакой границы. Между тѣмъ, Кругъ признаетъ правомѣрность ограниченій этого рода. Разбирая права духовной свободы, онъ прямо даетъ государству право запрещать оскорбительныя или опасныя для него рѣчи и сочиненія и подвергать виновныхъ наказанію. Только въ приложеніи къ цензурѣ, говоритъ онъ, нельзя утверждать это такъ безусловно, ибо тутъ дается слишкомъ большой просторъ произволу, и это легко можетъ повести къ подавленію мыслей, даже истинныхъ и полезныхъ. Поэтому онъ допускаетъ цензуру только въ видѣ наказанія, когда писатель уже передъ этимъ провинился [2]). Ясно, что этимъ путемъ можно уйдти далеко.

---

[1]) Dikäopol., 7 Absch., стр. 365—369.
[2]) Тамъ же, стр. 372—373.

Точно также смягчаются и требованія равенства. Кругъ совершенно основательно признаетъ равенство права и неравенство правъ. Всѣ равны передъ закономъ, но права лицъ различны, ибо они зависятъ отъ способностей, дѣятельности, обстоятельствъ [1]). Спрашивается: совмѣстны ли привилегіи съ этимъ началомъ? На этотъ вопросъ, говоритъ Кругъ, нельзя отвѣчать вообще, а надобно спросить: о какихъ привилегіяхъ идетъ рѣчь? Есть привилегіи необходимыя, полезныя или по крайней мѣрѣ безвредныя, а другія чисто случайныя или даже противорѣчащія праву. Такъ, напримѣръ, правители и вообще должностныя лица по необходимости пользуются нѣкоторыми преимуществами передъ другими. Точно также могутъ быть установлены нѣкоторыя изъятія или освобожденія отъ тяжестей въ пользу лицъ, находящихся въ особенномъ положеніи или посвящающихъ себя извѣстной дѣятельности, полезной обществу. Но есть привилегіи, которыя не имѣютъ такого основанія и произошли чисто случайно. Сюда относятся, напримѣръ, преимущества, которыя даются лицамъ, исповѣдующимъ извѣстную вѣру. Господство того или другаго вѣроисповѣданія есть нѣчто случайное, измѣняющееся по времени, мѣсту и обстоятельствамъ. Униженіе другихъ въ этомъ отношеніи есть нарушеніе права. Точно также случайны преимущества, которыя даются рожденію. Законность рожденія или знатность породы отнюдь не составляютъ условія высшаго образованія. Поэтому наслѣдственныя привилегіи дворянства, когда онѣ состоятъ не въ простомъ почетѣ, въ которомъ никто не откажетъ стариннымъ именамъ, а въ преимущественномъ правѣ на извѣстныя должности, противорѣчатъ требованіямъ права. Но всего вреднѣе тѣ привилегіи, которыя создаютъ государство въ государствѣ, напримѣръ права, которыми во многихъ странахъ пользуется римско-католическое духовенство. Вообще, общественному благу противорѣчатъ всѣ тѣ преимущества, которыя какую-нибудь часть общества превращаютъ въ касту или въ замкнутое сословіе, ибо этимъ развивается духъ обособленія, и частный интересъ получаетъ перевѣсъ надъ общимъ. Противъ всѣхъ привилегій подобнаго рода надобно возставать и требовать ихъ отмѣны, хотя и тутъ часто приходится дѣйствовать крайне осторожно и идти постепенно, чтобы не усилить зла, вмѣсто того, чтобы его устранить. Полезныя же преимущества необходимо сохранять. Такъ,

---

[1]) Dikäopol., 7 Absch., стр. 377—380.

невозможно, чтобы въ государствѣ всѣ равнымъ способомъ и въ равной степени принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Для этого требуются условія, которыя существуютъ не у всѣхъ. Вездѣ исключаются женщины, которыя, по своей природѣ, предназначены къ семейной жизни. Исключаются несовершеннолѣтніе, такъ какъ они не въ состояніи еще имѣть зрѣлаго сужденія. Наконецъ, устраняются и неимущіе, которые въ государствѣ только числятся, а не вѣсятъ: находясь въ зависимости отъ другихъ, они не могутъ имѣть свободнаго голоса въ общихъ рѣшеніяхъ. Конечно, и здѣсь слишкомъ далеко уходятъ тѣ, которые для участія въ общественныхъ дѣлахъ требуютъ значительнаго имущества или поземельной собственности; но благоразумный законодатель въ правѣ требовать отъ дѣйствительнаго гражданина, чтобы онъ честно и прилично содержался отъ своего ремесла [1]).

Въ результатѣ вся эта аргументація Круга сводится къ требованіямъ умѣреннаго либерализма. Но поставленный въ такомъ видѣ, вопросъ переносится съ юридической почвы на политическую, и тутъ нѣтъ причины принимать одно и отвергать другое. Если во имя государственной пользы могутъ быть установлены нѣкоторыя привилегіи, то почему же не могутъ быть точно также установлены и наслѣдственное дворянство и господствующее вѣроисповѣданіе? Считать то и другое чистою случайностью, — это слишкомъ поверхностное сужденіе. Какъ скоро эти учрежденія вытекаютъ изъ народной жизни, они могутъ быть точно также правомѣрны, какъ и всякія другія.

Согласно съ прежнимъ своимъ ученіемъ, Кругъ первоначальное полновластіе приписываетъ народу. Но эта покоящаяся въ народѣ сумма силъ, говоритъ онъ, есть въ сущности только идея. Отдѣльныя силы, которыя совокупляются мысленно, въ дѣйствительности разобщены и разсѣяны по всему пространству государства. Безъ соединяющаго ихъ средоточія, безъ личности ихъ связывающей, они не составляютъ живаго цѣлаго. Это не болѣе какъ тѣло безъ головы. Отсюда необходимость живаго представителя власти, главы государства или правителя, въ отношеніи къ которому остальные являются подданными [2]).

Кругъ могъ бы вывести отсюда, что разсѣяннымъ единицамъ нельзя приписать никакой власти, ибо тѣло безъ головы

[1]) Dikäopol., 8 Absch., стр. 381—395.
[2]) Тамъ же, 10 Absch., стр. 408—409.

не можетъ имѣть притязанія на господство. Но, какъ мы уже видѣли, тутъ въ его теоріи оказывается существенный недостатокъ,—недостатокъ, впрочемъ, чисто отвлеченный, ибо полновластіе народа остается у него идеею безъ приложенія. Какъ скоро власть перенесена на извѣстное лице, такъ народъ теряетъ уже право брать ее назадъ. Если этому перенесенію присвоена наслѣдственность, то власть остается принадлежностью рода, пока онъ не прекратится. Кругъ признаетъ, что и фактически установившаяся власть, какъ показываютъ безчисленные примѣры, можетъ, съ теченіемъ времени, сдѣлаться правомѣрною. Основаніемъ права здѣсь опять таки служитъ молчаливое согласіе народа. Не слѣдуетъ только подъ именемъ народа разумѣть одну чернь, и не надобно спрашивать, сколько требуется времени, чтобы неправомѣрная власть превратилась въ правомѣрную. Это совершается постепенно и незамѣтно, такъ что никто не можетъ указать тутъ границы [1]).

Если же, продолжаетъ Кругъ, оставивъ точку зрѣнія права, мы съ точки зрѣнія пользы спросимъ: какого рода перенесеніе власти лучше для государства, наслѣдственное или выборное, то на этотъ вопросъ нельзя дать безусловнаго отвѣта. Защитники выбора ссылаются на то, что при наслѣдственномъ правленіи власть подвержена случайностямъ и можетъ попасть въ дурныя руки; но они забываютъ, что и выборъ нерѣдко возводитъ недостойныхъ, и притомъ самъ сопряженъ съ большими опасностями, ибо даетъ просторъ всѣмъ страстямъ и

 козням. Съ другой стороны, друзья наслѣдственности утверждаютъ, что эта власть одна въ состояніи установить въ государствѣ прочный порядокъ; но они забываютъ, что многія наслѣдственныя правительства падали и превращались въ выборныя. Тутъ все зависитъ отъ условій и отношеній. Вообще же нѣтъ такого устройства, которое бы обезпечивало государству всегда наилучшихъ правителей. Эта задача неразрѣшима, ибо способность зависитъ отъ личности, и случайность играетъ въ человѣческихъ дѣлахъ слишкомъ большую роль [2]).

Это не значитъ однако, что нельзя поставить вопроса: каковъ наилучшій образъ правленія? Но нужно различать просто лучшій и относительно лучшій. Не все, что теорія признаетъ

---

[1]) Dikäopol., 10 Absch., стр. 411—414.
[2]) Тамъ же, стр. 416—419.

совершеннымъ, вездѣ приложимо. Тутъ необходимо принять во вниманіе безчисленное множество условій, временныхъ и мѣстныхъ. Это дѣло не теоріи, а практики. Поэтому вопросъ объ относительно лучшемъ государственномъ устройствѣ выходитъ изъ предѣловъ науки. Вопросъ же о наилучшемъ устройствѣ вообще сводится къ тѣмъ условіямъ, которыми всего болѣе обезпечивается господство юридическаго закона, ибо въ этомъ состоитъ существенная цѣль государства. Наилучшій образъ правленія тотъ, который наибольше правомѣренъ, то есть, тотъ, который всего болѣе содѣйствуетъ охранѣ права.

Съ этой точки зрѣнія, автократическая монархія не можетъ быть признана идеаломъ государственнаго устройства; ибо, если неограниченный властитель не превосходитъ всѣхъ подчиненныхъ способностями и добродѣтелью, что̀ вообще составляетъ весьма рѣдкій случай, то злоупотребленія власти по винѣ ли самого правителя или его окружающихъ, почти неизбѣжны. Поэтому опытъ показываетъ, что подобныя монархіи легко склоняются къ деспотіи. Онѣ пригодны только для грубыхъ народовъ, которые нуждаются въ строгой дисциплинѣ.

Еще менѣе соотвѣтствуетъ идеальнымъ требованіямъ автократическая поліархія, ибо здѣсь зло только усиливается. Если правители дѣйствуютъ заодно, то увеличивается общій гнетъ, и вмѣсто одного деспота являются многіе. Если же они между собою враждуютъ, то государству грозитъ распаденіе.

Такимъ образомъ, при опредѣленіи наилучшаго образа правленія, автократизмъ вообще долженъ быть устраненъ. Остается синкратизмъ; но какой? монархическій или поліархическій? Несомнѣнно первый, ибо поліархія, въ какой бы формѣ она ни являлась, непремѣнно влечетъ за собою двоякое зло: она уменьшаетъ значеніе власти и погружаетъ государство въ раздоръ. Поэтому всего лучше, когда во главѣ государства стоитъ единое лицо. Но такъ какъ неограниченная власть опасна для права, то требуются ограниченія. Слѣдовательно, синкратическая или ограниченная монархія должна быть признана за идеально лучшій образъ правленія для образованныхъ народовъ [1]).

Какъ же должна быть устроена эта монархія, чтобы она могла соотвѣтствовать требованіямъ права? Кругъ излагаетъ здѣсь извѣстное уже намъ ученіе о конституціонной монархіи, присо-

---

[1]) Dikäopol., 14 Absch., стр. 467—472.

вокупляя только, что относительно подробностей надобно сообразоваться съ особенностями каждаго государства. Общій мундиръ для всѣхъ народовъ принадлежитъ, также какъ и панацея отъ всѣхъ болѣзней, къ области химеръ. Сама природа, установляя разнообразіе въ единствѣ, позаботилась о томъ, чтобы проекты такого рода оставались неприложимыми. Хотя въ устройствѣ государствъ участвуетъ свобода, но такъ какъ они всегда находятся подъ вліяніемъ естественныхъ условій, то каждое изъ нихъ непремѣнно имѣетъ свои особенныя формы [1]).

Отсюда ясно, что наилучшее государственное устройство есть только идеалъ, къ которому можно приближаться, но котораго никогда нельзя достигнуть. Таковъ удѣлъ человѣчества. Притомъ, самыя совершенныя учрежденія остаются мертвою формою, если нѣтъ оживляющаго ихъ духа. Надобно, чтобы устройству соотвѣтствовало управленіе, а оно главнымъ образомъ зависитъ отъ людей. И такъ, въ концѣ концовъ, мы вступаемъ въ область свободы, которая лежитъ внѣ всякихъ расчетовъ.

Предполагая однако существованіе доброй воли въ правителяхъ и гражданахъ, мы должны сказать, что непремѣнное требованіе, которое должно быть имъ предъявлено, состоитъ въ постепенномъ усовершенствованіи учрежденій, то есть, въ приближеніи къ такому порядку вещей, въ которомъ возможно бо̀льшая свобода гражданъ сочетается съ возможно болѣе сильною дѣятельностью власти. Это и есть то, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ реформъ. Въ нихъ выражается не безпокойный духъ новизны и еще менѣе страсть къ разрушенію, а разумное убѣжденіе, что при несовершенствѣ человѣческихъ дѣлъ необходимо постепенное движеніе къ лучшему, и что въ государственныхъ учрежденіяхъ съ постоянствомъ долженъ соединяться и прогрессъ. Сильное и разумное правительство само всегда будетъ начинателемъ этого движенія. Усматривая недостатки существующихъ учрежденій, оно само позаботится объ ихъ устраненіи и о введеніи лучшаго порядка. Поэтому и говорятъ, что преобразованія должны совершаться сверху. Побужденіе къ преобразованіямъ можетъ исходить и снизу; проницательные граждане могутъ обращать вниманіе правительства на существующіе недостатки. Но законный путь всегда предполагаетъ иниціативу правительства. Если же правительство неисполняетъ свои задачи, то обыкновен-

---

[1]) Dikäopol., 14 Absch., стр. 483.

нымъ результатомъ бываетъ движеніе снизу. Вмѣсто реформъ наступаетъ революція.

Въ этихъ переворотахъ невозможно видѣть проявленіе только дурныхъ сторонъ человѣческой природы. Революціи бывали во всѣ времена; но исторія не представляетъ примѣра народа, который, имѣя хорошее правительство, сталъ бы безъ всякаго повода предаваться духу возмущенія. Нельзя приписывать эти перевороты и ложнымъ ученіямъ. Демократическія ученія существовали опять-таки во всѣ времена, но не вездѣ они находили воспріимчивую почву. Истинная причина революцій заключается въ невыносимомъ гнетѣ, который производитъ наконецъ взрывъ. Тамъ, гдѣ есть справедливое и доброжелательное правительство, революціи нечего опасаться.

Нужно ли при этомъ ставить еще вопросъ о правѣ народа производить революціи? Теоретически, этотъ вопросъ неразрѣшимъ, ибо онъ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Безъ правительства нѣтъ правомѣрнаго порядка вещей, а потому не можетъ быть и права (для народа) уничтожать этотъ порядокъ. Если разсматривать это право, какъ право необходимой обороны, что̀ дѣлаетъ и самъ Галлеръ, то и здѣсь никогда нельзя рѣшить, дѣйствительно ли такая оборона была необходима? Практически же этотъ вопросъ тысячу разъ разрѣшался самъ собою. Когда гнетъ достигалъ такой степени, что онъ большинству гражданъ становился невыносимъ, то доведенные до отчаянія, они хватались за всякія средства, чтобы выдти изъ этого положенія. Но горе народу, которому приходится ставить себѣ такого рода вопросъ! [1]).

И такъ, въ результатѣ, Кругъ становится на точку зрѣнія весьма умѣреннаго либерализма. Онъ началъ съ опроверженія Ансильона, но чѣмъ болѣе онъ жилъ, тѣмъ болѣе онъ приближался къ воззрѣніямъ послѣдняго. Къ концу своего поприща, ему пришлось ратовать противъ ложныхъ либераловъ, также какъ онъ въ началѣ ратовалъ противъ реакціонеровъ. Іюльская революція дала сильный толчекъ европейскому либерализму и многихъ кинула въ крайность, не только во Франціи, но и въ Германіи. Круга это возмущало. „Всякая крайность, говоритъ онъ, противна моей натурѣ, гдѣ бы и какъ бы эта крайность ни являлась“ [2]).

---

¹) Dikäopol., 15 Absch., стр. 481—494.

²) Der falsche Liberalismus etc., Vorrede. См. Krug's gesammelte Schriften, 5 Band.

Въ обличеніе этихъ стремленій, онъ въ 1832 году написалъ статью подъ заглавіемъ: *„Ложный либерализмъ нашего времени“* (Der falsche Liberalismus unserer Zeit).

Онъ противопоставляетъ здѣсь начала истиннаго либерализма ложному. Истинный либералъ отправляется отъ права, которое есть свобода въ законныхъ предѣлахъ. Поэтому онъ никогда не требуетъ для себя бо̀льшаго, нежели для другихъ. Ложный либералъ, напротивъ, исходитъ отъ произвола, и не обинуясь, нарушаетъ чужое право, какъ скоро оно ему мѣшаетъ. Для противниковъ онъ требуетъ всей строгости закона, а для себя и своихъ единомышленниковъ полнѣйшаго снисхожденія. Держась въ предѣлахъ права, истинный либералъ уважаетъ законный порядокъ, зная, что это лучшая охрана свободы. Ложный же либералъ подъ именемъ свободы разумѣетъ необузданность и всегда готовъ ниспровергнуть законный порядокъ. Истинный либералъ прежде всего другъ мира; онъ желаетъ, чтобы каждый народъ управлялся такъ, какъ ему нравится. Ложный либералъ, напротивъ, хочетъ навязывать всѣмъ свои мнѣнія и всегда готовъ затѣялъ войну во имя такъ называемыхъ принциповъ. Истинный либералъ не льститъ ни князьямъ, ни народамъ, но тѣмъ и другимъ открыто говоритъ то, что онъ считаетъ правдою. Ложный либералъ бранитъ князей и льститъ народу, доходя до предѣловъ самаго низкаго раболѣпства, причемъ подъ именемъ народа онъ отнюдь не разумѣетъ всѣ классы общества въ совокупности. Аристократы выставляются при этомъ врагами народа, а потому исключаются изъ его среды; аристократіею же называется не только наслѣдственное дворянство, но и все, что возвышается надъ толпою богатствомъ, нравами, образованіемъ. Такимъ образомъ, для понятія о народѣ остается одна чернь, которой и поклоняются въ погонѣ за популярностью. Далѣе, истинный либералъ становится въ оппозицію только для защиты истины и права. Ложный же либералъ всегда находится въ оппозиціи; онъ возстаетъ противъ всего, что только исходитъ отъ правительства. Единственная его цѣль—ослабить правительство или поставить его въ затрудненіе, а на средства онъ неразборчивъ. Истинный либералъ хочетъ законной свободы печати, безъ предварительной цензуры, но съ отвѣтственностью передъ судомъ. Ложный либералъ возмущается противъ всякой отвѣтственности; онъ требуетъ для себя неограниченной свободы печатать все, что ему угодно, бранить всѣхъ сколько ему угодно, и только сочиненія противни

ковъ онъ готовъ уничтожить всѣми средствами. Истинный либералъ желаетъ реформъ, ложный либералъ стремится къ революціи. Всѣ преобразованія кажутся ему слишкомъ медленными, онъ все хочетъ перевернуть разомъ. Наконецъ, истинный либерализмъ во всемъ знаетъ мѣру и цѣль; ложный же либерализмъ всегда бросается въ крайности. Всего противнѣе ему середина, между тѣмъ какъ истинная середина, какъ ни трудно ея держаться, всегда должна составлять цѣль разумнаго человѣка, въ особенности государственнаго. Ложные либералы выдаютъ себя за людей движенія, но движеніе не все: нужна и устойчивость. Самое движеніе должно имѣть цѣль и мѣру. Кто не умѣетъ ихъ соблюдать, кто всегда дѣлаетъ или слишкомъ много или слишкомъ мало, тотъ, по нѣмецкой пословицѣ, всегда остается дуракомъ.

Всѣ эти антитезы Кругъ подкрѣпляетъ многочисленными примѣрами изъ современныхъ политическихъ нравовъ. Нельзя не сказать, что эта мѣткая характеристика пригодна и для нашего времени.

Въ томъ же духѣ написана и другая брошюра: „*Объ оппозиціонныхъ партіяхъ въ Германіи и внѣ ея и объ ихъ отношеніяхъ къ правительствамъ*“ [1]). Но эта брошюра обличаетъ въ авторѣ весьма слабое развитіе политической мысли. Кругъ возстаетъ здѣсь противъ оппозиціонныхъ партій вообще, и требуетъ, чтобы критика касалась отдѣльныхъ вопросовъ, а не смыкалась въ систематическую оппозицію. Онъ въ борьбѣ партій видитъ главное зло современныхъ обществъ. Между тѣмъ, исторія конституціонныхъ учрежденій доказываетъ, что правильное ихъ дѣйствіе возможно только съ помощью этой борьбы. Партіи составляютъ не только естественное послѣдствіе, но и необходимое условіе свободной политической жизни.

Кругъ самъ принималъ участіе въ преніяхъ саксонскихъ палатъ, установленныхъ конституціею 1831 года. Но эта поздняя политическая дѣятельность въ тѣсной средѣ не могла развить въ немъ государственнаго смысла. Онъ остался литераторомъ, и на этомъ поприщѣ игралъ въ Германіи значительную роль. Съ своею живою натурою, онъ принималъ участіе во всемъ, и писалъ статьи по разнообразнымъ политическимъ вопросамъ, занимавшимъ умы того времени. Въ итогѣ, онъ является однимъ изъ

---

[1]) Ueber Oppositionsparteien in und ausser Deutschland und ihr Verhältniss zu den Regierungen. См. Krug's gesammelte Schriften, 6 Band.

талантливыхъ представителей нѣмецкаго либерализма десятыхъ и двадцатыхъ годовъ. Исходя изъ школы Канта, онъ внѣшнюю свободу связывалъ съ внутреннею, и въ правѣ видѣлъ нравственное начало въ обширномъ смыслѣ. Поэтому крайности либерализма были ему чужды. Тѣмъ не менѣе, одностороннее развитіе юридической теоріи государства невыгодно отозвалось на его политическомъ ученіи. Государство все-таки остается у него чисто юридическимъ установленіемъ. Оттого, въ его воззрѣніяхъ индивидуалистическія начала преобладаютъ, особенно въ теоретическомъ построеніи первоначальныхъ основъ политической жизни. Это самая слабая сторона его ученія. Если эти начала смягчаются у него въ выводахъ, то смягченіе нерѣдко происходитъ въ ущербъ послѣдовательности. Вообще, можно сказать, что Кругъ болѣе замѣчателенъ, какъ талантливый популяризаторъ либеральныхъ идей, нежели какъ чистый теоретикъ. Во всякомъ случаѣ, ему принадлежитъ почетное мѣсто въ нѣмецкой политической литературѣ.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ [1].

А. Д. ГРАДОВСКАГО,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I.

Мнѣ приходится говорить о національномъ вопросѣ не въ первый разъ. Въ 1871 году, въ виду только что завершившагося образованія германской имперіи, я затронулъ этотъ вопросъ въ публичныхъ лекціяхъ о Фихте-Старшемъ. Мнѣ хотѣлось найти нравственный зачатокъ этой сильной и воинствующей Германіи еще въ то время, когда главный ея оплотъ — Пруссія была раздавлена подъ французскимъ владычествомъ. Мнѣ хотѣлось показать, какъ одинокій, но сильный духомъ философъ, въ минуту страшнаго упадка своего народа, не отчаялся въ его будущности. Не только не отчаялся: подъ угрозою французскихъ штыковъ, онъ предвозвѣстилъ его будущее величіе и міровое значеніе. Два года спустя, въ новомъ рядѣ публичныхъ лекцій, я возвратился къ этой темѣ. Но этотъ разъ я затронулъ его со стороны, болѣе близкой къ нашему обществу. Рѣчь зашла о первыхъ славянофилахъ нашихъ—Хомяковѣ, Кирѣевскихъ и К. Аксаковѣ. Мнѣ хотѣлось показать, какъ началась въ нашемъ сознаніи нѣкоторая

[1]) Статья эта составлена изъ трехъ публичныхъ лекцій автора (12, 14 и 17 декабря 1876 г., въ С.-Петербургѣ) и печатается въ томъ видѣ, въ какомъ были прочтены эти лекціи.

реакція противъ крайнихъ выводовъ теоріи такъ называемаго западничества. Теперь я снова рѣшаюсь обратить вниманіе нашего общества на этотъ предметъ.

Своевременно-ли? На это отвѣчаютъ, кажется, нынѣшнія событія. Года полтора тому назадъ горсть славянскихъ удальцовъ начала борьбу противъ турецкаго ига. Не смотря на всѣ усилія дипломатіи уладить дѣло мирнымъ путемъ и для сохраненія европейскаго мира – дѣло разросталось. За первымъ актомъ трагедіи послѣдовалъ второй: Черногорія и Сербія приняли участіе въ борьбѣ. Тысячи жертвъ пали съ обѣихъ сторонъ; десятки дипломатическихъ комбинацій смѣняли другъ друга, не разрѣшивъ дѣла. Начинается и третій актъ, гдѣ всѣ силы Европы готовятся быть въ игрѣ; мудрѣйшій изъ мудрыхъ не въ силахъ предвидѣть исхода дѣла. Невидимая рука ведетъ его отъ сложныхъ формъ, къ другимъ болѣе сложнымъ. Ружейные выстрѣлы Босняковъ и Герцеговинцевъ смѣнились болѣе внушительными залпами Сербскихъ и Черногорскихъ орудій, а за ними слышатся уже раскаты иной артиллеріи:

Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!

Мы инстинктивно сознаемъ, что движущее начало всей этой грозной борьбы есть *національный вопросъ,* права народностей, попранныхъ самымъ дикимъ и возмутительнымъ образомъ. Мы чувствуемъ, что въ данную минуту отъ насъ требуется напряженіе всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ нашихъ. Мы не желали войны, но мы не отступимся предъ нею, если того потребуетъ наша честь. Не съ похвальбою и тщеславіемъ возьмемся мы за оружіе, а въ сознаніи многихъ и многихъ несовершенствъ нашихъ.

Таковы наши чувства; чувства, за которыя намъ нечего краснѣть предъ міромъ. Но однихъ чувствъ, одной вѣры въ правоту своего дѣла мало. Наше время двигается не одними чувствами, но и идеями. Для насъ недостаточно сказать *credo*; мы хотимъ еще сказать *знаю* и тогда убѣжденія наши укрѣпятся, силы наши удесятерятся. Мало *сочувствовать* борьбѣ за національную независимость; нужно еще *знать*, что національность, какъ всемірно-историческое явленіе, имѣетъ глубокія основанія въ законахъ историческаго развитія человѣческихъ обществъ. Въ противномъ случаѣ нашему *чувству* народности, нашему сочувствію

къ народамъ единоплеменнымъ, грозятъ серьезныя испытанія. Представимъ себѣ нѣкоторыя изъ нихъ.

Человѣкъ, вкусившій культуры, начавшій опредѣленную умственную жизнь, не можетъ уже жить одними инстинктивными стремленіями, наивною вѣрою въ извѣстное начало, какъ живетъ человѣкъ не культурный, непричастный къ жизни умственной. Человѣкъ циливизованный доискивается разумныхъ основаній не только каждаго общественнаго явленія, но каждаго, непроизвольнаго даже движенія души своей. Все проходитъ предъ судомъ новаго и строгаго судьи—разума: любовь и ревность, патріотизмъ и самоотверженіе, война и миръ, церковь и государство. Все подвергается тщательной, иногда придирчивой критикѣ. Человѣкъ проходитъ чрезъ тяжелыя испытанія. Прощайте многіе золотые сны, сладкія надежды, наивныя, но утѣшительныя вѣрованія! Настаетъ пора сомнѣній, горькихъ разочарованій. Человѣкъ вкусилъ отъ древа *познанія* добра и зла и изгоняется изъ первобытнаго рая. Всѣ его нравственныя силы должны выдержать борьбу съ разсудочностью. Не всѣ ее выдерживаютъ. Много слабыхъ натуръ останавливается на полдорогѣ. Зачатки разсудочности (рефлексіи) какъ бы раздвояютъ ихъ нравственное существо, парализируютъ ихъ волю. Подъ вліяніемъ полузнанія выработываются тѣ дряблыя натуры, которыя всѣмъ намъ знакомы изъ произведеній лучшихъ беллетристовъ нашихъ. Эти натуры стыдятся каждаго сильнаго и искренняго движенія своей души. Какъ огня боятся они настоящей любви, ёжатся при каждомъ сильномъ общественномъ движеніи, пугаются каждой смѣлой и оригинальной мысли. Золотая середина, „умѣренность и аккуратность“, выражаясь словами нашего знаменитаго сатирика — единственный ихъ идеалъ. Фальшивое разочарованіе, напускной и ходульный скептицизмъ, дешевое отрицаніе, таковы отличительные признаки этихъ людей.

Но пусть люди не останавливаются предъ этою опасностію нравственной порчи. Пусть помнятъ они, что человѣкъ есть существо *разумно-нравственное,* что задача нашего развитія — полная гармонія всѣхъ нашихъ силъ, что наши инстинкты, стремленія могутъ сдѣлаться *убѣжденіями* только тогда, когда они овладѣютъ всѣмъ существомъ нашимъ. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливы слова Шеллинга, цитированныя покойнымъ Хомяковымъ:

„Только отъ частаго обращенія души къ общимъ началамъ, управляющимъ міромъ, образуются *мужи* въ полномъ смыслѣ слова,

способные всегда становиться предъ проломомъ и не пугаться никакого явленія, какъ бы грозно оно ни казалось, и вовсе неспособные положить оружіе предъ невѣжествомъ и мелочностію".

Счастлива страна, способная выработать такихъ мужей! Но первое для этого условіе — спокойное и свободное изслѣдованіе всѣхъ общественныхъ явленій. Мы нуждаемся въ этомъ спокойствіи и свободѣ духа для изслѣдованія занимающаго насъ вопроса. Современное движеніе въ пользу славянъ чрезвычайно сильно; оно охватило всѣ слои общества; оно оттѣснило на задній планъ всѣ другіе интересы. Можетъ быть этого напряженія хватитъ для болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія балканскаго вопроса въ данную минуту. А потомъ? Потомъ, за временнымъ и сильнымъ напряженіемъ настанетъ періодъ усталости, даже разочарованія. Между тѣмъ славянскій вопросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть разрѣшены вдругъ въ полномъ объемѣ. Даже при наилучшихъ результатахъ нашихъ усилій въ данную минуту, намъ и дѣтямъ нашимъ останется страшно много дѣла и для дѣла этого нужно постоянное напряженіе силъ, постоянное стремленіе къ одной цѣли, непрерывная, часто черная работа.

Что будетъ вдохновлять насъ для этой работы, если современныя стремленія наши впослѣдствіи подвергнутся строгой критикѣ, если критика эта обратитъ неизбѣжное охлажденіе въ полное разочарованіе? Этотъ вопросъ слишкомъ серьезенъ, и въ сознаніи такой важности, я рѣшился предпринять настоящій трудъ.

Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, какія испытанія ожидаютъ наши національныя и славянскія стремленія въ недалекомъ будущемъ. Для этого нѣтъ нужды прибѣгать къ предположеніямъ. Стоитъ только возобновить въ своей памяти то, что вообще говорилось противъ начала народности. Каждый слышалъ и читалъ это много разъ. Ограничимся общими чертами этихъ возраженій.

Начало народности, говорили намъ и будутъ говорить еще, есть начало противное интересамъ цивилизаціи. Культура едина; результаты ея вездѣ должны быть одни и тѣ-же. Каждый народъ, хотя-бы своимъ путемъ, но долженъ прійдти къ одинаковымъ результатамъ. Если результаты должны быть общіе, то зачѣмъ хлопотать о различныхъ путяхъ? Не лучше-ли, не проще-ли усвоить себѣ учрежденія, методы и средства народовъ, дальше насъ ушедшихъ въ цивилизаціи? Къ чему напрягать умъ свой, когда другіе думали о томъ же предметѣ раньше и лучше насъ? Начало националь-

ности, льстящее нашему самолюбію, поведетъ насъ къ отчужденію отъ общеу культурнаго движенія цивилизованнаго человѣчества. Мы прійдемъ къ убѣжденію, что все наше, потому только что оно *наше*, безмѣрно выше всего чужого, потому только, что оно чужое. Самый источникъ чувства народности сомнителенъ. Не заключается-ли онъ въ затаенной враждѣ къ другимъ народностямъ? Цивилизація должна привести всѣ народы къ общенію и къ возможному единству. Цивилизація дастъ намъ всеобщій миръ, упрочитъ всеобщее благосостояніе. Что-же дѣлаетъ ваше начало народности? Оно порождаетъ вражду и зависть между племенами, оно источникъ безконечныхъ войнъ, оно отвлекаетъ народы отъ производительной работы надъ своими внутренними задачами. Подавимъ въ себѣ эти чувства, приличныя развѣ племенамъ дикимъ. Изгонимъ его во имя высшихъ требованій культуры!

Таковы ходячія мнѣнія; таковы возраженія, которыя недавно еще можно было слышать на каждомъ шагу; мы услышимъ ихъ — будьте увѣрены! — въ недалекомъ будущемъ. Но не на эти только ходячія мнѣнія намѣренъ я возражать. Намъ необходимо дойти до корня дѣла, остановиться на томъ, что даетъ душу этимъ ходячимъ мнѣніямъ, которыя являются только особымъ отзвукомъ, симптомами, такъ сказать, болѣе глубокаго міросозерцанія. На этомъ міросозерцаніи, на этой *системѣ понятій* я и намѣренъ остановить ваше вниманіе, прежде чѣмъ позволю себѣ представить вамъ *теорію народности*.

Теорія народности есть дитя новаго времени. Этимъ объясняются и многія ея несовершенства, ея незаконченность. Система противуположная ей, которую я назову для удобства системою *космополитическою*, всечеловѣческою, гораздо старше и законченнѣе. Она ведетъ свое происхожденіе отъ древнегреческой философіи; она господствуетъ въ учебникахъ, въ политическихъ и историческихъ теоріяхъ. Она такъ близко знакома всѣмъ и каждому, что достаточно будетъ напомнить ее въ общихъ чертахъ.

Нечего напоминать, что она прежде всего зиждется на предположеніи *единства* всего человѣческаго рода. Основныя черты человѣка, его главныя потребности, страсти, формы мышленія вездѣ однѣ и тѣ-же. Различія между отдѣльными расами далеко не существенны и весьма измѣнчивы. Поэтому мы можемъ представить себѣ всемірную исторію, т. е. ходъ всеобщаго развитія человѣчества, идущаго отъ одного и того-же источника, къ одной и той же цѣли. Отдѣльныя формы общественной жизни, черты нра-

вовъ, отдѣльныя понятія въ одной странѣ могутъ отличать ее отъ другой. Но существо дѣла вездѣ остается одно и то-же. Понятно, какіе результаты получатся отъ приложенія этихъ взглядовъ къ общественной и политической теоріи. На чемъ зиждется фактъ общественности? Почему люди соединяются въ общество? Съ указанной выше точки зрѣнія, фактъ общежитія объясняется извѣстными побужденіями и нуждами человѣка *вообще*, одинаковыми подъ всѣми широтами и долготами. Человѣкъ имѣетъ извѣстныя потребности; онѣ развиваются непрерывно и онъ не можетъ удовлетворить ихъ своими силами. Вотъ почему онъ соединяется съ другими людьми. Въ сообществѣ съ другими, онъ пріобрѣтаетъ возможность защиты отъ враговъ и дикихъ звѣрей; въ общеніи съ другими онъ достигаетъ раздѣленія труда, совершенствуетъ и увеличиваетъ производство, накопляетъ бо̀льшую массу богатствъ, получаетъ досугъ для умственной и нравственной жизни, кладетъ основаніе культурѣ и возможности дальнѣйшаго совершенствованія.

Основы общежитія сведены къ простымъ и яснымъ мотивамъ. Опираясь только на нихъ, мы дѣйствительно не можемъ не соединить въ одно цѣлое весь родъ человѣческій. Если потребности людей вездѣ одинаковы, если средства къ ихъ удовлетворенію также вездѣ должны быть одинаковы, то къ чему это различіе человѣческихъ обществъ, эти народности, составляющія при томъ особыя государства? Къ чему эти Англіи, Франціи, Италіи, Германіи — главное, къ чему эта Россія со всѣми ея особенностями? Не являются-ли эти національныя особенности оскорбленіемъ общечеловѣческой идеи, тормазомъ общаго хода культуры, препятствіемъ для сближенія, источникомъ предразсудковъ, безцѣльной вражды, особенно когда „предразсудки“ переносятся на политическую почву? Къ чему это множество и разнообразіе государствъ?

Общество, съ разсматриваемой точки зрѣнія, есть соединеніе людей, связанныхъ одинаковыми потребностями. Одною изъ такихъ потребностей является установленіе и охраненіе юридическаго порядка. Для осуществленія ея служитъ государство, во главѣ котораго поставлена опредѣленная верховная власть. Слѣдовательно государство есть извѣстная масса лицъ, подчиненныхъ одной верховной власти, ради обезпеченія внѣшней безопасности и пользованія выгодами юридическаго порядка. Но какъ велика будетъ эта „масса лицъ?“ Изъ кого она составится? Это рѣшительно все равно. Турокъ и Сербъ, Черногорецъ и Мадьяръ,

Англичанинъ и Французъ одинаково могутъ составить политическое общество для „пользованія юридическимъ порядкомъ“. Если подобныхъ „общеній“ не составляется, или если, составившись, они ведутъ къ внутреннимъ смутамъ, это должно объяснить „національными предразсудками“, косностію массъ, невѣжествомъ, фанатизмомъ, всѣмъ, что оскорбляетъ общечеловѣческое начало.

Цивилизованный, культурный человѣкъ долженъ стать выше этихъ предразсудковъ. Живя духовною, интеллектуальною жизнью, онъ не можетъ считать своимъ отечествомъ землю и воду данной страны, ея лѣса, поля и горы, съ населяющими ихъ косными и невѣжественными массами. Его отечество — весь цивилизованный міръ, а въ этомъ мірѣ онъ долженъ найти страну, стоящую въ данную минуту во главѣ цивилизаціи. Къ ней должны быть обращены его взоры, его помышленія. Отъ нея долженъ онъ ожидать указаній на то, что дѣлать, въ какомъ направленіи идти. Конечно, онъ долженъ обращать свое вниманіе на породившую его страну. И его роль въ ней ясно опредѣлена. Онъ предназначенъ служить посредникомъ между нею и цивилизованнымъ міромъ. Оставаясь въ непрерывномъ общеніи съ источникомъ общечеловѣческой культуры, онъ долженъ вносить цивилизацію и въ окружающую его среду, прививать къ ней культурныя понятія, нравы и учрежденія. Счастливъ онъ, если усилія его увѣнчаются успѣхомъ! Если же нѣтъ, если родная страна не послушается его увѣщаній и назиданій, онъ будетъ знать что дѣлать. Завернувшись горделиво въ свою мантію, онъ отвернется отъ общественнаго движенія и явится живымъ протестомъ противъ всего совершающагося мимо его воли. Если и это будетъ мало, онъ уйдетъ окончательно въ себя, броситъ родину, удалится туда, гдѣ солнце цивилизаціи блещетъ ярче, гдѣ все понятно его уму и сердцу, гдѣ формы жизни вполнѣ соотвѣтствуютъ его душевному настроенію. Правда, онъ явится „туда“, какъ человѣкъ чужой, которому нечего дѣлать, на котораго каждый мѣстный житель смотритъ съ подозрительнымъ равнодушіемъ. Но у него явится досугъ мечтать о томъ времени, когда національныхъ перегородокъ между странами уже не будетъ и каждый вездѣ найдетъ себѣ одинаковое дѣло.

Съ такимъ міросозерцаніемъ справиться не легко. Оно сложилось вѣками, оно ясно, оно построено безъ логическихъ противорѣчій и представляетъ множество другихъ удобствъ. Скажемъ

больше: оно представляетъ многія вѣрныя стороны и, если я предпринялъ говорить объ національномъ вопросѣ, то *вовсе не съ тою цѣлью, чтобъ исключить начало общечеловѣческое* изъ общественной и политической теоріи. Напротивъ: если я выступаю адвокатомъ народности, то именно потому, что въ ней я вижу одно изъ великихъ и непреложныхъ *общечеловѣческихъ* началъ, столь же великихъ, какъ и начало человѣческой *личности*. Мнѣ кажется даже, что послѣ признанія и торжества національнаго начала, многіе общечеловѣческіе вопросы разрѣшатся полнѣе, лучше и справедливѣе, нежели при космополитическихъ взглядахъ.

Остановимся на одномъ изъ нихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній космополитической теоріи есть идея *вѣчнаго мира*. Вопросъ этотъ уже породилъ громадную литературу и въ ней встрѣчаются благороднѣйшіе умы человѣчества, начиная съ С. Пьера и Канта. Но до сихъ поръ эта теорія остается мечтой; до сихъ поръ усилія лучшихъ умовъ не могутъ смягчить ужасовъ войны. И до сихъ поръ причину войны видятъ въ національномъ эгоизмѣ и предразсудкахъ. Это справедливо въ томъ только отношеніи, что дѣйствительно національное начало не получило должнаго примѣненія въ политической системѣ европейскихъ государствъ. Защитники вѣчнаго мира искали условій его не тамъ, гдѣ слѣдовало: они надѣялись на успѣхи однообразія культуры, т. е. на успѣхи обезличенія народностей, между тѣмъ какъ его слѣдовало искать именно въ томъ, въ чемъ видѣли помѣху культуры: въ свободномъ развитіи національностей.

Есть еще одна сторона космополитическаго ученія, на которую я желалъ бы обратить вниманіе. Построенное на отвлеченномъ понятіи личности человѣческой, ученіе это должно, по видимому, дать широкое развитіе своему основному началу. Оно, повидимому, даетъ прочное основаніе для требованій свободы, равенства и братства всѣхъ людей; оно призываетъ все человѣчество на пиръ всеобщаго мира и всеобщей свободы. Но всеобщій миръ остается мечтою, а успѣхи политической и гражданской свободы и равенства, несомнѣнные въ различныхъ государствахъ Европы, какъ-то не даютъ должнаго удовлетворенія человѣческой личности, жаждущей иныхъ стремленій и цѣлей. Человѣческая личность не состоитъ изъ „свободы и равенства“, не смотря на всю важность этихъ условій, какъ внѣшнихъ средствъ правильнаго развитія человѣка въ обществѣ. Но всеобъемлющая обще-

ственная и политическая теорія, кромѣ формальныхъ условій человѣческаго бытія, должна подумать еще о *содержаніи* личности, стало быть и о той средѣ, подъ вліяніемъ которой вырабатываются стремленія, идеалы и принципы личности. А эта сторона дѣла, сколько мнѣ кажется, упущена изъ вида теоріею космополитическою. Даже ходячее мнѣніе расходится въ этомъ отношеніи съ означенными воззрѣніями. На каждомъ шагу мы встрѣчаемся съ общимъ мѣстомъ, что каждый человѣкъ есть дитя своего народа и времени и, замѣтьте это, такой взглядъ на человѣка примѣняется главнымъ образомъ къ личностямъ выдающимся, коротко говоря — къ *великимъ людямъ*.

Вникнемъ въ смыслъ этой формулы, повидимому простой и ясной — каждый человѣкъ дитя своего народа и времени. Не значитъ-ли это, что каждый человѣкъ, независимо отъ элементарныхъ стремленій и свойствъ, присущихъ человѣку вообще, выражаетъ требованія своего времени, что въ немъ отражаются всѣ особенности его народа, особенности, сложившіяся вѣками и подъ вліяніемъ множества естественныхъ причинъ? Если такъ, то внутреннее развитіе личности не можетъ быть поставлено внѣ зависимости отъ народа, къ которому оно принадлежитъ. Непрерывное общеніе съ народомъ есть условіе ея развитія; отъ него получаетъ она міросозерцаніе, которымъ живетъ, идеалы, къ которымъ стремится, указанія на цѣли, которыя необходимо осуществить. Оторванная отъ народа, личность замыкается въ своемъ одиночествѣ, теряетъ творческую силу, обрекается на безплодіе и бездѣятельность. Она будетъ жить недосягаемыми принципами, безплодными порываніями, фантастическими стремленіями, но никогда она не дастъ народу чего-либо практически осуществимаго, насущнаго, такого, въ чемъ народъ призналъ бы *свою* нужду и свои идеалы.

Я замѣтилъ уже, что ходячее мнѣніе о тѣсной связи человѣка съ его народомъ примѣняется больше всего къ людямъ выдающимся и особенно къ великимъ. Въ самомъ дѣлѣ, великіе люди познаются именно потому, что въ нихъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ стремленія, всѣ нужды ихъ народа и времени. Они, болѣе чѣмъ кто-бы то не было, живутъ съ народомъ, отзываются на всѣ его радости и горести, идутъ на встрѣчу всѣмъ его требованіямъ, умѣютъ облечь въ плоть и кровь всѣ его стремленія и осуществить ихъ по мѣрѣ возможности. Поэтому они имѣютъ право дать эпохѣ свое имя. Мы понимаемъ, что зна-

чатъ выраженія: „время Петра Великаго, эпоха Лютера, Фридриха II“ и т. д. Наоборотъ, въ нихъ, болѣе чѣмъ въ комъ нибудь другомъ, отражаются всѣ особенности ихъ народа. Люди посредственные, мелкіе, вездѣ представляютъ одинъ и тотъ же типъ. Различія между англійскими, французскими, нѣмецкими и русскими посредственностями — чисто внѣшнія. Посѣтители салоновъ Парижа, Лондона и Петербурга представляютъ трогательное сходство. Но фигура великаго человѣка не укладывается въ общепринятыя формы. Лютера никакъ нельзя смѣшать съ Кальвиномъ; между Вашингтономъ и Лафайетомъ, Кантомъ и Адамомъ Смитомъ, Тюрго и Штейномъ нельзя не замѣтить глубокой разницы. Разница эта опредѣляется не временемъ — я сопоставляю современниковъ или почти современниковъ —, не различіемъ занятій — я сопоставляю людей, преслѣдовавшихъ одинакія цѣли, — даже не индивидуальными особенностями, а тѣмъ фактомъ, что каждое изъ названныхъ лицъ воплощало въ себѣ особенности своего народа въ данную эпоху его исторической жизни.

Проиграли-ли отъ этого интересы человѣчества? Пострадало ли оно отъ этихъ особенностей, воплощавшихся въ лучшихъ представителяхъ отдѣльныхъ народностей? Напротивъ. Человѣчество всегда выигрывало и будетъ выигрывать отъ самостоятельнаго развитія отдѣльныхъ народностей и представляющихъ ихъ личностей. Общій уровень культуры былъ поднятъ трудами Смитовъ, Локковъ, Контовъ, Гегелей, Тюрго и другихъ, но каждый изъ нихъ могъ выработаться только на почвѣ своей народности. Гегель, въ самомъ дѣлѣ, былъ могущественнымъ выразителемъ нѣмецкой системы мышленія, но чрезъ его логику въ свое время прошли всѣ образованные европейцы. Кто не чувствуетъ, что теоріи Платона и Аристотеля выражали греческое міросозерцаніе, а развѣ не на нихъ воспитывалось европейское человѣчество? Развѣ наше юридическое образованіе основывается не на *римскомъ* правѣ? Развѣ *англійскія* политическія учрежденія не вліяютъ на континентъ Европы?

Исторія человѣчества не есть цѣльная и законченная система, задуманная по одному плану и проведенная съ безпощадною логикою. Ни одна личность не можетъ имѣть претензіи представить собою исчерпывающее воплощеніе цѣлаго человѣчества; не можетъ воплотить его въ себѣ и ни одна нація. Каждый народъ въ своей исторіи выражаетъ и доводитъ до опредѣленнаго результата только нѣкоторыя стороны всеобщаго содержанія

человѣческаго духа. Общечеловѣческое начало есть начало, такъ сказать, *хоровое*, въ которомъ каждому голосу, каждому звуку должно быть мѣсто, иначе мы съузимъ понятіе общечеловѣческаго до такихъ элементарныхъ и однообразныхъ рамокъ, что въ нихъ не будетъ уже мѣста личному *творчеству*. Если мы желаемъ сохранить личность, какъ начало творческое, какъ нравственное бытіе, то мы должны стремиться къ свободному развитію національностей, которыя однѣ даютъ основу и личному развитію.

Вотъ идеи, которыя я намѣренъ защищать въ предпринятой мною работѣ. Есть основаніе думать, что онѣ найдутъ себѣ отзвукъ въ современномъ настроеніи нашего общества. Но я предпринялъ эту работу вовсе не съ цѣлью воспользоваться извѣстнымъ общественнымъ настроеніемъ и воздѣйствовать на чувства слушательницъ и слушателей. Я имѣлъ цѣлію представить результатъ моихъ *научныхъ* занятій и убѣжденій, слѣдовательно я обязанъ представить *научныя доказательства* моихъ воззрѣній. Конечно, я постараюсь представить эти доказательства въ формѣ наиболѣе доступной и понятной; но постараюсь сдѣлать это не въ ущербъ научному характеру статьи.

Еще одно замѣчаніе. При разсмотрѣніи занимающаго насъ предмета, я намѣренъ оставаться на почвѣ точныхъ и неоспоримыхъ фактовъ. Отвлеченныя размышленія большею частью недоказательны, особенно при изслѣдованіи такого культурно-историческаго явленія, какъ народность. Поэтому я позволю себѣ предложить вниманію публики *историческое* изслѣдованіе происхожденія національнаго вопроса. Мнѣ предстоитъ, другими словами, въ самомъ сжатомъ видѣ изложить весь ходъ европейской исторіи.

Задача трудная, но я надѣюсь выполнить его при помощи сочувствія публики. Провѣрка своихъ чувствованій и инстинктивныхъ стремленій путемъ научныхъ изслѣдованій; обращеніе своихъ стремленій въ сознательное убѣжденіе есть работа, къ которой призвано каждое общество, живущее историческою жизнью. Содѣйствовать, хоть сколько нибудь, образованію такихъ убѣжденій, по вопросу чрезвычайной важности, по вопросу, изъ-за котораго уже льется кровь — такова моя задача; скажу больше: такова обязанность каждаго, у кого голова и сердце на мѣстѣ. Пусть пройдетъ безвозвратно то время, когда всякія отвлеченныя мысли, теоріи и системы ходили въ головѣ, нисколько не дѣйствуя на нравственныя чувства человѣка; когда, съ другой стороны, добрые

порывы не находили опоры въ сознаніи. Мы вступаемъ въ одну изъ серьезнѣйшихъ эпохъ нашей исторіи. Намъ нужны *цѣльные* люди; люди, у которыхъ нѣтъ чувствъ непродуманныхъ и мыслей непрочувствованныхъ. Съ такими людьми страна выполнитъ свои задачи, какъ бы онѣ ни были трудны!

II.

Если бы намъ пришлось бесѣдовать съ образованнымъ человѣкомъ XVIII столѣтія о происхожденіи человѣческихъ обществъ, мы услышали-бы много вещей, несовершенно понятныхъ нашему уму, воспитанному на знаніяхъ этнографическихъ, антрологических, лингвистическихъ и историческихъ. Мы услышали бы, что образованію человѣческихъ обществъ и государствъ предшествовало такъ называемое *естественное состояніе*, когда каждая личность была предоставлена себѣ самой и жила въ рѣшительномъ отчужденіи отъ другихъ. Такое состояніе представляло множество невыгодъ и человѣкъ вышелъ изъ него актомъ своей воли. Онъ вступилъ въ соглашеніе съ другими людьми, заключилъ съ ними *договоръ* и путемъ этого договора основалъ государство.

Конечно, первое возраженіе, которое можно бы сдѣлать человѣку XVIII ст., состоитъ въ томъ, что заключеніе государственнаго договора превышаетъ умственныя силы дикарей, только что вышедшихъ изъ „естественнаго состоянія". Дѣйствительно, какъ представить себѣ массу первобытныхъ людей, собравшихся для обсужденія слѣдующаго вопроса: „найти форму общества, покровительствующаго и защищающаго общею силою личность и имущество каждаго его члена, и въ которомъ каждый, соединяясь со всѣми, повиновался-бы однако только себѣ и оставался-бы столь же свободнымъ, какъ и прежде". Между тѣмъ Руссо заставляетъ своихъ первобытныхъ людей разсуждать именно на эту тему.

Но человѣкъ XVIII вѣка не понялъ-бы нашего возраженія. Почему? Ясный и убѣдительный отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ разсмотрѣніе общества, съ которымъ имѣла дѣло эта политическая литература, преимущественно общества французскаго, дававшаго тонъ всей Европѣ. Оно еще недавно анализировано

Тэномъ въ его замѣчательномъ трудѣ: „les origines de la France contemporaine“. Разбирая духъ и ученія французскаго общества XVIII ст. (а духъ и ученія этого общества давали тонъ всей Европѣ), Тэнъ говоритъ, что они опредѣлялись, между прочимъ, *классическимъ* направленіемъ и формою. Подъ именемъ классическаго направленія не должно разумѣть вліянія греческихъ и римскихъ писателей. Франція выработала свой классическій языкъ, свои академическія, такъ сказать, формы рѣчи, господствовавшія въ ней, въ теченіи двухъ столѣтій. Образованіе этихъ классическихъ формъ зависѣло прежде всего оттого, къ какой публикѣ обращались философы, поэты, ученые. Публика эта—дворъ и все, такъ или иначе прикосновенное къ придворнымъ сферамъ, къ блестящимъ гостиннымъ, гдѣ собирались „благородные и благовоспитанные“ люди насладиться разговоромъ о всѣхъ возможныхъ предметахъ. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы литература XVIII вѣка не имѣла огромнаго вліянія на всю массу общества, чтобы она не была популярной. Я хочу сказать только, что тонъ, пріемы и языкъ писателей опредѣлялись главнымъ образомъ требованіями аристократическихъ сферъ. Французская аристократія, оттѣсненная королевскимъ абсолютизмомъ и бюрократіею отъ участія въ жизни политической, посвятила свой невольный досугъ обществу. Жизнь этого класса сосредоточилась въ гостинной. Надо отдать честь этимъ гостиннымъ. Умственныя наслажденія, бесѣды о всѣхъ отрасляхъ знанія занимали здѣсь почетное мѣсто. Всякій выдающійся умъ, всякое открытіе обращало на себя вниманіе этихъ изящныхъ маркизъ и великосвѣтскихъ господъ. Вольтеры, Гельвеціи, Гольбахи, Кондильяки имѣли въ нихъ самыхъ внимательныхъ и понятливыхъ слушателей. Но даря философовъ и поэтовъ своимъ вниманіемъ, они предъявляли имъ и свои требованія. Каждый долженъ былъ принаравливаться къ требованіямъ аудиторіи. Въ чемъ же состояли эти требованія? Какъ отразились они на состояніи литературы?

Во-первыхъ, пусть философы и ученые не требуютъ отъ такой аудиторіи значительной подготовки, основанной на изученіи разныхъ источниковъ, философскихъ тонкостей и т. д. Философъ или ученый долженъ давать своимъ слушателямъ то, что доступно ихъ *непосредственному* пониманію, апеллировать не къ ихъ учености, а къ тому, что получало характеристическое названіе „здраваго смысла“, т. е. извѣстной совокупности общихъ представленій и понятій, усвоенныхъ каждымъ во время его обра-

щенія въ свѣтъ. Во-вторыхъ, всякія теоріи и мнѣнія должны быть изложены общедоступнымъ языкомъ. Всякія техническія названія, спеціальные термины тщательно изгоняются изъ салонной рѣчи. Мало того: всякіе образные и поэтическіе обороты, провинціализмы, пословицы, рѣзкія и откровенныя выраженія также исключаются изъ употребленія. Писатель, желающій быть понятъ и оцѣненъ своею взыскательною аудиторіею, долженъ излагать свои мысли въ общихъ выраженіяхъ. Языкъ упрощается и обезцвѣчивается до послѣдней степени. Онъ выигрываетъ въ легкости, точности, правильности, но проигрываетъ со стороны образности, разнообразія, силы. На такомъ языкѣ нельзя уже передать ни Библіи, ни Гомера, ни Данта, ни Шекспира. Знаменитый монологъ Гамлета въ переводѣ Вольтера является отвлеченною декламаціею. Сравните описаніе природы въ Одиссеѣ Гомера и въ „Телемакѣ“ Фенелона. Тамъ неприкрашенныя, но правдивыя картины дѣйствительной природы, здѣсь все приведено въ систему и порядокъ, подобно версальскому саду, съ его подрѣзанными деревьями и симметрическими дорожками.

Понятно, что въ этихъ разсужденіяхъ исчезаютъ всѣ различія временъ, обстоятельствъ, расы, даже степени образованія. Въ драмахъ, поэмахъ, трагедіяхъ всѣ дѣйствующія лица говорятъ однимъ языкомъ, какъ всѣ благовоспитанные люди того времени; авторы знаютъ, кто̀ смотритъ пьесу и чего требуютъ отъ сочинителя. Нечего говорить, что всѣ дѣйствующія лица такихъ пьесъ не могутъ быть реальны. „Въ живомъ характерѣ, справедливо замѣчаетъ Тэнъ, два рода чертъ. Однѣ — немногочисленныя — общи ему со всѣми лицами даннаго класса и всякій зритель или читатель легко можетъ ихъ различить. Другія — весьма многочисленныя — принадлежатъ только ему, — этому живому характеру, — и ихъ нельзя уловить безъ нѣкотораго усилія. Классическое искусство обращаетъ вниманіе только на первыя черты. Оно̀ беретъ не опредѣленнаго человѣка, а извѣстное его положеніе: на сцену выводятся цари, наперстники, принцы и принцессы, жрецы, военачальники и т. д. Этимъ личностямъ приписываются извѣстныя общія качества или стремленія — любовь, честолюбіе, коварство, вѣрность и т. д. Затѣмъ ихъ заставляютъ дѣйствовать сообразно этимъ общимъ положеніямъ и качествамъ. Для этихъ лицъ не нужно собственныхъ именъ. Оргоны, Дамисы, Доранты и т. п. совершенно достаточны для обозначенія общихъ свойствъ и общихъ положеній. Не нужно и различія временъ націй: Греки

и Римляне, Турки и Арабы, Евреи и Негры, всѣ говорятъ одинаковымъ языкомъ — вѣжливымъ, выглаженнымъ, приноровленнымъ къ требованію салона. Греки временъ Эдипа говорятъ другъ другу вы, Madame, Seigneur. Негръ декламируетъ не хуже Гольбаха или Гельвеція.

Неудивительно, что при этихъ условіяхъ, общественныя теоріи не были обязаны обращать вниманіе на особенности первобытныхъ людей, заключавшихъ между собою предполагаемый „договоръ“. Если „наперсникамъ“ древнихъ греческихъ царей приписывались идеи, свойственныя современникамъ Монтескьё, то почему-бы не вложить въ умы „естественныхъ“ людей и политическія теоріи XVIII вѣка?

Итакъ аргументъ противъ договорной теоріи, приведенный выше, не былъ бы понятъ человѣкомъ XVIII вѣка. Попробуемъ предложить ему другой, болѣе затруднительный для него вопросъ: на какомъ *языкѣ* объяснялись между собою люди, сошедшіеся для заключенія договора, какъ формулировали они его статьи? Мы знаемъ, что общность языка въ настоящее время играетъ большое значеніе въ національномъ вопросѣ. Общность языка соединяетъ опредѣленныя массы людей и выдѣляетъ ихъ изъ общей массы человѣчества. Самостоятельность языка есть одно изъ первыхъ условій самостоятельности національной культуры. За право пользоваться своимъ языкомъ многія народности ведутъ упорную борьбу и готовы на всякія жертвы.

Но и этотъ аргументъ остался-бы непонятенъ человѣку XVIII вѣка. Въ его время законы языковъ, ихъ классификація не были еще предметомъ дѣйствительно научныхъ изслѣдованій. Лингвистика не выдѣлилась еще изъ филологіи въ качествѣ науки естественной. Человѣкъ XVIII вѣка не зналъ еще многаго другаго. Антропологія, критическое и сравнительное изслѣдованіе религій, были еще въ зародышѣ. Самая исторія находилась въ дѣтствѣ, особенно по своимъ основнымъ точкамъ зрѣнія, средствамъ и методамъ изслѣдованія. Пытливые и неутомимые изслѣдователи не дотрагивались еще до того громаднаго матерьяла, въ которомъ можно найти основанія народныхъ особенностей — народныхъ обычаевъ, повѣрій, поэзіи, нравовъ. Время-ли было думать объ этомъ, когда всѣ низшіе классы разсматривались какъ безразличная, косная и темная масса, нуждавшаяся въ просвѣтителяхъ сверху?

Я остановился на понятіяхъ образованнаго человѣка XVIII

вѣка не безъ цѣли. Я не остановился на мировоззрѣніяхъ ни XVI, ни XVII вѣковъ. Указаніе на политическую теорію ближайшаго къ намъ столѣтія имѣло цѣлію навести на мысль, что идея народностей есть *идея новая*, принадлежащая *нашему* столѣтію. Да, идея эта не есть старый предразсудокъ, завѣщанный намъ предками; она не есть старое преданіе, возродившееся въ наше просвѣщенное время, въ силу отавизма. Она есть наше достояніе, результатъ нашего просвѣщенія, несомнѣннаго прогресса въ области политическихъ и общественныхъ понятій. Не знаю насколько эта мысль — хотя въ ней нѣтъ рѣшительно ничего новаго — согласна съ общепринятыми у насъ мнѣніями. Во всякомъ случаѣ, я считаю своею обязанностію доказать ея справедливость.

Если идея народности нова, если она принадлежитъ нашему столѣтію, то естественно спросить, почему она не возникала, почему она не могла возникнуть во времена предыдущія?

Для отвѣта на этотъ вопросъ, намъ необходимо обратиться къ ново-европейской исторіи и прослѣдить шагъ за шагомъ ея важнѣйшіе моменты, начиная съ первыхъ. Обратимся къ этимъ исходнымъ точкамъ западно-европейской исторіи и разсмотримъ, заключались-ли въ нихъ хотя какія нибудь условія для появленія національной идеи. Но, для того, чтобы анализъ этихъ фактовъ былъ понятнѣе, я позволю себѣ, въ нѣсколькихъ словахъ, обозначить самые существенные элементы народности. Я не намѣренъ пока давать *опредѣленія* народности. Такое опредѣленіе должно явиться *результатомъ* разсмотрѣнія историческаго происхожденія національной идеи. Поэтому я обращусь къ нему въ концѣ чтеній. Но мы можемъ теперь-же указать на существенные и ясные для всѣхъ элементы народности и ихъ коренныя свойства. Подъ элементами народности мы разумѣемъ такія условія, которыя, съ одной стороны, *соединяютъ* извѣстную массу людей въ одно цѣлое, а съ другой *обособляютъ* эту массу отъ другихъ человѣческихъ группъ. Слѣдовательно элементы народности являются какъ-бы признаками, *отличающими* данное общество отъ другихъ. Одни изъ этихъ элементовъ даются намъ самою природою. Мы можемъ назвать ихъ естественными. Таковы: языкъ, нравственныя и умственныя особенности племени, вліяніе географическихъ и климатическихъ условій. Другія условія являются результатомъ исторической жизни, жизни каждаго народа. Но между этими историческими условіями должно различать двѣ группы. Одни изъ нихъ являются первоначальными основами на-

ціональной исторіи, конкурирують, такъ сказать, съ элементами естественными въ дѣлѣ образованія національной личности. Сюда относятся религія, въ смыслѣ положительнаго и опредѣленнаго культа, первоначальные идеалы народной поэзіи, складъ семейныхъ отношеній, первоначальные юридическіе обычаи и т. д. Вторая группа условій содержитъ въ себѣ совокупность тѣхъ общественныхъ стремленій, симпатій и антипатій, идеаловъ, нравовъ, которыя выработались и окрѣпли въ народности, въ теченіи долгой *исторической* жизни и выразились въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ экономическомъ бытѣ страны, въ наукѣ, поэзіи, искусствѣ. Эта часть національныхъ элементовъ наиболѣе прогрессивна. Она даетъ смыслъ и содержаніе всѣмъ прочимъ. Каждое значительное явленіе въ области науки и искуствъ, каждый прогрессъ въ политической жизни, каждое международное столкновеніе, увеличиваютъ сумму національныхъ особенностей и уясняютъ *идею* каждой народности. Прогрессъ цивилизаціи тѣсно связанъ съ успѣхами національнаго начала. „Дикари, презрительно говаривалъ англичанинъ Джонсонъ, всѣ похожи другъ на друга“. Въ этихъ словахъ много правды. Типъ современнаго Англичанина гораздо рѣзче отличается отъ типа современнаго Француза, нежели типъ Сакса пятаго столѣтія отъ типа Франка того-же времени.

Изъ этого простаго перечисленія элементовъ народности можно видѣть, что она есть результатъ долгаго историческаго процесса и многовѣковой культуры. Въ начальной Европейской исторіи мы не только не находимъ народностей, но встрѣчаемся съ элементами, прямо препятствовавшими ихъ образованію. Правда, и въ тѣ отдаленныя времена были уже готовы естественныя основы будущихъ народностей. Съ географической и этнографической точекъ зрѣнія нынѣшнія Франціи, Англіи, Германіи и т. д. существовали уже въ зародышѣ. Но эти элементы будущихъ народностей были еще простымъ *пассивнымъ* матерьяломъ, безъ дѣятельной исторической роли. Что-же препятствовало развитію народностей?

Съ тѣхъ поръ, какъ элементы европейскихъ обществъ сколько нибудь опредѣлились и уяснились послѣ хаотическаго времени великаго переселенія народовъ, три факта, одинаково важныхъ, вліяли на ихъ дальнѣйшее развитіе. Факты эти: *завоеваніе* однихъ племенъ другими, основавшими ново-европейскія госуства, *феодализмъ*, какъ политическая и общественная форма быта, и *католицизмъ*, какъ форма церковной жизни Европы.

Ни тотъ, ни другой, ни третій фактъ не только не благопріятны развитію народностей, но находились съ ними въ прямомъ протоворѣчіи.

Начнемъ съ *завоеванія,* какъ способа возникновенія всѣхъ западно-европейскихъ государствъ. Нужно-ли доказывать, что завоеваніе одного племени другимъ вносило *раздвоеніе* въ жизнь каждаго общества, тогда какъ идея народности предполагаетъ полную *солидарность* между всѣми слоями общества отъ высшаго и до нисшаго? Сколько мученій пережили западныя общества въ первое время ихъ образованія! Исторія завоеванія Бриттовъ Саксами, Саксовъ Норманнами—цѣлый мартирологъ. Великое произведеніе Тьерри открываетъ намъ этотъ страшный процессъ. Англо-Саксы искореняютъ и изгоняютъ Бриттовъ; Норманны не могутъ искоренить Саксовъ, но ставятъ ихъ въ тяжкую зависимость. Презрѣніе побѣдителя къ побѣжденному не знаетъ границъ. Тяжеловѣсный и грубоватый Саксъ разсматривается какъ человѣкъ нисшей породы сравнительно съ офранцуженнымъ Норманномъ. Всѣ насилія надъ побѣжденнымъ заранѣе оправдываются и даже возводятся на степень политической необходимости. Между двумя классами нѣтъ точекъ соприкосновенія или ихъ очень мало. Норманнъ-завоеватель не считаетъ Англію своимъ отечествомъ и Саксовъ своими соотечественниками. Онъ скорбитъ о прекрасной Нормандіи, гдѣ общество такъ цивилизовано и посѣщаетъ ее сколько возможно часто, чтобы не огрубѣть и не отупѣть среди Саксовъ. Онъ боится, что его сынъ испортитъ свой языкъ отъ соприкосновенія съ саксонской прислугой и посылаетъ его во Францію обучиться настоящему языку и хорошимъ манерамъ. Понятно, что французскіе бароны ему гораздо ближе завоеванныхъ Саксовъ. То же явленіе повторяется и въ другихъ странахъ. Нужны были столѣтія, чтобы изъ Норманновъ и Саксовъ, Франковъ, Галловъ и другихъ племенъ образовались цѣльныя и сплоченныя народности. Но и послѣ того, какъ завоеватели слились съ побѣжденными, старое завоевательное начало не осталось безъ вліянія; оно видоизмѣнило только его форму. Оно выразилось въ формѣ строгаго *аристократизма,* принципы котораго съ такою силою проникаютъ всю западно-европейскую исторію. И подчиненные классы, и вожаки революціи 1789 года не забыли этого по истеченіи многихъ и многихъ столѣтій.

Незадолго до революціи, извѣстный Шанфоръ писалъ слѣдующее: „Самое почтенное основаніе правъ французской ари-

стократіи состоитъ въ непосредственномъ происхожденіи отъ какихъ нибудь 30 т. людей, покрытыхъ шлемами, панцырями, наручниками, набедренниками и которые, на лошадяхъ, покрытыхъ броней, попирали 8 или 10 мильоновъ нагихъ людей, предковъ нынѣшней націи". „Почему третье сословіе, восклицалъ Сіессъ, не вышлетъ во Франконскіе лѣса всѣ эти семейства, претендующія на происхожденіе отъ породы завоевателей и на наслѣдованіе по праву завоеванія?" [1]). Конечно, историческіе факты не совершенно подтверждаютъ эту генеалогію. Но для насъ важны взгляды этихъ выразителей политическихъ страстей, какъ живое воспоминаніе о временахъ давно минувшихъ.

Завоевательное начало облеклось въ плоть и кровь, выразилось въ цѣлой политической системѣ, именно въ системѣ *феодальной*. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе историческаго достоинства этой системы. Не подлежитъ сомнѣнію, что она имѣло смыслъ въ свое время; въ ней нельзя не видѣть полезной переходной формы европейскихъ обществъ. Нельзя смотрѣть на „феодала" только какъ на грубую силу, тяготѣвшую надъ нисшими классами, только какъ на хищника, обременявшаго подчиненныхъ поборами. Въ „феодалѣ" развилось и много почтенныхъ качествъ. По чувству личной независимости, удали, по многимъ идеальнымъ стремленіямъ, воплотившимся въ рыцарствѣ, личность „феодала" справедливо вдохновляла поэтовъ Но насъ феодализмъ занимаетъ вовсе не съ этой стороны; мы хотимъ указать его отношеніе къ вопросу національному. Съ этой точки нельзя не признать, что феодализмъ, по *существу* своему, противорѣчилъ національному принципу. Существо феодализма состояло въ соединеніи правъ суда и управленія съ правами землевладѣнія. Землевладѣніе давало право на управленіе, на отправленіе правосудія землевладѣльцемъ въ предѣлахъ своей территоріи. Всякій, кто жилъ на этой территоріи, ipso jure подпадалъ подъ юрисдикцію владѣльца. Народонаселеніе разсматривалось какъ часть земли, которою можно было располагать вмѣстѣ съ землей и какъ землей. Другими словами, феодальная система построена на началѣ *вотчинномъ* и между правомъ частнымъ и правомъ публичнымъ не было существенной разницы. Населеніе, вмѣстѣ съ землею, могло быть предметомъ частныхъ сдѣлокъ — купли-продажи, даренія, дачи въ приданное. Населеніе, какъ земля, было предметомъ захвата, завоева-

[1]) Тэнъ, тамъ-же.

нія и т. д При всѣхъ этихъ захватахъ и миролюбивыхъ сдѣлкахъ, желанія населенія, его симпатіи и антипатіи не только не принимались въ разсчетъ, но попирались; даже не попирались, потому-что „попраніе“ предполагаетъ нѣкоторое признаніе попираемаго какъ самостоятельнаго субъекта, а въ данномъ случаѣ никто даже не подозрѣвалъ, что у населенія, этой „части земли“, *могутъ* быть какія нибудь желанія и симпатіи. Кажется нѣтъ нужды уяснять подробнѣе отношеніе феодализма къ національной идеѣ, такъ какъ послѣдняя предполагаетъ признаніе за народностями *права* выражать свои симпатіи и желанія, права для Босняковъ и Герцеговинцевъ не быть подъ владычествомъ Турокъ.

Даже своими свѣтлыми сторонами феодальный типъ нисколько не смягчалъ этого вотчиннаго начала. Мы готовы признать поэтическія стороны рыцарства, признать интересъ поэмъ и романовъ, гдѣ выведены эти отважные искатели приключеній. Но въ этихъ типахъ мы не видимъ ничего національнаго, *земскаго*, такъ сказать. Что вдохновляетъ этихъ рыцарей? Что ставится имъ въ заслугу? Рыцарство вдохновляется общими религіозными и нравственными идеями. Оно становится на службу папскому престолу, оно предпринимаетъ крестовые походы — это въ лучшемъ случаѣ. Обыкновенно рыцарь — отважный воитель, ищущій въ сраженіяхъ дѣла для своей личной удали. Иногда онъ пускается въ невѣроятныя предпріятія, чтобы завоевать сердце своей дамы. Миннезингеръ, трубадуръ воспоетъ его вѣрность, его горячую любовь, его неукротимую отвагу. Но всѣ эти прекрасныя качества не наполнятъ пробѣла между рыцаремъ и тою сѣрою массой, которою онъ владѣетъ. Она останется ему чужою. Рыцарство — учрежденіе *космополитическое*. Рыцарь признаетъ свое братство со всѣми рыцарями въ мірѣ. Французскій рыцарь видитъ *своего* въ рыцарѣ нѣмецкомъ; ему понятны его нравы, образъ жизни, даже отчасти языкъ. Но сколько столѣтій пройдетъ до тѣхъ поръ, пока потомки этихъ рыцарей признаютъ за братьевъ потомковъ тѣхъ крестьянъ и горожанъ, которыхъ такъ чуждались ихъ предки?

Еще въ XVII столѣтіи, въ 1614 году, на собраніи послѣднихъ земскихъ чиновъ Франціи, произошелъ слѣдующій эпизодъ. Одинъ изъ ораторовъ третьяго сословія, Саваронъ, осмѣлился въ рѣчи своей, обращенной къ королю, назвать дворянство и духовенство старшими братьями своего сословія, а Францію ихъ об-

щею матерью. Это было сочтено за дерзость и ораторъ отъ дворянства, баронъ Сенеси, разразился слѣдующею филиппикою: „сословіе, составленное изъ населенія городскаго и сельскаго, это послѣднее, зависимое отъ первыхъ двухъ сословій и подчиненное ихъ юрисдикціи; первые — мѣщане, купцы, ремесленники и нѣкоторые чиновники; эти-то люди, забывая свое положеніе и безъ согласія своихъ избирателей, хотятъ равнять себя съ нами..... Они называютъ насъ своими братьями. Въ какое плачевное положеніе пришли мы, если эти слова справедливы!“ [1]). Уже предъ началомъ революціи, когда просвѣщеніе достаточно сблизило всѣ классы, въ изящномъ салонномъ языкѣ сохранились оттѣнки старыхъ различій. Тотъ же Шанфоръ разсказываетъ слѣдующій случай, происшедшій въ салонѣ m-me Дюдефанъ, т. е. самомъ либеральномъ и самомъ литературномъ изо всѣхъ салоновъ. Въ гостиной, кромѣ хозяйки, находились президентъ Гено, г. Понъ-де-Вейль и извѣстный д'Аламберъ, находившійся тогда на верху своей славы. Является новый посѣтитель — медикъ Фурнье. Изъ того, какъ онъ привѣтствовалъ хозяйку и гостей, видно было, какъ сословные оттѣнки были крѣпки въ его умѣ, — какъ въ умѣ каждаго француза. Г-жѣ Дюдефанъ онъ сказалъ: m-me, j'ai l'honneur de vous présenter mon très humble respect (сударыня, я имѣю честь представить Вамъ мое нижайшее почтеніе); президенту Гено: m-r, j'ai bien l'honneur de vous saluer (имѣю честь Вамъ кланяться); г. Понъ-де-Велю: m-r, je suis votre très-humble serviteur (я Вашъ покорнѣйшій слуга); — а д'Аламберу досталось простое: „Bon jour, Monsieur“ (здравствуйте, сударь). Маленькій медикъ поставилъ каждаго на свое мѣсто. [2])

Какъ встрѣтятся эти люди со своими братьями въ 1789 г.? Исторія сохранила намъ извѣстіе объ одной выходкѣ Мирабо, страшномъ, несокрушимомъ ораторѣ третьяго сословія. Послѣ знаменитой ночи 4 августа, когда уничтожены были всѣ привилегіи, въ томъ числѣ и титулы, онъ возвращается домой, хватаетъ за ухо встрѣтившаго его камердинера и шутливо восклицаетъ: „Ну, дуракъ, надѣюсь, что для *тебя* я все-таки ваше сіятельство!“ [3]) Графъ не умеръ въ ораторѣ третьяго сословія ....

Остается *католицизмъ*. Католицизмъ, какъ отрасль христіан-

---

[1]) Авг. Тьерри, Hist. du Tiers-état.
[2]) Тэнъ, тамъ-же.
[3]) Тэнъ, тамъ-же.

ской религіи, естественно долженъ былъ отвергнуть всѣ національныя различія. Проповѣдь Христа и апостоловъ обращалась къ цѣлому міру, къ „обрѣзанію и необрѣзанію, эллину и іудею“. Вселенскій характеръ христіанской проповѣди вытекалъ изъ существа новаго ученія. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы христіанство отрицало различіе народностей или требовало ихъ уничтоженія. Основатель „царства не отъ міра сего“ относился равнодушно къ дѣламъ „міра сего“. Онъ не вмѣшивался въ политику, но не отрицалъ государства; онъ призывалъ людей къ *братству*, но не требовалъ уничтоженія личности человѣческой въ искуственномъ и насильственномъ единствѣ: „*милости* хочу, а не *жертвы*“, сказалъ Онъ; „не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка“. Защищая начало народности, мы нисколько не желаемъ сойти съ почвы ученія христіанскаго, какъ начала общечеловѣческаго, вселенскаго. Напротивъ, защищая національный принципъ, мы призываемъ народы къ *братству*, къ общенію вольному, *хоровому*, такъ сказать, въ которомъ бы не пропадала личность народная, а напротивъ, развивалась и укрѣплялась на пользу всего человѣчества.

Иначе повелъ дѣло католицизмъ. Вселенскій принципъ братства онъ истолковалъ и примѣнилъ въ смыслѣ насильственнаго и искуственнаго единства вѣрующихъ путемъ безусловнаго подчиненія ихъ авторитету папъ. Нельзя отрицать, что между вѣрующими онъ установило чрезвычайно сильную связь. Среди всеобщаго раздробленія, разноязычія и разноплеменности средневѣковой Европы, католическая церковь была сильнымъ связующимъ началомъ. Таже месса, на томъ-же латинскомъ языкѣ слушалась одинаково и въ Римѣ и въ Лондонѣ, и въ отдаленныхъ уголкахъ Германіи и Скандинавіи. На этомъ языкѣ писались всѣ богословскія и ученыя сочиненія. Подъ вліяніемъ церкви, наука сдѣлалась общеевропейскимъ достояніемъ. Дунсъ-Скоттъ, Ѳома Аквинскій, Абеляръ писали для всей Европы, т. е. для всѣхъ культурныхъ ея классовъ. Подъ вліяніемъ католицизма выросла и идея римско-нѣмецкаго императорства, впослѣдствіи вступившаго въ борьбу съ папствомъ, за первенство во вселенной.

Но чѣмъ сильнѣе было это единство, тѣмъ меньше въ немъ могло быть мѣста развитію народностей; даже сознанія народности врядъ-ли можно было ожидать. Правовѣрный католикъ-французъ сознавалъ свое братство съ католикомъ-нѣмцемъ или итальянцемъ, но французъ-еретикъ былъ въ его глазахъ чѣмъ-то

отверженнымъ и презрѣннымъ. По зову римскаго престола сѣверъ Франціи поднялся на Альбигойцевъ и истребилъ ихъ такъ, какъ нѣкогда Израильтяне истребляли жителей Ханаана. Лоллардисты не знали пощады въ Англіи. Костры инквизиціи опустошали цѣлые города. Въ тяжелую для Италіи минуту Макіавель послалъ проклятіе римскому престолу, какъ помѣхѣ къ обновленію родной страны.

„Такъ какъ нѣкоторыя лица, говоритъ Макіавель, утверждаютъ, что счастье Италіи зависитъ отъ римской церкви, я сошлюсь на нѣкоторые доводы противъ этой церкви, представляющіеся моему уму, и между которыми два чрезвычайно важны, такъ что противъ нихъ, по моему мнѣнію, нѣтъ возраженій. Во-первыхъ, преступные примѣры римскаго двора погасили въ этой странѣ всякое благочестіе и всякую религію, что влечетъ за собою множество неудобствъ и безпорядковъ. Слѣдовательно церкви и священникамъ мы, итальянцы, обязаны отсутствіемъ нравовъ и религіи. Но мы обязаны имъ еще бо̀льшимъ благомъ — источникомъ нашей гибели. Церковь всегда поддерживала и постоянно поддерживаетъ разъединеніе этой несчастной страны. Причина, по которой Италія не можетъ достигнуть единства и не подчинена одному правительству — монархическому или республиканскому — *только церковь*. Вкусивъ свѣтской власти, она не имѣла однако ни достаточно силы, ни довольно мужества, чтобы овладѣть остальною Италіею. Но, съ другой стороны, она никогда не была настолько слаба, чтобы не быть въ состояніи, изъ боязни утратить свою свѣтскую власть, призвать какого нибудь государя на помощь противъ того, кто сдѣлался-бы опасенъ для остальной Италіи; прошлыя времена даютъ намъ многочисленные тому примѣры. Сначала, при помощи Карла Великаго, она изгнала Лонгобардовъ, овладѣвшихъ уже почти всею Италіею; въ наше время она вырвала могущество изъ рукъ Венеціи при помощи Французовъ, которыхъ потомъ она отразила при помощи Швейцарцевъ. „Такимъ образомъ церковь, не будучи сильна настолько, чтобы занять всю Италію, и недозволяя другимъ овладѣть ею, является причиной, почему эта страна не могла соединиться подъ однимъ вождемъ и осталась порабощенною многимъ господамъ. Отсюда это раздѣленіе и эта слабость, сдѣлавшія ее добычею не только могущественныхъ варваровъ, но перваго, кто почтитъ ее нападеніемъ. Церкви обязана Италія этимъ одолженіемъ, а никому другому....“

Папство съиграло большую всемірную роль, но въ Италіи оно, конечно, никогда не играло роли національной. Если Италія объединилась, то именно въ противность вѣковымъ стремленіямъ папъ, и теперь папа щедро расточаетъ свои проклятія виновникамъ итальянскаго единства. Нужно-ли упоминать о клерикалахъ во Франціи, для которыхъ свобода и честь родной страны ничто въ сравненіи съ интересами римской куріи?

Таковы исходные факты западно-европейской исторіи. Они находятся въ прямомъ противорѣчіи съ началомъ народности. Дальнѣйшая исторія Европы убѣдитъ насъ въ томъ, что національная идея развилась въ видѣ *реакціи* противъ указанныхъ выше фактовъ. Останавливаясь на ходѣ этой реакціи, я долженъ предпослать разсмотрѣнію отдѣльныхъ ея моментовъ одно общее замѣчаніе.

Развитіе народностей, какъ легко замѣтить изъ предыдущаго, было задержано причинами двоякаго рода. Однѣ изъ нихъ поддерживали въ націяхъ искуственное раздѣленіе и раздробленіе, препятствуя ихъ внутреннему объединенію. Таковы послѣдствія *завоеванія* и *феодальной системы*. Напротивъ, католицизмъ, во многихъ отношеніяхъ, поддерживалъ искуственное и часто насильственное единство, содѣйствуя въ то-же время и внутреннему раздѣленію народовъ. Отсюда понятно само собою, что силы, подготовившія образованіе европейскихъ народностей, должны были разрушить прежній порядокъ съ двухъ концовъ. Онѣ должны были устранить причины, препятствовавшія объединенію національностей; имъ предстояло также разбить искуственное католическое единство. Силы, подорвавшія прежній порядокъ и открывшія широкую дорогу новымъ стремленіямъ, можно раздѣлить также на два разряда. Однѣ можно назвать естественно-историческими; другія культурно-политическими. Къ первому разряду я отношу ассимиляцію (уподобленіе) племенъ и образованіе ново-европейскихъ языковъ. Ко второму — движеніе общинъ, постепенную эманципацію нисшихъ классовъ, усиленіе королевской власти, протестантизмъ и постепенное развитіе религіозной свободы. Къ этимъ условіямъ присоединялись и другія, о которыхъ я упомяну ниже.

Гизо, въ своей „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ", относитъ начало національно-объединительнаго движенія къ XV вѣку. Отличительнымъ характеромъ XV вѣка, говоритъ онъ, является стараніе создать общіе интересы, общія идеи, уничтожить кругъ

замкнутости, мѣстности.... образовать то, чего до тѣхъ поръ не существовало въ большихъ размѣрахъ — образовать правительства и народы." Мнѣніе Гизо приблизительно вѣрно. Но вообще жизнь народовъ не укладывается въ рамки опредѣленныхъ столѣтій. Объединительное движеніе началось не во всѣхъ странахъ одновременно; нѣкоторые симптомы его даже повсемѣстно замѣчаются раньше; затѣмъ результаты его, по замѣчанію самого Гизо, обнаружились гораздо позже. Но основные моменты этого движенія вообще состоятъ въ слѣдующемъ.

Племенное раздѣленіе завоевателей и завоеванныхъ мало по малу утрачиваетъ свою силу подъ вліяніемъ взаимодѣйствія этихъ враждебныхъ элементовъ. Совмѣстное жительство, общіе труды, вліяніе массы завоеванныхъ на завоевателей и культуры послѣднихъ на массу оказывали свое дѣйствіе. Изъ Бриттовъ, Англо-Саксовъ и Норманновъ образовывались *Англичане,* говорившіе уже языкомъ одинаковымъ для нисшихъ и высшихъ слоевъ. Франки, Бургунды, Вестготы, вмѣстѣ съ романизированными Галлами, сливаются въ единую французскую націю, и изъ прежняго многоязычія выступаетъ французскій языкъ, на которомъ будутъ говорить Рабле, Монтень, Боденъ, ораторы Лиги. Въ Италіи, многочисленные діалекты туземные и привнесенные, оставшіеся безъ центральнаго языка послѣ паденія Рима, вырабатываютъ новоитальянскій языкъ, языкъ Боккачіо и Данта, Петрарки и Маккіавели. Въ этомъ движеніи заключался уже протестъ противъ искуственнаго единства католическаго міра, протестъ не шумный, потому что онъ совершался постепенно и незамѣтно, но протестъ дѣйствительный и прочный, потому что онъ былъ явленіемъ естественнымъ. Умственная жизнь страны свергла съ себя путы офиціальнаго языка религіи и науки, т. е. языка латинскаго. Наука, поэзія, политическая литература заговорили на *родномъ* языкѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ нимъ какъ-бы возвратилась оригинальность мысли, которую мы напрасно будемъ искать въ средневѣковой схоластикѣ. Переведите на этотъ языкъ библію и вы увидите, какой пожаръ начнется въ зданіи римско-католической церкви!

Но не станемъ забѣгать впередъ. Остановимся на нѣкоторыхъ фактахъ политической исторіи, сопровождавшихъ указанный выше естественный процессъ: онъ не былъ только естественнымъ, но состоялъ только въ скрещиваніи породъ. Сближеніе завоевателей и завоеванныхъ совершилось не только подъ вліяніемъ

совмѣстнаго жительства и семейныхъ связей, но и потому, что завоеванные приблизились къ завоевателямъ *политически*.

Почти одновременно съ торжествомъ феодализма, въ нѣдрахъ феодальнаго общества зародился страшный врагъ, которому суждено было нанести ему смертельный ударъ. Это были городскія и отчасти сельскія общины. Движеніе общинъ можно назвать революціею въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова. Оно не было простымъ возстаніемъ противъ *злоупотребленій* феодализма. Возстаніе исходило во имя самостоятельной идеи и шло противъ самаго *принципа* феодализма. Въ европейскихъ городахъ зародилось новое общество, новый классъ, съ весьма опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, — буржуазія, не отдѣлявшая себя еще отъ остальной массы населенія. Въ средѣ городскихъ общинъ практически и даже теоретически выработались новыя начала государственнаго управленія. Здѣсь, въ противуположность феодальному порядку, *общій интересъ* въ первый разъ выступаетъ на первый планъ. Власть впервые дѣлается отвѣтственною и общественною должностію. Оживленіе торговли и ремеслъ, образованіе, изученіе римскаго права, сложныя отношенія и новыя потребности, неизвѣстныя первобытному „хозяйству“ феодала, повели къ уясненію новыхъ отраслей администраціи. Новыя организаціи суда, сложныя полицейскія установленія, мудрое финансовое управленіе — все это родилось въ городахъ. Движеніе общинъ подорвало вотчинное государство въ коренныхъ его основаніяхъ. Значеніе его въ исторіи народовъ велико еще потому, что оно дало твердую точку опоры для зарождавшейся королевской власти.

Освобожденіе общинъ имѣло двоякій смыслъ. Во-первыхъ, оно дало городамъ мѣстную самостоятельность, создало изъ нихъ полу-политическія единицы. Но эта сторона движенія имѣла временный характеръ. Муниципальныя вольности не устояли предъ потребностію національнаго объединенія. Затѣмъ общины, эманципируясь изъ подъ власти феодальныхъ владѣльцевъ, становились подъ непосредственную защиту власти центральной. Фактъ чрезвычайно важный! Въ феодальномъ обществѣ, король былъ только главою своего „вассальства“, на которое онъ имѣлъ весьма условныя и призрачныя права. Масса вассальства заслоняетъ отъ него народъ. Въ союзѣ съ общинами, король дѣлается главою *націи*, т. е. государемъ, самостоятельнымъ элементомъ въ обществѣ, съ своимъ призваніемъ и идеею. Изъ среды третьяго сословія вы-

шли тѣ лигисты, администраторы, финансисты, судьи, которые шагъ за шагомъ утвердили всемогущество королевской власти и выковали имъ оружіе на враговъ. Опираясь на новую силу, короли утвердили и развили свою власть въ двоякомъ направленіи. Во первыхъ, они конфисковали политическія права феодальной аристократіи, вытѣснили ее даже изъ административной и судебной области, создали свой судъ и свою администрацію. Во-вторыхъ, они сломили притязанія папъ ко вмѣшательству въ политическія дѣла страны. Ихъ притязанію быть намѣстниками Бога на землѣ они противупоставили свое „Божіею милостью".

Королевская власть дѣлается символомъ національнаго единства и независимости. Правомъ короля на его территорію и народъ прикрывалось и защищалось право народа на самостоятельное развитіе; подъ его защиту становилось всякое движеніе, обезпечивавшее впослѣдствіи національную независимость.

Такъ было и съ движеніемъ протестантскимъ. Протестантизмъ, въ существѣ своемъ, былъ ученіемъ, отрицавшимъ церковный авторитетъ папъ. Но при данныхъ историческихъ условіяхъ, онъ не могъ достигнуть этой цѣли иначе, какъ въ союзѣ и подъ покровомъ свѣтской власти. Первые вожди протестантизма въ Германіи и въ Англіи усиленно возвеличивали значеніе власти свѣтской; они добились признанія права каждаго государя допускать въ своихъ владѣніяхъ тѣ исповѣданія, какія онъ сочтетъ нужнымъ. Въ смыслѣ національнаго движенія, эта мѣра была важнымъ шагомъ впередъ. Хотя протестантскія церкви во многихъ отношеніяхъ столь же мало были воодушевлены терпимостью къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, какъ и католицизмъ, но ихъ нетерпимость никогда не доходила до такихъ результатовъ и притомъ она смягчалась съ каждымъ поколѣніемъ. Различіе религій не являлось уже помѣхою національному единству. Въ протестантскихъ земляхъ, нѣмецъ-католикъ могъ быть такимъ же добрымъ гражданиномъ своей страны, какъ и нѣмецъ-протестантъ. Но этимъ результатомъ не исчерпывалось національное значеніе протестантизма. Если Данты, Макіавелли, Монтени и т. д. вытѣснили преобладающее значеніе латинскаго языка изъ области науки и литературы, то Лютеры, Кранмеры и другіе вытѣснили его изъ церкви. Они перевели библію и дали ее въ руки народу; народъ услышалъ богослуженіе на родномъ языкѣ; проповѣдь сдѣлалась ему понятною. Онъ пересталъ видѣть въ духовенствѣ лицъ, чуждыхъ ему, связанныхъ исключительно съ какимъ-то далекимъ

престоломъ. Наоборотъ, само духовенство національзировалось, сдѣлалось неразрывною частью того общества, которому оно призвано было проповѣдывать слово Божіе. Самый католицизмъ съ тѣхъ поръ пріобрѣлъ бо̀льшее національное значеніе. Со времени реформаціи проводится рѣзкое различіе между міромъ протестантско-германскимъ съ одной стороны, и католико-романскимъ съ другой. Если протестантское начало содѣйствовало развитію религіозной свободы *внутри* каждой страны, если различіе вѣроисповѣданій не препятствовало единенію всѣхъ членовъ одной народности, то въ дѣлѣ различій между *цѣлыми народами* протестантское движеніе было новымъ шагомъ впередъ. Начало индивидуальности, личной самостоятельности, таившееся въ мірѣ германскомъ, прорвалась наружу, выразилось въ формахъ церковной жизни, въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ поэзіи и политикѣ. Народамъ латинскимъ, оставшимся вѣрными католицизму, суждено было развить другія стороны человѣческихъ воззрѣній.

Вотъ, какимъ вліяніямъ и силамъ обязана своимъ появленіемъ на свѣтъ идея народности, вѣрнѣе сказать — фактъ народностей. Это именно тѣ культурныя силы, которымъ вся Европа обязана своею цивилизаціею. Народность есть результатъ тѣхъ силъ, которыя могли залечить раны, нанесенныя завоеваніемъ, сломать феодализмъ, поколебать чрезмѣрный авторитетъ папскаго престола, положить твердыя основанія свободы совѣсти, выработать основныя начала новаго государственнаго устройства. Эти ли результаты мы не назовемъ культурными и общечеловѣческими, въ лучшемъ смыслѣ этого слова?

Но, мы находимся еще въ первомъ моментѣ возникновенія національнаго вопроса. Мы присутствовали пока при накопленіи матерьяла, изъ котораго составились народности. Мы еще нигдѣ не видимъ *національной идеи.* Она вспыхиваетъ пока въ отдѣльныхъ эпизодахъ исторіи, во время вѣковой борьбы Англіи съ Франціею, въ образѣ орлеанской дѣвы, отчасти въ борьбѣ Нидерландовъ съ Испаніею и т. д., но нигдѣ еще она не формулирована въ видѣ самостоятельнаго политическаго принципа. Она сливается пока то съ интересами возставшей буржуазіи, то съ династическими интересами королей, то съ религіозными движеніями и стремленіями. Гдѣ найдетъ она самостоятельную точку опоры? Какъ она будетъ формулирована? Какъ опредѣлится ея существо? Мишле, одинъ изъ величайшихъ историковъ Франціи, т. е. страны, раньше другихъ развившей и укрѣпившей свое

національное единство, — указываетъ на эпоху революціи, какъ на время, когда можно говорить о французской національности, въ точномъ смыслѣ этого слова.

„Идея французскаго отечества, говоритъ Мишле, темная въ XIII вѣкѣ и какъ бы затерянная въ католической всеобщности, растетъ, выясняясь; она возсіяла во время войны съ англичанами, преобразилась въ Іоаннѣ д'Аркъ. Она затемняется снова въ религіозныхъ войнахъ XVI вѣка; мы видимъ католиковъ, протестантовъ, но есть-ли уже *французы?*... Да, туманъ разсѣвается, есть, будетъ единая Франція. Національность утверждается съ необыкновенною силою; нація не есть болѣе собраніе разныхъ существъ; она есть организованное существо, даже болѣе нравственная личность."

Да! Народность есть нравственная личность. Но, подобно тому, какъ дѣйствительное бытіе всякой нравственной личности опредѣляется ея сознаніемъ, — cogito-ergo sum, — такъ и бытіе народностей начнется съ того момента, когда она скажетъ свое cogito-ergo sum.

III.

Мы оставили народность въ періодѣ физическаго, такъ сказать, ея образованія. Она не выступала еще въ видѣ опредѣленнаго и *самостоятельнаго* принципа политической жизни народовъ. Напротивъ, она развивается подъ прикрытіемъ иныхъ принциповъ, далеко не тождественныхъ съ началомъ народности. Между всѣми этими принципами первое мѣсто занимаетъ начало *верховенства* и *независимости* государственной власти каждой страны. Изъ этого начала выводится право каждаго государства на самостоятельную жизнь. Нужно-ли доказывать, что ни одно чужое правительство не имѣетъ права указывать отечественной власти, какіе законы оно должно издавать для своихъ подданныхъ, какъ должны дѣйствовать ея административные органы, какія религіи должны быть терпимы на ея территоріи и т. д.; достаточно сослаться на право верховной власти и не столько на право, сколько на логическіе признаки, содержащіеся въ понятіи верховенства. Анализируя логически понятіе верховенства, я нахожу въ немъ признакъ независимости, ибо власть зависимая отъ другихъ, логически не будетъ уже верховною.

Но достаточно-ли этого логическаго и юридическаго понятія для утвержденія національнаго начала въ политикѣ? Тождественны-ли эти два принципа, взятые сами по себѣ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ пусть послужатъ несомнѣнные историческіе факты. Королевская власть, какъ ни различны были ея принципы отъ началъ феодальнаго порядка, сохранила однако на себѣ слѣды старыхъ вотчинныхъ началъ. Они видоизмѣнили формы своего проявленія, но ихъ дѣйствіе и результаты въ значительной мѣрѣ напоминали старый порядокъ.

Старое вотчинное начало, въ смыслѣ соединенія политическихъ правъ съ землевладѣніемъ, было вытѣснено успѣхами королевской власти, но затѣмъ оно преобразилось въ начало династическое, во имя котораго счастливая династія могла соединять подъ своимъ владычествомъ самыя разнородныя страны. Внѣшняя и внутренняя политика опредѣлялась не насущными и дѣйствительными потребностями данной народности, а выгодами и честолюбивыми намѣреніями тѣхъ или другихъ династій. Исторія Европы наполнена примѣрами борьбы династій за первенство Припомните соперничество французскихъ королей съ испанскимъ, потомъ съ австрійскимъ домомъ. Это соперничество проникаетъ, можно сказать, всѣ факты новоевропейской исторіи. Понятно, какъ съ этой точки зрѣнія, мало имѣли значенія народные интересы. Въ борьбѣ за преобладаніе династій карта Европы передѣлывалась и мѣнялась ежечасно, соединяя въ одно государство народы, не имѣющіе между собою ничего общаго.

Такимъ образомъ *завоевательное* начало также не утратило своего значенія въ новое время, съ тою разницею, что рѣчь шла не о завоеваніи одного *племени* другимъ, а о подчиненіи одного государства или его части другому. Затѣмъ не уничтожились также другіе, частно-гражданскіе способы пріобрѣтенія новыхъ территорій: купля-продажа, дача въ приданное и т. д. Стоитъ вспомнить сколько одинъ австрійскій домъ „примыслилъ“ новыхъ земель посредствомъ счастливыхъ брачныхъ союзовъ. Наконецъ не должно думать, чтобы и всѣ слѣды феодальнаго порядка были уничтожены успѣхами королевской власти. Королевская администрація очень ревниво охраняла свои политическія права, энергически конфисковала ихъ у вассаловъ, вытѣснила ихъ изъ области государственнаго управленія. Но затѣмъ она оставила имъ различныя общественныя преимущества, поскольку они не стѣсняли ея верховныхъ правъ. Феодализмъ, вымершій какъ политическое

учрежденіе, сохранилъ свое значеніе, какъ явленіе *соціальное*. Изъятіе отъ повинностей, преимущества по службѣ, значительная доля вотчинной юрисдикціи, масса повинностей и сборовъ, отбывавшихся нисшими классами въ пользу высшихъ, — все это поддерживало старый сословный строй, разъединеніе между элементами одного и того же народа, стало быть препятствовало внутреннему объединенію націй.

Таковы существенныя черты порядка вещей, непосредственно предшествовавшаго французской революціи. Теперь намъ предстоитъ оцѣнить значеніе этого важнаго событія въ его отношеніяхъ къ занимающему насъ вопросу.

Въ началѣ предъидущей главы, намъ пришлось указать на характеръ ученій, опредѣлившихъ, такъ сказать, теорію революціи, давшихъ ей нравственное знамя. По общему своему направленію ученія эти не могли возбудить національнаго вопроса и вовсе не имѣли этого въ виду. Существенная цѣль, поставленная себѣ революціею—эманципація человѣческой личности отъ стѣснительныхъ учрежденій стараго порядка и притомъ на основаніяхъ, равныхъ для всѣхъ членовъ общества. Свобода и равенство — таковы два ея лозунга, къ которымъ впослѣдствіи прибавился третій — братство. Но идея свободы утверждалась на понятіи прирожденныхъ и неотчужденныхъ правъ человѣка вообще, взятаго внѣ условій пространства и времени. Понятіе прирожденныхъ правъ одинаково для всѣхъ людей — отсюда требованіе равенства. Такимъ образомъ революціонная теорія явилась, такъ сказать, вселенскою проповѣдью человѣческихъ правъ. Декларація 1789 года провозгласила эти права въ видѣ всемірной истины. Она объявила, что цѣль *всякаго* политическаго общества—сохраненіе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Обращаясь къ человѣку вообще, революціонная теорія менѣе всего могла имѣть въ виду человѣка историческаго, т. е. принадлежащаго къ опредѣленной націи, со всѣми ея естественными и историческими особенностями. Ко всему прошедшему вожаки революціи не могли относиться иначе, какъ отрицательно. Въ прошломъ они видѣли только забвеніе и поруганіе тѣхъ естественныхъ правъ, во имя которыхъ они начали борьбу.

Могла-ли подобная теорія вызвать къ жизни начало народности, основанное именно на сознаніи *особенностей* разныхъ націй? Но историческія судьбы народовъ и практическія послѣдствія извѣстныхъ началъ не зависятъ отъ намѣреній лицъ, ихъ

провозгласившихъ. Историческое движеніе имѣетъ свои законы и практическое приложеніе извѣстныхъ началъ часто приводитъ къ неожиданнымъ результатамъ.

Философское движеніе XVIII столѣтія и затѣмъ французская революція имѣли несомнѣнное вліяніе на пробужденіе національной идеи уже по одному тому, что они довершили процессъ разложенія средневѣковаго порядка. Во-первыхъ, такъ называемая просвѣтительная литература XVIII вѣка поколебала и даже подорвала множество понятій, уцѣлѣвшихъ отъ среднихъ вѣковъ. Гуманныя идеи, распространенныя французскою, главнымъ образомъ, литературою во всѣхъ частяхъ западной Европы, произвели могущественную реакцію противъ завоевательнаго начала. Послѣ многихъ столѣтій безконечныхъ войнъ, рождается и устанавливается на раціональныхъ основаніяхъ вопросъ о законности *завоевательныхъ* стремленій въ какой бы то ни было формѣ. Затронуть подобный вопросъ, значило затронуть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о самостоятельности искусственной системы европейскихъ государствъ, основанной именно на этомъ началѣ. Затѣмъ реакція противъ религіозной нетерпимости, противъ суровыхъ формъ уголовнаго судопроизводства, противъ привиллегій нѣкоторыхъ классовъ, тяжелымъ гнетомъ лежавшихъ на остальныхъ, пробужденіе въ обществѣ юридическаго сознанія,—все это вмѣстѣ взятое, конечно, возвысило значеніе личности, побудило ее искать лучшихъ формъ жизни и вызвало критическое отношеніе къ искусственнымъ перегородкамъ, раздѣлявшимъ каждую націю на замкнутыя сословія. Весь средневѣковый порядокъ теоретически былъ осужденъ навсегда. Онъ вымиралъ постепенно, терялъ подъ собою почву и какъ бы ждалъ рѣшительнаго удара, чтобы отойти въ вѣчность. Одряхлѣвшая французская монархія, омертвѣвшая Германская имперія, Италія съ ея странными „потентатами", съ гнетущимъ вліяніемъ римской куріи и иноземныхъ династій—все это находилось въ ожиданіи катастрофы.

Начало французской революціи породило множество надеждъ, много преувеличенныхъ. Ожидали, что вожаки революціи произнесутъ то *практическое* слово, котораго всѣ жаждали послѣ столѣтія теоретической подготовки. Здѣсь не мѣсто разсматривать всѣ дѣйствія революціи и оцѣнивать ихъ съ нравственной, политической и другихъ точекъ зрѣнія. Наша задача гораздо уже. Мы должны разсмотрѣть результаты революціи относительно занимающаго насъ вопроса.

Революція представляетъ два періода. Первый изъ нихъ посвященъ провозглашенію и упроченію новаго порядка внутри страны и защитѣ его противъ европейской коалиціи. Второй можно назвать завоевательнымъ, когда торжествующая Франція выбросила въ Европу батальоны Наполеона I. И тотъ и другой періодъ имѣли большое вліяніе на пробужденіе національнаго чувства, хотя въ совершенно различныхъ отношеніяхъ.

Въ первомъ періодѣ, Франція представила континентальной Европѣ примѣръ страны, въ которой свободныя учрежденія сплотили народъ и правительство, въ которой старыя провинціальныя особенности уступили мѣсто однообразному департаментскому устройству, дѣленіе на сословія пало предъ началомъ гражданской равноправности, религіозная свобода уничтожила различіе между французомъ-католикомъ и французомъ-протестантомъ, общая опасность отъ коалиціи вызвала къ дѣлу могущественныя національныя силы, въ количествѣ 1.200,000 человѣкъ. Другими словами, Франція явила примѣръ страны, говорившей, чувствовавшей и дѣйствовавшей какъ *нація*, и какъ нація крѣпко сплоченная и организованная. Такой примѣръ не могъ пройти безслѣдно, особенно если принять въ разсчетъ самую обстановку революціи, въ которой не было ничего обыденнаго. Акты высокаго патріотизма и героизма, перемѣшанные съ примѣрами чудовищныхъ звѣрствъ и возмутительнаго насилія; скромный и возвышенный патріотизмъ Гоша и бѣшеная ярость Карье или Марата, мужественная защита границъ полуодѣтыми и голодными „патріотами“ и сентябрскія убійства; философскій полетъ Кондорсе и гильотина; возвышенное краснорѣчіе Верньо и бѣшеная декламація Баррера — все это представляло такую драму, отъ которой способно было перевернуться все европейское общество.

Но, пока Европа оставалась зрительницею вольною или невольною. Изъ Франціи долетали до нея отрывочные слухи то о пышныхъ принципахъ, то о безчеловѣчныхъ декретахъ комитета спасенія, то о великихъ подвигахъ, то объ звѣрскихъ убійствахъ. Коалиціи должны были уступать предъ натискомъ французскихъ батальоновъ. Наконецъ Франція совсѣмъ выступила изъ береговъ. На первый разъ она выступила и поступила „по деклараціи правъ“. Но потомъ война выродилась *въ завоеваніе*, со всѣми его аттрибутами.

Знаменитая итальянская кампанія Наполеона Бонапарта опредѣлила окончательно характеръ этихъ войнъ, предпринятыхъ

яко-бы ради освобожденія народовъ. Италія первая испытала на себѣ силу этихъ освободительныхъ стремленій. Освобожденные народы должны были поплатиться громадными контрибуціями, расхищеніемъ музеевъ, картинныхъ галлерей, тяжкими повинностями на военныя нужды. Этого мало. Миръ, заключенный въ Кампо-Форміо, доказалъ, что завоевательное начало всегда остается вѣрнымъ себѣ, что завоеватель смотритъ на территорію и народы какъ на безгласную добычу, которою можно располагать по своему усмотрѣнію. Наполеонъ не задумался отдать Австріи область венеціанской республики, которую онъ захватилъ, поправъ всѣ права нейтралитета. Съ этого времени, Европа могла уже знать, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, и продолженіе было достойно начала. Воля французскаго завоевателя передѣлывала карту Европы, создавала эфемерныя республики, потомъ столь же эфемерныя королевства. Италія, Бельгія и Нидерланды, значительная часть Германіи подпали посредственному и непосредственному его владычеству. Пруссія была уменьшена на половину и поставлена подъ контроль французскаго правительства. Австрійскій дворъ сохранилъ номинальную независимость. Но вездѣ, во всѣхъ углахъ континента западной Европы, чувствовалась всесильная рука французскаго императора. Даже въ Италіи былъ поставленъ престолъ для его брата.

Только на двухъ противуположныхъ концахъ Европы, въ Англіи и Россіи, сохранялись пока независимыя державы, о которыя сломилось могущество Наполеона. Въ Англіи проснулся старый духъ соперничества съ Франціею, старая вражда, двигавшая нѣкогда войско Эдуарда III и Генриха V, руководившая политикою Вильгельма Оранскаго; проснулось желаніе отместки за участіе Франціи во войнѣ за независимость Сѣверной Америки; пробудились аристократическіе инстинкты, смущенные французскою демократіею; заговорили коммерческіе интересы, задѣтые континентальною системою. Англія издавна начала свою борьбу съ республикой и вела ее настойчиво, безъ устали, подбирая сухопутныхъ союзниковъ, сыпала деньги, не брезгала даже поддѣлкою французскихъ ассигнацій.

Безъ всякаго патріотическаго увлеченія, мы можемъ сказать, что цѣли Россіи были шире и человѣчнѣе. Борьба, начатая Александромъ I въ 1812 году, была истинною войною за независимость отечества и развилась въ борьбу за независимость Европы. Еще раньше Испанія подала примѣръ мужественнаго сопротив-

ленія иноземному насилію. Но столкновеніе Наполеона съ Россіею имѣло общеевропейскія послѣдствія. Въ 1812 году цѣлость и независимость Россіи были спасены. Съ 1813 года отечество наше становится во главѣ европейской войны за независимость. Народы, дремавшіе подъ гегемоніею Наполеона, какъ прежде они дремали подъ отжившими учрежденіями германской имперіи, проснулись. Война за освобожденіе долго еще останется однимъ изъ лучшихъ воспоминаній германскаго народа, не смотря на всѣ новѣйшіе его успѣхи. Союзники достигли своей цѣли. Владычество завоевателя было свергнуто. Франція введена въ прежнія свои границы. Народы освобождены. Но какая судьба ожидаетъ ихъ? При опредѣленіи этой судьбы обнаружилось роковое раздвоеніе между элементами, одинаково принимавшими участіе въ борьбѣ противъ Наполеона. Остановимся нѣсколько на существѣ этихъ элементовъ, такъ какъ они уяснятъ намъ дальнѣйшее развитіе національнаго вопроса.

Часть европейскихъ обществъ, горячо привѣтствовавшихъ паденіе Наполеона, выступила противъ него вовсе не какъ представителя идей 1789 года. Напротивъ, она была воспитана на литературѣ XVIII вѣка; она съ надеждою смотрѣла на первые дни революціи; она относилась къ старому порядку съ такими-же чувствами, какъ Лафайетъ или Мирабо. Широкое развитіе и обеспеченіе человѣческой личности чрезъ воспитаніе и хорошія политическія учрежденія составляло главную цѣль ихъ стремленій. Въ освобожденіи и организаціи національностей они видѣли залогъ лучшаго политическаго и общественнаго развитія Европы. Таковы были чувства и идеи, органомъ которыхъ въ Германіи явились Фихте, Арндтъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Штейнъ, Гарденбергъ и другіе. Прибавимъ къ этому, что великое національное движеніе 1813 — 1814 годовъ породило множество свѣтлыхъ надеждъ; участіе въ великой борьбѣ возбудило въ европейскомъ обществѣ чувство *самоуваженія*, съ которымъ несовершенно ладили учрежденія стараго порядка.

Другая часть общества и, въ данную минуту, самая вліятельная, полагала, что вся суть борьбы съ Наполеономъ состоитъ въ реакціи противъ идей 1789 года, что цѣль ея есть возвращеніе къ старому порядку. Но возвратиться къ старому порядку значило утвердить политическую систему Европейскихъ государствъ на томъ началѣ, которое лежало въ основѣ прежней системы. Начало это, какъ мы видѣли, династическое, понимаемое въ са-

момъ узкомъ смыслѣ этого слова, или начало легитимитета, какъ наименовалъ его Талейранъ, превратившійся изъ якобинца въ союзника реакціи. Съ этой точки зрѣнія, система государствъ могла быть скомбинирована по соображеніямъ чисто внѣшняго удобства, хотя-бы по соображеніямъ пресловутаго „политическаго равновѣсія“, о которомъ такъ хлопотала и хлопочетъ Англія — конечно не для другихъ. Но соображенія національныхъ различій, симпатій и антипатій остаются въ сторонѣ. Мало того: національныя стремленія представляются неблагонадежными съ полицейской точки зрѣнія. Стоитъ вспомнить какъ неблагопріятно было въ началѣ встрѣчено возстаніе Греціи противъ Турецкаго владычества, какъ преобразователь Пруссіи — Штейнъ, кончилъ свою жизнь въ числѣ „подозрительныхъ“, какъ патріотъ Арндтъ былъ смѣщенъ съ каѳедры исторіи по неблагонадежности и т. д. Австрійскій императоръ Францъ выдалъ свой секретъ одному французскому дипломату. „Мои народы, сказалъ онъ, чужды другъ другу и тѣмъ лучше. Они не заболѣваютъ одновременно тою-же болѣзнью. Когда лихорадка начинается во Франціи, она охватываетъ всѣхъ васъ. Я-же ввожу Венгровъ въ Италію, Итальянцевъ въ Венгрію. Каждый стережетъ своего сосѣда; всѣ не понимаютъ и ненавидятъ другъ друга. Изъ ихъ антипатій рождается порядокъ, изъ ихъ ненависти—всеобщій миръ“.

Жаль, что французскій дипломатъ не предсказалъ Францу I, что настанетъ время, когда Итальянцы не будутъ сторожить Венгровъ, когда Австрія развалится на двѣ половины, — Австрію и Венгрію, — когда взаимная вражда не будетъ уже рождать порядка,— когда венгерское юношество, въ припадкѣ бѣлой горячки, будетъ пѣть диѳирамбы звѣрствамъ турокъ въ Болгаріи....

Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, эти идеи, нашедшія себѣ могущественнаго истолкователя и исполнителя въ лицѣ австрійскаго министра Меттерниха, восторжествовали. Европа была раздѣлена, размежевана, уравновѣшена и укрѣплена нотаріальнымъ порядкомъ дипломатами вѣнскаго конгресса. Правда, „вводъ во владѣніе“ не вездѣ обошелся благополучно. Но эти отдѣльныя вспышки не нарушали общаго порядка. Около сорока лѣтъ наружное спокойствіе Европы сохранялось. Германія была заключена въ узкія формы страннаго союзнаго устройства. Италія — отдана на жертву иноземному преобладанію, раздробленію и клерикальному владычеству. Мало того. Идеѣ народности, возвѣщенной такими людьми какъ Фихте, Штейнъ и другіе, была

противупоставлена другая теорія, теорія такъ сказать *оффиціальной* народности. Эта теорія относится къ первой, какъ лицемѣріе къ истинному благочестію.

Но глухая работа незримо и постоянно подкапывала основаніе этого прочнаго повидимому зданія. Сильныя вспышки то здѣсь, то тамъ доказывали, что наружное спокойствіе не свидѣтельствуетъ еще о внутренней прочности системы. 1848 годъ разомъ потрясъ ее во всѣхъ основаніяхъ. На первый разъ движеніе было задержано. Но съ 1859 года оно дѣлаетъ быстрые и неудержимые успѣхи. Въ какія нибудь двадцать лѣтъ Италія достигаетъ того, о чемъ не смѣли мечтать старые карбонаріи—полнаго единства и Рима, въ которомъ вѣковѣчный его владѣлецъ папа явится почетнымъ гостемъ. Нужно-ли говорить, чего въ то-же время достигла Германія? Нужно-ли изслѣдовать, что осталось отъ трактатовъ вѣнскаго конгресса?

Остановимся на этомъ моментѣ; дальнѣйшее обозрѣніе фактовъ будетъ уже безполезно, ибо они относятся къ современной исторіи, достаточно извѣстной всякому. Но теперь мы можемъ позволить себѣ сдѣлать нѣкоторые выводы и общія замѣчанія относительно развитія и значенія идеи народности. Этимъ выводамъ и замѣчаніямъ необходимо однако предпослать небольшое объясненіе.

Почему мы остановились на развитіи національной идеи на западѣ Европы? Почему мы не обратились къ исторіи народовъ славянскихъ? Причинъ на это много и очень уважительныхъ. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Во-первыхъ, для значительнаго большинства нашего общества съ именемъ западной Европы соединяется — и совершенно правильно – представленіе о культурѣ и притомъ культурѣ общечеловѣческой. Слѣдовательно показать какъ идея народности выросла и укрѣпилась на почвѣ западной культуры, какъ она росла и укрѣплялась по мѣрѣ развитія этой культуры, показать это значитъ выполнить добрую долю задачи моихъ чтеній—доказать, что идея народности есть идея культурная и общечеловѣческая. Во-вторыхъ, если мы получимъ твердое убѣжденіе, что національная идея присуща европейской культурѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы найдемъ добрую точку опоры для критическаго сужденія о тѣхъ „культурныхъ" народахъ, которые отказываютъ славянскимъ племенамъ въ томъ, за что они сами пролили много крови, что они сами считаютъ своимъ существеннымъ благомъ. Въ третьихъ, наконецъ, намъ, строго говоря,

нечего доказывать себѣ, т. е. Россіи и славянскому міру, все значеніе національной идеи. Вся вѣковая исторія наша есть ничто иное, какъ упорная борьба за цѣлость нашей народности. Въ то время, какъ западная Европа уже могла отдаться задачамъ внутренней культуры, мы должны были выдерживать натискъ монгольскихъ ордъ, смотрѣть во всѣ стороны, жить на военномъ положеніи, шагъ за шагомъ открывать себѣ доступъ къ морю, пробиваться къ Европѣ, по клочкамъ собирать землю, переживать и крѣпостное право, и крутую администрацію Москвы и еще болѣе крутую реформу Петра Великаго. Кто изъ насъ не пожелаетъ, чтобы кончилась когда нибудь эта страшная работа, чтобы намъ дано было больше времени для работы внутренней, для экономическаго обновленія нашего, для просвѣщенія массъ, въ которомъ мы нуждаемся не меньше, чѣмъ въ хлѣбѣ насущномъ, для разрѣшенія многихъ задачъ, еще ожидающихъ творческой руки преобразователя? Кто? Конечно, всѣ! Но это благодатное время настанетъ не прежде, чѣмъ когда мы разрѣшимъ вопросъ о положеніи славянскаго міра въ Европѣ, когда будетъ, наконецъ, признана и утверждена наша дѣйствительная равноправность съ прочими членами европейской семьи....

Что же такое національная идея? Повидимому отвѣтъ на этотъ вопросъ опредѣленно вытекаетъ изъ разсмотрѣнія процесса образованія народностей. Внимательное изученіе этихъ событій показываетъ, что они совершались подъ вліяніемъ стремленій двоякаго рода: съ одной стороны, ими двигали стремленія, которыя чужды всякаго національнаго отпечатка, стремленія къ улучшенію формъ общественнаго и государственнаго быта; съ другой — люди двигались чувствомъ національной независимости, и это чувство было могущественною реакціею противъ искуственнаго созданія государствъ или системы государствъ, какими являлись напримѣръ старый германскій союзъ или раздробленная Италія.

Политическій и общественный прогрессъ сочетался съ національнымъ движеніемъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. И тамъ и здѣсь мы видимъ полное единство основанія. Основаніе это — постепенное развитіе и укрѣпленіе начала *личной свободы и независимости*. Чувство свободы, чувство цѣльное, недробимое и недѣлимое. Оно находитъ себѣ удовлетвореніе не въ какомъ либо-одномъ условіи, даже не въ одномъ разрядѣ условій, а въ цѣлой ихъ системѣ, обезпечивающей самобытное развитіе труда, мысли, вѣры, науки, искусствъ, области экономи-

ческихъ и нравственныхъ отношеній. Тѣ внѣшнія, формальныя условія свободнаго развитія личности, которыя могутъ быть названы общечеловѣческими, т. е. могутъ и обыкновенно должны быть усвоены цѣлымъ кругомъ культурныхъ народовъ, — условія эти не могутъ дать человѣку *всей* свободы. Судебныя гарантіи, право передвиженія, религіозная терпимость, свобода печати—чрезвычайно важныя условія для личнаго и общественнаго развитія, но условія только внѣшнія, безсильныя дать человѣку самостоятельное *внутреннее* содержаніе.

Послѣдняя цѣль, послѣднее слово человѣческаго развитія — *творчество,* какъ самостоятельный актъ нашей нравственной личности, какъ высочайшее проявленіе нашего разума, нашего воображенія, религіознаго чувства и т. д. Эта великая цѣль не можетъ быть достигнута и обеспечена одними внѣшними условіями. Для того, чтобы человѣческое слово могло сдѣлать свое дѣло, мало дать человѣку *возможность* говорить и писать, нужно еще, чтобы у него было *что̀* сказать, другими словами, чтобы у него было внутреннее содержаніе. Содержаніе это, въ свою очередь, должно быть самостоятельно, иначе вся духовная дѣятельность человѣка выродится въ *подражаніе,* въ пассивное усвоеніе чужихъ мыслей, даже чужихъ чувствъ. Врядъ-ли такой результатъ желателенъ. Человѣческая культура, какъ совокупность воспитательныхъ средствъ личности, не должна походить на іезуитскую коллегію, образовывавшую одинаково мыслящихъ, одинаково чувствующихъ и поступающихъ автоматовъ. Душа человѣческая, т. е. ея нравственное содержаніе, ея идеалы, ея стремленія дороже цѣлаго міра, ибо что же будетъ для насъ этотъ міръ послѣ нашей нравственной смерти? „Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, но погубитъ свою душу?“

Гдѣ же и при какихъ условіяхъ можетъ выработаться это самостоятельное содержаніе личности? Здѣсь проявляется великое значеніе народности. Народность даетъ человѣку все, что можетъ сдѣлать его самостоятельною нравственною личностію. Она даетъ ему языкъ, какъ форму для выраженія его мыслей. И не форму только. Языкъ въ такой степени связанъ съ мыслію, что люди думаютъ словами. А слово не есть достояніе того или другаго лица, изобрѣтенное имъ для собственнаго употребленія. Слово есть выраженіе пережитаго представленія народа о предметахъ и отношеніяхъ видимаго и невидимаго міра. Въ языкѣ выражаются особенности народныхъ понятій, особенности, такъ ска-

зать, порядка народнаго мышленія. Стоитъ вдуматься въ особенности языковъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго и другихъ, чтобы убѣдиться, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ особенностямъ нравовъ, характера, міросозерцанія и т. д. тѣхъ народовъ, которые на нихъ говорятъ. Вотъ почему вполнѣ самобытнымъ, творческимъ, можетъ быть только писатель, овладѣвшій въ совершенствѣ языкомъ своего народа, знающій всѣ его изгибы, тонкости, всѣ формы. Заставьте его писать на другомъ языкѣ, и вы получите декламатора, способнаго красиво говорить общія мѣста, но не способнаго выразить дѣйствительно оригинальную мысль со всѣми ея оттѣнками.

Пойдемъ дальше. Народность поддерживаетъ и развиваетъ самобытность личности особенностями своей культуры. Каждый человѣкъ, взятый самъ по себѣ, принадлежитъ къ опредѣленной породѣ, къ одной изъ тѣхъ породъ, на которыя распадается родъ человѣческій. Но въ отдѣльномъ человѣкѣ, не тронутомъ еще культурою, особенности его породы находятся въ зачаточномъ, зоологическомъ такъ сказать состояніи. Только въ исторической жизни народа они получаютъ опредѣленность и устойчивость, видимую форму въ учрежденіяхъ, нравахъ, литературѣ, вѣрованіяхъ. Они дѣлаются устойчивѣе, потому что только въ исторической жизни дѣлается возможнымъ *постоянное* вліяніе тѣхъ географическихъ, климатическихъ и другихъ внѣшнихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ живетъ цѣлый народъ; потому, далѣе, что только въ исторической жизни обнаруживаетъ свою силу начало преемственности, наслѣдственности, установляется масса опредѣленныхъ *преданій.* Особенности эти дѣлаются опредѣленнѣе, потому что облекаются въ видимую и осязательную форму нравовъ и учрежденій, выражаются въ поэзіи, начиная съ народныхъ пѣсенъ и былинъ и кончая произведеніями литературы, они облекаются въ плоть и кровь въ произведеніяхъ скульптуры и живописи. Отдѣльная личность охватывается этими воплощеніями всенародной мысли, нравственности, фантазіи. Она наталкивается на нихъ каждую минуту, на каждомъ шагу. Въ типѣ семейной жизни и формѣ собственности, характерѣ сельскаго хозяйства и общественнаго управленія, въ пѣснѣ рабочаго и романѣ изъ національной жизни, складѣ церкви и характерѣ школьныхъ отношеній, вездѣ и во всемъ народность выдастъ ему свой типъ, свой нравственный и политическій складъ, воспитываетъ его въ извѣстномъ направленіи, служитъ для него обильнымъ источникомъ вдохнове-

нія и разочарованія, радости и горя, гордости и униженія. Каждый невольно сознаетъ, что только въ общеніи съ своимъ народомъ онъ есть нѣчто, т. е. самобытное и творческое. Попробуйте оторвать человѣка отъ его народа и вы увидите какъ изсякнутъ самыя живыя силы, самое могущественное творчество!

Коротко говоря, народность дѣйствуетъ воспитательно на человѣческую личность потому, что *она сама есть собирательная и нравственная личность*. Подобно тому, какъ самобытное *я* каждой личности опредѣляется не тѣми свойствами и стремленіями, которыя общи ей со всѣми другими личностями, а именно ея *особенностями*, такъ и народная личность опредѣляется тѣми *особенными* условіями, которыя выражаются въ народномъ *типѣ*. Какъ образуется этотъ типъ? Подъ вліяніемъ какихъ условій образуется чувство и сознаніе народности? Это вопросъ крайне сложный и требующій соображеній болѣе подробныхъ, чѣмъ тѣ, какія я могу здѣсь представить. Мы можемъ однако указать на нѣкоторыя общія черты этого процесса.

Прежде всего мы должны имѣть въ виду, что понятіе народности есть понятіе *культурное*, слѣдовательно историческое. Простые физическіе, физіологическіе, такъ сказать, элементы не составляютъ народности. Не должно смѣшивать народность съ *племенемъ*. Народность можетъ составиться изъ многихъ ассимилированныхъ племенъ. Огромное большинство европейскихъ народностей въ источникѣ своемъ разноплеменны. Мы можемъ указать только въ каждомъ народномъ типѣ преобладающія черты того или другаго племени. Языкъ въ большинствѣ случаевъ является главнѣйшимъ признакомъ народности; по крайней мѣрѣ это вѣрно относительно главнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ народностей Европы. Но языкъ становится такимъ признакомъ только послѣ долгой исторической работы, послѣ того, какъ среди первоначальнаго разнообразія діалектовъ является центральный, такъ сказать, языкъ съ своею національною литературою. Затѣмъ примѣръ Швейцаріи показываетъ, что при извѣстныхъ условіяхъ можетъ образоваться разноязычная народность. Религія можетъ сдѣлаться признакомъ той или другой націи въ виду историческаго ея положенія среди другихъ. Историческое значеніе Англіи, Пруссіи, Швеціи долго опредѣлялось тѣмъ, что они государства *протестантскія*. Положеніе Славянъ въ Турціи и нынѣшней ихъ борьбы главнымъ образомъ опредѣляется тѣмъ, что они націи *христіанскія*, въ противуположность мусульманской Турціи.

Затѣмъ отвлекаясь даже отъ религiозной борьбы народовъ, явленія крайне прискорбнаго, нельзя не замѣтить, что оттѣнки тѣхъ или другихъ религій, складъ церковной жизни той или другой страны отражаются на политическомъ и общественномъ складѣ народовъ. Вліяніе католицизма на Францію, протестантизма на Англію и С. Америку не подлежитъ сомнѣнію. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы нація не должна была терпѣть въ своихъ предѣлахъ разныхъ религій, чтобы она отвергала „невѣрныхъ" своихъ соотечественниковъ. Напротивъ, мы указали выше, что образованіе національностей совпадаетъ именно съ разрушеніемъ искусственнаго католическаго единства, съ устраненіемъ религіозной нетерпимости. Здѣсь рѣчь идетъ о *естественномъ* вліяніи религіи, исповѣдуемой *большинствомъ* народонаселенія, на его историческія судьбы.

Но мы должны бы представить еще длинный списокъ тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагаются народности. Если въ высшей степени трудно перечислить обстоятельства, при которыхъ образовался характеръ каждаго отдѣльнаго человѣка, если мы должны будемъ воспроизвести въ своемъ умѣ всѣ біографическія его подробности, всю физическую его обстановку со дня рожденія и по данный моментъ, то тѣмъ труднѣе сдѣлать это по отношенію къ цѣлому народу, исторія котораго длиннѣе біографіи отдѣльнаго лица, жизненная обстановка котораго сложнѣе условій отдѣльнаго человѣка.

„Національность, говоритъ извѣстный французскій мыслитель Бюше, есть *результатъ* общности вѣрованій, преданій, надеждъ, обязанностей, интересовъ, предразсудковъ, страстей, языка, и наконецъ, нравственныхъ, умственныхъ, даже физическихъ привычекъ, имѣвшихъ точкою отправленія общую цѣль, а центромъ опредѣленную и постоянную часть человѣческаго рода, преслѣдовавшую эту цѣль въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній". „Самая могущественная причина образованія національностей, говоритъ Милль, — тождество политическаго прошлаго, обладаніе національною исторіею, слѣдовательно общность воспоминаній, гордости и униженія, радостей и сожалѣній, соединенныхъ съ одинаковыми событіями въ прошломъ".

Слѣдовательно національность не есть какое нибудь отвлеченное начало, сразу раздѣлившее человѣческій родъ на части. Народъ заработываетъ, завоевываетъ ее, какъ отдѣльный человѣкъ борьбою и трудомъ достигаетъ самостоятельности и ориги-

нальности. „Въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой“. Такъ, подъ вліяніемъ долгихъ историческихъ испытаній образуется національный типъ и въ этомъ типѣ воплощается одна какая либо сторона общечеловѣческихъ стремленій, свойствъ ума или фантазіи. Для сохраненія этой самобытности, этого нравственнаго *я* народъ способенъ на всѣ жертвы, лишенія, отчаянную борьбу. Съ этой точки зрѣнія, государство является средствомъ охраненія и укрѣпленія народности. Добиваясь *своего* государства, каждая нація въ сущности ищетъ средствъ обезпеченія своей самобытности; она понимаетъ, что безъ самостоятельности политической, она утратитъ возможность самостоятельной культуры, что она сдѣлается простымъ служебнымъ матерьяломъ для другой народности, что она должна будетъ или усвоить *чужую* культуру, т. е. утратить свою личность, или застыть въ старыхъ своихъ формахъ, т. е. отказаться отъ всякаго историческаго развитія.

Провозглашеніе національнаго принципа есть дѣло вѣковой культуры, общей работы всѣхъ народовъ Европы. Оно провозглашено во имя цивилизаціи и для цивилизаціи. Провозгласить національный принципъ не значитъ сказать народамъ: „успокойтесь, засните въ своемъ самодовольствѣ, вамъ нечего заимствовать у другихъ, нечему учиться; оставайтесь такими, какимъ засталъ васъ первый день творенія!“

Напротивъ, провозглашеніе національнаго принципа налагаетъ на народъ новыя и серьезныя обязанности. Всѣ существенные результаты, добытые цивилизаціею другихъ народовъ, должны быть восприняты каждымъ культурнымъ народомъ. Но такое воспріятіе не можетъ состоять въ пассивномъ заимствованіи внѣшнихъ формъ чужой жизни. Воспріятіе общихъ результатовъ цивилизаціи имѣетъ цѣлію обогатить данный, національный культурный типъ. Просвѣщеніе (понимая подъ этимъ словомъ улучшеніе экономическихъ, умственныхъ и общественныхъ условій) должно вызвать въ народѣ его *творческія* силы, побудить его къ самостоятельной работѣ,— работѣ надъ самимъ собой. Тотъ, кто призываетъ народъ къ такой работѣ, не станетъ льстить народнымъ инстинктамъ, подхваливать народное самодовольство, убѣждать его, что все свое хорошо, потому что оно свое. Напротивъ, его уму постоянно будетъ представляться разница между тѣмъ, что народъ *есть* въ данную минуту и тѣмъ, чѣмъ онъ могъ бы быть по своимъ условіямъ и свойствамъ. Слово *обличенія* въ его устахъ будетъ могущественнымъ средствомъ народнаго пробужденія. Са-

мая сатира сдѣлается возвышеннѣе и плодотворнѣе. Все будетъ направлено къ тому, чтобы поддержать въ народѣ живыя начала самодѣятельности и самосознанія.

Самосознаніе! Вотъ великое слово, въ которомъ нуждается нашъ славянскій міръ, разсѣянный и разсыпанный подобно песку морскому! Когда, наконецъ, проснется и зашевелится это великое тѣло, въ полномъ сознаніи своей солидарности?

Позволю себѣ окончить эту статью словами, которыми когда-то Фихте кончилъ одну изъ своихъ лекцій, обращенныхъ къ германской націи. Онъ напомнилъ своимъ слушателямъ слѣдующее чудное мѣсто изъ пророка Іезекіиля, утѣшавшаго израильтянъ во время ихъ плѣненія. „Была на мнѣ рука Господня и Господь вывелъ меня духомъ и поставилъ среди поля и оно было полно костей; и обвелъ меня кругомъ и было ихъ много на поверхности поля и были онѣ весьма сухи. И сказалъ мнѣ: сынъ человѣческій, оживутъ-ли кости сіи? Я сказалъ: Господи, ты знаешь это! И сказалъ мнѣ: изреки пророчество на кости сіи и скажи имъ: изсохшія кости! слушайте слово Господне! Такъ говоритъ Господь костямъ симъ: „Я вдуну въ васъ духъ и вы оживете; обовью васъ жилами и вырощу на васъ плоть и одѣну васъ кожею и вдуну въ васъ духъ, и оживете и узнаете что я Господь“. Я изрекъ пророчество какъ мнѣ было повелѣно. И когда я пророчествовалъ, произошелъ шумъ и трясеніе, и кости стали сближаться, кость съ костью своею. И увидѣлъ я жилы на нихъ, и плоть выросла и кожа покрыла ихъ. Но духа въ нихъ не было. Тогда сказалъ мнѣ Господь: изреки пророчество духу, изреки сынъ человѣческій, и скажи духу: „такъ глаголетъ Господь — отъ четырехъ вѣтровъ прійди духъ и дохни на этихъ мертвецовъ и они оживутъ. Я изрекъ какъ мнѣ было повелѣно, и вошелъ въ нихъ духъ и они ожили и стали на ноги свои; и было ихъ великое полчище“.

„Пусть, заключилъ ораторъ, и мы заключимъ съ нимъ, составныя части нашей духовной жизни, а потому и узы нашего національнаго единства также разорваны и разсѣяны кругомъ въ дикомъ безпорядкѣ, какъ мертвыя кости, описанныя пророкомъ; пусть онѣ цѣлыя столѣтія бѣлѣли и изсыхали подъ бурями, дождями и палящими лучами солнца! Живительное дыханіе міра духовнаго не перестало еще вѣять. Оно охватитъ и мертвыя кости нашей народности, сплотитъ ихъ и они величественно возстанутъ къ новой и просвѣтленной жизни!“

КРИТИКА

И

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО (ТЕОРІЯ).

Русское государственное право, *И. Андреевскаго.* Т. I. Спб. 1866.

Пособіе къ изученію русскаго государственнаго права, по методу историко-догматическому, *А. Романовича-Славатинскаго*, профессора университета Св. Владиміра. Два выпуска. 1871 и 1872 гг. Кіевъ.

Начала русскаго государственнаго права, *А. Градовскаго,* профессора С.-Петербургскаго университета. Спб. Томъ I. 1875. Томъ II. 1876.

Серьезная оцѣнка общаго курса по извѣстной отрасли знанія можетъ быть выполнена только съ помощью выясненія того, что уже сдѣлано всею предшествовавшей литературой. Задача курса по извѣстной отрасли права не столько выработка подробностей (это дѣло монографій), сколько составленіе общей картины правосостоянія по этой отрасли. Поэтому, прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію трехъ новѣйшихъ курсовъ государственнаго права, я попытаюсь набросать краткій очеркъ преемственнаго развитія предшествовавшей литературы по этому предмету.

Развитіе науки права, и государственнаго въ особенности, стоитъ въ самой близкой связи съ состояніемъ государственнаго быта. Государство само по себѣ не есть юридическое отношеніе; оно прежде всего фактическое, дѣлаясь вполнѣ юридическимъ только тогда, когда и на государственныя отношенія распространяется дѣйствіе юридическихъ нормъ. Правомѣрность государственнаго строя обусловливается господствомъ въ немъ закона. Но понятіе закона заключаетъ въ себѣ два момента—матеріальный и формальный. Законъ есть *общее* правило и сверхъ того *ограничительное*, что̀ обусловливается особенными формами его изданія. Въ періодѣ крайняго развитія центральной правительственной власти обыкновенно первенствующее значеніе получаетъ матеріальный моментъ понятія о законѣ, а формальный даже вовсе изчезаетъ. Въ слѣдующемъ періодѣ политическаго развитія съ развитіемъ большей общественной свободы выдвигается и формальный моментъ. Такъ было и у насъ; но до сихъ поръ нашъ государственный складъ запечатлѣнъ характе-

ромъ перваго изъ указанныхъ періодовъ; формальный моментъ закона не проведенъ еще во всемъ нашемъ государственномъ строѣ, хотя въ послѣднее время,— судебной реформой, главнымъ образомъ,— уже сдѣланъ значительный шагъ впередъ.

Стремленіе къ установленію твердыхъ, общихъ правилъ сказалось въ особенности въ реформахъ Петра Великаго и тѣмъ же духомъ проникнута была дѣятельность нашего правительства въ лучшія эпохи нашей послѣдующей исторіи, въ царствованіе Екатерины II и Александра I. Слѣдовавшее за тѣмъ время охарактеризовалось не только застоемъ, но даже отчасти и попятнымъ движеніемъ; это и отразилось на совершенномъ упадкѣ юридической литературы. Послѣднее двадцатилѣтіе принесло съ собою новое ея возрожденіе.

Введенное въ нашу государственную жизнь стремленіе къ законности на почвѣ публичнаго права, т. е., къ устройству правленія (Regierung) по общимъ постояннымъ правиламъ, оставалось однако до времени Екатерины Великой еще далеко не выясненнымъ въ смыслѣ общаго начала, долженствовавшаго лечь въ основу всего нашего государственнаго строя. Стремленіе это сказывалось, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, не столько въ установленіи общихъ принциповъ, сколько въ проведеніи отдѣлныхъ практическихъ мѣръ. Эти мѣры можно свести къ двумъ главнымъ группамъ: къ установленію дѣйствительной взаимной подчиненности органовъ государственнаго управленія, въ смыслѣ устраненія произвола служащихъ чиновниковъ, и къ установленію опредѣленнаго безусловно-обязательнаго порядка инстанцій. Само по себѣ установленіе общаго и прочнаго порядка, какъ въ организаціи и въ дѣйствіяхъ каждаго отдѣльнаго органа государства, такъ и ихъ взаимнаго отношенія, есть только средство для успѣшнаго достиженія государственныхъ цѣлей. Но въ указанное время это средство получало значеніе самостоятельной, непосредственной цѣли, такъ что порядокъ ставился выше самаго дѣла.

Этотъ характеръ законодательства отразился весьма наглядно въ Руководствѣ къ россійскимъ правамъ Штрубе-де-Пирмонта, относящимся къ 50-мъ годамъ прошлаго столѣтія [1]). Публичному (внутреннему государственному и административному) праву посвящена вся вторая книга, раздѣляющаяся на четыре части: о должностяхъ, касающихся до императорскаго величества; объ отправленіи государственныхъ дѣлъ въ разныхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ, конторахъ и прочихъ судныхъ мѣстахъ россійской имперіи и о принадлежащихъ туда генеральныхъ должностяхъ, также и о прокурорскомъ чинѣ; о военныхъ дѣлахъ; о правахъ, касающихся до суда. Изъ нихъ къ государственному праву (въ тѣсномъ смыслѣ) относятся ближайшимъ образомъ двѣ первыя части, до извѣстной степени соотвѣтствующія обычному раздѣленію государственнаго права па государственное устройство и управленіе.

Первая часть очень не богата содержаніемъ; двѣ первыя главы ея

[1]) Рукопись Академической библіотеки по печатному каталогу № 98, въ листъ, 2 тома.

касаются исключительно вопросовъ внѣшней обрядности: о формахъ присяги государю и наслѣднику престола и о титулахъ, которыхъ авторъ различаетъ восемь, указывая случаи употребленія каждаго изъ нихъ. Юридическій интересъ представляютъ только остальныя три главы о челобитчикахъ, о великихъ дѣлахъ, также о безчинствахъ и браняхъ въ государевѣ дворѣ и о доносахъ. Съ перваго взгляда, можетъ показаться страннымъ и сопоставленіе рядомъ этихъ вопросовъ и особенно отнесеніе ихъ къ „должностямъ, касающимся императорскаго величества". Но въ дѣйствительности между всѣми главами первой части есть одно общее: всѣ онѣ касаются непосредственныхъ отношеній „императорскаго величества" къ подданнымъ, слѣдовательно отступленій такъ сказать отъ законнаго порядка инстанцій, по которому подданный долженъ сноситься лишь съ подчиненными учрежденіями. Понятно, что этотъ общій характеръ первой части достаточно объясняетъ и отнесеніе къ ней всѣхъ указанныхъ предметовъ. Штрубе, слѣдовательно, ограничиваетъ ученіе о должностяхъ государя лишь тѣми особенными случаями, когда онъ дѣйствуетъ непосредственно. Во второй части излагаются организація и порядокъ дѣятельности органовъ управленія, причемъ на подчиненіе этой дѣятельности установленнымъ общимъ правиламъ обращено главное вниманіе, почему разсмотрѣніе прокурорскаго чина, какъ исполняющаго функцію надзора за правильностью дѣлопроизводства, выдѣлено въ особую главу. При этомъ Штрубе говоритъ только о порядкѣ дѣлопроизводства, но отнюдь не о самыхъ дѣлахъ. Между обѣими частями въ изложеніи автора нѣтъ никакой связи. Случаи, когда императоръ дѣйствуетъ непосредственно, разсматриваются особо, общій порядокъ подчиненнаго управленія — также особо. Автору не хватаетъ высшаго общаго начала, способнаго выяснить соотношеніе той и другой части; онъ вообще ограничивается изложеніемъ существующаго юридическаго строя государства, не объясняетъ его и не осмысливаетъ. „Руководство россійскимъ правамъ" всецѣло отражаетъ на себѣ характеръ своего времени. Въ царствованіе Елизаветы Петровны совершилось возстановленіе петровскихъ учрежденій; въ царствованіе Екатерины II послѣдовало дальнѣйшее развитіе законодательства. То-же самое и въ развитіи науки права. Екатерина II является не только великой законодательницей, но и политической писательницей, которой наша литература государственнаго права обязана очень многимъ.

„Наказъ" даетъ теоретическое объясненіе тому стремленію къ установленію прочнаго и общаго порядка, которое характеризуетъ собою петровскія реформы. Возводя этотъ порядокъ къ отвлеченному общему принципу, Наказъ кладетъ этотъ принципъ, это начало „законности" въ тогдашнемъ смыслѣ слова, въ основу всего русскаго юридическаго строя, соединяя съ помощью его то, что у Штрубе оставалось еще разъединеннымъ, безсвязнымъ — должности императорскаго величества и должности коллегій, конторъ и проч. Наказъ, какъ извѣстно, составленъ подъ вліяніемъ воззрѣній Монтескьё; но не все перенесено цѣликомъ изъ его сочиненій, и что касается объясненія русскаго государственнаго устройства, то Екатерина рисуетъ его какъ нѣчто среднее между деспотіей и тѣмъ, что Монтескьё понималъ подъ монархіей. На

это указываетъ уже одно то, что она не стѣсняясь относила къ русскому государственному строю сказанное Монтескьё о деспотіяхъ: таково, именно, оправданіе единодержавія громадностью пространства Россіи (§ 9, 10, 11). По Наказу русское государственное устройство есть такое, въ которомъ государю непосредственно принадлежитъ лишь изданіе общихъ правилъ для руководства подчиненнымъ органамъ, а этимъ органамъ принадлежитъ дѣйствительное управленіе согласно изданнымъ правиламъ. Ученіе объ этихъ подчиненныхъ властяхъ, составляющихъ „существо правленія“ (§ 18) и представляющихъ собою „малые протоки, чрезъ которые изливается власть государства“ (§ 20), есть самое важное во всемъ томъ, что говорится въ Наказѣ о государственномъ строѣ. Этимъ указывается, что ограничительное значеніе законъ имѣетъ только въ отношеніи подчиненныхъ органовъ, властей, т. е., что русская форма государственнаго устройства отличается отъ деспотіи тѣмъ, что подчиненныя власти дѣйствуютъ не по отдѣльнымъ, случайнымъ повелѣніямъ и не произвольно, а по общимъ и постояннымъ правиламъ. Чтобы упрочить это господство общихъ постоянныхъ правилъ, чтобы „установленіе государства сдѣлать твердымъ и неподвижнымъ“ (§ 21), подчиненнымъ властямъ усвоивается право дѣлать представленія о несогласіи указа (édit) съ уложеніемъ (code des lois); это право, впрочемъ, ведетъ свое начало отъ петровскихъ законоположеній. Въ другомъ установленіи Петра Великаго, Сенатѣ, Наказъ находитъ „хранилище законовъ“ (§ 26). Эта сторона воззрѣній Наказа, какъ представляющая лишь теоретическое освѣщеніе того, что, (или, по крайней мѣрѣ, задатки чего) дѣйствительно существовали въ нашемъ юридическомъ строѣ, оказала наиболѣе глубокое и прямое вліяніе на послѣдующую литературу нашего государственнаго права. Напротивъ, чуждая нашей жизни западно-европейская теорія сословности, хотя также отчасти отразилась на литературѣ, но не получила никакого сколько-нибудь плодотворнаго развитія. Наказъ былъ программой для развитія законодательства, но не былъ самъ дѣйствительнымъ закономъ, и даже выраженная въ немъ программа никогда не получила полнаго осуществленія, даже и въ тѣхъ ея частяхъ, которыя ближе примыкали къ дѣйствительному строю нашего государственнаго быта, представляя лишь обобщеніе и дальнѣйшее развитіе уже зародившихся въ немъ началъ. Этотъ, такъ сказать, *желательный* характеръ Наказа отразился и въ литературѣ, возникшей подъ его вліяніемъ. Она рисуетъ намъ не дѣйствительный порядокъ вещей, а только идеальный, но съ той отличительной особенностью, что идеалъ черпается не изъ теоретическихъ отвлеченныхъ воззрѣній, а изъ несомнѣнно присущихъ законодательству того времени стремленій. Благодаря этому и самый идеалъ получилъ болѣе практическій, положительный характеръ.

Первымъ слѣдовавшимъ за Наказомъ изъ извѣстныхъ намъ сочиненій было «Руководство къ познанію россійскаго законоискуства, сочиненное Захаріемъ Горюшкинымъ, преподавателемъ сея науки въ Московскомъ университетѣ (Москва 1811. 4 переплета). Характеръ книги довольно вѣрно опредѣляется эпиграфомъ ея, взятымъ изъ Наказа: „Прилѣжаніе и радѣніе все преодолѣваютъ и проч.“. Дѣйствительно

если произведеніе „россійскаго законоискусника“ [1]) и отличается чѣмъ, такъ это прилѣжаніемъ, радѣніемъ, но отнюдь не талантливостью. Мѣткая оцѣнка книги сдѣлана еще П. Хавскимъ (секретаремъ Сената). „Г. Горюшкинъ издалъ огромный трудъ сей по своей системѣ. Сіе сочиненіе имѣетъ главныя раздѣленія на четыре переплета (то есть книги), переплетъ на главы, главы на отдѣленія, отдѣленія на раздѣленія и на члены, и далѣе на составы, степени, виды, отдѣлы, раздѣлы, статьи, знаки, буквы. Отдадимъ справедливость сему почтенному мужу, отличившемуся въ свой вѣкъ трудолюбіемъ по части законоискуства» [2]). Каково содержаніе иныхъ изъ этихъ буквъ и знаковъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. „§ 4137: О правахъ и обязанностяхъ татаръ. Что суть татаре? Тѣ сего имени народы, которые пріобрѣтены къ Россіи.“ Или вотъ еще, „Членъ 4-й. О насѣкомыхъ. § 4195. Насѣкомыя суть или приносящія пользу, или вредныя; какъ увидимъ въ двухъ члена сего составахъ. Составъ 1-й. О насѣкомыхъ приносящихъ пользу. § 4196. Насѣкомыя приносящія пользу суть пчелы. Составъ 2-й. О насѣкомыхъ вредныхъ. § 4196. Насѣкомыя приносящія вредъ суть саранча“. Но, чтобы быть справедливымъ въ отношеніи къ автору, надо принять въ соображеніе его собственное объясненіе, что онъ „въ отрочествѣ неимѣвши предварительно понятія ни объ одной изъ наукъ съ однимъ только обыкновеннымъ понятіемъ читать и писать по россійски вступилъ къ отправленію должностей въ гражданскую службу“ (во вступительной лекціи 5 сент. 1790 года, приложенной къ первому тому Законоискуства). Къ государственному праву относится преимущественно четвертый переплетъ, хотя по принятой авторомъ системѣ государственное право понимается слишкомъ узко и потому относящіяся къ нему указанія довольно разбросаны. Авторъ различаетъ какъ самостоятельныя отрасли: право божеское, человѣческое и животныхъ; право человѣческое распадается на естественное и общественное, а послѣднее на домашнее, сосѣдское, сельское, уѣздное, городское, губернское, государственное и народное (стр. I). „Законоискуство“ вообще не богато обобщеніями, читатель теряется въ массѣ лишь внѣшнимъ образомъ упорядоченнаго матеріала. Однако при внимательномъ чтеніи можно таки замѣтить вліяніе идей Наказа. Изъ него заимствуетъ авторъ опредѣленіе Закона (§ 2); перенесено оттуда-же и ученіе о властяхъ подчиненныхъ, какъ исполнителяхъ законовъ, исходящихъ отъ верховной власти. (§§ 2179 и 2231). Замѣтна въ изложеніи Горюшкина и идеализація. „Изданіе всеобщихъ законовъ, читаемъ въ § 2170, изъ самой древности бывало въ собраніи государственныхъ чиновъ“. Въ подтвержденіе дѣлаются указанія на Владиміра Св., на Ивана Васильевича, уложившаго судебникъ съ боярами, на Алексѣя Михайловича, Петра Великаго, Екатерину II и Александра.

Значительно выше произведенія Горюшкина стоитъ „Систематическое собраніе россійскихъ законовъ съ присовокупленіемъ правилъ и примѣровъ изъ лучшихъ законоучителей, расположенное трудами Сергѣя

---

[1]) Подпись подъ портретомъ автора, приложеннымъ къ первому тому.

[2]) Лекція, читанная при публичномъ преподаваніи въ канцеляріи 6-го департамента Сената, пріуготовляемымъ въ аудиторы для армейскихъ полковъ. Москва. 1818, стр. 12.

Хапылева. (Спб. 1817—1819 гг. 6 частей)". Идеи Наказа объ установленіи твердыхъ общихъ правилъ — законовъ и объ управленіи чрезъ посредство подчиненныхъ властей получаютъ въ этомъ сочиненіи довольно полное развитіе особенно въ введеніи, трактующемъ „о началѣ закона и о преобразованіи онымъ россійскаго государства". Авторъ видитъ особенную заслугу въ учрежденіи Петромъ Великимъ Сената. „Онъ вознесъ Сенатъ до высокаго состоянія посредничества между главою Имперіи и всею народною массою, а тѣмъ самымъ Петръ Великій по собственному побужденію ограничивалъ свое могущество, чрезъ что система управленія, которая до сего никакой не имѣла основательной формы, непримѣтно образовалась по умѣренному монархическому" (стр. 30). Должно замѣтить, что оба эти произведенія и Горюшкина и Хапылева запечатлѣны преимущественно практическимъ характеромъ.

Кромѣ собственно литературныхъ произведеній, идеи Наказа о законности нашли себѣ выраженіе и въ изданныхъ Коммиссіей Составленія Законовъ двухъ сводахъ существующихъ законовъ россійской имперіи: общемъ и систематическомъ. Различіе ихъ въ томъ, что въ первомъ законы расположены въ хронологическомъ порядкѣ, а во второмъ въ систематическомъ; къ первому присоединялось „общее заключеніе", ко второму „основанія россійскаго права". „Общее заключеніе" и „Основанія" представляютъ дословное повтореніе другъ друга, только первое помѣщалось въ концѣ, а второе въ началѣ свода. „Основанія" въ 1821 г. были изданы съ дополненіями отдѣльно. Къ государственному праву относится въ нихъ только вступленіе, содержащее ученіе о законѣ. Ученіе это развито въ нихъ не совсѣмъ согласно съ дѣйствующимъ правомъ, внесено много простыхъ намѣреній законодателей, что доказывается уже обиліемъ ссылокъ на Наказъ, Начертаніе 1768 г. (П. С. З. № 13095), Докладъ министра юстиціи 1804 г. февр. 28 (П. С. З. № 21187) и тому подобные акты, никогда не бывшіе дѣйствующими законами въ собственномъ смыслѣ слова.

Въ царствованіи Николая Павловича до изданія Свода появилось „Новѣйшее руководство къ познанію россійскихъ законовъ, изданное Ила́ріономъ Васильевымъ" (М. 1826). Общія начала русскаго государственнаго строя изложены тѣмъ-же авторомъ, и весьма удачно, въ раньше (1824 г.) напечатанной рѣчи „О духѣ законовъ нынѣ существующихъ въ россійскомъ государствѣ". Авторъ въ основныхъ вопросахъ держится все тѣхъ же идей Наказа. Онъ указываетъ на существованіе коренныхъ законовъ, постоянныхъ, которые никакъ не могутъ быть измѣнены (Рѣчь, стр. 6, Руководство § 16), — на среднія власти, составляющія существо управленія (§ 8). Но уже ни слова нѣтъ о томъ, чтобы уложеніе должно было быть издаваемо не иначе, какъ въ собраніи государственныхъ чиновъ. Практическій характеръ изложенія смѣняется въ „Новѣйшемъ руководствѣ" простымъ описаніемъ всего существующаго государственнаго строя. Догматическому изложенію предпослана краткая исторія законодательства. Первыя пять главъ посвящены ученію о законѣ, глава шестая трактуетъ „о присутственныхъ мѣстахъ"; глава седьмая о чиновникахъ этихъ мѣстъ. Двѣ послѣднія главы составляютъ однако бо́льшую часть всей книги.

Сводъ законовъ не могъ не остановить развитія зародившейся литературы государственнаго права въ прежнемъ направленіи. Наказъ перестаетъ быть программой законодательныхъ работъ. Изданіе Свода знаменовало собою отказъ со стороны правительства отъ намѣренія издать новое общее уложеніе, взамѣнъ чего свели старое соборное уложеніе съ новѣйшими указами. Соборное уложеніе легло въ основу Свода, но только въ томъ смыслѣ, что предшествовавшее ему законодательство не было принято въ соображеніе. По значенію же оно было поставлено совершенно наравнѣ съ отдѣльными указами. Этимъ совершенно упразднялся вопросъ о противорѣчіяхъ между отдѣльнымъ указомъ и уложеніемъ. Статьи Свода всѣ между собой равны, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ, между тѣмъ измѣненіе одной изъ нихъ нерѣдко можетъ повесть къ совершенной перемѣнѣ смысла другихъ. Такимъ образомъ отдѣльные указы получаютъ значеніе, подрывающее совершенно господство въ управленіи общихъ постоянныхъ правилъ. Отдѣльный указъ за-урядъ издается подъ вліяніемъ минутной потребности, имѣющей совершенно частный характеръ; если дѣло не терпитъ замедленія, сообразить вліяніе указа на общій ходъ дѣлъ невозможно. Тѣмъ не менѣе, благодаря тому, что нѣтъ ничего, что бы стояло выше этихъ отдѣльныхъ частныхъ указовъ, что бы ограничивало ихъ примѣненіе, они могутъ, особенно при постоянно наростающей массѣ ихъ, въ корнѣ исказить основныя начала законодательства. Правительству естественно не соблюдать ту же процедуру обдуманной, осторожной выработки и при изданіи законоположенія, объемлющаго собою цѣлую отрасль права и при изданіи какого-нибудь мелкаго указа: послѣдній издается сокращеннымъ, упрощеннымъ порядкомъ, на обсужденіе его тратится и меньше времени, и меньше силъ. Но благодаря равенству всѣхъ *законовъ*, такой поспѣшно, безъ достаточной осторожности составленный указъ можетъ подъ-часъ серьезно исказить строго-обдуманное, тщательно-выработанное законоположеніе. Слѣдовательно съ изданіемъ свода, законъ теряетъ характеръ общихъ постоянныхъ правилъ; установляется новое, до-нельзя расширенное понятіе закона, въ смыслѣ всякаго вообще повелѣнія, исходящаго отъ верховной власти. Господство такихъ отдѣльныхъ указовъ, считавшееся до того времени зломъ, противъ котораго видѣли единственное средство въ изданіи уложенія, возводится, черезъ изданіе Свода, въ систему, обѣщаетъ стать безконечнымъ; вводится только узаконенный порядокъ собранія этихъ указовъ по извѣстному плану. Въ Сводѣ есть, правда, *основные* законы. Но они отличаются отъ неосновныхъ только болѣе крупнымъ шрифтомъ. По силѣ же они стоятъ даже ниже нѣкоторыхъ неосновныхъ потому, что могутъ быть дополняемы даже словеснымъ повелѣніемъ, точно также и истолкованы. Даже самая ст. 66 основныхъ законовъ частью основывается на словесныхъ повелѣніяхъ и можетъ быть видоизмѣнена ими.

Указанныя свойства Свода и вообще неблагопріятныя условія для развитія научной дѣятельности въ теченіе второй четверти нынѣшняго столѣтія (въ области наукъ государственныхъ въ особенности) должны были и дѣйствительно привели къ полному упадку догматической раз-

работки государственнаго права. Съ изданія Свода до шестидесятыхъ годовъ появилось три руководства по русскому государственному праву: Дюгамеля, Сперанскаго и Проскурякова; но изъ всѣхъ этихъ трудовъ, по особымъ причинамъ, только на послѣднемъ успѣло съ полною силою сказаться вліяніе измѣнившихся обстоятельствъ времени.

„Опытъ государственнаго права россійской имперіи (К. Д. Дюгамеля, Спб. 1833") появился тотчасъ же по изданіи Свода, даже до введенія его въ дѣйствіе, и авторъ, вѣрный еще прежнему направленію, не считаетъ обязательнымъ для себя руководствоваться однимъ Сводомъ исключительно. Онъ напротивъ считаетъ дѣйствующими рядомъ со Сводомъ и коренные государственные законы, т. е. тѣ, „кои основываютъ благоденствіе и величіе Имперіи *и никогда не измѣняются*" (стр. 15). Сюда онъ причисляетъ слѣдующіе акты: 1) Іоанна Васильевича I о недѣлимости *имперіи* (sic) 1346 г. 2) Грамоту объ избраніи въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова 1613 г. 3) Завѣщаніе Екатерины II. 4) Учрежденіе императорской фамиліи. 5) Указъ 20 марта 1820 года о неравныхъ бракахъ. На то, что императоръ долженъ управлять, руководствуясь существующими законами, авторъ также указываетъ, ссылаясь при этомъ на актъ Священнаго Союза (стр. 1). Въ отношеніи системы изложенія, руководство Дюгамеля не только опередило всѣ предшествовавшія, но должно быть даже поставлено выше современнаго намъ „Пособія" г. Романовича - Славатинскаго. Система автора основана на различеніи государственнаго устройства и государственнаго управленія; какъ этимъ, такъ и самымъ распорядкомъ матеріала между двумя главными частями она близко подходитъ къ системѣ, принятой А. Д. Градовскимъ. Къ государственному устройству онъ относитъ ученіе о верховной власти (сюда-же отнесено и ученіе объ орденахъ), о службѣ и о состояніяхъ. Ученіе о службѣ конечно умѣстнѣе, какъ это дѣлаетъ г. Градовскій, отнести ко второй части — къ государственному управленію. Но ученіе объ орденахъ едвали не умѣстнѣе относить по примѣру автора къ устройству; они даются не однимъ служащимъ, а во второй части имъ не найдти другаго мѣста, какъ ученіе о службѣ. Достойно особеннаго вниманія, что Дюгамель ограничиваетъ ученіе объ управленіи, какъ составную часть государственнаго права, изложеніемъ одной только организаціи государственныхъ установленій, не касаясь ихъ дѣятельности. Это лишаетъ государственное право юридико - практическаго характера. Для юриста на первомъ планѣ долженъ стоять вопросъ о порядкѣ осуществленія и охраны правъ гражданъ при содѣйствіи государственныхъ органовъ—судебныхъ или административныхъ — все равно; организація этихъ учрежденій имѣетъ почти второстепенный интересъ. Между тѣмъ вслѣдъ за Дюгамелемъ всѣ послѣдующіе обработыватели началъ нашего государственнаго права останавливаются исключительно на послѣднемъ вопросѣ, съ нѣкоторою подробностью говоря развѣ лишь о законодательной дѣятельности, для юриста представляющей у насъ сравнительно меньшій интересъ. Что касается самаго содержанія книги, то оно представляетъ не болѣе, какъ воспроизведеніе статей Свода, при чемъ ссылки дѣлаются однако не на нихъ, а на цитируемые въ нихъ

указы. Авторъ и самъ говоритъ, что онъ только имѣлъ въ виду дать нѣсколько систематическое расположеніе представившемуся ему въ Сводѣ матеріалу (стр. III).

„Руководство къ познанію законовъ“ графа Сперанскаго (Спб. 1845) представляетъ особенный интересъ, какъ произведеніе человѣка, игравшаго первенствующую роль въ развитіи нашего законодательства. Написано это руководство было въ 1838 г., не окончено, и издано уже послѣ смерти автора по Высочайшему повелѣнію. Первая глава имѣетъ обще-энциклопедическій характеръ; къ государственному праву относятся четыре послѣднія: гл. V, существо законовъ государственныхъ и раздѣленіе ихъ; гл. VI, существо основныхъ законовъ; гл. VII, общее обозрѣніе основныхъ законовъ другихъ государствъ; гл. VIII, учрежденія. Различіе между основными и другими государственными законами онъ проводитъ исключительно по содержанію (§ 86). Законъ же есть всякое повелѣніе верховной власти. Допуская важное значеніе различія между общимъ правиломъ и частнымъ повелѣніемъ „въ образѣ ихъ составленія“, онъ не признаетъ этого различія „въ образѣ ихъ исполненія“ (§ 132). Въ различіи *верховнаго правленія* и собственно *управленія* (§ 140) Сперанскій воспроизводитъ идеи Наказа. „Власть верховная правитъ (gouverne) установленіями ею учрежденными; а установленія управляютъ (administrent) дѣлами имъ ввѣренными по уставамъ ихъ и учрежденіямъ. Управленіе прилагаетъ законы къ даннымъ случаямъ; когда же случай не опредѣленъ въ законѣ: тогда онъ причисляется къ чрезвычайнымъ и восходитъ на разрѣшеніе верховной власти». Интересно слѣдующее къ этому мѣсту подстрочное примѣчаніе: „Изъ сего въ нѣкоторыхъ монархіяхъ изъемлются дѣла судебныя.“ Благодаря судебной реформѣ, Россія въ настоящее время также можетъ быть причислена къ этимъ „нѣкоторымъ монархіямъ“. Не мечталъ-ли объ этомъ Сперанскій? Верховное правленіе онъ не ограничиваетъ, впрочемъ, однимъ правленіемъ установленіями, но относитъ къ нему и правленіе силами правительства. Указаніе этого двоякаго характера верховнаго правленія не получило у Сперанскаго дальнѣйшаго развитія, но само по себѣ могло бы привесть къ плодотворнымъ выводамъ. При обращеніи вниманія на этотъ двоякій характеръ правленія невозможно бы было, какъ дѣлаютъ всѣ новѣйшіе писатели, не обращать никакого вниманія на отношенія государя къ главной силѣ — войску. Правда, объ этомъ ничего не говорится въ Сводѣ, но это еще не причина исключать такой важный вопросъ изъ курса государственнаго права. Въ главныхъ чертахъ система „Руководства“ соотвѣтствуетъ системѣ Свода, но въ подробностяхъ Сперанскій не слѣдуетъ рабски его порядку. Такъ относительно министерствъ онъ даетъ свою группировку (§ 200). Въ заключеніе укажемъ, что Сперанскій вовсе не различаетъ деспотіи отъ монархіи и даже прямо относитъ государственное устройство Турціи, этотъ избитый примѣръ деспотіи, къ монархіямъ, между которыми различаетъ: 1) монархіи безъ преимуществъ въ правѣ состояній (Турція); 2) монархіи съ преимуществами въ правѣ состояній (Австрія, Данія) и 3) монархіи съ совѣщательными установленіями (Пруссія). Къ которому изъ этихъ видовъ относится Россія, Сперанскій не говоритъ. Только по поводу вопроса о неограни-

ченности русскаго Самодержца, онъ довольно неопредѣленно замѣчаетъ: „Предѣлы власти, имъ самимъ поставленные, суть и должны быть для него священны и непреложны. Всякое право, а слѣдовательно и право самодержавное, потолику есть право, поколику оно основано на правдѣ.“ (§ 101).

Сочиненіе Проскурякова, если и заслуживаетъ упоминовенія, то развѣ какъ свидѣтельство тому, до какого упадка дошла догматическая разработка права къ концу разсматриваемаго періода. Въ этой книгѣ нѣтъ ни малѣйшей доли самостоятельности: это не болѣе, какъ простой конспектъ Свода.

Настоящее царствованіе открываетъ собою эпоху возрожденія догматическаго изученія права и возрожденія, обѣщающаго самое плодотворное развитіе. Умственный кругозоръ нашего общества раздвинулся и, что важнѣе всего, съ общества начали уже сниматься тѣснящія его путы. Въ этомъ, конечно, первое, главное условіе развитія всякой науки, — государственныхъ наукъ въ особенности. Но и реформа юридическаго строя государства, реформа законодательства, начатая въ настоящее время, не осталась безъ вліянія на успѣхи и характеръ возродившейся разработки догмы права. Реформа эта уже успѣла, сравнительно съ прежнимъ временемъ, широко раздвинуть рамки нашего юридическаго быта. Въ цѣломъ Сводъ продолжаетъ быть дѣйствующимъ закономъ. Но рядомъ съ нимъ дѣйствуютъ уже новыя законоположенія, какъ части законодательства, не подчиненныя Своду, а рядомъ съ нимъ стоящія, самостоятельныя нормы, и по содержащимся въ нихъ началамъ, и по совершенству формы далеко его опередившія. Поэтому-то эти новыя законоположенія и не внесены въ составъ Свода, а только особо приложены къ нему. Внести ихъ въ Сводъ невозможно. Судебнымъ уставамъ напр. невозможно стать *второю* частью X или XV тома; между ними слишкомъ мало общаго и по содержанію, и по формѣ. Такимъ образомъ юридическій порядокъ опредѣляется въ настоящее время весьма разнохарактерными, отдѣльными законоположеніями, между собою не согласованными, не объединенными; поэтому самая реформа законодательства остановилась на полъ-пути.

Какъ бы въ соотвѣтствіи съ этою незаконченностью произведенныхъ реформъ и новѣйшая литература русскаго государственнаго права слагается изъ неоконченныхъ сочиненій, обозначенныхъ въ заглавіи настоящей статьи.

Первая между ними, по времени своего появленія, есть книга И. Е. Андреевскаго. Она издана въ 1866 г. почти одновременно съ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ, слѣдовательно въ такое время, когда пріостановка реформъ еще не наступила и врядъ ли предвидѣлась. Въ совершенныхъ тогда реформахъ многіе видѣли только начало перестройки всего нашего государственнаго быта. И въ глазахъ г. Андреевскаго 1861 г. является рубежомъ двухъ великихъ эпохъ въ развитіи русскаго государства: эпохи образованія правительственной власти и ея односторонняго, исключительнаго развитія и эпохи соединенія сложившейся государственной власти съ другимъ элементомъ государственнымъ—свободою многочисленнаго народа,— эпохи возвращенія къ утраченному государствен-

ному единству (стр. 40). Если возвращеніе къ единству только началось, то, понятно, не могло еще установиться прочнаго, опредѣленнаго отношенія между составными элементами государства — властью и народомъ. Вѣроятно поэтому авторъ и не нашелъ удобнымъ слѣдовать въ своемъ изложеніи извѣстному дѣленію государственнаго права на государственное устройство и государственное управленіе, а предположилъ изложить отдѣльно ученіе о правительствѣ и ученіе о народѣ, предоставляя самому изучающему выводить основныя начала русскаго государственнаго права (стр. III). Такимъ образомъ уже самая система, принятая авторомъ, совершенно устраняетъ разсмотрѣніе вопроса о государственномъ устройствѣ. Выводить же общія начала государственнаго строя изъ перваго тома довольно затруднительно, такъ какъ второй томъ, въ которомъ должно быть разсмотрѣно ученіе о народѣ, до сихъ поръ не появился въ свѣтъ, хотя матеріалы для него были приготовлены уже при изданіи перваго (ст. IV). Такое замедленіе мнѣ кажется, легко объясняется тѣмъ, что послѣдовавшая за тѣмъ пріостановка реформъ поставила иначе задачу догматической разработки государственнаго права. Условія времени повліяли не только на систему изложенія, но и на характеръ его. Собственно догматической разработки права въ трудѣ г. Андреевскаго весьма мало. Все вниманіе автора обращено на выясненіе историческаго хода развитія организаціи нашихъ правительственныхъ учрежденій. Читая въ его книгѣ краткіе очерки современной ихъ организаціи, невольно представляешь себѣ, что это все еще продолженіе историческаго очерка, вслѣдъ за которымъ ожидаешь уже найдти дѣйствительное догматическое изложеніе съ тѣмъ практическимъ характеромъ и съ тою подробностью, какихъ естественно требуетъ разсмотрѣніе дѣйствующаго въ данное время права. Авторъ словно боится тратить время на подробное изслѣдованіе институтовъ, ожидая съ часу на часъ, что они перестанутъ быть дѣйствующими, перейдутъ въ область исторіи, уступивъ свое мѣсто новымъ, лучшимъ. Тѣмъ не менѣе именно пріемами изслѣдованія книга г. Андреевскаго далеко оставляетъ за собою всю прежнюю литературу предмета. Въ изученіе государственнаго права книга эта вноситъ три новыхъ элемента: теоретическій, сравнительный и историческій Но три эти элемента играютъ въ ней далеко не одинаковую роль и получили неодинаковое значеніе. Теоретическое освѣщеніе институтовъ выдѣлено особо и составило главное содержаніе введенія. Такимъ образомъ теоретическій элементъ не проникаетъ внутренно самое изложеніе русскаго права, а только присоединенъ къ нему внѣшнимъ образомъ. Къ тому же теоретическое выясненіе касается лишь самыхъ общихъ вопросовъ. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ болѣе видною ролью внесенъ въ курсъ г. Андреевскаго элементъ сравнительный. Чуждымъ этому элементу осталось только изложеніе перваго раздѣла „о верховной государственной власти", втораго раздѣла „о законодательствѣ" и тѣхъ частей третьяго раздѣла „объ управленіи", гдѣ излагается организація тѣхъ учрежденій, которыя г. Андреевскій въ отличіе отъ центральныхъ называетъ „высшими": Государственный Совѣтъ, Комитеты Министровъ, Кавказскій и Сибирскій, Совѣтъ Министровъ и Сенатъ. Правда, и въ главѣ „о государственной службѣ" этотъ эле-

ментъ сводится едва къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ указаніямъ, но изложеніе этой главы, заключающей собою первый томъ, вообще не отличается полнотою. Отсутствіе сравнительнаго элемента въ первыхъ двухъ раздѣлахъ вѣроятно объясняется тѣмъ, что конституціонныя государства по этимъ вопросамъ представляютъ слишкомъ рѣзкія отличія отъ нашихъ порядковъ.

Но это послѣднее обстоятельство нисколько не дѣлаетъ сравненіе невозможнымъ или безцѣльнымъ. Конституціонная монархія развилась изъ неограниченной, это только высшая ступень развитія монархическаго правленія. Государь неограниченный и ограниченный находятся между собой въ отношеніяхъ исторической преемственности. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что сравненіе различныхъ послѣдовательныхъ фазисовъ развитія извѣстнаго элемента государственнаго строя какъ нельзя болѣе полезно, или даже необходимо, для полнаго выясненія природы этого элемента. Точно также и сравненіе различныхъ порядковъ законодательства (въ обоихъ этихъ фазисахъ) могло бы дать плодотворные результаты. Конечно, законодательству неограниченной монархіи чуждъ основной характеръ ограничительности, но и въ конституціонномъ государствѣ законы не теряютъ значенія общихъ, постоянныхъ нормъ. Поэтому вполнѣ возможно было бы сравнить порядки конституціонные и наши именно съ точки зрѣнія удобства, годности ихъ для успѣшной выработки такихъ постоянныхъ нормъ независимо отъ вопроса о томъ, на сколько законъ при тѣхъ и другихъ порядкахъ служитъ дѣйствительнымъ выраженіемъ воли цѣлаго государства. Дѣло законодательства имѣетъ свою техническую сторону, независящую безусловно отъ формы правленія. Что касается высшихъ государственныхъ установленій, то устраненіе въ этомъ отдѣлѣ сравнительнаго элемента объясняется слѣдующимъ замѣчаніемъ автора: „Въ государствахъ, допускающихъ народное представительство, имѣющихъ для того парламентъ, составляемый изъ одной или двухъ палатъ, коимъ совокупно съ монархомъ принадлежатъ власть законодательная и высшее направленіе государственной администраціи, нѣтъ надобности въ устроеніи какихъ-либо особыхъ высшихъ государственныхъ установленій для управленія государственными дѣлами“ (стр. 199). Слѣдовательно „высшія“ учрежденія онъ считаетъ особенною принадлежностью однѣхъ неограниченныхъ монархій. Судить о справедливости этого тѣмъ труднѣе, что авторъ не объясняетъ, въ чемъ именно заключаются отличительные признаки „высшихъ“ установленій сравнительно съ центральными. Онъ ограничивается по этому вопросу лишь слѣдующими немногими словами: „Что касается государствъ, не имѣющихъ парламента и народнаго представительства, то въ нихъ, кромѣ центральныхъ государственныхъ установленій, коимъ поручается управленіе отдѣльными вѣтвями государственной администраціи, необходимы особыя высшія государственныя установленія“ (стр. 201). Изъ этихъ словъ можно было бы заключить, что отличительнымъ признакомъ высшихъ государственныхъ установленій служитъ то, что имъ не поручается никакой отдѣльной вѣтви государственной администраціи. Но ошибочность такого заключенія слишкомъ очевидна. Если бы авторъ понималъ „высшія“ учрежденія въ такомъ смыслѣ, то не могъ бы от-

нести къ нимъ ни комитетовъ Кавказскаго и Сибирскаго, ни Сената. Другаго же указанія или намека на различіе высшихъ и центральныхъ учрежденій мы не находимъ. Департаменты Сената судебные, равно какъ и межевой и герольдіи, носятъ несомнѣнно характеръ центральныхъ учрежденій по отношенію къ кругу ввѣренныхъ каждому изъ нихъ дѣлъ, и при томъ функціи ни одного изъ этихъ департаментовъ не могутъ быть присвоены представительному законодательному собранію. Первый же департаментъ и Сенатъ, какъ цѣлое, осуществляютъ точно также совершенно отдѣльную самостоятельную государственную функцію—функцію надзора. Кассаціоннымъ департаментамъ судебными уставами усвоена та-же функція. Такимъ образомъ теперь и старый петровскій Сенатъ (1-й департаментъ) и новый имѣютъ общую функцію; остальные же департаменты во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ нѣчто среднее. Но надзоръ какъ судебный, такъ и административный точно также не принадлежитъ къ функціямъ представительныхъ собраній. Конечно, и парламентъ осуществляетъ надзоръ, но это не составляетъ для него самостоятельной (специфической) функціи; надзоръ служитъ для него только средствомъ къ дѣйствительному осуществленію его законодательной функціи. Во всякомъ случаѣ, если бы авторъ и отрицалъ особенный характеръ парламентскаго надзора, онъ долженъ бы былъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, отнести къ высшимъ учрежденіямъ и государственный контроль, чего онъ однакожъ не дѣлаетъ (стр. 311). Мнѣ остается обратиться къ вопросу о томъ, какъ внесенъ авторомъ сравнительный элементъ въ остальныя части его курса. Сравнительный элементъ допускается какъ историческимъ, такъ и догматическимъ изученіемъ права, но въ каждомъ изъ нихъ онъ примѣняется своеобразно, соотвѣтственно ихъ различнымъ задачамъ. Въ книгѣ г. Андреевскаго историческое изложеніе рѣшительно преобладаетъ надъ догматическимъ; между тѣмъ сравнительный матеріалъ носитъ исключительно догматическій характеръ. Отсюда нѣкоторое несоотвѣтствіе между собой различныхъ элементовъ изложенія, что вредитъ и цѣлости впечатлѣнія и плодотворности выводовъ. Наиболѣе удачное примѣненіе нашелъ себѣ въ книгѣ г. Андреевскаго элементъ историческій. Историческая сторона разработана съ большею обстоятельностью и, что, едва-ли, не еще важнѣе, облечена въ вполнѣ подходящую, вполнѣ соотвѣтствующую требованіямъ форму. Въ введеніи въ § 13 (стр. 37—40) авторъ исторически объясняетъ индивидуальную физіономію русскаго государственнаго быта; затѣмъ каждому отдѣлу курса предпосылаетъ какъ бы историческое введеніе, объясняющее возникновеніе и развитіе каждаго института. Къ сожалѣнію, общее выясненіе русскаго государственнаго типа слишкомъ кратко.

Такимъ образомъ въ общемъ выводѣ оказывается, что г. Андреевскому принадлежитъ заслуга первой попытки поставить изученіе и изложеніе русскаго государственнаго права на дѣйствительно научную почву. Въ своей книгѣ онъ старался примѣнить всѣ научные пріемы изученія, хотя съ наибольшимъ успѣхомъ онъ дѣйствительно примѣнилъ преимущественно историческій пріемъ. Въ двухъ новѣйшихъ курсахъ г. Романовича-Славатинскаго и г. Градовскаго сохранена для историческаго

элемента та-же форма, хотя относительно содержанія они, что и естественно по времени появленія ихъ трудовъ, пошли дальше.

Книга г. Андреевскаго есть единственная, явившаяся въ эпоху самыхъ реформъ. Слѣдующая за ней по времени книга г. Романовича-Славатинскаго относится уже къ 1871 году, когда пріостановка реформъ успѣла сказаться достаточно ясно. Этимъ измѣнялась задача государственнаго ученаго. Законодательство наше съ его недоконченными реформами и даже съ частными отступленіями отъ совершенныхъ преобразованій (въ смыслѣ возврата къ старому) производитъ невольно такое впечатлѣніе, какъ будто общій планъ, руководившій развитіемъ законодательства, нѣсколько затемнился. На обязанности представителей науки государственнаго права, какъ органовъ юридическаго сознанія въ обществѣ, лежитъ поэтому въ настоящее время не легкая задача подвести итоги сдѣланному, составить ясный отчетъ о настоящемъ нашемъ правосостояніи и возродить по крайней мѣрѣ въ общественномъ сознаніи общій планъ для дальнѣйшаго развитія. Слѣдовательно теперь критико-догматическій элементъ получаетъ гораздо большее значеніе сравнительно съ ближайшимъ прошлымъ, когда за большинствомъ дѣйствующихъ институтовъ признавали только временное существованіе и самая надобность дальнѣйшихъ реформъ стояла внѣ сомнѣній.

Книга г. Романовича-Славатинскаго отвѣчаетъ только отчасти требованіямъ времени. Догматическій элементъ у него играетъ дѣйствительно болѣе видную роль, чѣмъ у г. Андреевскаго; но критическій элементъ не получилъ себѣ надлежащаго мѣста. При томъ въ методологическомъ отношеніи „Пособіе“ гораздо одностороннѣе „Государственнаго права“ г. Андреевскаго. Въ „Пособіи“ вовсе нѣтъ сравнительнаго элемента, а теоретическій едва ли не доведенъ до крайняго минимума, что, конечно, не можетъ не вредить научности изложенія [1]). Г. Романовичъ-Славатинскій слѣдуетъ въ своей системѣ порядку томовъ Свода законовъ, не считая нужнымъ чѣмъ нибудь оправдать такую систему. Это тѣмъ болѣе непонятно, что съ внѣшней стороны „Пособіе“ не имѣетъ характера комментарія. Между тѣмъ той же системѣ Свода онъ слѣдуетъ и въ подробностяхъ; онъ нисколько не улучшаетъ ее, потому что дѣлаетъ довольно произвольные выпуски. Такъ напр. опущено разсмотрѣніе капитула орденовъ и даже цѣлыхъ двухъ министерствъ: военнаго и морскаго, мѣсто которыхъ по мнѣнію автора принадлежитъ организаціи управленія военными силами имперіи, хотя трудно понять, въ которомъ изъ пяти отдѣловъ можетъ быть такая статья. Нельзя же ее отнести къ учрежденіямъ областнымъ, къ уставамъ о службѣ гражданской или къ законамъ о состояніяхъ! Вѣроятно авторъ вовсе исключитъ разсмотрѣніе организаціи этихъ двухъ министерствъ изъ своего курса.

---

[1]) Авторъ обѣщаетъ издать отдѣльныя пособія по теоріи и сравнительному государственному праву. Но такое разобщеніе элементовъ одной и той же науки есть уже само по себѣ шагъ назадъ сравнительно съ системой г. Андреевскаго; да и изложеніе собственно русскаго права не можетъ не проиграть въ научномъ достоинствѣ отъ такого разобщенія.

Это было бы совершенно произвольнымъ ограниченіемъ области государственнаго права, неоправдываемымъ даже и Сводомъ, такъ какъ въ немъ пропускъ учрежденій этихъ министерствъ особо оговоренъ.

Лучшимъ въ „Пособіи“ представляются безспорно заключающіяся въ немъ историческія разъясненія; кромѣ общихъ историческихъ введеній къ цѣлымъ отдѣламъ авторъ даетъ обстоятельныя историческія указанія относительно каждаго отдѣльнаго вопроса и каждаго отдѣльнаго учрежденія. Все это выполнено съ такимъ успѣхомъ, что, не смотря на всѣ другіе недостатки „Пособія“, уже за одно это его нельзя не признать прекраснымъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей юридической литературы.

Система автора не устраняетъ, подобно системѣ г. Андреевскаго, разсмотрѣніе вопроса о нашемъ государственномъ устройствѣ. Воззрѣнія автора „Пособія“ на этотъ вопросъ отличаются полнымъ отсутствіемъ идеализаціи, онъ рисуетъ дѣло дѣйствительно такъ, какъ оно есть. „Самодержавная монархія, говоритъ онъ, и деспотія — двѣ различныя формы государства. Въ самодержавной монархіи на первомъ планѣ цѣли и потребности народа, а въ деспотіи—цѣли и потребности правителя. Въ монархіи самодержавной существуютъ законы, непреложные и священные для самого самодержца. Законы эти не только нравственные, но и объективные — основы народной жизни, интересы русской земли“ (стр. 32). Другими словами: между самодержавной монархіей и деспотіей, если и нѣтъ формальной юридической разницы, то есть фактическая. Но высказанное авторомъ воззрѣніе на форму нашего государственнаго устройства не получило въ „Пособіи“ дальнѣйшаго развитія. Не указано, какъ вліяетъ такой чисто фактическій характеръ государственнаго правленія на административное и судебное управленіе, на гражданскія права подданныхъ и проч. Тѣмъ не менѣе это воззрѣніе повліяло на характеръ догматическаго изложенія, придавъ ему совершенно описательный характеръ, такъ что въ „Пособіи“ вовсе не найдешь раскрытія и развитія *юридическихъ* началъ, содержащихся въ нашихъ государственныхъ законахъ.

Такъ какъ верховное управленіе, по взглядамъ автора, не опредѣляется у насъ никакими юридическими нормами, то весьма важнымъ представляется опредѣленіе границъ между сферою дѣятельности верховной власти и сферою дѣятельности власти подчиненной, хотя, конечно, и самая граница эта по необходимости должна быть только фактическою. Авторъ останавливается на этомъ вопросѣ въ началѣ втораго выпуска своего курса, или втораго его отдѣла: „организація мѣстъ и властей подчиненныхъ“. „Верховной власти принадлежитъ *политика*, властямъ подчиненнымъ *администрація*. *Политика* — сосредоточеніе и направленіе многообразныхъ силъ и элементовъ націи и страны для достиженія государственныхъ цѣлей, высшее руководство національною жизнію. *Администрація* — совокупность повседневныхъ и текущихъ услугъ и дѣятельностей учрежденій и должностныхъ лицъ, для приведенія въ исполненіе предначертаній политики“ (стр. 113). Единственнымъ органомъ политики служитъ верховная власть, органами администраціи — всѣ остальныя государственныя установленія (стр. 116). Ав-

торъ смѣшиваетъ воедино весьма различныя учрежденія,—различныя по своимъ функціямъ. Государственный совѣтъ напр. вовсе не совершаетъ повседневныхъ, текущихъ услугъ, не приводитъ въ исполненіе ни чьихъ предначертаній; съ другой стороны, онъ содѣйствуетъ верховной власти совѣщательнымъ путемъ въ направленіи многообразныхъ силъ и элементовъ націи и страны для достиженія государственныхъ цѣлей. Какимъ же образомъ можно относить его къ органамъ администраціи? У г. Андреевскаго мы видѣли попытку сгруппировать наши государственныя учрежденія, раздѣливъ ихъ на „высшія" и „центральныя"; у г. Романовича-Славатинскаго нѣтъ и такой попытки, а смѣшеніе самыхъ разнородныхъ учрежденій подъ общимъ именемъ органовъ администраціи, въ противорѣчіе имъ же сдѣланному опредѣленію администраціи. Онъ даже не даетъ никакого указанія, ни намека на различіе функцій органовъ администраціи. Описанію устройства нашихъ государственныхъ учрежденій онъ предпосылаетъ лишь краткое указаніе на различіе системъ администраціи (индивидуализмъ — гувернаментализмъ) и системъ административной организаціи (реальная — провинціальная, коллегіальная и бюрократическая). Не указано даже, въ чемъ заключается различіе суда и управленія.

Вышедшіе два выпуска „Пособія" заключаютъ въ себѣ еще меньше, чѣмъ первый томъ сочиненія г. Андреевскаго. Первый выпускъ содержитъ ученіе объ организаціи верховной власти, второй — о центральныхъ учрежденіяхъ. На сколько можно судить по вышедшимъ выпускамъ, главныя заслуги г. Романовича-Славатинскаго въ разработкѣ догмы государственнаго права сводятся къ двумъ: 1) имъ значительно подвинуто впередъ историческое выясненіе современнаго государственнаго строя, и 2) по вопросу о формѣ нашего государственнаго устройства отброшены господствовавшія дотолѣ системы идеализаціи дѣйствующаго порядка, или умалчиванія объ немъ, а прямо изложено дѣйствительное положеніе вещей.

Послѣднимъ по времени является курсъ А. Д. Градовскаго, также еще незаконченный. До сихъ поръ вышли только два тома: первый посвященъ изложенію русскаго государственнаго устройства; второй вмѣстѣ съ готовящимся третьимъ томомъ имѣютъ своимъ предметомъ органы управленія. Это та-же система, что у Дюгамеля, съ нѣкоторыми измѣненіями въ подробностяхъ содержанія главныхъ отдѣловъ Но у Дюгамеля это только рамки, взятыя у германскихъ ученыхъ; въ нихъ онъ размѣстилъ матеріалъ свода; подраздѣленія каждаго отдѣла только внѣшнимъ образомъ сопоставлены между собой. Г. Градовскій стремится сдѣлать изъ каждаго отдѣла, какъ изъ „устройства", такъ и изъ „управленія", нѣчто цѣлое, положивъ въ основу каждаго одно основное начало, долженствующее, по мысли автора, проникнуть всѣ отдѣльныя части, связать ихъ неразрывнымъ образомъ.

Въ ученіи о государственномъ устройствѣ такимъ связующимъ, основнымъ началомъ является идея „законности". Авторъ какъ-бы возстановляетъ нарушенную было преемственность развитія догматической разработки права. У него, также какъ и въ сочиненіяхъ начала этого столѣтія, сказывается (я говорю о первомъ томѣ) стремленіе

излагать преимущественно не то, что есть, а скорѣе идеализированную дѣйствительность.

Авторъ однако измѣняетъ прежнимъ образцамъ идеализаціи нашего государственнаго строя именно настолько, насколько измѣнились идеи и съ ними идеалъ въ движеніи нашего законодательства. До изданія Свода Законовъ, рядомъ съ понятіемъ закона, какъ общаго постояннаго правила, сохранялось и представленіе объ „Уложеніи", какъ законѣ въ формальномъ смыслѣ. Въ Наказѣ говорилось о несогласіи отдѣльнаго указа съ уложеніемъ; въ Сводѣ о несогласіи подписаннаго указа съ неподписаннымъ. Сообразно съ этимъ измѣнилось и пониманіе „законности" въ изложеніи г. Градовскаго. У него это уже болѣе не управленіе по общимъ постояннымъ правиламъ, а какъ будто только по правиламъ изданнымъ за подписью. Указъ подписанный — это законъ; указъ словесный — простое распоряженіе, не имѣющее силы отмѣнить законъ (I ст. 51). Но подпись не можетъ, конечно, сама собою гарантировать ни постоянства въ постановленіи, ею закрѣпляемомъ, ни его общности; она не гарантируетъ даже обдуманности: при массѣ бумагъ, подлежащихъ подписи, она дѣлается настолько привычнымъ, зауряднымъ дѣломъ, что выполняется почти автоматически Такимъ образомъ подпись гарантируетъ единственно аутентичность (т. е., подлинность). [1]) Однако каковы-бы ни были преимущества управленія по подписаннымъ повелѣніямъ, внимательное разсмотрѣніе основныхъ законовъ убѣждаетъ, что они еще не вполнѣ его обезпечиваютъ. Это воззрѣніе автора произошло кажется намъ отъ неправильнаго смѣшенія словесныхъ повелѣній съ объявляемыми указами. Ст. 55 говоритъ, что словесныя повелѣнія излагаются въ видѣ объявляемыхъ указовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что подъ „объявленіемъ" технически разумѣется дѣйствіе лица, сообщающаго непосредственно или посредственно полученное имъ словесное повелѣніе. Поэтому словесное повелѣніе для лица непосредственно его получающаго не есть „указъ объявляемый", ибо тутъ не можетъ еще имѣть мѣсто „объявленіе". Статья же 77-я говоритъ только о „предписаніи, содержащемъ въ себѣ объявленіе Высочайшаго повелѣнія" и потому не можетъ имѣть силы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ такого „предписанія, содержащаго въ себѣ объявленіе Высочайшаго повелѣнія". Другими словами: „окончательному разрѣшенію" Сената можетъ быть предоставлено лишь такое предписаніе, а не словесное повелѣніе, полученное непосредственно. Въ виду этого и ст. 340 уложенія о наказаніяхъ нельзя утверждать, что у насъ обезпечена исключительная сила подпи-

---

[1]) Преувеличеніе значенія подписи, дѣлаемое авторомъ, можетъ быть еще нагляднѣе скажется, если сравнить, какъ относятся къ этому вопросу напр. французы. Cormenin ограничивается указаніемъ *въ подстрочномъ примѣчаніи* на постановленіе государственнаго совѣта 20 января 1823 «qu'une décision rendue par un ministre ne peut être considérée autrement que comme une décision ministérielle, lors même qu'il y serait énoncé que le ministre qui l'a rendue, avait pris préalablement les ordres du roi, si, d'ailleurs, elle n'est pas signée par le roi». И такъ обязательность подписи поставлена тамъ гораздо тверже, и все-таки всему этому не придаютъ значенія основнаго начала.

санныхъ указовъ. Подписанный указъ и словесное повелѣніе для лица непосредственно ихъ получающаго имѣютъ равную силу.

Такимъ образомъ изложеніе автора не согласно съ дѣйствительностью, и даже съ прямымъ смысломъ статей закона, если взять ихъ въ совокупности; между отдѣльными статьями можно найдти подтверждающія воззрѣнія автора, но они обезсилены другими. Съ другой стороны, идеальное начало, которое авторъ желаетъ видѣть въ дѣйствующемъ у насъ узаконенномъ порядкѣ, само по себѣ, по самому своему существу неудовлетворительно. Подпись (т. е., подлинность законодательнаго акта) въ вопросахъ государственнаго устройства имѣетъ слишкомъ второстепенное, внѣшнее значеніе, чтобы въ ней видѣть достаточно разумную цѣль для стремленій общества. Въ этомъ отношеніи отъ насъ какъ будто отодвинулись далеко назадъ лучшіе политическіе идеалы писателей стараго александровскаго времени. [1]) Восьмая глава основныхъ законовъ есть не болѣе, какъ Сводъ отрывковъ изъ памятниковъ весьма различныхъ эпохъ, отрывковъ разрозненныхъ, другъ другу противорѣчащихъ. Тотъ порядокъ вещей, какой установляется ихъ содержаніемъ, не есть сознательно поставленная правительствомъ самому себѣ программа, какъ это было въ Наказѣ, въ манифестахъ Александра I; установляемый ими порядокъ вещей есть случайный результатъ быстрой смѣны правительственныхъ программъ и не соотвѣтствуетъ ни одной изъ нихъ.

Гораздо важнѣе представляется намъ вторая часть курса г. Градовскаго объ органахъ управленія. Въ основу ученія объ органахъ управленія онъ кладетъ понятіе должности въ томъ смыслѣ, какъ оно было выставлено еще Аристотелемъ, и получило плодотворное развитіе какъ у нѣмцевъ (Amt), такъ и у французовъ (pouvoir). Этимъ авторъ ставитъ себя въ дѣйствительно научное отношеніе къ предмету. Онъ не ограничивается простымъ описаніемъ того, что есть, но и не переходитъ въ другую крайность — излагать то, чего нѣтъ и никогда не было. Онъ изучаетъ нашу административную организацію какъ частную форму явленія, общаго всякому государственному быту.

Научное основаніе должно было повести и къ вѣрной классификаціи различныхъ государственныхъ учрежденій. Классификація эта дѣйствитель-

---

[1]) Не можемъ не замѣтить, что даже одно прочное обезпеченіе «подписи» (т. е., подлинности) законодательныхъ актовъ есть само по себѣ немаловажное пріобрѣтеніе въ неограниченной монархіи и значительная гарантія законности (т. е., правомѣрности) въ государственной жизни. А такая гарантія едва ли не существеннѣе въ практическомъ отношеніи многихъ, хотя и возвышенныхъ и благородныхъ, по весьма отвлеченныхъ и туманныхъ политическихъ идеаловъ первой четверти нынѣшняго столѣтія (въ особенности въ Россіи). Практичность (лучше сказать историческая конкретность) теоретическихъ идей нашего времени есть безъ сомнѣнія успѣхъ въ развитіи государственной науки, не только у насъ, но и въ западной Европѣ. Само собою разумѣется, что эта конкретность современныхъ политическихъ идеаловъ, не воздымающихся высоко надъ дѣйствительною историческою почвою и не отрывающихся отъ земли, можетъ казаться менѣе привлекательной, чѣмъ высокіе идеалы стараго времени, но она неизмѣримо полезнѣе для дѣйствительной жизни всякаго народа, для его насущныхъ нуждъ, чѣмъ эти идеалы, потерпѣвшіе всюду столько крушеній въ соприкосновеніи съ исторической дѣйствительностью. *Ред.*

но установлена авторомъ, въ чемъ и должно признать его несомнѣнную и крупную заслугу, но, страннымъ образомъ, эта классификація, вполнѣ согласная съ различной природой учрежденій, находится во многихъ случаяхъ въ противорѣчіи съ принятымъ имъ понятіемъ о должности. Авторъ дѣлитъ всѣ наши государственныя установленія на двѣ группы: на учрежденія управленія верховнаго и учрежденія управленія подчиненнаго, сообразно тому, имѣетъ ли данное учрежденіе опредѣленную власть или нѣтъ. Учрежденія, не имѣющія опредѣленной степени власти, а только содѣйствующія совѣщательнымъ образомъ осуществленію власти государя, относятся къ учрежденіямъ верховнаго управленія; имѣющія опредѣленную степень собственной власти — къ управленію подчиненному. Основаніемъ для такой классификаціи послужила автору и ст. 80 основныхъ законовъ. Дѣленіе это совсѣмъ не то, что дѣленіе на „высшія" и „нисшія" инстанціи. По этой классификаціи, Сенатъ есть несомнѣнно высшее учрежденіе, но тѣмъ не менѣе относится къ учрежденіямъ управленія подчиненнаго, потому что имѣетъ опредѣленную степень самостоятельной власти. Къ учрежденію верховному относятся только Государственный совѣтъ, совѣтъ министровъ и комитетъ министровъ (т. II, стр. 48). Не трудно замѣтить, что такая классификація имѣетъ основаніе гораздо болѣе вѣрное, чѣмъ ст. 80 основныхъ законовъ: это основаніе заключается въ понятіи должности потому, что только учрежденія управленія подчиненнаго подойдутъ подъ это понятіе, какъ имѣющія самостоятельную власть. Между тѣмъ авторъ такъ мало обратилъ вниманія на теоретическое значеніе принятой имъ классификаціи, что не только считаетъ ст. 80 и 81 осн. законовъ единственнымъ ея основаніемъ, но даже, какъ это ни странно, относитъ прямо всѣ учрежденія верховнаго управленія къ разряду должностей. Особенно непонятенъ такой образъ дѣйствія по отношенію къ государственному совѣту, такъ какъ Штейнъ, на котораго авторъ прежде другихъ ссылается, разбирая понятіе должности, рѣшительно выдѣляетъ государственный совѣтъ изъ разряда должностей. Все это, конечно, не могло не отозваться невыгодно и на выставленной авторомъ классификаціи. Давая согласную съ существомъ дѣла группировку учрежденій, онъ не осмысливаетъ ее вполнѣ теоретически. Въ его изложеніи остается невыясненнымъ, какимъ образомъ, если всякая „должность предназначена къ осуществленію опредѣленныхъ задачъ государства" (стр. 6), могутъ существовать въ государствѣ учрежденія только содѣйствующія другому органу государства въ осуществленіи имъ такихъ цѣлей. Въ изложеніи автора организація государственнаго совѣта, совѣта и комитета министровъ является какой-то аномаліей, теоретически совершенно безусловной. Тутъ опять, можетъ быть, сказалось идеализирующее направленіе автора. Если задача наукъ политическихъ, не въ примѣръ другимъ отраслямъ знанія, заключается въ выставленіи идеала, то несостоятельность существующихъ учрежденій съ точки зрѣнія принятой научной теоріи (при сдѣланномъ нами предположеніи равняющейся идеалу) не можетъ возбудить сомнѣнія. Напротивъ: въ несостоятельности существующаго лежитъ только большое оправданіе для стремленія къ идеалу. Но если политика не пріёмышъ въ научной

семьѣ, а кровная ея отрасль, если и она даетъ намъ не пожеланія, а знанія, дѣло ставится иначе. Если такъ, то только та теорія можетъ претендовать на совершенную научность, которая осмысливаетъ все разнообразное содержаніе дѣйствительно существующаго порядка вещей. Если бы А. Д. Градовскій обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что должность непремѣнно должна имѣть опредѣленную степень власти, то едва ли бы онъ сталъ утверждать, что всѣ органы управленія, всѣ административныя учрежденія суть должности и что различіе между органами управленія верховнаго и подчиненнаго „составляетъ отличительную особенность русскаго государственнаго права“. Государственный совѣтъ существуетъ не въ одной Россіи, но нигдѣ не удовлетворяетъ всѣмъ признакамъ, входящимъ въ понятіе должности.

Подведеніе всѣхъ административныхъ установленій подъ понятіе должности объясняетъ и принимаемое авторомъ своеобразное дѣленіе различныхъ системъ организаціи административныхъ органовъ не на двѣ, а на три: единоличную, бюрократическую и коллегіальную. Если считать, какъ это дѣлаютъ на западѣ, главнымъ признакомъ должности опредѣленную степень самостоятельной власти, то понятно, что классификація можетъ быть только двоякая: если власть принадлежитъ одному лицу — будетъ единоличная организація, если нѣсколькимъ совокупно — коллегіальная. Что же касается до того, будутъ ли къ должности присоединены для содѣйствія отправленію ея функцій другія установленія, лишенныя самостоятельной власти, напр. департаментъ, совѣщательное собраніе, то это не можетъ измѣнить организаціи самой должности. Во всякомъ случаѣ ужь если авторъ хотѣлъ различать чисто-единоличную организацію отъ единолично-бюрократической, то логичнѣе было не ставить ихъ рядомъ съ коллегіальной, а видѣть въ нихъ только подраздѣленіе единоличной, и не видно основанія, почему бы не говорить, кромѣ единолично-бюрократической организаціи, еще и объ организаціи единолично-совѣщательной и даже объ коллегіально-бюрократической, ибо существуютъ и коллегіи, къ которымъ присоединены бюро; по докладу послѣднихъ коллегіи рѣшаютъ дѣло.

Что касается пріемовъ изслѣдованія, то г. Градовскій не слѣдуетъ въ этомъ односторонности, принятой г. Романовичемъ-Славатинскимъ. Онъ даетъ въ своей книгѣ мѣсто всѣмъ разнообразнымъ пріемамъ. Жаль только, что это сдѣлано не всегда равномѣрно, такъ что отдѣльные вопросы разсмотрѣны далеко не съ одинаковою всесторонностью. Но все-таки справедливость требуетъ сказать, что десять лѣтъ, отдѣляющіе трудъ г. Градовскаго отъ курса г. Андреевскаго, прошли не безплодно для русской науки. Въ «Началахъ» г. Градовскаго примѣненіе сравнительнаго метода получило, по нѣкоторымъ отдѣламъ, гораздо большее развитіе. Въ сравнительное изложеніе внесенъ имъ историческій взглядъ, что̀ значительно возвышаетъ пользу самаго сравненія. Такъ, во второмъ томѣ нельзя не указать на сравнительно-историческій очеркъ развитія должности. Кромѣ того авторомъ внесенъ настоятельно требуемый временемъ критическій элементъ, хотя пока и въ скромныхъ размѣрахъ, и только во второмъ томѣ, по вопросу напр. объ организаціи государственнаго совѣта.

Догматическое изложеніе является у г. Градовскаго несравненно подробнѣе, нежели въ прежде вышедшихъ трудахъ. Во второмъ томѣ, мы находимъ даже такія подробности относительно организаціи нѣкоторыхъ учрежденій, какихъ не содержится ни въ одномъ изъ общедоступныхъ печатныхъ изданій правительства и, сколько можно судить по предисловію, авторъ собралъ эти свѣдѣнія отъ должностныхъ лицъ.

Но еще важнѣе этой большей подробности, представляется намъ то, что въ изложеніи автора догматическій элементъ начинаетъ утрачивать тотъ исключительно описательный характеръ, какой установился въ нашей литературѣ государственнаго права еще начиная съ книги Ил. Васильева. Въ „Началахъ“ сказывается юридическая точка зрѣнія, въ особенности въ ученіи о законѣ и о функціяхъ отдѣльныхъ государственныхъ учрежденій. Разъ рѣшившись ограничиваться лишь разборомъ однихъ общихъ вопросовъ, мы не можемъ въ настоящей статьѣ войти въ оцѣнку частностей изложенія г. Градовскаго. Но и то немногое, что было разсмотрѣно нами, даетъ уже возможность опредѣлить общую заслугу его книги. Авторъ ставитъ вопросъ нашего государственнаго устройства и государственнаго управленія на ту почву, на какую ставитъ ихъ современное состояніе юридической науки на западѣ. Съ его отвѣтами на эти вопросы можно, какъ мы видѣли, не соглашаться, но нельзя, во всякомъ случаѣ, не признать, что онъ первый въ своей книгѣ, не ограничиваясь историческими разъясненіями отдѣльныхъ институтовъ, далъ имъ теоретическое юридическое освѣщеніе, осмыслилъ ихъ какъ *юридическіе* институты, а не только какъ историческіе факты вообще. И надо, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказать, что въ общемъ трактатѣ постановка вопросовъ важнѣе всего; пожалуй въ такой постановкѣ и заключается собственно особенная задача такихъ трактатовъ въ отличіе отъ работъ монографическихъ.

Сдѣланный нами очеркъ развитія догматической разработки русскаго государственнаго права конечно нельзя назвать полнымъ. Въ него вовсе не вошло разсмотрѣніе монографическихъ работъ. Мы исключили ихъ потому, что какъ по своему достоинству, такъ въ особенности по небольшому числу, они не имѣли значительнаго вліянія на общій ходъ развитія науки. Кромѣ того, я рѣшился касаться только общихъ основныхъ вопросовъ.

Несравненно важнѣе можетъ казаться другой пробѣлъ въ нашей статьѣ. Развитію науки способствуютъ не одни печатные курсы, но въ равной, а у насъ пожалуй еще въ большей, степени и университетскія лекціи. Но внести въ свой очеркъ разсмотрѣніе ненапечатанныхъ курсовъ мы не считали себя въ правѣ.

Н. Коркуновъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО (ИСТОРІЯ).

Древніе города Россіи. (Сборн. Гос. Зн. II томъ, рецензія Ф. И. Леонтовича на книгу Д. Я. Самоквасова „Древніе города Россіи“).

Во второмъ томѣ Сборника Государственныхъ Знаній была напечатана критика г. Леонтовича на мое сочиненіе „Древніе города Россіи“. На эту критику я и желаю здѣсь отвѣтить. Объемъ рецензій, допускаемыхъ въ Сборникѣ Государственныхъ Знаній, не дозволяетъ мнѣ сдѣлать здѣсь полный разборъ статьи г. Леонтовича [1]; но для общей ея характеристики достаточно разобрать нѣсколько страницъ.

„Сочиненіе г. Самоквасова, говоритъ г. Леонтовичъ, начинается введеніемъ о современномъ состояніи въ наукѣ историческихъ вопросовъ о русскомъ городѣ *и его происхожденіи*“. (Др. г. Рос. ст. 1—32) [2]. Но въ первой главѣ моего сочиненія я ни слова не говорю о происхожденіяхъ города; она посвящена изложенію господствующихъ въ литературѣ воззрѣній по общимъ вопросамъ исторіи русскаго города (Д. г. Р. 1—21) *и критикѣ этихъ воззрѣній* (тамъ же, 21—32). Во второй главѣ, продолжаетъ критикъ, *„авторъ* раскрываетъ самыя разнообразныя значенія, придававшіяся у насъ въ старину слову „городъ“, *и полагаетъ,* что предметомъ историко-юридическаго изученія исторіи древне-русскаго города *можетъ быть взято хоть* древнѣйшее его понятіе, какъ укрѣпленнаго пункта народнаго населенія“ [3]. Напротивъ, цѣль второй главы моего сочиненія состояла именно въ томъ, чтобы доказать, что „предметомъ исторіи древне-русскаго города *должны быть* города въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія“ (тамъ же, стр. 72), что въ древней Россіи не было городовъ въ смыслѣ административныхъ и промышленныхъ центровъ, что произволъ въ пониманіи значенія древне-русскаго города различными писателями былъ главною причиною существующихъ въ литературѣ недоразумѣній по этому предмету (тамъ же, стр. 29—31).

Въ изложеніи доказательствъ моей теоріи развитія народныхъ поселеній въ Россіи одно изъ главнѣйшихъ доказательствъ пропущено (сравнительная аналогія съ другими народами), а другое искажено (сравнительная аналогія съ заселеніемъ русскимъ народомъ Азіатской Россіи, востока, юго-востока и юга Европейской Россіи) (тамъ же, стр. 145—151). Наконецъ, изложеніе содержанія моей книги оканчивается у г. Леонто-

---

[1]) Признавъ нашею обязанностью помѣстить здѣсь отвѣтъ г. Самоквасова, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ нужнымъ объяснить, что просили его сократить свой отвѣтъ, вслѣдствіе ограниченнаго объема нашего изданія и значительнаго накопленія матерьяловъ для него. Въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ Сборника Госуд. Знаній г. Самоквасовъ предполагаетъ изложить свой общій взглядъ на исторію русскихъ городовъ и посвятить этому вопросу самостоятельную статью. Вслѣдъ за симъ, мы считаемъ нашею обязанностью напечатать и возраженіе нашего сотрудника, Ф. И. Леонтовича. *Ред.*

[2]) Сб. Госуд. Знаній, стр. 35.

[3]) Тамъ же, стр. 36.

вича слѣдующимъ заключеніемъ: „основная мысль, которая проходитъ *черезъ все сочиненіе* г. Самоквасова, состоитъ въ томъ, что городъ, какъ укрѣпленный пунктъ населенія (? поселенія), былъ единственною формою общественнаго быта *до-татарской Руси*, исходнымъ моментомъ, съ котораго началось историческое развитіе общественности русскихъ славянъ“ [1]. Что городъ былъ исходнымъ моментомъ общественности русскихъ славянъ, — это основная мысль *не всего моего сочиненія, но только моей теоріи развитія народныхъ поселеній въ Россіи,* которая занимаетъ въ моемъ изслѣдованіи только 16 страницъ и играетъ второстепенную роль, какъ объясненіе факта существованія множества городовъ-крѣпостей въ Россіи до-татарскаго времени. Мысль же, что городъ былъ *единственно возможною формою общественнаго быта до-татарской Россіи*, не принадлежитъ моему сочиненію, въ которомъ сказано: „*въ первые вѣка* русскаго государства мало по малу возникавшія *селенія* во внутреннихъ княжествахъ тѣснились къ городамъ, какъ можно ближе“ (стр. 157).

При такомъ невниманіи къ дѣйствительному содержанію критикуемаго сочиненія, г. Леонтовичъ едва-ли могъ написать основательную, полезную для науки критику.

Противъ первой главы моего изслѣдованія направлены критикомъ три обвиненія: 1) въ рѣзкости моихъ отзывовъ о воззрѣніяхъ ученыхъ, посвящавшихъ свои труды рѣшенію общихъ вопросовъ исторіи русскаго города; 2) въ неполнотѣ перечисленія воззрѣній ученыхъ по сказаннымъ вопросамъ, и 3) въ ненадлежащей оцѣнкѣ этихъ воззрѣній. 1) „Замѣтимъ прежде всего, говоритъ критикъ, что авторъ слишкомъ рѣзко отзывается о трудахъ своихъ предшественниковъ. По большей части историки въ своихъ выводахъ основываются здѣсь на фактахъ точныхъ и въ большинствѣ вѣрно понятыхъ“. Это заявленіе совершенно голословно и противорѣчитъ фактамъ, собраннымъ въ моей книгѣ, гдѣ приведено 22 мнѣнія ученыхъ по общимъ вопросамъ исторіи русскаго города, противорѣчащихъ одно другому и основанныхъ на предположеніяхъ и невѣрномъ толкованіи историческихъ свидѣтельствъ, а не точныхъ и вѣрно понятыхъ историческихъ фактовъ (стр. 1—31). Въ доказательство же рѣзкости моихъ отзывовъ критикомъ не приведено ни одного примѣра. 2) „Перечисляя мнѣнія историковъ, продолжаетъ критикъ, автору слѣдовало бы позаботиться *о возможной полнотѣ* такого перечисленія *и о надлежащей оцѣнкѣ этихъ мнѣній.* По вопросу о политическомъ значеніи городовъ, авторъ, напримѣръ, вовсе умалчиваетъ о воззрѣніяхъ гг. Костомарова, Градовскаго, Сергѣевича и Бестужева-Рюмина“. Но въ моей книгѣ собраны *всѣ* мнѣнія, существующія въ литературѣ по общимъ вопросамъ исторіи русскаго города, отличающіяся чѣмъ либо одно отъ другаго. По вопросу о значеніи городовъ въ составѣ политическихъ учрежденій древней Россіи въ моемъ сочиненіи приведены мнѣнія гг. Шлецера, Ходаковскаго, Погодина, Соловьева, Бѣляева, Гильфердинга, Макушева, Срезневскаго, Корсакова, Антоновича, Чичерина, Хлѣбникова, Плошинскаго, Владимірскаго-Буданова, Бестужева-Рюмина, Костомарова, Градовскаго, Сер-

---

[1]) Тамъ же, стр. 37.

гѣевича и Горчакова. Я положительно утверждаю, что въ литературѣ не осталось ни одного оригинальнаго мнѣнія, не указаннаго въ моей книгѣ. На этомъ основаніи авторъ одного новѣйшаго сочиненія по устройству и управленію городовъ ссылается на мое изслѣдованіе, какъ на сочиненіе, въ которомъ собраны *всѣ* литературныя мнѣнія по вопросамъ о времени появленія городовъ въ Россіи и ихъ значеніи въ составѣ политическихъ учрежденій древней Россіи [1]). 3) Обвиненіе въ ненадлежащей оцѣнкѣ собранныхъ мною мнѣній ученыхъ также бездоказательно. Прежде заявленія этого обвиненія критику слѣдовало опредѣлить, что̀ онъ разумѣетъ подъ надлежащей оцѣнкой, а затѣмъ, указать мотивы, по которымъ предложенная мною оцѣнка должна быть признана ненадлежащей; этого критикъ не сдѣлалъ (Д. г. Р., стр. 20—33).

О второй главѣ моего сочиненія г. Леонтовичъ даетъ слѣдующій отзывъ: „ученіе автора объ историческомъ развитіи понятія о городѣ наименѣе разработано, отличается путаницей понятій и опредѣленій, слѣдующихъ одно за другимъ *по одному и тому же предмету*. Читатель, мало знакомый съ дѣломъ, можетъ совершенно сбиться *въ массѣ предполагаемыхъ авторомъ опредѣленій* древняго значенія слова городъ“ [2]). Съ этимъ приговоромъ я совершенно не согласенъ. Напротивъ, мое ученіе объ историческомъ развитіи понятія о городѣ въ древности стоило мнѣ большаго труда и, я думаю, составляетъ лучшую часть моей книги по богатству фактическаго матерьяла, ясности изложенія и важности содержанія для науки. Строгій критикъ *не понялъ моего ученія*, потому что просмотрѣлъ въ немъ самыя существенныя основныя мысли. Дѣло въ томъ, что масса опредѣленій древне-русскаго города дана *не мною*, какъ утверждаетъ критикъ, *а источниками*, и относится *не къ одному предмету, а ко многимъ предметамъ*, называвшимся въ древности однимъ словомъ „городъ“. Вторая глава моей книги начинается слѣдующимъ тезисомъ: „слову городъ *въ древне-русскомъ языкѣ* соотвѣтствовало множество значеній, по современнымъ намъ понятіямъ, *неимѣющихъ ничего общаго, какъ между собою, такъ и съ новѣйшимъ понятіемъ о городѣ*“. Перечисляя всѣ значенія слова „городъ“ въ историческихъ памятникахъ, я долженъ былъ обратить вниманіе на всевозможные оттѣнки. Въ концѣ второй главы, масса древнихъ значеній слова городъ сведены мною только къ тремъ прямымъ и двумъ переноснымъ значеніямъ и опредѣлено то изъ нихъ, въ какомъ городъ долженъ быть предметомъ спеціальнаго изученія (Д. г. Р., стр. 71—73). Это уже *мои* опредѣленія древне-русскаго города; но объ нихъ въ критикѣ г. Леонтовича не находимъ ни одного слова. „Авторъ, продолжаетъ г. Леонтовичъ, напрасно *изобрѣтаетъ* такія произвольныя понятія, какъ „городъ-провинція“; „городъ-волость-земля-государство“; „городъ-пригородъ-уѣздъ-провинція“ и пр. Все это только вводитъ путаницу въ простыя научныя понятія, нисколько не объясняетъ самой сущности дѣла“. „*Я не изобрѣталъ* произвольныхъ понятій города-земли, го-

---

[1]) *Дитятинъ*. Уст. и уп. гор., стр. 111 и 112.
[2]) Сб. Гос. Зн., стр. 38.

рода-провинціи и пр., *а доказывалъ только, что въ источникахъ* слово городъ имѣетъ смыслъ сказанныхъ понятій. Знатокамъ историческихъ памятниковъ это значеніе города давно извѣстно. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ напр. г. Костомаровъ: „въ древности *земля и городъ были равнозначительны... словомъ городъ замѣняли слово земля*"; позже слово городъ измѣнило прежнее значеніе, говорилось на Москвѣ, *и въ городахъ*, какъ теперь говорится въ столицѣ, *и провинціяхъ..* " [1]) Сопоставленіе древнихъ значеній слова городъ съ соотвѣтствующими ему словами другихъ народовъ доказываетъ, что понятіе словъ, славянскаго градъ, греческаго polis, латинскаго civitas и германскаго Stadt, развивалось по одному закону. Такъ, греческое polis первоначально имѣетъ значеніе укрѣпленія [2]); затѣмъ, значеніе укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія [3]) и, наконецъ, значеніе территоріи всей общины и всего государства [4]). Тѣ же значенія соотвѣтствуютъ въ древнихъ памятникахъ латинскому слову civitas и германскому слову Stat, Stad, Stadt. Латинскія выраженія „civitatem aedificare"; „civitatem construere"; „civitatem condere", и германскія выраженія: „Stat vestenen", „Stat pauen (bauen), Stad, Stadt machen", означаютъ тоже самое, что древне-славянское „срубить городъ", „поставить городъ", „построить городъ", и пр. [5]). Затѣмъ, латинское civitas и германское Stat, какъ греческое polis и славянское градъ означаютъ укрѣпленный пунктъ народнаго поселенія [6]). Наконецъ, въ значеніи территоріи цѣлаго государства, слово civitas встрѣчается у древнихъ писателей на каждомъ шагу, а слово Stat сохранило его до настоящаго времени, въ Америкѣ и въ нѣсколько измѣненной формѣ Staat, въ Германіи. Одинаковая исторія понятія, соотвѣтствовавшаго первоначально у различныхъ народовъ словамъ „городъ, polis, civitas и Stadt"—фактъ несомнѣнный и въ высшей степени важный для науки. Если-бы г. Леонтовичъ вдумался въ этотъ фактъ и попробовалъ объяснить себѣ его происхожденіе, не отклонилъ отъ себя этого труда, подъ видомъ неясности моего изложенія, то понялъ бы содержаніе моей книги, ея значеніе для науки и отказался бы отъ своихъ строгихъ приговоровъ. Объяснить этотъ фактъ можно только способомъ такимъ, и такъ, какъ это сдѣлано въ моей книгѣ. Одинаковое развитіе понятія, соотвѣтствовавшаго въ древности у разныхъ народовъ словамъ „polis, civitas, Stadt и городъ", не можетъ быть случайностью. Оно указываетъ на одинаковую форму первичныхъ поселеній греческаго, римскаго, германскаго и славянскаго народовъ (Д. г. Р. ст. 25, 47 и слѣд.). Далѣе критикъ утверждаетъ, что въ моей книгѣ существуетъ гипотеза, по которой, въ Московскомъ періодѣ, города были населены исключительно

---

[1]) Современникъ 1860 г. № 3, ст. 8. Вѣст. Ев. 1870 г. т. VI, стр. 28.

[2]) Вахсмутъ. Hellenische Alterthumskunde, I, с. 316, 317.

[3]) См. Өукидидъ. Пелопонесская война, кн. VI гл. 3—5 и др. Политика Аристотеля кн. IV, г. 10, 11 и др.

[4]) См. Полит. Аристотеля, гл. I и др. Пропилеи т. III, стр 17.

[5]) См. Maurer, Geschichte der Stadtverfassung in Deutschland, 1869 г. стр. 30,, 44, 45.

[6]) Тамъ-же ст. 17. Тита Ливія. Исторія Римскаго народа; кн. I, §§ 8, 33 38 и др.

служилыми людьми, а промышленные классы жили въ поселеніяхъ уѣздныхъ, сельскихъ: въ посадахъ, селахъ и хуторахъ. „Авторъ, говоритъ онъ, построилъ смѣлую гипотезу о томъ, что въ Московскую эпоху русскіе города превратились въ мѣста жительства высшихъ лицъ привилегированныхъ классовъ, въ группы служилыхъ военныхъ людей, приписанныхъ къ укрѣпленнымъ пунктамъ для ихъ защиты и въ нихъ жившихъ... Гипотеза эта, продолжаетъ критикъ, рѣшительно не оправдывается фактами и показываетъ только малое знакомство автора съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Откуда авторъ узналъ, что въ русскихъ городахъ XVI и XVII столѣтій жили только высшіе классы, какъ непремѣнные жильцы городовъ, а классы неслужилые были вытѣснены изъ городовъ людьми служилыми? Факты, напротивъ, говорятъ совсѣмъ иное.“ Но въ моей книгѣ нѣтъ такой гипотезы.[1]) Въ моей книгѣ говорится слѣдующее: „древне-русскій городъ заключалъ въ себѣ двѣ части: 1) мѣсто внутри укрѣпленія, городъ собственно, кремль „городняя осада“ и 2) заселенныя мѣстности, лежавшія непосредственно за укрѣпленіемъ, внѣ его, называвшіяся „мѣста, застѣнья, предмѣстья и посады.“ Осада-кремль и посадъ-предмѣстье соединялись въ одномъ понятіи города, подобно тому какъ нынѣ въ понятіи города соединяются представленія о центральной части города и его предмѣстьяхъ... Въ Московскій періодъ городъ собственно, осада-кремль, былъ мѣстомъ пребыванія преимущественно лицъ служилаго сословія и мѣстомъ помѣщенія правительственныхъ, государственныхъ учрежденій, а промышленные классы жили преимущественно на посадахъ, внѣ городовъ-кремлей; тамъже помѣщались земскія и общественныя учрежденія“ (Др. г. Р. стр. 30, 45—47, 63, 64). Нигдѣ въ моемъ сочиненіи не говорится, что въ Московскую эпоху посады были поселеніями сельскими, уѣздными, изолированными отъ городовъ, и критика г. Леонтовича (на страницахъ 40—58) не имѣетъ объекта, критикуетъ не мое воззрѣніе, а гипотезу, приписанную мнѣ самимъ имъ. Выписки, приведенныя имъ изъ писцовыхъ книгъ, не опровергаютъ, а подтверждаютъ мое ученіе; онѣ доказываютъ, какъ и мое сочиненіе, что городъ московской эпохи состоялъ изъ Кремля и посада, въ Кремлѣ помѣщались правительственныя учрежденія и жилъ воевода съ его штатомъ, а на посадѣ помѣщались преимущественно земскія учрежденія и жили посадскіе промышленные люди.

Я не имѣю возможности прослѣдить здѣсь дальнѣйшую критику г. Леонтовича, столько же неосновательную, какъ и разобранное начало.... Тяжелое впечатлѣніе произвела на меня эта критика: г. Леонтовичъ, почти на каждой страницѣ, приписываетъ моему сочиненію гипотезы, какихъ въ немъ нѣтъ и критикуетъ эти гипотезы, какъ мои, умалчиваетъ о главныхъ доказательствахъ моихъ воззрѣній и критикуетъ второстепенныя, какъ единственныя или главныя, въ выпискахъ изъ моей книги пропускаетъ слова и выраженія и тѣмъ измѣняетъ смыслъ подлинника, и такимъ образомъ старается доказать, что въ моемъ сочиненіи нѣтъ ни одного положенія, основательно доказаннаго. Думаю, что мое изслѣдованіе заслуживаетъ болѣе тщательнаго изученія и болѣе серьезной и справедливой оцѣнки. Пред-

---

[1]) Сб. Г. З. ст. 40.

метомъ его служатъ самые существенные вопросы исторіи древне-русскихъ политическихъ учрежденій; рѣшить эти вопросы я старался самостоятельнымъ путемъ, при посредствѣ изученія первичныхъ источниковъ и былъ бы крайне обязанъ за указаніе дѣйствительныхъ ошибокъ въ моихъ работахъ, которыя неизбѣжны при современномъ состояніи нашей историко-политической науки. Критика г. Леонтовича, не указываетъ на дѣйствительныя ошибки въ моемъ сочиненіи; ея аргументаціи *я не могу уступить ни одного положенія моей книги.*

Д. Самоквасовъ,

профессоръ имп. варшавскаго университета.

Возраженіе г. Самоквасову.

Прочитавъ отвѣтъ г. Самоквасова на мою критику его книги (сообщенный мнѣ редакціей Сборника Государственныхъ Знаній), я ограничусь здѣсь только возраженіемъ на полемическіе пріемы, которыми руководится онъ, желая защитить научное значеніе своей книги. Г. Самоквасовъ обвиняетъ меня между прочимъ въ томъ, что я будто бы „приписываю ему гипотезы, какихъ нѣтъ въ его сочиненіи, критикую эти гипотезы, какъ его, умалчиваю о главныхъ доказательствахъ его воззрѣній“ и пр. Все это голословныя обвиненія, рѣшительно ничѣмъ не доказанныя. Не менѣе голословно утверждаетъ г. Самоквасовъ, что въ выпискахъ изъ его книги я пропускаю слова и выраженія и тѣмъ измѣняю смыслъ подлинника, и такими средствами стараюсь доказать, что въ его сочиненіи нѣтъ ни одного положенія основательно доказаннаго. Дѣло въ томъ, что *самъ* г. Самоквасовъ вполнѣ заслуживаетъ обвиненія въ подобныхъ пріемахъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Въ своемъ отвѣтѣ г. Самоквасовъ такъ возражаетъ на мою замѣтку о московскихъ городахъ: „Критикъ утверждаетъ, что въ моей книгѣ существуетъ гипотеза, по которой въ московскій періодъ города были населены исключительно служилыми людьми, а промышленные классы жили въ поселеніяхъ уѣздныхъ, сельскихъ: въ посадахъ, селахъ и хуторахъ“..... „Авторъ, говоритъ онъ, построилъ смѣлую гипотезу и пр..... Но въ моей книгѣ нѣтъ такой гипотезы“. За тѣмъ, въ видѣ опроверженія, г. Самоквасовъ приводитъ цитату (въ кавычкахъ), будто бы взятую изъ его книги. Но вотъ точное сопоставленіе того, что сказано въ моей статьѣ и книгѣ г. Самоквасова.

Въ моей статьѣ:	*Въ книгѣ г. Самоквасова:*
„Авторъ построилъ смѣлую гипотезу о томъ, что въ московскую эпоху русскіе города превратились въ мѣста жительства высшихъ лицъ, привиллегированныхъ классовъ, въ *груп-*	„Городомъ называлась совокупность лицъ служилаго класса, *приписанныхъ къ данному укрѣпленному пункту,* какъ военному центру, *для его защиты*“ (стр. 40).

пы служилыхъ, военныхъ людей, приписанныхъ къ укрѣпленнымъ пунктамъ для ихъ защиты, и въ нихъ жившихъ" (стр. 39—40).

„Городами, въ личномъ переносномъ смыслѣ, стали называться *группы служилыхъ военныхъ людей, приписанныхъ къ укрѣпленнымъ пунктамъ для ихъ защиты и въ нихъ жившихъ*" (стр. 70).

Ясно, что у меня буквально воспроизводится лишь то, что сказано въ книгѣ г. Самоквасова. Но вотъ еще цѣлый рядъ цитатъ, неумолимо доказывающихъ, что сказанная гипотеза весьма отчетливо развита г. Самоквасовымъ. (*Стр. 46—47*). „Ко времени Московскаго государства измѣнилось и значеніе старыхъ городовъ древней Россіи: изъ мѣстъ жительства общины, не имѣющей сословнаго характера, *они превращаются въ мѣста жительства высшихъ лицъ привиллегированныхъ классовъ* (у меня это мѣсто дословно воспроизведено въ началѣ помѣщенной выше, параллельной цитаты) и въ мѣста, гдѣ помѣщаются учрежденія, имѣющія общегосударственное значеніе. Въ Московской Россіи внутри городскихъ укрѣпленій *жили только лица мужскаго, военнаго сословія, духовенство и приказные люди; классы промышленные, торговые, ремесленные люди и земледѣльцы-крестьяне были вытѣснены (!) изъ городовъ и селились внѣ городскихъ укрѣпленій, образуя посады, слободы, села, деревни и хутора*... Въ Московскій періодъ эти (города) были военно-административные пункты, *населенные лицами высшихъ классовъ, служилыми и приказными людьми. Классы торговые и ремесленные жили преимущественно внѣ городовъ, „на посадахъ", не имѣвшихъ значенія городовъ*".

Стр. 62: „Въ нихъ (въ посадахъ въ историческое время) живетъ преимущественно промышленный, торговый и чернорабочій классы, въ противоположность городамъ-осадамъ какъ преимущественнымъ мѣстамъ жительства богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ классовъ: князей, бояръ, высшаго духовенства, служилыхъ людей". *Стр. 64*: „Въ періодъ Московскаго государства, мѣстомъ пребыванія лицъ служилаго сословія, военныхъ и приказныхъ людей, сдѣлалась внутренняя часть города, осада, мѣсто внутри укрѣпленія, а промышленные классы сосредоточились на внѣшней части города, внѣ ограды, на посадахъ." *Стр. 70:* „Служилые люди, получивъ привиллегированное положеніе въ обществѣ, *вытѣсняютъ* собою изъ укрѣпленныхъ мѣстностей людей неслужилыхъ, съ того времени *сосредоточившихся исключительно на посадахъ и въ уѣздахъ, въ поселеніяхъ сельскихъ*, подъ названіемъ посадскихъ людей и уѣздныхъ или крестьянъ. Въ качествѣ военныхъ защитниковъ городовъ, служилые люди сдѣлались *непремѣнными жителями* укрѣпленныхъ пунктовъ" и пр.

Въ опроверженіе сказаннаго мною о гипотезѣ, развитой во всѣхъ этихъ цитатахъ, г. Самоквасовъ умалчиваетъ о послѣднихъ, а напротивъ приводитъ въ своемъ отвѣтѣ, и именно въ кавычкахъ, цитату словъ, *которыхъ я не нахожу въ его книгѣ* въ томъ видѣ, какъ они приведены въ самомъ отвѣтѣ. Только на стр. 61, на которую г. Самоквасовъ счелъ за лучшее (и понятно, почему) вовсе не дѣлать ссылки (онъ ссылается на стр. 30, 45 — 47, 63, 64; но здѣсь нѣтъ ничего подобнаго той цитатѣ, которая приводится въ отвѣтѣ), есть начало этой ти-

рады; но дѣло въ томъ, что это мѣсто въ отвѣтѣ совершенно измѣнено, — въ немъ пропущены или измѣнены самыя главныя выраженія и вставлены другія, и тѣмъ измѣненъ смыслъ подлинника. Вотъ оба мѣста:

Въ отвѣтѣ:	*Въ книгѣ* (*стр. 61*).
„*Древне-русскій* городъ заключалъ въ себѣ двѣ части: 1) мѣсто внутри укрѣпленія, городъ собственно, *кремль* „*городняя* осада“, и 2) заселенныя мѣстности, лежавшія непосредственно за укрѣпленіемъ, внѣ его, *называвшіяся* мѣста, *застѣнья, предмѣстья* и посады. *Осада-кремль и посадъ-предмѣстье соединялись въ одномъ понятіи города, подобно тому, какъ нынѣ въ понятіи города соединяются представленія о центральной части города и его предмѣстьяхъ*“...	„*Въ древнѣйшій періодъ русской исторіи,* городъ, *въ смыслѣ укрѣпленнаго, заселеннаго пункта*, заключалъ въ себѣ двѣ части: 1) мѣсто внутри укрѣпленія—городъ собственно, „*городская* осада“, и 2) заселенныя мѣстности, лежавшія непосредственно за укрѣпленіемъ, внѣ его,—мѣста, посады, *слободы*“. (Далѣе говорится объ историческомъ происхожденіи посадовъ).

Еще болѣе измѣнена вторая половина цитаты, помѣщенной въ отвѣтѣ г. Самоквасова и, очевидно, представляющей едва узнаваемую переработку мѣста книги на стр. 64, приведеннаго мной выше. Для большей наглядности, поставлю въ параллель обѣ цитаты.

Въ отвѣтѣ:	*Въ книгѣ* (*стр. 64*).
„Въ *Московскій* періодъ *городъ собственно*, осада-*кремль* былъ мѣстомъ пребыванія *преимущественно* лицъ служилаго сословія *и мѣстомъ помѣщенія правительственныхъ, государственныхъ учрежденій*, а промышленные классы *жили преимущественно* на посадахъ, внѣ городовъ-*кремлей; тамъ же помѣщались земскія и общественныя учрежденія*“.	„Въ періодъ *Московскаго государства*, мѣстомъ пребыванія лицъ служилаго сословія, *военныхъ и приказныхъ людей*, сдѣлалась *внутренняя часть города,* осада, *мѣсто внутри укрѣпленія*, а промышленные классы *сосредоточились на внѣшней части города*, *внѣ ограды*, на посадахъ“. (Далѣе говорится о послѣдующихъ измѣненіяхъ въ значеніи городовъ, но нѣтъ ни слова ни о какихъ учрежденіяхъ земскихъ и правительственныхъ, о которыхъ говорится въ цитатѣ отвѣта).

Въ томъ же мѣстѣ г. Самоквасовъ говоритъ въ своемъ отвѣтѣ слѣдующее: „нигдѣ въ моемъ сочиненіи не говорится, что въ московскую эпоху посады были поселеніями сельскими, уѣздными, изолированными отъ городовъ“. Но во-1-хъ, я въ своей рецензіи нигдѣ не приписываю этихъ словъ г. Самоквасову; во-2-хъ, здѣсь замѣчу, что такая мысль, отчасти по крайней мѣрѣ, высказана имъ на стр. 47, гдѣ утверждается, что „посады не имѣли значенія городовъ“, — изъ чего можно, кажется, заключать, что, по мнѣнію Самоквасова, посады имѣли значеніе сельскихъ по-

селеній, хотя и не изолированныхъ отъ городовъ. Въ 3-хъ, въ своей рецензіи, на стр. 56—57, я именно ставлю г. Самоквасову въ вину, что онъ не обратилъ никакого вниманія на множество указаній источниковъ, на существованіе въ древней Россіи нерѣдко цѣлыхъ земель, не имѣвшихъ вовсе городовъ и остоявшихъ изъ, однихъ сельскихъ поселеній — посадовъ, селъ и пр., — указаній на то, что въ древней Россіи встрѣчались сплошь и рядомъ посады сельскіе, уѣздные, изолированные отъ городовъ.

Наконецъ, г. Самоквасовъ рѣшается утверждать, что выписки, приведенныя мною изъ писцовыхъ книгъ, не опровергаютъ, а подтверждаютъ его, г. Самоквасова, ученіе (но какое именно?). Вѣдь ученіе г. Самоквасова, противъ котораго приведены мною указанія и данныя писцовыхъ книгъ, состоитъ въ томъ, что служилые классы *вытѣснили* въ московскую эпоху изъ городовъ классы неслужилые и сами остались на постоянномъ жительствѣ въ городахъ; къ чему же тутъ говоритъ г. Самоквасовъ о томъ, что по писцовымъ книгамъ „городъ московской эпохи состоялъ изъ кремля и посада“? Развѣ объ этомъ шла рѣчь въ книгѣ г. Самоквасова и также въ моей рецензіи? Писцовыя книги, какъ я показалъ въ моей статьѣ о книгѣ г. Самоквасова, неопровержимо доказываютъ, что громадное большинство древне-русскихъ городовъ, въ мирное время, имѣло значеніе не укрѣпленныхъ мѣстъ, что на посадахъ и по селамъ жило все „городское“ населеніе, т. е. не только посадскіе промышленные люди, но и князья, воеводы и служилые люди (или, по выраженію г. Самоквасова, „ихъ штатъ“),—что, наконецъ, въ незначительномъ числѣ городовъ, имѣвшихъ значеніе пунктовъ поселенія, составъ ихъ поселенія былъ тотъ же, что и въ посадахъ и селахъ,—здѣсь служилые люди никогда не вытѣсняли изъ городовъ неслужилыхъ классовъ. Писцовыя книги, такимъ образомъ, рѣшительно опровергаютъ все ученіе г. Самоквасова о томъ, что московскіе города были военными центрами, преимущественно и исключительно заселенными служилыми людьми, ученіе, отъ котораго, въ своемъ отвѣтѣ, по видимому, желаетъ теперь отказаться г. Самоквасовъ.

Я нарочно остановился нѣсколько подробнѣе на тѣхъ возраженіяхъ, какими удостоиваетъ меня г. Самоквасовъ въ отвѣтѣ на мои замѣтки о значеніи московскихъ городовъ. Изъ сказаннаго мною видно, къ какимъ ученымъ пріемамъ прибѣгаетъ г. Самоквасовъ въ дѣлѣ литературной полемики. Подобными же пріемами отличаются его возраженія и по другимъ вопросамъ.

Такимъ образомъ, г. Самоквасовъ отказывается отъ основной мысли своего сочиненія, что городъ былъ единственно-возможною формою общественнаго быта до-татарской Россіи, — „эта мысль“, говоритъ онъ, „не принадлежитъ моему сочиненію“. Но вотъ цѣлый рядъ цитатъ, высказывающихъ какъ нельзя лучше указанную мысль: *Стр. 47:* „Города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, были первичными поселеніями славянъ, поселившихся въ предѣлахъ Европы“. *Стр. 124*: „Въ позднѣйшее время, именно въ московскую эпоху, сдѣлалась „для государственнаго населенія *возможною* жизнь въ поселеніяхъ неукрѣпленныхъ, сельскихъ... явилась *возможность развитія общественной жизни* въ поселеніяхъ неукрѣпленныхъ... народъ, оставивъ мѣста прежнихъ поселеній (т. е. города),

спустился съ горъ въ долины“ и пр. (въ болѣе древнее время г. Самоквасовъ не допускаетъ возможности общественной жизни внѣ городовъ). *Стр. 145:* „*Общественная жизнь русскихъ славянъ началась съ городовъ*, а не съ хуторовъ; изъ городовъ уже, *спустя много времени* послѣ ихъ первоначальнаго образованія, славянское народонаселеніе Россіи разсѣялось въ селахъ и хуторахъ“. Если сказанная мысль не принадлежитъ г. Самоквасову, то ради какой цѣли онъ утверждаетъ на стр. 154, что въ древнее время „*жизнь въ сельскихъ поселеніяхъ представляется намъ невозможною* при внѣшнихъ условіяхъ общественной жизни древне-русскихъ славянъ“,—что „лѣтопись молчитъ о селахъ, *потому что селъ не было*“; или на стр. 157 г. Самоквасовъ говоритъ о причинахъ, „заставлявшихъ народонаселеніе до того времени *скучиваться исключительно въ городахъ*“, „неблагопріятствовавшихъ развитію общественной жизни въ мѣстахъ открытыхъ, неукрѣпленныхъ“, — или на слѣд. страницѣ, говоря о томъ, что только съ конца XI стол. лѣтописи начинаютъ упоминать о селахъ, г. Самоквасовъ спрашиваетъ: „при такихъ условіяхъ общественной жизни древней Рѳссіи, могла ли быть *возможность развитія общественной жизни* въ мѣстахъ открытыхъ, не защищенныхъ оградами, въ поселеніяхъ малолюдныхъ, сельскихъ?“

Возраженіе свое, что сказанная мысль не принадлежитъ его сочиненію, г. Самоквасовъ могъ мотивировать только ссылкой на одну цитату своей книги, помѣщенную на стр. 157. Но и здѣсь онъ поступаетъ точно также, какъ и по вопросу о московскихъ городахъ, именно прибавляетъ къ цитатѣ цѣлую фразу: „*въ первые вѣка русскаго государства*“, которой нѣтъ въ книгѣ. Фраза эта придаетъ всей цитатѣ совсѣмъ другой смыслъ, при которомъ она противорѣчитъ, напр. сказанному на стр. 154, что у насъ въ первые вѣка (до начала XI ст.) вовсе не было селъ, и что все населеніе жило въ городахъ. Приводимая г. Самоквасовымъ цитата о селахъ относится не къ первымъ вѣкамъ, когда, по его же собственнымъ изысканіямъ, у насъ вовсе не было селъ, но къ болѣе позднему времени образованія княжествъ, хотя и тогда, какъ говоритъ авторъ вслѣдъ за упомянутой цитатой, „жизнь внѣ городовъ представляла мало привлекательнаго, и только *крайняя необходимость* могла заставить свободнаго горожинина оставить городъ и поселиться въ открытомъ полѣ“ (стр. 157).

Г. Самоквасовъ жалуется на то, что я называю рѣзкими его отзывы о трудахъ его предшественниковъ, считаю неполнымъ перечисленіе воззрѣній ученыхъ и не нахожу въ его сочиненіи надлежащей оцѣнки этихъ воззрѣній. Я и теперь не отказываюсь отъ сказаннаго мной прежде. Мнѣніе же о рѣзкости отзывовъ достаточно мною мотивировано и нисколько не можетъ быть названо голословнымъ. Развѣ нельзя назвать рѣзкими отзывы такого критика, который, подобно г. Самоквасову, не сдѣлавъ никакого анализа мнѣній и только помѣстивъ отдѣльныя фразы, набранныя изъ разныхъ сочиненій, видитъ въ трудахъ *всѣхъ* своихъ предшественниковъ лишь такія достоинства: „неустойчивость въ воззрѣніяхъ“, „разномысліе и разногласіе“, „противорѣчія“, „недоразумѣнія“, „крайнія заблужденія и произволъ въ пониманіи источниковъ“,—„въ общемъ массу противорѣчій и путанницу понятій, исключающихъ возможность примиреній“,—„хаосъ противорѣчій, недоразумѣній,

догадокъ, сомнительныхъ выводовъ, которымъ и конца не видно", и пр. (стр. 14, 17, 20, 21, 22, 32 и пр.) [1]. Г. Самоквасовъ говоритъ, что по вопросу о значеніи городовъ въ составѣ политическихъ учрежденій древней Россіи въ его сочиненіи приведены *„мнѣнія"* Хлѣбникова, Плошинскаго, Владимірскаго-Буданова, Бестужева-Рюмина, Костомарова, Градовскаго, Сергѣевича и Горчакова. Раскрываю книгу г. Самоквасова и нахожу въ ней на стр. 21 лишь одно коротенькое замѣчаніе: мнѣнія современныхъ ученыхъ „также чрезвычайно разногласны", и затѣмъ въ выноскѣ перечислены заглавія ихъ сочиненій. Вотъ и все. Самыя-же мнѣнія перечисленныхъ ученыхъ не приведены, и потому г. Самоквасовъ едва ли имѣетъ основаніе утверждать въ своемъ отвѣтѣ, что „въ литературѣ не осталось ни одного оригинальнаго *мнѣнія, не указаннаго* въ моей книгѣ". Что это не вѣрно, видно между прочимъ и изъ того, что г. Самоквасовъ ни единымъ словомъ не обмолвился о весьма замѣчательныхъ и оригинальныхъ мнѣніяхъ о политической роли и значеніи древне-русскихъ городовъ, изложенныхъ въ извѣстной монографіи г. Пассека („княжеская и до-княжеская Русь"). Далѣе, г Самоквасовъ, и въ своей книгѣ, и въ своемъ отвѣтѣ, не разъ говоритъ о самостоятельности своего изслѣдованія, о томъ, что „это ужъ *мои* опредѣленія древне-русскаго города" и т. п.; между тѣмъ, основное его „ученіе" о развитіи народныхъ поселеній въ Россіи не есть что-либо новое въ нашей исторической литературѣ. „Ученіе", которому слѣдуетъ г. Самоквасовъ, давно уже высказывалось нашими историками; напр. его придерживался (въ прежнее время, именно лѣтъ 15 назадъ) Н. И. Костомаровъ, полагавшій гораздо раньше г. Самоквасова, что русскіе Славяне первоначально жили въ городахъ и затѣмъ уже позже стали разселяться по селамъ,— думаю, что не только въ видахъ полноты перечисленія мнѣній, но и еще болѣе въ собственныхъ интересахъ, чтобы подкрѣпить свое „ученіе", заимствованное у другихъ изслѣдователей, г. Самоквасовъ долженъ былъ хоть упомянуть о сказанномъ обстоятельствѣ, чего онъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ.

Что касается до вопроса объ историческомъ развитіи понятія о городѣ, то повторю и теперь сказанное въ моей рецензіи, что дѣйствительно читателя поражаетъ здѣсь путаница понятій и опредѣленій. По самому незатѣйливому вопросу — что означало у насъ слово „городъ" въ древнее время — идетъ трактатъ на 41 стр. (между тѣмъ капитальному вопросу о политическомъ значеніи городовъ посвящено всего 4 стр.— 125 — 128); читателю предлагается до 20-ти различныхъ опредѣленій слова городъ. Въ число такихъ опредѣленій г. Самоквасовъ почему-то счелъ нужнымъ, на стр. 37—38 и 40, втиснуть также четыре опредѣленія, образовавшіяся у насъ лишь въ позднѣйшее время; это обстоятель-

---

[1] Имѣлъ ли право г. Самоквасовъ примѣнять огуломъ, ко всѣмъ нашимъ историкамъ, хоть напр. такое сужденіе, изложенное имъ на стр. 23: «*Обыкновенно* изслѣдователи общественнаго быта древнихъ народовъ, задавшись тою или другою теоріею, толкуютъ народныя понятія данной эпохи не свободно, безпристрастно, а подъ вліяніемъ предвзятаго взгляда, въ томъ смыслѣ, какой болѣе подходитъ подъ ихъ теорію, подбирая тѣ мѣста источниковъ, гдѣ данныя слова имѣютъ смыслъ, подходящій подъ требованія предвзятыхъ теорій, и опуская свидѣтельства имъ противорѣчащія» и далѣе все въ томъ же родѣ.

ство и другіе рецензенты ставятъ въ вину г. Самоквасову. Разбирать все это подробно я считалъ и считаю совершенно ненужнымъ. Въ своей статьѣ, я указалъ, что въ лѣтописяхъ можно подобрать еще много другихъ опредѣленій слова городъ; но дѣло въ томъ, что всѣ такія опредѣленія, взятыя на вѣру, безъ всякой критической повѣрки и анализа, какъ это постоянно дѣлаетъ г. Самоквасовъ, не могутъ имѣть и дѣйствительно не имѣютъ никакого значенія въ наукѣ. Г. Самоквасовъ напрасно ссылается на г. Костомарова, въ подтвержденіе мнѣнія, что „словомъ городъ замѣняли слово земля“, — здѣсь говорится собственно о замѣнѣ не слова „городъ“, но лишь его названія, что далеко не одно и то-же. Напр. говорили: „Кіевъ“, „Новгородъ“, вмѣсто Кіевская земля, Новгородская земля; но нѣтъ нигдѣ примѣра, чтобы употребляли выраженіе „Новгородскій городъ“ вмѣсто „новгородская земля“. Это было бы и въ старину и теперь рѣшительно такой же безсмыслицей, какъ и въ томъ случаѣ, если бы историкъ, встрѣчая въ лѣтописи слово городъ въ смыслѣ цѣлой территоріи, вздумалъ на этомъ основаніи утверждать, что въ „прямомъ“, территоріальномъ значеніи городъ былъ въ старину совокупностію земель, лѣсовъ, болотъ, рѣкъ и пр. По этому поводу я высказалъ въ своей статьѣ слѣдующую замѣтку, которую считаю не лишнимъ привести здѣсь: „что иногда *названіемъ* города обозначается цѣлая волость или княжество, то это только указываетъ на способъ выраженія лѣтописца, обозначавшаго цѣлое именемъ главной его части; но, очевидно, изъ способа выраженія еще нельзя выводить тождественности самыхъ понятій, какъ это постоянно дѣлаетъ нашъ авторъ“ (стр 38). Непонятно также, къ чему г. Самоквасовъ говоритъ въ своемъ отвѣтѣ о значеніи слова городъ на языкѣ Славянъ, Грековъ, Римлянъ и пр.,—какъ будто все это опровергаетъ что нибудь изъ сдѣланныхъ мною замѣчаній. Это тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что приводимыя г. Самоквасовымъ толкованія слова городъ вполнѣ противорѣчатъ „ученію“, изложенному въ его книгѣ. Онъ говоритъ, что городъ у *всѣхъ* народовъ имѣлъ значеніе „укрѣпленія“ и за тѣмъ уже развилось понятіе о немъ, какъ объ „укрѣпленномъ пунктѣ народнаго поселенія“, — что одинаковость развитія понятія, соединявшагося съ словомъ городъ у различныхъ народовъ, „не можетъ быть случайностію,—она указываетъ на одинаковую форму первичныхъ поселеній греческаго, римскаго, германскаго и славянскаго народовъ“. Все это, положимъ, такъ. Но вся бѣда въ томъ, что изложенный взглядъ на дѣло рѣшительно не вяжется съ теоріей г. Самоквасова о томъ, что у насъ первоначально все народонаселеніе жило исключительно въ городахъ, вовсе не знало селъ и потому у насъ прежде всего явилось понятіе о городѣ, какъ укрѣпленномъ пунктѣ поселенія. Изъ ученія г. Самоквасова выходитъ, что въ данномъ случаѣ понятія русскихъ Славянъ о городѣ развивались совершенно оригинально, имѣли мало общаго съ понятіями, выработанными западно-европейскими народами. Весь вопросъ сводится къ тому, что, какъ замѣчено мной въ рецензіи, г. Самоквасовъ безусловно вѣритъ въ научность и непогрѣшимость усвоеннаго имъ метода пользоваться источниками. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на лѣтописи, какъ на какой-то сводъ законовъ, въ которомъ юристъ-казуистикъ старается истолковать въ пользу даннаго мнѣнія каждое положеніе, строку, слово,

запятую,—вмѣсто того, чтобы сводить въ одно мѣсто лѣтописныя упоминанія о городахъ, группировать ихъ по рангамъ, безъ всякой строго-научной критики, руководясь лишь внѣшними признаками понятій, и этимъ путемъ придавать слову „городъ“ много произвольныхъ значеній, — не полезнѣе ли было бы для дѣла, если бы г. Самоквасовъ примѣнилъ въ своей книгѣ, при изслѣдованіи вопроса о значеніи древне-русскаго города, методъ сравнительнаго изученія историческихъ явленій у различныхъ народовъ. Тогда несомнѣнно въ его книгѣ меньше встрѣчалось бы поспѣшныхъ и произвольныхъ выводовъ, опровергаемыхъ массой историческихъ данныхъ, собранныхъ въ моей статьѣ.

Ѳ. Леонтовичъ,

профессоръ имп. новороссійскаго университета.

ИСТОРІЯ ПРАВА.

История кодификаціи гражданскаго права. Въ двухъ томахъ. *С. В. Пахмана*, орд. профессора С.-Петербургскаго университета. С.-Петербургъ, 1876 г. Томъ I, стр. II и 472, томъ II, стр. 485.

Заглавіе лежащей передъ нами книги не можетъ не заинтересовать всякаго, кому извѣстно, какъ мало еще разработаны труды по составленію или редакціи изданныхъ въ разное время за границей и у насъ сводовъ и уложеній по гражданскому праву, тѣмъ болѣе, что авторъ настоящаго сочиненія одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ юристовъ. Труды эти, начавшіеся еще въ древнемъ мірѣ, продолжаютъ и донынѣ занимать всѣ государства, сознающія важность усвоенія законовъ живущими въ ихъ предѣлахъ народами и племенами. Вотъ почему поясненіе взглядовъ, пріемовъ и расположенія статей закона, какими руководствовались кодификаторы даже и наиболѣе отдаленныхъ отъ насъ временъ и странъ, но тѣмъ болѣе современныхъ намъ государствъ и въ ближайшія къ намъ эпохи, особенно же въ нашемъ отечествѣ, въ высшей степени, назидательно для предстоящей намъ кодификаціи гражданскихъ законовъ въ видѣ уложенія. Мы разумѣемъ, конечно, подъ этимъ не одно сведеніе въ болѣе или менѣе группированный сборникъ статей всѣхъ гражданскихъ законовъ, дѣйствующихъ въ данномъ государствѣ, или такихъ, какіе, по мнѣнію редакторовъ, наиболѣе соотвѣтствуютъ строю и потребностямъ страны, для которой этотъ кодексъ предназначается, но, главнымъ образомъ, размѣщеніе въ немъ какъ разныхъ частей гражданскаго права, такъ и ихъ подраздѣленій и самыхъ статей каждаго отдѣла въ такой системѣ, чтобы всякій, кому придется пользоваться новымъ изданіемъ законовъ, могъ легко находить въ немъ все требующееся практическими удобствами, не отвлекаясь притомъ ничѣмъ излишнимъ, неидущимъ къ дѣлу или и безъ того знакомымъ и понят-

нымъ каждому. Если это такъ, то спрашивается, въ какой мѣрѣ достигнута авторомъ настоящаго сочиненія задача, безспорно весьма трудная, передать читателю разнообразные фазисы, которымъ подвергалось или которые испытываетъ изложеніе гражданскаго права въ дошедшихъ до насъ и въ составляемыхъ вновь гражданскихъ сводахъ и уложеніяхъ, съ уясненіемъ и того, на сколько тотъ или другой пріемъ редакторовъ наиболѣе соотвѣтствуетъ практической цѣли?

Чтобы отвѣчать на такой вопросъ, слѣдуетъ очевидно подраздѣлить трудъ, предлежавшій автору, на два различные пріема, именно съ одной стороны, обозрѣніе однихъ системъ размѣщенія разныхъ статей гражданскаго права въ дошедшихъ до насъ и издаваемыхъ вновь кодексахъ, а съ другой — критическій разборъ каждой системы, соотвѣтственно той научной или практической программѣ, какую самъ авторъ признаетъ наиболѣе цѣлесообразною. Послѣдній изъ этихъ двухъ пріемовъ представляется конечно наиболѣе интереснымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ несравненно труднѣе и требуетъ спеціальной долговременной подготовки къ дѣлу кодификаціи. Становясь на эту точку зрѣнія, мы не только считаемъ себя не въ правѣ обвинять г. Пахмана, что онъ не сдѣлалъ критическаго пріема своею задачею, а напротивъ признаемъ неумѣстными въ его сочиненіи попавшія въ него какъ будто случайно, при обозрѣніи нѣкоторыхъ кодексовъ, выдержки, направленныя къ порицанію какъ полноты, такъ и системы въ изложеніи законовъ, принятыми редакторами въ основу ихъ работъ (что̀ особенно замѣтно въ отношеніи къ кодексу гражданскихъ законовъ Остзейскаго края). Въ самомъ дѣлѣ, если такая задача казалась автору невыполнимою по ея трудности; если онъ призналъ невозможнымъ подготовить для нея въ началѣ сочиненія твердую почву, предпославъ своимъ критическимъ замѣткамъ глубоко обдуманный планъ выработанной имъ самимъ системы гражданскихъ законовъ, то встрѣчающаяся мѣстами въ его книгѣ оцѣнка той или другой системы кодекса, скажемъ откровенно, скорѣе поражаетъ своею неожиданностію, чѣмъ удовлетворяетъ читателя. Остается слѣдовательно одна цѣнная въ нашихъ глазахъ заслуга автора — изложеніе данныхъ, заключающихся какъ въ извѣстныхъ намъ кодексахъ съ древнѣйшихъ временъ, такъ и въ поясняющихъ изданіе ихъ матеріалахъ, касательно хода работъ по составленію каждаго извѣстнаго намъ кодекса и касательно системы, лежащей въ основѣ этихъ работъ. Такимъ образомъ намъ предстоитъ разсмотрѣть трудъ г. Пахмана лишь съ этой стороны.

Необработанность задачи, взятой на себя авторомъ и въ настоящемъ случаѣ, налагаетъ на насъ обязанность отнестись не слишкомъ строго къ предлагаемому имъ опыту. Дѣйствительно, стоитъ только просмотрѣть, хотя бы самымъ поверхностнымъ образомъ, всю массу приводимыхъ имъ работъ по составленію гражданскихъ кодексовъ и нескончаемый рядъ сочиненій ихъ объясняющихъ, которыми не могъ же не пользоваться авторъ (такъ какъ онъ дѣлаетъ изъ нихъ многія выписки), чтобы придти къ заключенію, что онъ совершилъ дѣло, можно сказать по истинѣ, весьма нелегкое. Мы думаемъ только, что, при невозможности удовлетворительной разработки каждой части взятаго на себя авторомъ обо-

зрѣнія, онъ напрасно не придалъ ему гораздо болѣе скромнаго заглавія, какъ наприм. „Матеріалы для исторіи кодификаціи гражданскаго права“. Такое заглавіе не только не умалило бы значеніе его труда, а по нашему мнѣнію, напротивъ того, увеличило бы его цѣну, объяснивъ причину, почему г. Пахманъ призналъ полезнымъ перечислить въ немъ всѣ сочиненія, относящіяся къ исторіи той или другой части гражданскаго права. Причина эта заключается именно въ указаніяхъ, встрѣчающихся въ большей части приводимыхъ имъ сочиненій и изданій памятниковъ, съ одной стороны, на редакціонную обработку разныхъ кодексовъ гражданскаго права, а съ другой — на объясненія различныхъ институтовъ права, безъ чего начертаніе стройной его системы совершенно невозможно. Матеріалъ этотъ нельзя не признать въ высшей степени цѣннымъ и цѣлесообразнымъ, но именно въ сочиненіи, посвященномъ не исключительно обозрѣнію кодексовъ гражданскаго права и ихъ системы, а имѣющемъ въ виду предложить также пособія для полнаго разъясненія хотя бы и одной формальной стороны этихъ кодексовъ, чего самимъ авторомъ въ настоящемъ его трудѣ не сдѣлано, да по громадности потребной при этомъ работы и не могло быть исполнено. Какъ бы то ни было, мы считаемъ себя въ правѣ остановиться ближе на розысканіяхъ автора только подъ условіемъ признанія ихъ болѣе или менѣе удачно собраннымъ матеріаломъ для разработки разныхъ кодексовъ по гражданскому праву и въ этомъ смыслѣ предложимъ нѣкоторыя наши замѣчанія относительно наиболѣе интересующихъ насъ сторонъ его труда.

Болѣе половины перваго тома своего изданія г. Пахманъ посвящаетъ обозрѣнію кодификаціонныхъ работъ на западѣ, а частію и на востокѣ, именно въ Византійской Имперіи и у народовъ Славянскаго племени, называя ихъ однако всѣ вмѣстѣ кодификаціей на западѣ. Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ второй, заключающій въ себѣ кодификацію русскаго права до 1826 г., а за нимъ — вторая часть, въ которой рѣчь идетъ о кодификаціонныхъ работахъ въ нашемъ отечествѣ послѣ 1826 года. Такое подраздѣленіе настоящаго сочиненія кажется намъ не совсѣмъ правильнымъ. Не говоря уже о томъ, что относить труды по составленію кодексовъ въ Византійской Имперіи и у Славянскихъ народовъ (кромѣ Россіи) къ кодификаціи на западѣ не вполнѣ вѣрно въ отношеніи географическомъ, намъ представляется еще другое болѣе твердое основаніе къ иному подраздѣленію предпринятаго авторомъ труда, именно въ отношеніи къ кодификаціи. Если, кажется намъ, съ одной стороны римское право, какъ оно выработалось на западѣ, не можетъ быть отдѣлено отъ византійскаго права, въ которомъ окончательно выразилась юридическая логика древняго Рима, то съ другой стороны не одно римско-византійское право легло въ основу романогерманскихъ кодексовъ, такъ какъ въ области права народы романогерманскіе руководствовались и своими туземными началами. Тѣмъ не менѣе кодексы римско-византійскаго права отразились конечно гораздо большимъ вліяніемъ на кодификаціонныхъ работахъ по римско-германскому праву, чѣмъ на сборникахъ славянскихъ. Что же касается до относящихся сюда работъ по кодификаціи въ Россіи, то хотя въ

нихъ, въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій, и обращалось вниманіе на кодексы романо-германскіе, однако, по направленію, принятому въ основу дѣйствующаго нынѣ Свода Законовъ, который ограничился лишь изданными прежде узаконеніями, начала романо-германскихъ кодексовъ нашли для себя у насъ нѣкоторое примѣненіе по отношенію къ гражданскому праву только въ послѣднее время. Такая неодинаковость примѣненія римско-византійскаго права при составленіи кодексовъ римско-германскаго права и сборниковъ славянскаго права, а съ другой стороны, слабое отраженіе въ славянскихъ кодексахъ, а въ томъ числѣ и русскихъ, началъ римско-германскаго права, даютъ намъ полное основаніе кодификаціонныя работы у славянскихъ народовъ (причисляя къ нимъ и Россію), отдѣлить отъ кодификаціи на западѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы относящіяся сюда редакціонныя работы раздѣлить на три группы: первую, подъ именемъ кодификаціи у Римлянъ и въ Византіи, поставить во главѣ, какъ и сдѣлано это г. Пахманомъ; въ другую группу помѣстить кодексы романо-германскіе, а въ третью — кодексы славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ и Русскихъ. Возраженіе, что авторъ выдѣлилъ обозрѣніе кодификаціонныхъ работъ въ Россіи именно съ тою цѣлью, что онѣ для насъ несравненно важнѣе прочихъ работъ по этой части, теряетъ, въ нашихъ глазахъ, свою силу въ виду того, что въ своемъ расположеніи обозрѣваемаго матеріала, г. Пахманъ, хотя и раздѣляетъ наше мнѣніе о тождествѣ юридическихъ началъ въ кодексахъ разныхъ славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ и Россіи до Петра В., тѣмъ не менѣе невольно разрываетъ эту связь или единство между памятниками славянскихъ законодательствъ. Вотъ почему мы предпочли бы отнести 3-ю главу перваго отдѣла (западно-славянское право) во 2-й отдѣлъ, гдѣ различныя части этой главы могли бы найти себѣ соотвѣтствующее мѣсто подъ-рядъ съ обозрѣніемъ нашихъ туземныхъ кодексовъ не только до XVIII вѣка, но и въ позднѣйшее время; а чрезъ это все расположеніе настоящаго труда приняло бы такой видъ: отдѣлъ 1-й, кодификація римскаго и византійскаго права; отдѣлъ 2-й, кодификація римско-германскаго права; отдѣлъ 3-й, кодификація славянскаго права вообще и русскаго въ особенности.

Обращаясь къ тому, что̀ сдѣлано авторомъ по обозрѣнію редакціонныхъ работъ въ каждомъ изъ отдѣльныхъ государствъ, мы не можемъ взять на себя задачу разрѣшить вопросъ, на сколько удовлетворительно онъ воспользовался всѣми бывшими у него по этому предмету матерьялами. Не можемъ однако не замѣтить, что въ печати было указано между прочимъ на нѣкоторые неточные выводы, сдѣланные г. Пахманомъ изъ текстовъ сочиненій и изданій, которыми онъ руководствовался. Но останавливаясь даже на этомъ сличеніи извлеченій настоящаго труда съ его источниками и соглашаясь съ тѣмъ, что компиляція въ этомъ смыслѣ могла бы быть безупречнѣе, мы должны сказать, что для избѣжанія такихъ недостатковъ или лучше сказать недосмотровъ, весь трудъ г. Пахмана потребовалъ бы очень продолжительной работы, которая, при безпрерывномъ выходѣ въ свѣтъ въ настоящее время разныхъ сочиненій, болѣе или менѣе соприкосновенныхъ къ кодификаціоннымъ трудамъ на западѣ

и у насъ, оттянулась бы, можетъ быть, на неопредѣленное время. Авторъ предвидѣлъ это и въ предисловіи къ своей книгѣ, указывая на то, что она требуется настоятельно современными работами по законодательству, замѣтилъ, что пробѣлы и недосмотры, какіе въ ней окажутся, могутъ быть впослѣдствіи легко исправлены, если новое ея изданіе окажется полезнымъ. А что такое изданіе потребуется въ самомъ скоромъ времени, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Спрашивается: гдѣ и чьими пользуясь указаніями, всякій изъ посвящающихъ себя кодификаціоннымъ трудамъ по той или другой части гражданскаго права могъ бы найти такъ легко всѣ нужныя ему указанія на изданія какъ текстовъ, такъ и относящихся къ нимъ изслѣдованій, если не въ настоящемъ сочиненіи? Съ этой точки зрѣнія книга г. Пахмана является матерьяломъ весьма драгоцѣннымъ: она не только открываетъ доступъ къ кодификаціоннымъ работамъ по предстоящему намъ составленію гражданскаго уложенія, но и пролагаетъ путь для работъ чисто историческихъ по каждому изъ отдѣловъ гражданскаго права. Если поэтому нѣтъ сомнѣнія, что всякій изслѣдователь—догматикъ и историкъ—работая по источникамъ и изысканіямъ, указываемымъ г. Пахманомъ, поведетъ свое спеціальное дѣло съ болѣе глубокою отчетливостію и, быть можетъ, достигнетъ результатовъ болѣе счастливыхъ, онъ тѣмъ не менѣе, по исполненіи своей задачи, принесетъ должную благодарность автору, который, при своемъ талантѣ и знаніи, не увлекся легкимъ и блестящимъ успѣхомъ зодчества, а посвятилъ себя кропотливой работѣ каменьщика, чтобы подать руку помощи молодому ученому поколѣнію. Вотъ, думаемъ мы, истинный смыслъ настоящаго труда, который не остановился на разсмотрѣніи однѣхъ кодификаціонныхъ работъ по сводамъ и уложеніямъ, уже утвержденнымъ въ законодательномъ порядкѣ и получившимъ практическое значеніе, но и знакомитъ насъ, съ одной стороны, съ тѣми пріемами, которыми руководствовались кодификаторы въ начатыхъ, но неоконченныхъ ими работахъ, а съ другой стороны, съ тѣми замѣчаніями, которыя разсѣяны въ разныхъ сочиненіяхъ относительно кодификаціи не только цѣлыхъ отдѣловъ или главъ гражданскаго права, но и относительно той или другой статьи X тома Свода Законовъ. Въ этомъ отношеніи не упрека, а признательности заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, авторъ, указывающій, между прочимъ, какъ смотрѣли на различные отдѣлы гражданскаго права съ точки зрѣнія не только формальной, но и матеріальной, члены Коммиссіи, призванные Императрицей Екатериной II для кодификаціонныхъ работъ по уложенію на основаніи начертаннаго ею самою Наказа. Что г. Пахманъ не исчерпалъ всего, что сюда входитъ, не можетъ быть поставлено ему въ вину; иначе, повторяемъ, ему пришлось бы еще на нѣсколько лѣтъ отложить изданіе своей книги въ ожиданіи выхода въ свѣтъ всѣхъ матерьяловъ Коммиссіи по Уложенію; дополненіе изъ нихъ будетъ не трудно сдѣлать и самое изложеніе трудовъ Коммиссіи можетъ быть болѣе обработано въ будущихъ изданіяхъ его книги. Точно также, думаемъ мы, нельзя порицать г. Пахмана за обстоятельное изложеніе содержанія X тома, какъ ни знакомо оно каждому изъ нашихъ юристовъ. Не говоря уже о томъ, что такое обозрѣніе авторъ соединяетъ съ указаніемъ

на источники статей этого тома и дополняетъ ихъ, какъ мы замѣтили выше, перечисленіемъ по каждому отдѣлу и даже болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ тома и его частей всѣхъ сочиненій, относящихся къ нимъ по ихъ содержанію или редакціи, было бы странно въ этой главной половинѣ всего труда оставить безъ вниманія всю, такъ сказать, канву системы нашего гражданскаго кодекса. Положимъ, изслѣдователь, который въ ней нуждается, можетъ удобно найти ее въ самомъ оглавленіи къ X тому, но то-же самое можно сказать и объ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ авторомъ изъ всѣхъ другихъ кодексовъ и памятниковъ гражданскаго права. Притомъ онъ пользуется дѣлаемыми вновь и уже сдѣланными имъ прежде извлеченіями для сличенія между собою системы разныхъ кодексовъ, что̀, конечно, въ высшей степени важно и прямо составляетъ задачу его работы. Но, съ этой точки, мы опять считаемъ себя въ правѣ, останавливаясь на заключительныхъ страницахъ первой главы второй книги разсматриваемаго сочиненія, замѣтить, что напрасно авторъ призналъ себя, повидимому, обязаннымъ высказать свой взглядъ, неокончательно еще, по нашему мнѣнію, выработанный, на разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые, конечно, невольно занимаютъ каждаго изъ нашихъ мыслящихъ юристовъ, но, какъ недавно еще доказали жаркія пренія, возбужденныя ими на бывшемъ съѣздѣ юристовъ въ Москвѣ, требуютъ основательной подготовки и многихъ соображеній для того, чтобы согласить разностороннія сужденія по каждому изъ нихъ. Мы говоримъ, во-первыхъ, объ исторической основѣ къ начертанію русскаго гражданскаго уложенія, причемъ возникаетъ вопросъ: начать ли это дѣло съ Уложенія 1649 г. или обращаться и къ предшествующимъ ему источникамъ? По нашему убѣжденію, здѣсь задача не только въ томъ, чтобы, считая Уложеніе царя Алексѣя Михайловича краеугольнымъ камнемъ дѣйствующаго нынѣ законодательства, вмѣстившимъ въ себѣ всѣ изданныя до него узаконенія, не затруднять разборомъ памятниковъ, уже потерявшихъ всякую практическую силу, сложные и безъ того труды новыхъ кодификаторовъ. Не слѣдуетъ забывать и тѣ начала русскаго права, на которыя указываетъ и самъ авторъ, какъ на такія, которыя нельзя обойти при составленіи новаго уложенія, именно наши народные юридическіе обычаи; но эти обычаи жили въ нашей народной средѣ и управляли у насъ не только частною, но и общественною дѣятельностію съ незапамятной старины; слѣды ихъ уцѣлѣли въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ, начиная съ Русской Правды и лѣтописей, и потому, признавая болѣе или менѣе въ значеніи источниковъ права тѣ или другіе обычаи, нельзя ограничиться кое-какими данными объ ихъ практическомъ примѣненіи, а слѣдуетъ выяснить ихъ коренную основу, и для этого, быть можетъ, придется сличать и наши древніе памятники съ памятниками славянскихъ и другихъ народовъ. Здѣсь, очевидно, исторія должна оказать свою помощь практическому кодексу, если подъ словомъ „практическій“ разумѣть и то, что онъ долженъ быть близокъ и пригоденъ по своему содержанію для той среды, гдѣ онъ предназначенъ имѣть значеніе и силу. Равнымъ образомъ вопросъ о томъ, на сколько общіе гражданскіе законы государства могутъ быть распространены на наши окраины, разрѣшается далеко не такъ легко, какъ

это представляется съ точки зрѣнія удобства примѣненія выработаннаго однажды кодекса къ разнымъ мѣстностямъ. Не одни и тѣ-же начала могутъ быть пригодны даже для частей государства, стоящихъ на одной ступени юридическаго развитія: народную жизнь, усвоившую себѣ, работою многихъ поколѣній, извѣстныя воззрѣнія и пріемы, нельзя ломать безнаказанно, хотя бы даже тѣ начала, которыми думаетъ замѣнить ихъ новѣйшій кодификаторъ, въ отношеніи научномъ, стояли несравненно выше такихъ несостоятельныхъ, по его мнѣнію, убѣжденій. На этомъ основаніи, московскій юридическій съѣздъ на подобный же вопросъ объ объединеніи, чрезъ гражданское уложеніе, всѣхъ частей государства, выразился, что это весьма желательно, но преждевременно. Наконецъ, что касается до того, слѣдуетъ ли торговое и вексельное право включить въ систему будущаго нашего гражданскаго уложенія, то мы думаемъ, что и здѣсь подробнѣйшая разработка того и другаго права, въ сличеніи съ нашимъ настоящимъ бытомъ и дѣйствующими гражданскими законами, гораздо лучше выяснитъ дѣло, нежели одно указаніе западныхъ кодексовъ или одни теоретическія соображенія. Не мудрено поэтому, что сужденія профессора Пахмана по всѣмъ этимъ предметамъ частію несходны съ высказанными по нимъ прежде его взглядами, а частію уже вызвали новыя воззрѣнія, которыя впрочемъ и съ своей стороны не могутъ быть признаны достаточно убѣдительными. Вотъ почему мы полагаемъ, что въ разсматриваемомъ сочиненіи, которое должно заключать въ себѣ лишь матеріалы для выясненія разныхъ системъ кодификаціи гражданскаго права, критическая оцѣнка въ видѣ легкихъ этюдовъ не можетъ быть названа умѣстною.

Ограничиваясь предложенными строками нашей рецензіи по поводу столь обширнаго труда, какой представляетъ собою книга г. Пахмана, считаемъ долгомъ повторить, что имѣли въ виду только выяснить читателямъ то, что ей даетъ, по нашему мнѣнію, настоящую цѣну. Мы сочли излишнимъ дѣлать критическій разборъ отдѣльныхъ частей ея, даже по одному русскому праву; ибо увѣрены, что ученый авторъ, овладѣвъ однажды столь громаднымъ, столь разнороднымъ и сложнымъ матерьяломъ, самъ не затруднится исправить, какъ уже указанные ему, такъ и другіе, могущіе быть въ его книгѣ недостатки, въ ожидаемомъ нами новомъ ея изданіи.

Н. Калачовъ.

Сочиненія Н. Д. Иванишева, изданныя иждивеніемъ университета Св. Владиміра. Кіевъ. 1876.

Въ октябрѣ 1874 г. кончилъ свою трудовую жизнь одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ профессоровъ, какъ ученый мыслитель и какъ политическій дѣятель, — одинъ изъ передовыхъ бойцовъ за русское дѣло въ юго-западномъ краѣ, *Н. Д. Иванишевъ*. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ его преждевременной кончины, какъ появляются въ свѣтъ его сочиненія,

издаваемыя иждивенiемъ Кiевскаго университета, въ которомъ Иванишевъ въ теченiи 25 лѣтъ занималъ каѳедру Полицейскаго права (благоустройства), долгое время былъ деканомъ юридическаго факультета и потомъ ректоромъ университета. Такой почетъ, оказанный университетомъ Иванишеву, вполнѣ заслуженъ покойнымъ, а изданная теперь, довольно объемистая книга (55 листовъ) его сочиненiй составляетъ немаловажный вкладъ въ нашу литературу. Хотя въ этой книгѣ перепечатаны сочиненiя Иванишева, уже извѣстныя, напечатанныя въ разныхъ изданiяхъ, но напечатанiе ихъ теперь въ цѣлой совокупности нельзя не признать весьма важнымъ, во-первыхъ потому, что нѣкоторыя его изслѣдованiя, въ сороковыхъ годахъ изданныя, составляя теперь библiографическую рѣдкость, были почти недоступны изучающимъ русскую исторiю и исторiю русскаго права, а во-вторыхъ, такое соединенiе трудовъ Иванишева въ одной книгѣ даетъ возможность прослѣдить всю трудовую жизнь покойнаго ученаго и придти къ надлежащей ея оцѣнкѣ. Предпринявъ изданiе сочиненiй Н. Д. Иванишева, Кiевскiй университетъ поручилъ исполненiе этого дѣла профессору *А. В. Романовичу-Славатинскому*, ученику Иванишева, помѣстившему такой теплый и отличный обзоръ его жизни и дѣятельности — въ *Древней и Новой Россiи* (№№ 1—7). Теперь это бiографическое изслѣдованiе, немало разъясняющее значительный перiодъ исторiи нашихъ университетовъ и народнаго просвѣщенiя, издано отдѣльною книгою [1]. Желающiй ознакомиться съ интересною во многихъ отношенiяхъ бiографiею Иванишева найдетъ въ этомъ вполнѣ объективномъ и правдивомъ изслѣдованiи профессора *Романовича-Славатинскаго* разъясненiе множества вопросовъ, касающихся какъ преподаванiя юридическихъ наукъ въ Кiевскомъ университетѣ, такъ и дѣла вскрытiя архивовъ юго-западнаго края. Занимая каѳедру Полицейскаго Права (законовъ благоустройства), Иванишевъ имѣлъ не столько влеченiя къ разработкѣ этой науки, сколько его занимали памятники исторiи русскаго права. Только одинъ вопросъ, касавшiйся непосредственно его предмета, — община древне-русская и славянская,—настолько былъ ему дорогъ, что въ теченiе цѣлой жизни былъ предметомъ его размышленiя. Этотъ вопросъ и направилъ всѣ его разысканiя и изслѣдованiя на историческую дорогу, провелъ его въ архивы и предопредѣлилъ его главнѣйшiя работы и занятiя въ Кiевской археографической коммиссiи. Припоминаемъ неоднократныя бесѣды наши по этому поводу съ покойнымъ *К. А. Неволинымъ*, который коротко зналъ Иванишева и умѣлъ цѣнить людей свѣдущихъ. Неволинъ говорилъ объ Иванишевѣ: „это знатный ученый, мыслитель, какихъ у насъ немного; жаль, что нѣтъ каѳедры исторiи русскаго права; на ней бы себя показалъ Иванишевъ“.

Дѣйствительно всѣ печатные труды Иванишева касались исторiи русскаго и славянскаго правъ. Правда, разбиравшiй портфели Иванишева, профессоръ Славатинскiй свидѣтельствуетъ, что онъ нашелъ множество отрывочныхъ замѣтокъ и выписокъ изъ памятниковъ, отчасти сгруппиро-

---

[1]) *А. В. Романовича-Славатинскаго*: «Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, ректора университета Св. Владимiра и вице-предсѣдателя Кiевской археографической коммиссiи». Спб. 1876.

ванныхъ и сведенныхъ въ систему,—касающихся исторіи государственной экономіи въ Россіи, между прочимъ и почти обработанныя, хотя не оконченныя изслѣдованія „о распредѣленіи поземельной собственности въ Россіи“, — но всѣ эти труды по большей части сырой матеріалъ, почему профессоръ Славатинскій и не рѣшился ихъ печатать. Онъ не рѣшился равнымъ образомъ напечатать и двухъ его курсовъ — по международному праву, по Клюберу, и по законамъ государственнаго благоустройства (вполнѣ самостоятельный), — по той причинѣ, что они наполнены анахронизмами для настоящаго времени и потребовали бы большой переработки, возможной только для спеціалиста.

Нельзя однако не пожалѣть, что издатель сочиненій Иванишева не напечаталъ нѣкоторыхъ частей его курса законовъ благоустройства, тѣмъ болѣе, что самъ профессоръ Славатинскій, какъ ученикъ Иванишева, свидѣтельствуетъ, что нѣкоторыя статьи его курса, какъ напр. введеніе въ раздѣлъ о мѣрахъ по народному образованію, отличались несомнѣнными достоинствами и самостоятельностію.

Изданная теперь Кіевскимъ университетомъ книга сочиненій Иванишева заключаетъ въ себѣ два отдѣла: въ первомъ помѣщено три его изслѣдованія по исторіи славянскихъ законодательствъ, во второмъ шесть изслѣдованій по исторіи юго-западнаго края. Въ первомъ отдѣлѣ важнѣйшее мѣсто занимаетъ докторская диссертація Иванишева, напечатанная въ 1840 г. и составляющая уже библіографическую рѣдкость, — „О платѣ за убійство въ древнерусскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою“. Это изслѣдованіе Иванишева много двинуло впередъ изученіе Русской Правды. До тѣхъ поръ очень много говорилось и писалось о томъ, откуда заимствованы положенія Русской Правды, за отъисканіемъ ихъ авторы путешествовали, въ своихъ сочиненіяхъ, и по Германіи и по Скандинавіи и по Рипуарскимъ франкамъ. Только *Раковецкій* намѣтилъ путь, по которому нужно идти для разъясненія обычнаго права, занесеннаго въ Русскую Правду, — путь сравнительнаго сопоставленія ея положеній съ правами другихъ славянскихъ племенъ. *Иванишевъ* осуществилъ этотъ планъ. Въ этомъ разсужденіи онъ подвергаетъ разсмотрѣнію, во-первыхъ, германскую виру. Въ коротенькомъ, но вполнѣ самостоятельномъ очеркѣ, основанномъ прямо на источникахъ — leges barbarorum, постановленія которыхъ сопоставляются съ началами, впослѣдствіи измѣнившимися и записанными въ Саксонскомъ Зеркалѣ и Швабскомъ,—авторъ выводитъ характеристическіе признаки Германской виры. Вира заключаетъ въ себѣ двѣ части: одна платится государству за преступленіе закона, другая часть идетъ въ пользу обиженнаго. Въ платежѣ виры участвуютъ родственники убійцы. Когда издано было это разсужденіе, литература германская не владѣла еще тѣми богатыми изслѣдованіями средневѣковаго германскаго строя, которыя начали появляться преимущественно съ пятидесятыхъ годовъ, когда раскрылись и стали разрабатываться городовые архивы. Теперь положенія Иванишева о германской вирѣ могли бы и пополниться и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердиться, такъ какъ главные его выводы и теперь остаются вполнѣ вѣрными. Во-вторыхъ, послѣ Германской виры, авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію *плату за голову у Славянъ*. Представляя весьма тщательное и талантливо напи-

санное изслѣдованіе богемскаго, моравскаго, сербскаго, польскаго и литовскаго законодательствъ, онъ приходитъ къ двумъ весьма важнымъ выводамъ: что во всѣхъ древнеславянскихъ законодательствахъ имѣются совершенно одинаковыя характеристическія черты платы за убійство, и что существо этой платы иное, чѣмъ въ Германской вирѣ. По славянскимъ правамъ плата за голову никогда не принадлежала государству ни въ цѣлости, ни по частямъ, и это явилось послѣдствіемъ различія и самой частной мести у Германцевъ и Славянъ. У первыхъ месть имѣла основаніемъ частное удовлетвореніе и наказаніе за нарушеніе закона, у вторыхъ — основаніе мести — религіозное чувство. Вся работа Иванишева, приведшая его къ такому выводу, направлена къ тому, чтобы посредствомъ тщательнаго сравнительнаго изученія славянскихъ законодательствъ отдѣлить славянское право отъ примѣси германскаго и римскаго правъ и добыть такимъ образомъ чисто славянскія начала, на которыхъ основывались месть и вира у Славянъ. Многіе и не согласились съ тѣми выводами, которые получилъ Иванишевъ, но всѣ должны были признать, что планъ и методъ работы не только вѣрны, но и свидѣтельствуютъ о глубинѣ воззрѣній мыслителя, о такой талантливости, которая не часто встрѣчается и въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Съ добытыми такимъ методомъ славянскими началами, авторъ, въ третьихъ, сопоставляетъ *виру* и *головщину* древняго русскаго права. Интересъ этого изслѣдованія, касающагося главнымъ образомъ Русской Правды, заключается въ томъ, что автору удалось доказать, что статьи Русской Правды, схожія на первый разъ съ германскими началами, въ дѣйствительности заключаютъ въ себѣ основы славянскаго права. Именно, онъ видитъ это въ томъ явленіи, подробно имъ разбираемомъ, что количество платы въ древнемъ русскомъ правѣ совершенно согласно съ общими славянскими началами и, въ противность германскому праву, не опредѣлялось сообразно съ состояніемъ, поломъ и возрастомъ убитаго, но назначалось истцомъ и представлялось судьямъ на утвержденіе. Изъ этого краткаго указанія на составъ разсужденія Иванишева легко видѣть, къ какимъ крупнымъ изслѣдованіямъ оно принадлежитъ въ нашей литературѣ. Если же взять во вниманіе, что оно было написано задолго до выхода въ свѣтъ капитальной работы *Н. В. Калачова* о Русской Правдѣ, то нельзя не признать этого разсужденія виднымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу.

Другое изслѣдованіе Иванишева, помѣщенное въ первомъ отдѣлѣ, „*Разсужденіе объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ богемскомъ и скандинавскомъ*“, надѣлало въ свое время (въ 1842 г.) много шуму. Это академическая рѣчь, написанная для произнесенія на актѣ Кіевскаго университета въ 1842 г., которую авторъ и началъ читать, но внезапно долженъ былъ прекратить чтеніе, такъ какъ одно ея мѣсто, самое впрочемъ невинное по содержанію, не понравилось присутствовавшему на актѣ митрополиту Филарету и вызвало громкое его негодованіе [1]. Она была напечатана затѣмъ, по желанію министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, въ журналѣ министерства (ч. XXXVI, отд. II, стр. 1—18),

---

[1]) См. *А. В. Романовича-Славатинскаго*: «Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева». Спб. 1876, стр. 94.

но съ пропусками. Теперь она напечатана вполнѣ. Эта рѣчь — весьма остроумное и вполнѣ ученое изслѣдованіе, имѣющее въ виду посмотрѣть, на сколько въ двухъ древнихъ европейскихъ правахъ, германскомъ и славянскомъ, пока ихъ еще не коснулись христіанство и культура Рима и Греціи, выразилась идея личности. Типомъ древняго германскаго права, самымъ самостоятельнымъ и чистымъ, Иванишеву совершенно справедливо представилось скандинавское право. Съ нимъ онъ задумалъ сопоставить право богемское, въ которомъ можно найти чисто славянскую мысль. Сопоставленіе этихъ двухъ древнихъ правъ онъ дѣлаетъ посредствомъ разсмотрѣнія въ Скандинавіи и Богеміи, во первыхъ, правъ и положенія женщины, во-вторыхъ, отношеній между родителями и дѣтьми, и въ третьихъ, основаній, на которыхъ допускалось рабство. Это небольшое изслѣдованіе полно интереса, на немъ печать талантливаго мыслителя.

Первый отдѣлъ заключается статьею „Чешское право", которая была напечатана въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1840 г. Въ этой статьѣ помѣщенъ переводъ отрывка одного памятника XIV вѣка: „*Рядъ земскаго права*", имѣющаго предметомъ уголовное судопроизводство. Этотъ переводъ сдѣланъ Иванишевымъ съ одной чешской рукописи. Къ первому авторъ присоединилъ множество замѣчаній и объясненій, заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ рукописей, которыми авторъ пользовался въ Прагѣ, когда занимался подъ руководствомъ *Ганки*.

Во второмъ отдѣлѣ помѣщены изслѣдованія *Иванишева* по исторіи юго-западнаго края. Это все плоды его неутомимыхъ архивныхъ работъ и его дѣятельности въ устроившейся, въ 1843 г., при Кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ временной коммиссіи для разбора актовъ, въ которой Иванишевъ до самой смерти былъ главнымъ дѣятелемъ. Такъ Иванишевымъ обработано предисловіе къ предпринятому коммиссіею въ 1849 г. изданію: „Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни". Это предисловіе составляетъ довольно обширную статью, которою и начинается второй отдѣлъ его сочиненій. Эта статья составляетъ систематическую выборку изъ тѣхъ двухъ томовъ матеріаловъ, изданныхъ коммиссіею, для которыхъ она и написана въ видѣ предисловія. Какъ самые эти матеріалы, такъ и руководящая статья Иванишева дали совершенно новыя, неизвѣстныя до тѣхъ поръ данныя для біографіи князя Курбскаго.

Въ связи съ этою статьею помѣщена рядомъ съ нею другая, подъ заглавіемъ: „Свѣдѣнія о Ковельскомъ имѣніи, принадлежавшемъ князю Курбскому". Эта статья была напечатана въ видѣ приложенія во 2-мъ томѣ упомянутыхъ актовъ, касавшихся жизни Курбскаго. Въ этой статьѣ, между прочимъ, Иванишевъ помѣстилъ уставъ церковнаго братства, существовавшаго съ незапамятныхъ временъ при церкви Смединской (Смединъ и теперь существующее богатое село). Этотъ уставъ, въ видѣ 12 артикуловъ, утвержденъ уніятскимъ митрополитомъ Фелиціаномъ Володкевичемъ (въ 1773 г.), и имѣетъ большое значеніе, такъ какъ правила, въ немъ заключающіяся, по мнѣнію Иванишева, были общими для всѣхъ сельскихъ братствъ на Волыни.

За этою статьею слѣдуетъ важнѣйшее изъ изслѣдованій *Иванишева* по матеріаламъ юго-западнаго края — *О древнихъ сельскихъ общинахъ*

въ юго-западной Россіи. Эта замѣчательная работа была напечатана въ 1857 году въ III книжкѣ Русской Бесѣды, затѣмъ въ 1863 году издана Кіевскою Археографическою коммиссіею въ видѣ отдѣльной брошюры, и теперь, напечатанная въ третій разъ, является несомнѣннымъ украшеніемъ сочиненій Иванишева. Это изслѣдованіе явилось плодомъ изученія 22 судебныхъ актовъ, изображающихъ народныя собранія сельскихъ общинъ. Эти 22 акта, изъ коихъ старѣйшій относится къ 1564 г., а позднѣйшій къ 1622 г., Иванишеву удалось отъискать въ цѣлой массѣ (болѣе 300) актовыхъ книгъ луцкихъ, владимірскихъ и житомірскихъ. Изъ этихъ формальныхъ, мало говорящихъ актовъ, добыть такія важныя положенія и доказать ихъ этими актами могъ только глубокій знатокъ права и исторіи юго-западной Россіи. На основаніи этихъ актовъ, Иванишевъ рисуетъ составъ юго-западной сельской общины, разъясняетъ устройство сельскихъ народныхъ собраній и открываетъ юридическіе обычаи, по которымъ производилось слѣдствіе и постановлялись судебныя рѣшенія. А чтобы не оставить читателя въ недоразумѣніи относительно полученія такихъ важныхъ данныхъ, Иванишевъ приложилъ шесть актовъ, болѣе крупныхъ по содержанію, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Изслѣдованіе Иванишева показало, что сельскія общины въ юго-западномъ краѣ являлись въ различныхъ формахъ. Господствующею же формою была такая: община заключала въ себѣ нѣсколько сосѣднихъ селеній, отъ четырехъ до девяти; въ центральномъ селѣ собиралось вѣче, и тутъ всегда находили для себя развитіе городскія отрасли промышленности,—ремесла и торговля. При благопріятныхъ условіяхъ такія села превращались въ мѣстечки и города. Такое мѣстечко выдѣлялось изъ общины, если получало магдебургское право. Не получая его, мѣстечко и городъ оставались по прежнему въ общеніи съ селами. Такая общинная связь между окольными селами основывалась не на письменномъ законодательствѣ, не на договорахъ, а на обычномъ правѣ. Главная цѣль соединенія селъ въ общины была *полицейская*: предупреждать нарушеніе правъ, преслѣдовать нарушителей и затѣмъ подвергать ихъ суду. Каждое село и вся община отвѣчали за проступки своихъ членовъ. Народное собраніе такой общины называлось *копа* или *купа*, *громада, великая громада*, а самое совѣщаніе называлось *вѣче.* Подвергая разсмотрѣнію существо такого собранія, Иванишевъ дѣлаетъ мѣткое замѣчаніе, что *вѣче* было не только судебнымъ собраніемъ, но и школою для обученія праву, которое, безъ помощи письма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому. Народное собраніе, отправляя судъ и расправу по началамъ, подробно разбираемымъ у Иванишева, хранило порядокъ и правду до тѣхъ поръ, пока не возвысилась до чрезвычайности власть помѣщиковъ, т. е. до XVII ст. Параллельно усиленію власти помѣщиковъ, уменьшаются значеніе и сила громады. Что касается обычнаго права, которымъ руководствовалась община при рѣшеніи дѣлъ,—*копнаго права*, то хотя матеріалъ въ судныхъ актахъ весьма недостаточенъ, но Иванишеву удалось, при громадной его исторической эрудиціи, настолько пополнить и разъяснить этотъ скудный матеріалъ, что въ его изслѣдованіи изстаринная община воскресаетъ, судитъ и дѣйствуетъ такъ, что заставляетъ пожалѣть о развившейся помѣщичьей власти, задавившей общину въ XVII вѣкѣ.

За этою блестящею статьею объ общинѣ помѣщена уже два раза изданная (первоначально въ III кн. Русской Бесѣды за 1858 г., а потомъ въ видѣ предисловія къ I-му тому 1-й части Архива Юго-западной Россіи) статья его объ уніи, подъ заглавіемъ: „*Свѣдѣнія о началѣ уніи, извлеченныя изъ актовъ Кіевскаго центральнаго архива*". Воспроизведя по даннымъ, сохранившимся въ архивѣ, первые моменты жизни этого искусственнаго явленія, уніи, Иванишевъ вполнѣ объективно освѣтилъ обширный историческій матеріалъ, и только въ концѣ выразилъ свое воззрѣніе на унію, явившееся какъ бы пророчествомъ, которое и осуществилось (возвращеніе уніатовъ въ лоно православной церкви), но до этого осуществленія не дожилъ Иванишевъ. Въ заключительныхъ словахъ этого любопытнаго изслѣдованія объ уніи, Иванишевъ выразилъ такую справедливую мысль: „Окончательный результатъ изображеннаго нами религіознаго движенія состоялъ въ томъ, что унія, какъ зло, созданное недальновидною мудростію человѣческою, исчезла; осталось дѣло Божіе: возсоединенная Россія съ своимъ необъятно великимъ будущимъ".

Эти работы Кіевской археографической коммиссіи, при главномъ участіи Иванишева, открывавшія такіе важные акты о жизни юго-западнаго края и объ отношеніяхъ тамъ между обществомъ польскимъ и русскимъ, начали дѣлаться особенно въ шестидесятыхъ годахъ, для многихъ, мечтавшихъ о возстановленіи Польши, невыносимыми. Въ архивахъ массы документовъ, могущихъ пролить вѣрный свѣтъ на историческіе факты и опровергнуть вымыслы, а усердная рука Иванишева всегда наготовѣ извлечь эти акты и не только сдѣлать достояніемъ печати, но и дать имъ надлежащее объясненіе. Вслѣдъ за актами, касавшимися уніи, въ 1860 году коммиссія издала отдѣльною книжкою статью *Иванишева*: „*Постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ юго-западной Россіи*"; она перепечатана потомъ во второй части архива, и вновь теперь напечатана въ собраніи его сочиненій, послѣ статьи объ уніи. Эта статья—историко-политическій этюдъ чрезвычайной важности, отличающійся тѣми качествами, которыхъ исполнены всѣ изслѣдованія Иванишева. Седержаніе ея — анализъ дѣятельности дворянъ юго-западной Россіи, послѣ присоединенія ея къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ 1596 г. до момента народнаго возстанія, возбужденнаго Богданомъ Хмельницкимъ въ 1654 г. Статья эта написана въ эпоху польскаго повстанья, когда стали распространяться невѣрныя историческія теоріи объ общественномъ и политическомъ строѣ юго-западнаго края. Никакой писатель не былъ бы въ состояніи обуздать извращенія историческихъ фактовъ и событій... Этого могъ достигнуть только архивъ, заключавшій въ себѣ протоколы или акты провинціальныхъ дворянскихъ сеймовъ, установленныхъ въ юго-западной Россіи жалованною грамотою короля Сигизмунда Августа 1565 г. На основаніи этой грамоты, за нѣсколько недѣль передъ генеральнымъ сеймомъ, дворяне съѣзжались въ главныхъ городахъ каждаго воеводства, и постановивъ рѣшеніе, избирали изъ своей среды пословъ и отправляли ихъ съ инструкціями на генеральный сеймъ. Вотъ эти-то протоколы и сохранились въ архивѣ. Эти протоколы и заставилъ *Иванишевъ* говорить въ этой статьѣ о томъ, какъ относилось дворянство юго-западнаго края къ рѣчи посполитой, и какими политическими интерессами жило и въ страдѣ о какихъ

вопросахъ считало свое дворянское назначенiе. Анализъ этихъ актовъ и составляетъ содержанiе статьи, имѣющей громадное историческое и политическое значенiе. До 1569 г., когда Литва и юго-западная Россiя состояли въ союзѣ федеративномъ, эти земли считались отдѣльными, Польша для Литвы и юго-западной Россiи считалась страною чужеземною и поляки людьми заграничными, чужеземцами. Въ то время западно-русскiе дворяне, отличая свою землю отъ Польши, называли себя народомъ русскимъ, *безъ различiя вѣроисповѣданiй*. Также называло и польское правительство все населенiе юго-западной Россiи — русскимъ. Послѣ присоединенiя въ 1569 г. юго-западной Россiи къ Польшѣ, въ видѣ провинцiи, какъ понимаетъ это присоединенiе дворянство и какъ оно дѣйствуетъ? Объ этомъ и повѣствуютъ самые акты дворянскихъ собранiй слѣдующее. Встрѣтивъ тотчасъ чрезвычайныя невыгоды въ своеволiи польскихъ магнатовъ, захватившихъ на сеймѣ въ свои руки власть законодательную, въ слабости власти судебной и исполнительной, въ обидахъ отъ ксендзовъ, казаковъ и жолнеровъ, западно-русское дворянство стремится оградить два условiя своей жизни: *русскiй языкъ* и *православiе*. Сохраненiе русскаго языка, какъ оффицiальнаго во всѣхъ сношенiяхъ, было принято какъ непремѣнное условiе и польскимъ правительствомъ. Учрежденныя въ Польшѣ два высшiя установленiя для дѣлъ юго-западной Россiи—*русская метрика* и *главный люблинскiй трибуналъ* — должны были вести всѣ дѣла на русскомъ языкѣ. Цѣлый рядъ актовъ дворянскихъ собранiй свидѣтельствуетъ о постоянномъ стремленiи дворянства сохранить свой языкъ въ неприкосновенности. Другой интересъ дворянства — было православiе. Дворянство долго старалось поддерживать и охранять его отъ влiянiя иностранныхъ исповѣданiй учрежденiемъ церковныхъ братствъ, монастырей и учебныхъ заведенiй. Дворянскiе акты записали долгую борьбу дворянства за неприкосновенность Кiево-печерской лавры и митрополiи, такъ какъ дворянство удерживало за собою право избирать митрополита, нѣкоторыхъ епископовъ и архимандритовъ важнѣйшихъ монастырей. Заставляя объ этой долгой борьбѣ дворянства за православiе говорить самые акты, Иванишевъ даже воздерживается отъ собственныхъ разъясненiй. Въ одномъ мѣстѣ только высказываетъ мнѣнiе, что не само польское общество было причиною этой борьбы, такъ какъ поляки допускали вѣротерпимость, но это дѣло было iезуитовъ, загубившихъ и польское государство. Въ моментъ народнаго возстанiя, возбужденнаго Богданомъ Хмѣльницкимъ, по своему смотрѣвшимъ на отношенiе дворянства къ народу, дворянство не выдержало своей прежней политики: стало искать спасенiя въ католицизмѣ. Народъ выдѣлился отъ дворянства тѣмъ, что не послѣдовалъ за нимъ, а остался народомъ русскимъ, храня и русскiй языкъ и православную вѣру.

Таковы сказанiя самыхъ актовъ, извлеченныхъ Иванишевымъ. Не мудрено, что въ тотъ моментъ возбужденiя политическихъ страстей, когда было издано это изслѣдованiе, оно возбудило негодованiе въ польскомъ обществѣ. Какъ нельзя было возражать противъ истины, записанной въ несомнѣнныхъ актахъ, то нападенiя посыпались на виновника, вскрывшаго и сдѣлавшаго ихъ извѣстными наукѣ. Иванишева

стали упрекать въ недобросовѣстности, въ выборкѣ и сопоставленіи фактовъ съ предвзятою цѣлію и пр. Это подало поводъ Кіевской Коммиссіи, т. е. главнымъ образомъ Иванишеву, написать отъ имени коммиссіи отвѣтъ на эти нападенія въ особой брошюрѣ, которая теперь перепечатана въ собраніи его сочиненій, въ видѣ заключительной статьи.

Этимъ краткимъ обзоромъ содержанія сочиненій покойнаго профессора Иванишева, мы надѣялись возбудить вниманіе нашихъ читателей къ его сочиненіямъ. Изучивъ ихъ, каждый согласится, что Н. Д. Иванишевъ вполнѣ заслужилъ ту честь, которую оказалъ ему университетъ Св. Владиміра, предпринявъ изданіе его сочиненій, столь поучительныхъ особенно для работающаго теперь молодаго поколѣнія Россіи.

И. Андреевскій,

профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета.

Обычное Право. Выпускъ первый. Матерьялы для библіографіи обычнаго права. Ярославль. 1875 г. XXXXVI и 249 стр. *Е. Якушкина.*

Едва-ли нужно распространяться о значеніи, которое имѣетъ для науки права изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ; я говорю—для науки права, а не практической юриспруденціи. Наука права имѣетъ въ виду открытіе и установленіе общихъ законовъ, управляющихъ юридической жизнію народовъ, а первичныя, простыя формы юридическаго быта для такихъ изслѣдованій наиболѣе пригодны. Практическая же юриспруденція занята вопросами юридической техники, развитіемъ и изощреніемъ юридическаго мышленія и потому для нея громадное значеніе имѣетъ римское право, эта образцовая гимнастика юридической логики.

Какъ въ языкѣ и нравахъ народа замѣчаются элементы, не подлежащіе произвольному опредѣленію, говоритъ извѣстный нѣмецкій юристъ, основатель исторической школы, Гуго [1]), такъ и въ правѣ существуютъ многія положенія, возникающія сами собою, независимо отъ воли законодателя. Установивши это начало, Гуго, Савиньи и Пухта положили прочное основаніе наукѣ права и тому направленію, которое теперь становится господствующимъ въ юридической наукѣ и которое можно назвать естественно-историческимъ. „Это направленіе, говоритъ одинъ современный нѣмецкій юристъ [2]), исходитъ изъ той мысли, что и право имѣетъ свою природу,—свои элементы, свои творенія, свои виды, свои особи, свою силу и свою слабость, свой случай и свой законъ,—природу, которую юристы и законодатели воспитываютъ или портятъ, но никогда не создаютъ“, а для пониманія этой природы права важно знаніе народныхъ юридическихъ обычаевъ.

---

[1]) Civil Magasin. B. IV, Abth. 4, 1812 г.
[2]) Бринцъ.

Изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ началось у насъ уже давно, хотя починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ не юристамъ, а этнографамъ (Макаровъ, Снегиревъ, Сахаровъ и мн. др.), а съ начала 40 годовъ новоучрежденное Русское Географическое Общество, столько вообще сдѣлавшее для русской науки, включило въ свою программу 1847 года и собираніе народныхъ юридическихъ обычаевъ, подъ рубрикой „особенности народнаго юридическаго быта“.

Почти одновременно, вслѣдствіе очевиднаго несоотвѣтствія существующихъ въ народномъ юридическомъ быту обычаевъ съ дѣйствующимъ Сводомъ Законовъ, на этотъ предметъ было обращено вниманіе высшей администраціи, именно вновь образованнаго Министерства Государственныхъ Имуществъ. Недоразумѣнія, возникавшія на практикѣ относительно участія отставныхъ солдатъ въ наслѣдованіи крестьянскимъ имуществомъ, обратили на себя вниманіе гр. Киселева, и имъ были затребованы отъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему Палатъ свѣдѣнія: о порядкѣ наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ. Они послужили матерьяломъ для любопытной брошюры Ѳ. Л. Барыкова „Наслѣдованіе у государственныхъ крестьянъ“, появившейся въ печати впрочемъ гораздо позднѣе, именно въ 1861 году, въ Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Крестьянская реформа 1861 года, распространившая гражданскія права на многомилліонную массу нашихъ крестьянъ, которымъ Положеніе 19 февраля предоставило право въ спорахъ и тяжбахъ между собой, а также по дѣламъ о маловажныхъ проступкахъ вѣдаться собственнымъ волостнымъ судомъ, съ указаніемъ, что въ дѣлахъ о наслѣдованіи, опекѣ и попечительствѣ надъ малолѣтними и въ нѣкоторыхъ другихъ они могутъ руководствоваться мѣстными своими обычаями, обратило на эти послѣдніе вниманіе нашихъ юристовъ (Н. В. Калачовъ, П. А. Мулловъ, С. В. Пахманъ, А. Ф. Кистяковскій, Оршанскій и др.), потому что, хотя и до того нѣкоторые юристы, какъ напр. покойный пр. Д. И. Мейеръ [1]), сознавали и указывали значеніе обычнаго права, давая даже примѣръ его обработки (его монографія о торговомъ бытѣ Одессы), тѣмъ не менѣе начало серьезнаго изслѣдованія обычаевъ юристами совпадаетъ съ крестьянской реформой.

Значительное содѣйствіе дальнѣйшей разработкѣ нашего обычнаго права оказала изданная въ 1864 г. Этнографическимъ Отдѣленіемъ спеціальная программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ; она систематизировала собираніе матерьяловъ, расширила рамки предметовъ изслѣдованія и вызвала новыхъ дѣятелей на это поприще, а именно извѣстнаго изслѣдователя юридическаго быта Архангельской губерніи П. С. Ефименко и въ самое послѣднее время, князя Н. Кострова, автора интересной монографіи „Юридическіе Обычаи Крестьянъ-старожилъ Томской губерніи“ (Томскъ. 1876 г. 117 стр.). Хотя эта программа не коснулась многихъ важныхъ сторонъ народнаго юридиче-

[1]) Первая статья у насъ объ юридическихъ обычаяхъ, написанная юристомъ, принадлежитъ г. Тарновскому; это «Юридическій бытъ Малороссіи»; она помѣщена въ 2 т. Юридическихъ Записокъ Рѣдкина, вышедшемъ въ 1842 г.

скаго быта, напр. положенія большой и малой семьи, знаковъ собственности, родовыхъ клеймъ и земельной общины, передѣловъ полей и т. д. Примѣромъ тому, какъ быстро расширялась область изслѣдованій нашего народнаго юридическаго быта, можетъ служить то обстоятельство, что программа 1864 г. заключала въ себѣ 53 вопроса, а въ программѣ г. Майнова, напечатанной въ журналѣ „Знаніе" за 1875 г., ихъ уже 435, хотя и эта послѣдняя программа оказалась не вполнѣ удовлетворительной, и въ настоящее время, состоящая подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова особая коммиссія о юридическихъ обычаяхъ занята составленіемъ новой программы. Въ 1872 г. командированная, по Высочайшему повелѣнію, для изученія *на мѣстахъ* Волостныхъ Судовъ, Коммиссія сенатора Любощинскаго издала 7 т. своихъ Трудовъ, представляющихъ массу сыраго матерьяла, интереснаго во многихъ отношеніяхъ и въ особенности имѣющаго значеніе для обычнаго права.

Указавъ въ общихъ чертахъ ходъ развитія у насъ работъ по изученію народнаго юридическаго быта, я не касался множества статей и замѣтокъ, посвященныхъ народному юридическому быту, разбросанныхъ въ Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, Трудахъ Статистическихъ Комитетовъ, Памятныхъ книжкахъ, мѣстныхъ сборникахъ, изданіяхъ ученыхъ обществъ и т. д., но уже этого перечисленія достаточно, чтобы показать пользу и значеніе хорошаго библіографическаго труда въ такой литературѣ, какъ литература нашего обычнаго права.

Эту нелегкую задачу взялъ на себя г. Е. Якушкинъ въ первомъ выпускѣ своего труда „Обычное Право". Для почтеннаго автора выполненіе этой задачи было еще болѣе затруднено тѣми невыгодными условіями, въ которыя поставлена подобная работа въ провинціальномъ городѣ, гдѣ авторъ очевидно не могъ имѣть подъ руками нужныхъ пособій и матерьяловъ, тѣмъ не менѣе библіографическія указанія его отличаются значительной полнотой и книга издана такъ, что можетъ удовлетворить самымъ строгимъ научнымъ требованіямъ. Она снабжена нѣсколькими указателями: тутъ, во-первыхъ, систематическій указатель, гдѣ весь матеріалъ, собранный въ библіографіи подъ общими отдѣлами (значеніе обычнаго права, гражданское и уголовное право, свадебные обычаи и т. д.), указанъ до самыхъ частныхъ фактовъ, по подробнымъ рубрикамъ; во-вторыхъ, этнографическій указатель, гдѣ матерьялъ приведенъ по народностямъ; въ третьихъ, географическій указатель по мѣстностямъ, и, наконецъ, указатель сочинителей. Кромѣ того г. Якушкинъ предпослалъ своей библіографіи обширное введеніе въ XXXXVI страницъ, имѣющее самостоятельный научный интересъ; оно посвящено общимъ замѣчаніямъ о практическомъ и историческомъ значеніи обычаевъ, существующихъ въ народномъ быту, разъясненію нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ, установленію общей точки зрѣнія.

Въ этомъ предисловіи нашъ авторъ обнаруживаетъ близкое знакомство не только съ русской, но и съ иностранной этнографической литературой, съ изслѣдованіями Лэббока, Тэйлора, Моргана, Бахофена и др.

Въ библіографіи г. Якушкина приведено 1542 № названій, изъ которыхъ около тысячи относится къ русскому обычному праву и при-

томъ болѣе трети этихъ послѣднихъ касается свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ.

На этой послѣдней сторонѣ народнаго юридическаго быта г. Якушкинъ останавливается наиболѣе, обращая такимъ образомъ серьезное вниманіе и на обрядовую сторону обычнаго права. Народные обычаи, касающіеся семейнаго быта, вообще говоря, отличаются наибольшей устойчивостью и твердостью, тогда какъ другіе подвержены болѣе замѣтнымъ колебаніямъ и измѣненіямъ. Этимъ свойствомъ обычаевъ, относящихся до семейнаго быта, надо объяснить, что на нихъ предпочтительно останавливаются наши собиратели матерьяловъ, часто обходящіе другія не менѣе важныя стороны народнаго юридическаго быта.

Порядокъ распредѣленія предметовъ въ введеніи г. Якушкина, его библіографическомъ перечнѣ и систематическомъ указателѣ, какъ это уже было замѣчено Н. В. Калачовымъ, въ Извѣстіяхъ Географическаго Общества (вып. 3-й, 1876 г., стр. 275 и слѣд.), не одинъ и тотъ же, но распространяться объ этомъ недостаткѣ одной общей системы послѣ уже сдѣланныхъ по этому поводу замѣчаній мы не будемъ, ограничившись указаніемъ, что, благодаря прекрасному систематическому указателю г. Якушкина, этотъ недостатокъ единства системы сглаживается, и значительно облегчается самое пользованіе его библіографическимъ трудомъ. Подробный перечень отдѣловъ, рубрикъ и подраздѣленій этого систематическаго указателя весьма интересенъ, какъ картина того обширнаго матерьяла, который уже собранъ по юридическимъ обычаямъ въ изданныхъ сочиненіяхъ и отдѣльныхъ статьяхъ, но предѣлы нашей настоящей библіографической статьи не дозволяютъ намъ этого сдѣлать.

Вотъ вкратцѣ названіе отдѣловъ и ихъ рубрикъ: Отдѣлъ I-й, Русское Обычное Право; рубрики: значеніе обычнаго права, программы. литература, исторія, терминологія, символика, пословицы. Отдѣлъ II-й, управленіе; рубрики: сельская община, общественное управленіе, общественные сходы, выборы, дѣла, рѣшаемыя сходами, тюремная община. Отдѣлъ III-й, судъ; рубрики: исторія крестьянскаго суда, судъ общественныхъ сходовъ, судъ сосѣдей, волостной и станичный суды, самосудъ. Отдѣлъ IV-й, гражданское право; рубрики: право семейственное, опеки и попечительство, право наслѣдственное, права вещныя, права обязательныя. Отдѣлъ V-й, торговые обычаи. Отдѣлъ VI-й, право уголовное; рубрики: преступленія и проступки, наказанія. Наконецъ отдѣльной статьей поставлено обычное право инородцевъ со многими рубриками и подраздѣленіями. Хотя особенный интересъ въ вышеуказанномъ отношеніи представляетъ перечень подраздѣленій рубрикъ, весьма характерныхъ, но мы ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Для примѣра возьму рубрику „*выборы*“ изъ отдѣла управленія, въ которой указаны слѣдующія подраздѣленія: нравственныя качества выбираемыхъ лицъ, причины освобожденія отъ выборовъ въ общественныя должности, выборъ женщинъ на эти должности, назначеніе дѣтей на должности десятскаго, выборъ семейства для почина жнитва, выборъ зачинщика при сѣнокошеніи, выборъ мѣрщиковъ при раздѣлѣ земли, выборъ промышленниками старосты на Мурманскомъ берегу. По отдѣлу

Гражданское Право подъ рубрикой *союзъ семейный*, который имѣетъ 3 подраздѣленія; изъ нихъ нѣкоторыя распадаются еще на статьи и заглавія. Такъ, одна изъ статей рубрики *„союзъ членовъ семьи“* — имущественныя отношенія — распадается наслѣдующіе виды или заглавія: общее семейное имущество, распоряженіе семейнымъ имуществомъ, личное имущество членовъ семьи, личное имущество хозяйки дома, личное имущество жены, право дѣвицъ и вдовъ на семейное имущество, раздѣлъ между членами семейства шерсти и конопли, раздѣлъ между ними льна, семейныя клейма.

Хотя, какъ это видно изъ всего вышеизложеннаго, библіографическая работа г. Якушкина исполнена весьма обстоятельно и по научности пріемовъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ заслуживаетъ признанія за ней значенія серьезнаго ученаго труда, — тѣмъ не менѣе она не обладаетъ желательной и достаточной полнотой, хотя это, конечно, произошло не по волѣ автора, а вслѣдствіе недостатка въ необходимыхъ матерьялахъ и пособіяхъ, такъ какъ выполненіе подобной работы обставлено въ провинціи крайне неблагопріятно.

Особенно замѣтенъ пробѣлъ статей и замѣтокъ, напечатанныхъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ различныхъ губерній, которыми почтенный авторъ, при составленіи своей библіографіи, почти вовсе не пользовался, хотя наше сельское духовенство, поставленное условіями жизни въ наиболѣе близкое отношеніе къ народу, въ этихъ именно изданіяхъ преимущественно помѣщаетъ свои наблюденія относительно народнаго юридическаго быта. Правда, эта приходская литература обычнаго права отличается риторическими пріемами, пухлостью и водянистостью изложенія, но тѣмъ не менѣе она по своему содержанію и близкому знакомству съ народнымъ бытомъ, пріобрѣтенному путемъ долголѣтняго опыта, представляетъ значительный интересъ. Полагаю, что значеніе этихъ матерьяловъ въ области обычнаго права признается совершенно также и г. Якушкинымъ и что они не попали въ его библіографію вслѣдствіе трудности имѣть подъ руками достаточно полную коллекцію Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ которыхъ погребено не мало цѣнныхъ свѣдѣній относительно народнаго юридическаго быта.

Для примѣра укажу на одну Самарскую губернію, по которой у нашего автора не указаны слѣдующія статьи: *Обычаи и повѣрья прихожанъ с. Бариновки, Бузулукскаго уѣзда*, статья Св. Лавровскаго, напечатанная въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1873 г. № 3 и 4; обширное изслѣдованіе Св. Архангельскаго подъ названіемъ: *„Народные обычаи села Кракова, Самарскаго уѣзда“*; оно началось печатаніемъ въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ съ начала 1875 г., именно съ 3 № и слѣдовательно могло войти въ книгу г. Якушкина въ отдѣлѣ *дополненій*, гдѣ помѣщены статьи и замѣтки, появившіяся въ этомъ году. Далѣе, при томъ широкомъ пониманіи области обычнаго права, которое высказываетъ въ своей книгѣ нашъ авторъ, въ его библіографическій указатель должны были войти и помѣщаемыя въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ описанія приходовъ, хотя они по преимуществу имѣютъ этнографическій и статистическій интересъ и могутъ имѣть лишь косвенное отношеніе къ изученію собственно юридическаго быта народа.

Таково напр. описаніе Краковскаго прихода, напечатанное въ тѣхъ

же Вѣдомостяхъ за 1872 и 1873 г., которое содержитъ указаніе на нѣкоторые любопытные обряды, напр. *крестильные* (отцу новорожденнаго въ знакъ того, какъ трудно выростить и воспитать дѣтей, даютъ ложку каши пополамъ съ солью, которую онъ долженъ съѣсть).

Кромѣ того указатель г. Якушкина не исчерпываетъ вполнѣ и матерьяловъ, заключающихся въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ; такъ по той же Самарской губерніи, я могу указать замѣтку или точнѣе собраніе г. Краснова „Поговорки поселянъ Самарской губерніи“ (Губ. Вѣд. за 1853 г., № 5, 7 и 19); говоря о пословицахъ, считаю не лишнимъ указать на собраніе юридическихъ пословицъ, помѣщенное г. Суховымъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1874 г. Указатель программъ у г. Якушкина довольно полонъ, при составленіи его онъ обратилъ вниманіе и на нѣкоторыя Епархіальныя Вѣдомости, именно Самарскія, въ которыхъ была перепечатана изъ Губернскихъ Вѣдомостей, составленная мной, по порученію Самарскаго Статистическаго Комитета, программа для собиранія юридическихъ обычаевъ, хотя пропущена программа, составленная проф. Кіевскаго Университета А. Ф. Кистяковскимъ, напечатанная въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1874 годъ.

Самое крупное упущеніе Указателя г. Якушкина относится къ отдѣлу, посвященному обычному праву инородцевъ — это изданное 22 іюля 1822 г. Учрежденіе объ управленіи инородцевъ, составленное гр. Сперанскимъ, съ которымъ долженъ ознакомиться всякій желающій изучать обычное право нашихъ инородцевъ, хотя это замѣчательное законоположеніе совершенно игнорируется пр. Варшавскаго Университета г. Самоквасовымъ, — въ недавно изданной имъ книгѣ „Сборникъ Обычнаго Права Сибирскихъ инородцевъ“, въ которой онъ напечаталъ извѣстную рукопись или точнѣе копію съ рукописи II Отдѣленія, что въ такой книгѣ какъ эта послѣдняя составляетъ капитальный пробѣлъ.

Сдѣланныя нами замѣчанія имѣютъ цѣлью указать необходимость 2-го исправленнаго изданія прекрасной книги г. Якушкина, принятой столь сочувственно всей нашей печатью, обыкновенно довольно равнодушной къ провинціяльнымъ произведеніямъ.

Почтенный трудъ г. Якушкина служитъ серьезнымъ вкладомъ въ нашу литературу обычнаго права и намъ остается только отъ души пожелать, чтобы онъ продолжалъ его и, не ограничиваясь библіографіей, подарилъ насъ сводомъ печатныхъ матерьяловъ по этому предмету.

Въ началѣ настоящей рецензіи, мы старались показать, какое вообще значеніе имѣетъ обычное право, въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести мѣткое замѣчаніе пр. Кистяковскаго о томъ особенномъ значеніи, которое оно имѣетъ для насъ. „Западъ, говоритъ г. Кистяковскій, обладаетъ громаднымъ матерьяломъ по обычному праву, который былъ напечатанъ еще тогда, когда обычаи имѣли силу всѣми признаннаго закона. Мы, русскіе, можно думать, вслѣдствіе слабаго развитія письменности и образованія въ старыя времена, не закрѣпили письмомъ и печатью обычаевъ, дѣйствовавшихъ въ стародавнія времена“. Современному изслѣдователю предстоитъ сохранить въ памяти готовыя быть можетъ исчезнуть черты народнаго быта.

Павелъ Матвѣевъ.

Значеніе общенароднаго гражданскаго права (jus gentium) въ римской классической юриспруденціи. Соч. *Боголѣпова*. Москва. 1876 г.

Вопросъ о значеніи общенароднаго права въ римской классической юриспруденціи, составляющій предметъ сочиненія г. Боголѣпова, кажется, въ первый разъ затронутъ въ нашей юридической литературѣ. Изслѣдованіе г. Боголѣпова представляетъ первую у насъ попытку освятить запутанный и трудно разрѣшимый вопросъ о томъ положеніи, о томъ значеніи и роли, какія имѣло общенародное право въ жизни римскаго народа, въ особенности въ періодъ процвѣтанія римской классической юриспруденціи. Хотя книга г. Боголѣпова носитъ заглавіе, повидимому относящее ее къ гражданскому праву, но она имѣетъ значеніе и для занимающихся государственнымъ правомъ, ибо касается весьма важнаго для всей жизни Римлянъ источника права, имѣвшаго связь съ государственнымъ и общественнымъ ихъ строемъ, съ ихъ культурнымъ состояніемъ и развитіемъ, съ ихъ общеніемъ съ другими народами. Безъ знанія этихъ жизненныхъ условій невозможно понять и объяснить, какимъ образомъ общенародное право возникло, чѣмъ оно было вызвано къ жизни, благодаря какимъ причинамъ оно развивалось далѣе и достигло высокаго своего значенія. Вотъ почему лучшіе германскіе ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ вопроса объ jus gentium, не упускали изъ виду этихъ обстоятельствъ и въ большей или меньшей степени выясняли ихъ. Эту же точку зрѣнія усвоилъ себѣ и нашъ авторъ. Онъ не ограничился сопоставленіемъ и сухимъ, чисто формальнымъ толкованіемъ текстовъ, но обратилъ вниманіе на сказанныя жизненныя условія и такимъ образомъ оживилъ свой трудъ. Поставивъ себѣ цѣлью объяснить всю совокупность источниковъ, содержащихъ въ себѣ ученіе классическихъ юристовъ объ общенародномъ правѣ, авторъ руководился слѣдующими мыслями. Положительное право стоитъ всегда въ тѣсной связи съ остальною жизнію народа; оно всегда предназначается для защиты какого нибудь интереса этой жизни и потому можетъ быть разсматриваемо какъ ея отраженіе, конечно, не всестороннее. При изученіи какого нибудь правила положительнаго права нужно обращать вниманіе на то, прилагалось ли оно въ дѣйствительной жизни, и если прилагалось, то какимъ образомъ; не ограничиваясь раскрытіемъ его буквальнаго смысла, нужно идти дальше его внѣшней оболочки и вскрыть тѣ жизненныя силы, которыя вызвали его существованіе. При этомъ только условіи можно оцѣнить его дѣйствительное значеніе въ юридической жизни народа.

Изъ этого видно, что авторъ стоитъ на правильномъ пути изслѣдованія, и нельзя не отдать ему справедливости въ томъ, что онъ выполнилъ эту задачу вполнѣ удовлетворительно.

Не входя въ разсмотрѣніе подробностей и частностей, въ которыхъ нельзя согласиться со всѣми взглядами автора, мы скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ научномъ значеніи труда г. Боголѣпова. Для русскихъ читателей, которые не знакомы съ предметомъ, этотъ трудъ представляетъ большой интересъ и принесетъ несомнѣнную

пользу, но въ наукѣ римскаго права онъ мало подвинулъ впередъ разрѣшеніе вопроса объ jus gentium, даетъ мало новаго послѣ многихъ предшествующихъ трудовъ нѣмецкой литературы, въ которой вопросъ объ jus gentium давно уже составлялъ предметъ изслѣдованій и достаточно исчерпанъ въ различныхъ направленіяхъ. Въ особенности намъ кажется, что разбираемое нами сочиненіе почти не даетъ новыхъ выводовъ и положеній сравнительно съ обстоятельнымъ сочиненіемъ Фойгта — „Das jus naturale, aequum et bonum und jus gentium der Römer“ (4 тома). Такъ первыя двѣ главы сочиненія г. Боголѣпова, въ которыхъ разсматриваются практическое общенародное право и теоретическое естественное право, по словамъ самого автора, не представляютъ никакой самостоятельности, между тѣмъ эти главы чрезвычайно важны, ибо онѣ указываютъ на историческое возникновеніе и развитіе общенароднаго права, указываютъ на два отдѣльныхъ самостоятельныхъ элемента въ ученіи классическихъ юристовъ, что̀ собственно и нужно было прежде доказать и въ чемъ заключается почти весь интересъ изслѣдованія. 3-я глава, содержащая въ себѣ анализъ источниковъ, въ которыхъ излагается ученіе классическихъ юристовъ объ общенародномъ правѣ, составляющая цѣль книги г. Боголѣпова (см. предисловіе), глава, въ которой наибольше должна была проявиться авторская самостоятельность, приводитъ читателя къ слѣдующимъ результатамъ: 1) Гай одинъ изъ всѣхъ юристовъ представляетъ полное, несомнѣнное отождествленіе естественнаго права съ общенароднымъ; 2) у Гая встрѣчаются мѣста, гдѣ онъ признаетъ правила общенароднаго права, несогласныя съ естественнымъ разумомъ; 3) всѣ остальные юристы признаютъ отличіе общенароднаго права отъ естественнаго; 4) во многихъ случаяхъ, когда юристы касаются отношенія обоихъ правъ, выраженія ихъ такъ неопредѣленны, что могутъ быть понимаемы различно: и въ смыслѣ тождества, и въ смыслѣ частичнаго только согласія правъ. Подобные результаты не новы. Дирксенъ уже указалъ на самостоятельность общенароднаго права, призналъ за нимъ характеръ положительнаго права, указалъ на несовпаденіе области общенароднаго права и естественнаго, не отождествлялъ этихъ правъ. Савиньи признавалъ, что три римскихъ юриста — Ульпіанъ, Трифонинъ и Гермогеніанъ—держались трехчленнаго дѣленія. Наконецъ Фойгтъ пришелъ къ тому результату, что только одинъ Гай *несомнѣнно* отождествлялъ естественное право и общенародное и также *вѣроятно* Ульпіанъ, что даже оба названные юриста въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ не выдерживаютъ отождествленія (см. „Значеніе общенароднаго и проч.“ стр. 134, 137, 145, 161, 172). Все различіе между воззрѣніемъ Фойгта и г. Боголѣпова заключается въ томъ, что первый считаетъ вѣроятнымъ тождество человѣческаго естественнаго права и jus gentium у юриста Ульпіана, второй же допускаетъ лишь частичное согласіе между этими правами (ibid. III), но это, очевидно, не имѣетъ особеннаго значенія въ виду положенія, признаваемаго самимъ авторомъ: „Когда юристы касаются отношенія обоихъ правъ, выраженія ихъ такъ неопредѣленны, что могутъ быть понимаемы и въ смыслѣ тождества, и въ смыслѣ частичнаго только согласія правъ.“

Эта-то неопредѣленность и приводила многихъ къ отождествленію естественнаго и общенароднаго права.

Глава IV посвящена очерку и критикѣ воззрѣній позднѣйшихъ писателей на ученіе классическихъ юристовъ объ общенародномъ правѣ. Эта глава отличается большею свѣжестью и самостоятельностью, свидѣтельствуетъ о значительномъ трудѣ автора, направленномъ къ тому, чтобы привести въ ясность, вскрыть добытые прежними учеными результаты.

Глава V озаглавлена: „наше воззрѣніе на ученіе классическихъ юристовъ объ общенародномъ правѣ“. Здѣсь авторъ выясняетъ слѣдующія мысли: реализацію естественнаго права, желаніе юристовъ найти содержаніе для естественнаго права въ положительномъ правѣ, желаніе юристовъ придать естественному праву характеръ положительный, самостоятельность естественнаго права. Эти мысли едва ли принадлежатъ автору разбираемой нами книги. Эти мысли высказаны и Фойгтомъ. Доказательства этому находимъ въ книгѣ Боголѣпова въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ излагаетъ ученіе Фойгта. Сущность воззрѣній этого послѣдняго ученаго состоитъ въ слѣдующемъ: римскіе юристы обратили главное свое стараніе на раскрытіе *содержанія* естественнаго права; они стали проводить въ римское право новыя правила естественнаго права постепенно, незамѣтнымъ путемъ, въ формѣ своихъ отвѣтовъ и контроверсъ. Римскіе юристы всегда стремились придать своимъ умозрѣніямъ въ области права практическое значеніе, отыскать для естественнаго права *реальное* основаніе. Самый пригодный для этого путь, по мнѣнію Фойгта, представлялся самъ собою: нужно было подложить естественное право подъ jus gentium и подъ aequitas, что̀ римскіе юристы и сдѣлали. Они излагаютъ естественное право, какъ истинное и дѣйствительное, господствующее и обязательное право, указывая его въ данномъ уже положительномъ правѣ. Это выражается въ сліяніи juris gentium и juris aequi et boni съ естественнымъ правомъ. Одна изъ причинъ отождествленія общенароднаго права съ естественнымъ, по мнѣнію Фойгта, состояла въ стремленіи дать естественному праву реальное основаніе. Заслуга этого ученаго состоитъ въ томъ, что онъ доказалъ *самостоятельность* естественнаго права и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи (см. „Значеніе и проч.“ стр. 160, 161, 165, 174, 171).

Послѣдняя глава представляетъ собою заключеніе: реализированное естественное право. Она, мнѣ кажется, совершенно излишняя и не относится къ той задачѣ, которую поставилъ себѣ авторъ. Эта глава говоритъ объ естественномъ правѣ, о вліяніи стоической философіи на римское право, слѣдовательно ее можно было соединить съ 2-ю главою, гдѣ говорится о тѣхъ же предметахъ. Кромѣ того 6-я глава содержитъ въ себѣ положенія, развитыя у Фойгта въ 4 томѣ: „das praktische jus naturale“ (§ 2 и слѣд.), въ 1 томѣ (§ 55 и слѣд.). Новаго представляется намъ въ этой главѣ развѣ одно только названіе, характеризующее методу разработки положительнаго права. Авторъ называетъ эту методу *натуралистическою*, но самая метода указана была уже Фойгтомъ, который „показалъ, какимъ образомъ юристы наполнили римское

право цѣлой массой новыхъ правилъ, добывая ихъ изъ разсмотрѣнія *природы* лицъ, предметовъ и самыхъ юридическихъ отношеній" (стр. 172).

Таково общее научное значеніе этого сочиненія; для русской литературы желательно было бы имѣть побольше такихъ трудовъ.

П. Л. Карасевичъ,

профессоръ императорскаго московскаго университета.

ИСТОРІЯ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *С. Соловьева.* Т. XXV. М. 1875.

Этотъ томъ „Исторіи Россіи" обнимаетъ правленіе Петра III и первые полтора года царствованія Екатерины. Полугодовое правленіе Петра вызывало разныя сужденія; съ одной стороны указывали на многія либеральныя узаконенія этой поры: льготы дворянству, отмѣну тайной канцеляріи, отписаніе монастырскихъ имѣній; съ другой стороны — странная картина двора, представляемая безпристрастными современниками, между которыми первое мѣсто занимаетъ простодушнѣйшій изъ всѣхъ когда-либо жившихъ писателей записокъ—А. Т. Болотовъ — не могла не отразиться и на сужденіяхъ объ эпохѣ. Склонность къ первому воззрѣнію въ особенности замѣтна у писателей нѣмецкихъ, которые, сознавая недостатки ума и характера Петра, говорятъ объ его добромъ сердцѣ (Германнъ) или указываютъ на то, что нѣкоторыя изъ его мѣръ, напр. освобожденіе дворянства отъ тѣлесныхъ наказаній, были выше развитія и требованій тогдашняго русскаго общества (Бернгарди). Несправедливость этого послѣдняго заявленія свидѣтельствуется уже тѣмъ, что въ проектѣ фундаментальныхъ законовъ И. И. Шувалова („Русск. Арх." 1867 г. 85) прямо сказано: „отъ безчестной политической казни дворянство свободить". Самое же характеристическое въ этомъ разсужденіи то, что манифестъ 18-го февраля 1762 г. вовсе не освобождалъ дворянства отъ тѣлеснаго наказанія (П. С. З. XV, 911—915). Такъ иногда разсуждаютъ о событіяхъ! Конечно, всѣ соглашались въ томъ, что правленіе Петра не могло быть продолжительно вслѣдствіе его антинаціональной политики, но всѣ однако отдавали честь его мѣрамъ. Для полнаго сужденія о Петрѣ недоставало оцѣнки сдѣланныхъ имъ нововведеній какъ со стороны ихъ практическаго удобства, такъ и со стороны вызвавшихъ ихъ мотивовъ. Въ изложеніи С. М. Соловьева мы находимъ первую вполнѣ удовлетворительную оцѣнку характера и значенія этихъ преобразованій. Поспѣшность, неполнота, необдуманность кидаются въ глаза на каждомъ шагу. Прочитавъ страницы, посвященныя авторомъ обзору этихъ законоположеній, о которыхъ, благодаря отсутствію критики, такъ долго господствовало благопріятное мнѣніе, нельзя не согласиться съ объясненіемъ, которое онъ даетъ имъ: „люди приближенные, желавшіе удержать за собою важное значеніе въ

новое царствованіе и естественно желавшіе сообщить этому царствованію блескъ, популярность, и разсѣять мрачныя мысли тѣхъ, которые знали, въ чьихъ рукахъ теперь судьбы Россіи — люди приближенные къ Петру постарались внушить ему о необходимости принять нѣкоторыя мѣры, которыя облегчатъ, обрадуютъ народъ; въ числѣ этихъ мѣръ было и желаемое многими освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы". Такъ падаетъ окончательно историческій предразсудокъ, державшійся очень долго благодаря запрету, лежавшему много лѣтъ на изученіи новой русской исторіи. Люди, жившіе въ эти еще недавнопрошедшіе годы, помнятъ до какихъ странностей доходили тогда сужденія, неосновашныя на точныхъ историческихъ свѣдѣніяхъ, которыхъ публика не имѣла. Живо помню, какъ лѣтъ 25 тому назадъ одинъ очень умный человѣкъ доказывалъ мнѣ, что Петръ III, какъ нѣмецкій принцъ, стоялъ въ своемъ развитіи выше окружающихъ, а потому и вводилъ цивилизующія мѣры. Не слышимъ ли мы иногда и теперь отголоски подобныхъ сужденій. Обсуждая законодательство этого времени, С. М. Соловьевъ защищаетъ извѣстный разсказъ кн. Щербатова о томъ, что манифестъ о вольности дворянства написанъ Волковымъ въ одну ночь. Извѣстно, что этотъ разсказъ опровергался на томъ основаніи, что о немъ не упоминаетъ Волковъ въ своей оправдательной запискѣ. Историкъ доказалъ, что ему было невыгодно упоминать объ этомъ актѣ. Эта защита — новый примѣръ той блистательной критики источниковъ, которою люди, занимающіеся исторіею, нерѣдко любуются на страницахъ „Исторіи Россіи". Таковы многія замѣтки о лѣтописяхъ, такова защита знаменитаго письма изъ подъ Прута. Особенность манеры автора состоитъ въ томъ, что свое сужденіе объ источникѣ онъ основываетъ не столько на мелкихъ подробностяхъ, сколько на общемъ характерѣ лицъ и событій. Только глубокое изученіе времени позволяетъ съ успѣхомъ пользоваться подобною методою; безъ этого условія даже самый большой критическій талантъ не даетъ возможности достигнуть этимъ путемъ удовлетворительныхъ результатовъ; но ясно, что только на этой почвѣ историкъ можетъ чувствовать себя вполнѣ крѣпкимъ. Какъ полно обсуждена авторомъ законодательная дѣятельность этого несчастнаго полугода царствованія Петра III, также полно разсмотрѣна и внѣшняя политика: неблаговременное окончаніе прусской войны, антинаціональный союзъ съ Фридрихомъ, стремленіе начать безполезную и нежелательную для страны войну съ Даніей. Вообще никогда еще въ русской литературѣ, при полной объективности, не выставлялся такъ наглядно характеръ этой печальной поры, никогда такъ цѣльны не были представлены ея различные элементы. Едва ли не слѣдуетъ считать оцѣнку почтеннаго историка окончательнымъ приговоромъ науки тѣмъ болѣе, что открытіе новыхъ существенныхъ матеріаловъ уже сомнительно: свидѣтели съ обѣихъ сторонъ выслушаны, показанія ихъ взвѣшены и провѣрены показаніями людей постороннихъ: слѣдственно, если найдутся новые матеріалы, то они измѣнятъ только подробности, но общая картина останется неприкосновенною. Изображеніе великой Екатерининской эпохи только что начато историкомъ и, вѣроятно, займетъ никакъ не меньшее число томовъ, чѣмъ изложеніе царствованія Елизаветы, кото-

рому посвящено четыре тома (21—24). Много силъ, много вниманія надо употребить на изученіе времени, создавшаго общественное устройство, въ которомъ жила Русская земля почти сто лѣтъ и многія черты котораго сохранились и до сихъ поръ, поставившаго широкія основы русскому просвѣщенію, призвавшаго къ болѣе правильной жизни литературу, дотолѣ служившую только увеселеніемъ или средствомъ правительству говорить съ народомъ — словомъ, пытавшагося опереться на организованныя общественныя силы. Это время было не менѣе важно для внѣшнихъ отношеній государства, чѣмъ для внутреннихъ: „не знаю какъ при васъ, — говаривалъ князь Безбородко, — а при насъ ни одна пушка въ Европѣ не стрѣляла безъ нашего позволенія". Въ это время завершались старые вопросы (польскій) и шире становились такіе, которые до тѣхъ поръ едва были затронуты (восточный). Богатство матеріала уже изданнаго и еще большее богатство, остающееся пока въ архивахъ, разнообразіе произнесенныхъ уже приговоровъ — будутъ и пособіемъ и затрудненіемъ въ изложеніи этой плодотворной эпохи; пособіемъ будутъ они потому, что изложеніе можетъ быть разностороннее, — затрудненіемъ потому, что многія изъ сужденій, уже укоренившихся въ обществѣ, основаны на недоразумѣніяхъ и если бы ихъ не было, историкъ могъ бы пройти болѣе легко тѣ частности, на которыхъ теперь слѣдуетъ остановиться. Самый характеръ Екатерины болѣе сложный, чѣмъ характеръ Петра, поставленный въ обстоятельства (внѣшнія) болѣе затруднительныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ стоялъ Петръ — требуетъ очень тщательнаго психологическаго анализа. Само собою разумѣется, что ни образъ благодушной „Матушки-царицы", какою Екатерина рисовалась нашимъ дѣдамъ въ эпоху гатчинскихъ порядковъ и нашимъ отцамъ въ суровое время Аракчеевщины, ни Semiramis du Nord французскихъ историковъ, ни тонкій дипломатъ, въ образѣ котораго Екатерина является многимъ нашимъ современникамъ—далеко не соотвѣтствуютъ истинѣ и сами по себѣ только части полнаго образа этой величайшей изъ царицъ земныхъ, которой едва ли неуступаетъ сама дѣвственная королева Елизевета. Психологическое изученіе и историческая оцѣнка дѣятельности „орловъ временъ Екатерины" еще настоятельнѣе, чѣмъ изученіе „птенцевъ гнѣзда Петрова"; эти два мѣткіе эпитета свидѣтельствуютъ о геніальномъ прозрѣніи великаго поэта: дѣйствительно трудно такъ сжато представить различіе этихъ двухъ эпохъ и значеніе ихъ дѣятелей. Самый крупный изъ этихъ дѣятелей, „великолѣпный князь Тавриды", ждетъ полной и безпристрастной оцѣнки; набросокъ его физіономіи уже сдѣланъ въ знаменитой статьѣ Надеждина и въ превосходной вступительной лекціи Ешевскаго. Впрочемъ все это еще впереди; въ настоящемъ томѣ передъ нами первые шаги Екатерины, поставленной въ затруднительное положеніе и во внутреннихъ и во внѣшнихъ дѣлахъ. Внутри, по выразительному слову С. М. Соловьева объ Елизаветѣ, приходилось „проходить между толкающимися людьми, никого не толкая", что было затруднительно въ виду необычнаго начала царствованія и минованія наслѣдника *предполагаемаго;* а между тѣмъ стояли неотложные вопросы, наскоро рѣшенные въ предыдущее царствованіе, между которыми первое мѣсто занимаютъ вопросы о секуля-

ризаціи церковныхъ имуществъ. Во внѣшнихъ отношеніяхъ слѣдовало приладить союзы европейскіе къ настоятельно встающему польскому вопросу. Таково было вообще положеніе Екатерины; подробности, приводимыя историкомъ въ хронологическомъ порядкѣ, рисуютъ живую картину всѣхъ этихъ затрудненій: надо было удовлетворить старыхъ приверженцевъ, не оскорбить нѣкогда вліятельнаго, нѣкогда пострадавшаго за нее Бестужева-Рюмина, сохранить тѣхъ изъ дѣятелей времени Петра, которые еще могли быть нужны (напр. временно Глѣбова, постоянно Румянцева), сохранить Миниха; нужно было пріобрѣсти народное сочувствіе, вслѣдствіе всего этого долго живутъ въ Москвѣ, ѣдутъ въ Ростовъ и т. д. Лучшій примѣръ тому, какъ съ первыхъ же поръ внимательно относится новое правительство къ тѣмъ вопросамъ, на которые легкомысленно смотрѣло старое, служитъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ: обсужденіе его Императрица поручила коммиссіи подъ предсѣдательствомъ архіепископа Новгородскаго (потомъ митрополита) Димитрія Сѣченова. Результаты дѣйствій этой коммиссіи авторъ представитъ, вѣроятно, въ слѣдующемъ томѣ; а здѣсь онъ только останавливается на прискорбной исторіи Арсенія Мацеевича. Сужденіе историка объ этомъ столкновеніи едва-ли ни самое умѣренное и безпристрастное: охарактеризовавъ положеніе вопроса до временъ Елизаветы, авторъ продолжаетъ: „въ началѣ второй половины вѣка снова поднимаетъ вопросъ дочь преобразователя, которую нельзя было заподозрить въ недостаткѣ благочестія или въ „философскомъ умѣ“ (которымъ такъ любовалась въ себѣ Екатерина), и эти обстоятельства уже показывали, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ такъ, какъ былъ рѣшенъ въ XV вѣкѣ, и Арсеній палъ, защищая въ XVIII вѣкѣ мнѣніе Іосифа Волоцкаго. Но какъ бы историкъ ни отнесся къ этому мнѣнію, нельзя не признать за Арсеніемъ мужества въ отстаиваніи своего мнѣнія до конца. Онъ просилъ снисхожденія, просилъ, чтобы мнѣніе его было прочтено внимательно, въ цѣлости, надѣясь, что убѣдятся его резонами; но не жертвовалъ своимъ убѣжденіемъ для полученія прощенія, освобожденія отъ наказанія, онъ закончилъ свою просьбу словами: „я и теперь утверждаю, что деревень отъ церквей отбирать не надлежало“. По вопросу о правахъ дворянства составилась также коммиссія; любопытное мнѣніе гр. Бестужева-Рюмина по этому поводу, указывавшаго на необходимость выборныхъ отъ дворянства по губерніямъ, напечатано въ „Исторіи Россіи“. Коммиссія, устранивъ эти мнѣнія, остановилась только на одномъ средствѣ привлеченія дворянства къ службѣ, на вкорененномъ уже воспитаніемъ честолюбіи,—что было очевидно невѣрно. Екатерина, не соглашаясь съ коммиссіей, отложила дѣло; оно было рѣшено только въ 1785 г. Любопытныя пренія по вопросу о раскольникахъ, проложившія — по выраженію историка — „путь къ такъ называемому единовѣрію“, тоже указаны въ разбираемой книгѣ. Хроническіе вопросы: подкупность администраціи, волненія крестьянъ возбуждаются и въ это время; за ними историкъ слѣдитъ усердно; но въ особенности важенъ въ эту пору вопросъ объ управленіи Малороссіи. Въ концѣ 1763 г. поднялся въ Малороссіи вопросъ о наслѣдственности гетманскаго достоинства; сообщая, на сколько намъ извѣстно, въ первый разъ

точныя свѣдѣнія объ этой агитаціи, которая подала поводъ уничтожить гетманство, авторъ отлагаетъ изложеніе дальнѣйшаго хода дѣла до слѣдующаго тома. Изъ дѣлъ внѣшнихъ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ польскій и переговоры по случаю ожиданій, а потомъ скоро и случившейся смерти Августа II. Передавая съ своей обычной обстоятельностію всѣ перипетіи дипломатическихъ сношеній, авторъ сообщаетъ много и новаго и въ высшей степени важнаго. Дѣла польскія повели къ союзу съ Пруссіею. Вотъ какъ историкъ оцѣниваетъ въ этомъ случаѣ политику Екатерины: „миръ былъ нуженъ Екатеринѣ по непрочности ея положенія, по желанію заняться внутренними дѣлами, улучшить положеніе народа, пріобрѣсти этимъ право на его привязанность, оправдать событія 28 іюля, — для всего этого нужны были деньги и нужно было прекратить расходы на заграничную армію. На войну важно было рѣшиться только въ крайнемъ случаѣ; но предстояла ли эта крайность, надобилось ли охранять цѣлость имперіи и значеніе ея въ Европѣ, нужно ли было сдержать сосѣда сильнаго и неразбиравшаго средствъ для достиженія честолюбивыхъ цѣлей? Этотъ упорный сосѣдъ былъ уже сдержанъ". Выше авторъ замѣчаетъ вѣрно, что „за всѣ нравственныя невыгоды, за всѣ неловкости прусскаго мира отвѣчало предшествующее правительство". Указавъ на то, что дальнѣйшее ослабленіе Пруссіи послужило бы только въ пользу Австріи, авторъ доказываетъ пользу этого союза въ дѣлахъ польскихъ. „Слабая Польша — говоритъ онъ — представляла изъ себя открытую арену для борьбы Россіи, Пруссіи, Австріи, Турціи, Швеціи, Франціи. Борьба производилась съ особенною силою при королевскихъ выборахъ, и къ этой-то борьбѣ надобно было теперь готовиться. Могъ быть выбранъ или иностранный принцъ, или природный полякъ, какъ говорилось тогда, пяста. Интересъ Россіи требовалъ такого короля, который былъ бы избранъ исключительно по ея вліянію, былъ бы ей одной обязанъ престоломъ и потому могъ бы отслужить ей за это удовлетвореніемъ ея требованіямъ, которыхъ было три: облегченіе участи православныхъ русскихъ, опредѣленіе границъ, возвращеніе бѣглыхъ. Польша была слаба, а между тѣмъ сильная Россія не могла отъ нея добиться ничего относительно этихъ требованій, что производило сильное раздраженіе, ибо нарушало существенные интересы и достоинство Россіи. Понятно, какъ важно было для Екатерины, чтобы эти требованія получили удовлетвореніе въ самомъ началѣ ея царствованія, особенно первое, чтобы она для русскихъ людей явилась защитницею православія, отвѣтила дѣломъ на призывъ Конискаго въ его знаменитой рѣчи послѣ коронаціи, а въ глазахъ европейскихъ философовъ явилась защитницею свободы совѣсти, укротительницею католическаго фанатизма. Первымъ искателемъ польскаго престола былъ сынъ Августа III, наслѣдный принцъ саксонскій; но онъ не удовлетворялъ главному условію, не могъ быть возведенъ на престолъ исключительно съ помощью Россіи: его поддерживала Австрія и Франція, подъ преимущественнымъ вліяніемъ которыхъ онъ и долженъ былъ находиться". „Фридрихъ II, благодаря окончательному выходу Россіи изъ войны, пріобрѣталъ возможность заключить выгодный миръ, удержать Силезію; но онъ хорошо зналъ, что Австрія, именно за это, будетъ питать къ нему

постоянную вражду; сблизиться съ Франціею не было надежды, съ Англіею была болѣе, чѣмъ холодность, и потому Фридрихъ долженъ былъ заискивать дружбу съ Россіею, для чего нужно было предложить содѣйствіе въ курляндскомъ [1]) и польскомъ дѣлѣ. Фридриху было, разумѣется, выгодно отстраненіе принца изъ враждебнаго ему саксонскаго дома; онъ соглашался на пяста, соглашался именно на того, кого избрала Екатерина. Она избрала своего стараго знакомаго, Станислава Понятовскаго".

Изъ нашего краткаго изложенія читатель увидитъ, что интересъ „Исторіи Россіи" не только не падаетъ, но еще возрастаетъ съ каждымъ томомъ, что сочиненіе это по прежнему представляетъ и много новыхъ фактическихъ данныхъ и много умныхъ сужденій.

К. Бестужевъ-Рюминъ,

ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Законы о ипотекахъ, дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ, разъясненные польскими комментаріями. *К. Юзефовича.* 1867 г.

Судебная реформа въ Царствѣ Польскомъ застала тамъ, рядомъ съ совершенно отличнымъ матерьяльнымъ гражданскимъ правомъ родъ юридическихъ отношеній, еще незнакомыхъ въ Россіи. Ипотечная система, составляющая у насъ предметъ крайней необходимости и горячихъ желаній, существуетъ въ Царствѣ Польскомъ почти шестьдесятъ лѣтъ. Объ этой системѣ, которою справедливо гордится мѣстное законодательство, мало писано въ общеевропейской юридической литературѣ: участь большой извѣстности постигаетъ не всегда болѣе совершенные юридическіе институты. Несравненно болѣе подвергались анализу всѣ германскія ипотеки, чѣмъ обращалось вниманія на польскую ипотеку. Гораздо болѣе распространены свѣдѣнія о недостаткахъ французской ипотечной системы, чѣмъ о достоинствахъ польской.

Мѣстное польское общество пользовалось удобствами правильной ипотечной системы и сознавало ея совершенство. За границы мѣстнаго ея примѣненія переносился лишь общій поверхностный похвальный отзывъ. Даже установился неправильный взглядъ на ея происхожденіе: ее называли исправленною французской системой. Это по меньшей мѣрѣ неточно. Законодатели 1818 года, вычеркнувъ изъ введеннаго въ Польшѣ французскаго кодекса постановленія объ ипотекахъ, издали вмѣсто нихъ самостоятельную ипотечную систему. Эта система имѣетъ лишь нѣсколько

---

[1]) Въ Курляндіи сидѣлъ саксонскій принцъ Карлъ, но рѣшась отстранить саксонскую кандидатуру на польскій престолъ, Екатерина рѣшилась и въ Курляндіи замѣнить Карла прежнимъ герцогомъ—Бирономъ.

внѣшнихъ особенностей, сходныхъ съ французскими, напр. привилегіи, дѣленіе ипотекъ на законныя, судебныя и договорныя. Въ главныхъ основахъ польская система радикально отличается отъ французской.

Исторія польской ипотечной системы заключаетъ въ себѣ много поучительнаго. Она доказываетъ, насколько правильная организація юридическихъ отношеній содѣйствуетъ удовлетворенію мѣстныхъ, экономическихъ нуждъ и улучшенію экономическаго положенія. Ипотечный законъ 1818 г. принесъ громадное облегченіе поземельной собственности, находившейся въ самомъ плачевномъ состояніи. Законодательство не остановилось предъ рѣшительнымъ шагомъ къ обязательному и повсемѣстному его введенію въ короткіе сроки. На раззоренныхъ собственниковъ наложены были новыя издержки, съ увѣренностью, что это поведетъ къ выгодамъ, окупающимъ всякія жертвы. Повсемѣстное введеніе обезпечило успѣхъ и устранило колебанія и неопредѣленность долгаго переходнаго періода.

Теорія и объясненіе польскихъ ипотечныхъ законовъ принадлежатъ менѣе наукѣ, чѣмъ практической средѣ, постоянно участвующей въ примѣненіи законовъ. Лучшими истолкователями являлись юристы практики, у которыхъ понятія о дѣлѣ выработывались путемъ неуклонной логики. Это лучшее доказательство достоинствъ и великаго значенія польской ипотечной системы. Если ея положенія истолковывались и примѣнялись правильнымъ, общеполезнымъ образомъ, то несомнѣнно, что законодательство установило превосходное формулированіе правъ и юридическихъ положеній. Юридическая логика дѣйствовала въ предначертанномъ направленіи и дополнила мысль законодателя.

Для научной дѣятельности открывается благодарное поле разобрать эти результаты законодательной и юридической дѣятельности. Поэтому нельзя не желать полнаго научнаго представленія объ ипотечной системѣ Царства Польскаго и ея сопоставленія съ другими европейскими системами. Въ настоящее время существуютъ только комментаріи польской ипотечной системы, принадлежащіе мѣстнымъ юристамъ. Для русской публики этотъ родъ объясненій сдѣлался доступнымъ лишь съ изданія труда М. К. Юзефовича подъ вышеписаннымъ заглавіемъ. Этотъ трудъ составленъ на основаніи одного изъ польскихъ комментаріевъ, и представляетъ изъясненіе дѣйствующихъ законовъ.

Въ предисловіи г. Юзефовичъ заявляетъ, что онъ задался цѣлью доставить русскимъ юристамъ комментаріи къ закону объ ипотекахъ. Переводъ текста закона еще не упрочилъ даже достаточно однообразной терминологіи и потому неспособенъ достаточно ознакомить съ закономъ юристовъ, получившихъ образованіе въ Россіи.

Знакомство съ польской ипотечной системой имѣетъ значеніе не для однихъ лицъ судебнаго вѣдомства въ Царствѣ Польскомъ. Предстоящее введеніе ипотечной системы въ Россіи возбуждаетъ особенный интересъ къ системѣ, съ такимъ совершенствомъ дѣйствующей. Если даже не будетъ сдѣлано прямыхъ заимствованій изъ польской ипотечной системы, то начала послѣдней представятъ много поучительнаго по ло-

гичности и стройности ихъ проведенія, по ихъ согласованію и органической связи съ общимъ гражданскимъ кодексомъ.

Я намѣренъ преимущественно остановиться на особенностяхъ польской ипотечной системы, обусловленныхъ общимъ смысломъ мѣстныхъ гражданскихъ законовъ и связью съ ними. Труда г. Юзефовича я коснусь насколько онъ самъ раскрываетъ характеристическія черты польской ипотеки, придающія ей отличительный характеръ. Г. Юзефовичъ, оставаясь вѣренъ своей задачѣ, нигдѣ не говоритъ отъ своего лица, но объективно излагаетъ сложившееся значеніе и пониманіе законовъ.

Отраженіемъ и мѣриломъ достоинствъ ипотечной системы могутъ справедливо считаться ипотечныя книги и способъ ихъ веденія. Принципъ публичной достовѣрности, признанный законодательствомъ, долженъ осуществиться въ системѣ веденія книгъ. Въ этомъ отношеніи система польскихъ ипотечныхъ книгъ практически подтверждаетъ мнѣнія о совершенствѣ польской ипотеки. Она съ полной наглядностью изображаетъ условія, которыми обставлено пріобрѣтеніе вещныхъ правъ. Г. Юзефовичъ называетъ польскія ипотечныя книги оригинальнымъ помысломъ законодателя. Во многихъ отношеніяхъ, это вполнѣ вѣрно, но въ особенности въ томъ, что нигдѣ отмѣтка о вещномъ правѣ не представляется въ столь доступномъ для легкаго и скораго обозрѣнія видѣ.

Ипотечная книга для отдѣльной недвижимости, принадлежащей одному собственнику, состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ третья представляетъ ипотечный указатель или крѣпостную книгу другихъ ипотечныхъ системъ. Вторая часть заключаетъ собраніе пріобщенныхъ документовъ; первая же предназначена для договоровъ и составляетъ главную особенность польской системы. Ипотечная книга представляетъ не одно указаніе на существующее право, но и всю процедуру его установленія и всѣ данныя его объясняющія. Эта особенность имѣетъ свое основаніе во взглядѣ законодателя на значеніе внесенія и публичнаго пріобрѣтенія правъ. Право на недвижимость пріобрѣтается совершеніемъ акта въ ипотечной канцеляріи, которое сопровождается контролемъ и оглашеніемъ его правооснованія въ ипотечной книгѣ. Оглашеніе вещнаго права въ ипотечномъ указателѣ установляетъ распоряженіе этимъ правомъ и его публичную достовѣрность. Ипотечныя книги служатъ для проведенія этого усвоеннаго гражданскимъ законодательствомъ принципа и проводятъ его съ логическою послѣдовательностью. Договорная книга служитъ для вписанія совершаемыхъ или представляемыхъ въ канцелярію актовъ; ипотечный указатель—для оглашенія установленнаго актомъ права на недвижимость. По отношенію къ отмѣткамъ въ указателѣ, соблюдается та же послѣдовательность возникновенія, дѣйствія и прекращенія вещнаго права; графы отдѣловъ ипотечнаго указателя послѣдовательно предназначены: для предварительной отмѣтки, сохраняющей мѣсто, для укрѣпленія права, для измѣненій и наконецъ для его исключенія. Отсюда происходитъ, что не только каждая недвижимость въ отдѣльности имѣетъ полное представленіе возникновенія и дѣйствія лежащихъ на ней правъ; но и каждое право изображено наглядно отъ перваго заявленія о немъ до его исключенія. До-

статочно одного взгляда, чтобы убѣдиться существуетъ ли еще вещное право въ каждомъ данномъ случаѣ.

Установивъ вписаніе полнаго акта, выражающаго основаніе права на недвижимость, польскій ипотечный законъ различаетъ представленіе готоваго договора или инаго документа отъ совершенія договора въ ипотечной канцеляріи. Первое носитъ спеціальный терминъ заявленія, заключающаго требованіе сторонъ о внесеніи или уничтоженіи ипотечной статьи, на основаніи представляемыхъ документовъ. Въ отличіе отъ этого собственно актомъ или договоромъ называются сдѣлки, совершенныя въ ипотечной канцеляріи. Такое различіе имѣетъ особый смыслъ въ ипотечномъ законодательствѣ, различающемъ виды ипотекъ, законныхъ, судебныхъ и договорныхъ. Въ польской ипотечной системѣ опредѣляется точнымъ образомъ отношеніе внесенія вещнаго права къ его юридическому титулу.

Юридическій титулъ каждаго права на недвижимость предоставляетъ возможность дѣйствительнаго пріобрѣтенія вещнаго права съ послѣдствіями распоряженія имъ. Осуществленіе этой возможности обусловлено способомъ, которымъ является внесеніе права въ ипотечный указатель. Согласно польскому закону актъ о пріобрѣтеніи права или юридическій титулъ не можетъ совпасть со способомъ дѣйствительнаго пріобрѣтенія права на недвижимость со всѣми его послѣдствіями. На это разсчитана вся процедура установленія правъ на недвижимость и дѣятельность ипотечныхъ чиновниковъ. Нотаріусъ совершаетъ акты и принимаетъ заявленія и вноситъ акты въ договорную книгу; его дѣятельностью констатируется титулъ пріобрѣтаемаго права; онъ контролируетъ изъявленіе воли сторонами и юридическую силу предъявляемыхъ актовъ. Нотаріусъ разсматриваетъ единично каждое право на недвижимость и обезпечиваетъ ему затѣмъ старшинство охранительною отмѣткой въ ипотечномъ указателѣ.

По составленіи акта или вписаніи заявленія нотаріусомъ въ договорную книгу, она передается на опредѣленіе ипотечному отдѣленію, которое разсматриваетъ какъ сдѣлку, такъ и предложенную для внесенія статью въ ихъ соотвѣтствіи между собою и предлагаемое ими право въ отношеніи къ другимъ правамъ на недвижимость. Послѣ такого контроля ипотечное отдѣленіе дѣлаетъ опредѣленіе объ утвержденіи сдѣлки или отказываетъ въ немъ; въ первомъ случаѣ оно дѣлаетъ распоряженіе о внесеніи статьи въ ипотечный указатель. Внесеніемъ упрочиваются взаимныя отношенія сторонъ и пользованіе правомъ; внесенныя статьи для третьихъ лицъ служатъ изображеніемъ юридическаго состоянія недвижимости и находятся подъ гарантіей общественной достовѣрности. Такимъ образомъ по польскому закону внесеніе въ ипотечный указатель составляетъ заключительный актъ пріобрѣтенія права, доставляющій ему послѣдствія, обусловливаемыя ипотечною системой. Ни одно право не можетъ быть пріобрѣтено на недвижимость, безъ того, чтобы не быть внесеннымъ. Внесеніе въ ипотечный указатель связано съ каждымъ пріобрѣтеннымъ на недвижимость правомъ. Въ этомъ выражается органическая связь между всѣмъ гражданскимъ кодексомъ и ипотечной системой, которая не является внѣшней и пріобщенной

къ нему искуственными связями. Польская ипотека такъ устроена, что не замѣтно пріостановки дѣйствительнаго пользованія правомъ до извѣстнаго акта, обезпечивающаго интересы третьихъ лицъ.

Одной изъ важнѣйшихъ особенностей всякаго ипотечнаго законодательства является взглядъ его на свойство и признаки ипотеки. Въ этомъ отношеніи болѣе старыя системы держатся начала, завѣщаннаго вліяніемъ римскаго права, что ипотека есть только дополненіе обязательства. Практика, экономическія требованія и научный анализъ указали, какъ на необходимый признакъ понятія ипотеки, на ея самостоятельность какъ вещнаго права. Самостоятельность не исключаетъ полной связи съ обязательствомъ въ отдѣльномъ случаѣ. Она требуется для ясности объема требованія, лежащаго на недвижимости, и для облегченія условій передачи ипотекъ.

Нельзя назвать удачною двойственную систему новаго прусскаго закона 1872 г., допустившаго рядомъ съ дополнительной ипотекой совершенно самостоятельный поземельный долгъ (Grundschuld). Въ настоящее время оставленіе дополнительной ипотеки составляетъ уступку прежнимъ традиціямъ. Русскому законодательству не придется бороться съ этимъ тормазомъ ипотечнаго права и оно безъ сомнѣнія не колеблясь приметъ предложенную проектомъ положенія объ укрѣпленіи правъ на недвижимости полную самостоятельность ипотеки.

Польскій законъ объ ипотекѣ явился тогда, когда принципъ самостоятельности ипотеки не былъ выясненъ ни въ теоріи, ни на практикѣ. Съ польской ипотечной системой сросся иной принципъ, что нѣтъ ипотеки безъ обязательства, какъ безъ главнаго предмета нѣтъ дополнительнаго.

Принципы ипотечной системы въ этомъ отношеніи остаются вѣрны одни другимъ. Ипотечная система служитъ для публичнаго совершенія сдѣлки или для ея публичнаго признанія. Какъ безъ отмѣтки въ ипотечномъ указателѣ не можетъ быть договора на недвижимость, такъ и безъ особаго договора не можетъ быть внесенія ипотеки и слѣдовательно судьба отмѣченной ипотеки не можетъ быть отдѣлена отъ заключеннаго или заявленнаго договора.

Постановленія польскаго закона объ уступкахъ г. Юзефовичъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „тѣ ипотекою обезпеченныя права, въ отношеніи которыхъ кредитору предоставлена возможность распоряжаться, должны быть переводимы по такой формѣ, какъ и самыя недвижимости. Каждая сдѣлка такого рода должна быть оглашена внесеніемъ правооснованія въ книги [1]). Послѣдствія внесенія или невнесенія передачи ипотеки такія же по отношенію къ правамъ третьихъ лицъ, какъ и внесенія ипотекъ. Основаніе этому положенію, выраженному въ ст. 56, легко открыть, принявъ во вниманіе взглядъ польскаго законодательства на ипотеку, какъ на дополнительное право. Ипотеки нельзя передать безъ передачи обезпечиваемаго ею права. Такое право существуетъ по сдѣлкѣ, совершенной въ договорной книгѣ и въ отмѣткѣ ипотечнаго указателя. Чтобы передать его, необходимо его

---

[1]) Стр. 201.

сдѣлать предметомъ новой сдѣлки, которая совершается возлѣ своего объекта, т. е. въ ипотечной книгѣ. Эта сдѣлка подходитъ подъ общія правила, сопровождается всѣми послѣдствіями только по ея опубликованіи. Въ согласіи съ этимъ находится непризнаніе польскимъ закономъ никакихъ иныхъ документовъ, удостовѣряющихъ и предоставляющихъ право, кромѣ показаній ипотечной книги. Польскимъ закономъ допускается только выдача копій съ ипотечнаго указателя, неимѣющихъ никакого документальнаго значенія.

Такимъ образомъ переуступка польской ипотеки не отличается легкостью и ипотека (т. е., ипотечная запись или свидѣтельство) не можетъ служить предметомъ обращенія. Но это результатъ признанія несамостоятельнаго значенія ипотеки. Всѣ остальныя основы польской ипотечной системы могли бы только содѣйствовать легкости обращенія ипотекъ. Вѣрность и опредѣленность вещнаго права, создаваемыя польской ипотечной системой, представляютъ главныя условія для надежности въ обращеніи. Ипотека, установляемая при такихъ условіяхъ, представитъ гарантированную цѣнность, способную на самостоятельное значеніе, независимо отъ личнаго договора.

Польская ипотечная система еще не заставила экономическіе интересы пользоваться всѣми выгодами, которыя она способна представить по прочности и правильности своихъ основъ. Самостоятельность ипотеки можетъ быть внесена въ нее, безъ нарушенія правильности обдуманнаго стройнаго цѣлаго, какимъ она представляется въ настоящее время и должна служить образцомъ для другихъ законодательствъ.

Вышесказаннымъ я не могъ исчерпать многихъ подробностей польской ипотечной системы, проводящихъ основы, установленныя общею мыслью законодательства. Нѣкоторыя изъ нихъ всегда достойны заимствованія; другія составляютъ результатъ своеобразнаго мѣстнаго развитія юридической системы и ея связи со всѣмъ польскимъ гражданскимъ законодательствомъ. Кромѣ прямыхъ заимствованій изъ такого образца, для другихъ законодательствъ важны способъ проведенія принятыхъ основъ и разъясненіе условій прочности системы, покоющейся на согласіи и взаимной поддержкѣ положеній всего гражданскаго законодательства.

Трудъ г. Юзефовича представляетъ разъясненіе комментаріями дѣйствующихъ ипотечныхъ законовъ. Но г. Юзефовичу приходилось касаться юридическихъ вопросовъ съ теоретической стороны. Онъ съ ними обращался, оставаясь на почвѣ дѣйствующихъ польскихъ законовъ. Отсюда нѣкоторыя юридическія опредѣленія, напр. ипотеки и ея свойства, не таковы какъ въ другихъ законодательствахъ и въ новѣйшей юридической литературѣ. Г. Юзефовичъ не могъ поступить иначе, въ виду практической цѣли своего труда — представить во всей полнотѣ именно польскую ипотечную систему.

Сравненіе юридическихъ институтовъ разныхъ странъ между собой представляетъ одно изъ средствъ характеристики и выясненія смысла отдѣльныхъ положеній. Г. Юзефовичъ дѣлаетъ по отношенію къ польской ипотечной системѣ попытки такого рода, но не совсѣмъ удачно. Сравненіе было бы очень желательно съ лучшими образцами современ-

ныхъ ипотечныхъ законовъ, напр. съ новымъ прусскимъ закономъ 1872 года. Г. Юзефовичъ обращаетъ вниманіе только на старый законъ прусскій. Первый раздѣлъ труда „объ общихъ началахъ, на которыхъ образовалась ипотека“, представляетъ лишь указаніе на отличіе польской ипотеки отъ французской, а также старыхъ австрійской и прусской. Послѣдняя давно забыта и ссылка на нее не имѣетъ значенія; и потому остаются только три основныя различія польской съ французской системой. Читателю при этомъ сравненіи (сдѣланномъ въ вступленіи) еще не извѣстны всѣ особенныя основы польской ипотеки и потому отличія ея отъ французской на первомъ планѣ являются чѣмъ-то отрывочнымъ. Представленіе общихъ началъ могло бы съ большимъ удобствомъ обнять выясненіе положеній польскаго гражданскаго кодекса, поставленныхъ въ связь съ публичнымъ контролемъ вещныхъ правъ. Въ нихъ также необходимо искать основаній, на которыхъ построена польская ипотека. Общій юридическій характеръ ипотеки необходимо было бы выяснить на первомъ мѣстѣ, приведя ее въ связь съ гражданскими законами.

Первый раздѣлъ труда г. Юзефовича можно считать неполнымъ, не дающимъ опредѣленнаго понятія о системѣ и ея общихъ юридическихъ основаніяхъ. Такое выясненіе достигается въ послѣдующихъ раздѣлахъ, гдѣ г. Юзефовичъ съ обстоятельностью излагаетъ отдѣльныя положенія ипотечной системы, юридическія опредѣленія и усвоенныя ихъ толкованія. Но и тамъ комментаторская работа привела къ тому, что нужны навыкъ и извѣстное напряженіе, чтобы уловить объясняемую логическую послѣдовательность законодательства, чтобы обратить вниманіе на отличительные признаки польской системы пріобрѣтенія вещныхъ правъ.

Ф. Шмигельскій.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ и НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Обзоръ развитія главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли въ Россіи за послѣднее двадцатилѣтіе, въ графическихъ таблицахъ, *Д. А. Тимирязева*. Спб. 1876 г.

Этотъ трудъ г. Тимирязева мы должны причислить къ самымъ интереснымъ и многообъемлющимъ статистическимъ работамъ по промышленности и торговлѣ Россіи. Вслѣдствіе удачнаго графическаго изображенія этотъ трудъ имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ многотомныя сочиненія; во множествѣ своихъ таблицъ онъ даетъ обозрѣніе развитія и положенія разсматриваемаго предмета. Подобныхъ работъ еще не было въ Россіи; онѣ даже и заграницею весьма немногочисленны.

Трудъ г. Тимирязева состоитъ изъ краткаго введенія и 13 графическихъ таблицъ. Основаніемъ для графическихъ таблицъ послужили исключительно оффиціальныя данныя, а именно: для промышленности—

свѣдѣнія о нашихъ фабрикахъ и заводахъ, собираемыя на мѣстѣ городскою и уѣздною полиціею и доставляемыя начальниками губерній ежегодно въ Департаментъ Торговли и Мануфактуръ; а для внѣшней торговли г. Тимирязевъ пользовался „Обзорами (видами) внѣшней торговли“, издаваемыми ежегодно Департаментомъ Таможенныхъ Сборовъ. Говоря въ введеніи объ этихъ оффиціальныхъ данныхъ, составитель весьма справедливо обращаетъ вниманіе на то, что за отсутствіемъ правильной системы собиранія и провѣрки оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ въ Россіи, таблицы, составленныя на основаніи ихъ, представляютъ только приблизительную полноту и достовѣрность и не даютъ возможности съ точностью опредѣлить положеніе нашей промышленности и торговли. [1]) Но для предположенной цѣли - нагляднаго изображенія постепеннаго хода развитія главнѣйшихъ отраслей промышленности и внѣшней торговли,—даже и относительная вѣрность оффиціальныхъ данныхъ достаточна, тѣмъ болѣе, что въ теченіе разсматриваемаго періода 1854—1874, никакихъ существенныхъ улучшеній въ способѣ собиранія и провѣрки упомянутыхъ свѣдѣній не было.

Не вдаваясь въ разборъ каждой отдѣльной таблицы, мы только перечислимъ отрасли промышленности и внѣшней торговли, которыя обработаны г. Тимирязевымъ. Въ I таблицѣ представлено развитіе шерстяной промышленности; во II — хлопчатобумажной; въ III — полотнянаго и льнопрядильнаго производства; въ IV—А. канатнаго и пенькопрядильнаго, Б. шелкопрядильнаго и шелкоткацкаго; въ V—кожевенной промышленности; въ VI—свеклосахарнаго производства; въ VII—машиностроительнаго, механическаго и литейнаго; въ VIII—чугуноплавильнаго, желѣзо и сталедѣлательнаго; въ IX—движеніе внѣшней торговли; въ X—сравнительный обзоръ главнѣйшихъ статей отпускной торговли; въ XI сдѣланъ сравнительный обзоръ главнѣйшихъ статей привозной торговли; въ XII—заключается распредѣленіе вывоза и привоза товаровъ по границамъ и главнѣйшимъ портамъ Имперіи; въ XIII—послѣдней таблицѣ показано сравнительное развитіе главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли, съ указаніемъ вліянія крестьянской реформы. На сколько таблицы относятся къ задачѣ составителя, можно ихъ признать вполнѣ удачными за исключеніемъ послѣдней. Эта послѣдняя XIII таблица имѣетъ только весьма относительныя достоинства и во всякомъ случаѣ не то значеніе которое ей придаетъ составитель. Онъ хотѣлъ выразить въ ней вліяніе, оказанное на каждую отрасль промышленности и торговли крестьянскою реформою; съ этою цѣлью онъ отмѣтилъ точки со-

---

[1]) Мы имѣемъ много основаній сомнѣваться въ достовѣрности тѣхъ и другихъ статистическихъ данныхъ. Ихъ недостаточность впрочемъ не можетъ быть вполнѣ поставлена въ упрекъ учрежденіямъ ихъ собирающимъ. Самая натура этого матерьяла (какъ напр. опредѣленіе цѣны привозныхъ и вывозныхъ товаровъ) обусловливаетъ погрѣшности, которыя едва ли даже возможно избѣгнуть. Но если самыя цифры, обработанныя и приведенныя въ систему г. Тимирязевымъ не заслуживаютъ довѣрія, то во всякомъ случаѣ имѣетъ право на уваженіе его методъ изслѣдованія и разработки матерьяла. Въ этомъ отношеніи его трудъ весьма полезенъ и назидателенъ и можно только сожалѣть, что онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи лучшаго матерьяла. *Ред.*

отвѣтствующія степени развитія каждой отрасли въ началѣ и концѣ разсматриваемаго двадцатилѣтія, затѣмъ означилъ наибольшую степень развитія, достигнутую до 1861 г. и наименьшую степень развитія послѣ этого года, а полученныя четыре точки соединилъ прямыми линіями. При изъясненіи этой таблицы въ введеніи г. Тимирязевъ говоритъ: „Всѣ полученныя такимъ образомъ линіи обнаруживаютъ болѣе или менѣе замѣтный и продолжительный упадокъ въ эпоху, непосредственно слѣдующую за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но по истеченіи двухъ или трехъ лѣтъ послѣ объявленія великой реформы замѣчается всюду крутой подъемъ (подъ бо̀льшимъ угломъ, чѣмъ въ періодъ до 1861 года), который съ тѣхъ поръ продолжаетъ рости, наглядно доказывая благотворное вліяніе отмѣны обязательнаго труда и послѣдующихъ преобразованій настоящаго царствованія". Признавая вполнѣ благотворное вліяніе освобожденія крестьянъ вообще на благосостояніе народа, а поэтому и на развитіе промышленности и торговли, мы только сомнѣваемся, можно-ли исключительно этому одному событію приписать такое вліяніе на развитіе нашей промышленности и торговли, какое приписываетъ ему авторъ. Изъ его XIII таблицы можно заключить, будто бы освобожденіе крестьянъ было единственнымъ факторомъ въ развитіи русскаго народнаго хозяйства, въ истекшее десятилѣтіе. Это развитіе обусловливалось однако многими другими обстоятельствами, изъ которыхъ крестьянская реформа была хотя и однимъ изъ важнѣйшихъ, но не исключительнымъ; поэтому опредѣлить математически размѣръ ея вліянія невозможно. Эта таблица, касательно главнѣйшей своей цѣли (указать вліяніе освобожденія крестьянъ на развитіе нашей промышленности и торговли) имѣетъ только весьма относительное значеніе: она просто показываетъ намъ сильное развитіе хозяйственной жизни въ Россіи въ послѣднее десятилѣтіе. Четыре таблицы, посвященныя внѣшней торговлѣ, какъ и сознается самъ авторъ, не даютъ возможности прослѣдить постепенное развитіе внѣшней торговли, потому что въ продолженіе разсматриваемаго двадцатилѣтія основы исчисленія цѣнъ товаровъ были три раза измѣняемы: до 1865 г. цѣна товаровъ показывалась на основаніи купеческихъ объявленій, но убѣдясь въ неправильности этого исчисленія, Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ ввелъ въ 1865 году *постоянныя* (нормальныя) цѣны, которыя въ 1868 году по поводу новаго таможеннаго тарифа были пересмотрѣны и измѣнены; но и эта система продержалась лишь до 1872 года, когда вслѣдствіе совершенно справедливаго сознанія, что цѣнность товаровъ, исчисленная по постояннымъ нормамъ, не даетъ понятія о дѣйствительной цѣнѣ товаровъ, оставили эту систему и ввели, вмѣсто нея, опять старую систему едва ли лучшую, именно такъ называемыя дѣйствительныя цѣны, т. е. купеческія объявленія [1]). Какъ было обѣщано, эта система должна быть только временною, но и до сихъ поръ въ Обзо-

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что опредѣленіе цѣны товаровъ въ таможняхъ есть неразрѣшимая задача. Никакая система не поможетъ ея разрѣшенію и лучше ее покинуть вовсе. *Ред.*

рахъ внѣшней торговли цѣна товаровъ показывается по этой вполнѣ неправильной системѣ.

При всемъ уваженіи къ почтенному труду г. Тимирязева, мы должны указать на нѣкоторые его недостатки: корректура была производима весьма поспѣшно, отчего и вкрались безсмысленныя ошибки: въ таблицѣ о развитіи свеклосахарнаго производства, напечатано: „Привозъ чая (въ сотняхъ тысячъ рублей)“, „Привозъ кофе (въ сотняхъ тысячъ рублей)“, тогда какъ слѣдуетъ „въ сотняхъ тысячъ пудовъ“; ту же ошибку мы нашли въ введеніи при изъясненіи этой таблицы. Въ нѣкоторыхъ таблицахъ (VII и VIII) не достаетъ надписей, въ другихъ (V) года невѣрно напечатаны, какъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ введенія. Кромѣ того мы считаемъ неправильнымъ (во всякомъ случаѣ крайне затруднительнымъ для сравненія), если въ одной и той-же таблицѣ, однородные предметы измѣряются разными масштабами, такъ напр. въ таблицѣ X всѣ статьи вывоза показаны въ милліонахъ рублей,—за исключеніемъ важнѣйшей статьи „хлѣбъ“, масштабъ которой — десятки милліоновъ; вслѣдствіе этого наглядное сравненіе отдѣльныхъ статей отпускной торговли сдѣлалось, если и не совсѣмъ невозможнымъ, то крайне затруднительнымъ; это повторяется и въ XII таблицѣ. Наглядность сравненія выиграла бы еще болѣе, если бы число раздѣленій въ каждой таблицѣ было одно и то-же, а между тѣмъ большинство таблицъ раздѣлено на 60 дѣленій, но нѣкоторыя только на 40, 30 и даже на 15. Наконецъ можно пожалѣть, что авторъ въ таблицѣ X не выразилъ цифрами во сколько разъ возвысился вывозъ важнѣйшихъ статей отпускной торговли, какъ онъ это сдѣлалъ въ XI таблицѣ для главнѣйшихъ статей привозной торговли и въ XI таблицѣ для главнѣшихъ отраслей промышленности. Но всѣ эти недостатки сравнительно съ достоинствомъ труда незначительны и каждому, кто интересуется статистико-историческимъ развитіемъ нашей промышленности и внѣшней торговли, мы можемъ рекомендовать основательное ихъ изученіе въ замѣчательной работѣ г. Тимирязева.

А. Шмидтъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Institutionen des praktischen Völkerrechts in Friedenszeiten mit Rücksicht auf die Verfassung und Gesetzgebung des deutschen Reichs. Von *Adolph Hartmann.* Hanover 1874. XVI +287. (Институты практическаго международнаго права въ мирное время, съ особеннымъ примѣненіемъ къ государственному устройству и управленію германіи. Соч. А. Гартмана).

Трудъ практика, до сихъ поръ не прославившагося литературными произведеніями по международному праву, не представляетъ собою законченнаго ученаго курса международнаго права. Авторъ пользовался только весьма ограниченнымъ числомъ литературныхъ произведеній и самъ смотритъ на свой трудъ, какъ на этюдъ между его занятіями по международному праву. Но нельзя не признать, что трудъ Гартмана, хотя и не заключаетъ въ себѣ новыхъ взглядовъ, но какъ руководство для первоначальныхъ занятій, почти самое лучшее теперь сочиненіе. До сихъ поръ труды Мартенса (впрочемъ, не смотря на новыя изданія, все таки утратившаго свое прежнее значеніе) и Геффтера могли считаться наилучшими курсами международнаго *права.* Книга Гартмана стоитъ выше въ юридическомъ отношеніи. Вообще она отличается большею ясностію и точностію и притомъ чужда всякой фразѣ, читается весьма пріятно и также можетъ служить справочною книгой [1]). Авторъ не подвергаетъ критикѣ взглядовъ ученыхъ, но довольствуется констатированіемъ положительнаго международнаго права.—Трудъ Гартмана распадается на три отдѣленія; 1) международнаго права вообще; 2) о субъектахъ международнаго права или государствахъ; 3) объ отношеніяхъ государствъ другъ къ другу: I) относительно ихъ органовъ, II) ихъ договоровъ и данныхъ обстоятельствъ (территорія: море, судоходство, торговля, промышленность, художества, науки. Консулы. Отноше-

---

[1]) Пользованіе его книгой въ этомъ отношеніи очень облегчается весьма подробнымъ систематическимъ, а также алфавитнымъ указателемъ содержанія.

нія подданныхъ и иностранцевъ); IV) о нарушеніяхъ отношеній государствъ и мирномъ сожительствѣ ихъ.

Первоначальная причина существованія международнаго права—божественный духъ, вызванное имъ общеединичное правовое убѣжденіе народовъ. Правовое убѣжденіе государствъ яснѣе и болѣе зрѣло, чѣмъ у отдѣльныхъ лицъ. Международному праву свойственны: 1) измѣнчивость; 2) оно не дѣйствуетъ на пространствѣ всего земнаго шара, и 3) лишено постоянной исполнительной власти. Отношенія государствъ къ духовнымъ властямъ авторъ исключаетъ изъ предметовъ международнаго права. Однако ясно, что такое безусловное исключеніе чисто духовныхъ отношеній изъ международнаго права невозможно. Такъ называемое частное международное право авторъ считаетъ самостоятельною наукой (Баръ, Гольтцендорфъ). Положимъ, что внѣшній объемъ этой дисциплины достаточенъ, чтобы составить довольно обширный курсъ, но самое существо этой дисциплины указываетъ намъ тѣсную связь ея съ международнымъ правомъ, въ которое она со временемъ, вслѣдствіе трактатовъ, можетъ перейти цѣликомъ, составляя при томъ несомнѣнно часть государственнаго права даннаго государства; частное международное право и союзно-государственное право лучше всего доказываютъ, что невозможно опредѣлять границы отдѣльныхъ юридическихъ дисциплинъ точными чертами и цифрами. Авторъ дѣлитъ международное право на обычное и договорное. Источники послѣдняго resp. договоры, источники обычнаго международнаго права такіе акты, изъ которыхъ явствуетъ существованіе обычая, потому исторія въ общемъ — самый важный источникъ, а отдѣльные источники: 1) законы даннаго государства, распоряженія; 2) приговоры международныхъ судилищъ; 3) договоры, на сколько они подтверждаютъ обычаи; 4) testimonium peritorum. Источники и договорнаго и обычнаго международнаго права: 1) аналогія; 2) толкованіе договоровъ; 3) логичные выводы. Можно выставить также другое распредѣленіе частностей и замѣтить, что договоры большею частію подтверждаютъ уже давно соблюденные обычаи, но важно то, что авторъ различаетъ между причиною первоначальною, непосредственною причиною и т. наз. источниками международнаго права. Можно также различать между источниками международнаго права и источниками его науки и практики.—Но чтобы не перепутаться словами, раздѣленіе Гартмана весьма удобно.—Общими правами государствъ въ международномъ правовомъ союзѣ авторъ считаетъ: 1) самосохраненіе и самооборону; 2) независимость внутри своихъ терр. предѣловъ; 3) право на уваженіе его международно-юридическаго лица; 4) право сношеній съ другими государствами, и 5) граждане всѣхъ государствъ международно-юридически свободны. Упущено равенство государствъ въ международно-юридическомъ отношеніи. Касательно 4-го пункта надо было бы сдѣлать нѣкоторыя оговорки, именно въ виду втораго пункта. Слѣдовало бы указать на дуализмъ между началомъ суверенитета [1]) и международ-

[1]) Государство въ правѣ обставить положеніе иностранцевъ и сношенія съ заграницей такими обстоятельствами, что на дѣлѣ они окажутся невозможными, de jure позволяются. Точное исполненіе международнаго права этимъ не исключается.

наго общежитія, на вліяніе окружающихъ и на дуализмъ обстоятельствъ относительно свойства прогресса въ пользу идеи соціальнаго принципа въ формѣ международнаго общежитія. Такимъ образомъ можно было бы точнѣе опредѣлить юридическій характеръ приведеннаго четвертаго пункта. Авторъ въ принципѣ не признаетъ начала вмѣшательства, но далѣе онъ замѣчаетъ: если преобразованіемъ государственнаго устройства даннаго государства причиняется ущербъ правамъ другаго государства, то обиженному доставляется право отстоять свое право всѣми международно-юридически позволительными средствами. Это не подлежитъ сомнѣнію, но довольно сомнительнаго характера приведенный безъ оговорки примѣръ (если преобразованіемъ напримѣръ монархіи въ республику причиняется ущербъ наслѣдственнымъ правамъ чужой династіи), разрѣшаемый только одновременнымъ разборомъ вопроса и съ точки зрѣнія международнаго и государственнаго права. Примѣръ этотъ впрочемъ заслуживаетъ вниманіе, такъ какъ его осуществленіе не исключается, и онъ притомъ въ связи съ современнымъ государственнымъ правомъ можетъ вызвать чрезвычайно запутанныя правоотношенія resp. столкновенія. Впрочемъ авторъ не совсѣмъ точно различаетъ случай вмѣшательства и справедливую причину войны; только что приведенное его мнѣніе доказало это читателю. — Относительно церемоніала и разныхъ знаковъ уваженія, мы желали бы возразить автору тѣмъ положеніемъ, что относящіеся сюда акты, на столько, на сколько они не требуются самымъ началомъ взаимнаго уваженія и равенства государствъ, не имѣютъ обязательной силы и составляютъ только дипломатическую куртоязію.—Авторъ не совсѣмъ ясно опредѣляетъ существо правъ высшихъ органовъ государственной власти относительно такъ называемой „*внѣземельности*“. Надо полагать, что это существо состоитъ только въ предоставленіи правъ и преимуществъ на столько, на сколько данный органъ нуждается въ нихъ для исполненія своихъ порученій. Понимая этотъ вопросъ такъ, намъ не будетъ нужна фикція, подобная той, какова внѣземельность, а мы найдемъ кромѣ того связь этого института съ обезпеченіемъ необходимыхъ для государств. дѣятельности органовъ правъ и преимуществъ. Основное начало тутъ то же самое; различно только примѣненіе въ частностяхъ.—Приписывая лично монарху суверенитетъ, авторъ логично выводитъ, что даже посолъ не представляетъ своего поручителя въ полномъ видѣ. Но едва ли можно относиться къ этому вопросу согласно съ Гартманомъ, относительно конституціонной монархической власти. На сколько справедливъ взглядъ автора, что слѣдовало бы подвергать прислугу дипломатовъ, привезенную ими изъ отечества, только юрисдикціи послѣдняго, такъ какъ эта прислуга по фикціи внѣземельности находится на его территоріи, зависитъ, конечно, отъ того, на сколько мы въ состояніи убѣдиться въ надобности и удобопримѣняемости такихъ фикцій. Мы въ нихъ никогда не нуждались при разрѣшеніи вопросовъ международной правовой жизни и только что приведенный взглядъ автора, истекающій логично изъ признанной имъ фикціи, можетъ насъ только укрѣпить въ нашемъ понятіи о непримѣняемости такихъ фикцій къ реальнымъ отношеніямъ человѣческой жизни.— Не понятно, какъ авторъ могъ признать принципъ освобожденія по-

сланниковъ (по всему вѣроятію здѣсь подразумѣваются вообще дипломаты) отъ дѣйствія полицейскихъ законовъ того государства, въ которомъ они находятся, какъ дипломатическіе агенты; самъ авторъ впрочемъ не придаетъ этому принципу такого обширнаго значенія, какъ съ самаго перваго взгляда можно было бы полагать и какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ за тѣмъ его сужденій. Или авторъ понимаетъ слово „полицейскіе законы" въ такомъ тѣсномъ смыслѣ, что онъ не имѣетъ предшественниковъ для такого взгляда. Впрочемъ и здѣсь опять ошибочныя послѣдствія неправильной фикціи внѣземельности. Гартманъ признаетъ юридически необязательными такіе междугосударственные договоры, исполненіе которыхъ имѣло бы цѣлью или послѣдствіемъ недобровольное уничтоженіе политическаго (самостоятельнаго?) существованія одного изъ (договаривающихся) контрагентовъ. Слѣдующая потомъ оговорка доказываетъ только несостоятельность признаннаго авторомъ положенія.—Такіе случаи, которые авторъ повидимому имѣетъ въ виду, кромѣ того рѣшаются болѣе силою—обстоятельствъ не зависящихъ отъ какихъ нибудь правомъ признанныхъ нормъ — и вызывающихъ потомъ обыкновенно новыя понятія международнаго права. Формальное письменное изложеніе договора авторъ не признаетъ существенною необходимостью для его обязательности, если государство увѣрено въ томъ, что другой контрагенъ сдержитъ свое слово.—Гарантъ договора можетъ, но не обязанъ согласиться съ сдѣланными впослѣдствіи со стороны контрагентовъ перемѣнами, и онъ освобождается отъ своей обязанности, если перемѣна значительна. Это положеніе автора безъ всякой оговорки не вѣрно. Договоръ можетъ содержать опредѣленіе самыхъ различныхъ правоотношеній; далѣе самое существо гарантіи также допускаетъ различные ея виды, наконецъ и вопросъ о необязательности для гаранта заключенныхъ до того и въ данномъ договорѣ снова подтвержденныхъ и признанныхъ трактатовъ (какъ Гартманъ полагаетъ) не можетъ быть рѣшенъ безъ обращенія вниманія на разнородные случаи. Мы не можемъ согласиться съ авторомъ относительно его мнѣнія: „что нарушеніе одной, хотя и весьма маловажной, части договора даетъ обиженной этимъ сторонѣ (контрагенту) право на несоблюденіе всего договора, потому что каждый договоръ одно цѣлое". Первая часть этого положенія не соотвѣтствуетъ практикой выработанному правовому убѣжденію государствъ, признающихъ въ такомъ случаѣ только право репрессалій, рѣдко доходящихъ до такихъ размѣровъ, чтобы позволяли несоблюденіе всего остальнаго договора. Вторая часть (митивировка) также не согласна съ дѣйствительностью; приводить примѣры въ пользу поддерживаемаго нами взгляда едва ли нужно. Въ трактатахъ, какъ самому автору извѣстно, опредѣляются часто самыя разнородныя отношенія, составляющія одно цѣлое развѣ только въ томъ смыслѣ, что все международное право тоже одно цѣлое; но въ такомъ случаѣ авторъ едвали можетъ и захочетъ воспользоваться этою органическою связью для подтвержденія и подкрѣпленія своего положенія.— По аналогіи: potestas terrae finitur, ubi finitur armorum vis, признать исключеніе начала свободы открытаго моря въ тѣхъ размѣрахъ, которые указываются переведеннымъ положеніемъ Бинкфегуга, также не со-

отвѣтствуетъ практикѣ, почему и самъ авторъ допускаетъ также господство только на пространствѣ, занятомъ военнымъ кораблемъ (но нельзя упустить изъ виду отношенія къ эскадрамъ военныхъ кораблей).—Можно было бы привести втрое и вчетверо болѣе подобныхъ замѣчаній противъ г. Гартмана, но этимъ значеніе и несомнѣнныя достоинства его труда не должны быть унижаемы.

Praxis, Theorie und Codificaction des Völkerrechts. Von *Aug. Bulmerincq*. Leipzig. (Практика, теорія и кодефикація международнаго права, соч. Бульмеринга).

Трудъ этотъ принадлежитъ извѣстному уже 20 лѣтъ писателю и бывшему профессору международнаго права (въ Дерптѣ), доктору Бульмерингу, основательно и добросовѣстно изслѣдовавшему цѣлый рядъ наиболѣе запутанныхъ вопросовъ нашей науки. Авторитетъ почтеннаго профессора общепризнанъ, а также вышеприведенный его трудъ былъ удостоенъ въ иностранной литературѣ съ разныхъ сторонъ самыхъ лестныхъ отзывовъ. Мы съ своей стороны вполнѣ согласны со всѣми этими одобрительными отзывами и не считали бы болѣе нужнымъ представить свое мнѣніе въ печати, еслибы насъ къ этому не побудило разногласіе съ авторомъ по нѣкоторымъ существеннымъ основаніямъ его послѣдняго труда.

Задача, которую авторъ себѣ поставилъ, заключается повидимому въ разъясненіи болѣе важныхъ и притомъ по своему существу современныхъ вопросовъ международной юридической жизни и ея научной разработки. Замѣтки автора представляютъ сообщеніе результатовъ продолжительныхъ занятій, чѣмъ полный историко-догматическій разборъ разсматриваемыхъ вопросовъ. Но это не вредитъ книгѣ г. Бульмеринга; она представляетъ столько интереснаго, что едва ли кто-нибудь, занимающійся международнымъ правомъ, могъ бы не быть доволенъ ею.

Согласно заглавію, книга эта дѣлится на три отдѣла; первый, обнимающій около 80 стр., разсматриваетъ сначала факторы международной практики, указывая въ общихъ чертахъ на вліяніе и значеніе состава, свойства и положенія, а также соотношенія стихій государственной жизни въ международномъ общеніи и международной юридической жизни. Выборъ относящихся сюда предметовъ сдѣланъ однакожъ довольно произвольно. Значеніе политическихъ партій относительно надлежащаго дѣйствія государства въ международномъ общеніи государствъ занимаетъ автора особенно много. Ультрамонтанизмъ разумѣется принадлежитъ сюда же. Но соображенія автора по этому поводу не совсѣмъ соотвѣтствуютъ основной задачѣ разсматриваемаго труда. Многія изъ нихъ похожи на обыкновенныя фразы, случающіяся въ общественныхъ не ученыхъ разговорахъ по этимъ предметамъ. Замѣчаніе автора на ультрамонтанизмъ и соціальдемократію, что они не политическія партіи, едва ли можно считать справедливымъ, въ научномъ отношеніи; такая характеристика

ихъ еще ничего не доказываетъ, пока не будетъ представленъ подробный анализъ двухъ этихъ направленій въ европейской жизни. Можно согласиться съ авторомъ только относительно вреднаго вліянія ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они въ настоящее время служатъ страшилищемъ для государственно-общественнаго развитія. Значеніе семейной жизни, народнаго и высшаго образованія исторической традиціи, союзно-государственнаго общенія — вопросовъ наиважнѣйшихъ — относительно дѣйствія государства въ международномъ общеніи и въ пользу развитія международнаго права согласно требованіямъ современнаго умственнаго состоянія авторомъ вовсе не затрагивается. Также авторъ подъ 4 пунктомъ первой части перваго отдѣла не представляетъ разбора ни государственной власти съ точки зрѣнія международнаго права, ни существо союзно-государственной власти, при чемъ и не обращается вниманіе на вопросъ объ интервенціи. Авторъ былъ свободенъ въ выборѣ предметовъ для своихъ афоризмовъ, но тѣмъ не менѣе читатель въ правѣ и при таковомъ разборѣ требовать нѣкоторую логичность. Болѣе вниманія заслуживаетъ вторая часть перваго отдѣла: „принципы международной практики“. Это заглавіе по нашему мнѣнію не совсѣмъ точно, потому что авторъ разсматриваетъ только начала международной юридической жизни, не обнимающей еще всѣхъ международныхъ отношеній, а представляющихъ только одну, хотя весьма важную ихъ сторону. Авторъ, разсматривая начало политическаго равновѣсія какъ начало международнаго права, рѣшительно отвергаетъ возможность поставить международное право на такія основанія, потому что — право не можетъ быть поддерживаемо политическими принципами. Нельзя не согласиться, что международное право, какъ и всякое другое право, по своему основному существу ничто иное какъ опредѣленіе правоотношеній правоспособныхъ этическихъ существъ, но состояніе и внутреннее положеніе этой стороны общественной жизни не поддерживается само собою, а соціальнымъ равновѣсіемъ. Это и примѣняется къ международному праву. Смотрѣть потому на политическое равновѣсіе, какъ только на дисциплину внѣшней политики, т. е. какъ средство для достиженія довольно узко опредѣленныхъ цѣлей, не доказываетъ, чтобы авторъ серьезнымъ образомъ всесторонне разслѣдовалъ и понялъ значеніе соціальнаго равновѣсія, не понимаемаго имъ какъ политическое равновѣсіе безъ связи съ соціальнымъ равновѣсіемъ вообще. Право какъ обязательная правовая норма само по себѣ не имѣетъ никакого значенія, но какъ часть стихій общежитія оно входитъ также какъ элементъ въ соціальное равновѣсіе. При томъ мы совершенно согласны съ авторомъ что слѣдуетъ понимать самое право по своему существу, но этимъ оно еще не отдѣляется отъ другихъ ему сродныхъ сферъ соціальной жизни. Авторъ ошибся въ томъ, что онъ выраженіе „политическое равновѣсіе“ понимаетъ только въ томъ смыслѣ, какъ оно употреблялось въ послѣднія два столѣтія въ политической критикѣ, но самого существа этого понятія авторъ не коснулся и повидимому относится довольно индеферентно къ принадлежащимъ сюда замѣчаніямъ Гефертера и Блюнчли. Принципъ легальности „Legetimitatsprincip“. Г. Бульмерингъ разсматриваетъ съ такой же узкой точки зрѣнія, понимая это выраженіе также

не по его существу (см. прекрасную статью Legitimität Блюнчли въ его deutsches Staatswörterbuch), а въ томъ видѣ, въ какомъ Талейранъ представилъ это выраженіе дипломатамъ Вѣнскаго конгресса. Формально узкій взглядъ Брокгауза на этотъ вопросъ (см. его Legitimitätsprincip) усвоенъ и Бульмерингомъ въ его сочиненіи. Къ національному принципу, какъ цѣли и началу международнаго права, авторъ относится довольно равнодушно, а именно, отвергая возможность національныхъ задачъ для международнаго права и признавая только международную право-способность самостоятельныхъ государствъ, образовавшихся по началу національности. Но впрочемъ этимъ не вводится какое-нибудь новое начало въ вопросъ о признаніи новыхъ государствъ, какъ полноправныхъ самостоятельныхъ единицъ въ международной юридической жизни. Признаніе совершившихся фактовъ (Faits accomplis) и въ этомъ случаѣ зависитъ отъ обстоятельствъ. Чисто-юридическій характеръ здѣсь не примѣняется.

Авторъ требуетъ, чтобы ученые согласились между собою въ употребленіи словъ „народъ", „нація" (Volk) и (Nation) такъ: „народъ" обозначитъ — совокупность подданныхъ государства (политическая единица); а нація есть — этнографическое народное единство (племя). Мы не прочь согласиться на это, но не можемъ при томъ не указать на самое значеніе слова „Volk", народъ съ самыхъ древнихъ временъ германскаго общежитія (ср. значеніе Volksrechte). Предложеніе автора, впрочемъ, уже не новое, слѣдовательно не соотвѣтствуетъ совсѣмъ строгимъ правиламъ этимологіи. Слова Гефтера (1861): „Принципъ національности угрожаетъ существованію нѣкоторыхъ государствъ и династій; но международное право въ общемъ своемъ движеніи имъ не затрагивается", подвергаются Бульмерингкомъ строгому порицанію; такъ какъ международное право гарантируетъ существованіе государствъ. Но авторъ здѣсь привязывается къ словамъ Гефтера съ чисто формальной стороны. Бульмерингъ самъ-же отмѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ слова Гефертера: „Подобныя національныя движенія только факты для международнаго права. По нашему убѣжденію, образовавшемуся на основаніи изученія исторіи развитія международнаго права, это право не составляетъ такой абсолютной истины, которая бы могла поддержать вопреки всему разъ признанныя государства. Жизнь идетъ своимъ путемъ и не обращаетъ вниманія ни на какія формы, придуманныя людьми; эти формы должны напротивъ идти за развитіемъ жизни. Но эти формы все-таки не теряютъ своего этическаго значенія, а улучшаются только посредствомъ болѣе яснаго разъясненія ихъ существа. За національными движеніями нельзя не признать этическаго характера. Если они на столько окрѣпли, что могутъ также физической силой отстоять свои задачи образованія политическаго единства или не встрѣчаютъ въ такихъ стремленіяхъ препятствій, то весьма понятно, что такими перестройками государствъ не причиняется никакого вреда международному праву, а напротивъ, право отъ этого даже часто выигрываетъ, такъ какъ послѣдствіемъ такихъ переворотовъ нерѣдко являются сильныя государственныя единицы, имѣющія полезное вліяніе на развитіе международнаго права (напр. Италія). Впрочемъ, намъ еще долго придется признавать

такія „совершившіеся факты“; и это не можетъ быть иначе, потому что большая часть нашихъ опредѣленій правоотношеній не могутъ признать за собою абсолютнаго совершенства. Исторія намъ представляетъ весьма многое въ очень запутанномъ видѣ, но мы не обязаны только въ ней искать стихіи логической связи въ разрѣшеніи идеи общежитія и ея средства: опредѣленія правоотношеній. Впрочемъ авторъ впослѣдствіи, какъ и до того, (какъ уже нами было указано) допускаетъ и съ точки зрѣнія международнаго права образованіе національныхъ государствъ. Возможны также ложныя національныя стремленія вслѣдствіе отсутствія крѣпкой органической связи, необходимой для здраваго единства государственныхъ элементовъ, изъ которыхъ они желаютъ создать государство. „Международный принципъ права“ (Das internationale Rechtsprincip) авторъ предлагаетъ какъ основное начало для системы международнаго права; это онъ уже сдѣлалъ въ 1856 г. въ своей докторской диссертаціи („De natura principiorum juris intergentes positivi“). Бульмерингъ, примыкая къ исторической школѣ юристовъ, источникомъ международнаго права признаетъ правовое убѣжденіе участвующихъ въ международномъ союзѣ народовъ (государствъ); но при этомъ авторъ замѣчаетъ, что интересы и участіе даже народныхъ представительствъ въ вопросахъ международнаго права почти неощутительно. Принимая въ соображеніе несомнѣнно замѣчаемую связь всѣхъ элементовъ соціальной жизни, мы полагаемъ, что гораздо правильнѣе опредѣлить источники международнаго права такъ: международное право есть результатъ всѣхъ вліяющихъ на опредѣленіе международной правовой жизни обстоятельствъ. Этимъ мы не оказали ничего новаго, но согласили только выводы всѣхъ предшествовавшихъ писателей.

Мнѣніе г. Бульмеринга придерживается еще стараго, идеалистическаго взгляда. Международный правовый принципъ, по мнѣнію автора, составляется изъ соединенія выставленныхъ Кальтенборномъ двухъ началъ: суверенитета (Souveränität) и международнаго общенія (internationale Gemeinschaft). Но авторъ не отстраняетъ этимъ дуализма, существующаго въ дѣйствительности въ международной юридической жизни, вслѣдствіи неустранимости обозначенныхъ двухъ началъ. Авторъ далѣе выставляетъ цѣлью международной юридической жизни всемірный юридическій порядокъ. Почему же различать такъ искуственно между принципомъ и цѣлью международнаго права? Принципъ содержится въ цѣли и цѣль въ принципѣ; достаточно опредѣлить и цѣль и принципъ международнаго права словами „всемірный юридическій порядокъ“ (Weltrechtsordnung). Между тѣмъ выраженіе „internationales Rechtsprincip“ довольно неясно и даже двухсмысленно; требуется довольно обстоятельный комментарій для разъясненія его. При томъ, положеніе союзно-государственныхъ единицъ гораздо лучше объясняется посредствомъ всемірнаго юридическаго порядка. Слово „international“ также употребляется въ смыслѣ космополитизма, не всегда обозначающаго одни отношенія между государствами. По нашему мнѣнію необходимо строго различать: ученіе о международной жизни и международномъ правѣ; разработкою перваго не только будетъ доставлено надлежащее и необхо-

димое основанiе для полнаго пониманiя международнаго права, но также несомнѣнно болѣе точное опредѣленiе предметовъ международнаго права.

Во второмъ отдѣлѣ: „теорiя международнаго права", авторъ провѣряетъ, насколько наука исполнила свою задачу относительно разработки системы международнаго права. Иностранная критика признала этотъ отдѣлъ самымъ удачнымъ во всей книгѣ. Нельзя не согласиться съ этимъ взглядомъ. Авторъ настоятельно требуетъ полной разработки исторiи международнаго права (внѣшней и внутренней), на подобiе той, какую получила юридическая наука Римлянъ и Германцевъ. Глава „положительный матерьялъ" (das positive Material. pag. 98—123) содержитъ весьма обстоятельныя замѣчанiя относительно составленiя собранiй актовъ по международному праву, политикѣ и сравнительному законодательству. Необходимыми условiями такихъ собранiй авторъ справедливо выставляетъ, относительно содержанiя: 1) единство; 2) благонадежность, и 3) полноту относительно формы; 4) единство языка и 5) обозряемость и потомъ 6) благовременное сообщенiе актовъ. Г. Бульмерингъ предлагаетъ для изложенiя французскiй языкъ. Нельзя не согласиться и съ этимъ. Впрочемъ, не считаемъ излишнимъ замѣтить, что распространенiю французскаго языка въ дипломатическихъ сношенiяхъ содѣйствовала не только самая натура языка, но также и политическое значенiе Францiи. Убѣдиться въ этомъ не трудно. Глава: „изученiе международнаго права" содержитъ указанiя на необходимость изученiя международнаго права студентами-юристами; вслѣдствiе особеннаго значенiя этой юридической дисциплины для кандидатовъ на дипломатическiя должности, авторъ подробнѣе касается вообще программы, по которой они должны подвергаться экзамену; весьма правильно онъ указываетъ на необходимость политической экономiи [1]) въ этой программѣ. Авторъ не говоритъ ни слова о занятiяхъ профессоровъ въ университетахъ. Между тѣмъ замѣчанiя относительно самого чтенiя лекцiй, а также объ устройствѣ практическихъ занятiй съ слушателями ихъ такой важный вопросъ, что надо было бы обратить особенное на него вниманiе. По нашему мнѣнiю въ этомъ отношенiи примѣнимы общiя начала, предложенныя уже послѣ труда г. Бульмеринга професс. Брикнеромъ относительно устройства семинарiй по исторiи Россiи. Г. Бульмерингъ уже въ 1858 году сообщилъ главныя основанiя этой системы преподаванiя международнаго права; въ настоящемъ трудѣ онъ представляетъ полную схему, состоящую изъ 114 параграфовъ. Замѣчанiя противъ значительныхъ неточностей въ этой системѣ мы сообщимъ въ другомъ мѣстѣ. Въ общихъ основанiяхъ она, впрочемъ, заслуживаетъ уваженiя. Курсъ автора, составленный по этому плану, долженъ въ скоромъ времени появиться въ печати и будетъ замѣчательное прiобрѣтенiе въ наукѣ международнаго права. Положительную и обязательную силу международнаго права г. Бульмерингъ признаетъ потому, что государства согласны относительно международныхъ правовыхъ нормъ. Авторъ при этомъ не касается особен-

---

[1]) Политическая экономiя входитъ въ программу экзаменовъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. *Ред.*

наго характера международно-юридическихъ отношеній, не смотря на то, что онъ тутъ же приводитъ замѣчаніе Филлимора: „Отрицающіе положительность международнаго права смѣшиваютъ физическую власть, признанную закономъ, и нравственную санкцію, присущую закону уже вслѣдствіи основнаго начала права? Г. Бульмерингъ не возражаетъ ничего противъ этого положенія“. Филлиморъ впрочемъ и самъ не успѣлъ еще разработать его. Авторъ далѣе придерживается того мнѣнія, что субъектами международнаго права надо признать только государства, потому что только посредствомъ ихъ права отдѣльныхъ лицъ въ международномъ общежитіи защищаются и гарантируются. Что̀ мѣшаетъ, однако, признавать и за отдѣльными лицами характеръ юридическихъ субъектовъ въ международномъ правѣ или даже что намъ даетъ право не признавать за ними этого? Самъ авторъ по видимому затруднялся, какое мѣсто дать отдѣльнымъ лицамъ въ юридической конструкціи международнаго права и разбираетъ такимъ образомъ права отдѣльныхъ лицъ: 1) въ главѣ „Модификаціи аттрибутовъ внутренняго суверенитета въ пользу международнаго союза по юстиціи и отчасти вѣроятно полиціи“; 2) въ главѣ о защитѣ имущественныхъ правъ въ международныхъ сношеніяхъ. Но этимъ не исчерпывается еще все. Существуютъ также еще другія правовыя отношенія иностранцевъ, частныхъ лицъ за границей. Блюнчли уже въ 1865 году указалъ на нихъ (Statutenkollision въ Staatswörterbuch). Послѣдній отдѣлъ книги г. Бульмеринга содержитъ весьма прекрасный очеркъ условій кодификаціи и опыты такихъ кодификацій международнаго права. Руководствуясь указаніями и замѣчаніями монументальныхъ по этому предмету очерковъ знаменитаго Савиньи, Бульмерингъ того мнѣнія, что за не существованіемъ единаго правоваго убѣжденія народовъ относительно всѣхъ вопросовъ международной юридической жизни, кодификація возможна только по тѣмъ частямъ, по которымъ такое убѣжденіе существуетъ. Изъ опытовъ кодификацій съ особенной похвалой авторъ относится къ трудамъ Домина Петрушевица и Дюдлей-Фильда. Вообще нельзя не согласиться съ отзывами автора о разсматриваемыхъ имъ въ этой главѣ трудахъ. По международному праву это первый дѣльный и удачный опытъ изложенія условій кодификаціи.

О. Эйхельманъ,

профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета.

Annuaire de l'Institut de droit international. (Ежегодникъ Института Международнаго Права на 1877 г.).

Между новѣйшими произведеніями, въ области литературы по международному праву, заслуживаетъ вниманія только что вышедшій „Annuaire de l'Institut de droit international.“ До сихъ поръ Институтъ

Международнаго Права печаталъ свои протоколы и труды въ издаваемой въ Гентѣ „Revue de droit international et de législation comparée", а также въ „Communications" и „Bulletins", издававшихся въ видѣ приложеній къ „Revue". Но на своемъ послѣднемъ съѣздѣ въ Гагѣ Институтъ рѣшилъ, по предложенію Парьё, издавать періодически Ежегодникъ, съ цѣлію знакомить публику со всѣми своими трудами. Передъ нами — первый годъ этого изданія, вышедшаго въ свѣтъ въ декабрѣ прошлаго года. Составленіе его было поручено бюро Института.

Ежегодникъ знакомитъ насъ не только съ Институтомъ и съ результатами его плодотворной дѣятельности за первое истекшее трехлѣтіе его существованія, 1873—76 (стр. 123—142), но и даетъ намъ возможность узнать, въ главныхъ чертахъ, факты и явленія наиболѣе интересные въ сферѣ науки и жизни современнаго международнаго права. Онъ раздѣленъ на пять частей, но составляетъ небольшой томъ въ 388 страницъ. По характеру самаго содержанія вѣрнѣе принять въ немъ собственно двѣ части: одна посвящена непосредственно Институту, его дѣятелямъ и трудамъ (введеніе, 1-я и 2-я ч.); другая международному праву вообще, какъ съ точки зрѣнія теоріи, такъ и практики (1, 3, 4 и 5 ч.). Сперва сообщаются уставъ Института и правила объ избраніи новыхъ членовъ. Затѣмъ говорится о личномъ составѣ и о предметѣ занятій тѣхъ коммиссій, которыя трудятся надъ различными вопросами, предоставленными имъ Институтомъ для спеціальной разработки. При этомъ, указывается на работы, опубликованныя уже отдѣльными коммиссіями, или относящіяся къ ихъ предмету и напечатанныя въ Гентскомъ Обозрѣніи. Таково содержаніе *первой* части. Во *второй* части мы встрѣчаемъ сперва историческія свѣдѣнія о происхожденіи и первой дѣятельности Института. Это есть отчасти извлеченіе изъ прекрасной статьи объ этомъ же Ривье въ Bibliothèque universelle et Revue suisse (1874 г. декабрь). Но особенно интересны *протоколы Гагскаго съѣзда* (стр. 36—122), до сихъ поръ не являвшіеся въ печати. Они показываютъ намъ какъ серьезно и добросовѣстно трудятся коммиссіи Института надъ поставленными имъ задачами. Изъ протоколовъ мы узнаемъ не только результаты ихъ преній, но и даже мнѣнія отдѣльныхъ членовъ. Много живыхъ и интересныхъ вопросовъ было поднято и обсуждаемо въ Гагѣ. Мы недавно имѣли случай говорить о нихъ въ другомъ мѣстѣ (Русскій Вѣстникъ, 1876, декабрь). Здѣсь сдѣлаемъ только нѣкоторыя къ этому дополненія. Ривье прочелъ переведенную имъ записку Бульмеринга о новѣйшей германской литературѣ по международному праву, въ которой однако бывшій дерптскій профессоръ упоминаетъ и о сочиненіяхъ, вышедшихъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Нельзя не согласиться съ его мнѣніемъ о томъ, что международное право находится нынѣ въ Германіи въ довольно запущенномъ состояніи, особенно сравнительно съ другими отраслями правовѣдѣнія. Траверъ Твиссъ сдѣлалъ такое же сообщеніе объ англійской литературѣ, а Пьерантони объ итальянской. Полнаго одобренія заслуживаетъ некрологъ Готфёля, прочитанный Ривье. Въ теплыхъ выраженіяхъ Ривье говоритъ о жизни этого замѣчательнаго писателя и весьма удачно характеризуетъ главныя его сочиненія. Парьё представилъ, какъ и на женевскомъ съѣздѣ, отчетъ о движеніи роман-

скихъ государствъ (Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и Италіи) къ объединенію монетной системы въ 1875 г., а Роленъ-Жекменъ прочелъ отзывъ о положеніи Института за 1874—75 г. Наиболѣе слабою частію въ организаціи Института до сихъ поръ является часть финансовая. Въ силу его устава, средства Института раздѣляются на обыкновенныя (25 франковъ съ члена) и чрезвычайныя. Послѣднія состоятъ изъ добровольныхъ пожертвованій членовъ и постороннихъ лицъ. Этихъ пожертвованій поступило пока очень немного.

Въ этой же второй части мы находимъ біографическія и библіографическія свѣдѣнія о всѣхъ членахъ и сотрудникахъ Института. Эти свѣдѣнія кратки и сухи, ограничиваясь перечнемъ главнѣйшихъ научныхъ произведеній членовъ. Но и такой перечень драгоцѣненъ для каждаго любящаго науку: въ немногихъ словахъ сообщается здѣсь масса матерьяла, который едва ли можно найти въ другихъ источникахъ. Въ предисловіи къ Annuaire напечатаны даже адресы всѣхъ этихъ лицъ. *Третья* часть посвящается хронологической таблицѣ главныхъ событій международной жизни за періодъ времени отъ 1-го января 1874 до 1-го іюля 1875. Порядокъ изложенія строго-хронологическій, но въ немъ указывается на событія не только международныя, но и внутренне-государственныя, и при томъ какъ изъ области политики, такъ и изъ сферы права. Но особенно интересны на нашъ взглядъ двѣ послѣднія части: въ *четвертой* помѣщены подлинные тексты (11) важнѣйшихъ международныхъ договоровъ и актовъ за тотъ же періодъ, въ предѣлахъ котораго держится третья часть. Обѣ эти части ежегодника являются продолженіемъ Archives de droit international et de législation comparée, изданныхъ редакторами Гентскаго Обозрѣнія въ 1874 г. Укажемъ на самые интересные трактаты: дополнительная монетная конвенція 31 янв. 1874 и декларація 5 февраля 1875 о томъ же между Франціею, Бельгіею, Швейцаріею и Италіею;—желанія, высказанныя санитарною конференціею въ Вѣнѣ 1874 г. объ учрежденіи постоянной международной коммиссіи противъ эпидемій;—акты, относящіеся до брюссельской конференціи: первоначальный русскій проектъ кодификаціи законовъ и обычаевъ войны, текстъ принятый конференціею и заключительный ея протоколъ. Въ видѣ приложеній къ нимъ помѣщены: женевская конвенція 22 августа 1864 (и списокъ 27 государствъ, принявшихъ ее до 1-го іюня 1876) и петербургская конвенція о разрывныхъ пуляхъ 11 декабря 1868. — Бернскій почтовый договоръ 9-го октября 1874; — документы, относящіеся до судебной реформы въ Египтѣ;—конвенція 20 мая 1875 объ учрежденіи международнаго бюро мѣръ и вѣсовъ; — третейскій приговоръ Императора Всероссійскаго $^{17}/_{29}$ мая 1875 въ дѣлѣ Маріи Люцъ между Японіею и Перу. Наконецъ въ *пятой* и послѣдней части напечатана библіографія по международному праву за 1874 и 75 годъ (стр. 355—382). Она составлена видимо съ большимъ стараніемъ и перечисляемыя въ ней 250 сочиненій и статей касаются всѣхъ отдѣловъ международнаго права. При чемъ мы съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтили, что въ этомъ указателѣ нашли мѣсто и труды русскихъ ученыхъ (конечно не всѣ). Важность подобнаго библіографическаго указателя понятна сама собою. Мы ограничиваемся этими крат-

кими замѣчаніями. Цѣль наша—обратить вниманіе просвѣщенной русской публики на это изданіе, такъ хорошо задуманное и выполненное. Подобнаго рода книги, богатыя по содержанію и всѣмъ доступныя по цѣнѣ, болѣе всего способны проводить въ массы мыслящихъ людей принципы международнаго права, которые въ наше время *интернаціонализма* не должны оставаться чуждыми ни одному образованному человѣку.

Гр. Леонидъ Комаровскій,

профессоръ императорскаго московскаго университета.

ИСТОРІЯ.

The territorial expansion of Russia, by *D. Mackenzie-Wallace.* (The Fortnightly Review, August 1876). Территоріальное расширеніе Россіи, Д. Макензи-Уолласа.

Въ послѣднее время среди иностранцевъ, описывающихъ Россію, стала видимо обозначаться „новая школа". Появилось нѣсколько сочиненій и статей, написанныхъ съ знаніемъ дѣла, безъ легкомысленнаго разсчета на эффектъ, безъ произвольныхъ измышленій.

Къ этой школѣ серіозныхъ изслѣдователей русскаго быта безспорно принадлежитъ г. Макензи-Уолласъ, авторъ статьи о территоріальномъ расширеніи Россіи. Другая статья того же автора о сельской общинѣ, напечатанная въ Macmillan's Magazine, а еще болѣе его большое сочиненіе о Россіи, которое должно скоро выйти въ свѣтъ, даютъ полное основаніе сказать, что г. Макензи-Уолласъ займетъ едва-ли не первое мѣсто въ ряду современныхъ иностранныхъ писателей о Россіи.

Основательное изученіе нашей исторіи и нашего быта даютъ ему сильную опору. Онъ свободенъ отъ кошмара всепоглощающаго русскаго колосса, который, по сказаніямъ нѣкоторыхъ иностранныхъ публицистовъ, стремится „оказачить" Европу и сокрушить англійское владычество въ Индіи. Онъ не руководится симпатіями или антипатіями, а обращается къ фактамъ. Тѣмъ убѣдительнѣе его слово, тѣмъ интереснѣе его выводы.

Г. Макенси-Уолласъ отыскиваетъ общія явленія, которыми обусловлено образованіе всѣхъ территорій. Въ расширеніи каждаго государства онъ видитъ участіе двухъ дѣятелей—народа и правительства,—экономическаго быта и религіозныхъ вѣрованій съ одной стороны и государственныхъ задачъ съ другой. Собственно говоря, статья автора представляетъ собою страницу изъ исторіи государственныхъ территорій; онъ какъ-бы дѣлаетъ только приложеніе общихъ началъ къ Россіи, доказываетъ, что русская земля по необходимости расширялась въ томъ или другомъ направленіи. Не произволъ государей или политическихъ дѣятелей, а сила вещей опредѣляетъ движеніе государственныхъ терри-

торій; остановить эту силу никто не можетъ. „Если мы — говоритъ авторъ—въ состояніи объяснить характеръ и причины расширенія Россіи, то мы можемъ судить о томъ, на сколько новыя присоединенія усиливаютъ или ослабляютъ ее, и прійти къ нѣкоторымъ вѣрнымъ соображеніямъ относительно того, какимъ образомъ, когда и гдѣ остановится такое расширеніе“.

У народа земледѣльческаго при первичной системѣ обработки, весьма быстро истощающей почву, оказывается неизбѣжно сравнительный избытокъ народонаселенія. Это явленіе вызываетъ или выселеніе, или потребность увеличить количество обрабатываемой земли (распространять свою территорію). Сосѣдняя намъ Скандинавія высылала излишекъ своего населенія въ другія страны; для Славянъ оказалось пригоднѣе расширять свои владѣнія.

Такимъ образомъ способъ обработки земли, подсѣчное и вообще экстенсивное хозяйство прежде всего заставляло русскій народъ двигаться далѣе, переходить съ истощенной земли на новую. Къ этому присоединились и другія причины, содѣйствовавшія расширенію русской земли. Сначала татарскій погромъ заставлялъ мирныхъ земледѣльцевъ искать защиты въ малодоступныхъ мѣстностяхъ. Затѣмъ государственное тягло оказалось не по силамъ сравнительно бѣдной почвѣ; государственныя задачи росли не въ мѣру экономическому развитію страны, налоги оказались слишкомъ обременительными и обращали народъ въ бѣгство.

При такихъ условіяхъ, русскому народу предстояло разселяться по разнымъ направленіямъ.

Прежде всего открывалось движеніе на сѣверъ и востокъ.

На сѣверѣ, русскіе земледѣльцы встрѣтились съ такимъ же земледѣльческимъ населеніемъ и сліяніе пришельцевъ съ туземцами могло произойти весьма легко. Религія туземцевъ не представляла особой (замкнутой) теологической доктрины, а заключала лишь извѣстныя нравственныя предписанія; молитвы ограничивались просьбою о хорошемъ урожаѣ, о здоровьѣ и проч.; организованнаго духовенства не было. Авторъ, изучавшій на мѣстѣ бытъ Чувашей и Черемисъ, свидѣтельствуетъ о той легкости, съ какою они принимаютъ св. крещеніе и переходятъ отъ молитвъ юмали къ молитвамъ „русскому Богу и св. Николаю“. Съ другой стороны, въ вѣротерпимости, уживчивости и добродушіи русскаго народа онъ видитъ также сильное орудіе колонизаціи. „Въ русскомъ народѣ — говоритъ онъ — нѣтъ и слѣда того чувства личнаго и національнаго превосходства, которое дѣлаетъ уважающихъ законъ и свободолюбивыхъ англичанъ жестокими тиранами при столкновеніи съ болѣе слабымъ племенемъ или съ нисшею ступенью цивилизаціи; русскій народъ также чуждъ того неумѣреннаго прозелитизма, вслѣдствіе котораго язычники не могутъ часто понять, что христіанство англичанъ есть религія любви“.

По всѣмъ указаннымъ причинамъ обрусѣніе финскихъ племенъ происходило въ большихъ размѣрахъ и безъ затрудненій. Сліяніе народностей, при одинаковомъ экономическомъ строѣ и при отсутствіи религіозной борьбы, не встрѣчало и не встрѣчаетъ препятствій. Въ старину

это обрусѣніе совершалось безъ вѣдома государства; въ XVI-омъ вѣкѣ Пустозерцы брали дань съ Самояди, не заявляя о томъ правительству; связи съ новою страною установлялись по частному, а не государственному праву.

Въ иное отношеніе поставленъ былъ русскій народъ къ туранскому племени. Онъ столкнулся съ населеніемъ, стоявшимъ на нисшей степени экономическаго развитія, именно съ кочевниками, занимавшимися скотоводствомъ. Слѣдствіемъ этого была непримиримая борьба, подобная той, какая ведется въ Америкѣ между краснокожими туземцами и европейскою расою. Кочевники всегда склонны къ нападеніямъ на своихъ осѣдлыхъ сосѣдей, они принуждены отстаивать свои пастбища отъ сохи земледѣльца. Когда донскіе казаки жили исключительно добычею и скотоводствомъ, они строго запрещали обработку земли, и это дѣлалось, какъ замѣчаетъ г. Уолласъ, не изъ желанія поддержать воинственное настроеніе народа, а просто потому, что воздѣлываніе земли уменьшаетъ пастбища.

„Борьба между земледѣльцами и кочевниками — говоритъ авторъ — можетъ быть долгая и кровопролитная; но исходъ ея непреложенъ: земледѣльцы всегда остаются побѣдителями. Номады должны отодвигаться все далѣе и далѣе, а когда отступать больше некуда, они принуждены измѣнить свой образъ жизни, подъ страхомъ поголовнаго истребленія“. То-же повторилось и въ Россіи. Борьба велась долго и съ перемѣннымъ счастіемъ, но подъ конецъ кочевники были отодвинуты къ окраинамъ государства и превратились въ земледѣльцевъ. Сліянія между ними и побѣдителями однако не произошло. Причина этому лежитъ въ религіи. Магометанство считаетъ себя болѣе чистымъ и совершеннымъ вѣроученіемъ; оно имѣетъ свою опредѣленную догму и не уступаетъ передъ христіанствомъ. Русскіе и татары могутъ жить вмѣстѣ, но не сливаются другъ съ другомъ.

Процессъ борьбы русскихъ съ кочевниками еще не завершился. Авторъ указываетъ на необходимый исходъ ея и на ту границу нашу въ Азіи, которую можно считать естественною. Дѣйствительно, противъ нападеній кочевниковъ государственная власть прибѣгала къ различнымъ мѣрамъ. Римляне въ Британіи, китайцы на сѣверозападной своей границѣ обращались къ постройкѣ огромныхъ стѣнъ; для Россіи это было невозможно, въ виду обширности пограничной линіи и небольшаго населенія. Затѣмъ возможно содержаніе постоянныхъ военныхъ кордоновъ на окраинахъ страны; къ этому Россія прибѣгала въ формѣ казачества на южной и восточной границѣ и потомъ на Кавказѣ. Но въ средней Азіи нельзя думать ни о колонизаціи пограничной мѣстности, ни о военномъ кордонѣ; здѣсь остается одно средство, которое можетъ доставить безопасность,—именно, завоеваніе. Россія принуждена дѣлать завоеванія въ Азіи до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ безопасной границы, а такою можетъ считаться лишь территорія цивилизованнаго народа. Авторъ высказывается противъ пригодности нейтральнаго пояса въ странѣ кочевниковъ. Эта нейтральная полоса земли сдѣлалась бы убѣжищемъ для наѣздниковъ и разбойниковъ, которые скрывались бы въ ней отъ преслѣдованій. Необходимо одно изъ двухъ: или цивилизо-

ванныя государства должны сойтись своими границами, или между ними должно образоваться отдѣльное государство, достаточно сильное и способное уважать и охранять интересы сосѣдей. „Такъ какъ ни одно изъ небольшихъ владѣній средней Азіи не выполняетъ этихъ условій— говоритъ г. Уолласъ —то можно сказать съ увѣренностью, что русская граница должна подойти здѣсь къ британской. Гдѣ онѣ встрѣтятся — это зависитъ отъ насъ. Если мы не хотимъ, чтобы Россія переступила извѣстную черту, мы сами должны подвинуться къ ней. Столкновенія, возможныя между двумя сосѣдними народами, гораздо рѣже и менѣе опасны, чѣмъ тѣ, которыя возникаютъ между ними, если ихъ раздѣляетъ какое-нибудь небольшое государство, неспособное охранять свой нейтралитетъ и поддерживаемое только взаимнымъ соперничествомъ другихъ народовъ.

То-же самое прилагается и къ границѣ Россіи со стороны Китая. Если китайское правительство обезпечитъ спокойствіе на окраинахъ страны, то Россіи не будетъ надобности въ расширеніи своей территоріи; въ противномъ случаѣ силою вещей она сочтетъ себя вынужденною принять мѣры безопасности.

Обращаясь къ западной границѣ Россіи, авторъ замѣчаетъ здѣсь иное явленіе. Русскій народъ столкнулся на западѣ съ населеніемъ, не только способнымъ защищать свои владѣнія, но и пытавшимся расширить ихъ на счетъ русской земли. Восточная и западная половина Руси должны были мѣряться силами и рѣшить споръ о томъ, кому изъ нихъ стать во главѣ. Было время, когда перевѣсъ склонялся на сторону западной Руси, которая имѣла непосредственный доступъ къ цивилизованной Европѣ. Восточная Русь вынуждена была открыть себѣ этотъ доступъ, такъ сказать зайти въ тылъ Польшѣ и Ливоніи. Единственнымъ путемъ для такого обходнаго движенія могло служить море, и, разъ ставши крѣпко на Балтійскомъ морѣ, Россія предрѣшила вопросъ о своей западной границѣ. Послѣдующія событія могли только ускорить или замедлить это рѣшеніе, но въ исходѣ его не было сомнѣнія.

Затѣмъ на западной границѣ своей Россія находится въ оборонительномъ положеніи, и о дальнѣйшемъ ростѣ ея здѣсь не можетъ быть рѣчи. Для русской системы земледѣлія нѣтъ тамъ простора, для русскихъ мануфактуръ нѣтъ рынка. Россія не можетъ желать и не въ состояніи отодвинуть свою границу на западъ; экономическія условія полагаютъ здѣсь предѣлъ расширенію.

Остается движеніе па югъ. Все, что было здѣсь кочеваго, неспособнаго организоваться въ европейское общество, исчезло предъ нашею гражданственностью. Остается полукочевое племя, военный лагерь, принимающій на себя обликъ государства, но не имѣющій корня въ землѣ. Европейскій строй не прививается въ Турціи, онъ не скрѣпляетъ, а разъѣдаетъ ее. Г. Уолласъ не думаетъ, однако, чтобы Россія, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ, подвинулась на югъ къ Константинополю. По его мнѣнію, панславизмъ возникъ теоретически изъ ученія о федераціи племенъ романскихъ, тевтонскихъ и славянскихъ; но онъ не имѣетъ корней въ народѣ. Настоящее сочувствіе къ судьбѣ Славянъ не находится въ прямой связи съ завоеваніемъ Константинополя. „Недав-

нія извѣстія о неистовствахъ турокъ — говоритъ авторъ — вызвали въ Россіи, точно такъ же какъ и у насъ, неподдѣльное чувство негодованія противъ притѣснителей и симпатіи къ притѣсненнымъ; только въ Россіи это чувство упало на болѣе горючій матеріалъ. Русскимъ лучше нашего извѣстенъ деспотическій характеръ турецкаго управленія, они питаютъ религіозныя и политическія сочувствія къ Славянамъ, намъ не легко доступныя и неиспытанныя". Авторъ заключаетъ свою статью успокоительною увѣренностью въ миролюбіи Русскаго Государя и въ честныхъ безкорыстныхъ желаніяхъ русскаго народа. Онъ не берется рѣшить, на основаніи выставленныхъ имъ общихъ началъ, существуетъ ли для насъ роковая необходимость раздвинуть русскую землю по всему окружію Чернаго моря.

Таково содержаніе статьи г. Макензи-Уолласа, составляющей послѣднюю главу его книги о Россіи. Какъ видно, авторъ, подобно г. Гладстону, смѣло выступилъ противъ „политическаго миѳа" о всепоглощающемъ русскомъ богатырѣ. Если это не заслуга, то по крайней мѣрѣ добросовѣстно исполненная обязанность.

Но есть и другая сторона, затронутая авторомъ.

Территоріальное расширеніе было всегда тѣмъ острымъ камнемъ, о который разбивались проекты замиренія народовъ. Политическая карта Европы мѣнялась не разъ и до сихъ поръ не найдено средства узаконить ее разъ навсегда; государства не провели еще окончательно своихъ границъ.

Понятно, что при такомъ колебаніи, возникали не разъ попытки дать всѣмъ территоріямъ устойчивость, найти общія основанія, по которымъ государства должны считать себя удовлетворенными и вопросъ о границахъ поконченнымъ. Еще въ XVIII-омъ вѣкѣ Гаттерeръ, а въ новое время Риттеръ, указывали на то, что сама природа придала извѣстнымъ пространствамъ земли особую индивидуальность и какъ бы предназначила ихъ для образованія отдѣльныхъ государствъ. Много говорено было о такъ-называемыхъ естественныхъ границахъ, образуемыхъ морями, рѣками и горами; Рейнъ почему-то считался естественною границею Франціи, Пиринеи назначались рубежемъ Испаніи и проч. Затѣмъ, съ легкой руки Наполеона, стали искать совпаденія государственной границы съ національностью населенія; кто не помнитъ, какъ нѣмцы доказывали, что Шлезвигъ и Голштейнъ принадлежатъ Германіи на основаніи народнаго говора. Нельзя сказать, чтобъ это убѣжденіе или вѣрованіе перешло уже теперь въ область миѳологіи или древностей. Но рядомъ съ нимъ выступило еще новое ученіе — о потребностяхъ рынковъ или объ экономически-выгодныхъ условіяхъ территорій

Государство есть олицетвореніе земли, народности, экономическаго единства — вотъ въ немногихъ словахъ опредѣленіе задачъ, которыя должны быть осуществлены при образованіи государственныхъ территорій. Все, что несогласно съ ними, не имѣетъ для себя оправданія.

Г. Гладстонъ въ своей статьѣ о русской политикѣ въ Туркестанѣ (The Contemporary Review, november 1876), говоритъ между прочимъ: „Многіе держатся того мнѣнія, будто съ увеличеніемъ территоріи увеличивается непремѣнно и могущество государства. Едва-ли существуетъ

въ политикѣ положеніе, болѣе невѣрное. Если бы мы могли выудить въ Океанѣ или въ Нѣмецкомъ морѣ новый островъ величиною съ Англію, то мы сдѣлались бы вдвое сильнѣе; но увеличеніе владѣній за моремъ, какъ бы ни были важны и благородны открываемыя чрезъ то задачи, есть скорѣе ослабленіе, чѣмъ усиленіе для насъ, какъ для націи".

Въ этихъ словахъ много правды. Но такая правда есть именно та прямая линія, по которой исторія отказывается идти. Пространство имѣетъ обаятельную силу; государство, въ которомъ никогда не заходитъ солнце, выставлялось какъ нѣчто въ высшей степени желанное. Весьма трудно народу отказаться отъ обладанія, хотя бы оно и не представляло матеріальныхъ выгодъ.

Во всякомъ случаѣ, финансовыхъ разсчетовъ для этого недостаточно. У народа есть преданія; ему не чуждо сознаніе того, что называется историческими задачами; онъ стремится не только къ пріобрѣтенію плодородной страны, но желаетъ иногда даже принести жертву, которая окупается для него нравственнымъ удовлетвореніемъ. Самъ г. Гладстонъ говоритъ, что обладаніе Туркестаномъ служитъ для Россіи бременемъ; но, прибавляетъ онъ, „всѣ разумные наблюдатели того мнѣнія, что Провидѣніе возложило на Россію миссію цивилизаціи, исполненную заботъ". „Все доказываетъ со стороны Русскаго Императора и его правительства замѣчательную умѣренность; они подчинялись неумолимымъ силамъ, которыя двигали ихъ на путь тревожный, убыточный и нежеланный". Даже г. Скайлеръ свидѣтельствуетъ, что Русскіе принуждены были идти въ глубь Азіи не изъ желанія завоевывать, а въ силу условій, которыхъ отвратить они не могли. Г. Макензи-Уолласъ обобщаетъ эту мысль, доказывая, что Россія постоянно расширялась лишь по необходимости.

И такъ, самый миролюбивый народъ на свѣтѣ, чуждый мысли о государствѣ, въ которомъ никогда не заходитъ солнце, чуждый роли всесвѣтнаго владыки, поставленъ иногда въ необходимость дѣлать завоеванія. Онъ не въ правѣ отказаться отъ „миссіи, назначенной ему Провидѣніемъ", какъ Россія не считаетъ себя въ правѣ уступить другимъ охраненіе международныхъ путей, какъ Англія, остановиться на пути возсоединенія племени, какъ Германія, оставаться равнодушнымъ къ наполеоновскимъ идеямъ, какъ Франція и пр.

Во всякомъ случаѣ теорія расширенія исключительно по экономическимъ основамъ не выдерживается въ своей чистотѣ и подрывается разными придатками. Если согласиться съ тѣмъ, что Англія держитъ въ своихъ рукахъ Гибралтаръ, Мальту, Аденъ ради обезпеченія себѣ путей на всеміpные рынки, то можно спросить себя, почему-же всѣ другія страны обязаны полагаться на Англичанъ въ дѣлѣ, интересующемъ всѣхъ и каждаго, и не соединяются ли экономическіе разсчеты съ безопасностью отдѣльныхъ государствъ.

По нашему мнѣнію, охраненіе безопасности есть основная обязанность государства и основная его миссія; естественныя границы, племенное единство, экономическіе интересы, даже историческія задачи должны стоять на второмъ планѣ. Если возводить что либо въ принципъ при расширеніи государства, то именно обезпеченіе безопасности.

Ни одно государство не ищетъ завоеванія ради завоеванія, но побуждается интересами самообороны въ обширномъ смыслѣ. На этомъ основано всякое общежитіе, а слѣд. и международное.

Когда государство, объявляя войну, говоритъ, что оно вынуждено къ ней самозащитою, — это не просто фраза, которою будто бы прикрываются честолюбивые замыслы; въ основѣ войны всегда лежитъ опасеніе за спокойствіе и обезпеченность. Это опасеніе возбуждается не только тѣмъ, что сосѣдъ хочетъ отнять у насъ что либо, но и вообще неуваженіемъ къ праву и къ общественному порядку. Въ средѣ народовъ, какъ и между отдѣльными лицами, появляются иногда такіе, которые тревожатъ общее спокойствіе, кочевники подъ разными видами и названіями. Противъ такихъ народовъ необходимы мѣры принужденія, — коллективныя въ формѣ вмѣшательства, единичныя въ формѣ войны.

И на востокѣ, и на западѣ, и на югѣ, Россія въ своихъ завоеваніяхъ добивалась безопасной границы и останавливалась тамъ, гдѣ находила для себя обезпеченіе въ цивилизованномъ и спокойномъ сосѣдѣ. Кто хочетъ оградить себя отъ завоеваній, тотъ обязанъ упрочить порядокъ внутри себя. Петръ Великій, проложившіи путь въ Европу, привезъ по этому пути не одни корабли и пушки, но также науку и европейскій строй жизни; онъ оградилъ Россію противъ завоеваній не однѣми только крѣпостями, но устройствомъ государства. Призракъ русской алчности, связанный съ именемъ Петра и его завѣщаніемъ, держится болѣе полутора столѣтія, но остается призракомъ. Это однако не значитъ, чтобы Россія навсегда дала обѣтъ не расширять своихъ границъ.

Вопросъ о завоеваніяхъ сводится къ условіямъ, которыя опредѣляются не тѣмъ, кто завоевываетъ, а тѣмъ, противъ кого направлено завоеваніе. Интересъ безопасности и самосохраненія есть всеобщій, но причины, возбуждающія тревогу, не одинаковы. Анархія, стремленіе къ захвату и къ передѣлкѣ общественнаго строя, неспособность жить своими средствами, международное прошеніе милостыни и бродяжничество, наконецъ кощунство надъ святынею вѣры и нравственности — всѣ эти ненормальныя явленія вызываютъ войны и вмѣшательство. Внутри государства они признаются преступленіями и проступками, влекущими за собою кару закона; въ международномъ быту они вызываютъ завоеванія. Всеобщій миръ могъ бы наступить лишь въ томъ случаѣ, если бы народы нашли средство обезпечить взаимную безопасность. Подъемъ гражданственности, конечно, ведетъ къ этой желанной цѣли, но цивилизація не чужда также своихъ кризисовъ, и еще долго нельзя разсчитывать на окончательную консолидацію государственныхъ территорій, еще долго завоеванія останутся иногда единственнымъ средствомъ охраненія безопасности порядка. Нѣтъ лучше и выше исторической задачи и миссіи народа, какъ посильный трудъ въ этомъ великомъ дѣлѣ.

Въ настоящее время Россія призвана къ такому труду на побережьѣ Чернаго моря. Несомнѣнно, что Турція въ настоящемъ своемъ видѣ не обезпечиваетъ безопасности Европы. Ея управленіе, религіозная нетерпимость, страданія славянъ, неистовства кочевниковъ — все это волнуетъ европейское общество. Если Турція не въ состояніи успокоить

нравственную боль, испытываемую цивилизованнымъ и христіанскимъ обществомъ,—ея власть надъ Славянами должна быть уничтожена. Конечно, было бы лучше, если бъ такое упраздненіе азіятской государственной власти на балканскомъ полуостровѣ было совершено коллективно, всею Европою, въ формѣ правомѣрнаго международнаго вмѣшательства. Но возможно, что такая задача выпадетъ на долю одной Россіи; тогда неизбѣжна война, а завоеваніе Константинополя можетъ оказаться необходимымъ, если не будетъ другаго средства достигнуть порядка. Точно также, если славянскія провинціи не смогутъ организоваться въ государства, обезпечивающія всеобщее спокойствіе, ихъ сосѣди вынуждены будутъ установить порядокъ и въ концѣ концовъ прибѣгнуть къ завоеванію. Никакое право не оградитъ ихъ отъ этого, ибо жить въ обществѣ можно только подъ условіемъ взаимной безопасности и обезпеченности.

М. Капустинъ.

Staatengeschichte der neuesten Zeit. Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831. Von *Theodor* von *Bernhardi*. Erster Theil. Leipzig. 1863. Zweiter Theil: Erste Abtheilung. Leipzig. 1874. Zweiter Theil: Zweite Abtheilung. Leipzig. 1875. (Исторія Россіи и европейской политики съ 1814 до 1831 г., соч. Бернгарди).

Профессоръ Бидерманнъ въ Лейпцигѣ уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ началъ издавать многотомные труды различныхъ ученыхъ по новѣйшей исторіи европейскихъ государствъ. Таковы были между прочимъ: Исторія Франціи — Рохау, Исторія Италіи — Рейхлина, Исторія Австріи — Шпрингера, Исторія Англіи — Паули, Исторія Греціи — Мендельсона и пр. Разработку новѣйшей исторіи Россіи взялъ на себя г. Бернгарди, авторъ извѣстнаго сочиненія „Denkwürdigkeiten des Grafen von Toll", спеціалистъ по военной исторіи, опытный знатокъ въ области исторіи стратегіи и тактики. Г-ну Бернгарди, какъ извѣстному на этотъ счетъ ученому, было поручено Историческою Коммиссіею въ Мюнхенѣ разработать исторію военныхъ наукъ; безъ сомнѣнія этотъ послѣдній трудъ будетъ украшеніемъ прекрасной коллекціи исторіи наукъ, издаваемой въ Германіи, коллекціи, въ которой участвовали первоклассные ученые, какъ Рошеръ, Блюнчли, Пешель, Кармаршъ, Фраасъ и др.

Г. Бернгарди когда-то, лѣтъ двадцать и болѣе тому назадъ, живалъ въ Россіи; онъ знаетъ русскій языкъ; ему знакома отчасти русская историческая литература. Тѣмъ не менѣе при рѣшеніи возложенной на него новой задачи, т. е., въ сочиненіи исторіи Россіи въ XIX-мъ столѣтіи, какъ видно изъ изданныхъ понынѣ трехъ большихъ томовъ, онъ встрѣтилъ большія затрудненія.

Главнымъ предметомъ удивленія при чтеніи этихъ трехъ томовъ сочиненія г-на Бернгарди служитъ то обстоятельство, что заглавіе этого многотомнаго труда „Исторія Россіи и европейской политики съ 1814 до 1831 гг.“ нисколько не соотвѣтствуетъ своему содержанію. Всѣ три тома пока развѣ только могутъ служить введеніемъ въ настоящій предметъ, разработку котораго взялъ на себя почтенный авторъ.

Первый томъ этого сочиненія явился уже въ 1863 году. Онъ заключалъ въ себѣ не столько исторію отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ въ 1814 и 1815 годахъ, сколько исторію борьбы Европы противъ Наполеона въ это время вообще. О Россіи говорилось тутъ не болѣе, чѣмъ о Франціи, Англіи, Германіи и пр. Въ этомъ первомъ томѣ предлагалась чрезвычайно дѣльная монографія по исторіи Вѣнскаго конгресса, битвы при Ватерлоо, занятія Парижа союзными войсками и пр. Тѣмъ не менѣе этотъ первый томъ могъ служить нѣкоторымъ образомъ введеніемъ къ сочиненію; можно было ожидать, что для разработки въ слѣдующихъ томахъ настоящей исторіи Россіи, авторъ признаетъ необходимымъ указать нѣсколько подробнѣе на положеніе всей Европы во время Парижскихъ трактатовъ и Вѣнскаго конгресса (на сколько это положеніе касается Россіи) и что онъ наконецъ приступитъ къ самому дѣлу во второмъ томѣ своего обширнаго труда.

Однако содержаніе двухъ послѣднихъ томовъ еще менѣе соотвѣтствуетъ своему заглавію. Они заключаютъ въ себѣ, во-первыхъ, очеркъ общеисторическихъ событій на западѣ Европы до Наполеона, а во-вторыхъ очеркъ всей русской исторіи до 1814 года. Первая „книга“ втораго тома озаглавлена слѣдующимъ образомъ: „Положеніе Европы послѣ втораго Парижскаго мира“ и пр. („Die Lage Europas nach dem zweiten Pariser Frieden und ihre geschichtliche Begründung; Rückblick auf den Entwickelungsgang der europäischen Kultur und des europäischen Staatswesens“). Тутъ говорится о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ всеобщей исторіи. Такой очеркъ, обнимающій исторію двухъ тысячелѣтій и занимающій около двухъ сотъ страницъ, можетъ казаться совсѣмъ излишнимъ введеніемъ въ исторію Россіи отъ 1814 до 1831 года. Если же однако авторъ уже непремѣнно хотѣлъ начать свою исторію Россіи въ XIX-мъ вѣкѣ ab ovo, то по крайней мѣрѣ слѣдовало предпослать обще-историческій очеркъ разсказу событій 1814 и 1815 годовъ.

Авторъ самъ, разумѣется, не могъ не ожидать, чтобы читатели его книги не удивлялись такой странной архитектурѣ всей его работы, и потому желаетъ устранить всѣ подобнаго рода сомнѣнія читателей прямымъ увѣреніемъ въ предисловіи ко второму тому своего сочиненія, что такой распорядокъ былъ задуманъ имъ уже давно.

Какъ намъ кажется, вся систематика при этомъ случаѣ заключается въ отсутствіи какой бы то ни было системы. Порядокъ составныхъ частей труда г-на Бернгарди можетъ гораздо скорѣе казаться дѣломъ какого-то случая, нежели результатомъ заранѣе обдуманнаго плана. Доказательствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что историко-философскій очеркъ, обнимающій всю исторію до Наполеона, былъ составленъ авторомъ, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своемъ предисловіи, уже въ 1852 году, т. е. въ то время, когда онъ еще не могъ

предвидѣть, что ему придется участвовать въ издаваемой г-мъ Бидерманномъ „Staatengeschichte der neuesten Zeit". Поэтому двѣсти страницъ этой книги производятъ на читателя впечатлѣніе какой-то случайной вставки, лишняго балласта. Впрочемъ, этотъ очеркъ, хотя онъ въ данномъ случаѣ оказывается неумѣстнымъ, написанъ дѣльно и хорошо, обнаруживаетъ широкую эрудицію и многостороннюю начитанность автора.

Второю частью введенія въ исторію Россіи отъ 1814 до 1831 года служитъ вся исторія Россіи до 1814 г.; на нее посвящено болѣе тысячи страницъ. И эта часть введенія, какъ видно изъ содержанія ея, писана давнымъ-давно, какъ кажется отчасти уже въ то время, когда авторъ находился еще въ Россіи. Авторъ объясняетъ столь обширное введеніе въ своемъ предисловіи слѣдующимъ образомъ: „Представленный въ связи обзоръ прежней русской исторіи до 1814 года казался необходимымъ, потому что въ читателяхъ нельзя предполагать того знакомства съ русскою исторіею, какое встрѣчается въ отношеніи къ другимъ государствамъ, судьбы которыхъ гораздо болѣе тѣсно связаны съ ходомъ культурнаго развитія европейскаго человѣчества". Авторъ считаетъ неудобнымъ указать на сочиненія по предмету исторіи Россіи, потому что въ нихъ исторія Россіи не доведена до 1814 года, и сверхъ того, онъ замѣчаетъ, что въ этихъ трудахъ преобладаетъ фактическая сторона историческаго изложенія. Наконецъ авторъ замѣчаетъ, что онъ желалъ написать трудъ, не нуждающійся въ дополненіи другими трудами; подобнымъ обширнымъ введеніемъ авторъ надѣется доставить читателю все необходимое для пониманія событій эпохи 1814 — 31 гг; безъ такого введенія, по убѣжденію автора, оказались бы необходимыми впослѣдствіи разныя объясненія, прерывающія ходъ разсказа.

Намъ кажется, что всѣ эти аргументы въ пользу необходимости столь обширнаго введенія лишены основанія. Авторъ полагаетъ, что отсутствіе такого введенія заставило бы читателей весьма часто прибѣгать за справками къ „многотомнымъ сочиненіямъ Россіи". Однако его введеніе также вышло „многотомнымъ". Фактическая сторона историческаго изложенія встрѣчается не только въ другихъ сочиненіяхъ по исторіи Россіи, но и въ сочиненіи г-на Бернгарди, трудъ котораго конечно всего менѣе можетъ быть названъ философіею исторіи Россіи, такъ какъ тутъ предлагается главнымъ образомъ повтореніе фактовъ, разсказанныхъ давно во многихъ сочиненіяхъ. Особенно та часть труда г-на Бернгарди, которая посвящена исторіи Россіи до-наполеоновской эпохи, есть ничто иное какъ обыкновенное руководство. Безъ такого введенія, какъ авторъ полагаетъ, при позднѣйшемъ изложеніи исторіи Россіи отъ 1814 до 1831 года становились бы необходимыми какія-то обширныя объяснительныя вставки („längere Excurse"). Трудно понять, какимъ образомъ разныя частности относительно Рюрика и Святослава, Александра Невскаго и Димитрія Донскаго, Ивановъ и Василіевъ, могутъ содѣйствовать болѣе полному пониманію событій русской исторіи въ XIX-мъ столѣтіи.

Изо всего сказаннаго видно, что планъ всего труда г-на Бернгарди оказывается весьма страннымъ и что замѣчанія автора, въ предисловіи, относящіяся къ этому плану, могутъ считаться несостоятельными. Ему

по крайней мѣрѣ не удалось убѣдить насъ въ необходимости такого удивительнаго распредѣленія частей предмета. Мы не вѣримъ автору, старающемуся доказать намъ, что планъ всего труда былъ заранѣе обдуманъ. У него съ давнихъ поръ были готовы нѣкоторыя отдѣльныя историческія сочиненія, которыя онъ пожелалъ (найти случай) напечатать; поэтому его „Исторія Россіи отъ 1814 до 1831 г.“ сдѣлалась какимъ-то историческимъ сборникомъ, составныя части котораго не заключаютъ въ себѣ никакой системы. Вслѣдствіе этого положеніе самаго автора въ настоящее время сдѣлалось нѣсколько неловкимъ. Въ первомъ томѣ разсказаны весьма подробно событія 1814 и 1815 годовъ; въ концѣ третьяго тома довольно подробно разсказаны событія 1812 и 1813 годовъ. Переходя въ четвертомъ томѣ къ событіямъ дальнѣйшаго времени, авторъ долженъ будетъ перешагнуть чрезъ эпоху, бывшую уже предметомъ изложенія въ первомъ томѣ.

Г. Бернгарди, какъ мы видѣли, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ говоритъ о всѣхъ другихъ сочиненіяхъ по русской исторіи, не называя, впрочемъ, ни одного автора. Читая сочиненіе самаго г-на Бернгарди, мы невольно сравнивали его трудъ съ обширнымъ трудомъ профессора Марбургскаго университета Эрнста Германна („Geschichte des russischen Staats“). Работа Германна имѣетъ несравненно бо̀льшее значеніе, чѣмъ полтора тома г-на Бернгарди, посвященные русской исторіи и заключающіе въ себѣ хотя и популярное, но вовсе не научное изложеніе русской исторіи. Хотя нѣкоторые въ новѣйшее время изданные труды и матерьялы по русской исторіи сдѣлались извѣстными г-ну Бернгарди (труды и матерьялы, вышедшіе со времени появленія въ свѣтъ сочиненія г-на Германна), все-таки трудъ г-на Бернгарди нисколько не можетъ считаться разработкою новѣйшей исторической литературы. Трудъ Германна, напротивъ, значительною долею основанный на неизданныхъ, исключительно ему одному доступныхъ архивныхъ матерьялахъ, имѣетъ и всегда будетъ имѣть громадное значеніе въ исторической литературѣ. Для научныхъ цѣлей никто не станетъ прибѣгать къ труду г-на Бернгарди, на сколько онъ относится къ исторіи Россіи донаполеоновской эпохи, между тѣмъ какъ изученіе исторіи отношеній Россіи къ прочимъ державамъ въ XVII-мъ и XVIII столѣтіяхъ на каждомъ шагу требуетъ обращенія вниманія на сочиненіе Германна, продолжительно и неоднократно работавшаго въ архивахъ Дрезденскомъ, Парижскомъ, Берлинскомъ, Лондонскомъ и пр. Г. Германнъ во всѣхъ частяхъ своего труда оказывается самостоятельнымъ и опытнымъ ученымъ, указывающимъ въ бо̀льшей части случаевъ на источники, которыми онъ пользовался. Г. Бернгарди въ самыхъ лишь рѣдкихъ случаяхъ, упоминая объ своихъ источникахъ, является при изложеніи исторіи Россіи до наполеоновскихъ войнъ компиляторомъ и литераторомъ, гораздо болѣе чѣмъ ученымъ.

Начитанность г. Бернгарди случайна и, особенно въ отношеніи къ исторіи Россіи до XVIII-го вѣка, весьма недостаточна. Во время своего пребыванія въ Россіи онъ былъ знакомъ съ академикомъ Кругомъ; тогда же онъ изучалъ исторію россійскаго государства Карамзина, трудъ Куника о Варягахъ и т. под. Новѣйшая литература по важнѣйшимъ во-

просамъ русской исторіи какъ бы не существуетъ для г. Бернгарди. Такъ напр. говоря о Варягахъ, онъ не упоминаетъ о результатахъ изслѣдованій Гедеонова, Иловайскаго и пр. Сожалѣя о томъ, что въ русской исторической литературѣ пока не было обращено вниманія на исторію религіознаго движенія, авторъ обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ трудами по исторіи церкви и раскола; для него, какъ видно, не существуютъ сочиненія Мельникова, Иконникова, Субботина и пр. На стр. 310 авторъ жалуется на то, что Стоглавъ еще не изданъ, между тѣмъ какъ мы имѣемъ даже болѣе одного изданія этого памятника. На стр. 359 сказано, что къ сожалѣнію записки Конрада Буссо пока еще все оставались неизданными. Значитъ ему не извѣстны, ни нѣмецкое изданіе въ „Scriptores exteri“, ни русскій переводъ этихъ записокъ, изданный Устряловымъ.

Многія данныя, сообщаемыя г-мъ Бернгарди, основаны на разговорахъ въ тѣхъ кружкахъ петербургскаго общества, въ которыхъ находился г. Бернгарди во время своего пребыванія въ Россіи. Такіе матерьялы, весьма часто сомнительнаго свойства, окажутся, быть можетъ, весьма полезными развѣ только при изложеніи событій новѣйшей русской исторіи. Относясь къ болѣе отдаленнымъ эпохамъ русской исторіи, подобныя данныя имѣютъ значеніе анекдотовъ или курьёзовъ и производятъ на читателя непріятное впечатлѣніе ненаучныхъ пріемовъ автора. Такъ напр. въ самомъ текстѣ сочиненія, по поводу Лжедимитрія, разсказывается, разумѣется безъ указанія на источникъ, что Карамзинъ будто сдѣлалъ открытіе, что Димитрій былъ не самозванецъ, а настоящій сынъ Іоанна Грознаго, что Карамзинъ сообщилъ объ этомъ открытіи императору Александру, желая узнать, какъ смотритъ на это государь, и что императоръ Александръ рѣшилъ, что, какъ прежде, такъ и впослѣдствіи, Гришка Отрепьевъ долженъ считаться самозванцемъ. Разсказывая объ этомъ курьёзѣ въ тонѣ салонной бесѣды или, лучше сказать, болтовни, авторъ прибавляетъ: „Такъ разсказываютъ и этому вѣрятъ, и все это нисколько не повредило памяти Карамзина“.

Разныя погрѣшности, встрѣчаемыя въ исторіи Россіи до-наполеоновской эпохи, между прочимъ слѣдующія. На стр. 278 два раза говорится о Василіи Андреевичѣ, между тѣмъ какъ рѣчь идетъ о Владимірѣ Андреевичѣ. Іоаннъ Грозный умеръ не въ 1585 году, какъ сказано на стр. 244, а въ 1584 году. О Патрикѣ Гордонѣ сказано на стр. 415, что онъ былъ „первымъ русскимъ фельдмаршаломъ“, между тѣмъ, какъ этого званія Гордонъ никогда не имѣлъ, и пр.

Что касается до эпохи Петра Великаго и исторіи XVIII-го вѣка, то нѣкоторыя изданія новѣйшаго времени извѣстны г-ну Бернгарди, въ томъ числѣ напр. сборникъ Бартенева „Осьмнадцатый Вѣкъ“, труды Ковалевскаго „Блудовъ и его время“, Н. Попова о Татищевѣ, Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, сочиненіе Богдановича объ императорѣ Александрѣ и пр., но большая часть трудовъ и матерьяловъ по новой и новѣйшей исторіи Россіи не извѣстны автору, какъ видно не только по недостатку цитатъ, но и по содержанію сочиненія. При изложеніи эпохи Петра Великаго встрѣчаются ссылки на шесть сочиненій, между которыми однако не встрѣчаются ни относящіеся къ этому предмету

томы сочиненія Соловьева, ни трудъ Устрялова (т. е. самые капитальные труды по этой эпохѣ). Разсказывая исторію вступленія на престолъ Анны Іоанновны, авторъ воспользовался даже сборникомъ историческихъ матеріаловъ, изданныхъ Кашпиревымъ; за то при составленіи исторіи Брауншвейгскаго семейства, катастрофы Іоанна Антоновича и при изложеніи исторіи раздѣловъ Польши автору остались неизвѣстными и сырые матерьялы, относящіеся къ этимъ вопросамъ, и разбросанные въ разныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ и историческія монографіи, относящіяся къ этимъ предметамъ.

Дѣло въ томъ, что необращеніе вниманія, при разработкѣ исторіи XVIII-го вѣка, на „Архивъ князя Воронцова“, на „Сборникъ Историческаго Общества“, на сочиненіе Соловьева и пр. лишаетъ трудъ г-на Бернгарди большей части своего значенія. Въ настоящее время появленіе въ свѣтъ громадныхъ массъ историческихъ матерьяловъ, относящихся къ исторіи Россіи въ XVIII-мъ и XIX-мъ столѣтіяхъ, представляетъ большое затрудненіе особенно для ученыхъ, занимающихся за границею и не располагающихъ обширными русскими книгохранилищами. Научный трудъ однако требуетъ разработки хотя бы важнѣйшихъ такихъ матерьяловъ, разбросанныхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Кто хотя бы разъ взглянулъ въ „Архивъ князя Воронцова“, тотъ откажется писать объ участіи Россіи въ Семилѣтней войнѣ безъ тщательной разработки цѣлыхъ сотней дѣловыхъ бумагъ, заключающихся въ этомъ изданіи и относящихся прямо къ исторіи этой войны. Писать новую исторію Россіи, не пользуясь матеріалами, напечатанными С. М. Соловьевымъ, можно лишь при чрезвычайно поверхностномъ отношеніи къ дѣлу.

Г. Бернгарди гораздо болѣе способенъ написать какія-нибудь замѣтки или мемуары по исторіи Россіи въ XIX-мъ столѣтіи, чѣмъ заняться ученымъ трудомъ въ родѣ тѣхъ прекрасныхъ сочиненій Паули объ Англіи или Рейхлина объ Италіи, которыя изданы въ коллекціи г. Бидерманна. Но новѣйшая исторія Россіи г. Бернгарди будетъ особенно интересною лишь въ тѣхъ частяхъ, которыя заслужатъ названія „Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps“. Личныя отношенія г-на Бернгарди ко многимъ сановникамъ, военнымъ, ученымъ во время царствованія императора Николая, дадутъ ему возможность сообщить много интересныхъ данныхъ, имѣющихъ однако гораздо болѣе характеръ курьезныхъ „воспоминаній“, нежели ученаго труда. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чрезъ личныя связи автору извѣстна закулисная исторія разныхъ событій. Анекдоты, слышанные имъ во время его пребыванія въ Россіи, замѣняютъ у него и сырой историческій матерьялъ и историко-монографическую литературу предмета.

Чѣмъ дальше идетъ авторъ, тѣмъ богаче становится и сырой матерьялъ, о существованіи котораго онъ не знаетъ, и также историческая литература. Приступая къ дѣлу, онъ не сознавалъ очевидно затрудненія совладать съ массами печатныхъ данныхъ, которыя должны быть приняты въ соображеніе при разработкѣ предмета.

Устное преданіе, которое въ повѣствованіи г-на Бернгарди начинаетъ играть все болѣе и болѣе важную роль, не можетъ считаться со-

лиднымъ источникомъ. Тутъ, по крайней мѣрѣ, читатель въ весьма лишь рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ возможность контроля надъ сообщеніями автора. То-же самое можно сказать и о ссылкахъ на какія-то рукописныя извѣстія, встрѣчающихся въ сочиненіи г-на Бернгарди. Нигдѣ не сказано, что это такое за „рукописныя извѣстія“ („Handschriftliche Nachrichten“), на которыхъ однако построены взгляды автора на цѣлыя событія (напр. стр. 568). Мы полагаемъ, что читатели имѣютъ право требовать болѣе отчетливаго указанія на источники. Преданіе, слухи, сплетни—вотъ самый любопытный, самый важный, но нѣсколько опасный источникъ, къ которому г-нъ Бернгарди обращается часто и весьма охотно.

Такъ напр. о пожарахъ во время царствованія императрицы Анны Іоанновны сказано, на стр. 132 третьяго тома: „по преданію, сохранившемуся въ высшихъ кругахъ русскаго общества и понынѣ, виновникомъ этихъ пожаровъ было духовенство“.—Особенно часто на это „преданіе“ указывается при изложеніи военно-историческихъ событій. Такъ напр. два раза (III, 246 и 833) говорится о томъ, будто Румянцевъ совсѣмъ противъ воли былъ принужденъ кѣмъ-то сражаться при Ларгѣ и при Кагулѣ. Иногда подобный источникъ опредѣляется нѣсколько точнѣе. Такъ напр. по случаю разсказа о военныхъ событіяхъ 1809-го года говорится на стр. 596 (III-го тома): „Къ сообщеніямъ Богдановича объ этомъ странномъ походѣ можно прибавить кое-что. Графъ Фикельмонъ (Ficquelmon), бывшій впослѣдствіи долгое время австрійскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ, а въ 1809-мъ г. однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ австрійскаго генеральнаго штаба, разсказывалъ иногда объ этомъ походѣ. По его повѣствованію Австрійцы и Русскіе постоянно находились въ сношеніяхъ между собою. Всѣ движенія войскъ были результатомъ общихъ соглашеній: одно войско нарочно избѣгало другое и пр.“.

Анекдотическимъ характеромъ,—характеромъ воспоминаній и курьёзовъ, — отличаются въ сочиненіи г-на Бернгарди разсказанные имъ случаи о недостаткахъ русской администраціи, о неудовлетворительномъ состояніи университетовъ (с. 844), о кончинѣ герцогини Августы Вюртембергской (834), о Розенкампфѣ (845) и пр.

Лучшими отдѣлами сочиненія г-на Бернгарди могутъ считаться главы объ исторіи войнъ. Тутъ онъ экспертъ, спеціалистъ. Событія Семилѣтней войны впрочемъ изложены весьма кратко, нѣсколькими словами, между тѣмъ какъ исторія наполеоновскихъ войнъ до 1814-го года занимаетъ сотни страницъ. Довольно замѣчательны нѣкоторыя данныя о походахъ 1806 и 1807-го годовъ, разсказъ о турецкомъ походѣ 1810-го года и нѣкоторыя данныя о Каменскомъ, Кноррингѣ и Беннигсенѣ въ приложеніи X. Далѣе, весьма интересно изложеніе дипломатической исторіи, напр. отчаяннаго положенія, въ которомъ находилась Пруссія до войны 1812-го года. Однако и тутъ на каждомъ шагу чувствуется невнимательность къ новѣйшимъ источникамъ, изданнымъ съ тѣхъ поръ, какъ авторъ издалъ свое сочиненіе „Denkwürdigkeiten des Grafen von Toll“. Также о катастрофѣ Сперанскаго есть данныя, которыя остались неизвѣстными автору, напр. статья о Сперанскомъ

Погодина въ „Русскомъ Архивѣ“. Также нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора о Лагарпѣ, которое, какъ намъ кажется, можетъ быть названо одностороннимъ и несправедливымъ. Вообще авторъ не разъ приходитъ къ сужденіямъ о лицахъ, не выдерживающимъ критики и оказывающимся пристрастными.

Авторъ крайне недоволенъ русскою исторіею въ XVIII-мъ столѣтіи. Отзывы его объ Аннѣ, Елизаветѣ, Екатеринѣ чрезвычайно для нихъ неблагопріятны. На стр. 126 (III т.) онъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Со времени вступленія на престолъ Анны, главною или даже единственною задачею неограниченной власти сдѣлалось самодержавіе, сохраненіе самодержавія. Все другое не имѣло никакого значенія. Такъ и оставалось до эпохи Александра I“. Во-первыхъ, можно спросить: чѣмъ же на этотъ счетъ отличались стремленія Меншикова и Долгорукихъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II отъ характера правительства при слѣдующихъ государяхъ? Во-вторыхъ, должно вспомнить о просвѣщенномъ абсолютизмѣ при Екатеринѣ II, которая наравнѣ съ Фридрихомъ II и Іосифомъ II была проникнута чувствомъ долга, сознаніемъ отвѣтственности, желаніемъ быть полезною для государства и народа. Г-нъ Бернгарди въ отношеніи къ Екатеринѣ совсѣмъ инаго мнѣнія: онъ продолжаетъ послѣ только-что приведеннаго замѣчанія: „Царствованіе Екатерины не представляетъ исключенія (въ стремленіи лишь сохранить самодержавіе и не обращать вниманіе на все остальное). И для нея настоящая задача заключалась въ сохраненіи неограниченной власти. Все то, что она дѣлала помимо этой цѣли для распространенія культуры или призрака культуры въ Россіи, было сдѣлано собственно не для этой цѣли, но только ради прославленія ея личности; да наконецъ все это было довольно цѣлесообразно для самосохраненія. Екатерина ничего другаго не желала, какъ только того, чтобы ее хвалили, чтобы о ней выгодно отзывались тѣ люди, мнѣнія и взгляды которыхъ господствовали въ общественномъ мнѣніи Европы, — т. е. Вольтера, энциклопедистовъ и пр.“. Въ другомъ мѣстѣ сказано объ Екатеринѣ (стр. 339): „Екатерина и не думала вовсе объ излеченіи ранъ государства, о приведеніи государственнаго хозяйства въ надлежащее состояніе, объ извлеченіи пользы изъ занятыхъ береговъ Чернаго моря, о развитіи международныхъ торговыхъ сношеній. Такая скромная, чуждая всякому тщеславію, хотя и плодотворная дѣятельность была ей не по сердцу.“— Разумѣется такіе отзывы не основаны на спеціальномъ изученіи источниковъ для исторіи Екатерины. Письма Екатерины, напечатанныя цѣлыми сотнями въ послѣднее время; дневники лицъ, приближенныхъ къ ней, напр. дневникъ Храповицкаго; всевозможные матерьялы, которые могутъ служить источниками для характеристики императрицы Екатерины — все это осталось для г-на Бернгарди какою-то *terra incognita*. За то при обсужденіи личности Екатерины онъ пользуется данными въ родѣ слѣдующихъ. Два мѣсяца послѣ кончины Петра III, Екатерина дала знать Дидро и Вольтеру, что если продолженіе изданія энциклопедіи во Франціи встрѣтитъ затрудненія, она въ свою очередь готова позаботиться о томъ, чтобы изданіе энциклопедіи продолжалось въ Россіи. Въ томъ обстоятельствѣ, что Екатерина писала это именно

только два мѣсяца послѣ кончины своего супруга, г. Бернгарди видитъ доказательство самой ужасной нравственной ея порчи. Далѣе авторъ легко вѣритъ разнымъ слухамъ. Такъ напр. на стр. 88 сказано: „Никто не сомнѣвался въ существованіи незаконной связи Петра II съ теткою Елизаветою“, между тѣмъ какъ этотъ фактъ не подтверждается никакою ссылкою, а напротивъ противорѣчитъ всѣмъ даннымъ, которыя на этотъ счетъ извѣстны, между прочимъ, въ письмахъ леди Рондо. Несостоятельность отзывовъ въ родѣ слѣдующаго, что Аракчеевъ отличался отсутствіемъ всякаго корыстолюбія, или что пріобрѣтеніе Очаковской степи въ Ясскомъ мирѣ было самою ничтожною выгодою (295) — очевидны. На стр. 39 сообщается любопытный фактъ, что Петръ Великій остановилъ положительно всю торговлю въ Архангельскѣ, запретивъ безусловно торговать чрезъ этотъ городъ. Говоря о Посошковѣ, авторъ называетъ послѣдняго тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ, при чемъ встрѣчается ссылка на сочиненіе Н. Попова о Татищевѣ. Въ послѣднемъ, разумѣется, не говорится ничего подобнаго. На стр. 50 и 59 смѣшивается Сводъ Законовъ съ Полнымъ Собраніемъ Законовъ. На стр. 159 разсказывается, что Елизавета грозила Аннѣ Леопольдовнѣ пыткою, при чемъ встрѣчается ссылка на частное сообщеніе компетентнаго лица, о томъ, что въ Архивѣ кабинета еще хранится записка императрицы такого содержанія. Дѣло въ томъ, что эта угроза, какъ мы знаемъ изъ разныхъ матерьяловъ, относилась не въ Аннѣ Леопольдовнѣ, а къ ея подругѣ Юліанѣ Менгденъ. На стр. 429 сказано, что Анна Леопольдовна „проскучала много лѣтъ въ Холмогорахъ“, между тѣмъ какъ она находилась тамъ не болѣе четырнадцати мѣсяцевъ. На стр. 164 сказано, что Ѳеофанъ Прокоповичъ умеръ въ 1734-мъ году. Онъ умеръ въ 1736-мъ году. На стр. 211 извѣстный актёръ Волковъ смѣшивается съ государственнымъ человѣкомъ Волковымъ. При разсказѣ путешествія Екатерины II въ 1787-мъ году повторяются множество разъ разсказанные анекдоты сомнительнаго свойства. При этомъ случаѣ сказано, что императрица взяла съ собою въ Крымъ обоихъ внуковъ, Константина и Александра (258); изъ этого разсказа видно, что автору неизвѣстно содержаніе множества писемъ Екатерины, въ которыхъ говорится объ этихъ внукахъ, оставшихся въ Петербургѣ. На стр. 463 говорится о какомъ-то городѣ Екатеринополѣ. На стр. 634 и 640 извѣстный экономистъ Якобъ названъ Якоби.

Таковъ характеръ сочиненія г-на Бернгарди о Россіи, которое было встрѣчено весьма благосклонно въ нѣмецкой печати. Оно во многихъ отношеніяхъ крайне неудовлетворительно и отличается весьма чудовищнымъ планомъ. Продолжая писать исторію Россіи въ XIX-мъ столѣтіи, авторъ встрѣтитъ еще болѣе затрудненій, но вѣроятно отнесется къ нимъ такъ же, какъ и при разработкѣ двухъ томовъ русской исторіи до 1814-го года. Тѣмъ не менѣе можно ожидать, что настоящій трудъ г-на Бернгарди, если только окажется возможнымъ продолжать и окончить его, можетъ быть интересенъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, можно будетъ ожидать интереснаго изложенія турецкой войны при императорѣ Николаѣ, а во-вторыхъ, личныя воспоминанія автора, относящіяся ко времени его пребыванія въ Россіи,

доставятъ ему возможность, хотя и не въ видѣ ученой книги, но въ видѣ публицистическихъ записокъ, прибавить кое-что къ существующему уже запасу свѣдѣній объ этой эпохѣ.

А. Брикнеръ,

профессоръ императорскаго дерптскаго университета.

Etudes politiques sur l'histoire ancienne et moderne et sur l'influence de l'état de guerre et de l'état de paix. Par *Devaux*. Paris. 1875. (Изслѣдованія политическихъ явленій древней и новой исторіи и вліяніе состоянія войны и мира. Соч. Дево. Парижъ. 1875).

Авторъ въ означенномъ сочиненіи излагаетъ довольно подробно внѣшне-политическую исторію нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ народовъ (древняго Египта, древней Индіи, Евреевъ, Спарты, Аѳинъ, Франціи, Англіи и Германіи), т. е. принимаетъ во вниманіе преимущественно возникновеніе, распространеніе и паденіе государствъ, развитіе государственной власти, перемѣны формъ правленія, смѣну династій, войны, завоеванія, причемъ старается уяснить причины, вызывавшія эти явленія въ исторіи. Въ этихъ своихъ частяхъ сочиненіе представляетъ не малый интересъ; въ особенности интересны его мысли о вліяніи войны и мира на состояніе государствъ. Авторъ пришелъ къ тому убѣжденію, что война вызываетъ извѣстныя политическія послѣдствія, независимыя отъ прямыхъ результатовъ побѣды или пораженія, которые вынуждаются силою и получаютъ свое утвержденіе въ трактатахъ, что эти послѣдствія имѣютъ большое значеніе и часто повторяются. Путемъ изученія исторіи авторъ прослѣдилъ вліяніе войны на нравственную сторону воюющихъ народовъ, на внутреннее состояніе государствъ, на положеніе власти, на политическія партіи, на политическіе и даже гражданскіе институты, на національное единство, на весь характеръ внутренней исторіи, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени. Равнымъ образомъ и состояніе мира имѣетъ свои послѣдствія, но сравнительно съ войною оно дѣйствуетъ въ обратномъ смыслѣ, въ противоположномъ направленіи: одно укрѣпляетъ то, что другое ослабляетъ, одно понижаетъ то, что другое возвышаетъ, одно раздѣляетъ то, что другое соединяетъ. Дево указываетъ эти вліянія въ исторіи различныхъ государствъ древнихъ и новыхъ, старается доказать, что означенныя причины и слѣдствія дѣйствуютъ повсюду неизмѣнно и съ твердымъ постоянствомъ. Всѣ историческія событія, по мнѣнію Дево, состоятъ подъ господствомъ какихъ либо общихъ причинъ, изъ которыхъ однѣ имѣютъ большее значеніе, другія меньшее, однѣ производятъ болѣе продолжительныя послѣдствія, другія проявляютъ свое дѣйствіе въ теченіе короткаго промежутка времени. Наиболѣе общія причины, опредѣляющія характеръ и направленіе исторіи народа, господствующія во всѣ эпохи жизни народной, можно привести къ тремъ: вліяніе характера (психическихъ особенностей) народа, вліяніе территоріи, на кото-

рой онъ живетъ, вліяніе его сношеній (его общенія съ другими народами). Подъ господствомъ этихъ трехъ коренныхъ причинъ дѣйствуютъ другія болѣе ограниченныя, спеціальныя причины, къ которымъ между прочимъ относятся война и миръ. Прямыя, непосредственныя, для всѣхъ ясныя и очевидныя послѣдствія войны обнаруживаются въ тѣхъ условіяхъ, которыя предписываетъ побѣдитель побѣжденному, таковы завоеваніе и пріобрѣтеніе территоріи, подчиненіе одной изъ воюющихъ сторонъ, переходъ ея подъ власть, господство другой, наложеніе контрибуцій и пр.; но существуютъ еще косвенныя послѣдствія войны, которыя наступаютъ независимо отъ побѣдителя, свободно, вызываются силою вещей и тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое производитъ война на умы, на духовный міръ воюющихъ во время приготовленія къ ней, во время веденія и по окончаніи ея. Изученіе этихъ косвенныхъ вліяній войны, по мнѣнію Дево, весьма важно, ибо ими объясняются многія историческія событія, которыхъ прежде не умѣли объяснить или толковали неправильно.

Histoire des institutions politiques de l'ancienne France par Fustel de Coulanges. Première partie. L'empire romain — les germains — la royauté mérovingienne. Paris. 1875. (Исторія государственныхъ учрежденій древней Франціи. Соч. *Фюстель-де-Куланжа.* Часть первая. Римская Имперія, Германцы, королевство Меровинговъ. Парижъ. 1875).

Эта книга знакомитъ читателей съ древнѣйшимъ періодомъ исторіи Франціи отъ завоеванія Галліи Римлянами до конца царствованія династіи Меровинговъ. Авторъ изслѣдуетъ политическое и соціальное состояніе Галловъ до завоеванія ихъ Римлянами и во время пребыванія Юлія Цезаря въ Галліи, затѣмъ подробно разсматриваетъ послѣдствія завоеванія Римлянъ, изслѣдуетъ, какое вліяніе произвело это завоеваніе на нравы, языкъ, умственное развитіе, на политическій и общественный строй Галловъ. Далѣе авторъ говоритъ о Германцахъ, ихъ нравахъ и обычаяхъ въ эпоху Тацита и въ V вѣкѣ, о вторженіи ихъ въ Галлію, объ отношеніи Германцевъ къ Галло-римлянамъ и послѣдствіяхъ вторженія. Періодъ меровингскихъ королей изложенъ достаточно полно въ политическомъ отношеніи, административно-судебномъ, соціальномъ; отчасти обсуждается при этомъ и гражданское право.

Авторъ руководился въ своихъ изслѣдованіяхъ тою мыслію, что современному историку хотя и трудно, но необходимо для выясненія какихъ либо древнихъ институтовъ проникнуть въ идеи и факты, которые вызвали существованіе этихъ институтовъ. При такомъ отношеніи къ предметамъ изслѣдованія учрежденія, съ нашей современной точки зрѣнія, странныя, анормальныя, жесткія, носящія повидимому признаки случайности, произвола, станутъ для насъ понятными, необходимыми, правильными; тогда для насъ выяснится, что такіе-то и

такіе-то институты развивались медленно, постепенно, не случайно и не подъ вліяніемъ произвола, ибо они соотвѣтствовали нравамъ, обычаямъ, матеріальнымъ потребностямъ, образу мыслей данной эпохи. Далѣе необходимо историку обнять своимъ изслѣдованіемъ возможно большій періодъ времени, ибо въ противномъ случаѣ весьма легко впасть въ ошибки. Въ данное время, институтъ можетъ достигнуть полнаго своего развитія, слѣдовательно можетъ быть совершенно непохожъ на тотъ же институтъ въ раннюю эпоху своего существованія. Для того, чтобы ознакомиться съ даннымъ учрежденіемъ вполнѣ, необходимо обратиться къ причинамъ, вызвавшимъ его, къ обстоятельствамъ, при которыхъ онъ образовался и получилъ свою силу, а иногда эти причины, эти обстоятельства дѣйствуютъ столѣтіемъ раньше, слѣдовательно необходимо отодвинуть свое изслѣдованіе возможно далѣе въ прошедшее.

Книга Фюстель-де-Куланжа написана прекраснымъ, яснымъ и точнымъ языкомъ, всѣ выводы основаны на документахъ, актахъ, свидѣтельствахъ писателей и другихъ историческихъ данныхъ, но съ другой стороны, въ ней мы встрѣчаемъ мало новаго послѣ множества другихъ изслѣдованій, посвященныхъ той же эпохѣ. Фюстель-де-Куланжъ между прочимъ не допускаетъ значительнаго вліянія Германцевъ на Галловъ и Галло-римлянъ въ первыя времена по вторженіи, утверждаетъ, что жители Галліи и Германцы пользовались одинаково равнымъ положеніемъ, что франки не произвели раздѣла земель, что понятіе аллода не связывалось ни съ племеннымъ различіемъ, ни съ особеннымъ классомъ лицъ, что аллодъ и право собственности одно и то-же понятіе, не носившее на себѣ никакихъ слѣдовъ завоеванія, право одинаково принадлежавшее туземцамъ и Германцамъ, что слово аллодъ не встрѣчается въ германскихъ нарѣчіяхъ, а только въ текстахъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ. Книга Куланжа можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для начинающихъ изучать исторію Франціи.

П. Л. Карасевичъ,

профессоръ императорскаго московскаго университета.

СТАТИСТИКА.

Anders, W. 1) Die Geburtsfälle und die Sterbefälle in Livland 1863—1872 г. Riga 1875.—2) Beiträge zur Statistik Livlands. Riga. 1876. (Андерсъ, В. 1) Свѣдѣнія о числѣ родившихся и умершихъ въ Лифляндской губерніи 1863—1872 г. Рига. 1875.—2) Матерьялы для статистики Лифляндской губерніи. Рига. 1876 г.).

Этимъ трудомъ секретарь Лифляндскаго Статистическаго Комитета обогатилъ статистическую литературу Прибалтійскихъ нашихъ губерній матерьяломъ достойнымъ уваженія. Въ первомъ своемъ трудѣ „Свѣдѣнія

о числѣ родившихся и умершихъ 1863—1872“ авторъ разсматриваетъ движеніе народонаселенія въ этомъ десятилѣтіи, въ трехъ главахъ, а именно въ первой рождаемость, во второй смертность и въ третьей приращеніе населенія. Онъ держится метода Ваппеуса и Энгеля, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ много самостоятельности при разработкѣ своего матеріала. Это сочиненіе заслуживаетъ вниманія также и потому, что авторъ почти безъ исключенія помѣщаетъ абсолютныя цифры, изъ которыхъ онъ выводитъ относительныя данныя, и потому, что почти всѣ абсолютныя цифры намъ представляются въ обработанномъ видѣ. Свѣдѣнія вездѣ показаны по каждому уѣзду, по вѣроисповѣданіямъ и мѣсяцамъ года, а также и по городамъ и селеніямъ. Новыхъ статистическихъ результатовъ для теоріи движенія народонаселенія авторъ не добивается; общепризнанные факты, какъ-то: наибольшая плодовитость еврейскихъ браковъ, максимумъ зачатій весною, перевѣсъ мужскихъ рожденій надъ женскими, какъ въ числѣ законнорожденныхъ, такъ и въ числѣ незаконнорожденныхъ, преобладаніе незаконнорожденныхъ въ городахъ сравнительно съ селеніями и мертворожденныхъ среди незаконныхъ дѣтей и т. д., всѣ эти статистическіе выводы подтверждаются изслѣдованіями г. Андерса по Лифляндской губерніи. — Средняя цифра рождаемости въ Лифляндской губерніи въ десятилѣтіе 1863 — 1872 была 27,3, т. е. на 27,3 жителей приходилось 1 рожденіе; эта цифра доказываетъ большую плодовитость браковъ, такъ какъ она выше средней найденной Ваппеусомъ для всей Европы, гдѣ максимумъ 20, а минимумъ 40. Разсматривая цифру рождаемости по вѣроисповѣданіямъ, авторъ находитъ, что она наибольшая у евреевъ, 20,8; за ними слѣдуютъ протестанты съ цифрою 26,9; католики съ 27,6, православные съ 30,7 и раскольники съ 33,9. Въ городахъ цифра эта была 26,4, а въ селеніяхъ 27,4. При этомъ авторъ и подробно разсматриваетъ, какія обстоятельства могутъ имѣть вліянія на плодовитость браковъ, и находитъ, что предположеніе будто бы плодовитость населенія находится въ обратномъ отношеніи плотности въ Лифляндской губерніи не подтверждается, какъ и другое предположеніе, будто въ отдѣльныхъ уѣздахъ она находится въ обратномъ отношеніи къ доходности плодородной земли. Кромѣ того авторъ находитъ въ приведенныхъ данныхъ подтвержденіе предположенія Энгеля, что главное занятіе населенія имѣетъ вліяніе на плодовитость браковъ, при чемъ промышленная работа для нея благопріятнѣе, чѣмъ хлѣбопашество. Относительно рождаемости по поламъ Андерсъ держится мнѣнія Гофаккеръ-Садлера, что чѣмъ болѣе мужъ превосходитъ годами жену, тѣмъ болѣе и мужской полъ преобладаетъ среди ихъ дѣтей; этимъ-то онъ и старается доказать найденные имъ результаты, что число мужскихъ рожденій въ городахъ (108,66) болѣе превосходитъ число женскихъ, чѣмъ въ селеніяхъ (105,16); какъ и тотъ фактъ, что въ числѣ законнорожденныхъ перевѣсъ мужскихъ рожденій (105,68) болѣе, чѣмъ въ числѣ незаконнорожденныхъ (102,69). Число незаконнорожденныхъ относится къ числу законнорожденныхъ какъ 1 : 22,18, при томъ какъ извѣстно отношеніе въ селеніяхъ 1 : 27,10 гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ городахъ 1 : 10,10. По вѣроисповѣданіямъ мы получаемъ слѣдующія отношенія: у католиковъ

1 : 9,36, у православныхъ 1 : 15,57, у протестантовъ 1 : 24 и у евреевъ 1 : 165,79. Благопріятное положеніе Лифляндской губерніи относительно смертности доказываетъ отношеніе 1 : 38,9, которое превосходитъ среднее отношеніе во всей Европѣ. Первое мѣсто здѣсь занимаютъ протестанты—39,8, за ними слѣдуютъ православные—38,5, евреи—30,6, католики—26,2 и раскольники—25,7. Въ городахъ цифра смертности равняется 29,0, а въ селеніяхъ 41,2. При распредѣленіи смертности по временамъ года оказывается, что въ Лифляндской губерніи наибольшее число умершихъ приходится на зиму = 28,05% всѣхъ умершихъ, а наименьшее на осень — 21,40%. Эти результаты противорѣчатъ общепринятому мнѣнію, что переходы холодной погоды въ теплую и наоборотъ всего опаснѣе для человѣческаго организма, слѣдовательно эти выводы могутъ быть объясняемы только особенными климатическими условіями Лифляндіи. Относительно перевѣса мужскихъ смертей надъ женскими Андерсъ нашелъ, что, хотя въ Лифляндской губерніи, какъ и вездѣ, число умершихъ мужчинъ болѣе числа умершихъ женщинъ, но эта разница здѣсь весьма незначительна именно, 0,99%, а у протестантовъ, которые составляютъ 80% всего населенія, число умершихъ женщинъ даже болѣе числа умершихъ мужчинъ, такъ что на 100 женскихъ смертей приходилось только 98,23 мужскихъ. При распредѣленіи смертности въ городахъ и селеніяхъ по поламъ, обнаруживается перевѣсъ мужскихъ смертей, на 100 умершихъ женщинъ 110,84 мужчинъ, въ городахъ, а женскихъ, на 100 умершихъ женщинъ только 98,86 мужчинъ, въ селеніяхъ; эти результаты объясняются занятіями и условіями жизни населенія. По возрасту умершихъ — 29,49% умерло на 1-мъ году жизни, 17,89% между 1 и 5 и 4,89% между 5 и 10 годами, такъ что болѣе половины всѣхъ родившихся (52,27%) умираетъ до 11 года своей жизни; эти же цифры доказываютъ какое большое вліяніе цифра дѣтской смертности имѣетъ на цифру общей смертности. Интересенъ тотъ фактъ, что первые мѣсяцы и года жизни гораздо опаснѣе мальчикамъ, чѣмъ дѣвочкамъ, такъ напр. первыхъ умерло на 1-мъ году жизни 31,99%, а вторыхъ 26,97%, что составляетъ 5,02% въ пользу дѣвочекъ. Естественная прибыль населенія въ разсматриваемый періодъ составляетъ ежегодно среднимъ процентомъ: въ городахъ 0,3%, въ селеніяхъ 1,2%, а вообще 1,09%.

Второй трудъ автора содержитъ пять статей. Первая и главнѣйшая статья служитъ дополненіемъ первой работы: она содержитъ статистику браковъ въ десятилѣтіе 1863 — 1872 г. Въ разсматриваемый періодъ среднимъ числомъ заключено было 1 бракъ на 132,05 жителей, цифра эта сравнительно съ среднимъ числомъ браковъ въ Европѣ велика, сравнительно же со всей Россіею, для которой по выводу профессора Янсона среднимъ числомъ 1 бракъ приходится уже на 96 жителей, мала. Въ городахъ браки многочисленнѣе, 1 бракъ на 107,5 жителей, чѣмъ въ селеніяхъ 1 на 137,0. По семейному состоянію жениховъ и невѣстъ, изъ жениховъ было 81,2% холостыхъ, 18,6% вдовыхъ и 0,2% разведенныхъ; изъ невѣстъ было 92,1% дѣвицъ, 7,6% вдовъ и 0,3% разведенныхъ. Изъ общаго числа вступившихъ въ бракъ было 11,47% моложе 21 года, 30,42% между 21 и 25 годами, 36,98% между

26 и 35 г., 15,18% между 36 и 50 г. и 2,89% болѣе 50 лѣтъ. Сравнительно съ данными для всей Россіи въ Лифляндской губерніи браки заключаются поздно, такъ какъ вообще въ Россіи изъ числа всѣхъ вступившихъ въ бракъ 47% было моложе 21-го года. Максимумъ жениховъ, въ Лифляндіи, было отъ 26 до 30 лѣтъ—26,73%, а невѣстъ отъ 21 до 25 лѣтъ 35,33%. По вѣроисповѣданіямъ въ возрастѣ жениховъ и невѣстъ мы находимъ большое различіе: въ самомъ младшемъ возрастѣ заключаются браки у евреевъ, у которыхъ максимумъ невѣстъ 63,85% моложе 21-го года, а жениховъ 39,53% отъ 21 до 25 лѣтъ, затѣмъ слѣдуютъ раскольники, у которыхъ максимумъ невѣстъ 51,94% моложе 21-го года, а жениховъ 33,33% отъ 26 до 30 лѣтъ, потомъ православные, такъ какъ у нихъ максимумъ невѣстъ 36,68% и жениховъ 26,84% приходится на возрастъ отъ 21 до 25 лѣтъ, у протестантовъ максимумъ невѣстъ 35,22% отъ 21 до 25 лѣтъ, а жениховъ 27,43% отъ 26 до 30 лѣтъ, наконецъ у католиковъ максимумъ невѣстъ 27,34% отъ 21 до 25 лѣтъ, а жениховъ 25,47% даже отъ 31 до 35 лѣтъ. Въ селеніяхъ браки заключались гораздо ранѣе чѣмъ въ городахъ, а именно максимумъ невѣстъ отъ 21 до 25 лѣтъ составлялъ въ селеніяхъ 35,95% общаго числа, а въ городахъ только 28,01%, максимумъ же жениховъ въ селеніяхъ 26,99% отъ 21 до 25 лѣтъ, а въ городахъ 26,69% отъ 26 до 30 лѣтъ, болѣе рѣзко обнаруживается эта разница изъ числа вступившихъ въ бракъ моложе 21-го года: въ селеніяхъ изъ общаго числа невѣстъ 23,67%, а въ городахъ только 19,60%, изъ жениховъ же 7,00%, а въ городахъ только 2,76%. Вторая статья заключаетъ движеніе народонаселенія въ 1874 г. въ абсолютныхъ цифрахъ, изъ которыхъ мы заимствуемъ только тотъ фактъ, что естественная прибыль населенія въ 1874 году болѣе прибыли предъидущаго года; она составляетъ около 1,50%, при чемъ можно пожалѣть, что авторъ не приводитъ прибыли 1873, такъ какъ, хотя онъ и указываетъ на свою первую работу, мы въ ней нашли только свѣдѣнія о прибыли населенія въ теченіи 1863—1872 г., но не 1873 года. Третья статья содержитъ статистику преступности въ 1874 г. Сравненія съ предъидущими годами авторъ не могъ сдѣлать по недостатку матерьяла. Изъ числа всѣхъ приговоренныхъ въ 1874 г. 65,90% было присуждено по преступленіямъ противъ собственности, 30,31% противъ личности и остальные 3,79% по прочимъ преступленіямъ. 82,38% всѣхъ приговоренныхъ было мужчинъ, 17,62% женщинъ. Участіе обоихъ половъ въ разныхъ родахъ преступленій весьма различно: изъ общаго числа приговоренныхъ мужчинъ было присуждено по преступленіямъ противъ собственности 69,34%, женщинъ 49,83%; противъ личности изъ мужчинъ 26,86%, а изъ женщинъ 45,42%. Что касается приговоренныхъ, то максимумъ изъ нихъ 24,11% былъ отъ 21 до 25 лѣтъ, но разсматривая оба пола отдѣльно, мы можемъ видѣть, что максимумъ мужчинъ 24,74% имѣлъ отъ 21 до 25 лѣтъ, а женщинъ 29,01% отъ 25 до 30 лѣтъ. Изъ малолѣтнихъ (моложе 16 лѣтъ) приговоренныхъ 97,62% были присуждены по преступленіямъ противъ собственности, по тѣмъ же преступленіямъ всѣ самые старшіе преступники отъ 70 до 80 лѣтъ. До 55-го года процентное участіе приговоренныхъ мужчинъ

преобладаетъ надъ участіемъ женщинъ, съ этого же возраста наоборотъ. Процентное участіе мужчинъ достигаетъ высшей степени въ возрастѣ отъ 21 до 25 лѣтъ и съ этихъ поръ постепенно уменьшается; у женщинъ наибольшее процентное участіе приходится на возрастъ отъ 25 до 30 лѣтъ и не уменьшается такъ постоянно, какъ у мужчинъ, а именно отъ 55 до 60 лѣтъ приговоренныхъ было болѣе чѣмъ отъ 50 до 55 лѣтъ. Несовершеннолѣтніе приговоренные мужскаго пола составляютъ 2,85% всѣхъ мужчинъ, а несовершеннолѣтнія приговоренныя женскаго пола только 1,02% всѣхъ женщинъ. — Въ четвертой статьѣ помѣщены данныя о пожарахъ и о насильственныхъ и случайныхъ смертяхъ отъ 1870—1874 г., а въ пятой—послѣдней о распредѣленіи населенія по сословіямъ въ 1874 г. Обѣ статьи содержатъ только абсолютныя цифры. Изъ данныхъ послѣдней статьи нами выведены слѣдующія процентныя отношенія: изъ общаго числа населенія Лифляндской губерніи въ 1874 г. 1.000,876 жителей было потомственныхъ и личныхъ дворянъ 0,78%, духовныхъ 0,24%, жителей принадлежавшихъ къ городскимъ сословіямъ 9,76%, къ сельскимъ 84,85%, къ военному сословію 2,98%, иностранцевъ 0,88% и лицъ не принадлежащихъ къ упомянутымъ сословіямъ 0,51%. Источниками, которыми авторъ руководствовался при составленіи таблицъ, были для таблицъ о движеніи народонаселенія метрическія книги (для раскольниковъ и евреевъ же вѣдомости полицейскаго начальства), для таблицъ о преступности свѣдѣнія разныхъ судебныхъ начальствъ; для таблицъ о пожарахъ и о насильственныхъ и случайныхъ смертяхъ ежегодные отчеты Лифляндскаго губернатора.

Означенныя двѣ основательныя статистическія работы Андерса въ высшей степени заслуживаютъ уваженія и подражанія; ихъ единственный недостатокъ заключается въ томъ, что авторъ не помѣстилъ данныхъ о числѣ народонаселенія въ разсматриваемое десятилѣтіе 1863—1872 г., которыя необходимы для многихъ исчисленій, входящихъ въ работы автора, т. нпр. для исчисленія естественной прибыли населенія и т. д.

А. Шмидтъ.

НАРОДНОЕ ХОЗЯИСТВО.

Der Materialismus und das Slaventhum. Von D. Josef *Sernec*, Advocaturs-Candidat. Marburg, 1874. Selbstverlag des Verfassers. (Матеріализмъ и Славянство. Д-ра Осипа *Сернеца*, кандидата на адвокатуру. Мариборъ. 1874. 8⁰. 45 стр.).

Сопоставленіе въ заглавіи „матеріализма“ со „славянствомъ“ покажется, конечно, каждому читателю нѣсколько страннымъ. Но неумѣстность этого сопоставленія исчезнетъ, если сообразить, что авторъ подъ

именемъ „матеріализма“ понимаетъ здѣсь не какую-нибудь отвлеченную философскую теорію, но практическое стремленіе современнаго европейскаго и сѣверо-американскаго общества, состоящее въ усвоеніи каждымъ отдѣльнымъ лицемъ по возможности бо̀льшаго количества матеріальнаго благосостоянія и экономической независимости. Подобное стремленіе дѣйствуетъ весьма благотворно на отдѣльныя личности, заставляя ихъ не разсчитывать на чужую помощь, и, вслѣдствіе чутья, что они всѣмъ обязаны собственному труду и бережливости, возбуждая въ нихъ въ высокой степени сознаніе собственнаго достоинства, самодовольства и самостоятельности. Но, съ другой стороны, по неизбѣжному закону общественнаго развитія, подобное расширеніе правъ однихъ членовъ общества не возможно безъ ограниченія экономической самостоятельности другихъ. Такимъ образомъ, все движимое и недвижимое имущество страны въ окончательномъ результатѣ сосредоточивается въ рукахъ только весьма немногихъ лицъ, въ ущербъ всей массѣ населенія, что, въ области промышленности, выражается исключительнымъ господствомъ капитала и экономическимъ порабощеніемъ рабочаго, въ области же земледѣльческой — переходомъ всей земли въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ и, слѣдовательно, совершеннымъ паденіемъ мелкаго землевладѣнія. Въ движеніи по этому направленію западная Европа и сѣверная Америка, въ особенности же Англія, приблизились, по мнѣнію автора, почти къ крайнимъ предѣламъ. „Характеристическое знамя западно-европейскаго народнаго хозяйства состоитъ въ томъ, что въ каждомъ частномъ хозяйствѣ только одинъ изъ участниковъ является лицемъ, остальные же, хотя тоже фактическіе участники хозяйства, могутъ быть вообще подведены подъ одну и ту же категорію, что и машины. Ибо и машины тоже работаютъ, получая на пропитаніе уголь и мазильныя вещества (Schmiermateriale), подобно тому, какъ работники—вознагражденіе. Какъ тѣ, такъ и другіе, становясь неспособными къ соотвѣтственному труду, устраняются. Какъ тѣ, такъ и другіе лишены своей собственной воли“ (стр. 8). Порабощеніе труда капиталомъ поставило современное западно-европейское и сѣверо-американское общество лицемъ къ лицу съ такъ-называемымъ „соціальнымъ вопросомъ“, суть котораго заключается въ непримиримой враждѣ эксплоатируемыхъ и эксплоатирующихъ, и который едва-ли можетъ быть разрѣшенъ безъ кровавыхъ столкновеній и соціальныхъ революцій. Мирному рѣшенію названнаго вопроса мѣшаетъ, по мнѣнію автора, узкій и совершенно ложный эгоизмъ, присущій именно матеріалистическому настроенію умовъ современнаго общества. Кому какое дѣло до того, что въ одной только мѣстности въ Англіи ежегодно триста дѣтей лишаются жизни, лишь бы только предохранить ихъ отъ послѣдствій ихъ существованія (стр. 33), если это вовсе не затрогиваетъ, по крайней мѣрѣ, по видимому, личныхъ интересовъ богатыхъ землевладѣльцевъ, купцовъ и всѣхъ вообще капиталистовъ! Этотъ узкій эгоизмъ находится, говоритъ авторъ, въ прямомъ противорѣчіи съ настоящимъ эгоизмомъ, который заставилъ бы всѣхъ подумать о будущемъ и, съ одной стороны, удовлетворивъ справедливыя требованія работника, сдѣлать его болѣе прилежнымъ и доброжелательнымъ для своего хозяина, съ другой же, не приводить громаднаго большинства жителей страны къ крайней нищетѣ, лишая ихъ вслѣдствіе сего

возможности принимать какое-бы то ни было участіе въ торговлѣ и промышленности.

Этому экономическому устройству западной Европы и сѣверной Америки авторъ противопоставляетъ „славянское“ устройство, оставшееся, впрочемъ, только у Русскихъ и у южныхъ Славянъ (за исключеніемъ Словенцевъ, подвергшихся, вмѣстѣ съ Чехами и Поляками, западно-европейскому вліянію). У Русскихъ это „славянское“ устройство экономическаго быта выражается въ артеляхъ и общинѣ, у южныхъ же Славянъ — въ семейномъ комунизмѣ. Оставляя въ сторонѣ южныхъ Славянъ, авторъ посвящаетъ остальную часть своего разсужденія русскимъ народно-экономическимъ учрежденіямъ, которыхъ онъ является горячимъ защитникомъ, и всевозможнымъ образомъ опровергаетъ извѣстныя сомнѣнія въ пользѣ и цѣлесообразности общиннаго устройства. Впрочемъ, его защита основана тоже на извѣстныхъ и столько разъ уже повторенныхъ мотивахъ, въ особенности же на томъ, что русская община дѣлаетъ невозможными постепенный переходъ земли изъ рукъ крестьянъ въ руки капиталистовъ и низведеніе первыхъ на степень закрѣпощенныхъ работниковъ, колоновъ, однимъ словомъ, земледѣльческихъ (аграрныхъ) рабовъ. Противъ же возраженій, что отсутствіе чисто личной собственности отзывается весьма скверно на трудолюбіи отдѣльныхъ членовъ общины, развивая въ нихъ лѣнь и равнодушіе, авторъ увѣряетъ, что это есть зло только временное, и что, съ поднятіемъ уровня образованія, разовьется въ русскомъ крестьянинѣ, съ одной стороны, уваженіе къ общественному мнѣнію, которое будетъ осуждать лѣниваго и награждать хорошаго работника, съ другой же стороны, сильное чутье солидарности со всѣми прочими сочленами (esprit de corps), вслѣдствіе котораго онъ не только будетъ сознавать, что его личная оплошность отразится дурнымъ образомъ на благосостояніи всей общины и, стало-быть, и его же самого, какъ части этой общины, но также сдѣлается мѣстнымъ, общиннымъ патріотомъ, то есть, полюбитъ отъ всей души свою общину и будетъ гордиться ея преуспѣваніемъ и прогрессомъ. Подобное единодушіе и взаимная любовь членовъ отдѣльныхъ общинъ вызовутъ соревнованіе между этими отдѣльными общинами и должны имѣть слѣдствіемъ только общее трудолюбіе и благосостояніе всего русскаго народа. Предоставляю психологамъ и соціологамъ рѣшить, на сколько суровая дѣйствительность можетъ оправдать этотъ оптимистическій взглядъ автора на природу человѣческую вообще, и на природу русскаго крестьянина въ особенности.

Хотя г. Сернецъ является такимъ восторженнымъ поклонникомъ русской общины, онъ однакожъ невполнѣ одобряетъ ея устройство и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ совѣты, какъ можно устранить теперешнія ея несовершенства. „Въ настоящее время общинная земля дается въ пользованіе отдѣльнымъ членамъ на весьма недолгіе періоды. Это есть во всякомъ случаѣ ошибка. Ибо, съ одной стороны, та выгода, которая дается общностью поземельной собственности, вполнѣ пропадаетъ вслѣдствіе того, что, при веденіи хозяйства отдѣльными крестьянами порознь, рабочія силы являются такъ же разъединенными и слабыми, какъ и у нашихъ (то есть западно-европейскихъ) крестьянъ; съ другой же стороны, это временное владѣніе участкомъ земли не приноситъ съ собою всѣхъ тѣхъ вы-

годъ, которыя связаны съ личною собственностью, и которыя именно коренятся въ сознаніи трудящагося, что онъ все заработываетъ непосредственно для самого себя и для своихъ наслѣдниковъ“ (стр. 40). „Здравый разсудокъ и эгоизмъ подскажутъ русскому крестьянину эти два лозунга: раздѣлъ и организація труда, покупка практическихъ машинъ. Цѣлая община можетъ легко пріобрѣсти машины для обработки полей, для молотьбы; отдѣльному человѣку это невозможно“ (стр. 40). „Плодотворная истина, что общій и органически (?) раздѣленный трудъ многихъ имѣетъ во сто разъ большій успѣхъ, нежели трудъ разъединенный, должна будетъ довести русскаго крестьянина до того, что онъ мало по малу оставитъ систему передачи участковъ земли отдѣльнымъ лицамъ на короткое время, и въ замѣнъ за это онъ будетъ сообща пахать поля, сѣять и собирать хлѣбъ, и по мѣрѣ возможности только уже смолоченное зерно, солому и т. д., равно какъ и остальные полевые плоды раздѣлять между членами общины“ и т. д. (стр. 40). Мало того, члены общины будутъ въ состояніи продавать излишекъ своихъ сборовъ и раздѣлять между собою вырученныя деньги, а съ другой стороны—покупать на общій счетъ то, что имъ понадобится (стр. 40 — 41). При такой организаціи будетъ, конечно, сбережено много рабочихъ силъ и времени. Члены общины будутъ въ состояніи учиться, образовываться въ разныхъ спеціальностяхъ, составлять общества для разныхъ благородныхъ цѣлей и т. д. Тѣмъ не менѣе отдѣльная личность и личная собственность не будутъ вовсе поглощены подобнымъ устройствомъ, такъ какъ все нажитое и сбереженное движимое имущество останется собственностью каждаго отдѣльнаго лица. Равнымъ образомъ ему (отдѣльному лицу) будетъ предоставлена постройка жилища и его устройство по собственному вкусу: къ тому же оно (отдѣльное лицо) получитъ отъ общины мѣсто для устройства собственнаго сада и т. д. Наконецъ, каждый членъ общины, желающій оставить ее навсегда, получаетъ отъ нея вознагражденіе за свою личную собственность, или же будетъ имѣть право продать эту собственность другому сочлену.

Такова, по мнѣнію автора, идеальная картина славянской общинной коммуны, какъ идеалъ высшей общественной личности. Авторъ твердо убѣжденъ, что этотъ идеалъ сбудется со временемъ. Въ этомъ служатъ ему ручательствомъ характеръ и инстинкты славянскаго, и въ особенности русскаго народа и очевидность громадныхъ выгодъ, которыя вытекутъ изъ этого устройства для благосостоянія и безопасности какъ общества, такъ и государства. Онъ надѣется, что инціатива подобнаго устройства общинъ выйдетъ отъ государственныхъ властей и вообще отъ интеллигенціи, что упроченію этихъ экономическихъ началъ во всѣхъ гражданахъ будетъ способствовать какъ низшее, также точно и высшее народное образованіе, и что, ради опыта, изложенное имъ общинное устройство будетъ сначала вводиться мало по малу только въ нѣсколькихъ общинахъ, которыя, вслѣдствіе сего, какъ образцовыя, послужатъ разсадникомъ новыхъ идей и новыхъ привычекъ во всѣхъ общинахъ одного и того же (прежде всего русскаго) государства. „Слѣдуя указанному пути, общины будутъ все болѣе и болѣе укрѣплять въ своихъ чле-

нахъ чувство принадлежности къ одному общему цѣлому. Каждый будетъ гордиться своею собственною общиной", а взаимное соревнованіе между общинами поведетъ къ полному подчиненію природы человѣкомъ. „Такимъ образомъ рѣшится соціальный вопросъ, и именно посредствомъ соединенія отдѣльныхъ людей въ большія и тѣснѣе сплоченныя общества, посредствомъ образованія все высшихъ и совершеннѣйшихъ собирательныхъ лицъ, посредствомъ коммунизма въ пріобрѣтеніи богатства, а не въ пріобрѣтенномъ богатствѣ, посредствомъ коммунизма, не въ пользованіи плодами труда, но въ самомъ трудѣ" (стр. 45). Не дай Богъ, чтобы славяне, находящіеся теперь въ столь счастливыхъ условіяхъ, захотѣли слѣдовать западно-европейскому образцу и вмѣсто теперешней общинной собственности ввести собственность чисто личную съ правомъ дѣленія и продажи!

Такимъ образомъ, согласно упованіямъ автора, долженъ рѣшиться соціальный вопросъ въ Россіи и у другихъ Славянъ, пользующихся подобнымъ же общественно-экономическимъ устройствомъ. Плохая за то, по его мнѣнію, надежда на какое нибудь сносное рѣшеніе этого вопроса у западныхъ европейцевъ и сѣверныхъ Американцевъ. Тѣмъ не менѣе и имъ авторъ даетъ совѣты, какъ бы по настоящему они должны устроиться, во избѣжаніе крайнихъ результатовъ теперешняго бѣдственнаго положенія и для предохраненія себя отъ неминуемыхъ соціальныхъ катастрофъ и революцій. „Въ еще свободномъ, но падающемъ среднемъ сословіи люди, занимающіеся одною и тою же отраслью промышленности или же, по крайней мѣрѣ, родственными между собою отраслями, должны бы соединиться для общихъ органическихъ работъ. Рабочіе же и предприниматели должны бы учиться все болѣе и болѣе уважать и понимать другъ друга, и постоянно сближаться другъ съ другомъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ они не убѣдятся, что интересы рабочаго и предпринимателя одни и тѣ же, и не начнутъ трудиться и жить гармонически въ общемъ хозяйствѣ, заключающемъ въ себѣ ихъ всѣхъ, какъ свободныхъ лицъ" (стр. 31). Это произойдетъ тогда, когда теперешніе узкіе эгоисты убѣдятся, что они „должны быть еще болѣе эгоистичны, то есть, когда они съумѣютъ быть осторожными и умными эгоистами" (стр. 35), и именно „эгоизмъ долженъ заставлять людей соединять свои хозяйства, свои рабочія силы и свои небольшіе капиталы" (стр. 36).

Авторъ иногда утрируетъ какъ хорошія, такъ и дурныя стороны разбираемыхъ имъ общественныхъ учрежденій, и вообще является въ своихъ взглядахъ на вещи скорѣе пристрастнымъ и одностороннимъ, нежели чисто объективнымъ наблюдателемъ. Немного тяжеловатый слогъ и иногда совершенно не нѣмецкія и вслѣдствіе сего не совсѣмъ понятныя выраженія затрудняютъ чтеніе. Нѣкоторую скуку наводитъ растянутость въ изложеніи. Всѣ вступительныя замѣчанія о матеріализмѣ, о личности и разныхъ ея признакахъ и т. д. могли бы отлично быть сокращены на половину, и книга отъ этого только выиграла бы. Возраженіе противъ извѣстнаго изреченія Гегеля: „Alles, was ist, ist vernünftig" и т. д. нѣсколько наивно и доказываетъ только, что авторъ не понялъ этого изреченія. Какъ бы то ни было, книга г. Серица не лишена интереса и, какъ

посвященная въ особенности разсмотрѣнію и оцѣнкѣ нѣкоторыхъ чисто-русскихъ общественныхъ учрежденій, заслуживаетъ того, чтобы обратить на нее вниманіе русской читающей публики.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ,
профессоръ императорскаго казанскаго университета.

ФИЛОСОФІЯ ПРАВА.

Esquise d'un cours de droit naturel ou introduction historique et philosophique à l'étude du droit en général. Par *Tissot*. Paris. 1875. (Очеркъ курса естественнаго права, или историческое и философское введеніе въ изученіе права вообще. Соч. Тиссо. Парижъ. 1875 г.).

Означенное сочиненіе Тиссо содержитъ въ себѣ историко-философское ученіе о правѣ и раздѣляется на двѣ части: одна обнимаетъ философское введеніе въ изученіе права, излагаетъ философскія основы права и его отраслей, изслѣдуетъ такъ называемое естественное право, другая часть представляетъ попытку объясненія историческихъ условій проявленія идеи права и называется историческимъ введеніемъ въ изученіе права. Въ философской части авторъ развиваетъ ученіе объ естественномъ правѣ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ его понимали и излагали Кантъ и его многочисленные послѣдователи, жившіе въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX в. Авторъ исходитъ отъ основнаго начала — внѣшней свободы людей и разумѣетъ подъ естественнымъ правомъ право, коренящееся въ повелѣніяхъ, предписаніяхъ разума, имѣющее свою силу независимо отъ пространственныхъ и временныхъ границъ, вѣчное и неизмѣнное, относящееся къ положительному праву какъ идеальная норма, какъ теоретическое право къ практическому, какъ абстрактное къ конкретному, какъ абсолютное къ относительному; вслѣдствіе этого естественное право должно служить основою для оцѣнки положительнаго, основою восполненія и исправленія послѣдняго.

Такимъ образомъ Кантъ все еще продолжаетъ жить и имѣетъ приверженцевъ, и не столько въ Германіи, сколько во Франціи и отчасти въ Бельгіи. Его ученіе о правѣ подвергается до сихъ поръ обработкѣ, проводится въ дѣйствительную жизнь путемъ профессорскихъ лекцій и литературы. Главною причиною такой жизненности теоріи кантовской школы, не смотря на ея абстрактный формализмъ, нужно считать все еще живущее убѣжденіе многихъ въ абсолютности началъ права и нравственности, подкрѣпляемое потребностью человѣка въ идеалахъ, питаемое яркими недостатками современнаго намъ общества. Притягательную силу этой теоріи составляетъ то высокое значеніе индивидуальной свободы и разума, какое придалъ имъ Кантъ и тѣмъ возвысилъ понятіе о личности и ея правахъ до реальнаго явленія. Школа Канта

процвѣтала въ теченіе почти полувѣка и оказала громадное вліяніе на пробужденіе правосознанія въ обществѣ, оставила не малые слѣды въ политическомъ развитіи новыхъ народовъ въ новѣйшій періодъ ихъ жизни.

Тиссо однако идетъ нѣсколько дальше въ направленіи кантовской философіи; онъ пытается выяснить понятіе права путемъ раціонально-эмпирическимъ, принимаетъ во вниманіе природу и назначеніе человѣка и эмпирическія условія развитія его свободы. Но главнѣйшій недостатокъ ученія о правѣ кантовской школы остается неизмѣннымъ у Тиссо. Авторъ обращаетъ почти все свое вниманіе на индивидуальную сторону въ человѣкѣ, а соціальный, общественный элементъ остается безъ изслѣдованія; другими словами общество, общественное цѣлое почти игнорируется. Вслѣдствіе этого является неполнота въ понятіи права, не выяснена цѣль права во всемъ ея объемѣ. Равнымъ образомъ не обращается вниманія на нравственный элементъ въ правѣ, которое является совершенно оторваннымъ отъ нравственности, поэтому остается недостаточно выясненнымъ вопросъ, почему отдѣльныя лица должны ограничивать свою внѣшнюю свободу и въ чемъ заключаются сходныя черты, точки соприкосновенія между правомъ и нравственностью.

Въ другой своей части — историческомъ введеніи къ изученію права, Тиссо старается доказать всеобщность началъ естественнаго права и нравственности на различныхъ ступеняхъ развитія народовъ. Признавая безконечный прогрессъ человѣчества однимъ изъ законовъ, которыми управляется человѣческій родъ, онъ пытается объяснить разнообразіе въ содержаніи права и нравственности различными причинами: физическимъ состояніемъ народа, степенью ихъ цивилизаціи, въ особенности религіозныхъ вѣрованій. Эта часть богата разными сопоставленіями фактовъ и нерѣдко весьма удачнымъ ихъ объясненіемъ; она интересна даже для тѣхъ изслѣдователей, которые совершенно отвергаютъ естественное право, которые стоятъ исключительно на почвѣ строгаго опыта, наблюденія.

Авторъ написалъ эту книгу по слѣдующему поводу: академія нравственныхъ и политическихъ наукъ предложила для соисканія преміи слѣдующую тему: доказать исторически всеобщность началъ нравственности. Первые два конкурса окончились ничѣмъ, не было представлено ни одного удовлетворительнаго сочиненія. Сознавая однако важный интересъ, связанный съ разрѣшеніемъ подобнаго рода задачи, академія открыла третій конкурсъ. Мемуаръ Тиссо признанъ былъ достойнымъ преміи, хотя онъ представлялъ собою лишь небольшой очеркъ. Затѣмъ авторъ дополнилъ его многими новыми главами и издалъ въ свѣтъ подъ вышеобозначеннымъ заглавіемъ.

П. Л. Карасевичъ.

ОБОЗРѢНІЕ

ДВИЖЕНІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

и

ГОСУДАРСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ЗА 1875 ГОДЪ.

Вступленіе. — Церковь; возсоединеніе греко-уніатовъ. — Международное право; всеобщій почтовый союзъ. — Войско; развитіе устава о воинской повинности; преобразованія въ военной администраціи; развитіе способовъ къ мобилизаціи. — Государственное управленіе; организація центральныхъ органовъ и государственная служба вообще.—Финансы; упраздненіе государственнаго земскаго сбора; податная реформа; исполненіе бюджета. — Государственное хозяйство; съѣздъ представителей банковъ.—Полиція.— Судебная часть; судебная реформа въ привислянскомъ краѣ.—Народное образованіе; лицеи, сельскія школы, среднія учебныя заведенія. — Ученая часть; статистика. — Мѣстное управленіе.—Гражданское право.—Заключеніе.

Въ нижеслѣдующемъ обозрѣніи законодательства за 1875 г. мы соблюдаемъ въ точности тотъ же порядокъ, какой былъ принятъ нами въ обозрѣніяхъ двухъ первыхъ томовъ Сборника (за первую и вторую половину 1874 г.).

Строгое однообразіе системы въ изложеніи этого отдѣла необходимо для удобства пользованія имъ и отысканія свѣдѣній по каждой отдѣльной отрасли законодательства и управленія, интересующей читателя. Также какъ и въ предъидущихъ томахъ, всѣ постановленія сгруппированы по разнымъ спеціальнымъ отраслямъ государственной дѣятельности и жизни; въ основаніе разныхъ рубрикъ положенъ планъ, который не столько соотвѣтствуетъ началамъ научной классификаціи законодательнаго матерьяла, сколько согласованъ съ практическими требованіями читателей и съ наглядностью и общедоступностью изложенія для публики. При сохраненіи въ нижеслѣдующемъ обозрѣніи тѣхъ же самыхъ главныхъ отдѣловъ (международное право, войско и проч.), какіе были въ первыхъ двухъ томахъ, въ каждомъ отдѣлѣ сдѣланы еще подраздѣленія на спеціальныя части и вопросы, какихъ прежде не было. Такая дробность классификаціи облегчаетъ не только справки, но и чтеніе обозрѣнія, въ которомъ получаютъ черезъ это свой смыслъ даже простые перечни такихъ постановленій, которыя не изложены подробно вслѣдствіе своей незначительности; читатель видитъ передъ собою картину всей законодательной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ, въ какой степени она сосредоточена на тѣхъ

или другихъ предметахъ, указанныхъ обстоятельствами времени и направленіемъ государственной жизни въ данную эпоху. Въ каждомъ отдѣлѣ и подраздѣленіи всѣ постановленія расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Также какъ и въ предъидущихъ томахъ, за основаніе этого порядка принято время опубликованія законодательныхъ актовъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ.

Характеръ нашего изложенія по возможности соображенъ съ весьма разнородными задачами этого отдѣла Сборника: онъ долженъ служить для постоянныхъ *справокъ*, какъ въ ученыхъ, такъ и въ практическихъ государственныхъ работахъ, быть пособіемъ и матерьяломъ для изученія развитія нашего законодательства, и онъ долженъ также доставить возможность, посредствомъ непродолжительнаго и неутомительнаго *чтенія*, ознакомиться съ современнымъ ходомъ законодательства, съ его общимъ духомъ и съ поставленными имъ на очередь вопросами.

Для первой цѣли необходимо безусловно исчерпывающее перечисленіе всѣхъ законодательныхъ актовъ. Мы не упоминаемъ въ нашемъ обозрѣніи лишь о тѣхъ изъ распоряженій Верховной Власти или изъ постановленій, изданныхъ въ законодательномъ порядкѣ, которыя не заключаютъ въ себѣ никакихъ общихъ законодательныхъ нормъ, а разрѣшаютъ только частные случаи и личные вопросы или только поясняютъ дѣйствующіе законы въ примѣненіи къ такимъ случаямъ и вопросамъ (нисколько не измѣняя общаго смысла закона), или наконецъ тождественны по своему содержанію *съ административнымъ распоряженіемъ* и лишь изданы законодательнымъ путемъ или въ законодательной формѣ. Не можемъ не указать здѣсь кстати на трудность опредѣленія границъ нашей законодательной области и выбора изъ общей массы правительственныхъ актовъ тѣхъ, которые принадлежатъ къ этой области. Ни теорія нашего государственнаго права, ни тѣмъ менѣе практика еще далеко не разрѣшили вопроса *объ различеніи закона съ административнымъ распоряженіемъ;* на важности этого капитальнаго вопроса, отъ пониманія, котораго зависятъ всѣ успѣхи правомѣрности и законности въ государственной жизни, необходимо всѣми силами настаивать. У насъ еще безпрерывно издаются, законодательнымъ порядкомъ и въ законодательной формѣ, правительственные акты, не имѣющіе по своему содержанію никакого другаго значенія кромѣ административнаго (или исполнительнаго), и также дѣлаются административными органами распоряженія, разрѣшающія законодательные вопросы. Мы не имѣемъ также строгаго отграниченія власти

судебной (въ рѣшеніяхъ верховной кассаціонной инстанціи) отъ власти законодательной.

Для другой изъ упомянутыхъ выше цѣлей (т. е., для чтенія) перечисленіе всѣхъ самыхъ незначительныхъ узаконеній (необходимое для справокъ) весьма неудобно, утомляя читателей. Мы старались на сколько могли примирить эти противурѣчивыя требованія нашей задачи. Мы входимъ въ подробное объясненіе общегосударственнаго значенія только такихъ постановленій, которыя дѣйствительно имѣютъ такое значеніе, и избѣгаемъ входить въ разборъ тѣхъ изъ нихъ, которыя или вообще незначительны или интересуютъ, по сферѣ своего дѣйствія, только спеціялистовъ каждой отдѣльной отрасли государственной дѣятельности. При этомъ мы преимущественно останавливаемся на вопросахъ еще открытыхъ и ожидающихъ своего разрѣшенія въ будущемъ. Наконецъ для читателей даже простые и сухіе перечни законодательныхъ фактовъ могутъ быть интересны, когда они классифицированы (какъ вышеупомянуто) и потому характеризуютъ сравнительную силу законодательной дѣятельности по каждой части государственнаго быта. Безусловное отчужденіе не только отъ личныхъ пристрастныхъ взглядовъ, но также и отъ всякихъ политически-тенденціозныхъ воззрѣній, есть главное руководящее начало, которому мы слѣдуемъ въ составленіи этихъ обозрѣній.

Въ жизни нашей православной *церкви* совершилось въ 1875 г. крупное событіе, имѣющее немаловажное значеніе и въ государственномъ отношеніи. Греко-уніатскіе приходы холмской эпархіи привислянскаго края, признававшіе надъ собою главенство римско-католической церковной іерархіи, возсоединились съ русскою православною церковью. Св. Синодъ опредѣлилъ: «священство и духовныя паствы холмской греко-уніатской эпархіи, по священнымъ правиламъ и примѣрамъ святымъ о томъ, принять въ полное и совершенное общеніе святой православной каѳолической восточной церкви, въ нераздѣльный составъ церкви Всероссійской и въ подчиненіе Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода». Холмская эпархія присоединена къ Варшавской подъ

наименованіемъ «Холмско-Варшавской» (Высоч. утв. 1 мая 1875 г. Опред. Св. Синода). Радуясь этому событію, нельзя не пожалѣть объ нѣкоторыхъ прискорбныхъ въ немъ случаяхъ, противныхъ истинному христіанскому духу и свободному развитію религіознаго чувства.

По церковному управленію состоялись слѣдующія постановленія. Утверждены новые штаты учрежденій Православной Церкви въ сѣверной Америкѣ съ усиленіемъ ассигнуемой на нихъ государственнымъ казначействомъ ежегодной суммы, до 47½ тыс. (Высоч. утв. 20 ноября 1874 г. Мн. Гос. Совѣта). Синодальному Оберъ-Прокурору предоставлено разрѣшать собственною властью (безъ обсужденія и утвержденія Св. Синода) сомнѣнія и вопросы, возникающіе при примѣненіи уставовъ духовно-учебныхъ заведеній, когда такія сомнѣнія и вопросы точно и опредѣлительно разрѣшаются уставами и постановленіями Св. Синода. (Высоч. утв. 3 апрѣля 1875 г. Опредѣленіе Св. Синода). По поводу настоящаго постановленія должно замѣтить, что при всей ограниченности круга своего дѣйствія, оно служитъ признакомъ непрерывающагося развитія прерогативъ личной власти синодальнаго Оберъ-Прокурора, тогда какъ ради высшихъ интересовъ оживленія православно-духовной жизни, желательно возможно большее сокращеніе бюрократическаго элемента въ церковномъ управленіи, представляемаго оберъ-прокурорскою властію. Если вышеупомянутые вопросы и сомнѣнія не нуждаются въ обсужденіи Св. Синода, потому что *точно* разрѣшаются его постановленіями, то не цѣлесообразнѣе-ли было бы предоставить разъясненіе ихъ мѣстнымъ духовно-учебнымъ управленіямъ, которыя весьма нуждаются въ самостоятельности для пользы школьнаго дѣла, которое всегда страдаетъ отъ излишней административной централизаціи.

На почвѣ *международнаго законодательства* Россіи и всего образованнаго міра сдѣланъ значительный шагъ впередъ ратификаціей (1 марта 1875 г.) почтоваго договора, заключеннаго въ Бернѣ 9 октября 1874 г. Въ этомъ договорѣ, учредившемъ *всеобщій* (всемірный) *почтовый союзъ*, участвуютъ: Россія, Германія, Австро-Венгрія, Бельгія, Данія, Египетъ, Испанія, Соединенные Штаты Америки, Франція, Великобританія, Греція, Италія, Луксембургъ, Норвегія, Нидерланды, Португалія, Румынія, Сербія, Швеція, Швейцарія и Турція. Такимъ образомъ въ почтовый союзъ вошли всѣ безъ изъятія европейскія государства и, сверхъ того, Сѣверо-Американскіе Штаты и Египетъ въ другихъ частяхъ свѣта. Вступленіе въ союзъ

несостоящихъ еще въ немъ странъ открыто и процедура этого вступленія весьма облегчена (ст. 17 договора). Съ 1875 г. уже присоединились къ почтовому союзу: Индѣйскія владѣнія Великобританіи, Французскія колоніи, и присоединятся, въ скоромъ времени, Бразилія, Японія, Нидерландскія и Португальскія колоніи. Можно надѣяться, что со временемъ весь земной шаръ, т. е., всѣ народы, живущіе въ формахъ регулярныхъ государствъ, присоединятся къ этому союзу. Этотъ международный актъ громко свидѣтельствуетъ, какъ объ могущественномъ развитіи стихій мира и взаимности интересовъ всѣхъ націй въ международной жизни образованнаго мира, такъ и объ великихъ успѣхахъ гражданственности и матерьяльнаго благосостоянія (способовъ сообщеній) въ каждой европейской странѣ; онъ былъ бы невозможенъ не далѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ. Тогда еще не существовало понятія, стоящаго во главѣ этого договора: «страны, между которыми заключенъ *настоящій договоръ*, образуютъ *одну почтовую территорію* для взаимнаго обмѣна корреспонденціи между своими почтовыми учрежденіями» (ст. 1). Понятіе объ этой одной почтовой территоріи, распространяющейся на разныя государственныя территоріи всѣхъ частей свѣта и имѣющей свои собственныя международныя учрежденія, не подвластныя ни одному государству, есть понятіе новое, выработанное только цивилизаціею XIX вѣка. Интересно, что международный почтовый союзъ вступилъ въ дѣйствіе передъ событіями на Балканскомъ полуостровѣ, изобличившими недостатокъ единства между европейскими государствами для уничтоженія варварскихъ азіятскихъ элементовъ, срамящихъ на европейской землѣ просвѣщеніе и человѣколюбіе нашего времени. Но историческій прогрессъ имѣетъ не правильный, не прямолинейный ходъ, и сопровождается противурѣчивыми явленіями. Всеобщій почтовый союзъ, приносящій большую честь нашему правительству и нынѣшнему нашему почтовому управленію, какъ одному изъ первыхъ, трудившихся надъ его учрежденіемъ, важенъ не только по своей идеѣ, но и по своимъ практическимъ послѣдствіямъ: онъ чрезвычайно облегчилъ и удешевилъ способы сообщеній не только между странами, но и внутри каждой страны. Въ зависимости отъ пониженія международной почтовой таксы, понизилась и такса внутренней корреспонденціи. Мы не можемъ входить здѣсь въ отдѣльныя постановленія почтоваго договора. Одно изъ первыхъ достоинствъ этого международнаго акта заключается въ томъ, что онъ умѣлъ

установить обязательное международное соглашеніе безъ стѣсненія свободы каждаго государства въ своемъ внутреннемъ почтовомъ законодательствѣ. Это примѣръ для подражанія во всѣхъ будущихъ международныхъ актахъ подобнаго рода. Особенно любопытно учреждаемое «международное бюро всеобщаго почтоваго союза»; оно дѣйствуетъ (нынѣ въ Бернѣ) подъ надзоромъ избираемаго международнымъ конгрессомъ почтоваго управленія одного изъ государствъ (нынѣ Швейцаріи), принадлежащихъ къ союзу.

Въ сферѣ *международнаго права* послѣдовали въ 1875 г. еще слѣдующіе акты, относящіеся къ нашему отечеству. Ратификованы въ январѣ двѣ конвенціи, заключенныя между Россіей и Германіей: о наслѣдствахъ и о консулахъ. Ратификованъ 27 января трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Перуанской республикой. Ратификована 19 апрѣля конвенція, заключенная между Россіей и Италіей о консулахъ и о наслѣдствахъ. Ратификована 16 іюля конвенція между Россіей и Австро-Венгріей о взаимной выдачѣ преступниковъ.

По нашей *военной организаціи* въ 1875 г. продолжалось главнѣйше развитіе устава 1874 г. о воинской (обще-обязательной) повинности; при этомъ разрѣшались и разъяснялись въ законодательномъ порядкѣ отдѣльные вопросы, возбужденные частными случаями практическаго примѣненія этого устава. Дѣлопроизводство губернскихъ и областныхъ по воинской повинности присутствій возложено па канцеляріи мѣстныхъ губернаторовъ и начальниковъ областей и для этого усилено содержаніе этихъ канцелярій, а дѣлопроизводство уѣздныхъ, окружныхъ и городскихъ присутствій возложено на одного изъ членовъ присутствія по приглашенію предсѣдателя или на особо избираемыя (по вольному найму) предсѣдателями лица. При этомъ Государственнымъ Совѣтомъ отклонено предположеніе объ учрежденіи должности дѣлопроизводителя въ поименованныхъ присутствіяхъ (уѣздныхъ, окружныхъ и городскихъ) по тому, между прочимъ, соображенію, выраженному въ мотивѣ этого законоположенія, что «права государственной службы далеко не всегда, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, служатъ обезпеченіемъ того, что должностное лице, которое ими пользуется, вполнѣ добросовѣстно и усердно исполняетъ лежащія на немъ обязанности; да и вообще ничѣмъ не доказано, чтобы служащіе въ присутственныхъ мѣстахъ по найму были менѣе благонадежны, нежели чиновники». Для

подкрѣпленія этого своего соображенія, Государственный Совѣтъ вслѣдъ за тѣмъ прямо указываетъ на примѣръ должностныхъ лицъ въ земскихъ и городовыхъ учрежденіяхъ (Выс. утв. 20 ноября 1874 г. Мнѣніе Госуд. Совѣта). Все это вышеприведенное и распубликованное въ законодательномъ актѣ разсужденіе нашей высшей законодательной инстанціи заслуживаетъ особеннаго вниманія; если заявленная въ немъ мысль не случайна, а должна упрочиться въ нашей законодательной сферѣ, то она повела бы къ кореннымъ преобразованіямъ во всей организаціи нашей государственной службы. Сверхъ того состоялись слѣдующія постановленія въ дополненіе Устава о воинской повинности. По Высочайшему повелѣнію, лицамъ, поступающимъ въ строевую военную службу охотниками и удовлетворяющимъ условіямъ образованія, которыя требуются отъ вольноопредѣляющихся, предоставлены права послѣднихъ. Отсрочка по отбыванію учащимися воинской повинности (по 1 п. ст. 53 Устава) распространена на частныя учебныя заведенія 1 разряда (Высоч. утв. 28 января 1875 г. Мн. Г. С.). Въ дополненіе къ положенію о военной службѣ донскихъ казаковъ, изданъ уставъ о воинской повинности Войска Донскаго (Выс. утв. 17 апрѣля 1875 г. Мн. Гос. Сов.). Для облегченія менонитамъ отбыванія воинской повинности, согласно ихъ вѣрованіямъ, имъ предоставлено отбывать эту повинность, безъ ношенія оружія, посредствомъ службы въ мастерскихъ морскаго вѣдомства, въ пожарныхъ командахъ и въ особыхъ подвижныхъ командахъ мѣстнаго вѣдомства, на основаніи особыхъ правилъ (Выс. утв. 8 апрѣля 1875 г. Мн. Гос. Сов.). Мы не излагаемъ всѣхъ многочисленныхъ законодательныхъ постановленій, относившихся скорѣе къ разъясненію, чѣмъ къ дополненію подробностей устава о воинской повинности безъ всякаго не только измѣненія, но даже и развитія его общихъ началъ (таковы Выс. утв. 6 и 31 мая, 4 октября и 20 ноября 1875 г. Мн. Гос. Сов.).

Относительно вольноопредѣляющихся во флотъ изданы новыя правила, измѣняющія статьи 186, 190, 192, 194, 195 и 196 Уст. о воинск. повин. Въ этихъ правилахъ между прочимъ постановлено, что вольноопредѣляющіеся во флотъ должны удовлетворять условіямъ образованія 1 и 2 разрядовъ вольноопредѣляющихся въ сухопутныя войска. Для производства ихъ въ гардемарины и кондукторы необходимы однолѣтнее плаваніе и выдержаніе экзаменовъ. Воспитанники морскихъ учебныхъ заведеній считаются вольноопредѣляющимися во флотъ (Выс. утв. 3 іюня 1875 г. Мн. Гос. Сов.).

Въ дополненіе 25 ст. Устава о воинской повин., ближе опредѣлены ограниченія личныхъ и имущественныхъ правъ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, во время обязательнаго ея срока (Выс. утв. 6 мая 1875 г. Мн. Гос. Сов.). Изданы въ развитіе и дополненіе устава о воинской повинности, на основаніи его общихъ началъ, новыя постановленія о пріемѣ вольноопредѣляющихся въ морское вѣдомство и положеніе о пріемѣ охотниковъ во флотъ (Высоч. пов. 25 августа 1875 г.).

Переходимъ къ другимъ отраслямъ военной организаціи и военнаго управленія. Нижніе чины, признанные по суду (во время военной службы) виновными въ кражѣ или мошенничествѣ, лишены права на производство въ унтеръ-офицеры (Выс. утв. 4 января 1875 г. Полож. Воен. Сов.). Изданы новые штаты (съ измѣненіемъ окладовъ содержанія) по инженерному вѣдомству (Выс. утв. 18 января 1875 года Пол. Воен. Сов.).

Управленіе мѣстными войсками въ области Войска Донскаго образовано на общихъ основаніяхъ Положенія 1874 г. объ мѣстныхъ войскахъ въ военныхъ округахъ Европейской Россіи (Выс. утв. 15 февраля 1875 г. Пол. Воен. Сов.). Опредѣленъ порядокъ обезпеченія земельными участками военныхъ и гражданскихъ чиновъ оренбургскаго казачьяго войска (Выс. утв. 18 января 1875 г. Пол. Воен. Сов.). Высочайшимъ Повелѣніемъ 1 февраля 1875 г. разъясненъ и дополненъ нѣкоторыми новыми правилами порядокъ наградъ, установленный для военнаго вѣдомства въ 1874 г. По военному сухопутному вѣдомству произведено не мало другихъ еще перемѣнъ въ организаціи личнаго состава и штатовъ разныхъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій по военной администраціи. Дѣятельность Военнаго Министерства была значительно обращена на этотъ предметъ. Штаты главнаго Артиллерійскаго управленія измѣнены (Выс. утв. 5 сентября Пол. Воен. Сов.). Вслѣдствіе Высочайшаго Повелѣнія 1874 г. объ образованіи корпусовъ войскъ, составлены положенія объ управленіи артиллерійскими и инженерными частями въ военномъ округѣ, соотвѣтственно новой корпусной инстанціи (Выс. утверж. 1 сентября 1875 г. Пол. В. С.).

Въ 1875 г. преобразованы артиллерійскія хозяйственныя учрежденія кавказскаго военнаго округа (Выс. утв. 10 октября 1875 г. Пол. Воен. Сов.). Помощники членовъ редакторовъ главнаго военно-кодификаціоннаго комитета переименованы въ редакторовъ (Выс. утв. 20 декабря 1875 г. Пол. Воен. Сов.).

Въ 1875 г. состоялось также много постановленій и распоряженій по военному (сухопутному вѣдомству) для развитія нашихъ боевыхъ силъ, для усовершенствованія ихъ согласно съ новѣйшими столь сложными требованіями военнаго дѣла и въ особенности для содержанія ихъ въ постоянной готовности къ бою. Эта дѣятельность нашей военной администраціи оправдалась позднѣйшими политическими событіями, которыя уже предвидѣлись въ 1875 г. (съ возстаніемъ герцоговинцевъ и босняковъ на балканскомъ полуостровѣ). Мы имѣемъ уже съ 1875 г. цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ, вызванныхъ этою дѣятельностью. Учреждена при Комитетѣ *по передвиженію войскъ желѣзными дорогами* и водою (въ составѣ Главнаго Штаба) канцелярія и издано Положеніе о дѣйствіяхъ этого Комитета и офицеровъ, завѣдующихъ передвиженіями (Выс. утв. 1 марта 1875 г. Пол. В. С.). Эта мѣра поспѣла, какъ нельзя болѣе ко времени; происшедшая въ 1876 г. мобилизація нашихъ войскъ принесетъ съ собой и плодотворный опытъ по этой важной части современной организаціи военныхъ силъ и военныхъ операцій. Обстоятельства послѣдняго времени должны были также убѣдить, что въ государственномъ отношеніи еще далеко недостаточно успѣшное пользованіе новѣйшими усовершенствованными путями и способами сообщеній собственно для военныхъ цѣлей, но необходимо также и самое бережное при этомъ обращеніе съ промышленными и коммерческими интересами, зависящими отъ этихъ сообщеній. Эта задача однако еще не разрѣшается образованіемъ новыхъ учрежденій и канцелярій, а всего болѣе требуетъ для себя энергической и знающей личной дѣятельности, которая у насъ часто вовсе теряется изъ виду, при сложившейся издавна наклонности разрѣшать государственныя задачи преимущественно посредствомъ формальнаго преобразованія и даже просто переименованія правительственныхъ инстанцій.

Для приведенія въ исполненіе распоряженій по комплектованію и мобилизаціи войскъ, по учету и призыву на службу и въ учебные сборы чиновъ изъ запаса арміи, по сформированію въ военное время резервныхъ и запасныхъ частей и наконецъ вообще по выполненію внутренней воинской службы, преобразованы управленія начальниковъ мѣстныхъ войскъ и губернскихъ воинскихъ начальниковъ, и вновь образованы *управленія уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ*, подчиненныхъ губернскимъ воинскимъ начальникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ составлены правила о формированіи въ военное

время резервныхъ и запасныхъ пѣхотныхъ войскъ и новыя положенія, какъ объ этихъ, такъ и объ крѣпостныхъ войскахъ.

Въ главномъ кодефикаціонномъ комитетѣ составлено новое положеніе о заготовленіяхъ по военному вѣдомству (взамѣнъ ст. 1—26, 561—975 ч. IV кн. 1 Св. воен. пост. суд. 1859 г.) и по разсмотрѣніи въ Военномъ Совѣтѣ, Высочайше утверждено 26 апрѣля 1875 г. Усилены штатныя средства главнаго Комитета по устройству и образованію войскъ. Издано новое положеніе о вещевомъ интендантскомъ довольствіи (Высоч. Пов. 5 іюля 1875 г.). Издано новое положеніе о довольствіи инженерныхъ войскъ (Выс. Пов. 1 сентября 1875 г.). Изданы новыя положенія о довольствіи предметами артиллерійскаго вѣдомства и о вооруженіи крѣпостей (Выс. Пов. 1 сент. 1875 г.).

Въ *общей организаціи центральнаго государственнаго управленія* послѣдовали слѣдующія перемѣны. По Высоч. Повелѣнію 13 декабря 1874 г., канцелярія Министра Народнаго Просвѣщенія по дѣламъ грекоуніятскаго вѣроисповѣданія упразднена и дѣла ея переданы въ канцелярію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Указомъ Сенату 31 января 1875 г. упраздненъ совѣщательный Комитетъ Министерства Путей Сообщеній (образованный на основаніи временнаго учрежденія этого Министерства 31 дек. 1870 г.) и дѣла Комитета переданы въ Совѣтъ Министерства и въ прочія его центральныя установленія. Такимъ образомъ упомянутый Комитетъ просуществовалъ всего только четыре года, не оставивъ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. Вообще организація центральнаго управленія путей сообщеній претерпѣла нѣсколько преобразованій, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, и она до сихъ поръ не окончательно еще установилась.

Въ *распоряженіе Министра Юстиціи* предоставлена на три года (начиная съ 1875 г.) вся сумма, ассигновавшаяся на содержаніе канцеляріи и департамента Министерства Юстиціи, Консультаціи, чиновниковъ для особыхъ порученій, управленія межевой частью и межевой канцеляріи, съ тѣмъ чтобы Министръ Юстиціи представилъ заблаговременно свои соображенія объ устройствѣ на будущее съ 1878 г. время центральнаго управленія Министерства Юстиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ должность правителя канцеляріи Министерства Юстиціи *переименована* въ должность управляющаго этою канцеляріею (Выс. утв. 18 февр. 1875 г. М. Г. С.). Это постановленіе

обращаетъ на себя вниманіе вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ. Во первыхъ, нельзя не пожалѣть о замѣчаемомъ и въ этомъ случаѣ постоянномъ стремленіи всѣхъ нашихъ центральныхъ управленій (вслѣдъ за военнымъ и морскимъ) поставить себя въ привиллегированное положеніе относительно общихъ началъ контрольной и кассовой реформы; если бы всѣ вѣдомства получили въ свое полное распоряженіе (безъ подчиненія ихъ расходовъ общему контрольному порядку и остатковъ ихъ кредитовъ — единству государственной кассы) общія суммы, назначенныя на ихъ содержаніе по бюджету, то вся эта реформа, ознаменовавшая собою большой успѣхъ, въ нашей государственной жизни, утратила бы всякую силу. Это соображеніе имѣетъ первостепенную важность въ нашей государственной исторіи, такъ какъ въ ней неоднократно была замѣчена наклонность также быстро вводить новыя начала для обновленія государственнаго строя, какъ и быстро удаляться отъ нихъ, прежде чѣмъ они успѣли дать всѣ свои плоды. Во вторыхъ, въ упомянутомъ выше постановленіи обращаетъ на себя вниманіе другая издавна сложившаяся въ нашей государственной жизни привычка — переименовывать должности безъ всякаго измѣненія ихъ сущности.

Въ общей *организаціи государственной службы* произошли слѣдующія перемѣны. Отмѣнены особенныя права и преимущества (по положенію 1862 г.) нижнихъ чиновъ пограничной (таможенной) стражи и на нихъ распространены общія постановленія военнаго вѣдомства (Высоч. Повел. 10 января 1876 г.). Возстановлена должность Помощника Начальника штаба Корпуса Жандармовъ, съ переименованіемъ послѣдняго въ «отдѣльный корпусъ» (Выс. Пов. 20 іюля и 3 ноября 1874 г.). Штаты заграничныхъ установленій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ усилены (общая сумма, на нихъ ежегодно отпускаемая, увеличена съ 1.169,240 до 1.452.700 рублей) и нѣсколько преобразованы (нѣкоторыя консульства сохранены только временно). Вмѣстѣ съ тѣмъ съ усиленіемъ содержанія консульскихъ чиновъ, всѣ консульскіе сборы (за исключеніемъ консуловъ, не состоящихъ на дѣйствительной службѣ и не получающихъ содержанія отъ казны) должны поступать въ государственный доходъ (Выс. утв. 4 февраля 1875 г. М. Г. С.).

Въ организаціи *государственныхъ финансовъ* вступила въ силу съ 1876 г. реформа, которая, при всей обширности своего историческаго значенія, не обратила на себя никакого вниманія, какъ

потому, что она была слишкомъ естественна и давно ожидалась, такъ и потому, что она не повлекла за собою никакихъ ощутительныхъ практическихъ послѣдствій. Существовавшіе у насъ издавна налоги подъ наименованіемъ *государственнаго земскаго сбора*, исчислявшагося совокупно съ расходами на счетъ него производившимися въ отдѣльныхъ отъ государственнаго бюджета, трехлѣтнихъ, смѣтахъ, присоединены къ общимъ государственнымъ доходамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ включены въ общую сумму бюджетныхъ расходовъ и упомянутые расходы (Высоч. утв. 10 декабря 1874 г. Мн. Гос. С.). Ни въ общемъ нынѣшнемъ положеніи финансовыхъ способовъ казны, ни въ податной тяжести, лежащей на народѣ, эта реформа ничего не измѣнила, ибо налоги, входившіе въ составъ государственнаго земскаго сбора, вошли въ государственный бюджетъ въ размѣрѣ тѣхъ окладовъ, по какимъ они были прежде опредѣлены, на трехлѣтіе съ 1875 г. Государственный *земскій* сборъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до 1875 г., былъ (въ особенности послѣ устройства земскихъ учрежденій), даже по имени, чистѣйшею исторической аномаліею, ежедневно ожидавшею своего упраздненія. Налоги, взимавшіеся подъ названіемъ государственнаго земскаго сбора, ничѣмъ не отличались, по своему финансовому существу, отъ всѣхъ вообще государственныхъ (бюджетныхъ) налоговъ, а расходы, на счетъ него производившіеся — отъ общегосударственныхъ расходовъ.

Но разныя стороны этой реформы, соприкасающіяся со многими самыми существенными основаніями всей нашей финансовой и податной системы, напоминаютъ объ этихъ основаніяхъ и объ связанныхъ съ ними вопросахъ, давно ожидающихъ для себя разрѣшенія. Чѣмъ менѣе совершившееся преобразованіе государственнаго земскаго сбора измѣнило нашу дѣйствующую и давно отжившую свой вѣкъ систему прямыхъ податей, тѣмъ болѣе припоминается настоятельность этого дѣла. Налоги, взимавшіеся по государственной земской смѣтѣ, присоединены къ государственной росписи, въ тѣхъ самыхъ формахъ, въ какихъ они прежде были установлены: подушный сборъ съ крестьянъ соединился съ государственною подушною податью; часть его, уже ранѣе переведенная на землю всѣхъ сословій, переименована въ государственный поземельный *налогъ* (почему не «*податъ*», какъ слѣдуетъ правильнѣе называть этотъ налогъ?); подушный сборъ съ мѣщанъ оставленъ подъ названіемъ *окладнаго*; сборъ съ торговыхъ свидѣтельствъ — подъ названіемъ добавочнаго казеннаго сбора съ торговыхъ свидѣтельствъ 1-й и 2-й гильдіи. Ни

малѣйшимъ образомъ не измѣнившіяся при этомъ формы податнаго обложенія преимущественно обращаютъ на себя вниманіе по отношенію къ подушному сбору съ крестьянъ и мѣщанъ; конечно, этотъ сборъ, окончательно осужденный не только финансовой теоріей, но и практикой, не могъ быть превращенъ въ другіе налоги, безъ общаго преобразованія всей нашей государственной подушной подати съ крестьянскаго сословія, а это преобразованіе неизбѣжно вызываетъ собою коренную передѣлку во всей системѣ нашихъ прямыхъ податей, какъ это оказалось при обсужденіи на земскихъ собраніяхъ вопроса объ упраздненіи подушной подати въ 1869—1870 гг. (когда этотъ вопросъ былъ поставленъ на первую очередь). Чрезвычайныя (отчасти казавшіяся, отчасти дѣйствительныя) трудности этого вопроса, неразрѣшимаго обыкновенными бюрократическими способами, заставили отложить этотъ вопросъ, и теперь онъ какъ будто совсѣмъ заглохъ. Поэтому нельзя не припомнить представлявшійся къ его разрѣшенію естественный поводъ въ упраздненіи отдѣльнаго существованія государственнаго земскаго сбора. При нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ пороки нашей податной системы сдѣлались особенно чувствительны. Мы не имѣемъ прямыхъ податей, которыхъ масштабъ (или окладъ) могъ бы быть возвышаемъ и которыхъ доходность могла бы быть увеличиваема для покрытія новыхъ и чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ; этого запаса въ финансовыхъ рессурсахъ, какимъ располагаютъ всѣ западно-европейскія государства, мы лишены. Для уплаты существующихъ нынѣ сборовъ, всѣ податныя силы народа, ими обложенныя, до того напряжены, что никакое увеличеніе ихъ размѣровъ не мыслимо; а тѣ доходы и имущества, которые могли бы послужить къ пріумноженію финансовыхъ источниковъ, свободны отъ прямыхъ податей. Кромѣ финансовыхъ интересовъ, требующихъ замѣны подушной подати новыми, болѣе раціональными налогами, ея тяжесть слишкомъ обременительна для сельскаго народонаселенія, какъ и вслѣдствіе *количества*, взимаемаго съ каждаго податнаго лица сбора, несоразмѣрнаго большею частью съ его средствами, такъ и вслѣдствіе всей организаціи (способовъ взиманія) этой подати (преимущественно вслѣдствіе круговой поруки). Наконецъ и высшія требованія государственной справедливости и все направленіе великихъ реформъ нынѣшняго царствованія, проникнутыхъ общеевропейскимъ духомъ гражданской равноправности всѣхъ подданныхъ передъ закономъ и государствомъ, не позволяютъ долѣе оставаться при податной

системѣ, въ основаніе которой положено начало раздѣленія сословій на податныя и неподатныя, — начало государственнаго строя, созданнаго крѣпостнымъ правомъ и средневѣковымъ (въ московскомъ государствѣ) прикрѣпленіемъ сословій. Между тѣмъ, вслѣдствіе сохраненія прежнихъ формъ налоговъ, принадлежавшихъ къ составу государственнаго земскаго сбора, казна по необходимости лишилась теперь и того финансоваго удобства, которое заключалось для нея въ отдѣльныхъ смѣтахъ этого сбора: эти смѣты и ихъ оклады составлялись соотвѣтственно съ суммою исчисленныхъ на каждое трехлѣтіе расходовъ, къ числу которыхъ принадлежало не мало военныхъ. Съ 1875 г., какъ бы ни была велика сумма этихъ расходовъ, сумма покрывающихъ ихъ сборовъ не можетъ быть увеличена. Правильная система прямыхъ податей, облагающая плательщиковъ пропорціонально ихъ податной силѣ, т. е., ихъ имуществамъ и доходамъ, позволяетъ измѣнять масштабъ податей сообразно съ размѣрами государственныхъ расходовъ, — облегчать податную тяжесть въ мирное время и усиливать въ военное. Наше финансовое управленіе какъ нельзя болѣе правильно сознаетъ невозможность возвышенія окладовъ прямыхъ податей, при нынѣшней ихъ системѣ, и потому въ экстренныхъ случаяхъ вынуждено воздерживаться отъ этой мѣры, которая была бы сопряжена съ раззореніемъ милліоновъ народонаселеній, и вынуждено предпочитать государственные займы.

Для исполненія распоряженій по производству расходовъ, относившихся на государственный земскій сборъ (по квартирному довольствію войскъ, по найму, постройкѣ, отопленію и освѣщенію зданій для разныхъ мѣстныхъ учрежденій, по содержанію нѣкоторыхъ дорогъ и подводъ) учреждены (на мѣсто присутствій о земскихъ повинностяхъ) особые *губернскіе и уѣздные распорядительные комитеты;* первые составлены подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, управляющаго казенною палатою, особаго члена отъ правительства (назначаемаго Министромъ Финансовъ), городскаго головы и предсѣдателя губернской земской управы (съ участіемъ члена отъ военнаго вѣдомства и управляющаго почтовою частью, по дѣламъ ихъ вѣдомствъ); уѣздные комитеты—подъ предсѣдательствомъ исправника, изъ члена уѣздной земской управы и чиновника, назначеннаго губернаторомъ (съ приглашеніемъ, въ случаѣ нужды: распоряженій въ городахъ — городскаго головы, на земляхъ сельскихъ обществъ — волостнаго старшины, и также чиновниковъ военнаго и почтоваго вѣдомствъ).

Относительно этихъ новыхъ учрежденій, нельзя не замѣтить, что у насъ безпрерывно созидаются новые органы мѣстнаго управленія, усложняющіе до-нельзя это управленіе, плодящіе дѣлопроизводство безъ всякой пользы для дѣла, и увеличивающіе спросъ на личныя силы, въ которыхъ и такъ чувствуется крайній недостатокъ въ провинціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ быстро возрастаютъ непроизводительные расходы казны и земства. Въ послѣдніе годы, сталъ болѣе и болѣе входить въ употребленіе типъ мѣстныхъ учрежденій со смѣшаннымъ коллегіальнымъ составомъ членовъ отъ казенныхъ вѣдомствъ и отъ земства. Къ этому же типу принадлежатъ и упомянутые выше распорядительные комитеты. Едва ли однако этотъ типъ можетъ много помочь столь желательному объединенію мѣстной бюрократической (казенной) и земской администраціи и усилить въ ней начала самоуправленія, согласно задачѣ, предположенной въ земской реформѣ. Въ этомъ отношеніи, казалось бы гораздо болѣе цѣлесообразнымъ предоставить всѣ распоряженія новыхъ распорядительныхъ комитетовъ (по производству означенныхъ выше расходовъ) на земскія управы губернскія и уѣздныя, которыя бы могли приглашать въ свою среду представителей казенныхъ вѣдомствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были бы сбережены расходы на содержаніе новой должности членовъ отъ правительства въ губернскихъ распорядительныхъ комитетахъ,—до 1,800 р. с. въ годъ (на каждую губернію); изъ десятковъ тысячъ подобныхъ расходовъ составляются сотни и милліоны. Не лучше ли во всѣхъ отношеніяхъ имѣть меньшее количество должностей въ государствѣ, чѣмъ большее, когда отъ этого даже выигрываетъ успѣхъ дѣла? Мы дѣлаемъ всѣ эти замѣчанія потому, что они имѣютъ общее значеніе не только для финансовъ, но и для развитія нашего мѣстнаго управленія, въ устройствѣ котораго утрачивается у насъ съ нѣкоторыхъ поръ всякое общее руководящее начало. Безпрестанное привлеченіе земскихъ представителей къ занятіямъ въ бюрократическихъ учрежденіяхъ увеличиваетъ безъ всякой пользы массу обязанностей, лежащихъ на земствѣ, ослабляя только законную отвѣтственность бюрократическихъ органовъ (посредствомъ коллегіальности) и усиливая тренія въ мѣстной администраціи между бюрократическимъ и земскимъ элементами. Отъ этого ихъ нынѣшній плачевный дуализмъ только возрастаетъ. Въ составѣ бюрократическихъ органовъ земскіе представители, лишенные всякой власти, не имѣютъ никакого интереса къ серьозной дѣятельности, кромѣ безплодныхъ столкновеній съ казенными должностными лицами. Сосредоточеніе всего мѣст-

наго (въ особенности хозяйственнаго, какъ въ настоящемъ случаѣ) управленія въ земствѣ должно было бы увеличить самостоятельность и въ тоже время отвѣтственность его органовъ.

Разсмотрѣніе государственной росписи на 1875 г. не представляетъ теперь никакого интереса, такъ какъ мы уже имѣемъ передъ собою отчетъ государственнаго контроля объ ея исполненіи. Результаты этого отчета были особенно благопріятны для нашихъ финансовъ и даже названы г. государственнымъ контролеромъ (въ его объяснительной запискѣ къ отчету) «блистательными». Эти результаты весьма любопытны, ибо ими опредѣлилась наличность нашего государственнаго казначейства на 1876 и 1877 гг., когда грозными политическими событіями и первостепенными историческими задачами, съ ними связанными для русской націи, предъявленъ чрезвычайный запросъ на ея финансовыя силы. Въ 1875 г. дѣйствительные государственные доходы ($576^1/_2$ мил. руб., — мы округляемъ всѣ цифры) превысилъ дѣйствительные расходы (543 мил.) на $33^1/_4$ мил. Съ присоединеніемъ остатковъ прежнихъ лѣтъ, контрольный отчетъ исчисляетъ до $40^1/_2$ мил. *свободный финансовый рессурсъ*, оставшійся въ распоряженіи правительства къ 1-му января 1875 г. и могущій служить для воспособленія государственному казначеству по исполненію лежащихъ на немъ расходовъ за 1876 и 1877 гг. Этотъ рессурсъ пришелся весьма кстати передъ экстренными нуждами, вызванными въ концѣ 1876 г. военными операціями. Надо полагать, что какъ этотъ рессурсъ, такъ и внутренній заемъ (100 мил.), объявленный въ 1876 г., и сверхъ всего этого прибыли государственнаго банка, которыя показаны въ его отчетѣ за 1875 годъ до 3 мил., а за 1876 годъ должны быть несравненно болѣе значительны (вслѣдствіе продажи части металлическаго фонда кредитныхъ билетовъ и новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на подкрѣпленіе конторъ банка) и которыя не исчисляются въ бюджетѣ и не служатъ для покрытія обыкновенныхъ расходовъ,—что всѣ эти чрезвычайные рессурсы слишкомъ достаточны для удовлетворенія чрезвычайныхъ финансовыхъ требованій, возникшихъ изъ военныхъ операцій. Если война наложитъ на казну неизмѣримо бо̀льшія тягости, для которыхъ, при самомъ блистательномъ положеніи финансовъ, никогда и нигдѣ не бываютъ достаточны обыкновенныя финансовыя средства, то по крайней мѣрѣ казна встрѣтитъ войну ни сколько *не истощенная* до ея наступленія (судя по вышеизложеннымъ и единственнымъ доступнымъ намъ даннымъ). Объ органическихъ преобразованіяхъ въ нашей финан-

совой системѣ, возможныхъ только въ самые мирные и нормальные періоды, теперь трудно было думать; надо надѣяться, что объ нихъ вспомнятъ по минованіи нынѣшнихъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ, почва для этихъ преобразованій подготовлена въ равновѣсіи бюджета, которое есть важный успѣхъ, достигнутый нынѣшнимъ нашимъ финансовымъ управленіемъ, въ послѣдніе годы, послѣ непрерывныхъ и крупныхъ дефицитовъ прежнихъ лѣтъ.

Переходимъ къ движенію финансоваго законодательства и государственнаго кредита за 1875 г. Акцизъ съ вина, выкуриваемаго въ губерніяхъ Царства Польскаго, возвышенъ (до 7 руб. съ ведра безводнаго спирта) и вмѣстѣ съ тѣмъ установлены разныя новыя мѣры противъ корчемства и контрабанды виномъ въ этихъ губерніяхъ (Выс. утв. 24 января 1875 г. М. Г. С.). Въ 1875 г. продолжалось объединеніе въ Имперіи финансовой системы краевъ, состоящихъ на особыхъ правахъ по мѣстному управленію. Общее положеніе 1865 г. о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ (съ нѣкоторыми изъятіями) введено въ Закавказскій край, и вступило тамъ въ силу съ 1 января 1876 г. (Выс. утв. 28 января 1875 г. М. Г. С.).

Въ правилахъ о пиво- и медовареніи (Уст. о пит. сб. 1867 г.) и въ системѣ взиманія съ нихъ акциза сдѣланы нѣкоторыя перемѣны (Выс. утв. 6 мая 1875 г. Мнѣніе Гос. Совѣта). Важнѣйшія изъ этихъ перемѣнъ слѣдующія. Размѣръ акциза съ пивоваренія возвышенъ съ шести копѣекъ до двѣнадцати съ ведра (ст. 5). Установленъ патентный сборъ съ пивоваренныхъ заводовъ, 47 р. за каждые 35 ведеръ емкости заторныхъ чановъ (ст. 5). Наименьшій узаконенный размѣръ пивовареннаго завода нѣсколько пониженъ: съ 50 до 35 ведеръ заторнаго чана (ст. 184). Дозволено вареніе меда для домашняго употребленія, безъ оплаты акцизомъ (прил. къ ст. 187). Акцизъ не вносится заводчикомъ непремѣнно впередъ за все время, на которое ему разрѣшено пиво- и медовареніе, но можетъ быть разсроченъ на полгода, съ представленіемъ залоговъ (ст. 230). Хотя всѣмъ этимъ узаконеніямъ и сдѣланы нѣкоторыя объясненія и упрощенія въ способахъ взиманія акциза съ пивоваренія, но возвышеніе его ложится новымъ бременемъ на производство и потребленіе пива, въ то время какъ въ высшей степени желательны всякія мѣры содѣйствія къ ихъ развитію и распространенію. Пиво замѣняетъ въ народномъ употребленіи водку и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ возможно большихъ поощреній

со стороны правительства, въ видахъ народной нравственности и гигіены, хотя бы для этого и приходилось приносить финансовыя жертвы. Но такія жертвы не могутъ не окупиться черезъ увеличеніе общей податной силы народа, подрываемой потребленіемъ крѣпкихъ напитковъ.

По Высочайшему указу 29 марта 1875 г. послѣдовалъ пятый выпускъ «консолидированныхъ облигацій россійскихъ желѣзныхъ дорогъ», на сумму 15 милл фунт. стерл. Выкупныя 5% свидѣтельства замѣнены 5% банковыми билетами, а выкупныя 5½% свидѣтельства старой формы — такими-же свидѣтельствами новой формы, согласно Выс. пов. 23 апрѣля 1874 г. (Выс. утв. 1 апрѣля 1875 г. М. Г. С.). Указомъ Сенату 10 октября 1875 г. выпущенныя въ 1868 г. на 8 лѣтъ пять серій билетовъ государственнаго казначейства замѣнены новыми пятью серіями согласно давно укоренившемуся у насъ порядку, который къ сожалѣнію привелъ къ тому, что значительный текущій долгъ государственнаго казначейства нисколько не уменьшался даже посреди нормальныхъ политическихъ обстоятельствъ.

По государственному хозяйству состоялись слѣдующія постановленія и мѣры. Казенный гостиный дворъ нижегородской ярмарки, въ которомъ главнѣйше сосредоточена ярмарочная торговля, проданъ въ собственность купечества, торгующаго на ярмаркѣ (земля подъ гостинымъ дворомъ не продана, а отдана только въ постоянное пользованіе купечества.). Эта мѣра давно ожидалась, какъ полезная для благоустройства ярмарки; къ тому-же владѣніе подобными имуществами, еще многочисленными у насъ и гораздо болѣе производительными въ общественныхъ и частныхъ рукахъ, не согласно съ обязанностями казны (Высоч. утв. 25 декабря М. Г. С.).

Относительно полюбовнаго размежеванія, постановлено, что если участвуютъ въ немъ крестьяне-собственники, не уплатившіе еще всего своего выкупнаго долга правительству, то полюбовныя сказки объ размежеваніи отсылать въ этихъ случаяхъ на предварительное разсмотрѣніе губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій для удостовѣренія, достаточно ли обезпечивается, при новомъ раздѣлѣ угодій, казенный долгъ (Выс. утв. 17 дек. 1874 г. М. Г. С.).

Учрежденъ постоянный *Комитетъ съѣзда представителей акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита.* Предсѣдатель и 4 члена Комитета избираются общимъ собраніемъ съѣзда; Предсѣдатель утверждается въ своемъ званіи Министромъ Финансовъ. На Комитетъ

возложены слѣдующія обязанности: 1) изданіе трудовъ съѣзда, подготовленіе вопросовъ и матерьяловъ къ слѣдующему съѣзду и представленіе Министру Финансовъ ходатайствъ съѣзда (Выс. утв. 21 дек. 1874 г. Полож. Комит. Министр.). Это постановленіе, при всей своей малозначительности, обращаетъ на себя вниманіе потому, что напоминаетъ объ совершенно новомъ типѣ учрежденій, возникнувшихъ у насъ въ недавнее время (однородны съ вышеупомянутымъ съѣзды представителей банковъ, желѣзнодорож- компаній и проч.). Желательно было бы, прежде чѣмъ слишкомъ размножились эти учрежденія, чтобъ типъ ихъ, въ особенности ихъ отношенія къ правительству были точнѣе опредѣлены. До сихъ поръ не ясно: правительственныя-ли это учрежденія или частныя (общественныя)? По кругу ихъ дѣятельности и представляемымъ ими чисто промышленнымъ, личнымъ интересамъ, они должны были бы имѣть безусловно частный характеръ. Между тѣмъ распространяемая на нихъ правительственная опека и предоставленныя имъ права (по сношеніямъ съ государственными учрежденіями) придаютъ имъ правительственный оттѣнокъ, который, съ одной стороны, можетъ быть стѣснителенъ для частныхъ предпріятій и обществъ (напр. для банковъ), нисколько не обязанныхъ подчиняться власти, регламентаціи и даже вліянію этихъ съѣздовъ, а съ другой стороны, можетъ породить нежелательныя недоразумѣнія относительно отвѣтственности правительства передъ третьими лицами (публикою) за дѣйствія частныхъ учрежденій, преслѣдующихъ исключительно личныя промышленныя цѣли. Было бы кажется всего полезнѣе предоставить всѣ подобные съѣзды, какъ общественныя собранія частныхъ лицъ, своему свободному развитію безъ всякаго правительственнаго вмѣшательства, которое можетъ ограничиться однимъ общимъ полицейскимъ надзоромъ. Этотъ предметъ заслуживаетъ вниманіе въ особенности потому, что вслѣдствіе смѣшенія государственной дѣятельности съ частною (между прочимъ соединенія той и другой въ однихъ и тѣхъ-же лицахъ, прямо должностныхъ) правительство въ послѣднее время слишкомъ нерѣдко и неправильно привлекается къ отвѣтственности за дѣйствія частныхъ лицъ и за частныя предпріятія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ разнымъ казеннымъ воспособленіямъ въ ихъ пользу.

Высочайше утвержденнымъ 21 мая 1874 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было дозволено обращать въ деньги натуральные хлѣбные запасы, входившіе въ составъ мѣстныхъ продовольствен-

ныхъ капиталовъ. Вслѣдствіе ходатайства одной губернской управы, Выс. утв. 27 декабря 1875 г. положеніемъ Комитета Министровъ дозволено снова замѣнять (съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ) упомянутыя деньги, числящіяся въ продовольственныхъ капиталахъ, натуральными хлѣбными запасами, въ виду того, что по объясненію упомянутой выше управы нѣкоторыя сельскія общества нерасчетливо обратили хлѣбъ въ денежные капиталы, а при обильныхъ урожаяхъ и упадкѣ цѣнъ на хлѣбъ, можетъ быть выгодна для крестьянъ и полезна для обезпеченія продовольствія замѣна денегъ натуральными запасами. Хотя мѣра эта была неизбѣжна и правильна, но вопросъ объ мѣстныхъ продовольственныхъ капиталахъ, возбуждавшій столько споровъ, остается все-таки не рѣшеннымъ. Эти капиталы, въ какомъ бы видѣ ни сберегались, оказывались всегда совершенно несостоятельными въ чрезвычайныхъ случаяхъ неурожаевъ и голода, для которыхъ они только и предназначены (примѣромъ служили неурожаи Самарской губерніи).

Положеніе 1868 г. объ устройствѣ поселянъ (царанъ) Бессарабской губерніи разъяснено и дополнено нѣкоторыми постановленіями относительно земскихъ и мелкопомѣстныхъ имѣній (Выс. утв. 4 февр. 1875 г. М. Г. С.). Изданы новыя правила о торговлѣ охотничьимъ порохомъ, храненіи и перевозкѣ пороха (Выс. утв. 6 мая 1875 М. Г. С.). Сдѣланы нѣкоторыя измѣненія во временномъ уставѣ Московской Биржи (Выс. утв. 22 мая 1875 г. Пол. Ком. Мин.). Издано новое положеніе объ выдѣлкѣ и продажѣ игральныхъ картъ (Выс. Пов. 28 іюня 1875 г.), нисколько впрочемъ не измѣняющее общихъ основаній этой регаліи, отданной въ пользованіе Воспитательныхъ Домовъ.

Въ области государственной *полиціи* (въ обширномъ смыслѣ этого слова) состоялись слѣдующія постановленія. Для предупрежденія вредныхъ послѣдствій врачебной практики лицъ, не имѣющихъ на нее права, пересмотрѣны и дополнены наказанія, которымъ подвергаются такія лица, въ случаяхъ употребленія ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ (Высоч. утв. 11 марта 1875 г. М. Г. С.). Было замѣчено, въ послѣдніе годы, сильное развитіе у насъ публичныхъ лотерей, которыми разныя общественныя учрежденія и предпріятія пользовались, какъ способомъ для своего матерьяльнаго существованія. Съ одной стороны, такое явленіе было вредно для общественной нравственности, поддерживая въ бѣдныхъ слояхъ публики наклонность къ случай-

ной наживѣ и къ азарту, а съ другой стороны, подобный источникъ дохода не соотвѣтствуетъ характеру общеполезныхъ и въ особенности филантропическихъ учрежденій, почерпающихъ въ немъ свои финансовые способы. По дѣйствующему у насъ законодательству, лотереи вообще воспрещены и лишь въ видѣ особыхъ изъятій разрѣшаются правительствомъ, по особымъ всякій разъ ходатайствамъ (до 1875 г. губернаторы имѣли право разрѣшать собственною властью лотереи на сумму не свыше 300 р., Министръ Внутреннихъ Дѣлъ—1.500 р., выше этой суммы нужно было Высочайше разрѣшеніе). Эти особыя разрѣшенія и ходатайства стали однако быстро развиваться; чтобы положить конецъ этому развитію, состоялось въ 1875 г. законодательное постановленіе. Въ силу этого постановленія, *право* разыгрывать лотереи, на сумму свыше 1.500 р. и не свыше 50.000 р., сохраняется, *на восемь лѣтъ*, только за нѣсколькими благотворительными учрежденіями: дѣтскими пріютами въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, Спб. патріотическимъ обществомъ, Харьковскимъ благотворительнымъ обществомъ, Русскимъ благотворительнымъ обществомъ въ привислянскомъ краѣ и Николаевскимъ пріютомъ въ Варшавѣ. Лотереи на сумму до 1.000 р. разрѣшаются Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, а на сумму высшую испрашивается имъ Высочайшее разрѣшеніе черезъ Комитетъ Министровъ. Устройство какихъ бы то ни было лотерей на народныхъ гуляньяхъ воспрещается; Министру Внутреннихъ Дѣлъ впрочемъ предоставляется, *въ видѣ изъятія*, *по особымъ уваженіямъ*, разрѣшать лотереи-аллегри, на гуляньяхъ, если входъ на гулянье (независимо отъ лотерейнаго билета) оплачивается не менѣе 1 р. (Выс. утв. 13 мая 1875 г. М. Г. С.). Изъ вышесдѣланнаго изложенія сущности этого постановленія видно, что хотя прямою его цѣлью было сокращеніе развитія лотерей, оно однако какъ будто узаконило болѣе широкое право на устройство лотерей, чѣмъ какое даже существовало до тѣхъ поръ, установивъ нормальный и правильный порядокъ (черезъ Комитетъ Министровъ) для испрошенія особыхъ разрѣшеній на высшія суммы лотерей. Теперь указанъ этотъ путь, хотя бы и для *изъятій*. Отъ правительства будетъ зависѣть ограничивать или расширять число этихъ изъятій и даже вовсе ихъ не допускать, но и до этого постановленія, дѣло это находилось въ такомъ же положеніи, а теперь *изъятія* (на высшія суммы лотерей) скорѣе облегчены, получивъ для себя нѣкоторымъ образомъ законодательную норму.

Судебная реформа въ Царствѣ Польскомъ была важнѣйшимъ событіемъ не только по *судебной части*, но и во всей внутренней законодательной дѣятельности Россіи за 1875 г. Значеніе этой реформы изображено слѣдующими словами Высочайшаго указа Сенату 19 февраля 1875 г., при которомъ обнародованы новыя судебныя законоположенія (Положеніе о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. къ варшавскому судебному округу, уставъ объ особыхъ производствахъ въ семъ округѣ, правила о нотаріяльной части и штаты судебныхъ установленій Варшавскаго судебнаго округа): «указами нашими отъ 19 февраля 1864 г. мы положили начало кореннымъ преобразованіямъ въ гражданскомъ устройствѣ Царства Польскаго, съ цѣлью обновить общественный бытъ этого края, установить *правомѣрныя* отношенія среди его населенія и достигнуть болѣе полнаго *органическаго его слiянія и объединенія* съ прочими частями государства. Въ ряду дальнѣйшихъ мѣръ, направленныхъ къ той-же цѣли, мы обратили особенное вниманіе на улучшеніе существующаго въ Царствѣ порядка судопроизводства, отличающагося многими важными недостатками». Не подлежитъ сомнѣнію, что единство формъ судебной власти есть самая могущественная и самая разумная *нравственная* сила нашего времени, въ числѣ тѣхъ способовъ, государственнаго объединенія племенъ, которые находятся въ распоряженіи правительства. Это доказывается между прочимъ тѣми энергическими усиліями, которыя прилагаетъ нынѣ германское правительство къ судебному объединенію Германіи. Это объединеніе происходитъ на почвѣ права и во имя права,—начала наиболѣе способнаго и дѣятельнаго къ примиренію противуположныхъ историческихъ интересовъ и враждебныхъ національныхъ влеченій. Судебная реформа въ привислянскомъ краѣ есть самое крупное, послѣ устройства крестьянъ, государственное дѣло, которое вводитъ народонаселенія привислянскаго края въ общее теченіе государственной жизни Россіи, обобщаетъ ихъ гражданское сознаніе съ русскимъ народомъ и свидѣтельствуетъ объ историческомъ прогрессѣ, вносимомъ въ этотъ край русскою властію. Судебный порядокъ въ Царствѣ Польскомъ обветшалъ и отсталъ отъ общеевропейскихъ требованій юридической науки и практики нашего времени; этимъ требованіямъ вполнѣ соотвѣтствуютъ наши судебные уставы 1864 г., въ своемъ существѣ, если еще и не во всѣхъ своихъ подробностяхъ, которыя должны непремѣнно выработаться съ постепеннымъ развитіемъ и примѣненіемъ общихъ началъ. Сверхъ превосходства этихъ общихъ началъ,

которыя будутъ содѣйствовать успѣхамъ гражданской жизни и благосостоянія въ привислянскомъ краѣ, и которыя въ немъ тѣмъ легче привьются, что найдутъ въ польскомъ обществѣ, славящемся своимъ юридическимъ образованіемъ, хорошо подготовленныхъ исполнителей, нужно упомянуть еще и объ одной особенной сторонѣ этой реформы, долженствующей содѣйствовать объединенію польской народности съ русскою, — объ русскомъ языкѣ, установленномъ для судопроизводства въ варшавскомъ судебномъ округѣ. Наконецъ нельзя не надѣяться, что среди совокупной дѣятельности лицъ русскаго и польскаго происхожденія на судебномъ поприщѣ усилится между русскою и польскою интеллигенціей то свободное общеніе, которое наиболѣе необходимо для пользы русскаго дѣла въ этомъ краѣ.

Здѣсь нѣтъ надобности излагать содержаніе новыхъ судебныхъ законоположеній, а должно ограничиться лишь самыми главными ихъ чертами. Власть судебная дѣйствуетъ въ слѣдующихъ инстанціяхъ: гминныхъ судахъ и мировыхъ судьяхъ, мировыхъ съѣздахъ, окружныхъ судахъ, судебной палатѣ и Правительствующемъ Сенатѣ (въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда). Укажемъ на важнѣйшія отличія введеннаго въ привислянскій край судебнаго порядка отъ нашихъ общихъ судебныхъ уставовъ. Институтъ присяжныхъ засѣдателей не вводится въ варшавскій судебный округъ, впредь до особаго распоряженія. Въ варшавской судебной палатѣ учрежденъ особый департаментъ для преданія суду и прекращенія слѣдствій. Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ не образуются, а ихъ права и обязанности присвоены окружнымъ судамъ. Само собою разумѣется, что ипотечныя учрежденія, отлично организованныя въ Царствѣ Польскомъ, сохраняютъ свою силу и введены въ новое судебное устройство.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть, что дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1861 г. распространено и на другую нашу окраину; они введены въ Дагестанскую область, на основаніи положенія 1806 г. о примѣненіи ихъ къ закавказскому краю (Выс. утв. 4 февраля 1875 г. М. Г. С.).

Первое, распубликованное въ 1875 г., новое постановленіе по судебной части напомнило объ одномъ изъ коренныхъ пороковъ въ порядкѣ нашего уголовнаго судопроизводства, еще не уступившемъ даже силѣ новыхъ судебныхъ уставовъ. Этотъ порокъ заключается въ продолжительности и сложности всей процедуры слѣдствія надъ обвиняемымъ лицемъ, въ продолжительныхъ нрав-

ственныхъ страданіяхъ имъ испытываемыхъ до суда и въ продолжительномъ лишеніи его гражданскихъ правъ въ это время (сюда же принадлежитъ и продолжительное лишеніе личной свободы и заключеніе въ тюремныхъ мѣстахъ). Этимъ страданіямъ и лишеніямъ гражданскихъ правъ иногда подвергаются лица, которыя впослѣдствіи бываютъ оправдываемы судомъ; очень часто размѣры наказаній, къ которымъ бываютъ присуждены преступники, далеко ниже того наказанія, (напр. по срокамъ заключенія въ тюрьмѣ), которое они уже фактически испытали во время слѣдствія и судопроизводства. Выс. утв. 3 декабря 1874 г Мнѣніемъ Госуд. Совѣта ст. 968 Уст. Уголовн. Судопроизводства измѣнена въ томъ смыслѣ, что лицамъ, присужденнымъ къ содержанію въ разныхъ мѣстахъ заключенія время, проведенное ими въ этихъ мѣстахъ *по вступленіи приговора въ законную силу*, будетъ зачисляться въ опредѣленный приговоромъ срокъ. Это постановленіе какъ нельзя болѣе справедливо, ибо при медленности нашего исполнительнаго судебнаго порядка время, проведенное преступникомъ въ заключеніи между произнесеніемъ приговора и приведеніемъ его въ исполненіе, можетъ быть очень продолжительно. Но это напоминаетъ и объ необходимости мѣръ для облегченія участи обвиненныхъ лицъ до произнесенія надъ ними судебнаго приговора.

Высочайшимъ Повелѣніемъ 5 декабря 1874 г. пріостановлено *временно* дальнѣйшее учрежденіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ тѣхъ судебныхъ округахъ, гдѣ они еще не открыты. Въ оффиціяльномъ изложеніи этого распоряженія, которое было сдѣлано не въ законодательномъ порядкѣ, не указаны соображенія, вынудившія правительство къ этой мѣрѣ, которая при всемъ временномъ своемъ характерѣ, имѣетъ однако нѣкоторое значеніе. Она какъ бы свидѣтельствуетъ объ недовѣріи къ корпоративной организаціи нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ, которая до сего признавалась полезною и заключаетъ въ себѣ немаловажный контроль (посредствомъ взаимнаго надзора) надъ нашею адвокатскою дѣятельностью. Судя по практическому опыту, извѣстному публикѣ, этотъ контроль уже сопровождался неоднократно весьма хорошими послѣдствіями. Можетъ статься оказались, въ другихъ случаяхъ, и иныя практическія послѣдствія адвокатской корпораціи, которыя желательно было бы знать.

Въ дополненіе ст. 973 Устава Гражд. Судопроизв., постановлено не подвергать аресту, ни въ какомъ случаѣ, форменную

одежду, штатное вооруженіе и строевыхъ лошадей лицъ служилаго состава казачьихъ войскъ (Выс. утв. 20 ноября 1874 г.).

Порядокъ судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ въ округѣ Тифлисской Судебной Палаты дополненъ слѣдующими постановленіями: 1) первоначальныя дознанія объ упомянутыхъ преступленіяхъ предоставляются прокуроромъ Палаты Намѣстнику Кавказскому; 2) всѣ дальнѣйшія распоряженія объ движеніи или прекращеніи дѣла дѣлаются Намѣстникомъ, по сношеніи съ Министромъ и Шефомъ Жандармовъ; 3) предварительныя слѣдствія по этимъ дѣламъ поручаются Высочайшею властью одному изъ членовъ Палаты (Выс. утв. 17 декабря 1874 г. М. Г. С.).

Правила 1864 г. о печатаніи судебныхъ рѣшеній дополнены постановленіемъ, дозволяющимъ публиковать въ повременныхъ изданіяхъ, по дѣламъ, производящимся при закрытыхъ дверяхъ, *только резолюціи* суда; вмѣстѣ съ тѣмъ законъ объ наказаніяхъ за оглашеніе въ печати свѣдѣній, обнаруженныхъ дознаніемъ или слѣдствіемъ, распространенъ на виновныхъ вообще въ нарушеніи правилъ о печатаніи отчетовъ объ судебныхъ дѣлахъ (Выс. утв. 4 февраля 1875 г. М. Г. С.). Введенъ въ дѣйствіе новый воинскій уставъ о наказаніяхъ и также новый морской уставъ о наказаніяхъ (Выс. пов. 27 марта и 14 апрѣля 1875 г.).

Постановлено, чтобы ссыльно-каторжные, содержащіеся въ особыхъ тюрьмахъ въ европейской Россіи и перечисляемые въ разрядъ исправляющихся, были высылаемы въ Сибирь (Высоч. Пов. 22 мая 1875 г.).

По части *народнаго образованія* состоялись слѣдующія законодательныя постановленія. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ учреждены шестиклассныя мужскія прогимназіи, учительскіе институты и учительскія семинаріи, на директоровъ всѣхъ этихъ заведеній (также и на инспекторовъ прогимназій) возложена обязанность предсѣдательствовать въ педагогическихъ совѣтахъ и участвовать въ попечительныхъ совѣтахъ мѣстныхъ женскихъ гимназій и прогимназій (Выс. Повел., испрошенное Министромъ Народнаго Просвѣщенія 25 ноября 1874 г.). Мѣра эта, какъ сказано въ изложеніи ея мотивовъ, принята въ «видахъ поднятія учебной и воспитательной частей въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Лицей князя Безбородко въ Нѣжинѣ преобразованъ въ историко-филологическій институтъ кн. Безбородко, по образцу Императорскаго историко-филологическаго института въ Петербургѣ

(Выс. утв. 20 ноября 1874 г. Мн. Г. С.). Эта мѣра соотвѣтствуетъ двумъ насущнымъ потребностямъ нашего народнаго образованія: необходимости усилить средства къ подготовленію преподавателей классическихъ языковъ и ввести наши старые лицеи, организація и учебные курсы которыхъ давно отстали отъ требованій современной науки, въ общую дѣйствующую у насъ систему учебныхъ заведеній (съ сосредоточеніемъ наукъ на опредѣленномъ кругѣ знаній). Въ этомъ смыслѣ остается теперь непреобразованнымъ только Императорскій Александровскій (бывшій Царскосельскій) лицей. Утверждены новый Уставъ и штатъ Демидовскаго юридическаго лицея въ Ярославлѣ (Выс. утв. 25 декабря 1874 г. М. Г. С.).

Количество учительскихъ семинарій для образованія учителей начальныхъ народныхъ училищъ значительно возрасло въ 1875 г Въ г. Череповцѣ, Новгородской губ., учреждена на совокупныя средства земства и государственнаго казначейства учительская семинарія (Выс. утв. 3 декабря 1874 г. Мн. Г. С.). Учительскія семинаріи учреждены въ г. Острогѣ, Волынской губ. и въ с. Елизаветинѣ, Уфимской губ. на счетъ государственнаго казначейства (Выс. утв. 10 декабря и 11 октября 1875 г. Мн. Г. С.). Въ Казани учреждена татарская учительская школа (Выс. утв. 22 ноября 1875 г. М. Г. С.). На государственный же счетъ учреждены вновь шесть учительскихъ семинарій въ учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ (съ предоставленіемъ Министру Народнаго Просвѣщенія выбора мѣстностей) и въ м. Свислочѣ, Гродненской губ. (Выс. утв. 4 февраля 1875 г. М. Г. С.). Учреждена Закавказская учительская семинарія на счетъ мѣстныхъ доходовъ (Выс. утв. 8 апрѣля 1875 г. М. Г. С.). Министру Народнаго Просвѣщенія предоставлено открывать при учительскихъ семинаріяхъ *приготовительные классы*, для приготовленія дѣтей сельскихъ сословій къ поступленію въ семинарію (Выс. утв. 8 ноября 1875 г. М. Г. С.). Для Закавказскаго края утвержденъ штатъ нормальныхъ сельскихъ училищъ, содержимыхъ на счетъ мѣстныхъ средствъ (Выс. утв. 18 февраля 1875 года). Изданъ новый штатъ Кубанской учительской семинаріи (Выс. утв. 17 мая 1875 г. М. Г. С.). Передана въ завѣдываніе Министерства Народнаго Просвѣщенія земская учительская семинарія Новоторжскаго уѣзда (Выс. утв. 10 іюня 1875 г. М. Г. С.). Земскія учительскія семинаріи одна за другою переходятъ въ распоряженіе правительства, какъ это давно желало вѣдомство народ-

наго просвѣщенія, не признававшаго эти учебныя заведенія соотвѣтствующими дѣятельности земства; впрочемъ, они кажется нигдѣ и не процвѣтали въ распоряженіи земствъ, которыя вѣроятно вездѣ довольны отъ нихъ освободиться.

Въ 1875 г. продолжало возрастать число среднихъ учебныхъ заведеній, на основаніи устава 1871 г., изданнаго для гимназій и прогимназій. Учреждена на счетъ казны четырехъ-классная прогимназія въ Сергіевскомъ посадѣ, въ Лебедяни, въ Ростовѣ на Дону и шести-классная въ Енисейскѣ (Выс. утв. 10 іюля и 8 и 22 ноября 1875 г. М. Г. С.). Четырехъ-классныя гимназіи въ Ѳеодосіи и въ Старобѣльскѣ преобразованы въ шестиклассныя. Учреждены четырехклассныя прогимназіи въ гг. Нарвѣ и Царицынѣ, на совокупныя средства казны и городскихъ обществъ (Выс. утв. 23 апрѣля 1875 г. М. Г. С.). Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта по этому предмету предоставлено Министрамъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ сообразить, «какимъ образомъ упрочить за приговорами земства и обществъ о пожертвованіяхъ на учебныя заведенія значеніе постановленій обязательныхъ, безъ права измѣненія оныхъ, по усмотрѣнію земства и обществъ». Этотъ послѣдній вопросъ не можетъ не обратить на себя вниманіе и потребовать скорѣйшаго разрѣшенія. Совокупное содержаніе учебныхъ заведеній на счетъ казны и мѣстныхъ финансовыхъ средствъ (земствъ и общинъ) есть система обезпеченія способовъ народнаго образованія весьма полезная и правильная. Но уже нерѣдко случалось, что органы нашего мѣстнаго самоуправленія, принявъ на себя жертвы въ пользу учебныхъ заведеній, впослѣдствіи отказывались отъ нихъ. Дѣйствующее законодательство имъ этого не воспрещаетъ. Между тѣмъ такой порядокъ несовмѣстимъ съ интересами народнаго образованія и учащихся, которыхъ судьба не должна зависѣть отъ случайнаго настроенія и большинства въ мѣстныхъ представительныхъ собраніяхъ. Учебная реформа распространялась и на самыя отдаленныя намъ окраины. Въ Туркестанскомъ краѣ учреждены двѣ прогимназіи въ гор. Ташкентѣ и Вѣрномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ устроено въ этомъ краѣ управленіе по учебной части, по примѣру Сибири (Высоч. утв. 17 мая 1875 г. М. Г. С.).

Учрежденіемъ VIII класса въ гимназіяхъ (Выс. утв. 13 мая 1875 г. М. Г. С.) довершена гимназическая реформа, проводимая нынѣшнимъ управленіемъ народнаго просвѣщенія съ замѣчательною энергіею и послѣдовательностью. И та и другая всегда похвальны во всякомъ го-

сударственномъ дѣлѣ, хотя та и другая нисколько не исключаютъ мягкости и гуманности со стороны личныхъ исполнителей реформы, въ особенности въ обращеніи ихъ со столь сложными и чувствительными личными интересами, которые связаны съ дѣломъ воспитанія. Никто изъ здравомыслящихъ и просвѣщенныхъ государственныхъ людей не можетъ оспаривать пользы классической системы образованія, которой Западная Европа обязана всѣми успѣхами своей цивилизаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать, чтобы она проникала въ самую жизнь построенныхъ на ея началахъ школъ и находила въ нихъ искренно преданныхъ ей, добросовѣстныхъ и вполнѣ подготовленныхъ исполнителей. Если успѣхъ какого нибудь государственнаго дѣла, сверхъ законодательной его нормы, зависитъ главнѣйше отъ своего практическаго исполненія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то таково по преимуществу дѣло народнаго образованія. Наилучшіе школьные уставы дѣлаются мертвою буквою, когда недостаетъ добросовѣстныхъ для нихъ исполнителей. Въ эту сторону были обращены у насъ недоумѣнія многихъ даже пламенныхъ приверженцевъ классической системы, при чрезвычайной быстротѣ ея водворенія на почвѣ, весьма мало къ тому подготовленной; надо думать, что дѣятельность Министерства Народнаго Просвѣщенія, поборовшая всѣ законодательныя препятствія и сосредоточенная теперь на практическомъ улучшеніи учебныхъ заведеній, разсѣетъ всѣ эти невольныя недоразумѣнія въ обществѣ. Такъ, между прочимъ надо пожелать, чтобы преподаваніе въ учреждаемыхъ восьмыхъ классахъ гимназій, требующее наиболѣе успѣшнаго выбора преподавателей, было поставлено на всю высоту педагогической задачи этихъ классовъ и послужило бы къ дѣйствительному усиленію зрѣлости въ умственномъ развитіи учащихся.

Число реальныхъ училищъ также возросло. Учреждены вновь училища (на совокупныя средства казны, городскихъ обществъ и земства): въ Новозыбковѣ, Черниговской губ., Тулѣ, Твери, Муромѣ, Новгородѣ, Екатеринославлѣ, Калугѣ, Севастополѣ и въ Скопинѣ, Рязанской губ. (Выс. утв. 23 апрѣля, 10 іюня и 8 ноября 1875 г. М. Г. С.).

По военному образованію приняты слѣдующія мѣры. Въ видахъ усиленія уровня образованія офицеровъ, обучающихся въ военныхъ академіяхъ, усилены требованія отъ нихъ по языкамъ: русскому, французскому и нѣмецкому (Выс. утв. 5 апрѣля 1875 г. Пол. Воен. Сов.). Рядомъ съ развитіемъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія продолжалось идущее съ

нимъ параллельно развитіе военныхъ гимназій, которыя имѣютъ у насъ (по своему учебному курсу) характеръ общеобразовательныхъ заведеній, конкурирующихъ съ классическою школою, а нисколько не характеръ специяльно военныхъ заведеній. Въ Тифлисѣ учреждена Военная гимназія и съ тѣмъ вмѣстѣ пріостановлена посылка дѣтей кавказскихъ уроженцевъ въ военныя гимназіи внутреннихъ краевъ Имперіи (Высоч. утв. 23 іюля 1875 г. Полож. Воен. Сов.).

Къ мѣрамъ правительства по *ученой части*, хотя и не въ полномъ смыслѣ этого выраженія, должно отнести преобразованіе статистическаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, поставленнаго во главѣ всѣхъ работъ по административной статистикѣ. Новое Положеніе (Выс. утв. 21 мая 1875 г.) объ этомъ Совѣтѣ предназначено къ оживленію его дѣятельности и между прочимъ къ нѣкоторому сосредоченію въ немъ мѣропріятій по статистическимъ изслѣдованіямъ всѣхъ вообще вѣдомствъ. Послѣ этого преобразованія, должно ожидать болѣе быстрыхъ успѣховъ въ области нашей административной статистики, главнѣйше возложенной на Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, хотя нельзя не замѣтить, что формальная перемѣна въ организаціи правительственнаго учрежденія всего менѣе можетъ сама собою обезпечивать успѣшное развитіе его дѣятельности, въ особенности по такой части, какъ статистика. Административная статистика, какъ всякая наука, требуетъ личныхъ трудовъ, любви и самоотверженія (не говоря уже о знаніи дѣла), которыя не создаются тѣмъ или другимъ устройствомъ административныхъ инстанцій, завѣдующихъ статистическими работами. Нельзя не сознаться, что не смотря на усердное и блистательное участіе оффиціяльныхъ представителей нашей статистики во всѣхъ международныхъ статистическихъ конгрессахъ и съѣздахъ, Россія чрезвычайно отстала по административной статистикѣ отъ всѣхъ другихъ европейскихъ странъ,—даже болѣе отстала, чѣмъ 25 лѣтъ тому назадъ, когда правительства и ученые далеко не были такъ дѣятельны по этой части, какъ теперь. Всего замѣтнѣе наша отсталость по народоисчисленію,—по этому основному отдѣлу административной статистики, составляющему нынѣ самую настоятельную необходимость для всякой просвѣщенной административной практики (см. статьи *Ю. Э. Янсона* въ двухъ первыхъ томахъ нашего Сборника). Въ предстоящей народной переписи, правительство вынуждено руководствоваться устарѣлыми пріемами нашихъ прежнихъ ревизій,

вслѣдствіе невыработки другихъ болѣе научныхъ и болѣе современныхъ пріемовъ, которыми слѣдовало озаботиться гораздо ранѣе. При всей новѣйшей дѣятельности нашего центральнаго статистическаго Комитета, самыя замѣчательныя статистическія работы послѣднихъ лѣтъ принадлежатъ другимъ вѣдомствамъ (преимущественно Министерствамъ Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, отчасти Министерствамъ: Военному, Путей Сообщеній и Юстиціи). Если гдѣ нельзя обойтись безъ личной любви къ дѣлу и преданности ему, такъ это именно здѣсь; статистическими работами, которыми славятся иностранныя правительства, они обязаны по той или другой организаціи статистическихъ учрежденій, а единственно личнымъ трудамъ такихъ людей, какъ Кетле, Энгель, Фарръ и друг. (у насъ Кеппенъ), сдѣлавшихъ изъ статистики исключительное призваніе своей жизни.

Къ законодательнымъ мѣрамъ по мѣстному управленію принадлежатъ нѣкоторыя перемѣны въ административныхъ учрежденіяхъ Восточной Сибири. Составъ и штаты полицейскихъ должностей этой области усилены (съ увеличеніемъ ежегодно ассигнуемой на нихъ по государственной росписи суммы, на 25,550 р.). Вмѣстѣ съ тѣмъ упразднены Казачье отдѣленіе Главнаго управленія Восточной Сибири и Временное управленіе по надзору за политическими ссыльными; дѣла, производившіяся въ этихъ учрежденіяхъ, переданы въ Штабъ Восточнаго Сибирскаго военнаго округа и въ раздѣленія главнаго управленія (Выс. утв. 11 ноября 1874 г. Мнѣніе Госуд. Совѣта).

Законъ, относящій къ кругу дѣйствій уѣздныхъ земскихъ учрежденій (ст. 64 и 90 Полож. о земск. учр.) разрѣшеніе на открытіе новыхъ торговъ и базаровъ, дополненъ въ томъ смыслѣ, что не только открытіе ихъ, но всѣ другія мѣстныя распоряженія до нихъ касающіяся подчинены вѣдомству упомянутыхъ учрежденій (Выс. утв. 17 Дек. 1874 г. М. Г. С.).

Упразднено особое управленіе по военной части при кутаисскомъ губернаторѣ (Выс. повел. 6 февраля 1875 г.). Штатъ губернскихъ гражданскихъ управленій сокращенъ на 100 унтеръофицеровъ (Выс. пов. 22 марта 1875 г.). Преобразованъ и усиленъ, на счетъ городскихъ средствъ, штатъ кіевской городской полиціи (Выс. утв. 25 февр. М. Г. С.).

Городовое положеніе 16 іюня 1870 г. распространено на города западнаго края съ тѣмъ, что оно примѣняется къ нимъ постепенно,

по ближайшимъ мѣстнымъ соображеніямъ, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Для этого примѣненія постановлены нѣкоторыя отступленія изъ упомянутаго положенія: городскіе головы, не только въ губернскихъ, но и въ уѣздныхъ городахъ утверждаются Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, если губернаторъ затруднится утвердить избранное лицо; въ исключительныхъ обстоятельствахъ, предоставлено Министру Внутреннихъ Дѣлъ испрашивать, черезъ Комитетъ Министровъ, Высочайшее разрѣшеніе на назначеніе городскихъ головъ отъ правительства. (Выс. утв. 25 апрѣля 1875 г. М. Г. С.). Нельзя не порадоваться постепенному распространенію реформъ нынѣшняго царствованія и льготъ самоуправленія на нашу западную окраину, изъятую сперва изъ нихъ вслѣдствіе своихъ искючительныхъ политическихъ обстоятельствъ. Послѣ подавленія враждебныхъ русскому государству иноплеменныхъ элементовъ этого края, наилучшимъ средствомъ сплоченія ихъ съ русскимъ государственнымъ строемъ можетъ быть распространеніе на нихъ, въ эпохи мира и спокойствія, общихъ гражданскихъ льготъ. Это самая здравая политика, ни сколько не препятствующая самой энергической, въ случаѣ надобности, борьбѣ съ противугосударственными движеніями. Сверхъ того, не должно забывать, что многочисленныя чисто русскія и неизмѣнно преданныя Россіи народонаселенія этого края несли ничѣмъ не заслуженную кару его исключительнаго положенія, послѣ польскаго мятежа. Относительно вышеизложенной мѣры нельзя не отмѣтить предоставленное закономъ право Министру Внутреннихъ Дѣлъ собственною личною властью примѣнять городовое положеніе то къ однимъ, то къ другимъ городамъ. Едва ли такое широкое право, каково право дарованія льготъ самоуправленія тѣмъ или другимъ мѣстностямъ, должно входить въ атрибуты личной административной власти, а не должно зависѣть отъ власти законодательной. Постоянное расширеніе власти административной на счетъ власти законодательной въ новѣйшее время и распространеніе круга безконтрольныхъ административныхъ распоряженій составляютъ явленіе нисколько не утѣшительное и несоотвѣтствующее современнымъ государственнымъ воззрѣніямъ.

Отдѣльное управленіе государственными имуществами Орловской губерніи упразднено и присоединено къ Курскому, получающему наименованіе Курско-орловскаго (Выс. пов. 21 апрѣля 1875 г.). Это распоряженіе есть продолженіе мѣръ, принятыхъ къ сокращенію всей административной организаціи по государственнымъ иму-

ществамъ, ожидающей еще дальнѣйшаго упрощенія и уменьшенія штатныхъ рисходовъ.

Земскія учрежденія продолжали распространяться на мѣстности, поставленныя въ отношеніи къ мѣстному управленію въ особое положеніе. Они были введены въ область войска Донскаго (Выс. утв. 1 іюня 1875 г. М. Г. С.). Относительно этой области состоялось нѣсколько другихъ постановленій, приближащихъ, согласно давно поставленной задачѣ, управленіе этой области къ общему порядку въ Имперіи. Такимъ образомъ, преобразованы штаты областнаго управленія (Выс. утв. 1 іюня 1875 г. М. Г. С.); мѣстные дворяне неказачьяго сословія получили право участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ и выборахъ (Выс. утв. 3 іюня 1875 г. М. Г. С.). Главное Кавказское управленіе нѣсколько преобразовано; учреждена новая должность Помощника Намѣстника Кавказскаго и Совѣтъ главнаго управленія подъ предсѣдательствомъ помощника намѣстника) переименованъ въ Совѣтъ Намѣстника (Выс. пов. 8 ноября 1875 г.).

Къ общему составу мѣстнаго нашего управленія принадлежитъ и сословное самоуправленіе дворянства. Въ 1875 г. сдѣлана существенная, хотя и прямо истекавшая изъ всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія, перемѣна въ опредѣленіи правъ дворянъ, на участіе въ дѣлахъ и постановленіяхъ дворянскихъ собраній. По дѣйствовавшему до того закону могли пользоваться правомъ этого участія только дворяне, получившіе чинъ XIV класса на дѣйствительной службѣ или имѣющіе россійскій орденъ, или служившіе по выборамъ дворянства; Выс. утв. 18 октября 1875 г. Мн. Гос. Совѣта сверхъ всего этого предоставлено тоже право и дворянамъ (безъ ордена и чина), окончившимъ курсъ наукъ въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи или служившимъ по выборамъ земскимъ и городскимъ въ новыхъ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія.

Въ средѣ дѣйствующаго въ *гражданскомъ правѣ* въ ожиданіи столь необходимаго изданія новаго кодекса (т. е., X Т. Св. Зак.), совершенно обветшалаго, должно отмѣтить слѣдующее узаконеніе, изданное въ 1875 г. Впредь до изданія новаго общаго закона объ опекахъ (такъ давно ожидаемаго) предоставлено разрѣшать наложеніе опекъ въ С.-Петербургѣ на расточителей изъ почетныхъ гражданъ, купцовъ и мѣщанъ совѣщательному присутствію, состоящему при Градоначальникѣ (съ участіемъ прокурора Окружнаго суда).

На постановленія этого присутствія допускаются жалобы Департаменту Сената (Выс. утв. 31 дек. М. Г. С.).

Изъ всего этого обозрѣнія нашего законодательства за 1875 г. можно вывести общее заключеніе, что движеніе его было не сильно въ этомъ году. Большая часть законодательныхъ постановленій не имѣетъ никакого общаго государственнаго значенія. За исключеніемъ международнаго почтоваго союза, который не принадлежитъ къ внутреннему законодательству, важнѣйшія узаконенія въ 1875 г. (какова судебная реформа въ привислянскомъ краѣ и дальнѣйшее развитіе устава о воинской повинности) были только примѣненіемъ общихъ началъ, провозглашенныхъ въ государственныхъ реформахъ предъидущихъ лѣтъ. Въ нашей государственной жизни какъ будто насталъ роздыхъ, обыкновенно слѣдующій въ нашей исторіи за періодами усиленной государственной дѣятельности.

Впрочемъ, въ 1875 г., уже зачались грозныя событія на Балканскомъ полуостровѣ и съ ними международныя замѣшательства, которыя, усложняясь все болѣе и болѣе, въ 1876 г., совсѣмъ отвлекли вниманіе и правительства и общества отъ внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ, съ конца 1876 г. (обозрѣніе законодательства этого года войдетъ въ слѣдующій IV томъ Сборника), уже стали замѣчаться послѣдствія, обыкновенно сопровождающія въ нашей государственной исторіи всѣ эпохи внѣшнихъ затрудненій. Съ приготовленіями къ войнѣ и съ перечетомъ нашихъ боевыхъ силъ, оживились въ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ воспоминанія обо всѣхъ еще недоконченныхъ, отложенныхъ и неразрѣшенныхъ вопросахъ нашей государственной жизни. И правительство и общество, утѣшаясь значительнымъ умноженіемъ нашихъ боевыхъ силъ (и военныхъ и финансовыхъ и народно-хозяйственныхъ), въ теченіи истекшихъ 20 лѣтъ, — какъ очевиднымъ результатомъ великихъ преобразованій нынѣшняго царствованія, — вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не ощутить и многихъ больныхъ мѣстъ въ нашемъ государственномъ и общественномъ бытѣ и многихъ пробѣловъ въ бывшей преобразовательной дѣятельности. Такъ всегда было въ нашей отечественной исторіи; Провидѣнію угодно, чтобы всѣ годины внѣшнихъ политическихъ затрудненій и горькихъ испытаній всегда насаждали обильные плоды на русской землѣ. Въ эту историческую судьбу нашего отечества мы должны продолжать крѣпко вѣрить посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ, какая бы ни готовилась для нихъ раз-

вязка. Россія выйдетъ изъ нихъ не только съ честью на международномъ поприщѣ государственной жизни, но также и съ новымъ возбужденіемъ своихъ историческихъ, національныхъ силъ, для успѣховъ своего внутренняго благосостоянія. Этому учитъ насъ вся наша исторія. Нѣтъ причины для унынія, когда нынѣшнія затрудненія ничтожны въ сравненіи со многими критическими эпохами, которыя были не только пережиты нашимъ народомъ, но и выдвигали его, всякій разъ, на путь историческаго прогресса. Будемъ уповать, что всякая, и мирная и кровавая, развязка нынѣшнихъ внѣшнихъ событій увѣнчается успѣхами въ нашей внутренней государственной жизни,—освѣживъ, во всякомъ случаѣ, бодрость нашего народнаго духа. Мечомъ или дипломатическими переговорами окажемъ мы помощь славянскимъ и христіанскимъ племенамъ Турціи къ освобожденію отъ гнета иноплеменной и иновѣрной азіятской власти,—мы все-таки выйдемъ изъ нынѣшняго кризиса, изъ этой трудной исторической борьбы противъ многочисленныхъ нашихъ враговъ, съ новымъ сознаніемъ всего того, что недоставало для этой борьбы въ нашихъ государственныхъ и общественныхъ силахъ. А это сознаніе есть первое условіе государственнаго могущества, — и внѣшняго и внутренняго, — для каждаго историческаго народа. Каковъ бы ни былъ дальнѣйшій ходъ нынѣшнихъ событій, надо надѣяться, что насъ впереди ожидаетъ болѣе оживленная и плодотворная законодательная эпоха.

31 января 1877 года.

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING